

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

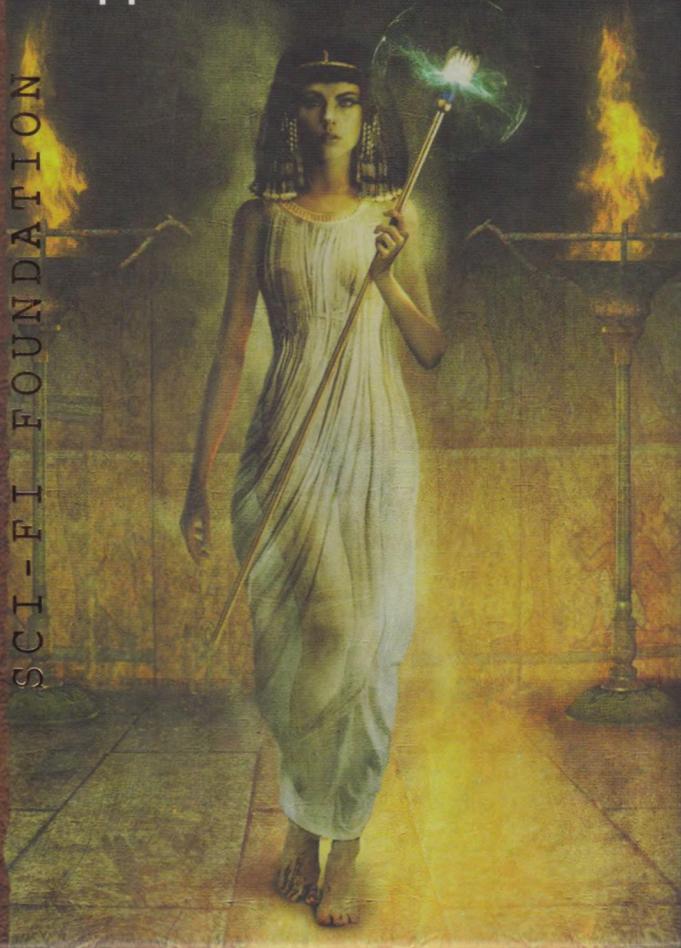
ДУХИ
ВРЕМЕНИ

Вся

НОРТОН

ДУХИ ВРЕМЕНИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОВЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ
КОЛДОВСКОЙ МИР
ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА
ГАРАН ВЕЧНЫЙ
НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР
ДУХИ ВРЕМЕНИ

ПЕГЕНЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

**ДУХИ
ВРЕМЕНИ**

ЖИЗНІ ФАНТАСТИКИ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

H82

Andre Norton

THE OPAL EYED FAN

Copyright © 1977 by Andre Norton

THE WHITE JADE FOX

Copyright © 1975 by Andre Norton

WHEEL OF STARS

Copyright © 1983 by Andre Norton

WRAITHS OF TIME

Copyright © 1976 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

H82 Духи времени / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 832 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-92952-8

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников. В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Звездное колесо», «Веер с глазами из опала» и впервые публикующийся на русском языке роман «Лиса из белого нефрита».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Д. Арсеньев, О. Колесников,
перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92952-8

**БЕЕР
С ГЛАЗАМИ
ИЗ ОПАЛА**

*Ирис, Милдред, Кей и Джейн,
которые помогли оживить Персис и ее время,
а также сотрудникам библиотеки Винтер Парк
за усердие и благожелательность.*

Предисловие

Остров Исчезнувшей Леди не существует в природе, и, создавая эту повесть, я объединила черты двух реально существующих островов и одного побережья, с их довольно пестрой историей.

На острове Синабел загадочный народ некогда построил город с каналами и мощными фундаментами — насыпями из раковин и утрамбованной земли, а также с дорогами из раковин. Считается, что этот народ истребили испанцы и ввезенные ими семинолы. На нем остались только следы цивилизации, каким-то образом связанной с культурой майя в Центральной Америке.

Второй остров, Каптива, двойник Синабел, как полагают, служил тюрьмой для женщин, захваченных в пиратских набегах конца XVII и начала XVIII веков.

А из легенд Индейского побережья — Индиан Ки — я взяла дом с потайным ходом через черепаший садок, хозяина, отказавшегося признать власть Ки-Уэста, и врача, первым начавшего разводить тропические плодовые деревья во Флориде. Массовое истребление индейцев в середине XIX века положило неожиданный конец этой маленькой империи: знаменитый дом, известный своей роскошью всему побережью, сгорел дотла. Плантация погрузилась в забвение, и ни разу не предпринималось попытки оживить и заново освоить ее.

Андрэ Нортон

Глава первая

В комнате царили сумерки и тишина. Где же ветер, страшный рев урагана, который поглотил весь мир, поднял на море водяные горы?

Персис Рук слегка повернула голову, хотя все еще не открывала глаз. Больше не чувствовалось мускусного запаха, который должен отгонять вонь застоявшейся в трюме воды. Наоборот, в воздухе витал слабый, но острый аромат. Сознание девушки казалось таким же безвольным, как и тело; боль от многочисленных ссадин и синяков заставила ее поморщиться, едва она попыталась переменить позу.

Она пошевелила руками. Нашупала мягкие простыни. Это сон? Уж больно не хотелось открывать глаза, чтобы обнаружить себя в тесной каюте корабля. Персис лежала неподвижно, благодарная за тишину, за такое приятное ощущение постельного белья, и пыталась вспомнить. Наконец она медленно приоткрыла веки.

Это... настоящая комната! Не душная каюта, в которую она едва втискивалась. Она лежит в настоящей постели... Она, должно быть, в доме, на суше!

Кровать окружала сетчатая занавеска, отчего комната в утреннем свете казалась неясной и туманной. Как некогда в детстве, Персис ущипнула себя за руку. Боль успокоила ее. Она не спит. Приподнявшись на широкой кровати, девушка осмотрелась. Голова у нее кружилась, но она стойко преодолевала тошноту.

Она должна вспомнить... Она была на «Стреле», когда корабль с треском налетел на риф. Потом...

Рекер!¹..

Персис покачала головой, хотя это и вызвало новый приступ головокружения. Она ощутила жар возвращающегося гнева. Этот... этот пират! Он появился прямо из бури возле нее — она цеплялась в это время за поручень, — прокричал ей что-то непонятное и понес ее, несмотря на вопли жертвы и попытки высвободиться, и сбросил вниз в маленькую шлюпку. Волосы девушки развевались на ветру, крики заглушал ветер. Она так разозлилась на это самоуправство, что почти перестала бояться. Но потом, в шлюпке...

Персис снова закрыла глаза. Очень странно. Ей казалось, что она никогда, никогда не забудет лицо этого пирата, то, что он обращался с ней, как с тюком ткани. Но что случилось потом — она ничего не помнила.

Дядя Огастин!

Что с дядей Огастином?

Персис, совершенно придя в себя, соскользнула с кровати и откинула в сторону сетчатую занавеску. Наконец проснулось и чувство долга. Она едва взглянула на комнату: свет пробивался в помещение сквозь окна, забранные прочными ставнями. Первым делом она должна найти дядю. Перед бурей он превратился в едва похожую на себя тень. Может быть...

Девушка беспокойно огляделась: нельзя просто выбежать из комнаты в одной лишь ночной рубашке. Тут она заметила, что на ней не одна из ее тонких рубашек: эта ей была велика и гораздо грубее. Где же ее собственная одежда?

Хорошо хоть ветер прекратился! Но пол под ее ногами по-прежнему качался, как палуба «Стрелы». Опираясь о край кровати, девушка направилась к ближайшему окну.

Открыть ставни было нелегко, хотя обычно пальцы у нее проворные. И вот Персис выглянула в спокойное утро. Вначале она не увидела ничего, кроме верхушек пальм. Потом, посмотрев вниз с широкого подоконника, она обнаружила,

¹ Английское слово *wrecker* означает человека, занимающегося грабежом судов, потерпевших кораблекрушение. В русском языке соответствующего слова нет. — *Прим. перев.*

что находится на втором этаже дома, который, в свою очередь, возведен на насыпи из... раковин? Неужели это простые морские ракушки? Как можно построить прочный дом на фундаменте из раковин?

Внизу блестела вода, а рядом расположилась пристань, на которой были нагромождены ящики, бочки и... да, ее собственный чемодан! И еще там сновали люди. Персис увидела, как три темнокожих человека провезли на тачке большой ящик к соседнему дому, от которого здесь была видна только часть крыши. Все трое носили короткие, до колен, брюки и заплатанные, поблекшие, в пятнах соли рубашки.

Рекеры, как и тот грубиян, появившийся на «Стреле».

Персис почувствовала отвращение и отчасти страх. Хотя дядя Огастин и говорил, что рекеры спасают людей и грузы, она вспомнила услышанный как-то в Нью-Йорке разговор об их жадности. Рассказывали о том, что некоторые капитаны стовариваются с людьми с побережья и нарочно сажают свои корабли на рифы. Несомненно, такие люди не очень далеко ушли от пиратов, которым раньше почти безраздельно принадлежали эти воды и у которых здесь имелось множество убежищ.

Но что все-таки случилось с дядей Огастином?

Постепенно становилось светлее, и Персис заметила на стуле у комода пеньюар. Схватив его, девушка мельком увидела свое отражение в зеркале на стене — в богатой оправе, предназначенной для роскошной гостиной, с позолоченной рамой, хотя позолота немного потускнела. Но сама зеркальная поверхность не пострадала.

Какое же жалкое зрелище она представляла собой!

Ни аккуратного узла волос на верху тщательно сделанной прически, ни старательно расположенных по бокам локонов, — просто масса спутанных волос. Она теперь походила на ужасную каргу, каких рисуют в иллюстрациях к романам миссис Радклиф¹.

¹ Анна Радклиф, популярная английская писательница конца XVIII — начала XIX веков, автор готических романов ужасов. — *Прим. перев.*

Персис не красавица, но она никогда не позволяла себе быть неаккуратной. И теперь собственное отражение вызвало у нее отвращение. Девушка вздрогнула, услышав стук в дверь, и сказала:

— Войдите! — И тут же с облегчением добавила: — Молли!

Подбежала и обняла вошедшую. При нормальных обстоятельствах Молли никогда не позволила бы подобную вольность. Потому что она была воспитана на идее совершенной служанки, как и саму Персис воспитывали на роль образцовой хозяйки дома дяди Огастина.

— Мисс Персис, вы простудитесь до смерти! — Молли высвободилась и вытащила из связки одежды, которую принесла с собой, легкую накидку. Набросила ее на плечи девушки. — Это настоящее чудо, что мы все не на дне морском.

— А где дядя Огастин?

— Не волнуйтесь, мисс Персис. Он устроился вполне уютно, как дитя в колыбели. Шубал покормил его супом, и дядя почти все съел. Добрый Господь благополучно привел нас на сушу, это большая милость...

— Но где мы?

— Это остров Исчезнувшей Леди. Так его здесь называют. А спали вы в комнате самого капитана Леверетта. Это его дом.

— А кто такой капитан Леверетт? — У Персис заболела голова. Если верный Шубал сейчас рядом с дядей Огастином, о нем можно не беспокоиться. Спокойствие Молли возымело свое действие: служанка вела себя так, словно для Персис Рук, уважаемой леди, нет ничего естественнее, чем проснуться в постели неизвестного капитана, причем она даже не помнит, как попала в его дом.

— Он нас спас. Это он посадил вас в шлюпку, а его люди доставили на берег. Разве вы не помните, мисс Персис?

Пират! Да, она его хорошо помнит! Персис стиснула зубы. И вряд ли сможет когда-нибудь забыть. Молли может говорить о спасении, но Персис не позволит, чтобы с ней так обращались.

— «Стрела» налетела на опасный риф, — продолжала Молли. — Но капитан Леверетт считает, что корабль удастся снять, когда его облежат. Всю ночь с него вывозили грузы.

— Рекеры! — Персис фыркнула.

— Мы были рады их увидеть, мисс Персис. Эти рекеры спасают не только корабли, но и жизни. А капитан Леверетт, он настоящий джентльмен. Приказал вызвать врача к мистери Огастину. Тут есть настоящий врач, хотя пациентов у него немного. Он больше интересуется растениями. Так говорит миссис Прайор. Но не забывает о том, как лечить, если нужно. Он сказал, что мистер Огастин испытал сильный шок, и купание в бурю тоже не улучшило его положения. Он и вас осмотрел, мисс Персис. Кажется, вы ударились головой, когда упали в лодку. Но он сказал, что это не страшно. После сна пройдет.

— Я... — Персис нетерпеливо потянула спутавшиеся волосы. Последние несколько дней прошли словно в дурном сне. Сначала ужасная морская болезнь, которая заставила ее все время проводить в каюте, потом эта страшная буря... и наконец крушение...

— С вами все будет в порядке, мисс Персис. А мисс Лидия, сестра капитана, поделилась с вами своей одеждой. Пойду принесу ее. А то ваше платье совсем испорчено. Но сначала... — Молли вышла и вернулась с подносом, на котором стояла чашка, накрытая блюдцем, и рядом лежала серебряная ложка.

— У них здесь очень хорошая кухарка, — провозгласила служанка. В голосе ее прозвучало глубокое удовлетворение, потому что Молли и кухарка дяди Огастина были старыми врагами; причем Персис подозревала, что вражда доставляет им обоим немало удовольствия. — Настоящий бульон. Выпейте, мисс Персис, и вам станет гораздо лучше. Вы выглядите уставшей.

Персис отвела глаза от зеркала. «Уставшая» — самое мягкое выражение для описания ее внешности.

— Я ужасно выгляжу, — согласилась она, беря ложку. Бу-

льон пах замечательно, и впервые за много дней девушка ощутила настоящий голод.

— Там мой чемодан, — показала она на окно. — Можешь принести его? Я бы предпочла носить свою одежду.

Эти платья ее очень волновали. Дядя Огастин так неожиданно решил отправиться на Багамские острова, где всегда тепло, и тяжелый шелк и шерсть, какие носят в Нью-Йорке, там не поносишь. Осенью же, как оказалось, весьма трудно добыть муслин и легкий шелк. Содержимое этого чемодана стоило больших усилий и затрат времени. К тому же приходилось осторожно подходить к ценам, потому что после катастрофического пожара пять лет назад, когда половина города погибла в огне, дела дяди Огастина пришли в упадок.

— Там все вещи нуждаются в стирке и починке, — объявила Молли. — Пока вы их носить не сможете. — Она оценивающе взглянула на свою госпожу. — Мисс Лидия полнее в талии, несмотря на все кружева, но совсем немного...

Персис вздохнула: сейчас предстоит выслушать обычные сетования Молли на ее худобу.

— Я знаю, что худа, как рельс. Но я всегда такая, Молли, сколько бы ни ела. Ну хорошо. Ясно, что мне придется что-то надевать, и так как мисс Леверетт настолько добра, я с благодарностью приму ее предложение.

На самом-то деле она не была благодарна. Ей не хотелось носить чужую одежду. Казалось бы, ничтожная неприятность: ведь нужно быть благодарной за спасение. Но в одном она была уверена: чтобы снова отправиться в море (если «Стрелу» залатают, и они смогут продолжить путь), потребуются все ее мужество. Однако два часа спустя она уже примирилась с собой и со всем миром. Стройная черная девушка принесла ведра с горячей водой, и Молли отмыла волосы Персис от соли, просушила их и расчесала. Персис надела муслиновое платье, гораздо более роскошное и дорогое, чем одежда из ее собственного чемодана. В сущности, она теперь была одета для официального чаепития.

Модные рукава платья лимонного цвета (который хорошо подходил к ее каштановым волосам и желтовато-бледной коже) плотно облегли руки от плеча до локтя, а потом расширялись облаком кружев. Широкий воротник тоже был обшит тонкими, как паутина, кружевами. А на вырезе воротника красовался бант. К платью прилагался передник из кисеи с отделанными рюшами краями.

Молли искусно зачесала Персис волосы, старательно уложила локоны, хотя в этом влажном климате они скорее напоминали развевающиеся космы, чем правильные кольца. И все же Персис взглянула в зеркало не более уверенно, чем раньше. Все эти кружева ей не шли. Слишком уж у нее худое лицо и слишком острый нос с горбинкой. Она выглядела как школьная учительница.

— Как дядя Огастин? — Ее снова потревожило сознание долга.

— Он еще спит, мисс Персис. Шубал сидит рядом с ним, если ему что-то понадобится. Но вы можете на него взглянуть.

Молли открыла дверь комнаты и указала на другую дверь, напротив.

— Мисс Лидия и миссис Прайор внизу, на веранде. Спуститесь по лестнице, а потом прямо...

Персис кивнула и тихо постучала в дверь дяди. Выглянул Шубал. Его седые бакенбарды топорщились вокруг худого лица. Он пропустил девушку, но предупреждающе прижал палец к губам.

Здесь тоже стояла большая кровать под балдахином из сетки. На фоне подушек, поддерживающих голову и плечи (после болезни дяде приходилось спать почти вертикально), лицо старика казалось совсем бледным. Редкие волосы торчали хохолком, как у птиц, которых иногда привозят моряки. Рот был открыт и расслаблен. Дышал дядя поверхностно и часто. Глаза его были закрыты.

А ведь именно эти глаза делали дядю Огастина таким живым. Вопросительное выражение ярких голубых глаз — пер-

вое, что отметила Персис, когда дядя привез ее к себе, завершив многолетние скитания по чужим странам. Почему-то она никогда не считала его стариком, хотя он являлся старшим членом семьи, а ее отец был намного моложе брата. Девушка смотрела на это худое усталое лицо, на закрытые глаза, и внезапно ее охватил страх. Она не могла представить себе будущего, в котором нет дяди Огастина, его суховатого юмора, его острого разума, всегда полного любопытства. Впрочем, он всегда держался довольно отчужденно, и ее привязанность к нему в основном была вызвана благодарностью и чувством долга, но не любовью.

Много ли людей его возраста приняли бы осиротевшую восьмилетнюю племянницу к себе в дом? Он заботился о ней, но всегда держался на расстоянии, окружив себя барьером, который Персис так и не смогла преодолеть.

Впрочем, ее положение немногим отличалось от жизни Салли Мэдисон или Кэролайн Бриггс, которые вместе с ней учились в академии мисс Пикетт для юных леди и стали ее ближайшими подругами. Потому что Салли и Кэролайн побаивались своих отцов и вообще со страхом относились к представителям старшего поколения.

А дядя Огастин, хоть и держался на расстоянии, всегда был рядом. Конечно, он не делился с племянницей своими делами. И она была очень удивлена, когда он впервые сообщил ей о своем решении отплыть на Багамские острова. Хотя девушка и так догадывалась, что после пожара дела «Рук и Компани» идут неважно. Именно тревога из-за состояния дел и вызвала его первый припадок.

Дядя, казалось, вполне оправился после болезни. Потом объявил, что путешествие в теплые страны необходимо ему для поправки здоровья. Но Персис подозревала, что его беспокоит не здоровье, а состояние дел фирмы. Мистер Хог, юрист, так часто в последнее время приходил к ним.

А потом поиски на чердаке, поиски какого-то сундучка. Когда его нашли, в нем оказалась только связка старых писем. Но дядя Огастин чрезвычайно обрадовался, увидев их.

Шубал коснулся руки девушки и показал на дверь. Она кивнула и вышла, слуга за ней. Он всегда был молчалив, как и сам дядя Огастин, но сейчас его губы дрожали, и он все время оглядывался, что еще больше встревожило Персис.

— Он... он плохо выглядит, — сказала она.

— Слава богу, что не умер! — Голос Шубала дрожал. — Сердце... доктор боится за него... я знаю. Хотя мне он ничего не сказал. Вы должны поговорить с ним, мисс Персис. Может, вам он скажет правду.

— Я поговорю.

Да, им нужна правда. Врач, возможно, лучший на острове. Но в Ки-Уэсте, конечно, есть еще лучше. Далеко ли они от этого порта? Можно ли отвезти туда дядю Огастина? Или пригласить врача сюда? Персис вздрогнула, вспомнив бурю. Снова отправиться в море...

— Спасибо, мисс.

Рука Шубала, которой он коснулся дверной ручки, дрожала. Он был очень привязан к дяде Огастину, они столько лет прожили вместе. И эта его заботливость заставила девушку почувствовать себя виноватой. Ведь дядя так много ей дал. Все, подсказала какая-то частица сознания, все, кроме самого себя.

— Мисс Рук...

Вздрогнув, Персис взглянула на лестницу. Наверху стояла женщина такого же плотного телосложения, как Молли, но элегантно одетая в серый муслин. Шляпа с лентами на высокой прическе сидела так, как было модно в прежние времена. Но стиль шляпки лучше современных модных подходит к ее круглому цветущему лицу. Женщина имела вид человека, привыкшего приказывать.

— Я миссис Прайор.

Вероятно, экономка, но не прислуга, даже из числа «старших», решила Персис.

Она присела, как перед матерью своей подруги.

— Пожалуйста, скажите, как мой дядя? — Если с кем-то врач в этом доме и поделился, то, конечно, с этой весьма компетентной миссис Прайор.

Несколько мгновений женщина оценивающе смотрела на девушку, потом ответила:

— Он старый человек, и здоровье у него не в лучшем состоянии. Буря и кораблекрушение — все это плохо сказалось на нем. Но я видела много неожиданных выздоровлений. Человек не умирает, пока не придет его время, а он борется... — Слова ее звучали совсем не утешительно.

— Врач... он... — Персис не знала, как задать интересующий ее вопрос.

— Доктор Виринг — очень хороший врач. У него слабые легкие, и поэтому он еще молодым человеком прожил несколько лет в Панаме. Потом приехал сюда и начал экспериментировать с растениями. Он хочет посмотреть, какие тропические растения могут вырасти так далеко на севере. Капитан Леверетт заинтересовался его проектом и отдал ему островок Верде Ки в качестве сада. Но живет доктор на острове Исчезнувшей Леди, так что нам всем очень повезло. Поверьте, он хорошо знает свое ремесло.

— Спасибо... — Персис была слегка угнетена. Непокоримое достоинство миссис Прайор действовало на нее так же подавляюще, как и в академии мисс Пикетт. Она превращалась в школьницу. И такое положение ей не нравилось.

— А теперь, моя дорогая мисс Рук... — Домоправительница говорила так же решительно и властно, как мисс Пикетт, когда та собиралась приказать что-то делать «ради собственного блага». — Почему бы вам не спуститься на веранду. Там готова еда. А так как буря кончилась, на веранде гораздо приятней.

Внутренняя реакция Персис была такой же, как на приказы мисс Пикетт, то есть хотелось поступить наоборот. Но это глупая ребячливость. И она пошла на веранду.

Короткая прогулка по первому этажу, к удивлению Персис, показала ей, что такой дом вполне мог бы располагаться

в лучшем районе Нью-Йорка. Богатая мебелировка, великолепные толстые ковры. Награбленное во время кораблекрушений, с отвращением думала Персис, хотя не могла сдерживать любопытства.

Ее познания о том, что происходит на этих островах (владельцы кораблей, с которыми был знаком ее дядя, откровенно называли их жителей пиратами), основывались на разговорах с дядей. То, что она увидела, ей не понравилось. Конечно, рекер должен иметь правительственную лицензию, он имеет право на вознаграждение за спасение судна и по закону получает часть груза. Но остается фактом, что он живет на несчастьях других — и неплохо живет, судя по обстановке этого дома.

Но теперь, по крайней мере, рекеры здесь действуют по американским законам, а багамцам (о которых ходят довольно темные слухи) доступ в эти воды запрещен. Но и об этих говорят, что они заманивают корабли на рифы, подвергая их опасности.

Персис вышла на веранду и остановилась. Она совершенно забыла о насыпи, на которой стоит дом и которую она видела из окна сверху. И теперь ей показалось, что она на вершине холма, с которого видно море зеленой растительности и белые усыпанные ракушками пески пляжей.

У стола стояли несколько тростниковых стульев, стол был накрыт сетчатой скатертью, похожей на занавеси кроватей. За столом сидела молоденькая девушка и смотрела на Персис с выражением, близким к откровенной грубости.

В тщательно причесанные волосы девушки, цвета очень светлого золота, были вплетены цветы. Все тело искусно защищено от жгучего солнца юга. Темные брови и ресницы придавали яркость и привлекательность чертам лица, которое Персис нашла несколько дерзким. На щеках у нее почти не было краски, но маленький рот с выступающей нижней губой влажно краснел, как будто она недавно съела конфету с корицей.

Девушка улыбнулась, чуть склонила украшенную цветами голову, глаза ее под опахалом темных ресниц сузились.

— Мне это платье никогда не нравилось. Вам цвет явно подходит больше, чем мне. — Открытое признание было сделано тоном, который позволяет предполагать, что муслиновые платья лимонного цвета — самое обычное дело.

— Я должна поблагодарить вас за это платье, — ответила Персис чуть резковато. Стоило последить за языком. Но с самого первого знакомства мисс Лидия Леверетт ей не понравилась. А на нее не похоже сразу ощущать неприязнь к кому-то.

— Добро пожаловать на Исчезнувшую Леди, — Лидия указала на стул напротив себя. — Ну, по крайней мере, буря кончилась. Если сядете сюда, окажетесь спиной к морю. Несомненно, вы на него уже насмотрелись.

Что-то в явном пренебрежении мисс Леверетт ко всем общественным условиям и тонкостям заставило Персис насторожиться.

— Такое странное название — Исчезнувшая Леди, — она ухватилась за первую же тему для разговора. Говорить о крушении ей не хотелось.

— Нет, если знать нашу историю. Была леди, и она исчезла. Пропала. Теперь она наш призрак. Будьте осторожны. Говорят, она приносит несчастье туземцам, которые с ней встречаются... Сто лет назад здесь стояла пиратская крепость. Основание этого дома — часть форта, построенного Джеком Сатиновая Рубашка. Но еще до этого здесь была насыпь, сделанная Древними. — Лидия помолчала и странно взглянула на гостью. — Островитяне рассказывают о них страшные истории — о крови и жертвоприношениях. Эти Древние были гигантами, и их стрелы пробивали латы испанцев. Но в конце концов испанцы их всех перебили. Кроме грязной старой ведьмы Аскры, если она действительно из их числа. Бог видит, она такая старая, что это вполне может быть правдой. Потом пираты под командованием Джека напали на испанцев и, в свою очередь, перебили все население острова — кроме этой самой леди. Она была женой коменданта и дочерью какого-то знатного человека, и Джек

взял ее себе в качестве своей доли добычи. А потом его нашли мертвым, а она исчезла... Потом опять вернулись испанцы, и так и продолжалось... Я вас напугала, мисс Рук, всеми этими кровавыми сказками? У нас просто должны быть призраки. Ведь тут столько всякого происходило. А островитяне клянутся, что призраки существуют.

Персис улыбнулась. Если Лидия считает, что эти детские сказки ее запугают, она не очень высокого мнения об уме гостыи.

— О многих старинных местах сложены такие истории, — сдержанно ответила она. — Даже в Нью-Йорке.

— Нью-Йорк! — Лидия выпрямилась. — Как бы я хотела вернуться в Нью-Йорк! Вообще отправиться куда угодно, подальше отсюда! — Она резко встала и подошла к перилам веранды, хмуро глядя на зелень Исчезнувшей Леди.

Глава вторая

— Значит, вы бывали в Нью-Йорке? — Персис несколько нетерпеливо взглянула на хозяйку, она была голодна, но невежливо начинать есть без приглашения.

Широкая юбка Лидии зашуршала при резком повороте.

— Я — в Нью-Йорке? — Она сердито рассмеялась. — Я училась в школе в Чарлстауне и в Ки-Уэсте, и это все — с тех пор, как Крю решил поселиться здесь. Но родилась я в Нью-Йорке. Хотя и не помню этого.

Она вернулась к столу и нетерпеливо дернула за сетку. Этот жест соответствовал ее резкому тону.

— Быть заключенной здесь — от этого одного можно увидеть любых призраков. Когда скучаешь, в голову приходят самые странные фантазии.

Она съела всего лишь кусок хлеба с джемом. Зато Персис с аппетитом проглотила печенье, незнакомые фрукты и ветчину, нарезанную очень тонко и очень вкусную. На десерт подали заварной крем с непривычным вкусом. Он Персис тоже очень понравился.

Лидия поставила руки на стол, оперлась на них подбородком и устремила взгляд на Персис.

— Расскажите мне о Нью-Йорке, — приказала она.

Но едва Персис заговорила, как ее прервал резкий лающий звук. Лидия мгновенно вскочила на ноги и направилась ко входу в дом.

— Заметили корабль... — Она сообщила только это и исчезла.

Заразившись возбуждением хозяйки, Персис последовала за ней. Лидия уже поднималась по лестнице, придерживая юбку обеими руками, чтобы быстрее идти.

Они поднялись по трем пролетам — третий оказался очень узким и крутым — и вышли на плоскую крышу, огражденную перилами. Из ящика, укрепленного у перил, Лидия достала подзорную трубу. И, прикрыв один глаз, посмотрела на море.

— Он все-таки посмел! — Голос ее возбужденно звенел. — Это «Удача бури»! — Лидия улыбалась. — О, Крю придет в ярость! Не могу дождаться, чтобы взглянуть на его лицо, когда он увидит ее здесь.

— Это корабль вашего брата? — удивилась Персис.

— Нет. Его корабль называется «Непревзойденный». А это корабль Ральфа. Ральфа Гриллона. Он с Багамских островов.

— Но я считала, — Персис заслонила глаза, но без подзорной трубы видела только какую-то тень, — что рекеры с Багам не заходят в эти воды...

Лидия нетерпеливо фыркнула:

— Море не разгорожено, как поле. И багамцы тут плавали задолго до нас. У них есть свои права, хотя такие люди, как Крю, слишком властны, чтобы признавать это. Ральф водит «Удачу бури» куда захочет. А если какой-нибудь катер из Ки-Уэста и привяжется, он увидит только корму. К тому же, — улыбка ее стала одновременно радостной и хитрой, — у Ральфа имеется особая причина появляться здесь, — и не предложив Персис подзорную трубу, она положила ее назад в ящик.

— Но даже он не может сделать ветер сильнее, — чуть погодя продолжила Лидия. — Пройдет несколько часов, прежде

чем... — тут она замолчала, глядя уже не на море, а на то, что находилось непосредственно перед домом. Улыбка ее исчезла, сменившись мрачным выражением.

Персис проследила за ее взглядом. Насыпь, на которой был воздвигнут дом, соединялась полоской земли — дамбой — с причалом, но у ее основания плескалась вода и узкий канал вел прямо в море. Выход из канала находился у самой пристани, по-прежнему загроможденной ящиками и бочонками.

По каналу от пристани двигалась небольшая лодка с двумя гребцами, и Лидия смотрела именно на нее. Сжав кулак, она ударила им по перилам.

— Джонни Мэйсон! — Она словно выплюнула это имя. — Услышал сигнал раковины и отправился к Крю. Вечно он вмешивается! — Она пожала плечами. — Ну и пусть. Ему это не поможет. Крю тоже.

Лидия устремилась к лестнице. Персис спускалась осторожно, решив, что Лидия погружена в свои мысли и забыла о ней. Но в верхнем коридоре хозяйка остановилась и оглянулась.

Выражение недовольства, пусть и слабое, исчезло. Улыбка больше не казалась ни сердитой, ни хитрой.

— Вы спрашивали об Исчезнувшей Леди, — к замешательству Персис, она совершенно оставила тему «Удачи бури» и ее капитана. — У меня есть время показать вам веер — веер призрака.

Она взяла Персис за руки, словно они близкие и лучшие подруги — Персис несколько встревожилась такой быстрой сменой настроения, — и отвела гостью в спальню на втором этаже у самой лестницы.

— Сьюки, — нетерпеливо обратилась Лидия к чернокожей девушке, которая складывала белье в ящики прекрасного резного комода, — оставь это. Скажи Мам Роз, что у нас на ужине будет гость, особый гость. Нам понадобится наполеоновский фарфор и лучшее столовое серебро. Иди!

— Да, мэм, — и Сьюки исчезла, оставив комнату в беспорядке. Персис решила, что этот беспорядок — дело рук Лидии. Хозяйка рылась в старинном морском сундуке, говоря:

— Ни один островитянин не притронется к этой вещи. Они считают, что она приносит несчастье. Крю нашел это, — она пнула сундук носком туфли, — в песке под скалой. Все, что осталось от старого пиратского форта. Я упросила его отдать сундук мне. Сьюки и остальные знают, что он у меня. Они считают, что я могу напустить на них несчастья. Поэтому всегда делают, что я велю. Полезная штука. А, вот он!

Она подошла к окну, неся в руках деревянную шкатулку. Достала из нее веер, расправила и подставила под солнечный луч.

Персис приходилось видеть изящные веера из слоновой кости, которые иногда продают китайские купцы. И веера из сандалового дерева, которыми пользуются летом. Считается, что аромат дерева позволяет легче переносить жару. Этот же веер был похож и в то же время не похож на другие. Черные дощечки, стянутые лентой, прятались под более плотными дощечками-крышками, на которых были вырезаны изображения кошек с глазами из блестящих темно-синих камней. А внутри девушка увидела опять-таки кошек, охотящихся в траве, спящих, сидящих.

— Эти камни называются черными опалами, — Лидия указала на глаза-камни. — Так сказал Крю в Ки-Уэсте один ювелир. Он считает, что им двести-триста лет, но не знает, где именно сделан веер: в Китае или в Италии. Он волшебный. Говорят, с его помощью Исчезнувшая Леди убила Джека Сатиновую Рубашку, потом просто взмахнула веером, и ее не стало. — Лидия рассмеялась. — Давайте, потрогайте его. Эти кошки не кусаются и не царапаются. Мне они ничего не сделали.

Персис неохотно протянула руку. Веер был довольно необычный, хотя и прекрасный. Девушка не верила в то, что он может принести несчастье, но все равно ее охватило какое-то

странное ощущение. Персис принялась разглядывать кошек. Они — она искала нужное слово — выглядели как-то неестественно. Но, раскрыв веер полностью, девушка почувствовала, словно кошки оценивающе смотрят на нее. Быстро закрыла веер и вернула Лидии.

— Очень необычная вещь, — сказала она. Персис видела, что Лидия внимательно наблюдает за ней. Может, желая убедиться, что она так же суеверна, как и островитяне.

— Да. — Лидия положила веер назад в шкатулку, а ту уложила в сундук, не делая попыток подобрать вещи, которые разбросала во время поисков. — Но самое странное, что, хотя веер всегда здесь, призрак держит его в руках. Мне кажется забавной мысль о призрачном веере. А теперь я должна найти миссис Прайор. Если я уговорю ее, она даст нам хорошего вина... Идемте со мной, если хотите.

Персис покачала головой:

— Я должна заглянуть к дяде. Спасибо.

Когда она постучала в дверь, Шубал сразу открыл, словно с тревогой ждал ее появления.

— Мисс Персис, пожалуйста... Хозяин не спит. Он спрашивал вас.

Надо было прийти раньше. Почему она позволила Лидии помешать исполнению ее долга? Персис торопливо подошла к кровати. Странно было смотреть сверху вниз в эти широко расставленные глаза. Даже в старости дядя Огастин оставался очень высоким и держался очень прямо.

— Я здесь, сэр. Простите, что не пришла раньше...

Он с большим усилием поднял руку.

— Не важно... — Голос его, хоть и хриплый, сохранил прежнюю вежливую отчужденность.

— Я должен кое-что объяснить тебе, Персис, — он говорил с паузами и тяжело дыша. Персис с тревогой прислушивалась к его дыханию. — Мы всегда тщеславимся своей силой и не думаем о слабости. Я... Вероятно, я допустил ошибку, предприняв это путешествие. Серьезную ошибку. Но, оглядываясь назад, не вижу возможности поступить иначе... Ты

знаешь, что неудачи «Рук и Компани» сильно подорвали наше состояние. Я мог бы восстановить эти потери, но время стало моим врагом. Я слишком стар, а это признавать нелегко.

Его прямой взгляд требовал, чтобы она не проявляла никакого сочувствия.

— Три месяца назад... — он остановился и закашлялся; Шубал едва не оттолкнул Персис, но больной поднял руку и жестом отстранил слугу, — ... я получил важное сообщение. Как и во всех семьях, у нас есть свои тайны. Ты, несомненно, никогда не слышала об Амосе Руке, — тут он не стал ждать ответа. — У моего отца был младший брат Амос. В дни нашей революции он дружил с молодыми английскими офицерами, которые служили в армии, оккупировавшей Нью-Йорк. Другими словами, он провозгласил себя «лоялистом»¹. Когда английская армия вынуждена была эвакуироваться, он собрал значительную сумму, в том числе и из денег, украденных у своих сограждан. И с этими деньгами отправился в Вест-Индию. Но часть этих денег не была получена нечестными путями. Их ему доверила его овдовевшая мать. Эти деньги она предназначала в качестве приданого сестре Амоса, а также для себя в старости. Убегая из Нью-Йорка, Амос не представил никакого отчета по этим средствам. Мой отец, а позже я и мой брат Джулиан содержали нашу бабушку. Мы узнали, что Амос обосновался на Багамских островах и построил там два корабля для поисков потерпевших крушение. Со временем он женился на вдове, и у него родился сын. Но этот сын пропал в море. Поэтому у Амоса законных наследников не было. Умирая, он оставил свое состояние вдове, женщине благоразумной и бережливой. Она, а также несколько других женщин на островах получили доли в его кораблях. Но его вдова оказалась также женщиной честной. Разбирая дела покойного мужа, она наткнулась на письма моей бабушки, в которых та просила Амоса вернуть деньги. Кстати, на

¹ Лоялистами называли американцев, которые не поддерживали отделение Соединенных Штатов от Англии. — *Прим. перев.*

эти письма он так и не ответил. Вдова немедленно написала в Нью-Йорк и предложила выплатить нужную сумму. В то время я был по делам в Лондоне, и со мной не связались. Мой брат Джулиан, бабушка и тетя Элеанор умерли в течение двух недель от желтой лихорадки, которая тяжело ударила тем летом по стране. Меня вызвали домой, но письмо шло долго, и только через несколько месяцев я узнал о письме вдовы Амоса. Однако в то время я был слишком занят делами своей компании, и, поскольку долг относился к бабушке, я письменно поблагодарил миссис Рук и сообщил, что считаю долг погашенным, так как все, кого он касался, умерли. И больше много лет об этом не вспоминал. Но незадолго до пожара, который так существенно сказался на нашем состоянии, я получил письмо от поверенного миссис Рук на островах. В письме сообщалось, что миссис Рук, дожившая до преклонного возраста, недавно умерла. Она оставила большое состояние, которое в завещании разделила в равных долях между потомками моей бабушки и благотворительными фондами. Сумма наследства оказалась очень значительной. Тогда я собрал все письма и документы, относящиеся к этому случаю... — старик жестом указал на прикроватный столик. Там лежал небольшой, закрытый на замок, портфель. — Документы доказывают законность наших притязаний.

Лицо его посерело, хотя говорил он по-прежнему отчетливо, как всегда, делая паузы между словами. Но вот он замолчал, и Шубал протиснулся мимо девушки и поднес к посиневшим губам хозяина стакан. Дядя Огастин отпил, потом медленно снова поднял голову. Он не отрывал взгляда от Персис. В глазах его горела яростная решимость, которая меняла выражение осунувшегося лица.

— Ты... — Частые поверхностные вздохи прерывали его речь. — Ты должна все это запомнить!

— Запомню, дядя Огастин.

Глаза его закрылись, и Шубал молча жестом попросил ее отойти. Слуга проводил девушку до двери, как будто хотел

убедиться, что она ушла. Но внимание его было устремлено к человеку в постели.

Персис вернулась в свою комнату по другую сторону коридора. Итак, у этого путешествия на острова имелась реальная причина, а не просто поиск здоровья, которое дяде Огастину не суждено больше найти. Девушка остановилась у окна, которое выходило на пристань.

Ящики и тюки по-прежнему горой лежали на помосте, но людей не было видно. Наверное, склады переполнились. Мимо пролетела птица с ярким оперением и хриплым криком; она затерялась в роскошной зелени, окружающей бассейн и канал. Зато пятно в море, которое Лидия назвала «Удачей бури», приобрело более четкие очертания.

Но ближе по каналу двигалось другое судно. Не шлюпка с корабля, а узкое каноэ, выдолбленное из одного большого ствола. В каноэ сидел одинокий гребец. Несмотря на все его усилия, суденышко слишком медленно приближалось к маленькой пристани, возле которой стоял дом. Ухватившись здесь за сваю, гребец — теперь стало ясно видно, что это женщина, — поднялся вверх, выпрямился и привязал веревкой свою странную лодку.

Вокруг ног женщины болталась юбка из выделанной шкуры, голову покрывала широкополая шляпа из какого-то тростника или соломы, так что Персис сверху не могла заглянуть в лицо незнакомки. Женщина подняла завернутый в шкуру сверток и, держа его у костлявого бедра, двинулась к дому. Она поднялась по еле заметным ступеням и исчезла за наружной стеной.

* * *

Каноэ лениво покачивалось у сваи. У рифа бросал якорь корабль, который привел Лидию в такое возбуждение. На большой пристани собрались люди, наблюдая за ним. Что-то в их поведении говорило, что они не очень приветствуют появление этого корабля. Словно наоборот, обсуждают средства обороны от вторжения.

Персис вспомнила рассказы о том, что рекеры с Багам и местные не так давно были заклятыми врагами. И сейчас еще намекают на тайные бои, которые ведутся далеко в нейтральных водах, без свидетелей.

Хотя теперь границы установлены законом и многие багамцы, чтобы не потерять средства к существованию, переселились на острова Ки, старая вражда и ненависть все еще тлеют под поверхностью. Лидия, несомненно, намекала на то, что капитан Леверетт недолюбливает хозяина корабля, который сейчас бросал якорь в его владениях.

Персис отошла от окна. Лидия казалась очень уверенной в себе. Она явно собиралась принять этого капитана Ральфа Гриллона как почетного гостя. Но воспоминание о последних минутах на палубе «Стрелы», когда хозяин острова бросил ее в шлюпку как тюк товара, заставило Персис удивиться вызывающему поведению девушки. У нее самой сложилось представление, что с капитаном Левереттом следует считаться.

Итак, впереди, вероятно, собираются грозовые тучи несколько другого вида. Но это не ее дело. Гораздо важнее прибытия этого корабля — которое не имело к ней отношения — был рассказ дяди Огастина.

Старикан, должно быть, — дыхание у Персис перехватило, — почувствовал себя очень плохо. Он, который всегда был так уверен в себе, всегда был хозяином своей судьбы, да и ее тоже, он должен был испытывать крайнюю необходимость, чтобы пуститься в далекий путь и потребовать деньги у незнакомых людей. А теперь он рассказал об этом и ей. Состояние, связанное с бесчестным поведением. Дядя Огастин всегда был истинно благородным человеком. Значит, он совсем разорен?

Неприятные мысли прервал стук в дверь. Персис отодвинула засов и увидела Молли, а за ней двух островитян с ее чемоданом. Молли взмахом руки отослала их, ее круглое лицо сердито хмурилось. После того как пришедшие с ней опустили ношу и вышли, служанка фыркнула:

— Плату требуют! — Она захлопнула дверь. — Смеют говорить о плате!

— Какую плату?

Уперев руки в бедра, с раскрасневшимся лицом, Молли посмотрела на девушку.

— Кажется, те, кого спасают эти морские паразиты, должны платить за то, что им не дали утонуть! Никогда не слышала таких нехристианских слов! Мой отец был одним из тех, кто плавал в лодках на помощь, когда у мыса Доброй Надежды корабли садились на рифы. И не было никакого разговора о плате, клянусь в этом!

Персис тоже ощутила негодование. Эти рекеры! Они спасают корабль или хотя бы его груз, а потом берут с капитана деньгами или частью спасенных товаров. Естественно, что спасенные пассажиры тоже должны заплатить рекерам. Но она была совершенно согласна с гневными словами Молли.

— Они назвали сумму? — Она все-таки пыталась сдержать гнев. Дядю Огастина не следовало тревожить еще и этим. Но Персис не знала, что ей делать. Разве что попросить капитана Леверетта подождать с оплатой. Чем больше она думала об этой системе, тем более сильный гнев испытывала.

— Я не спрашивала, — ответила Молли. — Просто велела им принести сюда ваш чемодан. Может, там внутри все попорчено водой. Там ходит огромный ирландец, он боцман на пристани. Так он сказал, что чемодан нельзя брать, потому что это часть груза. Ну, я ему сказала все, что думаю! Груз, как же! И об этой плате у меня есть что сказать. Они это не скоро забудут. Я им заявила, что хозяин болен и не сможет говорить об оплате. А вас нельзя беспокоить подобными глупостями. Не думаю, — с ноткой удовлетворения закончила Молли, — что мы еще об этом услышим. Не от этого ирландца.

Итак, они на самом деле не гости, подумала Персис. Несмотря на всю свою роскошь, дом капитана Леверетта — нечто вроде гостиницы. Миссис Прайор сможет прояснить статус невольных постояльцев. Персис считала, что под этой

крышей откровенно говорить лучше всего именно с миссис Прайор. И сделать это предстояло ей.

Она понятия не имела, сколько денег осталось у дяди Огастина. Смогут ли они заплатить «выкуп», который потребует этот пират-рекер. Но если бы она хотя бы представляла себе сумму... Наверное, нужно будет заплатить и врачу. А еще предстоит плавание в Ки-Уэст, а оттуда на Багамские острова. Она, которая никогда в жизни не имела дела с деньгами, кроме домашних расходов, встревожилась и растерялась.

Молли занялась чемоданом. Может, Персис сумеет найти миссис Прайор и как можно быстрее решить вопрос об их статусе под этой крышей. Сказав, что у нее есть дело, Персис вышла в коридор и спустилась по передней лестнице. Ее внимание привлекли голоса в задней части дома.

— Вы знаете, мисс Лидия, что бы сказал — и сделал — капитан, если бы он был дома.

— Да, но его же нет. И если он может раскрыть свой дом перед теми, кого вытащил со «Стрелы», то и я могу принять друга. Моего друга. Я не собираюсь спрашивать позволения Крю. Кстати, и не могу этого сделать, потому что его нет дома. Мам Роз и Сьюки сделают то, что я им велела: подадут лучший фарфор, и скатерти, и еду. Ральф Гриллон не морской разбойник. У него в Багамах такая же власть, как у Крю здесь. И я не хочу стыдиться этого дома, когда он придет в гости. Я видела, как Мэйсон отправился предупредить Крю, но пройдет много часов, прежде чем он снимет корабль с рифов и сможет вернуться. А тем временем я принимаю джентльмена и делаю это с гостеприимством, которым мы известны... — Голос ее поднимался все выше с каждым ядовитым словом.

Персис в смущении хотела бы оказаться подальше от этого невольного подслушивания. Она отступила на несколько шагов. И когда столкнулась с кем-то, кто неслышно вошел, так вздрогнула, что едва не упала. Рука удержала ее, крепкая рука; она повернулась и увидела обветренное и загорелое лицо незнакомца.

— Крепче держитесь, мэм! — Смех в глазах и улыбка на губах. — Никогда не думал, что превращусь в риф, на который напорется такое хорошенькое судно.

Глаза у него были не только насмешливые, но и дерзкие. Персис напряглась. Ей не понравилось, как он подчеркнуто разглядывает ее сверху донизу. Как будто она корабль, а он собирается ее купить.

На нем был синий камзол с медными пуговицами, не помутневшими от морской воды, волосы кудрявые, голова обнажена, хотя в руке офицерская шляпа. Персис пришлось задрать голову, потому что ростом незнакомец не уступал дяде Огастину. Но он искрился жизнью, в нем не чувствовалось ни намека на отчужденность дяди.

Персис вспыхнула, поняв, что смотрит на него почти так же дерзко, как он на нее. А он, отпустив руку девушки, поклонился.

— Ральф Гриллон, к вашим услугам, мэм, — представился он. В речи его слышался легкий акцент. Она нашла его интересным. — К любым вашим услугам.

Персис показалось, что он подчеркнул слова «вашим», и покраснела еще больше. В это время с криком «Ральф!» в коридор выбежала Лидия, раскрыв руки для открытого и весьма неформального приветствия.

Глава третья

Теперь у Персис пропала всякая возможность обсудить с миссис Прайор досадный вопрос о плате. Всеобщим вниманием завладел лихой капитан Гриллон. И Лидия постаралась, чтобы все так и оставалось. Было очевидно, что она совершенно поглощена гостем. Поведение ее было далеко от приличного, когда она выказывала капитану такое явное внимание. Персис, которую жизнь в доме дяди Огастина и учеба в академии мисс Пикетт приучили к сдержанным манерам, смущало поведение Лидии. К тому же девушка встревожилась и на свой счет, так как заметила явное стремление ка-

питана Гриллона включить ее в их общество, несмотря на недовольство Лидии.

Персис признавала, что капитан красив. Даже слишком. И находила его манеру обращаться одновременно и к ней, и к Лидии все более тревожащей. Наконец она извинилась, сказав, что ей необходимо ухаживать за дядей, и сумела уйти к себе в комнату. Тут она увидела Молли, которая качала головой над промокшим и испачканным содержимым чемодана.

— Только посмотрите на это! — Служанка подняла платье из светло-зеленого муслина с оборками, все в пятнах, оборки промокли и обвисли. — Я его выстираю и проглажу. Но, мисс Персис, оно уже никогда не будет выглядеть красивым и новым, даю вам слово!

Наверное, еще час назад подобное ужасное состояние своего туалета Персис сочла бы катастрофой. Но сейчас, хотя она не хотела больше пользоваться милостями Лидии Леверетт, ее ум занимали гораздо более важные дела.

— Молли! — Она повысила голос, вложив в него всю властность. — Ты можешь устроить так, чтобы я поговорила наедине с миссис Прайор?

— Вот эта женщина с головой на плечах, — заметила служанка. — Она правит домом, что бы ни говорила мисс Лидия, будто она хозяйка. У нее в Ки-Уэсте был ломбард до того, как капитан уговорил ее перебраться сюда. Она вдова человека, который...

— Молли! — Голос Персис стал еще резче. — Меня не интересует ее прошлое. Я просто хочу поговорить с ней. Мисс Лидия занимает гостя, а мне не хочется искать ее по всему дому...

— Да вы и не найдете ее, мисс Персис. Не сейчас. Она ушла с этой старой ведьмой, которая была на кухне. Кухарка и служанки подняли такой крик, когда она появилась, что у меня сердце остановилось. Неужели вы не слышали, мисс Персис, как они кричали? Никто не хотел подходить к старой ведьме, но миссис Прайор просто взяла корзину, запол-

нила ее хлебом, сыром и хорошими кусками вареного мяса. И ушла вместе с ведьмой. Ничего более странного я не видела... Миссис Прайор такая правильная и аккуратная, а эта другая... — Молли неодобрительно фыркнула.

Несмотря ни на что, Персис заинтересовалась:

— Кого ты называешь ведьмой, Молли?

— Она похожа на ведьму, мисс Персис. Лицо столетнее, нос и подбородок почти соединяются, как в щипцах для колки орехов, а глаза совсем впали. Но она не слепа, хорошо видит этими своими глазами. Не хотела бы я, чтобы она меня сглазила. Когда они ушли, кухарка сказала мне, что эта старуха настоящая колдунья. Она индианка, но не похожа на остальных индейцев. Они тоже все ее боятся. Она говорит, как добрый христианин, если хочет, и умеет лечить. Она приносит миссис Прайор листья и травы для лекарств. Миссис Прайор хорошо известна этим. До появления настоящего врача она всех лечила на острове. А капитан, он разрешает этой ведьме приходить и дает ей все, что та захочет, из-за остальных индейцев. Которые могут напасть. Пока эта Аскра относится к поместью дружески, они ничего здесь не тронут. Говорят, что ее народ жил здесь когда-то и строил дома на этих насыпях. Так говорят на кухне. Конечно, похоже на ерунду, но видели бы вы ее глаза. Сами бы задумались.

Персис поразил этот новый аспект жизни на острове Исчезнувшей Леди. Женщина, которую она видела в каноэ, должно быть, и была та самая Аскра. И то, что очень правильная миссис Прайор может сопровождать такую женщину, это еще один сюрприз.

— На кухне говорят о том, что приближаются беды. И не только из-за ведьмы. — Молли любила посплетничать, но редко когда бывал у нее такой благодатный материал.

— И им не нравится тот корабль, — она указала в окно. — Один из мужчин отправился предупредить капитана о нем. Кажется, капитан не хочет видеть поблизости таких, как этот Гриллон. У них полгода назад случилась стычка из-за какого-то рекерского дела. Гриллон не имеет права бывать в здеш-

них водах, и капитан предупредил его об этом. Но мисс Лидия очарована этим человеком, и он здесь из-за нее. Гриллон теперь говорит, что ему нужна пресная вода, что у него она вся смешалась с морской во время бури. Но внизу считают, что на самом деле он пришел, чтобы еще подстегнуть мисс Лидию. Он знает, что капитана нет дома.

Персис вернулась к окну. Да, на полпути между «Удачей бури» и пристанью на волнах качалась шлюпка, достаточно большая, чтобы нести бочки. На островах Ки вода редка, даже в Ки-Уэст приходится привозить воду на кораблях, если там пересыхают заполняемые во время дождей цистерны. И в этом отношении остров Исчезнувшей Леди уникален (может, именно этим и объясняется, что на нем всегда жили люди): на острове есть источник пресной воды, островитяне ревностно берегут его. Об этом как-то вечером рассказывал капитан «Стрелы».

— Все это не наше дело, Молли.

— Может быть, и так, мисс Персис. Но когда капитан Леверетт вернется, здесь поднимется большой шум, если этот Гриллон еще будет здесь. Вы решите, что снова попали в бую... Ну, я возьму их и посмотрю, что можно сделать, чтобы освежить, — она взяла в охапку платья, нижние юбки и белье и вышла.

Персис села в кресло у окна. Когда вернется капитан Леверетт. Да, она легко могла себе представить, что этот гигант, который так грубо схватил ее, не обрадуется, что его приказ не выполнен. Кстати, это его комната, и у нее нет права быть здесь. Если бы дядя Огастин был так же здоров, как когда они отплыли из Нью-Йорка! Но она знала, что сейчас его перевозить нельзя, если только ему неожиданно не станет лучше. Девушка смотрела на пристань и на приближающуюся лодку. Пальцы ее нервно перебирали край передника. Что ей делать?

Жизнь в Нью-Йорке никогда не была такой сложной. Она протекала с медленным и ничем не возмущаемым достоинством (впрочем, временами бывало скучно), и дядя Огастин

так строго придерживался привычного распорядка, что Персис намного вперед знала, что ей предстоит сделать. Тогда она скучала. Теперь же ей хотелось вернуться в ту уютную безопасность, где не бывает бурь, ни природных, ни человеческих, нет ничего такого, что тревожит этот дом.

Наконец она встала, прошла к комнате дяди и негромко постучала. Дверь открылась, и она увидела Шубала, еще более встревоженного и осунувшегося. Он держал палец у губ. Она протиснулась в узкий промежуток, который он не решился преградить. Слуга прошептал:

— Он спит, мисс Персис. Но мне не нравится, как он выглядит, совсем не нравится, — он покачал седой головой. — Хорошо бы его осмотрел доктор Лоусон. Он знает хозяина, знает все об его болезнях...

— Мне говорили, что местный врач очень хороший.

Шубал пожал плечами:

— Может быть, мисс. Но он не знает хозяина много лет, как доктор Лоусон. А хозяин... Ему все хуже. Похоже, он собрал последние силы для этого плавания и теперь сдает — быстро. Больше ничего не ест. Когда я приношу поесть, он велит не беспокоить его. Но как ему сохранить силы, если он не ест?

Голос Шубала звучал ворчливо. Он сжимал пальцы рук со взбухшими венами. Много лет провел он с дядей Огастином, хозяин был истинным центром его жизни.

— Когда он проснется, Шубал, я хочу поговорить с ним. Я знаю, ты делаешь все, что можешь, но, может, он послушает меня, — Персис не испытывала в этом уверенности, но должна была ответить на мольбу в глазах старика.

— Мисс Персис, я думаю... — дрожащий голос Шубала прервался, глаза опустились. Снова Персис испытала приступ страха. Она хорошо понимала, чего боится Шубал. Этот страх, словно туманом, окружал и ее сознание. А ведь для нее дядя Огастин никогда не значил так много, как для Шубала.

— Не нужно так думать, — мягко проговорила она, — нужно надеяться. Ведь после первого приступа ему было не

намного лучше, Шубал. А потом он своим быстрым выздоровлением удивил даже доктора Лоусона.

— Тогда он был у себя дома, мисс Персис... и... — Шубал замолчал и отошел к кровати.

Персис осталась у двери. Страх перешел в панику, с которой она старалась справиться. Ей необходимо было справиться, потому что именно ей предстоит теперь принимать решения, брать на себя ответственность. А она отшатывалась от этого. Вернувшись в свою комнату, девушка снова села в кресло у широкого окна. С моря дул устойчивый ветер, освежал ее покрасневшее лицо. Так она сидела и пыталась думать о будущем.

Дядя Огастин явно считает, что не доберется до Багамских островов. Он никогда раньше не обсуждал с ней подобные дела, держал ее в стороне от семейных тайн. А сейчас рассказал о причине путешествия, потому что считает, что она отныне предоставлена самой себе.

И здесь нет мистера Хога, с которым можно было бы посоветоваться. Нет никого, кроме нее самой. Шубал, Молли, они зависят от нее, а не наоборот. Персис почувствовала себя очень юной и испуганной. Однако она была отнюдь не глупа. В глубине души ее усиливалась упрямая решительность. В Ки-Уэсте есть юристы, она попросит, чтобы ей порекомендовали кого-нибудь, опытного и изобретательного.

В голову пришла мысль о возвращении в Нью-Йорк, беглая мысль, которую она тут же отбросила. Что ее там ждет? Разоренное состояние, мрачное будущее, которое заставило дядю Огастина отправиться в это плавание. А ведь он человек, который не испугался бы простой угрозы. Если состояние ждет ее на Багамах, она отправится туда и потребует своей доли.

Персис глубоко вздохнула. Ей не нравилось то, что ждет ее впереди, и ей очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Но если таково будущее, она должна быть готова к нему.

Следовало принять решение. Другое дело, сможет ли она его выполнить. Она понятия не имела, какими средствами

сейчас располагает дядя Огастин. Например, этот вопрос о плате рекерам.

Персис осмотрела комнату. У нее здесь даже меньше прав, чем в номере гостиницы. Было совершенно очевидно, что дядя Огастин не сможет продолжить путешествие, даже если «Стрела» снова выйдет в море. Вот если бы капитан Леверетт поплыл в Ки-Уэст... Но он может не взять их с собой. У Персис заболела голова, ей захотелось броситься на постель и забыть обо всем. Но и этого она не могла сделать.

И тут ее снова заставил вздрогнуть тот странный воющий звук, который привел Лидию в такое возбуждение и заставил броситься на крышу. Другой корабль приближался к «Буре удачи», точнее, даже два корабля, один на буксире у другого. Капитан Леверетт привел «Стрелу»?

На пристани собрались люди, один из них держал большую раковину, в которую дул, как в рог, производя эти воющие звуки. Персис торопливо встала. Если это действительно возвращается хозяин дома, она совсем не хотела, чтобы он застал ее в своей спальне.

Девушка вышла в коридор и услышала голоса внизу. Но не смогла разобрать ни слова. Теперь, когда в гавани стоит «Удача бури», а ее капитан находится в доме, неприятности, которые предвещали слуги на кухне, могли вот-вот начаться.

Персис нерешительно задержалась наверху лестницы. Немыслимо было оставаться в комнате капитана. Еще хуже спуститься и, может быть, нарваться прямо на семейный скандал. Но она все-таки начала спускаться, прислушиваясь к малейшим звукам, которые могли бы засвидетельствовать, что она невольно подслушивает.

Однако она как будто излишне встревожилась. Выходя на веранду, она услышала из-за угла голос:

— ...отличный улов, — в углу у окна стоял капитан Гриллон, держа у глаз подзорную трубу, очень похожую на ту, которой пользовалась на крыше Лидия.

— Надо отдать дьяволу должное, — продолжал капитанбагамец. — Если бы я сел здесь на рифы, мне бы хотелось,

чтобы капитан Леверетт плывал поблизости. Корабль накрепился, но он по-прежнему на плаву.

— Вы великодушней его, — отозвалась Лидия. Ее широкие юбки соблазнительно задевали Гриллона. — О вас он то же самое не скажет.

— О, я знаю, что обо мне думает Крю Леверетт, моя дорогая, — лениво пробормотал капитан. — Но то, что мы ссоримся всякий раз, как встречаемся, совсем не значит, что я не должен восхищаться его капитанскими способностями. Он хороший рекер. Нужно отдать ему должное. Только язык у него слишком вольный. И он когда-нибудь это поймет. — В голосе Гриллона звучало удовлетворение. Он опустил трубу и посмотрел на Лидию. И этот взгляд вызвал у Персис тревогу.

— Ничто не встревожит Крю, — раздраженно ответила его сестра. — Он всегда поступает по-своему. И всегда поступал — как бы плохо ему ни приходилось.

— Вы тоже, моя милая? — Гриллон по-прежнему улыбался. — Не слишком ли вы на него сердитесь?

— Как вы можете так говорить, Ральф? — Ее лицо покраснелось, руки она сжала в кулаки, словно хотела ударить собеседника. — Разве не держит он меня здесь взаперти, на этом богом забытом острове, где никогда ничего не происходит? Я просила его отвезти меня в Ки-Уэст. Марси Доу согласна, чтобы я пожила у нее. А ее отец — комендант базы. Крю же считает, что они не подходящие для меня люди.

— Да, к тому же он знает, что «Удача бури» часто бросает там якорь, — рассмеялся Гриллон. — Не думаю, чтобы он очень доверял нам, моя дорогая.

Снова Персис оказалась подслушивающей. Она уже готова была незаметно отступить, когда крики со стороны пристани заставили ее посмотреть туда. Не сознавая, что делает, девушка приблизилась к паре на веранде, чтобы лучше видеть.

— Узрите прибытие хозяина! — провозгласил Гриллон. Улыбка его стала чуть напряженной. — Ну, моя дорогая, нам

стоит подготовиться к бою. Может, вам лучше выйти из предела досягаемости пушек.

Но Лидия схватила его за камзол и высоко и упрямо задрала подбородок.

— Не уйду! Крю может здесь всем командовать, но не мной! Пусть только попробует!

Гриллон рассмеялся:

— Вот это моя Лидия. Но, моя дорогая, дело должно решиться только между мной и Крю. Никаких нижних юбок, — он опустил подзорную трубу и легко положил руки на плечи девушки. — Будет только так и никак не иначе, девушка, — и отстранил Лидию, словно она ничего не весит.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она.

— Я не собираюсь встречаться с Крю Левереттом под его собственной крышей, — ответил Гриллон. — Нам лучше встретиться с глазу на глаз в другом месте.

Персис сделала два быстрых шага назад и остановилась в дверях. Она стыдилась, что сразу не дала знать о своем присутствии, но теперь заговорила:

— Мисс Леверетт...

Лидия оглянулась через плечо. Выражение ее лица нельзя было назвать приветливым.

— Я знаю, что мне дали комнату самого капитана Леверетта, — сказала Персис. — Конечно, сейчас, когда он вернулся, это невозможно...

Гриллон снова рассмеялся, откинувшись на перила веранды. Но Лидия нахмурилась еще сильнее.

— Какое мне до этого дело? — резко спросила она.

— Разве не вы здесь хозяйка, милая? — заметил багаец. — Молодая леди справедливо ждет вашего решения. Совершенно справедливо, я бы сказал. Ясно, что она и Крю не могут...

Лидия отскочила от него.

— Предоставьте это миссис Прайор. Ее слово значит здесь больше моего. И всегда значило больше, — она повернулась спиной к Персис и посмотрела на пристань.

Гриллон подмигнул Персис и кивнул.

— Я видел миссис Прайор несколько минут назад, — сказал он, так как Лидия продолжала игнорировать Персис. — Думаю, вы сможете найти ее на кухне, мисс Рук.

Персис умудрилась сказать «Спасибо» и сбежала. Неужели Гриллон подозревает, что она нарочно подслушивала? Она вполне заслужила чувство вины, которое теперь испытывала.

К двери в противоположном конце коридора вели три ступеньки. За ней явно располагалась кухня, где первым делом Персис бросился в глаза большой открытый очаг со старинными вертелами и цепями. В очаге уместилась и встроенная печь для выпекания хлеба. Дверь наружу была широко раскрыта, но Персис почувствовала себя так, словно попала на сковородку.

Маленькая черная женщина в прилипшей к плечам промокшей сорочке и широкой юбке, частично прикрытой грязным передником, месила на доске тесто с такой энергией, словно сражалась с давним недругом. Сьюки и еще одна служанка мыли и резали овощи.

Появление Персис вызвало неожиданное молчание, хотя кухарка продолжала энергично месить тесто. И не смотрела на девушку.

— Где миссис Прайор? — обратилась ко всем Персис. Долгое время казалось, что никто ей не ответит. Все только смотрели на нее, как на привидение, которое никто не ожидал увидеть. Потом кухарка подняла руку в муке и указала на наружную дверь. Она сказала что-то на диалекте, которого Персис не поняла.

Поэтому девушка прошла мимо стола и вышла во двор. Там она действительно увидела миссис Прайор. Та присматривала за двумя парнями, которые натягивали на вершине насыпи выстиранные простыни. Услышав скрип тувель Персис на раковинах, которые толстым слоем покрывали всю землю, она оглянулась.

— Подходящий день для просушки, мисс Рук. Ваша служанка скоро сможет все выгладить.

— Прошу вас... — в голове Персис крутилась теперь только одна мысль. — Капитан Леверетт... он... Мне сказали, что я в его спальне... это очень великодушно с его стороны. Но теперь он возвращается...

— Не беспокойтесь, мисс Рук. Капитан, разумеется, останется на «Непревзойденном». Даже когда корабль в гавани, он обычно ночует на нем. Он сам отдал приказ, чтобы вам отвели его комнату.

Персис находила спокойствие этой женщины слегка раздражающим.

— Я узнала также, что возник вопрос об оплате. Так как мой дядя сейчас не в состоянии заниматься делами, я не хочу беспокоить его. Не объясните ли, чего от нас ждут?

Она увидела, как миссис Прайор поджала губы.

— Не знаю, где вы услышали подобный вздор, мисс Рук. Никакой платы не нужно. Что вы о нас подумали! Ниже по побережью есть гостиница, выстроенная по приказу капитана Леверетта для экипажей разбившихся кораблей, если эти корабли не могут снова выйти в море. Там моряки живут, пока их не перевезут в Ки-Уэст. Часто у нас бывает больше пассажиров, чем мы можем разместить в своем доме. Но вы и мистер Рук — гости капитана. Пожалуйста, поймите, что он будет оскорблен, если вы подумаете что-то другое.

Персис решила, что дальше говорить на эту тему после такого энергичного заявления невозможно. Может, Молли не поняла человека на пристани, или тот просто посмеялся над ней.

— Спасибо за объяснение, — виновато сказала она. — Но все же я чувствую себя виноватой в том, что хозяин дома не может...

— Вздор! — решительно оборвала ее миссис Прайор. — Он считает, что по-другому нельзя. Можете услышать это от него сами, если необходимо. — В голосе ее даже прозвучала обида, которую Персис сразу заметила.

— Нет, вашего слова вполне достаточно, миссис Прайор. И я вам очень благодарна.

Женщина чуть смягчилась.

— Я уверена, вам все рады. Кстати, к концу дня заглянет доктор Виринг. Если у вас есть к нему вопросы, тогда самое время их задать.

Но вопросы задавать не пришлось. Вернувшись в дом, Персис услышала тонкий старческий голос Шубала:

— Мисс Персис, о мисс Персис!

Она побежала по лестнице, одной рукой цепляясь за перила. Старик слуга стоял в дверях комнаты дяди, его лицо побелело от страха.

— Мисс Персис... он... он...

Девушка пробежала мимо Шубала. Дядя свесился с кровати, лицо его было бледнее, чем у Шубала. Одной рукой он цеплялся за сетчатый занавес, который рвался в его пальцах. Дядя посмотрел на нее. В глазах его застыло безумие.

— Амос... предатель... Амос!..

— Я вышел за водой, — Шубал подковылял ближе. — Он лежал спокойно. Мне казалось, он спит. Но... мисс Персис... он, наверное, пытался встать... подойти к окну... видите?

Он указал на перевернутый прикроватный столик, подсвечник откатился на середину комнаты.

— Зачем ему было вставать, мисс Персис? Что он хотел?

— Не знаю. Наверное, бредил. Шубал, беги к миссис Прайор и попроси немедленно послать за врачом. Нет, сначала давай положим его в постель.

Как ни худ был дядя Огастин, потребовались совместные усилия, чтобы снова уложить его на подушки. Дышал он часто и поверхностно.

— Он их услышал, — прошептал Шубал, показывая на окно. — Там разговаривали. Двое ссорились. Вернувшись, я услышал несколько слов. Он... он все время говорит, что Амос вернулся, что он пришел убить его!

— Теперь все в порядке, Шубал. Иди, я останусь с ним.

Персис мягко высвободила вцепившиеся в занавес пальцы и сжала их.

— Все в порядке, дядя Огастин. Никого здесь нет. Разве вы не помните? Амос умер много лет назад. Вы ведь сами мне это сказали. Он не может быть здесь.

Но старик невидящим взглядом смотрел на нее. В углу рта выступила пена. Некоторое время он еще пытался встать, но девушка сумела удержать его в постели.

— Амос изменник... сказал... убийство... я никого не убивал... — потом тело его расслабилось, рука разжалась. В последний раз закрылись голубые глаза.

Глава четвертая

Всю ночь за окном шептал ветер. Персис никогда не слышала такого шепота. В открытое окно она видела только слабый свет. Должно быть, фонарь на пристани. Но она не смотрела на него. Она вспоминала.

Дядя Огастин... умер.

И, к своему тупому удивлению, она обнаружила, что эта смерть оставила в ее жизни большую пустоту, чем она считала возможным. Она понимала теперь, что до сих пор всегда его воля управляла ее жизнью. И теперь не могла представить себе, как будет жить без наставника. Девушка медленно отошла от окна. В комнате горела только одна свеча. Персис ощутила глухой гнев. Почему дядя Огастин держал ее в таком неведении? Она не глупа и не легкомысленна, но ей никогда не позволяли самой заботиться о себе.

Шубал совсем сдал, и у нее хватило соображения приказывать ему лечь. Но пока это было все, что она сумела сделать.

Потому что в доме распоряжался капитан Леверетт. Он действовал так же властно и бесцеремонно, как тогда, когда схватил ее на палубе «Стрелы», проявив такое ж нетерпение. Так ей казалось. Но, хотя смерть дяди Огастина и поразила ее в самое сердце, она все же не истеричка. Впрочем, судя по тому, как он отдавал приказы, в это можно и не поверить.

И в нем не чувствовалось того безрассудства, которое прямо-таки переполняло Ральфа Гриллона. Здешний капитан, должно быть, лишь немного старше багамца, но он так уверен в себе и так же не склонен поддаваться воле или желаниям других, как и дядя Огастин.

Он...

Персис застыла. Как она могла забыть? Портфель, который передал ей дядя Огастин! Это было его последнее желание. Несколько часов назад она отправила Молли в постель и пообещала, что ляжет сама. Но сон не шел к девушке; она продолжала вспоминать последнюю сцену, когда дядя в страхе выкрикивал имя давно умершего человека.

Что заставило его заговорить об убийстве? Персис вздрогнула и плотнее запахнулась в шаль. Что там он рассказывал о том Руке, который был тори... Может, дядя Огастин сказал не все? Может, он знал об Амосе Руке и что-то иное? Что не вмещается в рамки легенды о семейном позоре?

Сейчас 1837 год. Дяде Огастину уже исполнилось 75 лет. Персис быстро подсчитала в уме. Во время британской оккупации Нью-Йорка ему должно было быть чуть больше двадцати. И хотя та часть семьи, которая поддерживала революцию, еще за несколько лет до этого выехала из города, дядя был уже достаточно большой, чтобы знать Амоса Рука, даже ненавидеть его за предательство своей семьи и страны.

Но он говорил с ней так, словно Амос Рук был ему знаком, словно сам он никогда его не видел. Но тогда почему... почему он умер, говоря, что он, Огастин, не убийца... почему умер в страхе перед мертвецом?

Персис решительно взяла свечу и отодвинула щеколду засова. Если ответ спрятан в портфеле, который ей доверили, она должна его найти. Девушка заставила себя пройти по темному коридору, закрывая огонек свечи рукой от сквозняков, но потом никак не могла решиться открыть дверь комнаты дяди. И вот, стоя перед дверью, она услышала очень слабый звук.

Застыв, она взглянула на лестницу. Ветер утих, и она слышала не шелест листвы и не скрип ветки о крышу. Но она не ошиблась: звук доносился именно с лестницы. Не шаги, что-то гораздо менее определенное. Как... как шорох юбки о перила.

Лидия... миссис Прайор?.. Но зачем им ходить ночью без свечи? Служанки пользуются другой лестницей в глубине дома. И вообще они тут не должны сейчас быть, их комнаты в хижинах за насыпью. Только Молли и Шубал разместились в маленьких комнатках на третьем этаже. Эти комнаты используются, когда бывает много гостей.

Персис пыталась уловить хоть малейший скрип. Нет, она не вообразила себе это. Кто-то спускался по парадной лестнице. Держась одной рукой за стену (словно прикосновение к стене возвращало ее к реальности), девушка осторожно направилась к началу лестницы.

И мгновение спустя она чуть не вскрикнула от собственной глупости. Свеча, которую она несла, выдаст ее, словно бакен. Она прекрасно будет видна тому, кто украдкой идет во мраке. Персис остановилась. Чего она боится? У нее есть полное право взять вещи дяди, доверенные ей. Но звуки приближались...

Ничего... совсем ничего не разглядеть... Только шорох зазвучал громче. Страх охватил девушку холодным объятием. Персис откинулась назад, прижалась к стене, закрыла глаза. Она отказывалась смотреть. Не будет! Она почувствовала... Какое-то мгновение встревоженное сознание не могло даже подобрать слово, которое обозначило бы охватившее ее ощущение... Она буквально ослепла и едва не оглохла от страха... но здесь ощущалось присутствие...

Персис знала, что должна открыть глаза. Если она не сделает это, страх победит, и она завопит как бессмысленная тварь. Крик уже поднимался в ее горле. Но она знала также — хотя как она могла эта узнать? — знала, что если закричит, то погибнет безвозвратно.

В коридоре стало холодно, так холодно. Но ведь всего несколько мгновений назад она считала свою шаль даже слишком тяжелой. Так холодно! Персис заставила себя открыть глаза. Свеча горела, но в ее свете ничего не было видно. Нет, не совсем так!

Какой-то блеск, как будто свет отразился от чего-то. Этот блеск двигался, спокойно, неторопливо, покачиваясь вперед и назад в воздухе на уровне ее груди.

Если бы эти светящиеся точки находились на уровне пола, Персис убедила бы себя, что это глаза какого-то животного. Но они висели в воздухе.

Лишившись дара речи, не способная двинуться, Персис смотрела, как пролетают мимо нее эти блески. Темнота в другом конце коридора поглотила их. Но она же их не придумала! И девушка готова была поклясться, что кто-то невидимый прошел по коридору.

Вздрогнув, она поняла, что снова может двигаться, и пошла дальше, касаясь плечом стены. Чтобы добраться до своей двери, ей придется пересечь пространство, где пролетело это... существо. Но пока она была не в состоянии заставить себя сделать это.

Свободной рукой она взялась за ручку двери дяди Огастина. По-прежнему не решаясь повернуться спиной к коридору, подняла щеколду и раскрыла дверь за собой. Вошла в комнату и из последних сил закрыла дверь.

Закрыв дверь, Персис остановилась, тяжело дыша, слыша только стук собственного сердца в ушах. Логика и здравый смысл постепенно побеждали страх. Станный холод исчез, шорох пропал, и она больше не видит этих... глаз... глаз?

Все дома обладают странными звуками, которые слышны по ночам. А что касается светящихся точек... Возможно, это светлячки, которых она часто видела ночами дома. Залетев в помещение, они в поисках свободы поднялись в воздух повыше.

Но объясняя себе происшествие, Персис сознавала, что испытала страх, какого ей в жизни не приходилось испыты-

вать. Девушка решительно отвернулась от двери. Портфель лежал на столике у кровати. Она подняла свечу повыше. Да, он по-прежнему был здесь.

Кровать аккуратно заправили. Ничего не осталось, кроме портфеля, за которым она пришла. По обычаям юга дядя Огастин уже лежал в гробу, и закрытый гроб находился внизу в гостиной. Утром его похоронят — далеко от всего ему знакомого, на островном кладбище.

Персис, держа портфель в руке, направилась назад к двери. Но чтобы снова открыть створку, ей потребовалось призвать всю свою решительность. Растворив дверь, девушка посмотрела вверх и вниз вдоль коридора, прислушалась и решила предпринять короткий переход к собственной комнате.

Здесь она захлопнула за собой дверь, бросила портфель на кровать и придвинула к двери самое тяжелое кресло, чтобы загородить вход. Только когда это было сделано, она, по-прежнему тяжело дыша, переложила портфель под подушку, задула свечу, легла и опустила прозрачную сетку, которая должна преградить доступ насекомым. Эту сетку, хотя и прозрачную, она теперь приветствовала, как барьер между собой и остальным домом Левереттов.

Наконец усталость одолела девушку, и она уснула беспокойным сном. Что ей снилось, она не могла потом припомнить. Разбудил Персис стук в дверь. Было светло. Кресло, которое она использовала в качестве преграды, дрожало. Кто-то нетерпеливо стучал в дверь.

— Мисс Персис!..

Молли! Что она подумает об этом кресле? Солнечный свет в окне и голос Молли изгнали последние остатки ночного страха, вернее, загнали их глубоко внутрь. Сейчас он казался чем-то неважным.

Персис выбралась из-под сетки, торопливо оттащила кресло. Но выражение лица Молли говорило, что той необходимо какое-то объяснение.

— Мисс Персис, что?..

— Мне приснился кошмар, Молли. А когда я проснулась... посреди ночи... мне показалось, что кто-то ходит по коридору.

— Вы что-то слышали? Ну а я ничего не слышала! — Молли с решительным стуком опустила принесенный поднос. — Мисс Персис, что с вами? У вас никогда не было таких фантазий. — Девушка кивнула. — Наверное, это все этот дом, с его историей. Я буду рада, когда мы упакуемся и уедем в приличный город, где нет никаких разговоров о ведьмах и привидениях. Если останемся здесь надолго, то и сами поверим во все это. Выпейте шоколад. День предстоит тяжелый, и вам нужно подкрепиться.

Так она деликатно напомнила о похоронах. Персис села и послушно принялась пить теплый шоколад из чашки. А Молли решительно продолжала:

— У нас нет приличного черного траурного платья, так что я немного переделала ваше белое батистовое. К нему пойдут черный шарф и черные перчатки. Так подойдет.

— Спасибо, Молли. — Мысль о необходимости соблюдения приличного траура не приходила ей в голову, но Молли-то об этом не забыла. Она гордится тем, что всегда соблюдает приличия.

— Поскольку вы член семьи и женщина, — продолжала с обычной уверенностью служанка, — вам можно не показываться до службы. Сьюки принесет вам завтрак, и капитан сказал, что, если вы не возражаете, служба состоится в девять. У них здесь, кажется, нет настоящего священника. — Молли фыркнула. — Капитан сам проводит службу. Говорят, он это всегда делает, когда на берег выбрасывает утопленников. Мисс Персис...

Она перестала суетиться и пристально посмотрела в лицо хозяйке.

— Я... — она неуверенно помолчала, потом торопливо продолжила: — Шубал, бедный старик, не совсем в себе. Кажется, он решил, что ему незачем больше жить. Он ведь всегда был так близок к мистеру Огастину. Но, мисс Персис, что мы все будем делать?

Персис осторожно поставила чашку с шоколадом на блюде. Единственное, что они могут сделать, это продолжить выполнение плана дяди Огастина и попытаться получить состояние на Багамах. Но она понятия не имела, как это сделать.

Может быть, ей поможет какой-нибудь юрист в Ки-Уэсте. Она глубоко вздохнула. Молли, Шубал, они с самой юности в услужении у дяди Огастина. Конечно, они правы, когда обращаются к ней за указаниями. Беда в том, что она не знает, что им сказать. Пока не знает.

— Нам нужно поскорее отправиться в Ки-Уэст, — заставила она себя сказать как можно тверже. — У меня есть документы дяди Огастина. Он объяснил мне... — и девушка кратко пересказала Молли запутанную семейную историю, которая привела их на юг.

— Амос Рук! — воскликнула Молли, прервав хозяйку на середине фразы.

— Что ты о нем знаешь? — живо спросила Персис.

Служанка поджала губы, как всегда в таких случаях.

— Ну, есть и другая старая история, мисс Персис. Вы знаете, что в 1812 году у хозяина было три капера¹. Они принесли ему хорошую прибыль. Он всегда ненавидел англичан. Ведь его дед умер в английской тюрьме от лихорадки, а отец погиб на войне с англичанами. Поэтому, когда мог, он мстил им. Говорят, что один из кораблей, захваченных его капером — тот корабль назывался «Орел», — шел с Багамских островов и принадлежал какому-то родственнику хозяина. И что во время взятия корабля был убит сын Амоса Рука. Это просто слухи, я не знаю никаких доказательств. И хозяин никогда об этом не говорил. Он даже долго не знал об этом. Мужчин, которые уходят на войну, часто убивают, и не его вина, что сын Амоса оказался там.

---

¹ Ка пер — частное судно, захватывавшее во время войны с ведомо правительства грузовые и пассажирские корабли враждебной стороны. — *Прим. перев.*

Персис удивилась. Если дядя Огастин хотя бы косвенно связан со смертью сына Амоса... Может, это объясняет его предсмертный крик, что он не убийца? Может быть, именно поэтому он не принял первое предложение вдовы Амоса. Хотя это случилось много лет назад. Ну, к ней это не имеет никакого отношения, кроме того, что она тоже Рук и ей эти смерти могут принести выгоду. Тем не менее она почувствовала себя встревоженной и несчастной. Молли как будто поняла это и быстро добавила:

— Не расстраивайтесь из-за этих денег, мисс Персис. Старая леди не завещала бы их, если бы считала виноватым хозяина. Вы должны сделать то, что хотел ваш дядя. Но насчет плавания в Ки-Уэст...

— Знаю. Это означает снова море. — Персис считала, что понимает возражения Молли. Она и сама не хотела бы даже думать о новом плавании.

— Не в этом дело, мисс Персис. Хотя не могу сказать, что радуюсь плаванию. Но говорят, «Стрела» больше не сможет плавать. Ей нужен ремонт, который здесь сделать нельзя. А почтовый корабль приходит очень редко,

— Но ведь корабль капитана Леверетта ходит в Ки-Уэст...

— Это верно, мисс Персис. Но сейчас капитан в плохих отношениях с жителями Ки-Уэста. Так, по крайней мере, говорил мистер Хокинс, когда сегодня утром зашел на кухню перехватить чего-нибудь. Мистер Хокинс — боцман с «Непревзойденного» и очень знающий человек. Только подумайте, мисс Персис, оказывается, он родился на мысе Доброй Надежды, совсем недалеко от дома моих родителей. Конечно, в двенадцать лет он ушел в море и никогда больше туда не возвращался. Как и я. Но у нас нашлось много общих знакомых. Так вот, мистер Хокинс говорит, что жители Ки-Уэста не очень хорошо настроены к капитану, потому что он объявил эти места своими. Он отнял у них часть добычи. Но они ничего не могут сделать. Он честно и законно купил этот остров, и у него есть лицензия на право снимать корабли с рифов. Но когда он бывает в Ки-Уэсте, там всегда стара-

ются причинить ему неприятности, чтобы он вышел из себя и начал драку. Поэтому он нечасто туда заходит.

— Тогда придется положиться на удачу, — покорно сказала Персис. Она затянула корсет белого платья. — Капитан Питтегрю что-то должен сделать со «Стрелой». Даже если не сможет взять нас с собой, отвезет письмо в Ки-Уэст. Нам нужно найти там юриста.

Она достала из-под подушки портфель и с сомнением пощупала замок. Рано или поздно придет время открыть его маленьким ключом, который дядя Огастин всегда носил на брелоке часов. Но сейчас она не могла заставить себя сделать это.

— Пожалуйста, положи это в чемодан, Молли, на самое дно. Это очень важные документы.

— Хорошо, мисс Персис.

Пришла с завтраком Сьюки, и Персис поела, сколько смогла. Что касается поведения недавно осиротевшей, она готова была подчиниться указаниям Молли. Сев в кресло у окна, девушка постаралась составить какой-нибудь план действий.

Казалось, самое лучшее — откровенно попросить хозяина о помощи, как ни неприятна была ей эта мысль. Она, Молли и Шубал не могут оставаться здесь незванными гостями, может быть, много недель. Должен же существовать способ добраться до Ки-Уэста и вообще до внешнего мира.

«Стрела» теперь стояла в защищенном месте возле причала. Но даже не моряку и женщине было ясно, что корабль в плохом состоянии, осел и сильно накренился. Рядом покачивался «Непревзойденный». Но «Удачи бури» не было видно. Персис догадывалась, что после встречи с хозяином острова Гриллон спешно ушел в море.

Капитан Леверетт. Ей придется рассчитывать на его помощь, поэтому она должна была постараться преодолеть возмущение, которое охватывало ее всякий раз, как она вспоминала его грубость на борту «Стрелы». Впрочем, неохотно подумала девушка, он сделал это, чтобы спасти ей жизнь.

Но он рекер, причем такой, какого (если верить Молли) не принимают даже другие рекеры. Весь этот его роскошный дом наполнен добром с погибших кораблей. Так что же за человек он на самом деле?

Персис попыталась вспомнить внешность человека, который оставил на руках девушки синяки, когда отрывал ее от перил, чтобы бросить, как она тогда решила, прямо в море. Он был высокий, ее голова едва доставала до его плеча. Развевавшиеся на ветру волосы были такие мокрые, что она не могла решить, светлые они или темные. И уже в тот раз ее поразила его полная уверенность в своей власти над всем и всеми вокруг. О возрасте спасителя она даже не могла догадаться. Но в конце концов решила, что такой человек ей не понравился бы, даже если бы она встретила его в более спокойных обстоятельствах.

Она видела его накануне вечером, когда он опять сразу принял на себя руководство, но из этой второй встречи запомнила совсем немного. Теперь он не кричал на нее как в первый раз, а говорил сухим деловым голосом, который она едва слышала. Но подумала, что он похож на дядю Огастина, только манеры не такие рафинированные.

Персис вздохнула. Капитан был теперь единственный, кто мог посоветовать ей что-либо, как ей ни неприятно признавать это. Если он не захочет или не сможет сам отплыть в Ки-Уэст, то наверняка знает, как это сделать и к кому обратиться за юридической помощью. В документах дяди Огастина должно найтись завещание: он был слишком аккуратным деловым человеком, чтобы не подумать об этом.

Персис снова вздохнула. Она чувствовала себя почти такой же уставшей и избитой, как в первый раз, когда проснулась в этой комнате, не зная, где находится. Ей было жаль дядю Огастина. Но до болезни и потери состояния он жил по-своему счастливо, в этом она была уверена. Почему-то больше она жалела Шубала и немного себя. И еще тревожилась. Словно владеешь прочным домом, а он у тебя на глазах распадается на отдельные кирпичи.

Услышав стук в дверь, девушка выпрямилась и задышала чутьчку чаще.

— Мисс Рук?

Персис успокоилась. Это миссис Прайор. Почему она ожидала, что услышит другой, властный голос? Она вышла в коридор, где ее ждала домоправительница.

— Мисс Рук... — повторение ее имени прозвучало так, словно грозная миссис Прайор была чем-то озабочена.

— Знаю, — Персис набралась мужества. — Спасибо, миссис Прайор. В гостиной?

— Мисс Персис, — Молли торопливо поднималась по задней лестнице, чтобы догнать хозяйку. В руках она несла плотно связанный букетик, яркий, как тряпки, из которых она любит делать лоскутные одеяла. Персис с благодарностью приняла этот грубовато сделанный букет. Впрочем, она никогда не связывала дядю Огастина с цветами, тем более такими кричащими.

Службу она восприняла с каким-то странным чувством, так как в глубине души она была потрясена, тронута одиночеством смерти в таком далеком мире, где ничто не напоминает жизнь, знакомую дяде Огастину. Она плакала о человеке, которого никогда по-настоящему не понимала, но который по-своему был добр к ней. И почему-то была рада, что слова, сказанные ему, относятся и к другим незнакомым ей людям, которые встретили смерть вдали от дома.

Она смотрела, как капитан Леверетт читает что-то из маленькой изношенной Библии. Да, он был высок, и теперь, когда его волосы высохли, они оказались светлыми, еще светлее, чем у его сестры, особенно на фоне смуглой кожи. Глаза у него были пронзительного серо-голубого цвета, и что-то в них напомнило ей дядю Огастина. Они словно заглядывают в глубь человека, видят его насквозь, читают мысли. Он не красавец, решила девушка, но в любом обществе был бы заметен. И она почувствовала к нему благодарность, о которой раньше не думала.

Благодарна она была и остальным собравшимся здесь. Доктору Вирингу в измятом белом льняном костюме, но с черным галстуком, Лидии и миссис Прайор, Шубалу и Молли, между которыми стояла.

— Аххх... — раздался вздох, похожий на стон.

Шубал, прижимавший руки к груди, пошатнулся. Персис подхватила его за плечо и попыталась удержать. К ним быстро подошел доктор Виринг и принял на себя тяжесть худого тела старика.

— Он придет в себя, — утешила девушку Молли. — Но сейчас ему нельзя вставать.

Доктор Виринг подал знак, и двое слуг, незаметно стоявших у входа, подошли, чтобы отнести Шубала. Персис заметила, что капитан Леверетт направляется к ней. Она заговорила, не глядя на него:

— Они были вместе с самой молодости. Я...

Мужская рука крепко взяла ее пальцы.

— Ваш дядя должен был быть очень хорошим хозяином, чтобы заслужить такую преданность. Не беспокойтесь об этом человеке: Виринг позаботится о нем.

— Я... — Неожиданно глаза Персис наполнились слезами. Она положила цветы Молли на гроб.

Капитан Леверетт не отошел от нее. Пол закачался под девушкой, словно палуба «Стрелы», и она обнаружила, что отчаянно вцепилась в сильную руку капитана, как будто только она обещали безопасность. Ведь вся нормальная и безопасная жизнь теперь была отобрана у нее. Обморок Шубала заставил ее окончательно понять это.

Глава пятая

Прямая жесткая спина Персис говорила о том, как успешно мисс Пикетт выдрессировала юных леди. Руки, правильно сложенные, по-прежнему лежали на маленьком портфеле. Но она внимательно смотрела на человека у очага и не упустила из виду, что он все сильнее хмурится.

— Я согласен, мисс Рук, что юридическая помощь в таком деле необходима. К несчастью, юриста ближе Ки-Уэста не найдешь, а когда вы сможете туда отправиться...

— Я знаю, сэр, — твердо заявила она, — что иногда сюда приходит почтовое судно, — девушка гордо задрала подбородок: она не станет просить о помощи, если он ждет от нее этого.

— Иногда — это верно. Только промежутки времени очень долгие, — ответил капитан Леверетт. — К тому же на том корабле очень тесно. И если на нем уже есть пассажиры, вам откажут. Но, возможно, удастся придумать что-нибудь другое, мисс Рук. Я рассмотрю это дело.

— Спасибо, сэр.

В комнате он производил впечатление почти такое же грозное, как и на палубе «Стрелы». Она легко могла представить себе, как он сметает ее с пути, если это соответствует его планам. Ей стало ясно, что она представляет для него проблему, причем проблему нежелательную. Персис встала.

— Мы очень благодарны вам за гостеприимство, сэр. Забота о дяде, а теперь о Шубале проявлена такая, какой можно только желать, даже со стороны самых близких родственников. И Шубал в нынешнем состоянии не может уехать. Но мы не имеем права дольше оставаться в вашем доме. Мне говорили, что здесь есть гостиница для путешественников, потерпевших крушение. Может, нам лучше переехать туда...

Он нахмурился совсем мрачно.

— Конечно нет! О, уверяю вас, гостиница неплохая. Но она не для леди, особенно одинокой.

— Сэр, мне пора научиться самой заботиться о себе. И с Молли я не одна.

Но капитан уже был на полпути к двери, как будто не мог больше уделять ей и ее заботам времени. И лишь бросил через плечо:

— Я не хочу ничего больше слышать о таких планах, мисс Рук. Вы останетесь под этой крышей, пока мы не найдем способ отправить вас в путь с удобствами.

Персис едва не ахнула. Резкость, подобная грубости, медленно вызвала ее возмущение. У этого капитана Леверетта нет над нею власти. Но он как будто ждал, что она покорно подчинится его распоряжениям. Словно он ее опекун.

Девушка крепче сжала портфель. Правда, ей не хватало нескольких месяцев, чтобы по закону стать совершеннолетней. Но дядя никогда не говорил ей, что наметил для нее опекуна. Хотя, может, опекун у нее все же есть, и ей не позволят даже добраться до островов.

Сможет ли какой-нибудь юрист в Ки-Уэсте действовать от ее имени? Она не подумала об этом раньше. Хотелось бы знать, что говорит закон об ее случае. Когда она еще несовершеннолетняя и не имеет опекуна.

Девушка выглянула в окно, за которым царила слепопуденная тишина. Было очень жарко; легкий морской бриз совсем стих. Персис начала понимать слова Лидии о том, что остров для нее — тюрьма. Но она не позволит, чтобы ее тоже заперли в эту тюрьму! Капитан Леверетт, должно быть, с таким же нетерпением хочет от нее избавиться, как и она от него.

Персис вернулась в комнату. Следовало поскорее просмотреть бумаги в портфеле, а часы с ключом от замочка на брелке лежали на сундуке в ее комнате. Устроившись поудобнее, она раскрыла портфель и вытряхнула на кровать стопку документов. Два перевязанных лентой письма она узнала: они были из сундучка с чердака. Кроме того, там находился длинный, сложенный втрое лист с внушительной печатью. На нем почерком с завитушками было написано «Последняя воля и завещание».

Персис прежде всего принялась изучать этот документ, написанный непривычным юридическим языком. Пенсия Шубалу, пенсия Молли, сумма, завещанная миссис Робинсон, кухарке, которая заправляла кухней нью-йоркского дома. Упоминание о некоторых книгах, которые должны перейти к мистеру Хогу. Распоряжения по поводу похорон, сделанные до того, как Огастин Рук решил отправиться на юг.

И наконец последнее: «Все оставшееся состояние и ответственность завещаю моей племяннице Персис Рук». Никакого упоминания об опекунстве. Очевидно, дядя Огастин не думал, что умрет до ее совершеннолетия. Но он должен был знать, что состояние здоровья у него не лучшее. Хотя, может быть, и знал, но не признавался самому себе.

Она стала читать письма. Первым прочла более позднее. От юриста, некоего мистера Симпсона Брауна с Багамских островов. В нем содержалась просьба к дяде Огастину приехать самому или прислать доверенного человека для решения вопроса о наследстве мадам Рук. Сумма в письме не упоминалась, но было ясно, что наследство значительное и ради него стоит потрудиться. Перевязанные лентой письма были гораздо старше. Они даже потемнели от времени. Персис расправила первое. И чернила от времени поблекли. Она посмотрела в сторону окна. Дело было не только в том, что она не привыкла к старинному почерку: уже смеркалось. Собирались тучи, снова поднялся ветер, от порывов которого затрепетали занавески. Персис поторопилась закрыть окна. Заметив, как бьются на ветру листья пальм, она закрепила также и ставни. Неужели на подходе новая буря?

Она зажгла свечу на столе и поднесла к ней письмо, чтобы лучше стало видно.

В письме говорилось о событиях, о которых ей уже рассказал дядя Огастин. Почерк образованного человека, стиль очень четкий, никаких отступлений. Сообщалось, что после смерти Амоса Рука найдены документы, неопровержимо свидетельствующие, что он был в долгу у своих нью-йоркских родственников. Автор письма предлагала выслать требуемую сумму. Несмотря на сдержанные выражения, Персис решила, что пишущая возмущена алчностью своего покойного мужа. Письмо было подписано «Кэролайн Рук».

Но во втором письме оказалась информация, о которой дядя Огастин не упоминал. Оно было длиннее первого, написано дрожащим почерком. Хотя, сравнив даты, Персис уста-

новила, что второе письмо было отправлено всего через четыре года после первого.

— Огастину Руку, эсквайру, — прочла она шепотом и начала разбирать дальнейшее.

«Я хочу попросить вас о большом одолжении, но для моего душевного мира это необходимо. Как вы знаете, у моего покойного мужа был сын, рожденный во внебрачном сожительстве еще до нашего с ним брака. Однако он открыто признал мальчика и сделал его своим законным наследником, так как было ясно, что в нашем возрасте детей у нас не будет.

К несчастью, этот мальчик, Джеймс Рук (имя, принятое после усыновления), оказался человеком страстного и своенравного темперамента. Он постоянно ссорился с отцом, связался с дурным обществом и был постоянным источником неприятностей и бесчестья для моего мужа, хотя он много раз давал Джеймсу возможность исправиться.

Когда началась новая морская война с вашей страной, Джеймс, вопреки желанию отца, отправился в плавание на капере, оснащенном на островах. Капер позже был захвачен кораблем под американским флагом. С тех пор мы ничего не слышали о Джеймсе, кроме слуха, что он был убит во время абордажного боя. Но до самой своей смерти мой муж надеялся, что его Джеймс может быть жив. Должна признаться, что я поддерживала эту надежду, так как это облегчало положение мужа во время его долгой болезни.

Я провела частное расследование и установила, что люди действительно видели, как Джеймс упал на палубе во время боя. Суд признал это достаточным доказательством его смерти, и поэтому все состояние его отца и моего мужа перешло ко мне.

Но совсем недавно я услышала кое-что новое: Джеймс, хотя и раненый, уцелел, но потом его никто не видел. Я установила, какой корабль захватил «Цаплю». По странной иронии судьбы, этот корабль оказался принадлежащим вам. Так как корабль не погиб, вы, возможно, сумеете разыскать слу-

живших на нем. Не сможете ли сообщить мне дополнительную информацию по этому делу?

Джеймсу было двадцать лет, у него была смуглая кожа и темные волосы. На тыльной стороне правой руке сабельный шрам. Он обладал несдержанным буйным характером.

Ожидая, сэр, вашего ответа, так как для меня это дело величайшей важности».

Прежде всего Персис решила, что жена Амоса, должно быть, ненавидела этого Джеймса. Было ясно, что она мирилась с ним только ради мужа. И боялась притязаний Джеймса на наследство. Ответил ли на это письмо дядя Огастин? Персис искала среди бумаг на кровати.

Еще один юридический документ: показания под присягой, вернее, заверенная копия (потому что на обороте стояло «копия»). Показания были взяты у двоих. Первый — капитан Уиллард Оуэнс...

Да ведь она знала капитана Оуэнса! Он уже был в отставке, но дважды навещал дядю в их доме в Нью-Йорке.

Второй — Патрик Коннер. Рядом с его подписью стояло слово «боцман». Оба под присягой показали, что человек, описанный в письме, был ранен и той же ночью скончался от ран. И был погребен в море.

Итак... Персис отложила документы. У мадам Рук имелась не одна причина быть благодарной дяде Огастину. Сначала он отказался от платы, которую она предложила, а потом доказал ее права на наследство. Теперь Персис гораздо лучше понимала, почему мадам Рук завещала значительную часть своего состояния старшей ветви семьи своего мужа.

Девушка аккуратно сложила письма и документы назад в портфель. Ключ от него она положила в маленькую шкапулку со своими драгоценностями. Но винил ли себя дядя Огастин в смерти Джеймса? Он умер явно с беспокойной совестью.

Укладывая портфель в чемодан, Персис слышала сильные порывы ветра. К ней отчасти вернулся страх последних

часов на «Стреле». Но ведь она сейчас в безопасности на суше, а не в открытом море.

Какой-то странный вопль перекрыл рев ветра. Она вздрогнула от этого необычного звука. В девушке зашевелился другой страх, тот, что она испытала ночью, когда была уверена в чьем-то «присутствии» рядом. Задрожавшая Персис взяла свечу и подошла к двери.

По часам дяди Огастина было еще только начало вечера. Но ночь здесь наступает очень быстро. Персис захотелось общества. Воспоминания об испытанном ужасе, когда она стояла у стены, становились все ярче.

Она услышала шум внизу, стук ставень. Заперли также дверь на веранду. Еще одна буря! Персис возблагодарила судьбу, что она сейчас не в море. Как ни силен ветер, как ни велики волны, на острове она в безопасности.

Из соседней комнаты тоже со свечой в руке вышла Лидия.

— Буря идет сильная. У вас есть водонепроницаемый плащ? — спросила она.

— Нет, — Персис удивилась. Неужели Лидия предлагает выйти на этот ветер?

— Жаль. Подержите, — Лидия передала ей свою свечу и начала разворачивать сверток, который несла под рукой. Это оказался плащ с капюшоном. Она набросила плащ на плечи и натянула на голову капюшон, не обращая внимания на беспорядок в своей сложной прическе.

— Пойду на место впередсмотрящего, — заявила она.

Персис подумала о крутой узкой лестнице, ведущей на крышу. О чем говорит Лидия? Да ветер запросто сорвет ее оттуда. Должно быть, ужас отразился на лице девушки, потому что Лидия рассмеялась:

— Это не опасно. Там уже Хендерсен, впередсмотрящий моего брата. Он натянул веревки, за которые можно держаться. А Мэйсон ждет внизу, чтобы передать сообщение, если покажутся ракеты тревоги.

— Капитан Леверетт выведет корабль в такую бурю?..

— А как иначе он добрался бы до «Стрелы»? Лицензия обязывает его это делать. «Непревзойденный» выдерживал и ураганы. Да, Крю ждет сигнала.

Она взяла назад свою свечу и принялась подниматься по лестнице. Персис нерешительно двинулась в противоположном направлении, медленно, ступенька за ступенькой, спустилась на темный первый этаж с закрытыми ставнями окнами. Выйти в хрупком корабле в самую пасть бури — да, человек, которого она видела на обмываемой волнами палубе «Стрелы», способен и на такое. Ему не откажешь в храбрости, что бы ни говорили плохого об его характере.

Миссис Прайор была занята в гостиной. Она повернулась к Персис и неожиданно задала вопрос:

— Ставни в вашей комнате хорошо закрыты, мисс Рук?

— Да. Будет сильная буря? — Девушке показалось, что прочный дом начинает дрожать под сильными ударами ветра.

— Кажется. А мы некоторым образом уязвимы здесь. Хотя дом построен на сваях, которые немного сгибаются на ветру. Иначе его вообще могло бы разнести. На кухне все огни погашены. Придется обходиться холодной едой, пока буря не пройдет.

Ей приходилось говорить на повышенных тонах, чтобы перекричать шум снаружи. Как Лидия может находиться там, на крыше? Персис поражалась безрассудству девушки.

— Лидия пошла на крышу, — сказала она. Она не могла руководить действиями своей хозяйки, но, наверное, миссис Прайор что-нибудь сделает.

Миссис Прайор пожала плечами.

— Она и ее брат — это у них в крови. Она понимает опасность, хотя там и привязано много тросов. Что она от этого получит, кроме промокшей одежды... — Домоправительница снова пожала плечами. — А капитан уже в море.

— Не понимаю, как он может... — решила Персис.

— Лучше качаться на волнах в море, чем разбиться о причал, — экономка проверила прочность последних ставень. —

Только посмотрите на это! — Она показала на воду, пробивавшуюся в закрытое окно. — Придется затыкать щели, чтобы вода не добралась до ковров!

Персис покорно пошла за миссис Прайор, целеустремленно направившейся на кухню. Мам Роз, Сьюки и другая девушка жались к очагу, словно им было холодно. В очаге еще тлел огонь. Молли замерла у большого стола, заткнув обеими руками уши и плотно закрыв глаза, как будто не хотела ни видеть, ни слышать буйства стихии снаружи.

— Вставайте! — Миссис Прайор подошла к группе у очага. — Вода просочилась в гостиную. А может, и в другие места вдоль восточной стены. Отыщите тряпки, старые полотенца и готовьтесь к уборке.

— Воды будет много, миссис Прайор. — Мам Роз не сделала попытки встать, она как будто хотела спрятаться за ответом. — Воду нагонит через черепаший садок.

Миссис Прайор прошла по кухне, наклонилась и подняла крышку люка. Откинув ее, домоправительница взяла штормовую лампу и опустила вниз. Мам Роз и служанки неохотно отошли от очага и принялись доставать тряпки из ларя.

— Почти доверху, верно? — спросила Мам Роз.

Персис заглянула в темное отверстие, которое открыла домоправительница. В свете лампы поблескивала вода. Миссис Прайор смотрела, до какой ступени лестницы она поднялась.

— Не о чем беспокоиться, — пришла она к заключению. Худые плечи Мам Роз сгорбились.

— Я не останусь здесь, если загон сломается и большие черепахи выйдут. Не хочу, чтобы они сюда поднялись.

Миссис Прайор захлопнула люк.

— Вряд ли это произойдет, Мам Роз. Ты и сама знаешь. Увидев удивление Персис, она объяснила:

— Там, внизу, цистерна с пресной водой. Часть ее используется как бассейн для купания. Между цистерной и каналом — загон, обнесенный сваями. В нем мы держим черепах. Черепаховый суп великолепен, хотя, может, чересчур жирен.

— Вы хотите сказать, что под домом бассейн? — спросила Персис.

— Да. Он сделан так специально, на случай набега индейцев. Вода в него поступает из источника. Можно даже уйти в канал через черепаший садок.

Персис понимала преимущества запаса воды, хотя, наверное, когда уровень воды в канале поднимается, вода в цистерне становится соленой и непригодной для питья. Но пробираться через садок с черепахами, чтобы спастись от набега... Это звучит как самая нелепая фантазия. Однако миссис Прайор явно считала это дополнительным преимуществом дома.

— Не весь дом над водой, — должно быть, миссис Прайор уловила ее тревогу. — Только кухня. Когда капитан Леверетт строил дом, он использовал метод, принятый на островах. В насыпь вбиваются сваи. Здание может слегка наклоняться, но совсем разбить его буря не может. А лишний выход всегда удобно иметь на случай неприятностей. В прошлом на островах Ки происходило немало боен, и жители научились принимать меры предосторожности. Цистерна заполняется дождевой водой. Если она переполняется, избыток уходит через канал. Когда это происходит, мы здесь заклиниваем дверь.

Персис попыталась представить себе подвал дома, любого дома, полный воды и черепах. И поняла только, что это часть варварского образа жизни рекеров, с которой она не желает иметь ничего общего. Черепахи! Она как-то видела этих чудовищ. Они лежали на спинах, вяло перебирая лапами, и ей стало жаль бедняг. С тех пор она не любила хвальный черепаший суп.

Попятившись от люка, девушка услышала громкий стук в наружную дверь кухни. Кто-то лихорадочно стучал в нее. Миссис Прайор оглянулась и поставила лампу.

— Пошли, — сказала она, поманив Персис и Молли. — Потребуется усилия всех трех.

Положив руку на щеколду, домохозяйка жестом велела встать за собой, словно боялась, что ее отбросит внутрь.

— Готовы? — предупредила миссис Прайор во время недолгого затишья. Персис увидела, как напряглась Молли, и сделала то же самое. Тут дверь, освобожденная от запора, распахнулась.

Персис, насквозь промокнув от ворвавшегося дождя, громко вскрикнула. Она словно упала в цистерну внизу, промокнув от волос до туфель. И так яростно обрушились на нее вода и ветер, что девушка даже не могла дышать. Она только разевала рот, как только что выловленная рыба.

Но ярость бури внесла в кухню кого-то еще. Персис увидела согнувшуюся фигуру, которую пронесло мимо очага. И приложила все силы, чтобы помочь миссис Прайор и Молли снова закрыть дверь.

Наконец им удалось захлопнуть створку. На полу остались лужи воды и даже сорванные листья. Затянув болты сверху и снизу, миссис Прайор постояла, отдуваясь; ее круглое лицо покраснелось под промокшей шляпой и растрепавшимися волосами. Молли прижимала руки к груди, которая тяжело поднималась и опускалась в такт дыханию.

Поэтому только Персис повернулась, чтобы посмотреть, кого принесла буря. И отскочила, едва сдержав крик. Эта... эта тварь, скорчившаяся у очага... она едва походила на человека!

Тонкие черные ноги-палки, такие же худые руки, ладони, как лапы хищной птицы. Тело туго обтягивала мокрая черная кожа. А болтавшаяся юбка была такая грязная, что по цвету стала почти такой же, как кожа. Но голова... вот она повернулась к девушке...

Темно-коричневая физиономия никак не походила на голову живого существа. Как это возможно? Большие оттопыренные уши, как у летучей мыши; глаза в глубоких ямах, так что в них не отражался даже огонь очага. В носу Персис не увидела ноздрей, а выпяченный вперед круглый рот чудовища как будто был готов в любой момент к чему-нибудь присосаться.

Миссис Прайор отошла от двери. Она подняла с пола лампу и поставила на стол. На лице ее не было и следа беспокойства.

— Плохая погода, Аскра, — заметила она.

Рваное грязное существо, принесенное бурей, неуклюже встало. Суставы его скрипели, как от ревматизма. Теперь Персис увидела путаницу седых волос на плечах. Вода стекла с них на пол.

Женщина хмыкнула, подняла птичьи лапы к затылку, порылась там немного; невероятное уродливое лицо упало и повисло на веревке на груди, как детский нагрудник.

Под ним оказалось вполне человеческое лицо, темнокожее, но совершенно не похожее на лица других служанок. Большой орлиный нос выступал вперед, свисая к выпяченному подбородку; лоб уходил назад, еще больше подчеркивая выступ носа.

Персис видела индейцев севера, жалкие остатки некогда гордых и страшных шести народов¹. Но эта очень старая женщина не походила и на них. Несмотря на рваную грязную одежду, держалась она как госпожа.

Ничего не сказав, она отвела с лица волосы. Она смотрела мимо миссис Прайор, не обратив внимания на ее слова, смотрела прямо на Персис.

Как ни старалась, девушка не могла отвести взгляд или повернуть голову. Старуха держала ее в каком-то трансе силой своей личности, как будто была способна проникнуть в мозг пленницы и прочесть там все мысли.

— Ракеты! — резкий крик положил конец противостоянию.

В дверях, выходящих в коридор, стояла Лидия. Плащ, по которому стекали потоки воды, плотно облипал ее тело.

— Мы видели ракеты! — повторила она. — Корабль налетел на рифы!

¹ Шесть объединившихся племен индейцев: пять племен ирокезов и шестое — тускарора. — *Прим. перев.*

Глава шестая

Персис расхаживала взад и вперед по коридору. Она просто не могла усидеть на месте. Воображение рисовало ей картины того, что происходит за стенами дома, дрожавшими под порывами ветра. Лидия тоже пришла в крайнее возбуждение, но даже она не решалась теперь выйти на крышу, только говорила все быстрее и быстрее о прошлых бурях и о том, что они приносили. Мокрый плащ она сбросила и теперь сидела на нижней ступеньке лестницы и без передыху говорила, говорила, говорила... Персис захотелось закрыть уши руками, как делала Молли.

Наконец девушка так устала от ходьбы, что вынуждена была сесть в столовой, где три свечи отбрасывали три круга света, а над плечами сидящих нависали тени, как хищные звери, готовые наброситься на добычу. Как и предупреждала миссис Прайор, еда была холодная: хлеб, джем, ломти копченой свинины. Не было даже чая, чтобы запить еду.

Лидия по-прежнему рассуждала о призах, которые может дать море. Она как-то не думала о том, что на кораблях, оказавшихся во власти стихий, гибнут люди. И только когда люстра неожиданно задрожала, хрустальные подвески со звоном ударились друг о друга и пол вздрогнул под ногами, хозяйка дома замолчала.

Персис заметила, что она крепко сжала поверхность стола; ногти ее прямо-таки впились в скатерть.

Но вслед за толчком наступило относительное спокойствие, и Персис немного расслабилась. Вошла миссис Прайор, ведя перед собой Сьюки, и по очереди осмотрела все окна в поисках протекающих щелей.

— Буря кончилась? — спросила Персис.

— Конечно нет, мисс. Мы в самом ее центре — это называется «глаз бури». Потом, когда центр пройдет мимо, ветер снова поднимется. — Было что-то успокоительное в миссис Прайор: ни потоки дождя, ни порывы ветра не могли смутить

ее. Как и Персис, она переделалась в сухое, восстановила свою старомодную прическу и выглядела как обычно.

Но новость, которую она принесла, не ободряла, и Персис инстинктивно напряглась в ожидании возвращения урагана. Она утратила всякое представление о времени; иногда девушка думала, что буря длится уже целую вечность. Что сейчас? Ночь? Утро? Но как она ни устала, забраться в кровать, когда бушует стихия, казалось невозможным.

Как и предсказала домоправительница, ветер снова поднялся, и какой-то бесконечный рев бури продолжал держать всех в напряжении. Лидия наконец замолчала. Персис ее почти не слушала, когда начался второй приступ. Иногда она вообще ничего не слышала, видела только, как движутся губы. Они сидели в гостиной при свете одной-единственной свечи с дрожащим огоньком. Один или два раза слышался такой треск, что Персис была уверена: отвалилась часть дома. Но к девушке вернулась ее упрямая храбрость: она ни за что не даст понять, как сильно боится.

Что с кораблями? «Стрелу» привели в гавань, чтобы оценить размеры необходимого ремонта. Но после такой бури она может оказаться в гораздо худшем состоянии. Капитан Леверетт где-то в открытом море, рискуя кораблем и жизнями, собственной и своих людей. Лидия видела ракеты. Повезет ли тем, кто их выпустил, так же, как экипажу и пассажирам «Стрелы»?

Персис обнаружила, что Лидия внимательно наблюдает за ней, смотрит на нее тем же пристальным взглядом, каким смотрела оборванная карга, искавшая убежища у них на кухне несколько часов назад.

— Рада, что не там? — Губы Лидии сложились в легкую улыбку. — «Стрела» такого никогда бы не пережила. Да и Крю не решился бы снимать ее с рифов. Не в такую бурю. А Крю — лучший рекер на островах Ки.

Персис не хотелось думать о «Стреле»; она вообще хотела бы забыть звуки бури.

— Как он стал рекером? — спросила она.

Лидия надула губы.

— Из-за своего упрямства. Он уже в восемнадцать лет получил диплом капитана. Наш отец торговал с Китаем и с Индией. Он хотел, чтобы Крю участвовал в семейном деле, но Крю грезил только морем. И сбежал на одном из идущих в Китай клипперов. Ему было тогда только двенадцать, но характер у него был такой же, как сейчас. — Лидия рассмеялась. — Он по-прежнему горячей ада, как говорит Ральф, только лучше сдерживается. Но когда перестает сдерживаться... — она сделала жест рукой. — Ну, он прирожденный моряк и много работал. Потом он договорился с Палмером Бриггсом...

Персис вздрогнула. И была уверена, что остроглазая Лидия этого не пропустит. Палмер Бриггс хорошо известен в Нью-Йорке, слишком хорошо известен, и репутация у него самая дурная.

— О, Крю никогда не командовал кораблем работорговца, — Лидия чуть приподняла подбородок. — За такие дела берутся только подонки. Но Палмер интересовался рекерством. Флот погубил немало его работорговых кораблей, и все, что он отправлял в море, вызывало подозрения. Поэтому он сделал предложение Крю: заняться рекерством на островах Ки и посмотреть, что из этого выйдет. Но вскоре после этого Палмер Бриггс разорился, стал банкротом. А Крю купил корабль у попечителей, которые присматривали за ликвидацией дел Бриггса. Потом он приплыл сюда и купил этот остров, купил у вдовы Санчо Мендозы, которому остров принадлежал по испанскому закону. Он знал, что рекеры из Ки-Уэста объединяются, чтобы избавиться от тех, кто им не нравится. И они действительно невзлюбили Крю. Он много раз опережал их в крушениях и первым заключал договора с капитанами. Этот дом... Он нанял плотников с нескольких кораблей, чтобы построить его.

Она гордо осмотрелась.

— Когда умер отец, Крю заставил меня пойти в школу в Чарлстоне на Каролинских островах... — тут Лидия состро-

ила гримасу. — Не делай этого, леди так никогда не поступает, леди никогда об этом не думает и все прочее! — Тон голоса давал ясное представление, что она думает о школе. — Я упрашивала его привезти меня сюда. Какая же я была дура!

Теперь ее лицо приняло напряженное выражение.

— Понимаете, я тогда не знала, каково оказаться запертой в этой... в этой пустыне! В школе Ки-Уэста была девушка... Салли Мэтьюс... По ее словам, жизнь здесь такая интересная. Но мне абсолютно нечего здесь делать. И не понимаю, как Крю собирается выдать меня замуж. За кого замуж? За доктора Виринга? Он мне в отцы годится и к тому же думает только о своих растениях. А спасенные с кораблей... они задерживаются ненадолго. Меня все равно что похоронили.

Персис хотелось спросить, как вписывается Ральф Гриллон в картину жалкой жизни Лидии на острове Исчезнувшей Леди, но она не хотела никаких признаний.

— Вам хорошо, — Лидия снова расчетливо смотрела на гостью. — У вас есть причины отправляться в Ки-Уэст, даже на Багамы. Только не позволяйте Крю решать за вас.

— У него нет никаких причин вмешиваться в мои дела, — ответила Персис.

Лидия рассмеялась:

— Крю причины не нужны, он просто поступает по-своему, так, как считает нужным, и неожиданно вы понимаете, что оказались у него под ногтем. Так что берегитесь! — Она прикрыла рукой зевок. — Спать хочется. Ко всему привыкаешь. Даже в бурю можно спать.

Персис приняла это как намек. Ей совсем не хотелось подниматься по лестнице в свою комнату с закрытыми ставнями. Но Лидия уже задула одну свечу и взяла другую. Персис тоже неохотно встала, прикрыла рукой огонек последней свечи и последовала за Лидией по лестнице. Она хотела бы попросить Молли переночевать с ней, но гордость помешала ей сказать об этом.

В своей комнате она сняла только платье и туфли, надела пеньюар и легла в широкую кровать, готовая к неожидан-

ной тревоге. Но, наверное, Лидия все же права: можно ко всему привыкнуть, в том числе и к звукам бури. Несмотря на страх, который было так трудно скрывать, Персис погрузилась в тревожный сон.

Очень тревожный сон... Снова стояла она, прижавшись к стене в верхнем коридоре, слушала шорох, который могли производить невидимые шелковые юбки, задевающие за пол, видела неторопливо раскачивающиеся огоньки. Но на этот раз, несмотря на все усилия высвободиться, что-то увлекло ее вслед за этим бесплотным присутствием.

Потом стены коридора исчезли, исчез и дом. Она оказалась под открытым небом, хотя поблизости виднелась каменная стена. Ни следа бури. Необыкновенно тихая ночь, не слышно звуков насекомых, не шелестит ветер, только шорох обозначает невидимое присутствие.

Они подошли к дальней стороне стены. Огоньки теперь двинулись быстрее, но по-прежнему всегда держались вместе. Потом медленно, очень медленно опустились к земле. Казалось, они ушли в нее, потому что Персис больше их не видела. И как только они исчезли, девушка освободилась.

Она проснулась. Комната казалась влажной и душной. Одежда прилипла к телу, голова болела. Но еще какое-то время сон владел девушкой, и Персис казалось, что она не в широкой кровати, в комнате, а снаружи, во тьме ночи, в которой она не помнит ни луны, ни звезд.

Персис села. Она пыталась благоразумно уверить себя, что на самом деле в этом сне нет ничего пугающего. Ей ничего не угрожало. Но почему же она чувствует себя такой слабой, такой потрясенной, как будто убегала от преследователей, спасая жизнь. Девушка вытерла руками вспотевшее лицо. И только тогда поняла, что не слышит звуков дождя. И за ставнями было светло.

Выбравшись из постели, она направилась к ближайшему окну, внимательно прислушиваясь к звукам. Но стояла почти полная тишина, как при ее первом пробуждении здесь. Она

с радостью выдернула тряпки, которыми служанки заткнули возможные щели, и встретила утро, облачное, но спокойное.

Растительность выглядела весьма растрепанной. Несколько пальм упали, и вода в канале поднялась очень высоко.

«Стрелу» как будто расколотило о причал, даже пробило один борт. «Непревзойденного» нигде не было видно.

Персис умылась водой из кувшина на туалетном столике, надела свежее белье и одно из платьев, которое Молли постаралась восстановить. Но платье из розового муслина в маленьких блестящих точках все-таки выглядело немного потрепанным, несмотря на все усилия Молли.

Девушка почувствовала, что сильно проголодалась. Горит ли огонь на кухне? Она с удовольствием выпила бы горячего чая. Подумав об этом, Персис сразу ощутила сухость во рту. Чай с печеньем и, может, немного фруктов, которые тут составляют обязательный элемент завтрака.

Не имело смысла пытаться правильно уложить волосы. Влажный морской ветер не дает здесь потакать этому невинному тщеславию. Поэтому она просто расчесала волосы и завязала их узлом — это все, что она могла сделать. Потом девушка вышла в коридор. На мгновение ее снова охватило то же ощущение, что и во сне. Это всего лишь сон, твердо сказала себе Персис. И она не позволит, чтобы ее постоянно подводило слишком живое воображение.

В доме было очень тихо. Наверное, остальные еще спали после тревог бури. Персис постояла у дверей Лидии, думая, стоит ли постучать. Лучше она поищет Молли, а ее скорее всего можно найти на кухне.

Тишина в доме все больше и больше тревожила девушку. У нее даже появилось странное ощущение, что она одна, а дом покинут. Пустая фантазия, и Персис сразу подавила ее. Но, обнаружив, что в кухне никого, огонь не горит, не видно никаких следов Мам Роз и остальных, она была потрясена.

Задняя дверь, которую они вчера прочно закрыли после появления Аскры, теперь была приоткрыта. Персис инстинктивно направилась к ней. Должно быть, Мам Роз и служан-

ки ушли в свои хижинки... вон они... и проспали. Не ее дело будить прислугу, конечно, но она, по крайней мере, может выйти и посмотреть, какой сегодня день.

Свежий морской ветер дергал девушку за юбки и тщетно пытался развязать узел на голове. Землю усеивали оборванные листья и ветки. Персис не увидела никакой дороги в этом мусоре, никаких следов хижин, хотя прошла до самой противоположной стороны насыпи, осторожно пробираясь среди обломков.

В одном месте часть насыпи — земля и раковины вместе — осыпалась. И обнажились грубые камни, уложенные в ряд.

Ствол пальмы протискивался между двумя такими камнями. От ствола теперь остался только пенек. Персис остановилась. Эти камни... они должны быть выше, гораздо выше! Но откуда она это знает?

Изрядно удивленная, девушка обеими руками подобрала юбки и проскользнула мимо обломков пальм, чтобы взглянуть на древнюю стену. Один из обломков глубоко вонзился в этом месте в насыпь, и под ним виднелось что-то... не камень.

Персис наклонилась, взяла ветку и принялась копать. Шкатулка! Из какого-то потускневшего металла. Сейчас он имел тот же цвет, что и земля, в которой лежал.

Шкатулка была узкая, примерно восемнадцати дюймов длиной. Девушка вытащила ее из земли и подняла, обнаружив, что она удивительно тяжелая. Свинец? Свинцовый ящик. Что-то давным-давно спрятанное здесь испанцами или пиратами?

Она попыталась открыть шкатулку, но вскоре вынуждена была признать, что та прочно закрыта, хотя никакого замка не было видно. Осторожно неся ее, Персис вернулась в кухню, вспомнив о висевших там ножах.

— Аааах...

Персис подпрыгнула и выронила нож, которым пыталась открыть крышку.

Ведьма, которую принесло бурей, стояла, глядя на девушку пристальным оценивающим взглядом. Персис никогда никого так не боялась. Но Аскра не была похожа на знакомых ей людей.

Индианка протянула руку с пальцами-когтями, увенчанными грязными обломанными ногтями. Рука ее походила на лапу птицы навроде стервятника. Персис несколько раз видела их в прошлом.

— Ты... нашла... вещь... призрака... — Слова произносились с трудом, как будто их с большими усилиями выдавливали одно за другим из-под нависшего носа.

Персис с трудом удержалась от того, чтобы не спрятать руки за спиной. Но потом упрямство и независимость заставили ее выпрямиться.

— Я нашла это... там, под камнем, — девушка указала на заднюю дверь, стараясь говорить спокойно, как обычно. Не существует ни ведьм, ни призраков. Она в этом уверена. И не собирается менять свои убеждения.

— Вещь... призрака... плохая...

Теперь Персис поняла, что имела в виду Молли, когда говорила, что под взглядом карги начинаешь верить, что ей подвластны силы, недоступные обычному человеку. Но она не собиралась поддаваться таким нелепым мыслям!

Индианка еще сильнее вытянула руку, расправила пальцы, словно собиралась схватить ящичек. Взгляд ее изменился, затуманился, веки опустились. Однако взять шкатулку она не пыталась. Но от рук старухи словно исходил жар, который девушка хорошо ощущала.

— Нет... — ведьма заговорила не по-английски. Она произносила слова, непонятные Персис. Потом: — Кровь... на нем кровь... и будет снова. Возьми.

Кончиками пальцев Аскра подтолкнула шкатулку к Персис.

— Это тебе... подарок.

— Подарок? — удивленно повторила Персис.

— Подарок крови. Только в твои руки он пойдет. И в твоих руках принесет жизнь... и смерть. Она этого хочет.

— Она?..

Аскра уже направлялась к наружной двери. Она ничего не ответила и мгновение спустя вышла. По-прежнему закрытая шкатулка лежала на столе. Персис разрывалась между двумя равными по силе чувствами. Одно требовало, чтобы она вернула вещь туда, где нашла ее, забросала землей и раковинами. Но девушка внезапно поняла, что не может сделать это. Ей вдруг очень важно стало знать... Она должна узнать!

Индианка, очевидно, хотела запугать ее, вот и все. Молли сказала, что островитяне боятся Аскры, дают ей все, что та пожелает, и стараются не попадаться ей на пути.

Девушка медленно взяла нож, вставила в еле заметную щель и надавила. Когда-то здесь стояла крепость пиратов. Мысль о сокровище пришла в голову Персис, но девушка отогнала от себя домыслы. Вскоре она обнаружила, что крышку удерживает свинцовая лента, и, отогнув кончик, сумела снять ее. И как только сделала это, крышка легко поднялась.

Пространство внутри заполняла сгнившая материя. Персис осторожно извлекла ее. И остался один предмет, тщательно завернутый в кусок когда-то промасленного шелка (шелк потрескался от старости и издавал неприятный запах).

Персис осторожно потянула ткань. Ей не хотелось прирагиваться к ней. Обертка медленно развернулась, и девушка увидела сложенный веер. Но...

Именно этот веер Лидия показывала ей и рассказывала его фантастическую историю! Невозможно было не узнать этих кошек с глазами из опала, столь губительно смотревших с покрытых сплошной резьбой крышек веера. Но когда Персис попыталась раскрыть веер, ничего не вышло. Эта вещь походила на веер, да, но более внимательный осмотр показал, что он не раскрывается. Сплошная тяжелая копия веера, который показывала Лидия. Даже с канавками по краям, куда будто бы уложены планки.

И... эта вещь была ей ненавистна!

Персис гордилась своим разумным подходом к жизни. Рассказ Лидии о привидении она считала нелепым. Конеч-

но, это не веер Лидии, просто его копия, сделанная так, что не может раскрываться. Но Персис обнаружила, что ей не хочется прикасаться к этой вещи.

Стараясь трогать только промасленный шелк, она быстро завернула веер и снова уложила его в гроб. Почему она выбрала именно это слово? И почему оно кажется таким подходящим, спросила часть ее сознания. Но именно так оно и было: веер лежал в гробу.

Девушка торопливо сгребла назад разложившуюся ткань и захлопнула крышку. Как могла, прикрутила свинцовую ленту, загнула по краям. Но не настолько — она была уверена в этом, — чтобы помешать теперь влаге проникнуть внутрь. Однако это не играло роли. Веер — орудие зла!

Но тут собственные мысли удивили Персис. Почему какой-то предмет может вызывать мысли о зле? В наши просвещенные дни это совершенно неестественно. Персис знала, что колдуны, ведьмы, проклятия и все такое встречаются только в романах, которыми глупые школьницы меняются, чтобы с удовольствием подрожать над воображаемыми ужа-сами.

Взяв шкатулку в руки, девушка решительно направилась к задней двери. Эта штука вернется туда, где она ее нашла. А слова Аскры, ее предупреждение — всего лишь бред полубезумной старухи, вызванный суевериями и предрассудками, которые держат в страхе окружающих. Персис отыскала ямку, из которой извлекла шкатулку, и постаралась уложить ящичек на прежнее место, потом забросала его землей и раковинами и утоптала, чтобы место это не было обнаружено снова.

И только вернувшись домой и вымыв вымазанные землей руки, девушка почувствовала себя спокойней. Никто не найдет этот веер. Тем не менее ей приходилось подавлять любопытство. Веер, который не веер. Для чего он служил? Она была уверена, что рисунок на крышках обеих вещиц одинаковый — загадочные кошки с опаловыми глазами, которые кажутся почти живыми. Повесив полотенце, Персис услы-

шала первый звук в молчаливом доме. Это вошла миссис Прайор, в первый раз потерявшая свое обычное невозмутимое выражение лица. Даже несколько прядок волос высвободились из прически (Персис была уверена, что остальные волосы аккуратно приколоты) и упали на шею, и это действовало сильнее, чем если бы миссис Прайор была совсем непричесана.

— Капитан... — Она остановилась в двери, сцепила пальцы поверх передника. Лицо ее казалось не таким розовым, как обычно. — Сигнал с корабля... Капитан ранен!

— Капитан Леверетт? Его привезут на берег?

— Да-да. Мы должны приготовиться...

Персис уже пошла.

— В его комнату, — решительно заявила она. — Я уберу свои вещи. Если не возражаете, я воспользуюсь комнатой дяди Огастина.

— Конечно, — но миссис Прайор, казалось, ее не слышала. Она сняла с пояса связку ключей — этот знак своей власти она всегда носила с собой — и направилась к высокому шкафу слева. — Хаммонд отправился за доктором Вирингом... Ранен... Никогда раньше... — Персис решила, что женщина разговаривает сама с собой.

Девушка заторопилась по лестнице вверх. Схватила в охапку вещи, которые чинила и гладила Молли, и понесла через коридор. Бросила на кровать. Чемодан... Его должны будут принести позже. Взяла щетку, расческу, зеркало, бутылочку туалетной воды, которая чудом пережила крушение «Стрелы», замотанная в три нижних юбки. Часы дяди Огастина с прикроватного столика...

Она оглядывалась, чтобы убедиться, что ничего не забыла, когда появилась Сьюки с охапкой свежего постельного белья, а за ней Лидия. Очень угнетенная Лидия, без обычного выражения легкого злорадства на лице, которое поэтому всегда казалось недовольным.

— Не могу поверить... Крю! — выпалила она. — Плохо... — Она прикусила губу. — Крю никогда не рискует... даже... нет,

не Крю! — Она едва не заплакала, но в это мгновение вошла миссис Прайор вместе со второй служанкой, которая тащила груды разорванных на повязки простынь и горшочки, прикрытые перевязанной промасленной бумагой.

— Не надо, мисс Лидия! — резко приказала миссис Прайор. — Доктор Виринг уже в пути.

— Крю... — Лидия вся дрожала, и Персис, поняв, чем может помочь, обняла девушку за плечи и вывела ее из комнаты, полной смятения.

— Нужно верить, — говорила Персис. — Он прекрасный моряк, вы ведь знаете, — ей трудно было находить слова, и она в замешательстве принялась складывать белье.

Лидия разгладила смятую юбку. Она не поднимала головы.

— Крю всегда... всегда был, — сказала она прерывисто. — Я на него могла положиться.

— Сможете и в будущем, — резко ответила Персис с уверенностью, которой сама не испытывала.

Глава седьмая

Но Крю Леверетт не был в хорошем состоянии. Не был он и хорошим пациентом. Дядя Огастин после приступа погрузился в молчание, он никогда вслух не жаловался, всегда оставался вежлив к тем, кто заботился о его телесных нуждах (временами тело ему совсем отказывало). Капитан же, напротив, оказался требовательным и нетерпеливым. А раны его были отнюдь не легкими. Перелом плеча, два треснувших ребра, легкое сотрясение мозга — все это он получил, пытаясь спасти голландский бриг, налетевший на рифы недалеко от того места, где пострадала «Стрела».

Первые часы доктор Виринг держал его под действием опиума, пока перевязывали плечо и вправляли ребра. Но даже под наркотиком капитан иногда возвышал голос, отдавая резкие приказы. Очевидно, лежа в постели, мысленно он перенесся на палубу брига. Сохранить корабль, как «Стре-

лу», не сумели, хотя люди капитана под командованием его первого помощника Лана Харвери спасли половину экипажа (тех, кого не смыло за борт при первом толчке) и примерно треть груза. Теперь эти вещи горами лежали на пристани, там же, где недавно груз со «Стрелы».

Лидия оказалась совершенно бесполезна в комнате больного. Очевидно, факт, что Крю оказался подвержен тем же опасностям, что и остальные рекеры, явился для его сестры шоком. Персис, вспоминая собственное смятение и отчаяние, которые она испытала, когда дядя Огастин из властного главы дома превратился в инвалида, понимала, что переживает девушка.

Ведь если не считать неудовлетворенного желания Лидии путешествовать, Крю явно постарался сделать жизнь сестры приятной и беззаботной. Если она и научилась чему-то по хозяйству в школе в Чарлстоне, все эти знания давно улетучились. И поэтому она оказалась совершенно бесполезной в комнате больного. Без всяких обсуждений сложилось так, что миссис Прайор в заботах о капитане помогали Персис и Молли.

Придя в себя, капитан оказался весьма трудным больным. Так как доктор Виринг не разрешил ему вставать, он сразу начал вызывать к себе членов экипажа и островитян и отдавать приказы. Но тут доктор восстал и заявил, что капитан Леверетт может командовать в море, а здесь его, врача, капитанская рубка, и он больше не потерпит этого хождения взад и вперед.

Персис по собственным наблюдениям знала, что у капитана лихорадка. Девушка часто заходила, приносила миссис Прайор, которая вообще почти не покидала комнаты больного, лекарства и травы. Лицо капитана покраснело, краска видна была даже сквозь смуглую обветренную загорелую кожу, и глаза его сверкали слишком ярко. Он постоянно бушевал, сердился, как будто не мог поверить, что такое в самом деле случилось с ним. И успокаивался только под действием лекарств, и это беспокоило доктора Виринга.

— Это все рана головы, — слышала Персис, как он говорил миссис Прайор. — Постоянное возбуждение вызвано этим. Я никогда не видел Крю таким неразумным. Возможно, у него трещина в черепе. Но его нельзя тревожить — это самое главное. Ничто не должно его возбуждать.

Распределились так, чтобы кто-нибудь всегда находился с капитаном. Молли рассказывала, что он дважды приходил в себя — правда, точно слова хозяина дома она отказывалась повторить — и требовал объяснить, что делает у его постели незнакомая женщина. И, прежде чем она могла ответить, снова терял сознание.

На второй день рано утром Персис села в кресло с высокой спинкой лицом к кровати, отпустив Молли и миссис Прайор. Тем необходимо было отдохнуть. Еще только светало, и на столе горела единственная свеча. Сетка частично мешала смотреть, но Персис обнаружила, что разглядывает лицо капитана, надеясь увидеть, что он спит естественным сном, что лихорадка его оставила.

Он лежал между подушками так, чтобы не смог повернуться на бок. Но время от времени крутил головой, как будто видел неприятный сон. Лоб капитана бороздили морщины.

Подбородок, щеки и верхняя губа заросли щетиной, но спал он с закрытым ртом. И, несмотря на его хмурое выражение, Персис начала понимать, что он привлекательный мужчина. Теперь он был не так напряжен, как во время их последнего разговора, и потому казался моложе.

Больной снова повернул голову, и девушка заметила, что он провел языком по губам. Персис тихо встала и подошла к столику. Как много раз за последние два дня делала миссис Прайор, она окунула край льняного полотенца в воду и, раскрыв сетку, протерла лицо раненого влажной тканью. И не один раз, а несколько. Он вздохнул и полуоткрыл глаза.

На столике стояла чашка с носиком — еще одно средство первой помощи миссис Прайор. Персис поднесла ее к губам капитана, и он принялся жадно пить. Девушка решила коснуться его лба: кожа была влажная, и не только от полотенца,

решила она. Кажется, кризис миновал! И тут она увидела, что его глаза открыты и он удивленно смотрит на нее. Мрачное выражение лица исчезло.

— Вы не... Лидия... — Голос его прозвучал хриплым шепотом.

— Я Персис Рук, — ответила она и прикрыла пальцами его губы. — Я была на «Стреле». А теперь отдыхайте, капитан Леверетт. Вы были ранены, и у вас лихорадка.

Но, поставив чашку на столик, снова повернувшись к кровати и задергивая сетку, она увидела, что капитан не закрыл глаза. Его глаза, которые казались ей раньше темными, на самом деле были синие, светлее, чем у Лидии, синие, как глубокий океан, хозяином которого он стал.

Девушке пришла в голову одна мысль.

— Хотите увидеть Лидию?

Впервые на губах его появилась легкая улыбка. И как она ни легка, Персис поразила перемена, которую та вызвала. Она видела его в гневе на борту «Стрелы», видела серьезным, когда он исполнял обязанности священника на похоронах дяди Огастина, но никогда не видела такого светлого юношеского выражения на его лице.

— Лидия не очень хороша в уходе за раненым, — еле слышно прошептал он.

— Наверное, ей никогда не приходилось раньше этого делать, — тактично заметила Персис.

— А вам приходилось?

— Мой дядя до нашего отъезда из Нью-Йорка проболел много недель, — сдержанно ответила она. — И мог надеяться только на Молли, Шубала и на меня.

— Молли... — он слегка удивился. — А, это та женщина, которая наливает лекарства, хочешь ты того или нет. Она запомнила... мне... мою старую... няньку...

Веки его смыкались, голос затихал, сменяясь сонным бормотанием. Тут вошла миссис Прайор с подносом, на котором громоздились чашки, бутылочки, салфетки, и с таким целеустремленным видом, что Персис не стала снова садиться.

— Мне кажется, кризис миновал, — доложила она.
Миссис Прайор провела собственное обследование.

— Слава Господу, это так! Он просыпался?

— Только на несколько секунд. Я напоила его.

— Хорошо. Сегодня покормим его бульоном, — экономка принялась заменять вещи на ночном столике теми, что принесла с собой. Персис предложила вынести ненужные чашки и салфетки.

— Очень мило с вашей стороны, мисс Рук. После этого вам лучше лечь. У вас усталый вид, — стало очевидно, что миссис Прайор уже отпустила ее.

Персис вынесла поднос и поставила на столик в коридоре. Его потом унесет Сьюки. Сама она отправилась в свою комнату. Там ее ждала Молли и два ведра воды, горячей и холодной.

— Ему лучше. Кризис миновал...

Молли кивнула:

— Он борец, этот капитан. Как мистер Огастин. Только он помоложе. Мисс Персис, вы ужасно выглядите. Оботритесь губкой и ложитесь. Я принесу вам тостов и чая, а потом вы уснете и...

Молли перебирала вещи в нижнем ящике комода, очевидно, в поисках свежей ночной рубашки. Неожиданно она распрямилась, держа что-то в руках.

— Мисс Персис, а это что такое? Никогда его не видела!

Персис бросила косой взгляд и не поверила глазам. Веер! Веер с глазами из опалов!

— Раскрой его, — потребовала она.

Молли покачала головой:

— Не открывается. Планки как будто слиплись и...

Это же найденный ею веер, тот самый, который она снова похоронила! Два таких не могут существовать поблизости. Неужели эта вещь преследует ее?

— Он не мой, Молли, — Персис заставила себя говорить спокойно. — Положи его в нижний ящик. Должно быть, кто-то забыл его здесь. Спрошу об этом мисс Лидию.

Но все время, протирая губкой уставшее разгоряченное тело, надевая приготовленную Молли свежую ночную рубашку, ложась в постель, она видела перед собой этот веер. Кто знал о том, что она его нашла? Только эта индианка Аскра. И зачем ей снова откапывать веер и прятать его в комнате Персис? Девушка испугалась, так испугалась, что с нетерпением ждала возвращения Молли с обещанным чаем и печеньем. Ей вновь захотелось попросить Молли остаться. Но какую причину она назовет? У нее нет никаких доказательств, кроме собственных слов, что она нашла этот веер в запечатанной шкатулке (интересно, что стало с ней) и снова закопала его, потому что даже простое прикосновение к нему пугало ее.

Откинувшись на подушки, она смотрела на ящик комода, в котором Молли спрятала веер. Да и веер ли это был? Персис почти ожидала увидеть, как ящик приоткрывается и снова показывается черная резьба с опаловыми глазами.

Она решила, что при первой же возможности выбросит эту вещь в канал и постарается, чтобы ее никто не увидел, особенно Аскра. Приняв такое решение, Персис чуть успокоилась.

Когда появилась Молли с подносом, девушка обнаружила, что совсем не хочет есть, но на подносе оказалась еще тонко нарезанная дыня с острым соусом. Она понравилась Персис гораздо больше обыкновенного чая с печеньем. Молли закрыла шторы, чтобы убрать солнце, и Персис легла, уверенная, что не сможет уснуть.

* * *

Разбудила ее полуденная жара. Девушка неловко повернулась, ночная рубашка промокла и прилипла к телу, волосы тоже были влажные. Если даже с моря и дул ветер (а буря давно кончилась), ставни не пропускали его в комнату.

Снова уснуть не удастся. Персис села в огромной постели, потерла лоб, убрала с него волосы. Осторожно облизала губы и почувствовала соленый пот. И почему-то вспомнила слова миссис Прайор, что темный бассейн под кухней иногда ис-

пользуется для купания. Но тут же вспомнила и о черепахах. Придется снова обойтись губкой.

Слезая с кровати, она вновь посмотрела на ящик комода. Он вроде бы был приоткрыт. Но подходить и проверять девушка не испытывала никакого желания. На комодке она увидела кувшин с водой и энергично умылась, растерла все тело, потом обрызгалась лавандовой водой, после чего почувствовала себя лучше.

Молли приготовила чистую одежду. На острове Исчезнувшей Леди должны происходить грандиозные стирки. Ни одна женщина не может здесь на второй день надевать то же белье. На этот раз Персис ощутила настоящий голод. Голову ее заполнили мысли о ветчине, и печенье, и жареной рыбе, которую так хорошо готовит Мам Роз, и о фруктах.

Платье было ее собственное — кремовый муслин с аккуратно напечатанными маленькими мускусными розами. Гораздо более консервативного покроя, чем кружева и оборки Лидии.

Лидия... Она только раз заглянула к брату. Увидев его покрасневшим от лихорадки и зовущим в бреду своих людей, она так торопливо сбежала, как будто вообще не появлялась в его комнате. Выглядела она больной и испуганной. Есть такие люди, думала Персис, тщательно расчесывая волосы щеткой. Они просто не могут видеть болезни и раны. Персис знала, что такие люди есть, но никогда не могла понять их. Чем была занята Лидия все эти дни? Конечно, не домашним хозяйством: она все предоставила миссис Прайор.

Дверь медленно и неслышно раскрылась. Персис, заметив движение в зеркале, ощутила легкий укол страха. Она не была странный веер, как ни старалась это сделать.

— Молли! — облегченно выдохнула девушка.

— Мисс Персис, вы должны были позвать меня.

— Зачем? Я уже большая, и мне давно не застегивают пуговицы. Понимаешь ли ты, Молли, что пройдет еще несколько лет, и я стану той, о ком вы в Нью-Йорке говорите «с колючками в спине», самой настоящей старой девой, —

она рассмеялась, увидев сердитое выражение лица Молли. — Ну, согласись. Мне уже почти двадцать, и ни один мужчина еще не сделал мне предложение. Никто не искал моего общества — помимо проявления обычной вежливости.

— А почему? — гневно взорвалась Молли. — Вы никого не видите, кроме людей, которые вам годятся в дедушки! Какой стыд! Хозяин Рук был слишком поглощен своими делами и не замечал, что вы растете и вам нужно общество, как всякой молодой девушке!

Персис слегка удивилась гневу Молли. Служанка, казалось, всегда считала образ жизни и действия дяди Огастина самыми правильными и достойными леди, которой прислуживала.

— Да, не думаю, чтобы судья Симис когда-нибудь сделал мне предложение, хотя он очень вежлив. А мистер Хог смотрел на меня так, словно я шахматная фигура. — Девушка усмехнулась. — Дядя Огастин жил по-своему, Молли, и в конце концов он дал мне хороший дом, воспитание и еще многое, за что я ему благодарна. Он был так стар, что, наверное, я всегда казалась ему ребенком, и его в этом нельзя винить.

Она слегка наклонилась, чтобы взглянуть на свое отражение в слишком нарядном зеркале. Конечно, с распущенными волосами она выглядит моложе. Но с тех пор, как Персис окончила школу и приняла ответственность за состояние дома дяди Огастина, она никогда не думала о себе как о девочке. Никогда не бывало у нее резких перемен настроения, как у Лидии, никогда не позволяла она себе критиковать взрослых, никогда не была сосредоточена на себе самой.

И, конечно, нет у нее миловидности Лидии. Она не совсем понимала, почему выбрала хозяйку дома для сопоставления. Наверное, потому, что за последние два года лишь несколько раз встречалась со своими прежними школьными подругами — на чопорных чаепитиях и на трех свадьбах. Дядя Огастин никогда не запрещал ей приглашать подруг, но она чутьем понимала, что это была бы слишком большая вольность с ее стороны.

Неужели она выглядит старой? По сравнению с Лидией, наверное, да. Неудивительно, что миссис Прайор сочла ее достаточно уравновешенной и серьезной, чтобы подменять ее в комнате капитана. Скорее всего, домохозяйка считает ее старше.

— Посмотрите на себя, мисс Персис. — Молли отобрала у хозяйки щетку и расческу и начала заплетать и закалывать ее волосы, приводя их в приличный вид. — Девушка, которая слишком долго ходит в невестах, не пользуется вниманием. Вы, — она чуть откинулась, чтобы взглянуть на хозяйку, — вы слишком мало о себе думаете, мисс Персис.

— Ты меня очень успокаиваешь, Молли. Для старой девы...

Молли покраснела:

— Никогда не говорите так о себе, мисс Персис. Как говорите, так и будет. Я много раз видела такое. Я наблюдала за вами, мисс Персис, — продолжала она. — Да, вы многим обязаны хозяину. Он вас принял и все такое. Но и вы давали ему что могли, и несправедливо, что у вас никогда не было возможности быть самой собой.

И тут Персис сказала фразу, которая удивила ее не меньше, чем Молли.

— Собой? Молли, я не знаю, какая я.

— Тогда вам пора это узнать, — решительно ответила служанка, прикрепляя к последнему локону бант на розовой бархатной ленте. Она с вызывающим видом приколотла этот бант, как будто ожидала услышать протесты Персис по поводу такой вольности. — И больше не говорите о «колючих спинах» и старых девах, и слышать этого не хочу! Вы элегантная молодая леди, прямиком из Нью-Йорка. У мисс Лидии кружева и ленты, но у вас есть кое-что другое, — тут она сунула руку в карман и достала оттуда листок бумаги, сложенный вдвое и запечатанный красным воском. — Меня просили передать вам это. Попросил молодой джентльмен, вот так. Помните, кто вы, мисс Персис, и добивайтесь своего.

Она положила щетку и гребень и принялась прибираться в комнате. Персис удивленно взяла письмо, распечатала и прочла несколько строк, написанных четким разборчивым почерком.

«Мисс Рук!

Боюсь просить вас о большом одолжении, но ситуация такова, что я не могу открыто показаться в доме, а у меня есть для вас ценная информация. Во время моей последней встречи с капитаном Левереттом он запретил мне появляться в его доме и вообще на острове. Но сведения мои настолько важны, что я решил рискнуть и войти в запретные воды, чтобы передать вам тревожные вести.

Мисс Лидия рассказала мне, что вы унаследовали некую собственность на Багамских островах. Я недавно получил сообщение, касающееся ваших прав. Если позволите мне все объяснить, приходите на площадку за разрушенной насыпью на закате. Я вас там встречу.

Ральф Гриллон»

Персис прочла письмо дважды. Сначала она решила, что благоразумие подсказывает не обращать на него внимания. С другой стороны, Ральф Гриллон действительно с Багам. Возможно, он даже знаком там с членами семьи Руков. Если он на самом деле обладает информацией, как говорит, то эти сведения могут определить планы Персис на будущее. Персис вовсе не желала отправляться на полутайное свидание и хорошо знала о яростной стычке между капитаном Левереттом и багамцем в день смерти дяди Огастина. Тогда она почти не обратила на это внимания, но, похоже, капитаны встретились вне дома, и Крю Леверетт предупредил Ральфа Гриллон самым решительным образом: сказал, что если еще раз встретит его на острове Исчезнувшей Леди, то предпримет такие шаги, которые не позволят «Удаче бури» когда-либо бросать здесь якорь.

Персис догадывалась, что этот запрет не понравился Ральфу Гриллому, и не удивилась его возвращению. Но она не хотела вмешиваться в отношения своего хозяина с капитаном с Багамских островов. С другой стороны, ведь когда-нибудь она должна научиться самостоятельности!

Персис знала, как легко оказаться в зависимости, как то произошло у нее с дядей Огастином. Даже сейчас ее очень тревожило будущее. И если Ральф Гриллому... Он может даже знать юриста на Багамах, который сможет представлять ее интересы. Ведь рекерам часто приходится иметь дело с судами и юридическими процедурами. Да, она встретится с ним.

Девушка сложила письмо и спрятала в свою маленькую сумочку. Потом подумала, стоит ли посоветоваться с Лидией. Наверное, хорошо было бы пойти вместе с ней. Но Персис, как и дядя Огастин, отнюдь не стремилась разглашать семейные тайны. История ее багамского наследства и так способна вызвать пересуды. Даже обсуждая ситуацию с капитаном Левереттом, она не упомянула о том, что скрывается за щедрым жестом овдовевшей мадам Рук. Молли и Шубал... Но они члены семьи. Нет, она не будет разговаривать с Лидией.

* * *

Центр жизни дома снова переместился на веранду. Здесь ели и отдыхали. Лидия сидела в плетеном кресле и зевала над книгой, после того как задала несколько небрежных поверхностных вопросов о состоянии Крю. Сьюки принесла еду, и Персис с аппетитом поела. Она проснулась поздно, и поэтому назначенный Гриллоном час был уже близок. Теперь следовало найти предлог для ухода из дома.

И ей показалось, что она нашла такой предлог. Кладбище острова находилось в самой высокой точке острова, недалеко от того места, где ей назначена встреча. И хотя девушке не хотелось использовать в качестве предлога семейное горе, она сказала, что хочет нарвать свежих цветов для могилы дя-

ди Огастина. Лидия зевнула и посоветовала подождать, пока станет прохладнее, потом отправилась разговаривать с Мам Роз: миссис Прайор все-таки заставила ее, поскольку она не дежурит у больного, выполнять кое-какие обязанности по дому.

Персис прошла по тропе через усеянную раковинами насыпь, а потом сквозь невысокие заросли незнакомых растений. По пути она нарвала ярко-красных цветов, первых, какие увидела, думая в то же время, что дядя Огастин вряд ли одобрил бы ее выбор. Слишком яркие цветы были полны жизни.

Оставив цветы у деревянного креста на могиле дяди, Персис свернула в сторону и пошла по еще более заросшей тропе. Поддерживая юбки, чтобы не зацепиться за колючки, девушка направилась на свидание с Ральфом Гриллоном.

Глава восьмая

— Здравствуйте, мисс Рук.

Персис вздрогнула: Ральф Гриллон появился неожиданно, словно из-под земли. Она обогнула большую скалу и увидела полоску песка в раковинах, омываемую волнами. Девушка по-прежнему придерживала юбки. Она не знала, хотел ли он ее испугать, но смотрела на него не очень приветливо.

— Я получила вашу записку, — она резко повернулась, пытаясь говорить так же решительно, как капитан Леверетт. Персис обнаружила, что внешность Ральфа Гриллона и его безрассудство одновременно притягивают и отталкивают ее. Вероятно, больше отталкивают, потому что доверие у нее всегда ассоциировалось со спокойной отчужденностью дяди Огастина.

— Идемте! — Он протянул руку. — Если мы присядем там, нас не увидят из дома, — он указал на бревно, полузасыпанное песком. Оно так прочно застряло, что даже буря не смогла его смыть. Разве что смоем при этом и весь остров.

Персис сложила перед собой руки.

— Вы сказали, что у вас есть для меня ценная информация, — она не хотела смягчать голос. — Меня могут хватиться, так как я помогаю миссис Прайор заботиться о капитане Леверетте.

Гриллон улыбнулся. Его нисколько не смутил отказ девушки сесть.

— Да, наконец-то и Леверетту не повезло, — заявил он весело. — А может, и повезло. Мягкая постель на берегу, и почти все женщины острова вокруг. Но пройдет немало времени, прежде чем он вернется на «Непревзойденный».

— Я пришла не для разговоров о капитане Леверетте, — резко напомнила ему Персис. Несмотря на все обаяние багамца — Персис не отрицала, что он им обладает, — она решила, что нисколько не завидует Лидии и тому, что у нее такой поклонник.

— Да, вы пришли за обещанной новостью, но не могу сказать, что она хорошая, мисс Рук. По всем данным, ваш дядюшка — раз уж вы хотите говорить откровенно — испытывал серьезные финансовые затруднения перед отплытием. Ну так вот, завешание, на котором он основывал свои надежды, стоит не больше бумаги и воска, из которых изготовлено.

— Что вам известно о делах моего дяди? — Персис удивленно отступила на шаг-два. Она даже с капитаном Левереттом об этом не говорила во время их единственной встречи после похорон.

— Вы бы удивились тому, как быстро расходятся новости, когда есть о чем поговорить, — возразил Гриллон. — А мистер Рук вел любопытные разговоры с капитаном Петтигрю до того, как «Стрела» встретила свой печальный конец. Он много расспрашивал об островах, так что капитан заинтересовался. И так как фамилия Рук встречается нечасто, ее хорошо знают на Багамах. Когда распечатали завешание старой мадам, о нем говорили по всему городу. Но видите ли, у нее не было права распоряжаться собственностью Рука. У Джеймса Рука остался ребенок, законнорожденный, тут все в порядке. И у этого ребенка гораздо больше прав на наследство, чем

у Огастина Рука — и у вас. — Ральф по-прежнему с улыбкой смотрел на девушку, и она не видела в этой улыбке никакого злорадства. Она не сомневалась, что багамец говорит правду. Во всяком случае, верит, что это правда.

— Но существуют документы, доказывающие, что Джеймс Рук погиб и похоронен в море, — возразила Персис.

— Однако это не причина для того, чтобы у него не появились наследники до того, как он отплыл на том капере, верно? Даже у мадам были сложности в суде, когда она получала права на наследство, хотя она и собрала доказательства смерти Джеймса. Боюсь, Джеймс был не очень хорошим мальчиком.

Ральф Гриллон облокотился на скалу, которая скрывала их от дома. Руки он сунул за пояс и отбивал пальцами ритм по просоленной коже пояса.

— Да, Джеймс никогда не был образцовым, послушным и достойным сыном. Заплатив все его долги, старый Рук заявил, что его сын теперь может жить за счет дьявола, поскольку решил подражать его сатанинскому величеству. И больше они не встречались. Но я слышал, что перед смертью старик передумал и пытался найти Джеймса. Он даже оставил письмо мадам с просьбой, чтобы она продолжила поиски. Но потом ваш дядя очень своевременно прислал ей доказательства его смерти. Тем не менее у Джеймса остался ребенок...

— А какие у вас есть доказательства? — спросила Персис.

— О, в свое время будет и доказательство. Если отправитесь на острова, мисс Рук, то встретитесь с трудностями, которые одинокой женщине не под силу. В лучшем случае получите лишь столько, чтобы вернуться на север. А дома вы вполне сможете прожить...

Персис рассматривала багамца. Он выглядел абсолютно уверенным в себе. Она должна была признать, что он хорошо знает, о чем говорит. А в Нью-Йорке ее ждут хоть остатки состояния дяди Огастина. Они вместе: она, Шубал и Молли (потому что они члены семьи, и она должна думать не только о своем будущем, но и об их) — они должны будут жить очень

скромно. Дом можно будет продать; дом хороший, и район считается уважаемым... Она может рассчитывать и на другие небольшие суммы. И, конечно, она может стать учительницей. Хотя такая перспектива ей не очень нравилась. Тем не менее мисс Пикетт даст ей рекомендательные письма.

Однако, прежде чем сдать, она должна узнать больше и не принимать слова Ральфа Гриллона на веру. Персис постаралась собрать всю уверенность в себе, веру в дядю Огастина. Дядя не отправился бы в такое дальнее путешествие, несмотря на свою болезнь, неподготовленным. Он должен был сам провести расследование. Неужели Ральф Гриллон считает, что она покорно примет его слова и на первом же корабле вернется в Нью-Йорк?

— Я должна показать документы дяди юристу в Ки-Уэсте, — медленно произнесла она. — Услышав его совет, я приму решение. Кстати, говоря о решении... Если вы помогаете мне, чем я могу помочь вам?

Капитан Гриллон не утратил хорошего расположения духа.

— Справедливо, но помните, юристы знают множество хитростей. И когда речь идет о наследстве, немалая его часть прилипает к их пальцам, когда они ведут ваше дело. Так что, каким бы ни был совет юриста, сделка, которую я вам предлагаю, в ваших интересах. Без суда и помощи алчных юристов. Теперь, когда я пояснил, что могу для вас сделать, мы, по вашему предложению, переходим к другой части сделки. Крю Леверетт предупредил меня, чтобы я не показывался на острове. Я не хочу открыто бросать ему вызов. Не стоит спорить с человеком, за сестрой которого ухаживаешь. Да, речь идет о Лидии. Если вы хотите, чтобы я вам помог и узнал, что могу сделать для вас на островах, помогите мне здесь. Вы знаете, у Леверетта нет права изгонять меня. Он ненавидит всех багамцев, потому что сразу после прибытия сюда у него произошла с нами стычка. После той небольшой потасовки его корабль потребовал ремонта, а самому ему пришлось похоронить нескольких членов экипажа. Поэтому для него все островитяне — сброд. Я не говорю, что они святые. Но мы

охотились на этих рифах задолго до того, как ваши Штаты с помпой развесили тут вывески «Вход воспрещен». И нам это совсем не понравилось. Почему мы должны рисковать своими кораблями и шеей, спасая потерпевших кораблекрушение, а потом суд другой страны будет устанавливать плату? И заставлять нас платить налоги?

Персис стояла очень прямо. Она тщательно подбирала слова.

— Я весьма плохо знакома с вашими личными проблемами, капитан Гриллон, — спокойно сказала она. — Но что касается предложенной вами сделки, я нахожу ее совершенно неудовлетворительной. Капитан Леверетт теперь мой хозяин, вдобавок он спас жизнь мне и моему дяде. В настоящее время он привязан к постели, так как был ранен при попытке спасти еще несколько человек. Мне кажется, у вас очень низкое представление о моем уме и честности, если вы предлагаете мне помочь в действиях, которые он строго запретил. Нет, такую сделку я никогда не приму. Желаю вам всего хорошего, сэр.

Впервые он перестал улыбаться. На секунду-две что-то мелькнуло в его взгляде. Персис решила, что даже в моменты самого сильного гнева у капитана Леверетта не увидишь такого взгляда. Но она упорно стояла на своем и храбро ответила на его взгляд своим.

Потом он рассмеялся:

— Вы настоящая мисс, не правда ли? Интересно, способны ли вы сплетничать?

Персис бросила к его ногам записку.

— Я не стану отвечать вам на это, сэр. Но поступлю так, как наметила: отправлюсь в Ки-Уэст и посоветуюсь с юристом. После этого я смогу составить план дальнейших действий. Но это будут мои собственные планы.

Ральф Гриллон поднял обе руки.

— Пусть так, мисс Рук. Но Лидия теперь не сможет сказать, что я не пытался. Она о вас беспокоится. Ей хорошо известно ваше положение.

— Оно никого, кроме меня, не касается, — и повернувшись к нему спиной, Персис пошла по еле заметной тропе. Итак, он разговаривал о ней с Лидией, и теперь, вероятно, пол-острова знает, что у нее нет ни пенни и ее ждет мрачное будущее. Но как он смел предложить ей играть в такую игру! Она с трудом перевела дыхание. Многие мужчины такого низкого мнения о женщинах, что считают их не способными справиться с собственными делами. Но пробовали ли мужчина управлять хозяйством дома, мирить вечно ссорящихся слуг, добиваться того, чтобы главу дома обслуживали быстро и аккуратно? Попробовали бы они хоть день этим заняться, тогда не поверили бы, что женщину можно уговорить на что угодно.

Персис покраснелась, и не только от жары и быстрой ходьбы, но и от негодования. Неужели Ральф и Лидия могли поверить, что она согласится устраивать свидания сестры хозяина с человеком, которого он особенно терпеть не может? Неужели Ральф Гриллон считает, что достаточно помянуть ее несбыточными надеждами, и она согласится на такие действия?

Больше чем когда-либо хотела она теперь отправиться в Ки-Уэст, найти там надежного юриста и узнать, чего стоят ее права на наследство мадам Рук, права, которые выглядят теперь совсем иллюзорными. Пока не узнает этого, она не может составлять настоящие планы. А для этого недостаточно слухов, прошедших через вторые-третьи руки и переданных человеком, который хочет воспользоваться ею в своих целях.

Персис так погрузилась в свои мысли, что вздрогнула, оказавшись на кладбище острова. На том месте, где она оставила уже увядший букет, теперь виднелась фигура в черном. Человек руками закрывал лицо. Ошибиться было невозможно: это Шубал.

Девушка быстро подошла и коснулась плеча старика.

— Шубал, ты не должен приходить сюда. Солнце очень печет.

Он посмотрел на Персис. Лицо его напоминало маску человека, которого она знала раньше.

— Он убил себя, — заговорил слуга. — Врач говорил ему, что для него такая дорога — смерть. Я, может быть, стар, как хозяин, но я не глух! Он действовал, как всегда, не обращая внимания на цену, когда считал, что поступает правильно. Но нехорошо, мисс Персис, нехорошо ему лежать здесь и не закончить дело. Душа его не будет спокойна...

— Я думаю, он успокоится, — медленно и отчетливо выговорила Персис, стараясь пробить стену горя, окружившую старого слугу. — Потому что мы закончим его дело, Шубал. Он это знал. Когда говорил со мной, сказал, что нужно сделать.

— Мисс Персис, но как вы все сделаете?.. — Стало совершенно очевидно, что Шубал расценивает ее возможности не выше капитана Гриллона.

— Мы отправимся в Ки-Уэст, Шубал, и встретимся с юристом. У меня все документы дяди Огастина. Он передал их мне. Мы узнаем, что делать дальше.

Шубал покачал седой головой:

— Хозяин... он умел делать дела, мисс Персис. Вы никогда не видели, как он стоит перед рассерженными противниками с одной тростью в руке. Ему не следовало приезжать сюда... — Шубал сжал кулаки и повторил: — Не следовало!

— Разве кто-нибудь мог его остановить, Шубал?

Старик всхлипнул и провел рукой под носом.

— Наверное, нет, мисс Персис. Его никогда нельзя было удержать. Отец его погиб молодым, и хозяину пришлось рано стать взрослым. Он был агентом генерала — генерала Вашингтона. Добывал припасы, старался обеспечить поддержку... Он был солдатом, как и его отец, хотя не носил мундир. Не было таких, как хозяин, мисс Персис... — Он замолк, и на лице его появилось потерянное жалкое выражение, которое тронуло Персис больше, чем смерть человека, которого она уважала, которому была обязана, но к которому не испыты-

вала любви. Шубал любил его и потерял, и теперь его мир разбился на куски.

— Я знаю. Но, Шубал, он завещал вам свое дело. — И добавила в своей интерпретации необходимую ноту, чтобы вернуть старика к жизни: — Он хотел, чтобы ты помог мне закончить то, что он начал. И ты можешь это сделать, Шубал. Ты больше меня знаешь о делах дяди Огастина и должен мне советовать.

Впервые он прямо взглянул на девушку, как будто только что увидел.

— Да, он мне много раз говорил: «Шубал, ты моя левая рука, она нужна мне, чтобы помогать правой». Я был с ним за морем, в самых странных и опасных местах... — Шубал гордо поднял голову. — Много раз он на меня рассчитывал. Да, я всегда носил в кармане пистолет и не отрывал от него руки, потому что он никогда не брал ничего, кроме трости. Да, он на меня рассчитывал...

— А сейчас рассчитывает еще больше, — Персис потянула его за руку. Шубал выпрямился, легкая краска жизни появилась на его измученном лице. — Ты нужен мне, Шубал, чтобы мы вместе закончили дело дяди Огастина.

— И мы закончим, мисс Персис, закончим! — В голосе его зазвучала сила, какую Персис уже несколько дней не слышала. — Сначала нужно добраться до Ки-Уэста...

— Разыщи капитана Питтегрю, — предложила она, чтобы поддержать интерес к жизни у старика. — Узнай, как он собирается отплыть с острова.

— Сделаю! — Он отвернулся от могилы и пошел твердым шагом.

Персис некоторое время смотрела ему вслед, потом отправилась к дому. Длинный вечер заканчивался. Ей хотелось внимательней просмотреть бумаги в портфеле. Может, она встретит имя какого-нибудь багамца, которому можно довериться. Но после предупреждения Гриллона к юристам нужно будет относиться очень осторожно. Возможно, юрист,

к которому она обратится, уже служит этому загадочному новому претенденту.

К тому же оставалась еще проблема капитана Леверетта. Она по очереди с Молли и миссис Прайор дежурила по ночам и не намерена была уклоняться от этого. В сущности, как ни странно, она с нетерпением ждала этих тихих часов, когда с затененной свечой сидела, прислушиваясь к звукам из большой кровати, но могла размышлять и о своем.

Ее собственные мысли теперь так перепутались. Жизнь Персис всегда была строго упорядоченной. Сначала школа. Потом, когда сочли, что она уже достаточно взрослая, чтобы обходиться без наставлений мисс Пикетт, нужно было вести хозяйство. Магазины, шитье, чтение — оглядываясь назад, она находила эти дни, которые всегда казались ей такими заполненными, — находила их почти пустыми. О, конечно, она приносила пользу. К тому же некоторые дела по дому может выполнить только хозяйка. Но как все это было скучно!

Впервые позволила себе Персис признать это. Скучно, скучно, скучно! Повторяя про себя это слово, девушка поднималась по внутренней лестнице дома. Она принимала эту скуку, когда ей не с чем было сравнивать. Но теперь...

— Так вот вы где!

Вздрогнув и оторвавшись от своих мыслей, Персис увидела наверху Лидию. На девушке было не обычное нарядное платье, а всего лишь пеньюар из тяжелого индийского муслина, а за ней Сьюки несла в охапке большую губку, несколько полотенец и маленькую корзинку с мылом и бутылочкой туалетной воды.

— Буря заполнила бассейн для купания. — Лидия плотнее запахлаулась в пеньюар. — Можно немного охладиться.

Темная дыра в полу кухни! Персис удивленно посмотрела на Лидию. Неужели она хочет спуститься туда?

— Разве миссис Прайор не говорила вам? Все готово.

— Черепахи... — Персис сказала первое, что пришло ей в голову.

Лидия рассмеялась:

— Боже, да они заперты возле канала. Мы туда не пойдем. Но как хорошо поплескаться в такую жару!

Персис обдумала это предложение. Она решила, что Лидия не стала бы так говорить, если бы не считала дело самым обычным. А так как ветер стих, после прогулки Персис почувствовала, что ей очень жарко. Обтирания губкой, приличного для леди, вероятно, недостаточно в жарком климате.

— Наденьте старую сорочку, — посоветовала ей Лидия. — И не беспокойтесь о полотенцах и прочем: у Сьюки всего достаточно.

В словах Лидии слышался вызов. И Персис решила, что примет приглашение. Она была уверена, что, если бы существовала какая-нибудь опасность, приглашения бы не последовало.

— Я сейчас.

Она миновала Лидию и начала расстегиваться, еще не закрыв за собой дверь комнаты. Это новое развлечение, часть новой жизни, которую никак не назовешь скучной.

Она сбросила жаркие нижние юбки, расшнуровала корсет. Вот старая сорочка, вот пеньюар и туфли. Она задержалась, только чтобы отцепить от волос нелепый бант, которым Молли пыталась оживить ее внешность, и присоединилась к Лидии, ждавшей ее с явным нетерпением.

На кухне люк был уже открыт, и снизу пробивался свет лампы. Персис не могла колебаться: Лидия уже ступила на лестницу и начала спускаться.

Она последовала за хозяйкой по кольцам, еще влажным от бури, и оказалась на каменной платформе, на которой две лампы давали некоторое освещение.

Лидия указала направо.

— Это цистерна. Наполняется дождевой водой и из источника. А мы нырнем здесь...

«Здесь» — это слева. Истертые ступени вели в воду. Лидия отдала Сьюки свой пеньюар и сбросила туфли. Но, как заметила Персис, по ступенькам в воду спускалась осторожно. Вода покрыла ей лодыжки, потом колени, наконец дошла

до пояса. Лидия спускалась по одной ступеньке за раз и держалась за промокшую веревку, которая служила перилами.

Остановилась она по грудь в воде. И посмотрела вверх, на Персис.

— В этой части неглубоко. Только иногда буря поднимает уровень. Съюки, дай мне мыло.

Она искусно поймала брошенное мыло и принялась намыливать руки. Персис тоже осторожно начала спускаться. Вода была холодная, вернее, такой она казалась сначала, в отсутствие солнца и ветра. И сильно пахла морем. Но как приятно было ощущать ее прикосновение к коже. Вода поднималась, и телу становилось прохладно.

Успокоенная беззаботностью Лидии, Персис присоединилась к ней.

— Можно доплыть до канала, даже выплыть в море, — держа в руке ароматное мыло, Лидия подбородком указала налево, где не видно было никакой стены. — Крю устроил здесь выход на случай нападения индейцев. В других домах тоже есть цистерны и бассейны, но только у нашего есть выход к морю.

Она набрала пригоршню воды и плеснула в лицо.

— Прохладно! Как хорошо! — и присела по самую шею. — Крю умеет плавать, но меня не научил. Он никогда не бывает так долго дома, чтобы стоило трудиться. Под водой есть еще одна веревка. Держитесь за нее и подтягивайтесь, если понадобится. Аххх... — она блаженно закрыла глаза.

Персис принялась намыливаться. Мыло пахло травами, и этот аромат перекрывал сильный запах моря. Вода, как самая нежная ткань, окутывала тело.

— Мисс Персис!

Персис повернулась лицом к ступеням, по которым только что спускалась с такой осторожностью. Молли отпихнула локтем служанку с острова и стояла с явно неодобрительным выражением на лице.

— Мисс Персис! — Она говорила так, как разговаривала с Персис в детстве. — Немедленно выходите оттуда. Кто знает, какие ужасные рыбы или что еще ждет вас!

— Выход в море перекрыт сетью, — заявила Лидия, переводя взгляд с Персис на Молли, потом назад. В глазах ее стояло хитрое выражение. Она словно хотела проверить, насколько важно для Персис неодобрение Молли.

— Все в порядке. — Персис собрала всю свою решительность. — Не волнуйся, Молли.

Служанка не стала спорить, хотя, несомненно, возражения жгли ей язык. Но она стояла у воды воплощением неодобрения, пока Персис, зная, что ее ждет дежурство у капитана Леверетта, не начала подниматься по ступеням.

С отчетливым фырканьем Молли набросила ей на плечи большое полотенце, которое взяла у Сьюки.

Глава девятая

Хоть Персис и утвердила свою независимость, она обнаружила, что Молли этого не признает. Служанка злое ще молчала, провожая хозяйку к ее комнате. Персис решила поговорить сама.

— Ты тоже должна так выкупаться, Молли. Удивительно, какая приятная вода!

Служанка фыркнула:

— Есть кое-что похуже, чем жара, мисс Персис. Если мисс Лидии нравится буйствовать, вам не следует к ней присоединяться. Как вы неприлично выглядели обе! — Этот тон был знаком Персис с детства. Молли по-настоящему расстроилась.

— Но... здесь все так делают, — растерянно сказала она. — В таком жарком климате приятно найти прохладу...

— Мисс Персис, вас растили как леди. А леди не купается при всех. Я считаю, вам должно быть стыдно.

Молли поджала губы, как всегда в таких случаях, и Персис про себя вздохнула. Когда служанка в таком праведном негодовании, ничего нельзя поделать.

Под укоризненными взглядами Молли она оделась и подчинилась не слишком мягкому обращению со своими воло-

сами. В зеркале она видела, что Молли, придавая ей приличную для леди внешность, не разжимала губ. Персис начала догадываться, что негодование вызвано не только ее купанием, и это ощущение настолько усилилось, что она наконец спросила:

— Молли, что с тобой? Что тебя гнетет?..

— Мисс Персис, я привыкла говорить откровенно, когда необходимо, и сейчас... — Впервые она остановилась в поисках слов, потом резко продолжила: — Мисс Персис, вы ходили на берег для встречи с капитаном Гриллоном. Разве вы не знаете, что капитан, который сейчас лежит больной в постели, сказал, что этот Гриллон ничем не лучше пирата, и запретил ему появляться на острове? Теперь, когда капитан Леверетт не может помешать ему, этот парень является снова, и вы встречаетесь с ним так...

— ... так дерзко? — Персис подсказала одно из любимых словечек Молли. — Ну хорошо, — она отвернулась на стуле от зеркала, не давая служанке возможности закрепить последнюю булавку. — Да, я встретила с Ральфом Гриллоном. Он ведь через тебя передал записку. В ней говорилось, что у него есть важные для меня новости. Они действительно важные, Молли. Капитан Гриллон приплыл с Багамских островов и знает, что там происходит. Возможно, у меня вообще нет прав на то, что мадам Рук завещала дяде Огастину. Кажется, у сына ее мужа остался ребенок... и он становится наследником.

— Мисс Персис, неужели вы поверите ему на слово?

— Не совсем, но он очень уверен в своих словах. И предложил мне сделку.

— Что за сделку? — неодобрение Молли исчезло. Она теперь внимательно слушала девушку.

— Он хотел с моей помощью связываться с мисс Лидией. А в ответ пообещал решить мои дела на Багамах с помощью своего знакомого юриста. Конечно, я ему сказала, что это невозможно. Если он хочет ухаживать за Лидией, то должен делать это открыто и с разрешения капитана Леверетта.

— Мисс Персис, я бы не поверила ему на слово, что солнце светит, даже если бы оно сияло у меня прямо над головой! Я таких видела — бродят вокруг и болтают. В день смерти хозяина ему досталось от капитана. И все просьбы мисс Лидии ни к чему не привели. Они однажды поссорились из-за потерпевшего крушение корабля, и капитан взял верх. Я бы не стала слушать этого Гриллона! Пойдите к капитану, когда ему станет лучше, и все ему расскажите. Он вам поможет.

— Нет, Молли, я сама справлюсь со своими делами. И не стану ждать помощи от Ральфа Гриллона, это я тебе обещаю. Нам нужно отправиться в Ки-Уэст и найти там юриста. У меня все документы дяди Огастина. Юрист сможет их использовать и навести справки. Возможно, Молли, капитан Гриллоном не преувеличивает, — заключила она серьезно. — Если есть другой наследник, я потеряю все, что надеялся получить дядя Огастин во время этого плавания на юг.

— Если он прав! — Молли снова фыркнула. Но немного погодя смысл слов Персис дошел до служанки, и она добавила: — Но... мисс Персис, что же мы тогда будем делать?

— У нас есть дом в Нью-Йорке, — Персис подумала о первом своем достоянии. — Его можно продать. Это хороший дом, Молли, и за него дадут неплохую цену. Я могу стать учительницей. Может быть, мисс Пикетт найдет для меня место. К тому же, хоть дядя Огастин и обеднел, кое-какие деньги у него остались. А у вас с Шубалом есть пенсии — это прежде всего.

— Мы их не возьмем, если вам нужны деньги, мисс Персис! — Молли решительно покачала головой. — И у вас только слова этого Гриллона, так что...

Персис тоже хотела уцепиться за эту надежду, но быстро сдержала себя. Возможно, женщины и не обладают практичным умом, но она решила, что лучше рассчитывать на минимум — то, что осталось от состояния дяди Огастина, чем на максимум — на наследство.

— Молли, принеси мне портфель. Я думаю, до обеда еще есть время, и хочу просмотреть документы. Если этот наслед-

ник существует, юрист с Багамских островов должен был предупредить дядю Огастина. Разве что он обнаружился совсем недавно.

Служанка подошла к чемодану и принялась выкладывать его содержимое, которое не успела еще разложить по ящикам.

— Странно, — сказала она. — Я хорошо помню, что он лежал под тремя ночными рубашками. А теперь он на них.

Она вернулась к Персис, держа портфель в руке.

— А кроме меня и вас, никто чемодан не трогал. Вы доставали портфель, мисс Персис?

— Нет... — Персис взяла портфель в руки, и его клапан сдвинулся вбок. Она поднесла его к свету. Как Молли уверена, что портфель лежал внизу, так же и Персис была уверена, что закрывала его. Но сейчас он был открыт.

— Молли... моя шкатулка с драгоценностями... там есть брелок с маленьким ключиком?

Служанка быстро проверила. Драгоценности у Персис были очень скромные: коралловое ожерелье с таким же украшением для волос, браслет, серьги, вырезанные в виде роз, две золотые цепочки, одна с медальоном, булавка слоновой кости и набор гагатов — траурное украшение по матери, которую она почти не помнит. Часы дяди Огастина были на месте, как и ключик, прикрепленный к резному тюленю, которого дядя привез из Лондона и использовал как брелок.

Персис внимательно осмотрела замок портфеля, поднеся его к свече, которую Молли поставила на туалетный столик. Небольшие царапины! Она преисполнилась уверенности, что раньше их не было! Но поклясться в этом не могла. Если кто-то взломал замок... Но кто? И зачем?

Она быстро перелистала бумаги. Насколько она могла судить, все осталось на месте: старые письма, завещание дяди Огастина, показания каперов. Все. Тем не менее она была уверена, что кто-то рылся в бумагах. Хотя доказать это не смогла бы. Ральф Гриллон? Нет, он не посмел бы войти в дом, несмотря на все свое безрассудство. Но он мог подкупить кого-нибудь из островитян.

Только она сомневалась, чтобы кто-нибудь из служанок в доме умел читать. Сююки, конечно, не умеет. А Молли бы это не сделала. Персис сложила бумаги в портфель. Она оказалась права: пытаясь закрыть замок, обнаружила, что тот сломан.

— Кто-то просматривал бумаги, — сказала она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Молли, ты можешь спрятать портфель среди своих вещей?

— Мисс Персис, но кто в этом доме... и почему?

— Не знаю, Молли. Но замок сломан, хотя ничего не взяли. И это может быть очень важно.

— Отдайте их мне. Никто их больше не получит, мисс Персис. И как такое может случиться в уважаемом доме! — Служанка даже покраснела от возмущения, как и во время купания Персис.

* * *

Мысль о том, что кто-то рылся в ее вещах, подействовала как удар. Угроза? Это не мог быть Ральф, а Персис не видела возможности подкупить кого-то из слуг или приказать им. Значит — Лидия? Но какое у нее право считать, что эта девушка способна на такое? Однако она покорена Гриллоном и, чтобы бросить вызов брату, готова на любое безумство, лишь чтобы доказать свою преданность человеку, которым восхищается.

— Не беспокойтесь, мисс Персис. — Служанка прижала портфель к пышной груди, словно бросала вызов всем под этой крышей, кто попытается отобрать его. — Я позабочусь, чтобы до него никто не добрался.

Впервые они пообедали при свечах втроем: миссис Прайор, которая заявила, что удовлетворена состоянием капитана Леверетта, Лидия и Персис. Лидия, как всегда, непрерывно говорила, перескакивая с темы на тему. Но Персис трудно было изображать вежливый интерес к болтовне хозяйки. Она продолжала гадать, не Лидия ли побывала в ее комнате и отыскивала портфель. Может быть, записка Гриллона отчасти для того и предназначалась, чтобы дать ей возможность про-

делать это. Гриллон предложил ей помощь, но, может быть, как раз наоборот: он хочет помочь загадочному наследнику и так или иначе узнать, какие документы привез с собой на юг дядя Огастин. Персис раньше не делала тайны из содержимого портфеля. Все знали, что в нем важные документы ее дяди, хотя о подробностях этих документов она не распространялась даже в разговоре с капитаном Левереттом.

Впервые в голову ей пришла новая и неожиданная мысль. Капитан Леверетт предложил ей помощь в Ки-Уэсте. Но Гриллон сказал, что он там не может появляться, его там ждет судебное предписание. Дядя или Шубал без ее ведома могли обратиться к капитану. И еще есть капитан Питтегрю, который пока вместе с экипажем привязан к острову. Много ли рассказал ему дядя в те долгие часы, когда она страдала в своей тесной каюте? Капитану Леверетту легко приказать кому-нибудь из слуг взять портфель и просмотреть бумаги. Миссис Прайор с удовлетворением объявила, что большую часть дня капитан проспал, но она оставила на дежурстве Сьюки с тех пор, как капитану стало лучше.

Только... она вполне могла себе представить Гриллона, обыскивающим ее комнату и осматривающим ее вещи, но подумать, что на такое способен капитан Леверетт, Персис не могла. Что-то в таких действиях есть мелочное и... и, может быть, опасное. И хоть опасность составляет часть повседневной жизни капитана, это совсем другая опасность.

— Мисс Рук... — Персис быстро подняла голову, надеясь, что никто не заметил ее задумчивости. Она даже не была уверена, удовлетворяли ли ее односложные замечания Лидию, которая ложку за ложкой поедала кокосовый крем с видом человека, чье усердие в общении не оценено должным образом.

— Капитан Леверетт выразил желание повидаться с вами, если вам это удобно, — продолжала миссис Прайор с видом легкого неодобрения, который с таким мастерством использовала в своих целях мисс Пикетт.

Персис догадывалась, что, пока капитан был в бреду и частично не осознавал окружения, домоправительница при-

ветствовала помощь в уходе. Но теперь он снова находился в нормальном состоянии рассудка, хотя еще не вполне здоровый телом, и посещения комнаты больного явно не одобрялись. И в своем нынешнем настроении Персис была вполне согласна с экономкой.

— Когда будет удобно капитану Леверетту, я готова удовлетворить его желание, — ответила она с чопорностью школьных дней.

Лидия неожиданно рассмеялась:

— Вы говорите так, будто меньше всего в мире хотите видеть Крю. Неужели он такой тяжелый пациент? Да, у него дьявольский характер — холодного саркастического дьявола! — начала она легко, но закончила с таким ядом и огнем в глазах, какие бывали у ее брата в минуты величайшего гнева.

— Мужчины обычно тяжело переносят болезнь, — заметила Персис. — Дядя Огастин временами никого к себе не подпускал, кроме Шубала. Но ваш брат большую часть времени лежал без сознания, — она вспомнила короткий разговор с Крю Левереттом, но решила не распространяться о нем.

Вслед за миссис Прайор она поднялась по ступенькам, чуть запыхавшись. Словно ее опять призывали предстать перед мисс Пикетт, чтобы та рассудила все допущенные ею грехи. Но что нужно от нее Крю Леверетту? Во время болезни она помогала за ним ухаживать, главным образом потому, что обязана ему жизнью. Конечно, кто-нибудь из островитян мог увидеть ее встречу с Ральфом Гриллоном (она первая признала бы, что неопытна в интригах), а если это так... В таком случае, приняла она быстрое решение, пока миссис Прайор стучала в дверь капитана, она расскажет обо всем, что произошло между ними. Багамцу она ничем не обязана.

В комнате горело несколько свечей, открытые окна затягивала сетка, а полог кровати был откинут, так что человека, сидевшего в постели, ничего не скрывало.

Он сбрил щетину и, хотя лицо его осунулось, а глаза казались слишком большими, определенно сделал большой шаг

к тому, чтобы снова стать самим собой, каким она видела его в последний раз.

— Мисс Рук...

Девушка обнаружила, что механически выполняет с блеском зазубренные наставления мисс Пикетт и делает книксен. Как будто — ей с трудом удалось удержать нервный смех, — как будто их впервые представляют друг другу.

— Я вижу, вам лучше, сэр, — сказала она самым формальным тоном.

И впервые Персис увидела, как он широко улыбается. И от этого его лицо совершенно переменялось, стало молодым и потеряло всю властность.

— Я знаю, что обязан этим вашим усилиям, мисс Рук.

— Я умею ухаживать за больными, капитан Леверетт. Мой дядя долго болел. Но здесь я мало что делала, только помогала миссис Прайор, когда было нужно.

— Подойдите сюда! — Он поманил здоровой рукой, улыбка его исчезла. Снова стало заметно неодобрительное выражение.

Персис чуть вскинула подбородок. Неужели он считает, что может и здесь распоряжаться, как у себя на палубе? Если он так обычно разговаривает с Лидией, Персис не удивляется, что его сестра строит собственные планы на будущее. Но Персис невольно сделала один-два шага к свету свечей и увидела, что капитан откровенно разглядывает ее. Ей стало неудобно.

Никакой скрытности и хитрости в капитане Леверетте не чувствовалось. Она поняла это мгновение спустя, когда он без всякой вежливой оболочки заявил:

— Я знаю, что вы встречались с Гриллоном на берегу.

Должно быть, на острове Исчезнувшей Леди множество глаз, подумала Персис. Но резкость вызвала ответную реакцию. В этот момент она решила, что прощает Лидии ее замыслы против этого человека.

Однако Персис давно поняла, что правда сама по себе может быть мощным оружием. Она способна обезоружить нападающего, когда тот этого не ожидает.

— Да, — спокойно ответила она.

Крю Леверетт нахмурился сильнее.

— Он посмел... Он считает меня совсем беспомощным? — В его голосе прозвучал гнев. — Что ему было нужно?

— Он предложил мне сделку.

— Сделку? — Девушка сумела-таки удивить его, и ощутила легкое удовлетворение. — Что за сделку?

— Новости за новости — что-то в этом роде. Он знает кое-что о Багамах и решил, что это может меня заинтересовать ради будущего...

— А в обмен ему потребовалась информация о том, что происходит в доме, — прервал ее капитан Леверетт. — Верно?

Персис пожала плечами:

— Если вы все знаете, к чему спрашивать меня, сэръ? Вот что я вам скажу. Я ваша гостья, незваная и нежеланная, но все же гостья. И у него не было оснований надеяться, что я пойду ему навстречу.

— Садитесь! — снова резкий приказ. Миссис Прайор подвинула кресло, в котором Персис сидела ночью. Девушка меньше всего хотела продолжать эту встречу, но в данный момент не видела возможности бегства. — А вы, миссис Прайор, — он чуть повернул голову, — оставьте нас, пожалуйста. Но присматривайте за Лидией.

Такие резкие команды... Персис взглянула на домоправительницу, ожидая увидеть признаки гнева из-за того, что ее так бесцеремонно выпроваживают. Но если женщина и испытывала какие-то эмоции, они никак не отразились на ее внешности или поведении. Она взяла поднос с чашкой, ложкой и прикрытой тарелкой.

— Четверть часа, Крю, — сказала она, — но это все. Это гораздо больше, чем позволил бы врач.

Капитан ждал, но нетерпеливо хмыкнул еще до того, как она закрыла дверь.

— Итак, вы ему отказали, — Крю Леверетт поднял здоровую руку и почесал подбородок. — Думаю, это его разозлило. Гриллон не привык, чтобы юбки отказывали ему.

Заметив сердитое выражение Персис, капитан рассмеялся:

— Ага, вас это задело! Но вы должны рассказать больше. Что предложил Гриллон со своей стороны в этой сделке?

— Ничего, — Персис пыталась говорить нейтральным тоном. Этот человек просто невыносим. А она еще собиралась обратиться к нему! Теперь ей хотелось только одного: сбежать в Ки-Уэст. Она не дуручка и со времен неудач дяди Огастина научилась искать помощь в нужных местах и у нужных людей. — Ничего, — повторила она, — кроме моих личных дел, касающихся поездки сюда дяди.

— Вот как? Должен вас предупредить, мисс Персис Рук. В местах, где собираются подобные Ральфу Гриллому, вы будете очень искушающим голубем в глазах ястреба. У него нечистые руки, и многие из нас это знают. Как и в любой профессии, у нас есть свои ренегаты, мисс Рук. Встречаются капитаны, которые заключают договор и сознательно направляют свой корабль на самый удобный риф, чтобы втайне разделить призовые деньги.

— Пираты, — она не удержалась, чтобы не произнести слово, которое все время возникало у нее в сознании в этом доме.

Он пожал плечами и тут же сморщился от боли.

— Если хотите — пираты. Эти воды давно привлекали преступников. По всем островам лилась кровь, и не всегда это была кровь врагов. В сущности, — он помолчал, словно не решался говорить дальше, — в сущности, прямо сейчас нам угрожает опасность.

— Со стороны Ральфа Гриллона? — в это она не могла поверить.

— Вряд ли. Гриллон — просто комар. Он надоедлив, но его легко отогнать. Нет, я говорю об индейцах.

Персис оторвалась от своих тревожных мыслей и повторила:

— Об индейцах?

— Корабль, который мы спасали, — теперь он говорил откровенно, — встретил канонерку из Ки-Уэста. Она везла сообщение о бойне на Кроу Ки и должна была всех предупредить.

дить. До сих пор острову Исчезнувшей Леди не угрожали. Те, кто когда-то здесь жил, Древние, все вымерли. Но семинолы, которых испанцы призывали, чтобы истребить эту древнюю культуру, верят, что некоторые места еще находятся под невидимой охраной. Я пытался поддержать эту веру... тут есть старуха, что-то вроде ведьмы...

— Аскра. Она приходила во время бури, — пробормотала Персис, когда он смолк.

— Да, Аскра. У нее лицо Древней. И она знает «волшебство», если хотите это так назвать. Семинолы боятся ее. Она приходит сюда, потому что эти насыпи были священны для ее народа, а я ей не мешаю. Так что до сих пор мы избегали набегов. Но это не значит, что так будет всегда. И сообщение я получил тревожное. К несчастью, «Непревзойденный», как и его капитан, пострадал во время бури, — он пошевелил ногами под покрывалом, словно ему было неудобно. — Я велел Вирингу держаться подальше от Верде и послал Макмастера за подкреплениями в Ки-Уэст...

— Вы послали корабль в Ки-Уэст! Но я могла бы...

— В рыбацкой лодке чуть побольше туземного каное? — спросил он. — Не думаю, чтобы вы согласились бы на такой транспорт.

Вероятно, он прав, мрачно подумала Персис. Ей совсем не хотелось отправляться в море, и она думала, что сумеет это сделать только на большом корабле.

— Да, у нас есть оружие, порох, пули, а этот дом и гостиница сооружены как крепости. Но мы должны принять все меры предосторожности, мисс Рук. Больше никаких прогулок в одиночестве по берегу, никаких встреч с Гриллоном.

— Я не собираюсь делать ни того, ни другого, — холодно ответила девушка. — Но не хочу и оставаться здесь. Если я хочу выполнить желание дяди Огастина, то должна получить юридическую помощь в Ки-Уэсте.

— Как только появится возможность, — голос Крю Леверетта впервые прозвучал устало, — вас туда отправят, мисс Рук.

Персис быстро встала с кресла.

— Боюсь, вы переутомились, сэр. Пожалуйста, разрешите мне позвать миссис Прайор...

Он нахмурился.

— Зовите хоть дьявола, если хотите! — рявкнул Крю и отвернулся.

Девушка с радостью вышла из комнаты и встретила на лестнице миссис Прайор и доктора Виринга.

Персис кивнула им обоим, но они были заняты негромким разговором и почти не заметили ее. А в комнате ее ждала Молли, явно чем-то взволнованная.

— Мисс Персис, старая индейская ведьма... она вернулась... она разговаривала с миссис Прайор... во дворе, где их не могли подслушать. И все время посматривала на море, как будто ждала новой бури. Думаете, она что-то знает? Говорят, они как животные. Умеют чують бурю.

— Не знаю, — Персис вспомнила свою последнюю схватку с ветром и волнами и подумала, как могут разумные существа жить под такой угрозой. Несмотря на то что поздно встала, она почувствовала сонливость и с готовностью уступила ей.

Глава десятая

Персис проснулась неожиданно, словно кто-то ее окликнул. Ей что-то снилось, она тяжело дышала, все тело покрылось потом, ночная рубашка промокла. Откинув легкую простыню, она села и прислушалась.

Ветер не шумел. Но слышалось что-то другое. Поднимался и падал голос, произнося слова, которых она не понимает.

Лунный свет пятнами лежал на полу, настолько яркий, что затмевал свечу. Персис подползла к краю широкой кровати. Этот звук — угроза из сна, который она не могла вспомнить. Она теперь полностью проснулась. И не только проснулась, но и испытывала какое-то предчувствие. Ногой девушка коснулась туфель. Но не стала наклоняться, чтобы застегнуть их: не стоило двигаться, чтобы ее заметили...

Заметили? Кто? Или что?

То же ощущение, которое охватило Персис, когда она ночью шла за портфелем, повисло в воздухе. Лунного света хватало, чтобы убедиться, что она находится в комнате одна. Но...

Страх душил ее, она никогда не испытывала такого страха. Она как будто, сама не желая того, притягивала к себе этот ужас, как магнитом. Персис сжала руками край простыни, поднесла ко рту и прикусила, пытаясь сдержать страшный крик.

Девушка попробовала понять шепчущие звуки. Но поняла лишь то, что они каким-то образом действуют на нее, она раскачивается взад и вперед в их ритме.

Персис отчаянно захотелось зажать уши руками, но она обнаружила, что не может этого сделать. Она как будто застыла, с одной ногой, спущенной с кровати, другой, подвернутой под себя, оглядывая комнату в поисках кого-то, потому что внутреннее чувство говорило ей, что в комнате кто-то есть. И ни зрение, ни здравый смысл не могли убедить в обратном.

Вдоль комода лежит темная тень. Один из ящиков открыт. Портфель? Кто-то вошел, пока она спала, и снова искал его?

Но... она же чувствует... Персис медленно повернула голову, потребовались огромная энергия и решительность, чтобы преодолеть охватившую ее странную апатию. В комнате никого не было.

Персис заставила себя вытащить бесплотный кляп изо рта. Просто остатки дурного сна, больше ничего!

Но никакие доводы не могли устранить страх, который по-прежнему держал ее, словно в клетке. Девушка снова напряглась, вцепилась пальцами в простыню.

Огоньки, мерцание светлых искорок! Она видела это раньше! В коридоре. И холодно, так холодно. Что-то древнее, что-то такое, что она не могла и не хотела понять, оно здесь, и становится все сильнее... сильнее... сильнее...

И впервые в жизни, с легким вскриком, который не смогла сдержать, Персис упала в обморок. Или ею овладело нечто, нематериальное, но обладающее темной целью и всепоглощающим страхом.

Сон... сон ли ожидал ее, как страшный зверь в укрытии? Она не смогла бы ответить. Но только ее подхватило и перенесло в другое время и место.

Тело девушки (впрочем, она даже не была уверена, что обладает телом) плыло в небе. Раньше ей не снились цветные сны, но теперь она различала цвета, резкие, жестокие, угрожающие.

Она пленница какой-то силы, и эта сила приказывает ей смотреть... наблюдать...

А под ней все настолько чуждое, что она чувствует себя совершенно потерянной.

Не день, а ночь, и высоко в небо вздымаются огни. Цвета сохраняются: красный — цвет крови, зеленый — отравленного вина, желтый — змей. Все сравнения, которые приходят ей на ум, говорят о зле, о чем-то неправильном. Как дым от факелов, поднимается запах дурных деяний и зловещего воображения, этот запах пропитывает ее дух, как дым — воздух.

Факелов много, некоторые горят в каноэ, которые целенаправленно гребут к месту, что находится ниже Персис. Вернее, той ее части, которая захвачена этим сном. Она стоит на склоне высокого холма, вершине которого придана квадратная форма; под усеянным раковинами склоном поблескивает небольшое озеро. Платформа на вершине вымощена каменными плитами.

На склоне вырублены ступени, тоже высланные раковинами, на них стоят факелы, настоящая стена их тянется к самой вершине.

Каноэ направляются не к ступеням. Напротив, они собираются рядами по обе стороны. На платформе стоят ожидающие. Тела у них человеческие, на груди широкие ожерелья, а на головах маски, с большими, увенчанными плюмажами коронами. Маски всевозможных животных. Одна — оск-

лившая зубы пятнистая кошка. Другая — с мордой и клыками крокодила.

До Персис доносится далекое смутное пение. Она чувствует, что вот-вот узнает какую-то тайну. Но это тайна не ее племени, и у нее нет желания... нет права... узнавать ее.

Подходит последнее каноэ, на борту его мужчина без маски, но тоже в короне и с плюмажем. У него внешность человека, привыкшего отдавать приказы, которые немедленно исполняются. А за ним, между двумя гребцами, которые искусно маневрируют, чтобы подвести лодку к самому началу каменной лестницы, еще одна фигура, такая закутанная, что Персис не видит ни лица ее, ни рук.

Вождь в короне легко ступает на причал у основания лестницы. Поворачивается и ждет, пока гребцы подведут каноэ еще ближе, чтобы фигура в белом тоже смогла сойти на берег.

Персис, сама не зная как, понимает, что это женщина, молодая женщина. И страх этой женщины мощно, как морской ветер, обрушивается на Персис.

Они поднимаются вверх, ступень за ступенью. Впереди вождь, гордый, лицо его кажется Персис знакомым, она его где-то видела, с выступающим клювом-носом, с зеленым каменным кольцом в ноздре. Он не делает никаких попыток торопить спутницу или помочь ей.

Но та тоже поднимается, ступень за ступенью. И страх ее поднимается вместе с ней, как зловонное дыхание разложения. Они достигают вершины. Тут два человека в звериных масках быстро встают по обе стороны от закутанной фигуры. Когда они поднимают руки, Персис видит, что на них перчатки, искусно сделанные из кожи, и прикрепленные к перчаткам когти заблестели в свете факелов.

Когти вцепляются и рвут. Белые клочки падают на раковины площадки. Теперь на ней стоит обнаженная девушка, ее юное смуглое тело освещено огнем факелов. Она не делает попыток поднять руки. Лицо у нее пассивное, глаза смотрят прямо вперед. Они опоили ее, эти жрецы. Персис не понимает, почему она так уверена в этом. Но знает, что наркотик

контролирует только тело. Сознание жертвы, заключенное в этом теле, живо, и страх пожирает его.

С ловкостью, вызванной долгой практикой, жрец в марке хищной кошки хватает девушку за лодыжки, второй жрец, крокодил, держит ее за плечи. Она не сопротивляется, и жрецы несут ее вверх, на каменную площадку.

Нет... она не будет смотреть! У Персис нет глаз, которые она могла бы закрыть, нет в этом сне. Но в ней поднимается такая волна отвращения, что Персис внутренне завопила, как не кричала даже бедная жертва. Наступает тишина. Пение, которое доносилось до Персис, неожиданно стихает.

Прочь... Персис собирает всю свою волю. Она проснется! Проснется!

И неожиданно находит выход из тюрьмы, засов отодвигается, дверь распахивается. Она — вырвалась!

Персис открыла глаза и увидела, что лежит на самом краю кровати (пальцы ее до боли сжимали скомканную простыню) и легко могла скатиться на пол. Еще несколько мгновений кошмар не отпускал девушку, и она оглядывалась, чтобы увидеть, где она... и когда...

Никогда прежде не видела она таких снов. Он был... реален... хотя девушка и участвовала в нем только как зритель. Персис подняла голову и удостоверилась, что далекое пение не слышно. Оно не было частью сна. Она слышала его еще до того, как погрузилась в кошмар.

Аскра! Последняя из своего племени, ее считают наделенной странными силами. Ей позволили вернуться на острова Ки, чтобы общаться со своими мертвецами (так говорят), потому что ее боятся даже свирепые семинолы, вторгшиеся в земли ее народа и захватившие эти острова.

Может, сегодня ночью Персис каким-то образом заглянула в воспоминания Аскры? Но у девушки осталось ощущение, что она стала свидетельницей того, что происходило когда-то очень давно. Насыпь, озеро — она видела их совершенно отчетливо, и они были ухоженные, как новые. И ничего похожего на дом. Тем не менее она была уверена, что

это та самая насыпь, на которой сейчас стоит дом. Что там говорила Лидия в самый первый день? Что эта пропитанная кровью земля имеет своих призраков: призраки Древних, в которых верит Аскра, призраки испанцев, пиратов, снова испанцев, а теперь людей ее народа. Персис села на кровати и снова осмотрела залитую лунным светом комнату. Если в этом месте свершались злые деяния, свершались снова и снова, может быть, зло по-прежнему висит над ним темным облаком? И будет висеть вечно?

В комнате чем-то пахло. Девушка вобрала воздух в легкие. Какой-то ночной цветок? Может быть. Но ей запах не понравился. И чувствовала она себя как-то странно. Кружилась голова. Хорошо бы кто-нибудь был рядом... Молли? Нет, глупо искать служанку посреди ночи из-за дурного сна.

Однако Персис отыскала вторую туфлю и обулась. Она подойдет к окну и убедится, что вернулась, что она здесь. Не надевая пеньюар, девушка так и поступила.

Луна освещала дамбу, соединяющую насыпь с остальным островом. Ни каноэ, ни факелов. Персис хотелось, чтобы у нее тоже было светло, хотя она понимала: глупо спать с зажженной свечой. Но в тот момент ей казалось, что она больше не заснет.

Подойдя к столику, она взяла огниво, высекла искру и с удовольствием наблюдала, как пламя поднимается с фитиля. Потом, сама не зная почему, взяла свечу в руки, прикрыла огонек рукой и подошла к двери, хотя открывать ее не стала.

Персис прислушалась. Обычные ночные звуки: шорох листьев, жужжание насекомых. Ничто не напоминало пение и то тревожное чувство присутствия, которое охватило ее после первого пробуждения.

И только снова неохотно вернувшись на кровать, решив бороться со сном, чтобы не попасть опять в мир кошмара, Персис увидела это.

В ногах кровати лежал темный стержень. Кто-то словно специально отогнул сетку и положил стержень на самом ви-

ду. Персис поднесла пламя свечи ближе, едва не подожгла сетку, но тут же отдернула свечу.

Веер!

Взгляд в сторону комода показал, что нижний ящик открыт. Кто-то нарочно достал из него предмет, который положила туда Молли.

Потребовалась вся решительность, чтобы взять веер и поднести его к свету. В руке он казался тяжелым и странно уравновешенным. Это тот, который она нашла в земле! Его нельзя раскрыть. Он лишь напоминает веер, который злорадно показывала ей Лидия. Опаловые глаза кошек следили за ней, не зло, но отчужденно, как всегда смотрят кошки. Как будто ждут чего-то, какого-то ее действия. Но как он здесь оказался?

Она же его закопала. Персис знала это, она до сих пор кожей ощущала землю и камни, которые набросала поверх шкатулки. А потом Молли нашла этот веер в ее вещах. Да, он лежал в ящике, куда его положили на время. А теперь он, словно нарочно, словно в насмешку, оставлен на виду — чтобы доказать девушке, что она не сможет избавиться от своей находки.

Вся дрожа, Персис опустилась на край кровати. Она отдала бы все, все состояние, которое надеялся получить дядя Огастин, чтобы снова оказаться в безопасном Нью-Йорке. Какая-то зловещая тень лежит на этом доме. Хотя, откровенно говоря, она никогда в такие вещи не верила. Но теперь, кажется, сама отчасти стала жертвой подобных верований.

Девушка осторожно поставила свечу на столик. В тот момент ей хотелось иметь их десяток, чтобы окружить свою постель преградой из света. Но нет... Это заставило ее вспомнить о факелах и стене света, созданной на вершине этой самой насыпи!

Если бы только она могла отбросить проклятый веер, выбросить его в окно, в заросли, чтобы он навсегда затерялся там. Но как ни хотелось девушке сделать это, она не могла пошевелиться. Слово снова попала в кошмар. Так ли это?

Могут ли сны накладываться один на другой слоями? Как будто она только считает себя проснувшейся, а на самом деле видит другой сон?

Но в этом неожиданно пугающем мире все было абсолютно реально: и ее комната, и ее кровать — и то, что она держала в руках. Персис попыталась заставить пальцы, которые так прочно сжимали веер, разжаться, отбросить...

Свободной рукой девушка начала один за другим разжимать пальцы. Потом остановилась. Помимо страха, который ядовитым облаком затопил всю комнату, появилось и что-то другое. Она... она уже сидела так, и еще там было...

На мгновение комната за пределами света единственной свечи дрогнула, показалось другое, призрачное место. Не насыпь и не жрецы в масках. Нет, грубые стены. И она пленница, и ждет...

Да, но у нее есть ответ, прямо в руках. Персис больше не пыталась отбросить веер. Она повернула его узким концом к себе. И из стержня выскользнула тонкая смертоносная стальная полоска. И хоть девушка этого не знала, на губах у нее заиграла легкая злая улыбка, а в глазах вспыхнул огонь.

Она держала в руках кинжал, смертоносный, хоть и короткий. Им вполне можно перерезать горло, даже достать сердце. Многообещающе вспыхнули на свету опаловые кошачьи глаза. Персис опустила ножны в форме веера, прикоснулась пальцем к острому, как игла, кончику кинжала.

Это ключ к дверям отчаяния. Снова тени зашевелились в сознании девушки. Не ее собственные воспоминания, а скорее неясные картины, которые приходят словно с далекого расстояния, приходят из прошлого. Девушка, которую во сне Персис привезли на насыпь... У нее такого оружия не было, оно тогда просто не существовало.

Но была еще одна пленница, гораздо позже. Она тоже томилась здесь совершенно вроде бы беспомощная. И это положило ей путь к бегству. Рука Персис больше не пыталась избавиться от лезвия. Зачем ей выбрасывать свое единственное оружие?

Он скоро придет. Она знала это так точно, словно он уже прошел в эту призрачную дверь. Ей придется играть с ним, выносить его прикосновения, пусть только подойдет поближе, чтобы она могла пустить в ход сталь!

Персис тяжело дышала, быстро проводила кончиком языка по пересохшим губам.

Медленно повернула лезвие в огне свечи. От него исходило сияние, холодное и смертоносное. Девушка ошеломленно смотрела на него. И в то же время прислушивалась. Когда он придет? Может быть, такая жестокость сознательна: заставить ее еще ждать. Но он узнает... она взмахнула лезвием. Оно коснулось кровати сетки и легко разрежало ее.

Совсем незначительное происшествие, но Персис очнулась. Что?.. кто?.. Она выронила лезвие, прижала ладони к щекам. Кожа ее горела, она вся дрожала как в лихорадке. Неужели она заболела, и эти видения — часть ее бреда? Девушка постаралась собраться с мыслями. Она Персис Рук! Это ее комната, никаких теней здесь нет. А то, что лежит перед ней...

Вздвогнув, она спрятала лезвие в поддельном веере. В том кошмаре, с факелами и страшной сценой на насыпи, она была только зрителем. Но сейчас она вполне сознавала, что находится в доме. Так кто же открыл ящик комода, в котором она спрятала найденный веер, кто принес его назад? И зачем?..

Исчезнувшая леди?..

Персис заставила себя внимательно осмотреть комнату. Давно, много лет назад, здесь исчезла женщина, оставив после себя убитого ею человека. Куда она исчезла? Уйти с острова она не могла. Если убила того, кто пытался ее изнасиловать... может, просто бросилась в море?

Так странно появившийся веер тревожил Персис. Она еле заставила себя снова взять его в руки, извлечь скрытое лезвие. Откуда она узнала, что нужно вот так быстро повернуть пальцами?

Выбросить его в море? Но уже беря веер в руки, девушка понимала — и сама не могла сказать, каким образом, — понимала, что этого делать нельзя. Словно защищаясь, она

сжала кинжал в руке. Защищаясь? Да, она должна сохранить его у себя. Для этого есть причина. Будто тихий голос, откуда-то издалека, предупредил ее.

Персис встала. Все ее тело покрылось потом, ночная рубашка прилипла к плечам и бедрам. Она двигалась неуверенно, словно долго пролежала больной и впервые встала после болезни. Девушка направилась к комоду.

Положила в ящик поддельный веер, прикрыла его одеждой. Во рту у нее пересохло. Хотелось пить. Когда Персис снова подошла к окну, у нее так дрожали руки, что никакие усилия не могли сдержать эту дрожь.

Внизу горел факел. И в его свете виднелась какая-то сторбившаяся фигура. Что-то неправильное было в очертаниях ее головы.

Голова повернулась, профиль стал отчетливо виден в свете факела. Это... это же один из жрецов! Тот самый, с головой животного, который ждал на насыпи жертву. Персис замигала.

Нет, никаких каноэ. Только один факел. И она стояла не на насыпи своего сна, а в доме, построенном на остатках этой насыпи. Факел исчез. Но она была уверена, что в его свете видела нечеловеческое лицо...

Ни звука, кроме далеких ударов волн и шума ветра. Персис почувствовала себя странно свободной. Все, что она ощущала — во сне и после пробуждения, когда обнаружила подложный веер, — все исчезло. Неожиданно девушке страшно захотелось спать. Силы словно оставили ее.

Она легла. Правда, легкий страх по-прежнему сохранялся. Она могла снова увидеть сон. Но этого не должно произойти... она не допустит! Однако вопреки ее решимости глаза закрывались сами.

* * *

Когда Персис проснулась на следующее утро, то не помнила, снилось ли ей что-нибудь. Но увидела перед собой не привычное круглое лицо Молли, а коричневую мордашку Сьюки.

Служанка с острова поставила на столик накрытую чашку. Она не смотрела на Персис, которая сразу пришла в себя при таком изменении порядка, к которому привыкла за многие годы.

— Где Молли? — может, излишне резко спросила она. Сьюки искоса взглянула на девушку, ей как будто не хотелось здесь находиться. Персис раньше не обращала на нее внимания. Сейчас резкие черты лица служанки вызвали у нее легкое отвращение. Должно быть, в ней текла смешанная кровь, как и у многих островитян. Выдающийся нос, непропорционально большой по сравнению с остальным лицом, напоминал Аскру. Может, она действительно отдаленный потомок народа, соорудившего эти насыпи. Насыпи... Персис постаралась подавить живое воспоминание о кошмаре.

— Она заболела. Лежит в постели. — Голос Сьюки звучал недовольно. Наверное, ей не хотелось исполнять новые обязанности.

— Заболела! — Но Молли никогда не болеет. За все годы, которые провела у них служанка, Персис прошла через множество насморков, простуд и однажды через длительную лихорадку (слава богу, это оказалась не оспа, как опасались врачи), и все это время присутствие Молли придавало ей силы.

Персис выбралась из кровати, сунула ноги в туфли и схватила с кресла пеньюар. Не расплетая косичек, которые накануне заплела Молли, она бросилась к двери.

Сьюки что-то сказала, но Персис не стала слушать, а сразу направилась ко второму пролету лестницы, подхватив край пеньюара, чтобы не споткнуться.

Уже через несколько мгновений она была в комнате Молли и успела подхватить голову служанки. Ту начало рвать в подставленный таз, пот струился по ее щекам, выступив крупными каплями на лбу.

Когда приступ рвоты окончился, Персис опустила голову Молли на подушку.

— Что-то не то съела... — говорила Молли, тяжело дыша. Пальцы Персис нащупали ее частый пульс. — Пожалуйста, мисс Персис... мне больно...

Она прижимала к груди большие руки и смотрела на Персис в ожидании поддержки и утешения.

Глава одиннадцатая

— Сильный приступ несварения, — вынес свой вердикт доктор Виринг. — Такие симптомы часто вызывают сырые фрукты у тех, кто к ним не привык. У вашего слуги тоже что-то в этом роде...

— Шубал! — прервала его Персис. — Но как...

— Миссис Прайор услышала ночью его голос. Я посоветовал бы легкую диету. Бульон... может быть, крем, — продолжал доктор. — Я дал обоим лекарство. Не советую кормить, пока они сами не захотят. А как вы себя чувствуете? — Он внимательно посмотрел на девушку, как на незнакомое растение, которое нужно классифицировать. До сих пор Виринг не смотрел на нее так пристально. — Вы тоже не очень хорошо выглядите, мисс Рук.

— У меня был кошмар, — ответила Персис. — Но вы уверены? Насчет Молли и Шубала? Насколько я помню, Молли никогда не болела.

Доктор Виринг пожал плечами:

— Понимаете, это совсем не гарантирует, что она никогда и не будет болеть. Но я бы сказал, что худшее позади. Ей и вашему слуге необходим отдых, а потом благоразумная диета. Предоставьте это миссис Прайор, у нее большой опыт в такого рода происшествиях.

Но когда врач вышел из комнаты, Молли повернула голову на подушке, глаза ее были широко раскрыты, и в них сквозил страх.

— Он неправильно определил, мисс Рук. — Голос ее звучал слабо, но настойчиво. — Мы ели то же самое, что и остальные. Нас... нас сглазили!

— Сглазили? — Персис не поняла.

— Нарочно, мисс Рук. Клянусь в этом, как перед смертью.

— Яд! — Персис ошеломленно смотрела на служанку.

— Может, недостаточно, чтобы убить, — лицо Молли выглядело истощенным, даже полные щеки опали, покрылись морщинами. — Но чтобы держать нас в постели... может быть, подальше от вас.

— Это же глупо! — Персис ответила резче, чем хотела. — Нам ничего не грозит, Молли. Это невозможно, и не смей ничего подобного говорить миссис Прайор! Мы здесь гости, а не пленники.

Девушка встала, но служанка протянула руку и схватила ее за юбку.

— Мы не можем уйти с острова без помощи. А тут еще эта колдунья постоянно бродит вокруг. Мам Роз рассказывала, как в старину здесь убивали людей — как они говорили, посылали их вестниками к своим языческим богам. Капитан разрешил Аскре приходить сюда и молиться своим богам. Она делала это прошлой ночью. Я слышала ее, мисс Персис. Откуда мы знаем, что она не хочет отправить нас куда-то... мы для нее чужаки, и никто за нас не заступится. Она знает травы... она может...

— Она была в кухне, когда готовили еду? — спросила Персис. В дикой мысли Молли была какая-то сумасшедшая логика. Девушка вспомнила собственную ужасную ночь, сны, потом факел, который держала фигура в маске, исчезнувшая в зарослях внизу.

— Я не была на кухне все время, мисс Персис. Откуда мне знать? Но только все остальные: Мам Роз, Сьюки и все — они обходят ее стороной, они ее боятся. Говорят, у нее есть власть...

Разговаривая, Молли оживилась, как будто необходимость произвести впечатление на Персис придала ей сил, которые она утратила в приступах рвоты.

— Вы болели прошлой ночью, мисс Персис?

Можно ли назвать те яркие сны болезнью, подумала Персис. Следовало сдерживать свое воображение.

— Нет. Мне просто снились дурные сны, — уверенно и коротко ответила девушка. — А теперь, Молли, ты слышала, что сказал врач? Ты ела непривычную пищу, и это вызвало реакцию. Очевидно, у Шубала то же самое. Мы здесь недавно и не привыкли к местным фруктам.

— Нет, мисс Персис, это нарочно. Вот увидите — нарочно, — Молли опустила голову на подушку. — Будьте осторожнее. Тут происходит что-то очень странное. Не могу сказать что, но у меня дурное предчувствие насчет этого места, мисс Персис. Нам лучше убраться отсюда побыстрее.

— Это так, — Персис вполне была согласна. Она поправила покрывало и прикрыла ставни, чтобы жаркое солнце не беспокоило Молли. — Обещаю тебе, Молли, что именно это мы и сделаем.

Нелепо думать, что кто-то сознательно отравил двух человек, на которых только и могла рассчитывать Персис под этой крышей. Она навестила Шубала и обнаружила, что слуга спит. Лицо его казалось более старым, чем обычно. Но Шубал действительно был стар, он почти ровесник дяди Огастина.

Пока был жив его хозяин, это не замечалось. Как будто его постоянная сосредоточенность на желаниях и потребностях дяди Огастина отгоняла даже старость. Но теперь это занятие исчезло, ничто больше не заполняло пустоту жизни, и Шубал как-то сразу превратился лишь в оболочку человека. Ей придется почаще обращаться к нему за помощью, доказать ему, что он еще может быть полезен. Может быть, подумала Персис, это даст ему новую цель в жизни. По крайней мере, она на это надеялась.

Спускаясь, девушка встретила миссис Прайор. Домоправительница выходила из комнаты капитана Леверетта, лицо ее светилось спокойным торжеством. Она показала поднос с пустыми тарелками, ни следа пищи.

— Он хорошо позавтракал, — приветствовала она Персис. — И швырнул блюдце в слугу-мальчишку, когда тот не помог ему встать, — очевидно, она посчитала это самым об-

надеживающим признаком. — Он обрадуется обществу, если вы не возражаете, мисс Рук.

— Может, немного погодя, — но капитан Леверетт ее больше не занимал. Ее заботили Молли и Шубал. — Мои слуги...

— Ах да, доктор Виринг мне сказал. Это не редкость, мисс Рук. Мне много раз приходилось наблюдать такие расстройства при смене диеты. У нас бывает много гостей после кораблекрушений, и у некоторых случались такие же приступы. Это временное состояние, уверяю вас. И у меня готов хороший бульон. Может, попозже они его выпьют. Ничто лучше не восстанавливает силы. А у вас самой никаких затруднений не было?

Персис покачала головой:

— Нет. Я просто плохо спала. Слышала странные звуки — как пение...

Миссис Прайор поджала губы.

— Да. В это время Аскра обычно проводит какую-то церемонию. Капитан разрешает ей это. Мы счастливы, что нас не трогают индейцы. И главным образом потому, что боятся Аскры. Они говорят, что победили Древних, но считают, что здесь живут их духи, и не хотят с ними встречаться. Аскра очень полезна, она поддерживает эту их веру. Для нее это абсолютная истина. Она очень странный человек, владеет знаниями других времен и других народов. И, может быть, потомуки врагов ее народа имеют веские основания опасаться этих знаний.

Миссис Прайор всегда такая здравомыслящая, поэтому ее слова произвели на Персис особенно сильное впечатление. Как будто в этом доме, в этой насыпи, в самом острове Исчезнувшей Леди есть нечто такое, что делает невозможное возможным. Персис снова вспомнила свои ночные страхи. Но ведь это только сны. Но только...

Она надеялась, что ответила миссис Прайор вежливо, и быстро ушла к себе в комнату. Наклонилась к ящику комода и обыскала его. Вот он лежит — кинжал в виде веера.

Как бы объяснила миссис Прайор его появление? Оставили его в качестве угрозы? Или предупреждения? Направлены ли эти угроза и предупреждение на нее? Девушка быстро прикрыла веер ночными рубашками. Почему-то ей никого не хотелось расспрашивать об этой своей находке. Нужно просто забыть о ней, словно ее никогда и не было.

Но как Персис ни старалась о нем забыть, позже, когда ела вместе с миссис Прайор и Лидией, мысли ее постоянно возвращались к вееру. Они не успели закончить, как резкий звук рога из раковины — девушка уже знала, что он обозначает появление корабля, — нарушил тишину, в которую они втроем погрузились. Лидия казалась полусонной, как будто провела ночь не лучше Персис, а миссис Прайор, по-видимому, глубоко задумалась над какими-то проблемами домашнего хозяйства.

Но при звуках рога Лидия сразу очнулась. И Персис подумала, что Ральф Гриллон, зная, что капитан Леверетт прикован к постели, решился снова дерзко посетить острова Ки. Но тут появилась Сьюки и сообщила, что замечен почтовый корабль.

Пришла очередь Персис взволноваться. Почтовый корабль — ее единственная возможность добраться до Ки-Уэста. Мгновение она лелеяла надежду на такое избавление. Но потом вспомнила о Молли и Шубале. Помня трудности плавания из Нью-Йорка, она не могла подвергнуть слуг опасностям нового морского путешествия, пока они не поправятся. А уплыть одна она не сможет.

Но если этот корабль, единственная связь с цивилизацией, пробудет здесь достаточно долго и слуги успеют поправиться... Конец этой слабой надежде положила миссис Прайор.

— Если захотят, они примут экипаж «Стрелы». Хотя капитан Фосдик не любит тесноту. Но он, по крайней мере, отвезет новость в Ки-Уэст, и владельцы пришлют другой корабль за экипажем.

— Возьмет ли корабль письмо? — Персис ухватилась за новую надежду. В ночь погребения дяди она написала мисте-

ру Хогу, просила, если возможно, порекомендовать ей юриста в Ки-Уэсте. Хотя она не была уверена, что он знает там достойного доверия человека.

— У капитана Леверетта есть свой почтовый мешок. И ему нужно решить свои проблемы относительно «Стрелы» и ее экипажа.

— Сам он нескоро выйдет в море, — заявила Лидия. — А переключивать свои дела на других он не любит, — она улыбалась, словно мысль о недовольстве брата чем-то ей была приятна.

— Я принесу свое письмо, — Персис больше не могла ждать. Даже посылка письма мистеру Хогу принесет небольшое утешение. К тому же она хотела попросить капитана Питтегрю кое о чем расспросить в Ки-Уэсте. И если капитан уплывет, нужно побыстрее увидеться с ним.

Извинившись, девушка ушла в свою комнату за широкополой шляпой, которая, как она обнаружила, лучше всего защищает от солнца. Там взяла со стола письмо, которое написала мистеру Хогу, собираясь отдать его капитану Леверетту, а потом сходить в «гостиницу» и поискать капитана Питтегрю.

Постучав в дверь комнаты капитана, она услышала приглушенный голос, позволяющий войти. Но когда вошла, увидела в комнате и капитана Питтегрю. Он стоял у постели капитана Леверетта, который просматривал какие-то бумаги.

— Простите... — Персис смутилась, попав, очевидно, на деловой разговор. Но капитан Леверетт уже собрал бумаги и протянул их капитану Питтегрю.

— Я могу быть вам чем-то полезен, мисс Рук? Но боюсь, прежде всего я вас разочарую. «Анни Б.» не примет пассажирку. Я знаю капитана Фосдика и условия у него на борту. Боюсь, вам придется еще немного побыть у нас. Если бы это была «Ласточка», которую мы ждали...

— Я все равно не могу уплыть сейчас, — она так была занята своими проблемами, что не дала капитану договорить. — Заболели Молли и Шубал. Я не могу их оставить. Но

я приготовила письмо, — девушка протянула письмо и кошелек со скромной суммой, которая оставалась у нее от денег на расходы по дому. — Это нужно отправить адвокату дяди Огастина в Нью-Йорк, — она повернулась к капитану Питтегрю. — А вы отправляетесь в Ки-Уэст?

Он кивнул, мотнув своей седой просоленной бородой.

— Приходится, мисс Рук. Надо связаться с владельцем. Мы могли бы спасти «Стрелу», но этот последний удар... — Он покачал головой. — Той ночью ей проломило дно. Теперь она годится только на дрова.

— Окажите мне услугу, сэр, и я буду у вас в большом долгу. Мне говорили, что в городе есть надежные юристы. Найдите мне такого, чтобы я точно знала, как обстоят дела с наследством дяди на островах. Мне рассказали, что могут возникнуть трудности.

Капитан неловко поклонился:

— Конечно, мисс Рук. Когда пошлем за остальным экипажем, вы получите сообщение. На «Анни Б.» есть место только для четверых. Я оставляю здесь старшим мистера Уилкинсона, своего помощника. Он будет рад помочь вам, если понадобится. — Питтегрю взглянул на капитана Леверетта: — Уилкинсон плавал в Китай и знает, как справляться с пиратами. Если у вас есть оружие, мой экипаж поддержит вас в любых неприятностях с индейцами.

— Очень хорошо, — ответил капитан Леверетт. Он взял письмо Персис и вместе с другими сложил в мешок. — Возьмите это с собой на «Анни Б.». Лодочник привезет назад то, что у них есть для острова.

— Подождите, — Персис торопливо расстегивала свой кошелек. — Почтовая плата до Нью-Йорка...

Капитан Леверетт покачал головой:

— У нас годовой контракт с почтовыми кораблями. Они получают неплохую прибыль, так что можно отправить и лишнее письмо. Сохраните свои деньги, мисс Рук.

Персис не могла спорить. Но ей не хотелось снова быть в долгу, даже по такому незначительному делу. Однако когда

девушка повернулась к двери, он заговорил своим не терпящим возражений голосом:

— Будьте добры, немного подождите, мисс Рук... Что ж, Питтегрю, мы все закончили. Передайте это требование в суд Ки-Уэста и пошлите копию владельцу. Я выражаю сожаление по поводу этого второго удара. Если бы не он, мы бы оставили ваш корабль на плаву. Здесь полное описание случившегося для суда, и я не вижу возможности для вас и вашего экипажа как-то предотвратить гибель корабля.

Капитан Питтегрю вздохнул:

— Факты таковы. Но когда дело заходит о долларах и центах, владельцы не очень прислушиваются к фактам. Вы справедливо обошлись с нами, капитан. Не ваша вина, что мы не смогли спасти корабль, который вы сняли с рифов. И вы более чем великодушны, составив нам этот документ. Мне пора идти, не нужно заставлять шлюпку ждать. А вы, мисс, — он опять неловко поклонился Персис, — я все сделаю, как вы просили, и свяжусь с надежным юристом.

— Удачи, капитан, — успела она сказать, прежде чем дверь за ним закрылась.

Наступило молчание. Крю Леверетт не торопился объяснить, зачем попросил ее остаться. Он полусидел-полулежал в большой кровати, плечи его были зажаты подушками.

Персис нервно добавила:

— Я, кажется, очень назойливая гостья, капитан...

— Почему? — Он чуть хмурился и внимательно смотрел на нее, как будто решая какую-то собственную проблему.

— Никак не могу избавить вас от своего присутствия, хотя меня не приглашали.

— Время от времени, — медленно заговорил он, — море дает больше, чем отнимает. Вы когда-нибудь собирали раковины на берегу, Персис?

Такая неожиданная смена темы, а также дерзкое использование ее имени изумили Персис. Она начала сердиться. Почему-то он всегда вызывает в ней гнев. Неужели он снова

намекает на Ральфа Гриллона? Или пытается узнать, не было ли у нее нового свидания с багамцем?

— Нет, — резко ответила она.

— Они бывают прекрасны — драгоценности океана, — капитан продолжал наблюдать за ней. — Лидия любит их собирать. Попросите ее, она вам покажет. Те, кто впервые поселился на этих островах, смешивали раковины с землей и двигали эти насыпи, проводили на них свои ритуалы. Да, до того, как уедете, вы должны пособирать раковины, Персис. Увидите, каким щедрым по-своему бывает море.

Девушка не могла понять причины перемены его настроения. Не понимала, на что он намекает. Не знала, что ответить, и потому промолчала.

— Что вы думаете об острове Исчезнувшей Леди, Персис? — снова сменил он тему.

— То, что я видела, — ответила она, — очень не похоже на Нью-Йорк.

Собственный ответ показался Персис неудачным, и она ожидала, что капитан тут же отправит ее прочь. Решит, что эта женщина никаких мозгов не имеет. Конечно, здесь все не так, как в Нью-Йорке. Но она не собиралась вдаваться в подробности. Рассказывать, что постоянно испытывает в этом доме тревогу, видит странные сны, боится морских бурь.

Он слегка улыбался. И Персис подумала, что верно догадалась, как он оценивает ее интеллект. Это лишь подлило масла в тот огонь возмущения, который он почему-то всегда в ней разжигал.

— Да... очень не похоже на Нью-Йорк, — слова его походили на насмешку. — А вам очень нравится Нью-Йорк, Персис?

Девушка задумалась. Безопасность тамошней жизни — да, жизнь в доме дяди Огастина была безопасной. Но также — очень скучной. О жизни на острове Исчезнувшей Леди этого определенно не скажешь.

— Я ничего другого не знала, сэр, — она снова вернулась к манерам хорошо воспитанной юной леди, — пока не оказалась здесь.

— И вы вернетесь в Нью-Йорк? — настаивал капитан. Она никак не могла догадаться о причинах такой настойчивости. Что значит для него ее будущее, когда она избавит его от необходимости быть гостеприимным?

— Ничего не могу сказать. Пока не узнаю, как обстоит дело с наследством на островах...

— Да, — кивнул он, — наследство на островах. Новости, которые сообщил вам Гриллон. А о чем именно он вас предупредил?

Персис колебалась. Ей так хотелось попросить у кого-нибудь совета. Молли, Шубал — они верны ей и пойдут за ней повсюду. Но никаких предложений делать не будут. А если капитан Леверетт узнает все подробности, возможно, он чем-то ей поможет. Девушка переняла привычку дяди Огастина молчать о семейных тайнах и теперь не вполне понимала, что заставляет ее рассказать всю историю и посвятить капитана в стоящую перед ней дилемму.

Она постаралась объяснить как можно короче.

— Существует еще один наследник. Капитан Гриллон узнал об этом и рассказал мне. У моего двоюродного брата, давно умершего, остался ребенок, о котором никто не знал...

— Пока не появилась надежда получить значительное наследство, — прервал ее Крю Леверетт. — И вы поверили его словам, Персис? Не кажется ли вам немного странным, что наследник появился только после того, как все связанные с наследством люди умерли?

Девушка подозрительно взглянула на него, думая, что он смеется над ней. Но он был серьезен.

— Я не стал бы верить Ральфу Гриллому на слово ни в одном деле, — продолжил он немного погодя. — Вы говорили, что он пытался вступить с вами в сделку. Нет причины считать, что этот наследник вообще существует. Разве что лишь в его воображении. Он...

— Ваш враг, — прервала его Персис, видя, что он считает ее совсем глупой. — Я это знаю. И никому не поверю на

слово, пока сама не проверю. Я не такая дурочка, какой вы, по-видимому, считаете меня, капитан Леверетт.

Он продолжал улыбаться.

— Итак, вы умеете читать мысли, Персис Рук? Это очень интересно. Но боюсь, вы преувеличиваете свои возможности. Я просто предупреждаю вас, что принимать решения нужно только на основе твердых фактов, а не по словам человека с не очень хорошей репутацией. Послушайте, не нужно так смотреть на меня. У меня есть не только многочисленные грехи, но и некоторые добродетели.

Персис колебалась. Как ни старалась, никакой насмешки она не почувствовала. И негодовала, что капитан оказался способен разоружить ее, когда ей казалось, что она создала прочную защиту. Девушка ухватилась за возможность сменить тему. Ей хотелось уйти от вопросов, касающихся лично ее. Хотя и не понимала, почему.

— Капитан Леверетт, вы спросили, как мне нравится остров Исчезнувшая Леди. Лидия рассказывала мне об истории острова. Она кажется темной и очень жестокой.

— Наверное, у каждого места есть свои призраки, — он принял предложенную перемену. — Но здесь их больше, чем в других местах. Когда-то у народа Аскры здесь стоял город. Самый большой храм находился на насыпи, на которой теперь этот дом. Потом этих людей преследовали испанцы и травили на них семинолов, чтобы те очистили от них землю. Потом снова жестокое владычество испанцев, которых около ста лет назад изгнали пираты. Лидия показывала вам вер с глазами из опала? Этот реликт прошлого связан с очень странной историей — о мертвом пиратском капитане и пленной испанке, которая потом исчезла. Потом новое правление испанцев, восстание индейцев. И наконец мы. Но самым последним завоевателем всегда остается море, — он слегка передвинулся на подушке, как будто у него болело плечо.

Не раздумывая, Персис вернулась к кровати и удобнее уложила подушки.

— У вас легкая рука, — его лицо было совсем рядом с нею, и голубые глаза казались бассейнами морской воды. «Можно утонуть в этих глубинах», — подумала она. Такая нелепая идея заставила девушку вспыхнуть и торопливо отодвигаться. Хотя она научилась уходу за больными, заботясь о дяде Огастине, здесь все было как-то по-другому. Она отошла к концу кровати, словно спасаясь от опасности, которую сама не понимала.

— Я ухаживала за дядей, — она старалась говорить спокойно и небрежно. — Когда нужно, быстро учишься.

— Это утверждение подходит ко всей жизни, — заметил капитан Леверетт. — И мы все время продолжаем учиться, Персис, не забывайте об этом. Итак, вы считаете остров Исчезнувшей Леди темным и жестоким.

— Может, не сам остров, а его историю, — Персис была благодарна ему за возвращение к этой теме. — Да, Лидия показывала мне веер, очень необычный и красивый. Но не думаю, чтобы мне хотелось таким пользоваться.

Рассказать ли ему о втором веере, поддельном, в котором скрывается смерть? Очень хотелось, но девушка почему-то не могла найти слов.

— Наверное, вы правы. Островитяне считают, что Исчезнувшая Леди ревниво относится к своим владениям и не любит, когда они попадают в чужие руки. Говорят, она бродит по острову. Но увидеть ее могут только те, кто попал в опасность, или рассердившие ее островитяне. Так что берегитесь нашего призрака, Персис! — Он снова улыбнулся, и на этот раз в его голосе явно прозвучала насмешливая нотка.

— Сэр... — Она хотела сказать, что подобные суеверия недостойны просвещенного разума, но, помня о том, что лежит в ее ящике, не решилась. — Сэр, — снова начала она, — я запомню ваше предупреждение.

— Капитан! — Дверь приоткрылась, и в нее заглянула миссис Прайор. — Пришел помощник Хокинс...

Персис воспользовалась этим предлогом для бегства. Бегства от чего? Она не могла бы ответить. Но больше она не хо-

тела думать о веере... и об Исчезнувшей Леди. И если говорить правду, то и о Крю Леверетте. Лучше вернуться к Молли, к таким знакомым и успокаивающим взаимоотношениям.

Глава двенадцатая

Молли клонило ко сну. Она сказала, что миссис Прайор дала ей снотворное.

— Принесла его мисс Лидия, — говорила Молли. — Очень любезно с ее стороны.

Глаза ее закрылись, как будто она больше ни секунды не могла держать их открытыми. Через одну-две секунды она начала тихонько похрапывать. Но Персис продолжала сидеть на единственном стуле. Глаза ее были устремлены на потное лицо Молли, но мысли ушли совсем в другом направлении.

Даже если письмо ее отправят немедленно, пройдет немало недель, прежде чем она получит ответ. А оставаться здесь так долго они не могут. Отзовется ли на ее просьбу какой-нибудь юрист в Ки-Уэсте? И если отзовется, сколько времени ему потребуется, чтобы узнать всю правду? Она взглянула на свои руки, лежащие на коленях.

Кошелек, который принадлежал дяде Огастину, теперь был в ее распоряжении, но сумма в нем оказалась совсем небольшой. Хватит ли этих денег, чтобы втроем прожить в Ки-Уэсте и, может, заплатить за проезд на север? Впервые Персис подумала, что слишком мало знает о делах своего дяди.

Она медленно встала и подошла к единственному маленькому окну. Эта комната, как и комната капитана, выходила на ров и на канал. Внизу на пристани работали: «Непревзойденный» стоял у берега, и вокруг него суетилось много людей. Рядом лежала «Стрела», ее вытащили на берег. Нос разбитого корабля наклонился, и теперь резной индеец целился своей стрелой в небо.

Еще дальше девушка увидела почтовый корабль, уже поднимающий якорь и готовящийся к отплытию. Несмотря на необходимость заниматься своими делами, Персис порадо-

валась, что она не на его борту. Он был совсем маленький, гораздо более убогий, чем даже «Стрела».

— Нет!..

Персис повернулась к кровати. На лице Молли появилось выражение, какого девушка никогда не видела. Глаза служанки были по-прежнему закрыты, но лицо исказила гримаса страха.

— Нет!.. — повторила спящая, словно отказываясь видеть какой-то сон.

— Молли! — вспомнив собственный кошмар, Персис быстро подошла, готовая разбудить служанку. — Молли, это только сон!

— Нет! — В этом отрицании прозвучало такое отчаяние, что Персис схватила Молли за плечи и яростно затрясла. Очевидно, Молли видела что-то ужасное.

— Молли! Проснись! — Она трясла служанку, вначале легко, потом все более энергично, потому что Молли не просыпалась.

Вместо этого женщина неожиданно подняла руку и ударила Персис.

— Отпусти... дьявол! Дьявол! — Ее бормотание перешло в крик. — Нож! Нет!

Персис склонилась к ней, взяла за оба плеча, потрясла. Она должна была прервать этот сон, потому что лицо спящей женщины превратилось в отвратительную маску.

Молли ахнула, дыхание со свистом вырывалось из ее губ. Потом она открыла глаза, дико огляделась.

— Дьявол...

Медленно-медленно в ее взгляде появилось сознание, а потом изумление. Персис продолжала держать служанку, как якорь, привязывающий ее к настоящему.

Лицо женщины вновь исказилось, и впервые за все годы Персис увидела у нее на глазах слезы.

— Мисс Персис! — Молли схватила ее руки с такой силой, что пальцы впились в тело девушки. — Мисс Персис, отошлите ее!

— Кого, Молли?

— Ее. Ту самую... — служанка повернула голову на подушке, осматривая комнату. — Но она была здесь! — Капли пота выступили у нее на лбу и на верхней губе. — Я ее видела, ведьму, индейскую колдунью! Она хотела убить меня — ножом, — хотела убить! И вокруг стояло много других, они смотрели, как она это делает! Я видела все так же ясно, как сейчас вас.

— Это был сон, Молли. Я все время была с тобой. Никого в комнате нет.

Слезы побежали по щекам Молли.

— У меня раньше никогда не было таких снов, мисс Персис. Это реальнее любого сна. Она... она была как дьявол, на лице ужасная маска, и она шла ко мне с ножом. А я не могла убежать... — Рыдания сотрясали мощное тело Молли. — Что со мной, мисс Персис? Правду говорят об этой ведьме, что она может наслать зло и погубить?

— Вздор! — прервала ее Персис со всем убеждением, какое могла призвать. Стоит Молли поверить, что ее прокляли или сглазили, и она по-настоящему заболит. — Это был сон, всего лишь сон.

Но Молли по-прежнему не выпускала ее руку.

— У меня никогда не было таких живых снов, — повторила она с оттенком прежнего упрямства. — Словно кто-то заставил меня видеть этот сон. Там были все эти люди, язычники в масках и перьях, и горели факелы. И все стояли и смотрели, что со мной делают. И хотели, чтобы меня убили!

— Но ведь это неправда, — терпеливо проговорила Персис. — Ты в своей постели, и я с тобой.

Ее собственный сон! Однако Персис не собиралась рассказывать служанке, что они видели один и тот же ужасный сон. Потому что стоит сделать это, как Молли тут же поверит, что их обоих заставила увидеть этот сон чья-то злая воля.

Может ли сон быть навязан извне? Очень странная мысль. Персис постаралась отодвинуть ее подальше. Главное было

успокоить Молли и заставить ее поверить, что бояться нечего.

— Я... я была там... и все выглядело так реально...

— Иногда сны кажутся очень реальными. Но этот был совсем не реальным, Молли. Я посижу с тобой, обещаю.

Молли чуть разжала руку.

— Если посидите, мисс Персис, я буду очень рада. Мне так хочется спать, — и снова глаза служанки закрылись, хотя она и пыталась помешать этому. — Не позволяйте мне видеть снова этот сон, пожалуйста, мисс Персис.

— Не позволю! — решительно ответила девушка, не зная, правда, как она сможет этому помешать. Однако тут же вспомнила, что видела кое-что на бюро. Мягко высвободив руку, Персис взяла изношенную Библию служанки, которую та читала каждое утро и каждый вечер.

— Смотри! — Она протянула книгу с измятым переплетом, чтобы Молли могла хорошо ее видеть. — Положи ее под подушку. Как ты думаешь, могут тогда к тебе прийти дурные сны?

— Дайте мне ее, мисс Персис. Как вы хорошо придумали! Это правда. Никакое зло теперь не подойдет ко мне. Книга моей мамы, она меня по ней учила читать. — Молли ласково погладила книгу. — Словно мама опять со мной — когда я была маленькой и чего-нибудь боялась.

К служанке снова вернулась уверенность, и Персис благословила вдохновение, которое заставило ее подумать о такой хитрости. Но хитрость ли это? Она вспомнила, что где-то читала — где именно, не могла вспомнить, — что если на какой-нибудь вещи долго сосредоточены добрые мысли, сама вещь становится преградой на пути зла. И Молли поверила, что она в безопасности. Сама ее вера теперь помешает служанке видеть новые страшные сны.

Молли снова улеглась на подушки, закрыла глаза. А Персис осталась с головоломкой, которую никак не могла разрешить. Фрагменты картины, которые упоминала Молли, явно укладывались в ее собственный кошмар. Но она-то не была

его активной участницей, какой, очевидно, стала Молли, — только зрителем. Однако, если Молли видела тот же самый кошмар, что и она, Персис не удивлялась ее ужасу при пробуждении.

Неужели темная история дома и насыпи, на которой он стоит, способна воздействовать на спящий мозг? Персис и в прошлом видела дурные сны, но никогда к ней не приходили такие живые и варварские, как прошлой ночью. И чтобы тот же самый сон увидела Молли... Что за призрак живет на острове Исчезнувшей Леди?

Держа свое обещание, девушка снова села. Но на этот раз Молли спала спокойно, и Персис вскоре начала испытывать нетерпение. Если бы не обещание, она бы уже ушла в соседнюю комнату к Шубалу. Но тут она увидела, что дверь неслышно открывается. Чуть погодя вошла Лидия.

— Она спит? Хорошо! — Лидия, зашуршав юбками, взяла поднос с чашкой. — Когда проснется, ей будет гораздо лучше. Чай миссис Прайор всегда излечивает боль в животе.

— Вы очень добры, что сами принесли это, — прошептала в ответ Персис. Лидия пожала плечами.

— Ничего. Вашему слуге тоже лучше. Но вы сами... — она внимательно посмотрела на Персис. — Нет ли у вас лихорадки? Голова не болит? — хозяйка спрашивала со странной настойчивостью.

— Нет. — Персис не собиралась вдаваться в подробности беспокойной ночи. — Но естественно, я встревожена.

— А зачем вас хотел видеть Крю? Предложил взять на себя ваши дела? — Лидия смотрела теперь очень внимательно.

— Нет, на самом деле он предложил, чтобы я поискала раковины на берегу, — ответила Персис, — и попросила вас показать мне вашу коллекцию.

Лидия долго смотрела на гостью, как будто не поверила. Потом улыбнулась, довольно неприятно.

— Что означает, разумеется, что у меня должна быть спутница, чтобы я не могла встречаться с Ральфом. Не очень умно с его стороны, — она задрала подбородок, который торчал

так же решительно и упрямо, как и у ее брата. — Я собираюсь в этом вопросе поступать так, как мне нравится. Если Крю считает, что может держать меня взаперти, пока не найдет мне мужа, это его план, но не мой, — она бросила на Персис почти враждебный взгляд. — И я предложила бы вам заняться своими делами.

Взметнулись юбки, и она исчезла, закрыв за собой дверь хоть и не со стуком, но так, словно захлопнула.

Персис устало встала и снова подошла к окну. Почему-то посещение Лидии заставило ее вспомнить о веере. Как будто что-то связывало девушку с этой зловещей находкой. Может, именно Лидия снова откопала веер и положила в ящик? Но зачем?

Лидия, несомненно, связалась с Ральфом Гриллоном и намерена добиваться своего, несмотря на запрет брата. Она наверняка угадала, почему он предложил поискать раковины. Персис решила, что не будет принимать никакого участия в интриге багамца и своей хозяйки. Если Крю Леверетту нужна сторожевая собака для своей сестры, ему придется поискать кого-то другого.

— Нет...

Персис торопливо повернулась к кровати. Неужели у Молли снова кошмар?

Глаза служанки были закрыты, Персис удостоверилась, что она спит, но руки Молли беспорядочно шарили по покрывалу.

— В безопасности... в безопасности... — повторяла она, как будто успокаивала кого-то. — Наверное, уронила, когда стелила постель. Но замок... он в безопасности...

Персис подошла к кровати. Сколько тревоги в этих бессвязных словах! Она должна была узнать, что еще встревожило Молли.

— Молли, — негромко заговорила девушка, — что в безопасности?

— Портфель, — к удивлению Персис, Молли ответила так, будто не спала и разговаривала с ней. — Он был на по-

лу. Но теперь он в безопасности. Должно быть, упал, когда стелили постель.

Портфель! Персис почти забыла, что отдала его Молли на хранение.

Она просунула руку под перину, надеясь нащупать кожу. Пока Молли болеет, лучше взять документы себе. Пальцы ее сомкнулись на уголке кожаного портфеля, и она осторожно, чтобы не потревожить спящую, вытащила его.

— В безопасности? — вновь прозвучала мольба.

Персис плотно прижала к себе портфель. Она наклонилась ближе и сказала, надеясь, что ее уверенность проникнет в сознание спящей:

— В полной безопасности, Молли.

Служанка вздохнула и отвернула голову от девушки. Персис внимательно наблюдала за ней. Молли явно крепко спала, словно кошмар отнял у нее всю энергию и теперь она должна ее восстановить. Персис снова просмотрела бумаги: завещание, письма, показания двоих каперов, которые засвидетельствовали смерть Джеймса Рука в бою. Все на месте. Но она не могла поверить, что их искали только для того, чтобы прочесть...

Зачем? Насколько она знает, никто под этой крышей, кроме нее самой, Молли и Шубала, не заинтересован в делах дяди Огастина. Рассказ Ральфа Гриллона... Может, подкупленный им слуга сообщил ему о документах и дал возможность попытаться заключить с ней сделку? Фантастическая мысль, словно созданная воображением романиста. Но документы просматривались, возможно, вторично. Персис почему-то в этом не сомневалась.

Где же их спрятать? И нужно ли снова прятать? Если их просмотрели и оставили, нет смысла пытаться скрыть их теперь. Девушке очень хотелось разбудить Молли и подробней расспросить о портфеле. Но этого она не могла сделать.

Персис трудно было сидеть неподвижно. Ей всегда говорили, что самый большой недостаток ее характера — это нетерпение. И вот сейчас этот недостаток проявлялся во всей

своей красе. Она жаждала деятельности. Нужно было что-то делать. Но отражение в зеркале спрашивало: «Что делать?» И ответа на это у Персис не находилось. Никого не было под этой крышей, к кому она могла бы обратиться со своими вопросами, со своим... воображением. Девушка чувствовала, что ее что-то преследует. Это все результат тревожной ночи, говорила она себе. Но все равно ей казалось, что действуют силы, которых она не понимает.

Крю Леверетт... Странно, но она постоянно мысленно возвращалась к нему. Однако было бы крайней глупостью вываливать на него содержание двух (нет трех, включая Молли) снов и то, что она считает, будто в ее документах дважды рылись. И она не хотела никакого постороннего вмешательства.

У них всегда все решал дядя Огастин. Теперь Персис понимала, насколько от него зависела. Конечно, и к нему она не могла бы обратиться со своими снами и фантазиями. Она представила себе, что бы он ей ответил. Но ответственность всегда лежала на нем, а теперь — на ней.

Персис до сих пор верила в свой здравый смысл и силу характера. Может быть, потому, что эти ее качества раньше никогда не подвергались испытанию? Вопрос потряс девушку, но она решила не поддаваться.

Над ней довлеет долг — по отношению к дяде Огастину, который доверил его ей, пусть под влиянием обстоятельств, перед Молли и Шубалом, наконец, перед самой собой. Она должна принять решение и выполнить его.

Молли спала, лежа спокойно и без следов тревоги. Персис, по-прежнему прижимая к себе портфель, быстро осмотрела комнату. Ей больше всего хотелось вернуться к себе. Хотелось получить возможность подумать (если сможет привести в порядок свои мысли, нарушившие ее спокойствие), подумать о будущем.

Но она пообещала остаться, а Персис привыкла выполнять свои обещания. Что, если Молли опять приснится кошмар, а ее рядом не будет? Что, если...

Негромкий стук в дверь. Персис вздрогнула, словно опасность, которая раньше наполнила ее страхом, снова приблизилась. Но дверь неслышно открыла миссис Прайор. Она подошла к кровати, положила руку на полоску лба Молли под ночным чепцом. Удовлетворенно кивнула.

— Кризис миновал, теперь она крепко спит, — заметила миссис Прайор и взглянула на девушку, словно удивляясь, что та здесь делает.

— Молли... у нее был кошмар. Я пообещала посидеть с ней... разбудить, если тот снова придет...

Лицо миссис Прайор оставалось бесстрастным. Если она и посчитала Персис излишне заботливой и даже глупой, то никак этого не выдала. Вместо этого она сказала нечто такое, что Персис нашла в устах такой разумной женщины весьма знаменательным:

— Иногда приходят очень странные сны. Но, наверное, причина в травяном чае. Аскра рассказывала однажды, что в старину в ее племени пили гораздо более сильную смесь с такими же свойствами (так поступали их старейшины), чтобы иметь видения. Но я готовлю смесь в других пропорциях. Да, сны могут быть очень странными. Я слышала, что иногда люди во сне получают предупреждения. И если не обращают на них внимание, их ждет несчастье.

Говоря это, она не смотрела на Персис. Но не прозвучало ли предупреждение в ее словах? Персис не решилась задать этот вопрос. Тем временем миссис Прайор продолжала:

— Не беспокойтесь о том, что ей снова что-нибудь приснится. Это естественный и очень крепкий сон, не такой, который рождает тревожные фантазии, — на этот раз она пристально взглянула на девушку. — Вы и сами выглядите очень усталой. У нас в обычае отдыхать в жару днем. Я велю Сьюки принести вам что-нибудь легкое и вкусное и советую потом отдохнуть.

— Но Молли... — Персис разрывалась между усталостью и обещанием.

— Я возьму свое шитье, мисс Рук, и посижу здесь. Тут прохладнее из-за морского бриза. Отдыхайте спокойно. Я позову вас, если понадобится ваше присутствие.

Весьма властный приказ. Персис явно выпроваживали. Если она начнет возражать, то пробудит подозрительность. Персис неохотно согласилась. Действительно, Молли спокойно спала. Но девушка стояла у кровати, пока миссис Прайор не вернулась с большой сумкой в руках. Принадлежности для шитья. Домоправительница придвинула кресло к окну и удобно устроилась. Она явно собралась провести здесь немало времени.

У себя в комнате Персис обнаружила, что Сьюки — или кто-то другой — оставила на комодe накрытый поднос. Спрятав портфель под подушку, как Молли — Библию, Персис приподняла салфетку, почувствовав, что действительно проголодалась.

Несколько кусков холодного жареного цыпленка, нарезанных очень тонко. Тарелка с хлебом и маслом и небольшая чашечка с джемом из какого-то экзотического фрукта, который доктор Виринг принес миссис Прайор на пробу. Крем, застывший, с коричневой корочкой, именно такой способен удовлетворить самый изысканный вкус. А также небольшой кувшин. Персис решила, что в нем фруктовый сок.

Она с аппетитом поела, но выпила немного, потому что непривычный вкус жидкости ей не понравился. Может, сладость крема заставила жидкость казаться чуть горьковатой. А в остальном она съела все, что принесли. Персис была уверена, что не сможет уснуть. Столько вопросов осаждало ее разум. Она сняла покрывало с кровати, сбросила платье с туфлями и легла, решив подумать спокойно и рационально.

Кровать показалась необыкновенно мягкой и приятной. Девушка закрыла глаза и расслабилась, не сознавая, как была напряжена последние несколько часов. Такая мягкая постель... словно лежишь на облаке... облако большое и летучее... оно далеко от земли и ее проблем.

Как приятно просто лежать... как удивительно...

Глава тринадцатая

Персис просыпалась медленно и неохотно. В комнате царили сумерки. Сколько она проспала? Постепенно начала восстанавливаться память. По крайней мере, кошмаров она не видела. Или если видела, то не могла вспомнить... за что была очень благодарна сну.

Но...

Девушка села и посмотрела на правую руку. Она что-то держала. Персис опустила взгляд. И сумерки не смогли скрыть от нее увиденное. Поддельный веер!

Она быстро выпустила его, словно резное инкрустированное камнями дерево обожгло ей пальцы. Кто?..

На этот раз ящик, в который она спрятала веер, был закрыт. Даже в полутьме она это видела. Она снова посмотрела на... на это невозможное.

Однако на этот раз... Персис не понимала, что ею движет. Сама она не желала ничего предпринимать, но рука ее шевельнулась и снова сомкнулась вокруг псевдовеера. И опять-таки без осознанного желания она чуть повернула ручку, высвободив лезвие. Девушка больше не чувствовала отвращения, даже ужаса к этому оружию. Напротив. Напротив, ей хотелось держать его при себе. Оно будто несло обещание безопасности, защиты от бесформенного безымянного зла.

Фантазии... воображение!.. Персис осмотрела совершенно обычную комнату. Ничего, ничего не предвещает здесь опасности. Но дышала она ускоренно, ладони были влажными и липкими. Пришлось отложить кинжал и вытереть руки о простыню.

Во рту оставался странный металлический привкус. Похожий на вкус напитка, который она не допила. Давно ли она лежит? Это не просто послеполуденный сон. Уже стоял вечер.

Есть... силы...

Персис огляделась, внимательно рассмотрела все углы полутемной комнаты. Но как ни старалась рассуждать спокой-

но и здраво, избавиться от дурного предчувствия не могла. Приближалась какая-то беда.

Немного повернувшись, она сунула руку под подушку в поисках портфеля. Он же был там... Персис перевернула две подушки, посмотрела на пустую простыню. Портфель исчез!

Упал на пол во время ее беспокойного сна? Девушка встала и заглянула под кровать сначала с одной стороны, потом с другой. Зажгла свечу, опустилась на колени, приподняла завесу, отвела сетку. Под кроватью ничего не было.

Персис пыталась думать. Кто знал, что она взяла у Молли портфель? Миссис Прайор явно видела, как она вынесла его из комнаты служанки. Но она не могла себе представить, чтобы портфель заинтересовал домоправительницу. Если только она не работает на кого-то другого...

Хотя в комнате сохранялась влажная дневная жара и ни один ветерок не проникал в окна, Персис вздрогнула. Ей стало холодно. Этот холод разливался у нее внутри, он не был рожден окружающим.

И дом... в нем стояла неестественная тишина... словно кто-то затаился и ждет...

Ей требовалось общество, она должна была увидеть хоть кого-то... немедленно...

Но двигалась девушка рывками, словно тело не такое храброе, как воля, и его нужно решительно побуждать к действиям. На этот раз она пойдет прямо к капитану Леверетту. Это был не сон, это реальная потеря, которая может на ней тяжело отразиться.

Поставив свечу, Персис торопливо набросила платье, сунула ноги в туфли. Потом, словно повинувшись чьей-то воле, вложила лезвие в поддельный веер и спрятала его за корсаж, чувствуя, как он коснулся кожи. Никогда в жизни не испытывала она потребности в оружии с мыслью о самозащите. Но теперь...

Она уже делала это... Нет, не делала! Но все равно какое-то смутное воспоминание преследовало девушку: когда-то

она уже воспользовалась веером, и лезвие послужило ее безопасностью.

Взяв свечу и направившись к двери, Персис продолжала испытывать внутренний холод. Приоткрыв дверь, девушка прислушалась. Полная тишина в таком большом доме неестественна. И это был не сон.

Потребовалась вся ее сила воли, чтобы шире открыть дверь и выйти в коридор, где крошечный огонек единственной свечи был почти поглощен мраком. Снова она остановилась и прислушалась. Даже скрипов, обычных в домах, не было слышно. Слишком тихо.

Персис пересекла коридор, прошла по ковру к двери комнаты капитана Леверетта. Снова потребовалось усилие воли, чтобы поднять руку и постучать. Ей показалось, что стук отозвался в пустом коридоре настоящим громом.

Девушка прикусила губу. Она... она должна кого-нибудь увидеть, с кем-нибудь поговорить! Должна!

Повернув голову, она посмотрела на лестницу. Света внизу не было видно. Хотя обычно в это время дня в коридоре и комнатах зажигали лампы, так что и лестница была освещена.

Она снова постучала. Но в ответ ничего не донеслось. Не в силах больше стоять в ожидании катастрофы, Персис повернула ручку. Та легко подалась, и дверь приглашающе раскрывалась.

В комнате было совершенно темно. А это неправильно. Даже если капитан Леверетт спит, должен гореть ночник, как во все время его болезни. Затаив дыхание, Персис сделала один шаг, другой, держа свечу так, чтобы освещать постель.

Она замигала: потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что постель пуста. Сетка откинута в сторону... Осталось лишь углубление на подушках, которые поддерживали раненое плечо. Но... капитан Леверетт исчез! Персис удостоверилась в этом, прежде чем обходить комнаты. Только крайняя необходимость могла заставить капитана встать. Она сама слышала, как доктор Виринг предупреждал его, что любое напряжение может вновь вывести его плечо из строя.

Персис повернулась и побежала. Следующая комната — Лидии. Она заколотила в дверь. От удара кулака дверь распахнулась. И здесь никого не нашлось. Почему-то она и не ожидала, что увидит девушку.

Чувство опасности так сжало горло, что Персис не смогла бы закричать, даже если бы и захотела. Закружилась голова... Пришлось постоять, держась рукой за стену. Молли... и миссис Прайор!

Дрожа, она направилась в глубь дома, ко второй лестнице. Поднялась, не так быстро, как хотелось бы, но как позволяло усилившееся головокружение, держа в одной руке свечу, другой придерживаясь узких перил.

На этот раз она не стала стучать в дверь. Ей было бы страшно вновь услышать этот пустой звук. Девушка даже придерживала на ходу юбки, чтобы шорох ее не выдал. Выдал — кому?

Снова увидела она темноту, но на этот раз услышала тяжелое дыхание. Облегчение было так велико, что она закричала бы, если бы не все та же необходимость сохранять молчание.

На кровати лежала Молли. И, очевидно, все еще спала. Но... свеча Персис показала кое-что еще. Миссис Прайор по-прежнему сидела в кресле. Голова в чепце упала вперед, полный подбородок лежал на груди, она тихо похрапывала. Под рукой распластался чулок с воткнутой иглой. Другая рука вяло свисала. Как и у Молли, лицо ее покраснело, рот был открыт, а дышала она как-то уж очень тяжело.

— Миссис Прайор! — Персис заторопилась к домохозяйственнойнице, опустила руку на плечо женщины. Как пыталась разбудить Молли, так и сейчас затрясла плечо домохозяйственнойницы. Но почему-то уже знала, что миссис Прайор спит не естественным сном.

И когда массивное тело экономки едва не вывалилось из кресла, Персис вынуждена была поставить свечу и усадить спящую как можно удобнее. Та даже ничего не пробормотала в ответ, и Персис не знала, как разбудить ее.

Она вернулась к Молли. И снова ничего не добились. А холод внутри все усиливался. Это не болезнь. Девушка начала подозревать, что все это было кем-то запланировано. Их опоили? Во рту еще чувствовался странный привкус напитка. И ведь она сама выпила его совсем немного. Девушка искала доказательств, что Молли и миссис Прайор пили то же самое, но нашла только воду в графине на столике у кровати.

Шубал... Без особой надежды Персис пошла в соседнюю комнату. И не удивилась, увидев, что старик спит так же тяжело, как и женщины. Но почему?..

Она никак не могла понять, в чем причина странных происшествий в доме. Лидия и капитан исчезли, эти трое крепко спят, и она не может их разбудить. Что случилось?

Потребовалось все ее мужество, чтобы снова направиться к лестнице. Через каждые несколько шагов она останавливалась и прислушивалась. Тишина, подобно темноте, питала ее воображение — и даже слишком хорошо. Она не смеет утратить контроль над собой, не смеет!

Шаг за шагом спускалась она в коридор, куда выходила ее собственная комната. Двери комнат капитана и Лидии были по-прежнему широко раскрыты, как она их и оставила, и Персис заторопилась дальше, спускаясь в новую темную пещеру.

Дверь на веранду была закрыта, там темно, никого нет. Персис остановилась в нерешительности. Ей требовалось нечто большее, чем свеча. Та, что несла девушка, уже мигала и готовилась вот-вот погаснуть, оставив ее в полной темноте. Она зажгла лампу, которая стояла на столике у выхода. Нести лампу труднее, зато она дает больше света.

Персис нерешительно начала систематически осматривать комнаты и везде обнаруживала только темную пустоту. Гостиная с ее спасенной от кораблекрушений роскошью, столовая — никаких признаков, что здесь кто-то ел, — небольшая комната, которой капитан Леверетт пользовался как кабинетом.

То, что она увидела здесь, стоя на пороге и освещая помещение лампой, только усилило ее страх.

Посредине комнаты лежал сейф, опустошенный, с сорванной дверцей. Бумаги со стола были сброшены на пол. Ограбление!

Но почему-то такое объяснение казалось неподходящим. Во всяком случае, оно объясняло не все. Ограбление на острове, целиком управляемом капитаном Левереттом, когда с острова невозможно уйти, — это был бы поступок сумасшедшего. Но... где же сам капитан Леверетт? Сердце Персис дрогнуло.

Предположим, он услышал... в своем болезненном состоянии, владея только одной рукой, выбрался из кровати и увидел грабителя? Что тогда?.. Персис сдержала воображение.

Ограбление дома... и портфель исчез... и все домочадцы опоены... по крайней мере те, кого она нашла. Кто-то очень хорошо был знаком с домом... и решился на отчаянный поступок. И только один человек приходил в голову — Ральф Гриллон.

Лидия тоже исчезла...

Но как она могла согласиться ограбить собственного брата? Лидия сердилась на Крю за вмешательство в ее жизнь, но Персис не могла поверить, что сестра предаст брата. Если только Ральф не имеет на нее гораздо большее влияние, чем они догадывались. Но зачем тогда он пытался использовать ее, Персис, чтобы связаться с Лидией?

Она решительно закрыла дверь кабинета и направилась на кухню. Если там нет Мам Роз, Сьюки, второй служанки, придется идти в гостиницу и поднимать постояльцев. Сохранившаяся способность составить план действий подбодрила ее.

Персис открыла кухонную дверь. Вот здесь было светло, в очаге ярко горел огонь. Но девушка никого не увидела. Только...

Она застыла. Что-то шевельнулось у очага, развернулось, как змея. Поднялась голова, чужие глаза поймали ее взгляд. Аскра!

На индианке не было маски. Но двигалась она уверенно, словно знала, что ее взгляд удержит Персис на месте.

Аскра медленно подняла руку, худую, как ветка, пальцы ее казались корнями, выдернутыми из земли. И сделала жест; но она не подзывала к себе Персис, ночная встреча словно требовала какого-то ритуала.

Затем Аскра заговорила.

— Древние обычаи... что ты думаешь о древних обычаях, бледнолицая? — Она чуть склонила голову набок, как хищная птица; ее острый нос нацелился на девушку, как клюв...

— Какие древние обычаи? — Персис удалось набраться храбрости, чтобы задать этот вопрос. Но она тут же поняла — этот сон! Но откуда старуха знает, что ей снилось?

Аскра не ответила. Ее презрительный взгляд показал девушке, что она знает.

— Священное место, давным-давно здесь дышали боги, — продолжала Аскра. — Но потом боги отвернули лица; они наслали дикарей, которые не были людьми. И дикари убивали, пока кровь не окрасила землю и море. Но им самим убийство не принесло ничего хорошего, потому что боги больше не смотрели и на них. Они отвечают только нам, своему народу! — Старуха кулаком ударила себя в плоскую грудь. — Я могу вызвать богов, и поедатели змей знают это! Могу призвать! И когда я делаю это, глаза и уши открываются. И спящие видят и слышат. Как видела и слышала ты.

Она приблизилась на шаг-два.

— В тебе скрыт ответ на старые беды и древние обычаи. Будь в тебе еще и истинная кровь, я открыла бы перед тобой знания. Но ты не из нашего народа. И то, что я могу тебе дать, для тебя станет не даром, а тяжестью. Ты будешь видеть сны, но не сможешь ими управлять.

— Ты не... — Персис снова набралась мужества, собираясь возразить.

— Этого ты не остановишь.

Девушке показалось, что в глазах старухи промелькнуло злобное удовлетворение. Аскра как будто могла использо-

вать и использует кошмары как оружие, направленное против племени, сменившего ее народ. Но Персис требовалось не предупреждение, а информация.

— Где они? Капитан, Лидия? — Она была удивлена и обрадована, что может спрашивать так решительно.

Глубоко посаженные глаза Аскры больше не удерживали ее; индианка как будто растерялась.

— Тут бродило зло... — снова она сделала непонятный Персис жест. — Я услышала... и пришла... Друг в опасности.

Девушка догадалась задать вопрос:

— Капитан Леверетт?

Индианка достала из-под кофты перевязанный кожаный мешочек с торчащими из него перьями и маленькими раковинами, скрепленными как бусы. Она сжала все это ладонями, поднесла ко рту и подула. При этом она что-то проговорила, но так тихо, что Персис почти ничего не расслышала.

— Что с капитаном Левереттом? — снова спросила девушка, на этот раз громче, пытаясь прервать занятие старухи, получить разумный ответ.

Аскра взглянула на нее поверх мешочка. Выражение ее темных глаз понять было невозможно. Потом она сказала:

— Он умрет.

Слова эти были произнесены отчетливо и с такой окончательностью, что вначале даже не произвели впечатления на Персис. Потом лампа в ее руке дрогнула.

— Что это значит? — Она угрожающе направилась к старухе, на что не решилась бы мгновением раньше. Аскра явно что-то знала. — Что здесь произошло?

— Пришел его враг. Двери для него были открыты. Всегда найдутся такие, кто поверит в ложь, потому что они хотят этого. Они забрали его, желая...

— Индейцы! — Персис вспомнила предупреждение, переданное канонеркой. Но разве индейцы оставили бы всех остальных: ее, миссис Прайор, слуг?..

— Они боятся направлять сюда свои каноэ! — презрительно ответила Аскра. — Знают, что я могу вызвать богов и даже

сейчас покончить с ними. Нет, ему следовало искать опасность в своем собственном доме. Но он был так же слеп, как великий вождь когда-то. Его предупредили, что молодая жена, которую он взял у чужеземцев, не очищена от их зла. Как предала она своего повелителя, так же был предан и капитан.

Слова Аскры звучали напевно, старуха раскачивалась, прижимая мешочек к груди.

— Аххх! Мужчины всегда глупеют, когда смотрят на женщину. Считают, что, если у нее меньше силы в руках, ее не стоит опасаться. Великий вождь умер по собственной глупости, и после него снова и снова смерть приходила от рук женщины, и те, кто захватывал эту землю, не получали от этого никакой выгоды. Ты несешь с собой смерть, она лежит у тебя на груди. Я, Аскра, чувствую ее. Старая смерть, старая кровь. И смерть не пришла бы к тебе, если бы ты ее не позвала.

Персис отступала, пока не споткнулась о три ступеньки, ведущие от двери в кухню. Она быстро теряла контроль над ситуацией. Старуха, с ее пронзительным взглядом и ритмичной речью, казалась такой страшной, что по сравнению с ней разгневанный дядя Огастин выглядел бы запинаящимся школьником.

Смерть на груди — веер? Может, Аскра сама положила этот гибельный предмет, пока она спала?

— Она была сильна, эта испанка, — продолжала старуха, — сильна, как и ее ненависть. В этом она была равна Древним. Мы умели ненавидеть. И использовать хитрость против врага. Да, мы знали это. Но нас предали, и боги отвернули от нас свои лица, потому что мы стали слишком слабым для них орудием. Но она... Может быть, боги взглянули на нее и сделали своими руками и ногами на земле. Она убила капитана морских акул и пролила его кровь на священную насыпь, как и полагается. И потом бросилась в море. А после смерти предводителя остальные стали легкой добычей для мстителей. Да, она знала. И ты знаешь, бледнолицая! Если бы у тебя не было истинного зрения, ты бы не стояла здесь, прижимая к груди ее сокровище. Если считать годы, как де-

лают люди, то все меняется. Но для богов наши годы словно бусинки, которые легко скользят меж пальцев. И когда боги устают от них, бусы падают. Теперь настала пора нового изменения.

— Я Аскра! — Она держалась прямо и гордо. — Некогда моя кровь говорила с вождями, указывала сделать то и сделать это. И то, что мы приказывали, чего желали, совершалось. Потому что в нас изливалась сила богов. Она согревала и обогащала нас. Но потом пришли белые, они убивали, разрушали наши священные места, надевали цепи на тех, кто не успел умереть. А те, кто спасся, кто сохранил в сердце и уме старых богов, те превратились в бродяг и разбойников. Но мне было дано знать, что я должна вернуться, потому что осталась здесь сила, и я могу ее вызвать, пусть только во снах. Ты видела сны, дочь чужаков... — старуха подошла, и лицо ее теперь было всего в нескольких дюймах от Персис. — Есть в тебе что-то, что позволило войти в мои сны и вызвать этот кинжал мести. Ты не можешь теперь уйти, тебе не позволит твой внутренний дух. Разве не так?

Персис раскрыла рот, собираясь яростно возразить. Она лишь отчасти поняла сказанное. Но словно кто-то другой овладел девушкой. Невидимая сущность, которая делила с ней ее тело, теперь вышла наружу.

— Это... это так! — и отрицание так и осталось произнесенным.

Аскра кивнула.

— Но эта сила не от моих богов, белая женщина. И я не могу тебе помочь. То, что ты должна сделать, ты сделаешь сама. Тебе предстоит встретиться со злом, и, может, в конце этой встречи тебя ждет смерть. Но если ты действительно ищешь его, дорога перед тобой открыта.

Персис облизала губы. Из всей этой путаницы слов она поняла только, что Аскра знает, где Крю Леверетт, и что он в опасности. Она обязана ему жизнью, но не только поэтому она должна ему помочь. Веер на груди девушки согрелся. Казалось, именно он вызывал у нее отчаянную решимость. Она

и не подозревала, что способна на такое — и до такой степени. Персис вернулась к своему первому вопросу:

— Где капитан Леверетт?

Аскра отошла к очагу.

— Его увели вниз.

Отняв одну руку от мешочка, индианка указательным пальцем с длинным черным ногтем показала на пол у себя под ногами.

Цистерна! Персис медленно прошла вперед, поставила лампу на длинный стол, наклонилась и взялась за кольцо крышки люка. Что это она собирается делать? Лучше поднять людей в гостинице, пусть они займутся поисками.

Не принимая сознательного решения, девушка наклонилась вперед, крепче взялась за кольцо. Неожиданно свет погас. Удивленная, она оглянулась через плечо. Индианка задула лампу.

— Ты хочешь, чтобы они узнали, что ты идешь? — спросила старуха с тоном явного превосходства. Потом подняла ковер и установила его между умирающим огнем очага и люком.

Протянув руку, она дернула девушку за юбку.

— В воде это нехорошо, белая женщина. Лучше сними.

Персис повозилась с пуговицами и шнурками, сбросила муслиновую юбку и две нижние. Теперь на ней оставались только панталоны и сорочка, потому что корсет с его бантами, кружевами и оборками она тоже сняла. Чувствуя себя голой, она подняла крышку люка, напрягаясь под ее тяжестью, и Аскра даже не шевельнулась, чтобы ей помочь. Персис не могла бы сказать, почему она совершает такой невероятный поступок. Она словно оказалась в новом кошмаре и не видела выхода из него. Она должна была выдержать до конца.

Глава четырнадцатая

Внизу было не совсем темно. Когда глаза немного привыкли, Персис поняла, что вода слегка светится. К тому же неподалеку слышались голоса. Девушка присела. С того ме-

ста, где она стояла, поле зрения было ограничено, но она не собиралась безрассудно спускаться дальше, пока не поймет, что происходит в темноте, пахнущей морем.

Как ни напрягала Персис слух, она не могла разобрать ни слова, слышала только голос, показавшийся ей мужским. Она пристально осмотрела воду внизу. Вода плескалась у каменного карниза, на котором виднелись следы более высокого уровня наводнения. Но Персис была уверена, что лампа, которая давала слабый свет, стоит не на этом карнизе.

Насколько можно доверять Аскре? Что, если индианка уговорила ее спуститься вниз, только чтобы захлопнуть дверь? Тогда Персис окажется в ловушке. В этот момент она усомнилась в своей храбрости. Спускаться еще ниже во тьму... и никто, кроме Аскры, не знает, где она...

Но решимость, та часть Персис Рук, о которой она и не подозревала, продолжала исходить от веера-кинжала. Девушка все время помнила об этом необычном оружии, оно прикасалось к ней, напоминало о себе не только физически, но и эмоционально.

Звуки голоса по-прежнему доносились снизу. Возможно, их искажало расстояние. Персис пыталась вспомнить, что видела внизу, когда купалась. За цистерной открывается туннель, он ведет мимо черепахового садка к каналу и в море.

Считая, что поступает глупо, но в то же время не в силах поступить по-другому, Персис подняла голову и посмотрела на Аскру.

— Если позвать людей из гостиницы... — проговорила она.

Рот Аскры искривился в широкой злой улыбке. Пальцем с длинным ногтем она провела у себя поперек шеи.

— А что, если смерть придет раньше? До того, как они сюда добегут? Неужели страх — такой тесный плащ, что белая не может его сбросить?

Она чуть наклонила голову набок, глядя на Персис своими властными глазами.

— Время для богов ничего не значит. Но люди живут во власти времени.

Персис набралась решимости. Она удивлялась, почему Аскра сама ничего не делает, чтобы помочь Крю Леверетту. Ведь капитан действительно в опасности.

— Я служу только богам... — Старуха выпрямилась во весь рост. — Только их приказы должна я исполнять. А белые им безразличны. Они разрушили их храмы, убили тех, кто в них верил. Если я сойду с предназначенной тропы, потеряю всю силу...

Персис поняла, что индианка верит в свои слова. Но Аскра продолжала:

— То, что могла, я уже сделала. Разве ты не здесь? Во всем доме только ты одна смогла ответить на мой призыв, — снова она изобразила в воздухе странный жест, который Персис не поняла. — Ты видишь и чувствуешь. Те, кто ушел, могут действовать через тебя. Но это все, что я могу дать тебе, белокожая.

Персис поняла, что согласно кивает. Здравый смысл велит звать на помощь. Но она теперь подчинялась чему-то превыше здравого смысла, которому ее учили всю жизнь. Она вынуждена поступать так. И где-то в глубине сознания таилась мысль, что кто-то ею распоряжается. Как, по словам Аскры, всегда распоряжался ею. Выхода не было.

Девушка ступила на лестницу, прикосновение влажного и слизистого дерева под ее руками было неприятно. Но она продолжала торопливо спускаться по ступенькам. Добравшись до карниза, она увидела, что свет исходит слева, еле заметный в туннеле для бегства.

Никого не было видно, и Персис прижалась к стене, так что коснулась ее плечом. Все то же принуждение заставило ее двинуться в сторону туннеля.

— ... уютно, как жуку-долгоносику в бисквите.

Теперь слова звучали достаточно громко, чтобы она разобрала их. А в тоне сквозило злорадное веселье.

— Не беспокойтесь о нем, моя дорогая. Мы возьмем все, что нам нужно, и еще до того, как они проснутся и начнут поиски, будем уже в безопасности. Только взгляните на не-

го: великий капитан Леверетт связан, как свинья по пути на рынок.

— Ральф, Ральф... нам нужно уходить... не знаю, сколько они проспят...

Лидия! Вот только голос девушки потерял обычную уверенность. Она вот-вот расплачется.

— О, им потребуется время, чтобы отыскать своего повелителя и хозяина. А то, что у нас с собой, положит конец всем нашим затруднениям. Не думал я, что Леверетт так глуп. Он слишком много держал наличности. А когда мы поженимся, моя дорогая, он не посмеет поднять крик. Мы объявим, что это ваше приданое.

— Но другая вещь? Этот портфель?

— Не тревожьтесь и об этом, моя дорогая. Эти бумаги стоят больше, чем то, что мы нашли в сейфе. Мы сможем поехать в Париж, любимая... что вы на это скажете? Вы ведь всегда хотели повидать мир... Ну, теперь у нас в руках ключ к этому.

— Но Персис...

— У Персис Рук, моя дорогая, теперь нет ни малейшей надежды получить то, за чем приплыл сюда старый дурак. Глупая женщина составила глупое завещание. Нарушить его, после того как исчезнут эти документы, будет так же легко, как вам окунуть пальцы в воду и потом стряхнуть капли. Как мило с его стороны... и с ее тоже... держать все это под рукой. Чтобы полегче было отобрать! Мы просто-таки обязаны нарушить завещание. Эти высокомерные и богатые Руки хотят получить наследство Амоса. И понимаете, если бы они по-прежнему были богаты, им не потребовалось бы все тут вынюхивать. Они бы сами ни за что сюда не явились!

Теперь в голосе его не слышалось веселья. Рука Персис инстинктивно коснулась кинжала. Голос Ральфа Гриллона оставался легким, но что-то в нем усилило внутренний холод, который грыз Персис с самого пробуждения в казавшемся покинутом доме.

— Ну хорошо, девочка, мы отправляемся. Отдыхай спокойно, друг...

Послышался плеск, и Лидия вскрикнула:

— Не нужно, Ральф, вы едва не перевернули каноэ. Пере-
станьте!

— А вы никогда не думали, Лидия, что произойдет, если
ваш брат умрет? Вы станете очень богатой наследницей. Что
вы делаете, маленькая дурочка?

— Не надо хватать меня, Ральф. Я знаю, вы только шути-
те. Но вы оставляете Крю одного. Мы получили то, что нам
нужно. Прекратите свои игры. Мне они не нравятся!

Ральф Гриллон рассмеялся:

— Ну хорошо, любимая, как хотите. Я не жаден, во всяком
случае, не очень жаден. Для одной ночи мы добились нема-
лого. Забирайтесь во вторую долбленку и ложитесь. Я выведу
ее. На мне подходящие шляпа и тряпки. Все примут меня за
краснокожую колдунью, домашнее животное Крю. Мы смо-
жем пробраться на юг острова и пустим ракету.

— А если ее заметят, Ральф?

— Не заметят. Я нашел место между скалами, где огонь
можно увидеть только с моря. А теперь — поехали!

— А что, если Крю найдут до прихода вашего корабля?

— Никакой вероятности. Я все спланировал хорошо, моя
дорогая, очень хорошо. Это мой лучший шанс. Ваш тоже,
конечно. Думайте о Париже, Лидия, и лежите спокойно. Все
будет, как я обещал.

Персис услышала плеск, с каким весло опускается в воду.
Свет потускнел и совсем исчез. Она крепко зажала рукой рот.
Здесь карниз кончался, дальше шел только узкий выступ, ко-
торого она в темноте не видела. Она не может идти по такому
скользкому и узкому пути. Но придется!

В конце концов она начала продвигаться дюйм за дюй-
мом, скорчившись по-лягушачьи, опустив одну руку в воду,
чтобы не потерять устойчивости. Из слов Ральфа она поняла,
что Крю, беспомощного, оставили в лодке. Но привязана ли
лодка или уже уплывает от нее?

И тут она ударилась рукой о дерево так сильно, что едва
не закричала. Ощупала то, к чему прикоснулась: край каноэ,

совсем рядом с узким выступом, на котором она стоит. Но... в каное вода!

Ужаснувшаяся Персис опустила дрожащую руку глубже, нащупала мокрую ткань, тело под ней. Ральф... Ральф должен был знать, что в каное вода... он хотел, чтобы жертва утонула!

Левой рукой девушка высвободила лезвие кинжала из ножен веера, правой ощупывая тело. Наконец ее пальцы наткнулись на веревку. Не зная, сколько у нее времени осталось, она принялась пилить кинжалом. Голова Крю лежала в воде. Может, он уже утонул?

Тело было неподвижное и холодное. Неожиданно оно шевельнулось, поднялась рука, едва не сбросив ее с узкого наеста.

Она обрела дар речи, увидев этот признак жизни.

— Лежите спокойно, чтобы я смогла вас освободить.

Но рука отодвинулась от нее, и послышался хриплый шепот, словно из горла, которым нечасто пользовались для речи:

— Лодка через минуту затонет. Поддержите меня...

Персис поискала в темноте, нашла мускулистое предплечье и схватилась за него.

— Этот выступ... он очень узкий, — предупредила она.

— Знаю. Просто поддерживайте меня. Мне кажется, я сумею сам сбросить веревку.

Плеск засвидетельствовал, что он это делает. Потом девушка услышала облегченный вздох.

— Сделано. Но не думаю, чтобы я смог к вам подтянуться. Придется уходить через канал.

— Я могу вернуться... позвать на помощь... — Персис спрятала кинжал в ножны и встала.

— Боюсь, я так долго не продержусь, — в голосе капитана, однако, не было слышно страха. — Если сумеем перевернуть каное, оно будет держаться на воде, а я смогу держаться за него. Но Гриллон, конечно, вернется, чтобы убедиться, что я мертв.

— Лидия не позволила бы ему... — начала возражать Персис. Ей ответил из темноты смех, в котором не было ничего веселого.

— Лидия скоро поймет, что теперь, когда она уже послужила Ральфу Гриллому, она для него больше ничего не значит. Он придумает правдоподобную историю, чтобы успокоить ее. Скажет, что в каноэ была течь, которой он не заметил. Но он жаждет моей смерти, и это так же верно, как если бы он целился в меня из пистолета.

Персис с растущей уверенностью и страхом поняла, что не может помочь Крю выбраться из воды. У нее просто не хватит для этого сил. Направив пальцы его здоровой руки к краю выступа, она почувствовала, как он вцепился в мокрый камень.

— Теперь попробуйте перевернуть лодку, — приказал он. Тон капитана был такой, словно он просит ее отдернуть занавес или зажечь свечу. Персис наклонилась, провела руками вдоль края туземной лодки. Та едва выступала из воды. Девушка послушно потянула, прикладывая все силы, какие могла собрать в такой позе. Дерево, за которое она держалась, было скользкое, такое трудно удержать, но девушка дергала изо всех сил.

Ей самой плеск казался очень громким. Она только надеялась, что Ральф уплыл далеко и не услышит.

— Он не доверится только этой небольшой хитрости. — Крю говорил в темноте задумчиво, как зритель, а не как жертва предумышленного убийства. — Он не успокоится, пока собственными глазами не убедится, что я мертв.

Персис все больше сердилась — не на Ральфа Гриллона и не на Крю, а на неуклюжую лодку, которая упрямо сопротивлялась ее усилиям. Она сильно дернула, больше не обращая внимания на свое неустойчивое положение, и каким-то чудом край лодки наконец-то покачнулся. Послышался громкий всплеск. Ценой двух сорванных ногтей и царапины на руке она перевернула каноэ вверх дном. Пальцы ее нащупали две дыры в днище.

— Готово, — прошептала она, переводя дыхание. — Но разве она вскоре не затонет? Тут две дыры. Дно пробито.

— Может быть. — Крю Леверетт не казался встревоженным. — Но я думаю, что до черепашьего садка она меня продержит. Он окружен столбами ограды, и я смогу просунуть меж них голову. Так легче будет держаться. Конечно, если бы не прилив...

Персис прижала исцарапанную руку к груди.

— Прилив! — об этом она не подумала. А одно только упоминание о черепашьем садке заставило девушку вздрогнуть.

— А что, если вы схватитесь за каноэ, а я подташу его к домашнему бассейну? Тогда я смогла бы позвать людей...

Крю снова рассмеялся. Смеялся он долго, так что ей смех уже казался ненавистным.

— Не нужно недооценивать Ральфа, — сказал он наконец. — Он наверняка оставил наблюдателей за домом. Неужели вы думаете, что вам позволят добраться до вашей комнаты?

— Там Аскра, на кухне. Это она сказала мне, что они увели вас сюда...

— Аскра пальцем не шевельнет, чтобы помочь. Зачем это ей? Для нее наш народ — захватчики и убийцы. Она живет в прошлом, которое принадлежит только ей, и ее оттуда не извлечь. К тому же я не смогу подняться по лестнице с одной рукой.

— А как вы спустились? — Персис не хотелось сдаваться. Ей казалось, что она нашла самый безопасный выход.

— Я думаю, меня спустили на веревках. Я не очень хорошо это помню. Кажется, Лидия была занята весь день. Готовила напиток, чтобы можно было со всеми легко справиться. Маленькая дура! Надо бы позволить ей уйти. Так она скорее бы поняла, что Гриллон вовсе не герой, о котором она мечтает. Он сообщил ей свою версию происходящего и пообещал луну и все звезды в придачу. А она достаточно слабоумна, чтобы поверить ему! — это прозвучало очень горько.

— Она не позволила ему причинить вам вред, — возразила Персис. — Я слышала...

— Легкие остатки порядочности, когда уже ничего нельзя изменить, — ответил Крю. — А теперь... можете пододвинуть каноэ поближе?

— Оно скользкое, вы не удержитесь! Подождите...

И прежде чем страх остановил ее, девушка опустилась с карниза, держась левой рукой за перевернутое каноэ. Лодка опустилась глубже, плеснув ей водой в лицо. Но не утонула, и Персис обнаружила, что может держаться за нее, так что голова и плечи оставались над водой.

— Что вы делаете? — хрипло спросил Крю Леверетт.

— Держитесь.

Отталкиваясь ногами, она начала продвигать каноэ вдоль стены. И к своему удивлению и в растущей уверенности обнаружила, что ее усилия не напрасны! Она смогла придвинуть почти затонувшую лодку к тому месту, где висел Крю.

— Я толкаю каноэ к вам, — объяснила она. — Вы правы, оно нас поддержит...

— Нас?! — Слово это прозвучало как пистолетный выстрел.

— Нас, — твердо повторила она. — С одной рукой вы не справитесь. Об этом даже думать глупо. Нет, скажите мне, когда...

Послышался удар и приглушенное восклицание. Нос или корма лодки ударили его.

— Можете воспользоваться здоровой рукой?

Она слышала плеск, бормотание, потом лодка еще глубже осела, так что волны коснулись шеи Персис. Но, по крайней мере, голова оставалась над водой.

— Как вы? — с дурным предчувствием воскликнула она.

— Хорошо. Но вы... убирайтесь отсюда!

— Нет! — в это однословное отрицание Персис вложила всю свою упрямую решительность. — Один вы не справитесь, и знаете это. Далеко черепаший садок?

— Не очень.

Он больше не возражал. Они двинулись очень медленно, со скоростью улитки. Судя по движениям лодки, Персис поняла, что капитан тоже использует ноги, чтобы поддержать движение неуклюжего судна на воде. Неожиданно Персис ощутила уверенность в себе, какой в жизни не испытывала. Она сделала это, сумела! Выплюнув воду, которая неожиданно плеснула в лицо, она сосредоточилась на необходимости двигать лодку, толкать ее вдоль стены туннеля.

Но вот она почувствовала, что стена, которая служила им проводником, как-то изменилась. Осмелившись отцепиться от лодки, она ощупала стену и обнаружила, что вместо нее теперь торчат столбы, а между ними свободно протекает вода.

Садок! Она попыталась не думать о существах, которые громоздко движутся за этими столбами. Чуть позже заговорил Крю:

— Вы его нашли.

Но Персис, коснувшись столба, вдруг испугалась. Прочные столбы были сплошь вымазаны слизью. Крю не сможет держаться, да и отверстия между столбами слишком узкие. С раненым плечом ему не справиться.

— Вы не сможете удержаться здесь, — решительно заявила она. — И вернуться не сможете.

— Я и не собирался, — холодно ответил он. — Мы должны пройти через садок...

— Через садок! — ей хотелось вздрогнуть, но она боялась, что даже такое легкое движение нарушит их непрочное равновесие.

— Если Ральф оставил своих людей — а я не считаю его настолько глупым, чтобы он этого не предусмотрел, — они будут ожидать, что мы попытаемся уйти через канал. Наш единственный шанс — пробраться через садок и попытаться выйти на насыпь с севера.

Персис стиснула зубы. Она понятия не имела, что сделают гигантские черепахи с мягкокожими людьми в своих владениях. Но если это их единственный шанс...

— Попробуйте столбы. Их уже год не обновляли, — продолжал Крю. — Должны найтись прогнившие. Каждый год мне приходится заменять два-три.

Персис двинулась очень осторожно, одной рукой держась за каное. Пальцами другой руки она касалась столбов чуть выше уровня воды. Ей все они казались крепкими и словно сделанными из стали. Один... два... три... четыре... пять... в шестом она не была уверена. Под пальцами со сломанными ногтями поверхность показалась чуть рыхлой. Персис старалась не думать о том, что находится за этими столбами. Если Крю сказал, что это единственный выход, значит, так оно и есть. В тот момент она даже не подумала, что воспринимает его решение безоговорочно.

— Нашли? — В голосе не прозвучало нетерпения, однако что-то ее встревожило. Может быть, он устал? Она должна скорее найти выход! Если Крю потеряет сознание... Несмотря на всю свою решимость и силу, она не сможет ему помочь.

Персис нащупала кинжал. Одной рукой извлекла лезвие и принялась пилить столб, который показался самым податливым. После первоначального сопротивления дерево начало поддаваться.

Она продолжала лихорадочно пилить. Вода заливала ей лицо, изо всех сил приходилось напрягать шею, чтобы иметь возможность дышать. Но девушка продолжала сражаться. Держа кинжал в одной руке, другой оценила результаты своей работы. Да, этот столб вполне можно перепилить.

— Нашла... я его срезаю... — сообщила она.

Но оставалась еще твердая сердцевина, которую требовалось переломить.

— Держитесь, — голос Крю подбодрил ее. — Я передвинусь, и вам придется сдать назад. Буду действовать постепенно. Раз...

Персис снова убрала кинжал в ножны. Попятилась от лодки. Чуть позже лодка под ней приподнялась. Она держалась

за нее обеими руками и молилась, чтобы та не затонула окончательно. Крю двигался вдоль лодки к ограде.

— Два... — снова при счете Персис изменила позицию, восстановила равновесие. Крю приблизился. Пришлось немного подождать, чтобы окончательно поменяться местами.

— Три... — Персис выплюнула воду, попавшую в рот. На этот раз она была уверена, что от перемещения Крю их ненадежная опора затонет.

Она услышала хлюпающий звук в темноте и представила себе, как за столбами их ждет гигантская черепаха. Каное снова опасно накренилось. Девушка забила руками, опасаясь потерять свою хоть и ненадежную, но все же опору. Послышался новый звук — треск, и затем голос Крю:

— Открыто. Но лодку нам не протащить.

— Тогда как?..

Она ведь не умеет плавать. Да и Крю, плечо которого плотно перевязано доктором Вирингом, а рука на перевязи висит на груди, тоже не сможет.

— Двигайтесь назад ко мне, — его голос звучал все так же уверенно и сдержанно. Она почувствовала негодование. — Держитесь за столбы. Здесь неглубоко. И у нас нет выбора.

И вот снова дюйм за дюймом двинулась она вдоль края каное. Но на этот раз оно всплыло выше, и Персис догадалась, что Крю держится теперь за ограду. И тут рука ее снова коснулась промокшей ткани с сильным мускулистым телом под нею.

— Хорошо. Столбы здесь.

Девушка слепо вытянула руку, другой продолжая держаться за Крю, как будто даже смерть не могла оторвать ее от капитана. Он двинулся вперед, потащив ее за собой.

Черепахи! Персис внутренне съежилась, ожидая, что вот-вот мощные челюсти сомкнутся у нее на ноге или руке. Но, хотя ей и слышался плеск, доносился он издалека. Может быть, черепахи так же боятся ее, как она их?

Она неуклюже барахталась в воде, ощущая густой неприятный запах. Но впереди... да, впереди показался свет. Тьма,

которая окружала их после ухода Лидии и Гриллона, начала рассеиваться. Может, они уже у выхода наружу?

— Вдоль стены, — скомандовал Крю, по-прежнему спокойный и уверенный, и его голос окончательно привел девушку в себя. Снова протянув вперед руку, она нащупала твердую каменную поверхность. Но здесь оказались опоры для рук, она их сразу нашла.

— Вы... ваше плечо...

— У нас целых три здоровых руки, так что справимся. Тут недалеко. Двигайтесь!

И Персис подчинилась и направилась к полоске света в темноте.

Глава пятнадцатая

Крю сказал, что недалеко; Персис это перемещение в пространстве и времени показалось многодневным. Все ее тело болело от усилий. Она постоянно останавливалась у стены садка и крепче цеплялась за своего спутника. Ей хорошо было слышно его напряженное дыхание: он словно до предела напрягал силы. Но они не разговаривали, сберегая энергию.

Однажды девушка едва не закричала, почувствовав чье-то прикосновение в воде. Наверное, одной из пойманных черепашек. Но постепенно успокоилась: животное не нападало, напротив, оно ушло подальше. Они продолжали путь, хотя все чаще руки ее скользили по столбам и она не могла найти опору.

Потом...

Еще столбы, а за ними серый свет. Персис прижалась лицом к столбам и увидела впереди освещенную луной воду.

— Ворота здесь. — Крю по-прежнему был спокоен, хотя голос прозвучал слабее. — Щеколда снаружи. Слева от вас. Сможете дотянуться?

Персис перебиралась от одного столба к другому, пока не сумела просунуть наружу исцарапанную руку почти по плечо. Пощупала снаружи и действительно нашла щекол-

ду, о которой говорил Крю. Та удерживалась штифтом — деревянным стержнем. От воды этот стержень разбух и не поддавался рывкам. Наконец Персис снова достала кинжал и принялась строгать производивший впечатление стального стержень.

Как раньше пилила она столбы, не пропуская их в садок, так теперь неловко обстругивала стержень. Теперь девушка черпала силы в отчаянии. Ей не требовалось предупреждение Крю: его силы тоже наверняка подходили к концу, он не сможет еще долго держаться одной рукой.

Наконец Персис удалось глубоко всадить лезвие в верхний конец стержня, и она потянула изо всех оставшихся сил. Штифт неожиданно вылетел, ворота распахнулись, и она оказалась в мелком озере, которое с трех сторон омывает насыпь. Персис держалась за ворота, свою единственную опору.

— Крю! — Волна плеснула ей в лицо, полузаглушив этот призыв.

Капитан не ответил, и она протянула руку в открытые ворота. Нашупала мокрую ткань. Он упал! Голова под водой! Ну почему она не научилась плавать? Девушка попыталась приподнять его голову, плечи ее разрывались от боли. Мужчина никак ей не помогал, а его вес и в воде оказался для нее чрезмерным.

В лунном свете Персис увидела совсем недалеко склон насыпи. Лишь бы дотащить его туда!

Она услышала вздох, и капитан чуть пошевелился.

— Крю, насыпь!

Он не ответил, но голова его поднялась над водой. Капитан протянул здоровую руку, и девушка схватила ее. Дальше столбы садка... они доходят почти до самой насыпи... если она сможет двигаться вдоль них...

— Плыть... — она едва разобрала это слово. — Поверни на спину... я поплыву...

Он чуть пошевелился. Персис потребовалось какое-то время, чтобы понять смысл его слов. Не разжимая руки, она

принялась переворачивать его на спину, как совсем недавно каное.

Когда это было сделано, девушка просунула свободную руку ему под голову, чтобы лицо оставалось над поверхностью воды и он мог дышать, и принялась подтягиваться к себе.

И снова ей казалось, что они плывут целую бесконечность. Дыхание вырывалось короткими рывками, воздух перестал заполнять легкие. Персис надеялась только на одно: что вот-вот почувствует под руками твердую землю, усеянную ракушками.

И она так устала, что, когда колени ее под водой задели склон насыпи, она не могла поверить, что битва выиграна. Но вот и руки ударились о твердую землю со впрессованными в нее раковинами, и боль от удара привела ее в себя быстрее любого окрика.

Персис повернула голову. Слева располагался небольшой причал. Именно к нему приставала в своем каное Аскра (казалось, это было уже много лет назад). Персис поняла, что у нее не хватит сил, чтобы подняться на причал. С другой стороны круто обрывался склон насыпи. И на него она не сможет забраться и втащить Крю. Тем не менее девушка проползла вперед, несмотря на острые края ракушек, и подтащила Крю повыше, так что голова его была теперь не в воде.

Что дальше?

Где-то должна быть тропа, по которой поднималась Аскра, когда приплывала на остров Исчезнувшей Леди. Скорее не тропа, а ряд ступенек, выбитых в земле. Может, после отдыха ей удастся подняться по ним. Но она была уверена, что Крю этого сделать не сможет. А если его оставить здесь... Начинается прилив, и вода смоеет его с насыпи. Крю утонет, как и планировал Ральф Гриллон.

— Значит, ты еще жив, белокожий...

Пристань пряталась в тени от насыпи и дома. Персис никого не видела, и странный свистящий голос мог исходить даже от черепахи.

— Жив... Призывающая Мертвых... — ответил голос Крю, едва ли громче шепота. Персис еще не пришла в себя от неожиданности.

— Без причины мертвые не отзываются. Спроси у твоей женщины, какая у них причина.

Персис обрела наконец дар речи.

— Нам не нужны загадки. Аскра, позови на помощь!

И услышала в ответ хриплый смех.

— На помощь? Единственная помощь, белокожая, которую ты найдешь сегодня ночью, отнимет у тебя жизнь.

— И ты... — На этот раз голос Крю прозвучал устойчивей, в нем слышался отголосок прежней властности. — Я справедливо обходился с тобой, Аскра...

— Я не вступаю в сделки, — ответила невидимая ведьма или жрица. — Я Аскра, и боги, которым я служу, теперь далеко. Они давно ушли.

— Может быть. Но ты-то здесь, и твоя сила с тобой, — продолжал Крю. — В нашем времени и в этом месте у тебя остается оружие и возможности...

Снова тот же смех.

— Ты открыл передо мной свой дом, капитан, но это не значит, что ты можешь мне приказывать. Есть силы, которые даже я не могу призвать. Спроси свою женщину: она знает. У белокожих другие силы...

— Я ничего не прошу у твоих сил. Только помоги мне подняться, чтобы я мог использовать свои силы.

Долго не слышалось никакого ответа. Персис даже подумала, что Аскра ушла в темноте.

— Я не вступаю в сделки! — наконец раздались высокомерные слова. — Луна зовет за воды, и я должна быть со своими богами. Оставаться стоять здесь — оскорбление для них. Но... вот что я сделаю. Постарайтесь воспользоваться. И делаю я это только потому, что ты не говорил плохо о моих богах и не запрещал мне искать их. К тому же, прежде чем ночь кончится, ты можешь пожалеть, что я сделала даже это!

Что-то пролетело в воздухе и упало на Персис и Крю, лежавших у основания насыпи. Персис протянула руку и нащупала веревку.

— За твою помощь... — начал Крю, но старуха из темноты быстро прервала его.

— Я не помогаю. Прощай, — она перешла на какой-то гортанный язык, слова которого Персис перестала понимать. А Крю уже потянул за веревку.

— Возьмитесь покрепче и подтянитесь из воды, — приказал он, и Персис подчинилась, не понимая, откуда берутся у нее силы. При помощи веревки она смогла продвинуться вдоль края насыпи и почти целиком выбраться из воды. Добравшись до маленького причала, она поднялась на настил. Аскры нигде не было видно. А Персис-то надеялась, что индианка поможет ей вытащить Крю наверх. Она повернулась и изо всех сил принялась тянуть сама.

Когда над краем причала показалась голова Крю, девушка не могла поверить, что это им удалось. Но когда он наконец выбрался на омытые волнами доски, она упала совсем без сил. Его фигура на фоне освещенного луной канала и озера казалась какой-то искаженной из-за плотно перевязанного плеча. Она тупо смотрела на его голые ноги, которые торчали из-под промокшей ночной рубашки. И только тут осознала свою собственную почти полную наготу.

— Как вы себя чувствуете? — Как и в разговоре с Аскрой, в голосе капитана снова послышались властность и уверенность. — Вы должны понимать, что наши неприятности еще не закончились. Гриллон, если у него есть хотя бы столько ума, сколько у придурка, — а уверяю вас, он гораздо умнее, — должен был оставить здесь охрану. Он не так глуп, чтобы являться на берег в одиночку, даже с помощью Лидии...

Персис прислушалась. Но услышала только плеск воды и собственное тяжелое дыхание.

— Ваши люди... гостиница... — прошептала она: они лежали совсем рядом.

— Не сомневайтесь, добраться туда нам было бы дьявольски трудно, — капитан не пытался приукрасить положение. — И за главной пристанью, и за гостиницей должны наблюдать. Когда Гриллон взломал мой сейф, он сделал последний шаг, превративший его в преступника. Если я мертв, он может попытаться захватить остров Исчезнувшей Леди.

— Они забрали и портфель дяди Огастина, — Персис опустила лоб на поднятые колени.

— Да, потеря документов вызовет юридические затруднения. А с ними у вас были очень хорошие шансы, — Крю медленно поднялся на колени, словно хотел сберечь силы.

— Но что, если я не найду документы? — спросила Персис. Она так устала, что это ее почти не тревожило.

В этот момент она даже позабыла о своей частичной наготе. Панталоны прилипли к ногам, как кожа, изорванная сорочка насквозь промокла. Но все это теперь казалось неважным. И то, что они живыми вырвались из этого кошмарного подземного путешествия, все еще слегка удивляло ее.

Девушка продолжала лежать, слишком истощенная, чтобы думать о будущем. Но оцепенение нарушил голос Крю:

— Они будут ждать нас на большом причале...

Персис слегка повернула голову. Лампа, которая всегда по ночам горит на пристани, теперь погасла. В лунном свете все казалось черно-белым, и никакого движения среди ящиков и бочек не было видно.

— Должны охраняться и склады... — он словно рассуждал вслух. — А нам нужно добраться до Джонни Мейсона...

Это имя ничего не сказала Персис. Для нее самое главное было — держаться подальше от воды, и все силы ее отняла недавняя борьба. Но капитан положил руку ей на плечо, теплую руку на обнаженное плечо, выступавшее из-под порванной ткани.

— Идти сможете? — с прежней решительностью спросил он.

Персис глотнула. Крю Леверетт должен быть в худшем состоянии, чем она, но теперь, когда капитан оказался на берегу, в голосе его зазвучало прежнее нетерпение.

— Мы не можем оставаться здесь, — продолжал он. — Нужно добраться до помещений слуг.

— Но как? — Огромная усталость заставляла девушку говорить шепотом.

— Есть тропа по склону насыпи. Потом обогнем дом сзади. Мне нужно предупредить Мейсона...

Персис не шевельнулась.

— Идите... если можете...

— Нет! — Легкое прикосновение к плечу сменилось крепкой хваткой. — Ральф не стал бы действовать, если бы ему помогала только Лидия. Я знаю, он говорил, что сигналом вызовет свой корабль, но я не верю, что у него нет на берегу союзников. Мы должны оба укрыться... в безопасном месте.

— Не могу, — ответила Персис. Ответила как могла решительно.

— Можете! — возразил он с такой же решительностью. — К счастью, свет луны сюда не доходит, и мало кто пользуется тропой Аскры. Мы пойдем, даже если придется ползти.

И так потянул девушку, что она застонала, но каким-то чудом встала на ноги. Казалось, даже ночью хозяину острова Исчезнувшей Леди не нужен проводник. Потому что он уверенно повел ее по склону насыпи. Персис шаталась и спотыкалась, но продолжала идти, хотя ей все время хотелось закричать, когда босые ноги наступали на острые раковины.

— Сюда! — Крю оставил ее и искал дорогу там, где кончалась маленькая пристань. — Да! — он заговорил быстрее. — Вот она. Встаньте на четвереньки, если нужно, но продолжайте двигаться. Если нас увидят люди Гриллона... — он продолжал с расчетливой жестокостью, — удар по голове и бросок в канал решат все их проблемы.

Персис поверила ему, но даже страх притупился под гнетом усталости. Она нащупывала еле заметные ступеньки на склоне насыпи. И шла очень медленно, удивляясь не тому, что обнаруживает их в темноте, а тому, что капитан, поль-

зуюсь всего одной рукой, находит в себе силы, чтобы подниматься.

Дом казался черным пятном на фоне неба, он закрывал луну, в окнах ни огонька свечи или лампы. Но они не стали подниматься на веранду. Напротив, Крю повернул направо, огибая насыпь. Они миновали второй угол здания и оказались на площадке, на которой миссис Прайор развешивала для просушки одежду Персис.

— Теперь вдоль дороги, — прошептал Крю. — Хижина Мейсона первая в ряду. Он достаточно хитер, чтобы послужить нам разведчиком и узнать, что произошло.

— Крю... — Персис не прислонилась, а скорее упала на куст. — Крю... слушайте!

В подземных проходах, полных воды, она все время слышала плеск волн, в ужасе прислушивалась к выдохам черепах. На берегу можно было услышать шелест насекомых, раз или два крикнула ночная охотящаяся птица.

И неожиданно все стихло, совершенно стихло. Как будто вся жизнь острова затаилась и прислушивается. Ее спутник должен понять, что произошла неожиданная перемена в окружении.

Потом холод... холод, который не имел ничего общего с только что пережитым испытанием. Но она уже испытывала такой холод, он поднимался изнутри.

Наконец-то послышался и звук. Но Персис готова была поклясться, что он порожден не ветром, не шорохом травы. Звуки продолжались в темноте двора. Персис подняла голову, уже зная, что увидит: сверкающие огоньки, которые мелькают взад и вперед в правильном рисунке. Опять то же присутствие. Знает ли оно о них, как они о нем?

Персис прижала избитый и исцарапанный кулак ко рту, чтобы не закричать. Лежащий на груди кинжал словно приобрел дополнительную ледяную силу.

Шорох... невидимые юбки... широкие, накрахмаленные... их носят с гордостью... они прошелестели мимо. Пляска огоньков не меняла ритм, продолжала свое гордое движение

вперед и назад. Но... никого там не было... Глазами Персис никого не увидела.

Девушка закрыла глаза и другой рукой лихорадочно извлекла кинжал. Именно его она ищет... давно ищет?

И в ее сознании возникли мысли, не ее мысли, но они проникали в мозг очень легко, несмотря на все ее отвращение. В полумраке шла женщина, темная, но с белой кожей. И гордость окружала ее, как плащом или доспехами. И никакая злая сила не способна пробить эту гордость.

Она сама сила, эта женщина. По-своему она так же велика, как Аскра. Хотя опирается на силы природы, а не на мощь давно умерших богов. И в конце пути она встретила смерть — единственную расплату за осквернение души и тела. Но не только собственную смерть.

Персис открыла глаза. Кинжал-веер в руке казался куском льда. Он более не принадлежал ее миру.

Она больше не слышала шороха юбок. Но танец огоньков продолжался, вперед и назад, медленно, вяло, зачаровывая тех, кто его видит.

Персис шагнула вперед, хотя все ее существо сопротивлялось этому. Она больше не сознавала присутствия Крю. Это только между нею и той — той, что привязана к этому месту так давно.

Убийство... то, что она держит, когда-то принесло смерть. А потом, может быть, послужило и орудием самоубийства. Высокая цена, но Персис знала, что та незнакомка готова была ее заплатить.

— Что с вами? — нетерпеливо спросил Крю.

Разве он ничего не видит, не чувствует? Девушка напряглась. Что с ней? Какая-то иллюзия, вызванная тяжелым испытанием? Но такой ответ не удовлетворил ее. Она облизала губы кончиком языка, ощутила вкус соли морской воды.

— Вы не видите ее? — Персис хотела удостовериться, что не сошла с ума.

— Кого ее?

Снова она облизала губы и заставила себя произнести слово, которое только и докажет, что она не в себе:

— Испанку...

Потому что она по-прежнему была здесь. Хотя увидеть ее оказалось невозможно, только воспринять перенапряженным сознанием. В воздухе висели медленно передвигающиеся огоньки. Конечно, это же камни веера! Того самого веера, что должен лежать в сундуке Лидии. Который она показывала как редкое сокровище гостям.

Персис ожидала, что Крю рассердится, даже скажет, что у нее бред. Но, к ее изумлению, голос его оставался спокойным и ровным. Капитан даже спросил:

— Где она?

Персис каким-то образом смогла поднять руку. Она сама почти не видела испанку, хотя белизна руки сделала ее заметнее. И указала на искорки.

— Вон там.

— Вы ее видите? — по-прежнему спокойно поинтересовался он.

— Нет. Не на самом деле. Только с закрытыми глазами. Но веер! Она держит веер! Эти танцующие огоньки. Разве вы их не видите?

Ей так нужна была поддержка, так хотелось знать, что ум ее действует, он не перенапряжен ночным испытанием.

— Не вижу...

Персис почувствовала, словно съеживается изнутри. Вот как сходят с ума, утрачивают рассудок!

— Но она никогда не показывалась мужчинам.

Мгновение Персис не могла понять, о чем он говорит. Он... он говорит так, словно верит ей! Но как это возможно? Такие суеверия рождаются только в неустойчивых, склонных к истерии умах. Девушка рассмеялась, и смех ее прозвучал неожиданно громко, но тут капитан ударил ее по щеке открытой ладонью. Персис подавилась смехом и овладела собой.

— Я... я не сошла с ума... — она не знала, вопрос это или утверждение.

Крю Леверетт ничего не ответил на эту ее полумольбу. Держа Персис здоровой рукой, он спросил с прежней властью:

— Где она?

— Прямо впереди, за углом дома.

— Она стоит лицом к нам или от нас?

Персис не понимала, почему он спрашивает. Ведь это галлюцинация, и никакого значения для него не имеет.

— Она прошла мимо нас. А сейчас... сейчас она уходит! — ей казалось, что странный шорох юбок снова заполнил воздух, а веер машет чуть быстрее.

— Хорошо... мы пойдем за ней...

— Почему?

Там же ничего нет, не может быть!

Персис попыталась высвободиться. Но если ночное испытание и ослабило мужчину, теперь к нему вернулась прежняя сила: девушка обнаружила, что вырваться не может.

— Мы пойдем за ней, — вот и все, что он сказал. И поскольку Персис была слишком слаба, чтобы сопротивляться, она послушалась.

Оба они уже шатались на ходу. Девушка дважды вскрикивала, наступая босыми ногами на разбитые раковины. Но больше не пыталась спорить со своим спутником. Впереди показалась дверь в кухню. Персис смотрела на стену и дверь в ней. Если бы она смогла добраться до дома. Несмотря на все происшедшее ночью, его толстые стены, казалось, обещают безопасность.

Но когда девушка попыталась высвободиться и повернуть к дому, капитан сильнее сжал ее руку, пока она не застонала от боли. Казалось, меньше всего Крю Леверетт хочет оказаться в собственном доме. Напротив, он заставил ее двигаться вслед за невидимыми юбками, шорох которых она продолжала слышать. Они оба сошли с ума, решила наконец Персис, и необычное спокойствие охватило ее перенапряженные нервы. Это было единственное возможное объяснение.

Глава шестнадцатая

Они, спотыкаясь, прошли по дамбе, которая соединяет дом с той частью острова, где расположены хижины слуг. Светила луна, и Крю старался использовать каждую тень. Дом, который казался Персис единственным убежищем, остался позади. В черно-белой ночи их мог преследовать кто угодно.

И тут — испанка исчезла!

Исчез и холод. Не стало видно мелькания опалового веера, пропал шелест юбок. Впереди тянулся ряд хижин.

— Она исчезла... — Персис шепотом сумела произнести эти два слова.

Крю рядом с ней пошатнулся и едва не упал. Персис положила его здоровую руку на свои почти обнаженные плечи, поддерживая его. Вместе они добрались до крайней хижины.

Голос Крю звучал еле слышно.

— Постучите в дверь!

Она так устала, что ей трудно было даже поднять руку, чтобы выполнить его приказ.

За завешенными окнами хижины не появилось никакого света. Персис продолжала стучать, пока наконец из-за двери не спросили:

— Кто там?

— Мейсон...

Приглушенное восклицание изнутри. Персис слышала, как отодвигается запор. Дверь открылась внутрь, хотя они увидели только темноту.

— Капитан! Это вы?

— То, что от меня осталось, — во весь голос пробурчал Крю, как и тогда, когда он на насыпи просил помощи у Аскры. — Впустите меня, и побыстрее!

— Сейчас, капитан!

Они ввалились внутрь, и сильные руки подхватили капитана. Персис высвободилась от его тяжести и ухватилась за дверь, иначе она могла бы упасть. Тут подхватили и ее и вта-

щили внутрь, дверь захлопнулась. В темноте было хорошо слышно, как затвор поставили на место.

— Капитан, что случилось?

— Гриллон на берегу, и не знаю, сколько с ним его гро- мил. Поищи наших людей в гостинице. Он считает меня мертвым. А может, только надеется.

— Капитан! Сюда. Керри, зажги лампадку. Света немно- го, капитан, но все же лучше, чем ничего.

В темноте послышались звуки чирканья кремня, вспых- нула искорка, а потом свет, действительно такой слабый, что едва достигал краев грубой чашки, в которой плавал фитиль. Чашка сильно пахла рыбой. Так сильно, что Персис затош- нило.

Она сидела на стуле, куда ее усадили; окровавленные и исцарапанные руки вяло лежали на коленях, каждый си- няк, который она посадила в течение ночи, добавлял свою боль к боли усталого тела.

— Керри! — Голос Крю доносился до девушки, словно с большого расстояния. Голова у нее кружилась. Когда она пыталась на что-нибудь посмотреть, это что-то сразу начи- нало кружиться. — Керри, позаботься о леди.

Между нею и крошечным огоньком промелькнула тень. Персис почувствовала, что ее снова поднимают на ноги, ве- дут в глубь хижины и укладывают на матрац. Женский голос что-то говорил на островном диалекте, которого Персис не понимала. Она закрыла глаза, чтобы прекратить ужасное го- ловокружение, и погрузилась во тьму, гораздо более полную, чем ночь снаружи.

Если в этой тьме ее и посещали какие-то сны, проснув- шись, она ничего не помнила. Несколько мгновений изум- ленно оглядывалась. Это же не ее кровать... не ее комната... Она проснулась будто в другом мире.

Стены вокруг были сложены из грубых необработанных камней. Окна неправильной формы, просто отверстия в ка- менных стенах. Над головой шелестели пальмовые листья на столбах. Два стула, грубый, но тщательно выскоблен-

ный стол. У стены полка, на ней два больших ножа, какими островитяне срубают захватывающую все кругом растительность. Маты, которыми на ночь закрывали окна, были откинута, их к стенам прижимали палки.

Это... это же хижина, до которой они добрались ночью! Но она находилась в ней одна. Персис попыталась сесть. Девушка увидела, что с нее сняли изорванную сорочку и панталоны. И обрадовалась, увидев на себе приличное просторное платье с большим декольте. Попытавшись пошевелить пальцами, она обнаружила, что у нее сильно болят руки. Они были щедро смазаны каким-то густым веществом, которое высохло и издавало острый запах. Похоже на какую-то травяную мазь, решила она.

Она помнила, что в последние моменты сознания страдала от головокружения. Оно еще не до конца покинуло ее, так что пришлось коснуться стены. Но Персис внимательно прислушивалась. Снаружи доносились обычные крики птиц и шелест насекомых. Вдобавок неподалеку несколько человек разговаривали на островном диалекте. Лидия говорила, что его может понять только туземец. Эта смесь индейских, африканских и испанских слов — отражение влияния тех народов, которые по очереди владели островами Ки.

Лидия! И Гриллон! И Крю!

Тревога вернулась к Персис, она даже поднялась на колени на матрасе. И тут увидела предмет, который положили рядом с ней во время сна, — поддельный веер со спрятанным лезвием. Девушка с готовностью схватила его, хотя пальцы, когда она сомкнула их вокруг ручки, вновь заболели и она поморщилась от боли. Кинжал хорошо послужил ей прошлой ночью. Теперь у нее под платьем не было места, куда бы его можно было спрятать, но она сохранит его при себе.

Персис увидела, что дверь приоткрыта. И когда в ней показался человек, девушка быстро прижала к себе кинжал. Но увидела темнокожую женщину, которую смутно помнила. Та стирает в доме. На женщине была просторная холщовая блузка; когда-то, должно быть, она была ярко-желтой, но

теперь ткань избородили блеклые полосы. Широкую юбку украшал странный рисунок из цветных ниток.

В обеих руках женщина несла чашку, от которой поднимался пар. Увидев, что Персис проснулась, она широко улыбнулась, показав два отсутствующих зуба. Ее курчавые волосы прикрывал ярко-красный платок, который оставлял только узкую полоску лба. И она внушала не большую тревогу, чем Мам Роз или Сьюки, хотя она явно не слуга в доме.

— Мисси хорошо себя чувствует? — Женщина поставила чашку на стол, достала резную деревянную ложку, опустила в чашку и подала Персис. — Ешь... ешь... хорошо... сила дает... — говорила она с остановками, как будто переводила со своего родного языка.

— Где капитан Леверетт? — Персис взяла чашку и положила кинжал рядом с собой. Она сразу заметила, что женщина быстро взглянула на кинжал и тут же отвела взгляд, как будто не хотела его видеть.

— Капитан... он делает что нужно... — Женщина смотрела, как Персис ест суп. На вкус девушки, он получился слишком острый, слишком много перца и других приправ, но она была настолько голодна, что даже наслаждалась этим супом. А когда опустошила чашку, хозяйка дала ей какой-то фрукт, и он освежил рот и горло.

Интересно, что это такое нужно делает капитан Леверетт? Ему в первую очередь нужно заниматься своим плечом, которое так пострадало ночью. Но вряд ли она в силах повлиять на него или даже на эту женщину.

То, что ее не вернули в дом, одновременно удивляло и тревожило Персис. Вспоминая услышанные обрывки разговора перед тем, как Ральф Гриллон оставил Крю на явную смерть, она думала, собирался ли вообще багаец покинуть остров Исчезнувшей Леди вместе с Лидией. Когда Лидия оказалась в его власти, у него появилась возможность захватить остров. Он мог высадить своих людей (как и говорил Крю ночью), и наверное, не только миссис Прайор, Молли и Шубал выпили снотворное и были беспомощны, пока он укреплялся.

Молли! Если служанка пришла в себя и обнаружила отсутствие Персис, девушка представляла себе, какой взрыв последовал. Неужели эти трое продолжают спать в доме под стражей? А что же с оставшимся экипажем «Стрелы», с моряками с голландского корабля... с доктором Вирингом и остальными островитянами?

Может ли Крю на них рассчитывать? Здесь перемешалось много народов, их предки видели множество хозяев и привыкли философски относиться к их смене. А спасенных моряков в гостинице могли убедить, что это не их дело, всего лишь личные счета двух рекеров.

Но где же Крю? И что он делает?

Женщина предложила еще еды, но Персис сделала знак, что больше не может. Поставив чашку на стол, хозяйка резко повернулась к двери. И ее поведение заставило Персис положить руку на кинжал.

Однако человек, который, пригнув голову, вошел в хижину, оказался не туземцем, и Персис быстро вскочила.

— Доктор Виринг! Что случилось? Где капитан Леверетт? И...

Он, защищаясь, поднял руку.

— Не так быстро, мисс Рук. Но я понимаю ваше замешательство. Капитан Леверетт прислал мне записку. В ней он попросил меня навестить вас и узнать, как вы себя чувствуете после такого испытания. По причинам, которые он потом сам вам объяснит, он хочет, чтобы вас никто не видел. Как только стемнеет, Керри отведет вас в дом. Вы подниметесь к себе в комнату, переоденетесь, как для званого обеда, и будете ждать...

— Не понимаю...

Доктор Виринг подошел к девушке и взял ее руки; он внимательно разглядывал их, как будто не обращая внимания на ее слова.

— Да-да, превосходно. Дома можете смыть это, мисс Рук. Я приготовлю для вас новую мазь. И посоветую, чтобы на обед вы надели перчатки. Что касается планов капитана Ле-

веретта... я оставил его рычащим, как тигр, потому что не разрешил начинать осуществлять их ему самому. К счастью, плечо у него не очень пострадало. Но он испытал большое напряжение прошлой ночью...

— Он мог умереть! — горячо сказала Персис.

— Так он мне и сказал. И как вы, слабая женщина, к тому же не умеющая плавать, сумели... — Он покачал головой. — Впрочем, я давно знаю, что о женщинах нельзя судить по наружности. Самые хрупкие женщины иногда проявляют крепость стали. Ну ладно... Я бы посоветовал вам еще отдохнуть, если сможете. Не могу сообщить ничего больше, потому что успех зависит от множества «если», «и» и «но». И если бы не Крю, я бы не стал ставить на выигрыш... Если говорить коротко, он собрал группу добровольцев, в основном своих людей, которых опоили и заперли на складе. Благодаря помощи Мейсона, они на свободе, но дверь по-прежнему закрыта, а внутри время от времени кричат и стучат островные мальчишки. К экипажу капитана присоединились шестеро моряков со «Стрелы» и двое с голландца. Они должны захватить «Удачу бури» — под командованием Лена Харвери, к расстройству Крю. Хотя и ему пришлось признать, что сила духа не заменит раненое и полуизлечившееся тело.

— А где Гриллон? И Лидия? — спросила Персис.

— Гриллон охраняет южный берег, а мисс Лидию, скажем так, убедили вернуться в дом. Она верит, что Гриллон вернется за ней. Остались караульные из его людей, но островитяне их переловили. Если команда Крю захватит «Удачу бури», Гриллон попадет в ловушку. И к вечеру мы будем знать, что из этого вышло.

— Но как капитан Леверетт? — Персис вернулась к тому, что больше всего занимало ее мысли. После всего, что они испытали в темной воде, она больше никогда не сможет думать о Крю Леверетте как о чужом человеке. Как будто испытанная вместе опасность связала их, хотели они этого вначале или нет.

— Достаточно хорошо, — заверил ее доктор Виринг. — У него поразительно сильный организм, и мне кажется, он не повредил срастающиеся кости. Конечно, если бы было по-моему, он сейчас лежал бы в постели и спал, даже если бы мне пришлось силой заливать лекарство ему в горло. Но в нынешнем положении я не могу с ним спорить. Вы можете ему, если точно выполните его распоряжения и останетесь взаперти, пока Керри не проведет вас в дом...

— А Молли, миссис Прайор, Шубал? — Она произнесла эти имена вопросительно.

— Они пришли в себя после своего удивительного сна. У меня был повод заглянуть к вашему слуге Шубалу, и потому я смог осмотреть и остальных. Миссис Прайор осведомлена о ситуации и о планах капитана Леверетта. У вашей служанки снова поднялась температура, и я дал ей лекарство.

Персис взглянула на свои испачканные обесцвеченные руки.

— Доктор Виринг, удастся ли план?

Он пожал плечами:

— Я не игрок, мисс Рук. Я знаю людей, которых отобрал Крю Леверетт. Если что-то можно сделать, они это сделают. Дело более надежное, чем многие другие, которые удавались им в прошлом. Но мы можем только ждать и надеяться на лучшее. И...

Он перевел взгляд с Персис на кинжал рядом с ней на трапе.

— Веер с опаловыми глазами? Но как? Почему?..

Девушка покачала головой:

— Это не он. Веер у Лидии. Смотрите! — И она уже привычным движением извлекла лезвие из поддельного веера.

— Но где?..

Доктор Виринг — человек науки, он верит только в реальность. Он может счесть ее свихнувшейся, но Персис нуждалась в его здравом смысле, чтобы самой убедиться, что она не находится под влиянием иллюзий.

Она как можно короче рассказала о своей находке шка-тулки после второй бури, о том, каким странным путем веер вернулся к ней, даже после того, как она от него отказалась.

— Но я была не права, когда боялась его, — добавила девушка. — Если бы его не было со мной прошлой ночью, капитан Леверетт утонул бы. Или даже мы погибли бы оба.

Доктор Виринг взял веер с таким видом, словно рука его действовала по собственной воле. Он извлек кинжал и снова спрятал в ножнах быстрым ударом ладони о ручку. Потом внимательно осмотрел вырезанных кошек с их опаловыми глазами, которые в ответ смотрели на него как будто сознательно, как не может смотреть никакой предмет.

— Два веера... — проговорил он медленно. — И один из них — оружие... Смертоносное оружие. Интересно, кто придумал такую хитрость. Но теперь, мне кажется, я знаю, как Исчезнувшая леди спаслась от своего насильника. Очень старый кинжал, мне кажется, и смертоносный

— Не всегда. Мне он помог, — серьезно заметила Персис. — А леди...

Девушка помолчала. Хотя доктор Виринг не проявил никакого недоверия к ее рассказу, оставалось фактом, что она похоронила кинжал, а тот вернулся к ней, вернулся вопреки ее желанию, когда в нем возникла необходимость. Но если она расскажет остальное, то доктор явно отнесет ее к числу истеричек, легковверных до глупости.

— Мисс Рук! — Врач отставил один из стульев от стола и сел, выражение лица у него было самое серьезное. — Вероятно, вы немного слышали о моем прошлом. Я жил среди туземцев, среди племен, у которых много странных верований... и способностей, над которыми наш мир смеется. Я видел поглощенные джунглями развалины неизвестных городов, каменные изваяния забытых зверей, а может, богов. Они выдержали натиск стихий и были созданы раньше, чем положили один на другой камни Рима, которые так почитают наши историки. Я видел обряды тех, кого наш мир называет «голыми дикарями». Эти обряды вызывают последствия, кото-

рые не могут объяснить наши самые ученые доктора. В мире существует гораздо большее, чем знаем мы, северяне, в своем слепом высокомерии. Иногда сила, которую мы не постигаем, начинает действовать, и нас захватывает ее действие. И мы играем нам самим непонятную роль... Этот остров знал множество народов, и каждый из них имел свои верования. Вы никогда не думали, что верования сами по себе — могучая сила? Они заставляли мужчин и женщин умирать мучительной смертью, в огне, от когтей диких зверей, на виселице, даже в пытках, потому что составляли такую важную часть их жизни, что они не могли от них отказаться. Во времена моего детства любимым воскресным чтением была «Книга мучеников» Фокса¹. Боюсь, в юности я воспринимал героев и героинь, которыми так восхищались читатели, самодовольными фанатиками. Но теперь я думаю, они обладали верой, которую непосвященные просто не могли понять... Нам предстоит открыть еще много странного и удивительного. Я считаю, что мы стоим на пороге нового века, когда человек будет исследовать не только землю, но и самого себя. Я знаю историю острова Исчезнувшей Леди, конечно. Я говорил также с тремя людьми, которые искренне верят, что видели саму леди. Земля, настолько пропитанная кровью, слезами и насилием, как этот остров, вполне может позволить наиболее восприимчивым и чувствительным заглянуть в свое прошлое. Конечно, это не то, что невежественные люди называют «призраками», а скорее «воспоминания», сны, чувства. Для тех, кто попадет в их сеть, время ничего не значит.

Персис мигнула. Она видела, что доктор говорит искренне, что он верит в свое объяснение так же сильно, как, может быть, мученики, испытавшие страшную участь много поколений назад.

— Я видела ее... дважды, — медленно заговорила девушка, на этот раз не ожидая насмешки со стороны слушателя. — Нет, не видела, скорее ощущала ее присутствие.

¹ Джон Фокс — английский писатель XVI века. — *Прим. перев.*

И она все-таки осмелилась рассказать о встрече в верхнем коридоре и прошлой ночью, на насыпи.

— Но это все же не объясняет, как он, — Персис указала на кинжал, — попал ко мне после того, как я его закопала.

— Не объясняет. Но он хорошо вам послужил. Как послужил леди в свое время. Возможно, ваша тревога и ваш страх установили линию связи между вами и этим «присутствием». Та леди обладала огромным мужеством и решительностью. Может, эти черты у вас общие... А теперь, мисс Рук, выбросьте из головы мысли, что вас посетили фантазии, которые говорят о слабости рассудка. Думайте о том, что, если бы не это, — доктор указал на веер, который снова положил рядом с ней, — одна, а может, и две достойных жизни пришли бы к концу прошлой ночью. Теперь я советую вам отдохнуть. А когда придет Керри, сделайте так, как я сказал: пройдите к себе в комнату, наденьте лучшее платье и приходите на обед, как будто ничего не случилось. Не знаю, какую игру задумал Крю, но вы очень важны для его планов, могу вас в этом заверить.

Он встал и вышел с поклоном, оставив Персис множество тем для раздумий. Но вялая полуденная жара не располагала к размышлениям. Персис незаметно уснула, а проснулась оттого, что Керри трясла ее за плечо. Вслед за туземкой она пересекла открытую площадку, все время ожидая, несмотря на сумерки, что ее окликнут их тени.

Они пришли на кухню, такую же, как всегда, так что Персис вполне могла бы поверить, что происшествия последних двадцати четырех часов были всего лишь ночным кошмаром. Потому что Мам Роз занималась своими обычными делами, а Сьюки и вторая служанка работали под ее присмотром.

Но сама Персис как будто стала невидимкой. Никто словно не заметил ее появления, и прежде чем Персис успела поблагодарить Керри за убежище и уход, та тоже исчезла. Очевидно, здесь тоже действовали инструкции доктора Виринга, вернее, приказ Крю, переданный через доктора. Персис про-

шла наверх по второй лестнице, более узкой и используемой только слугами.

Теперь в доме горели все лампы, и вообще он внушал совсем другое ощущение. Дом был жив. Он ждал. Почему-то именно это слово пришло Персис в голову, когда она подобрала обеими руками платье и заспешила вверх по лестнице. Ее подгоняла необходимость торопиться.

Войдя, девушка сразу увидела, что ее ждали. За ширмой стояла полная ванна, рядом лежали полотенца. Не хватало только Молли.

Сбросив платье, Персис быстро умылась, по-настоящему оживая от травяного аромата мыла. Не было времени как следует причесаться, поэтому девушка решила сделать простую прическу, более строгую, чем та, что она делала обычно. Хотя только время сможет убрать синяки, которые так отчетливо проступали на ее коже. Она смыла мазь, нанесенную Керри, и взяла другую, из коробочки на умывальном столике.

Персис нарочно выбрала одно из своих самых ярких и нарядных платьев, розовое, с сатиновой каемкой, с большим количеством кружев и кружевным воротником. Оно, казалось, придало цвет лицу девушки, как бывает с любой женщиной, которая знает, что она хорошо и соответственно случаю одета.

Труднее всего было управиться с волосами. Керри, должно быть, промыла их от соленой воды и просушила. Но боковые локоны никак не желали завиваться. Она причесывалась дважды, пока верхние локоны не стали выглядеть более-менее прилично, потом вызывающе воткнула в волосы коралловый гребень и добавила коралловые серьги, часть того же набора, чтобы замаскировать отсутствие боковых локонов.

Глядя на свое отражение в зеркале, Персис не была вполне удовлетворена. Но выглядела она прилично, насколько в ее силах этого достигнуть. Она взяла носовой платок, положила его в маленькую сумочку розового сатина с затягивающимся горлышком, и в этот момент на первом этаже прозвенел гонг, который всегда извещал о времени обеда.

Последний раз бросив взгляд в зеркало, Персис гордо приподняла подбородок. Но перед выходом из комнаты остановилась и приняла еще одно решение. Рука ее сомкнулась на поддельном веере. Никто не заподозрит, что он не настоящий, а с ним она почувствует себя уверенней.

Глава семнадцатая

Когда Персис вышла на лестничную площадку, мелодичный звук гонга послышался вторично. Остановившись на миг, девушка собрала все свое мужество. Она не догадывалась, какую игру задумал Крю Леверетт. Но, к своему легкому замешательству, обнаружила, что верит в него, как в свое время полностью принимала приказы дяди Огастина в любом положении.

Внизу она никого не видела, но оттуда доносились голоса. Она спокойно начала спускаться. Руки ее укрывали белые шелковые перчатки-митенки, и в левой руке она держала веер-кинжал. Хотя и сомневалась, что в этот раз ей понадобится оружие.

— Мисс Рук...

Голос снизу, низкий, ясный; не узнать его было невозможно. Персис охватила волна облегчения. Она посмотрела на человека, вышедшего на свет. Он был одет в зелено-золотой халат. Такую одежду не стыдно носить и королю. А бугор на плече и широкий рукав подсказали девушке, что он нарочно выбрал эту одежду, так как повязка не позволяла надеть камзол. Но когда капитан шагнул в сторону, она увидела также кремово-белые брюки вечернего костюма южанина и тщательно уложенную прическу. Лицо его, несмотря на один-два синяка, было совершенно бесстрастно.

— Разве вам не нужен отдых? — она поспешно преодолела оставшиеся ступени.

Его синие, как море, глаза странно сверкнули.

— Отдых? Виринг действительно хотел уложить меня в постель, чтобы я пил его помой и сходил с ума от тревоги.

Нет, Персис, — он отказался от более официального обращения. — Для отдыха найдется достаточно времени позже. Со змеей нужно покончить до того, как она ужалит. Они нас ждут — хотя сами не знают этого. Держитесь достойно, девочка: покажите им свои лучшие манеры и самый надменный вид.

Он слегка поклонился и протянул здоровую руку. Заставив себя улыбнуться, Персис присела и положила пальцы на толстую парчу халата у его запястья. Она хотела бы, чтобы капитан ей подсказал, что их ждет, но, оказалось, на это нет времени, потому что он уже повел ее ко входу в столовую.

В проем двери струился яркий свет: в столовой горела не одна лампа. Персис слышала гул голосов, он становился все громче, но в тот момент она слишком волновалась, чтобы разбирать отдельные слова. Затем — Крю ступил в полосу света, словно первым хотел встретиться с врагом, она — на шаг за ним.

Длинный стол был накрыт белейшей скатертью, вдоль него стояли пять канделябров. Они освещали комнату ровным светом, почти таким же ярким, как солнечный. Персис на секунду-две ослепла, ей трудно было разглядеть, кто сидит за столом.

Но мгновенная тишина, которая наступила сразу после их входа, привела девушку в себя. И хотя лицо ее застыло, как маска, она надеялась, что на нем можно прочесть только вежливое ожидание обеда.

Загремел стул. Человек в конце стола вскочил, оттолкнув его от себя. Спутник Персис первым нарушил молчание.

— Лидия, дорогая, ты сегодня прекрасно выглядишь...

Светловолосая девушка тяжело дышала. Ее платье, светло-голубое, со множеством кружев и бантов, резко контрастировало с лицом. Лицо же исказила гримаса страха, обычно полные губы плотно сжались, глаза стали очень широкими.

— Можно подумать, — Крю Леверетт обвел взглядом стол, по очереди осматривая всех сидящих, которые оставались не-

подвижными, — можно подумать, что у нас есть повод для праздника. Не поделитесь ли с нами этим поводом?

Первоначальное оцепенение Персис прошло, она теперь различала собравшихся. Среди них оказались несколько незнакомцев. Единственная женщина — Лидия, она сидела по правую руку от так неожиданно вскочившего мужчины.

Во время их первой встречи Персис видела Ральфа Гриллона в костюме капитана корабля, которым он так гордился. Теперь на нем были превосходный темно-синий камзол, рубашка с оборками и сложный шейный платок; черные брюки были заправлены в сапоги, не предназначенные для корабельной палубы.

Его красивое лицо не покраснело, а если он и побледнел под своим густым загаром, то это не отразилось в мягком свете множества свечей. Но его глаза — раньше Персис задрожала бы, заглянув в них, — они казались оружием, нацеленным на врага.

За столом сидел и доктор Виринг. Он вертел в руках тонкий бокал с вином и переводил взгляд с Крю на сидевших рядом, потом снова на Крю, хотя лицо его тоже оставалось бесстрастным. Он походил на зрителя в театре.

Кроме него, за столом сидело еще трое гостей. Один из них был в капитанском мундире, знаки различия которого потускнели от морской воды и ветра.

— Да, — продолжал Крю, — повод для праздника... Капитан Ван Хорн, — кивнул он незнакомцу, который встал и неуклюже поклонился, — и, естественно, Хулио Вальдес...

Мужчина по другую сторону от Гриллона оскалил зубы в улыбке, но глаза его оставались холодными и расчетливыми.

— Мы давно не встречались, Вальдес, — заметил Крю, — хотя, конечно, я знаю, что наши счета еще не закончены.

— Счета... — мужчина поднял темные брови. — Если имеешь дело с ворами, капитан Леверетт, ожидай неприятностей.

— Вы абсолютно точны в своем предсказании, Вальдес. «Имеешь дело с ворами». Но почему вы сами не придерживаетесь этого правила?

— У Холдена не было прав на остров Исчезнувшей Леди! — Вальдес опирался ладонями на стол, он наклонился вперед, его узкое лицо приобрело гневное выражение. — Марианна Вальдес не имела права продавать остров, который мы очистили от индейцев. Я — Хулио Вальдес. А Вальдесы владели этим островом задолго до того, как у вашей страны появилось ее название.

— Совершенно верно, — заметил Крю. — Но Мартин Вальдес абсолютно законно вступил во владение унаследованным островом. После его смерти остров перешел к его вдове, и она продала его Холдену. Если не ошибаюсь, суд полностью отверг ваши притязания вместе с угрозами, и вынес вам предупреждение. Если Холден решил продать остров мне, это была полностью законная сделка, без единого намека на нарушение законов, как бы вы ни старались доказать обратное. Со времен Джека Сатиновая Рубашка нравы изменились...

Смуглый мужчина дышал тяжело, со свистом, дыхание его напомнило Персис шипение рассерженной змеи. Доктор Виринг продолжал с любопытством наблюдать, а голландский капитан казался совершенно растерявшимся. Персис ожидала, что теперь Крю скрестит шпагу с Ральфом Гриллоном, но тот повернулся к Лидии:

— Ты придумала этот праздник, моя дорогая?

Персис лишь понадеялась, что капитан Леверетт никогда не будет разговаривать с ней таким тоном. Но Лидия уже пришла в себя от неожиданного появления брата.

— Да, праздник, — ответила она вызывающе, холодным голосом. — По случаю моей помолвки с капитаном Гриллоном.

— Очень интересно, — заметил Крю. — А он еще не поделился с тобой, как намерен избавиться от ныне здравствующей мадам Гриллон? Но могу поверить, что он уже изобрел весьма эффективный способ. Впрочем, его способы не всегда действуют. Доказательство тому — мое собственное присутствие здесь.

Лидия вскочила, лицо ее исказилось и напоминало теперь отвратительную маску Аскры.

— Лжец! Лжец! — она заколотила по столу маленькими кулачками. Ее бокал опрокинулся, вино, как свежeproлитая кровь, потекло по белой скатерти. — Ральф женится на мне...

— Поскольку двоеженство — серьезное преступление и здесь, и на Багамах, возникает небольшая проблема, — спокойным рассудительным тоном продолжал Крю. — У него есть жена, и вполне законная! — теперь голос его звучал слегка презрительно. — Неужели ты думаешь, что я настолько глуп, что не соберу сведений о человеке, ухаживающем за моей сестрой? Но нынешняя ситуация бросает вызов даже его способностям. Как вы с ней справитесь, Гриллон? С одной стороны, остров Исчезнувшей Леди и все прочее, что вы собрались получить здесь, с другой — наследство, которое может перейти к вам с помощью Кэролайн Рук?

Персис вздрогнула. Кто такая Кэролайн Рук? Через одну-две секунды она догадалась. Ральф Гриллон говорил об исчезнувшем наследнике. Она всегда считала, что ребенок Джеймса был мальчиком. Но что, если это не так, и ее соперницей в получении наследства Руков стала женщина? Неужели Гриллон знал все это заранее?

— Если бы вы были здоровы... — впервые заговорил Ральф Гриллон, — я бы вас вызвал...

Крю покачал головой, странная улыбка появилась на его лице.

— Не разыгрывайте джентльмена, Гриллон.

— Нет! — Лидия прижала руки ко рту, заглушила то, что собиралась сказать. — Ты меня не удержишь своей ложью! Ральф меня любит! Мы поженимся...

— Где? — спросил ее брат. — На островах или в Ки-Уэсте?

— Не важно. Он меня увезет... он... — неожиданно она замолчала. И Персис увидела, что смотрит Лидия не на брата, а на сложенный веер, который гостья принесла с собой.

— Нет! — Лидия попятилась, задела широкой юбкой за стул, и тот с грохотом упал. Персис вздрогнула. Но брата Лидии, по-видимому, веер не интересовал.

— Ты маленькая дурочка, — проговорил он устало, отчего Персис сразу встревожилась. До сих пор он держался хорошо, а ведь половина собравшихся — его враги. — Ему нужен остров Исчезнувшей Леди. Но благодаря провидению и мужеству этой женщины первая попытка ему не удалась. Было ошибкой, Гриллон, оставить меня в море вместо того, чтобы самому сделать злое дело. Судьба капризна, как вы это хорошо знаете.

— Тебе не причинили никакого вреда! — воскликнула Лидия. — Просто оставили ненадолго, чтобы Ральф мог... мог...

— Мог легко покончить со мной, — теперь Крю говорил прямо и резко, словно чувствовал, как теряет силы, и хотел побыстрее завершить это противостояние. Персис заметила, что доктор Виринг незаметно передвинулся и встал рядом с Крю, и это усилило ее тревогу. — Да, Лидия. Я был оставлен связанным в каное с пробитым дном... когда ты ушла, смерть уже подступала ко мне.

Лидия отшатнулась и посмотрела на Гриллона.

— Это ложь! Скажите что-нибудь...

Но выражение лица багамца, должно быть, подсказало ей правду.

— Но почему, Ральф, почему?

— Я уже объяснил: остров Исчезнувшей Леди... — напомнил Крю. — А когда он перестал бы нуждаться в твоей помощи, еще один несчастный случай... — капитан пожал плечами и поморщился. Доктор Виринг осторожно положил руку на его перевязанное плечо.

Персис видела, как смертельно побледнела Лидия.

— У... убить... — проговорила она так, словно ей потребовались огромные усилия, чтобы произнести это слово.

— Именно, — вторично вступил в разговор Ральф Гриллон. Он тоже на несколько шагов отошел от стола, вместе

с ним встал Хулио Вальдес и третий, который все время молчал. — И поскольку я теперь хозяин острова...

В руке он держал пистолет. Остальные тоже были вооружены.

Лидия закрыла лицо руками и плакала. Она быстро впадала в истерику.

— Так как остров находится в моей власти, — повторил Гриллон, — кажется, игра еще не закончена.

На мгновение голова у Персис закружилась. Как будто она уже видела такую сцену и даже принимала в ней участие. Но только в тот раз лица участников были другие: жесткие, грубые, как туманные маски, наложенные на лица людей в этой комнате. Персис отпустила руку Крю, нажала на ручку веера, высвободив смертоносное лезвие. Их надо убить... эти чудовища, пришедшие с моря... она...

Звук, резкий, пронзительный, вернул девушку к реальности. Она снова была Персис Рук, а не той, другой, приветствовавшей смерть, как путь к безопасности.

Ральф Гриллон откинул голову и рассмеялся, как мальчишка.

— Готово, клянусь Нептуном!

— Подождем и увидим...

Персис была уверена, что доктор Виринг поддерживает Крю гораздо сильнее, чем видно остальным. Но голос капитана звучал ровно.

— Ждать нечего: это «Удача бури»! — Ральф торжествовал. — Ваши люди благополучно заперты, я возьму то, за чем пришел, и уйду. Хотя жаль, что вы не сыграли свою роль, как планировалось, капитан, — багамец покачал головой, лицо его стало жестоким и насмешливым. — Так было бы гораздо удобнее для всех. Я был бы здесь очень хорошим хозяином. Моя дорогая, — он поклонился Лидии, — боюсь, на этот раз нам придется расстаться. Хотя должен поблагодарить вас за...

Лицо ее пошло пятнами, щеки избородили слезы. Выглядела Лидия как ребенок, которого ударил человек, которому он доверял.

— Но я пойду с...

— Ваш старший брат дьявольски прав. Моя дорогая Кэролайн вряд ли будет приветствовать ваше появление. Ко мне она относится хорошо только потому, что я для нее — источник будущего богатства, и то благодаря вашим ловким маленьким пальчикам и способности составлять снотворное.

— Значит... значит, это правда?

— Что я женат на Кэролайн Рук? Да, это правда, хотя, как вы знаете, я тоже претендент. Конечно, в суде я бы ничего не добился, но все же решил порыться в старых тайнах. У Амоса остался не один незаконнорожденный сын. Хотя сам Амос был уверен только в Джеймсе. Мой отец родился в результате кратковременной связи, которая легко забывается. Так что Кэролайн — моя двоюродная сестра. Как только мы поняли, что речь идет о крупной добыче, мы решили объединить силы. Хотя, конечно, я не очень привязан к Кэролайн. У нее дьявольский характер, и когда между нами море, я думаю о ней спокойнее. Но мы оба Руки, и не собираемся отдавать кому-то наследство Амоса.

— Теперь же я могу уничтожить все невыгодные нам документы. Простите, сестричка Персис, — он насмешливо поклонился ей, — вы проделали утомительное, но совершенно напрасное путешествие.

Вторично прозвучал рог из раковины.

Как только в ярко освещенной комнате стих последний лающий звук, Крю спокойно сказал:

— Не советую вам слишком рассчитывать на спокойное море.

— Когда «Удача» стоит в гавани, и поблизости не найдется никого, кроме вас, кто сказал бы мне «нет»?..

Но молчаливый мужчина из партии Гриллона отошел к открытому окну. Окно закрывала только сетка от насекомых. Ральф Гриллон бросил на него быстрый взгляд.

— В чем дело, Граймс?

— Там что-то происходит, на пристани. И на бушприте не горит ваш сигнал!

Ральф попятился к окну.

— Прикройте их, — приказал он. И только когда его спутники направили на Крю пистолеты, багамец полностью повернулся к окну.

Теперь гудел не только рог, возвещающий появление корабля. Крики и, по крайней мере, один выстрел. Гриллон оскалил зубы.

— «Удача»? — он посмотрел прямо на Крю.

— Призовой экипаж, — спокойно ответил тот.

— Будьте вы прокляты! Но как... — Гриллон овладел собой с быстротой, казавшейся не свойственной его темпераменту. — Вот, значит, как. И что же мы будем делать? — но пистолет он не опустил, и глаза его снова вызвали у Персис вспышку странных и ужасающих воспоминаний — об освещенной факелами насыпи и жертве, которую ведут жрецы в масках. Они так же смотрели на добычу.

— Мы ничего не будем делать, — Крю подошел к ближайшему стулу и опустился на него, оберегая плечо. Наклонился вперед, словно собирался налить себе вина. — Поработать придется вам, Гриллон. По справедливости, я бы должен отдать вас под суд за заговор, попытку убийства, даже пиратство — и определенно за воровство.

— Но, конечно, вы предложите мне альтернативу. Отчаянный человек, когда его прижмут к стенке, способен на отчаянные меры, — вмешался Гриллон. Пистолет его по-прежнему был направлен в голову Крю.

— Да, альтернатива есть. Но не от страха перед вашим оружием, в которое вы так верите. Вы лжец, мошенник и убийца, — Крю говорил размеренно, как судья, произносящий приговор. — Тем не менее я разрешу вам вернуть все украденное и уплыть — вместе с вашими людьми. Главным образом из-за того, что моя сестра дура. Я не хочу, чтобы она была запачкана на суде, а ведь вы с готовностью запачкаете ее, чтобы спасти свою шкуру.

Ральф Гриллон неожиданно рассмеялся, потом опустил пистолет и низко поклонился Лидии:

— Конечно. Имя женщины — превыше...

— Закройте рот! — Впервые Крю повысил голос, и Персис заметила, как впервые наружу прорвался гнев, который он все эти часы тщательно сдерживал. — Не испытывайте мое терпение.

Пистолет исчез под камзолом. Ральф отдал полусалют.

— Позвольте вам откровенно сказать, что вы глупец, — заявил он. — Раз позволяете мне уйти.

— Да, мне бы следовало вас убить, не так ли? — Крю снова овладел собой. — Но я сам охочусь на своих змей. И не использую других. Теперь вы скажете доктору Вирингу, где спрятали золото и бумаги, взятые в моем сейфе, а также то, что принадлежит мисс Рук. Когда все это будет возвращено, вы сможете уйти...

От двери послышался шум. Персис оглянулась. Там стоял мистер Харвери, а за ним боцман с «Непревзойденного» и еще два моряка.

Гриллон снова поклонился.

— Прибыли ваши силы, я вижу. Прекрасно, Виринг. Вы найдете все, что нужно капитану, в расселине скалы на мысе над самым уровнем прилива. Скала, в которой расселина, самая высокая из всех.

Доктор вышел, прихватив с собой боцмана. Тот в одной руке нес лампу, а в другой, словно для равновесия, абордажную саблю.

Персис подошла к столу, взяла пустой стакан и налила вина, не обращая внимания на брызги, которые полетели на скатерть. Потом она вложила стакан в руку Крю. Тот с отсутствующим видом поднес его к губам и отпил. Девушка видела напряженное выражение его лица, сжатые губы. Сколько он еще продержится? Ему надо лежать, а не напрягать снова и снова все свои силы. Но она инстинктивно знала, что теперь никто не сможет остановить его, пока дело не будет завершено.

Плач Лидии сменился всхлипываниями. Лицо ее покраснело, она ни на кого не смотрела, сжавшись в кресле, в котором раньше казалась воплощением гордости.

— Сестричка, — нарушил молчание Гриллон, — я и вас должен поблагодарить за участие...

Но прервал его не Крю, а Лидия. Она выпрямилась и указала на Персис трясущейся рукой.

— Разве вы не видите? — Голос ее снова перешел в крик. — Смотрите, что она держит! Она... Леди...

Персис почти забыла про кинжал в руке. Она взглянула на него и уронила на стол. Тот упал со стуком. Глаза наблюдающих кошек с тускло-черной рукояти сверкали холодно, словно пребывали где-то далеко от этого времени и места.

— Он... он из веера... из поддельного веера, который не раскрывается, — пояснила Персис. — Но очень похожего на настоящий веер.

— Даже призраки, — завывала Лидия, — против нас!

Персис ожидала, что Гриллон или Крю высмеют эту глупость. Но вместо этого увидела, что мужчины смотрят на кинжал, как на какое-то странное и необъяснимое знамение.

— Призраки... — тихо и неуверенно прошептал Гриллон. — Может, вы и правы, моя дорогая... — затем он повернулся к Крю: — Величайшая глупость из всех...

— А именно? — спросил Крю, когда Гриллон не закончил фразу.

— ...неправильно выбрать женщину. Этим кинжалом донья Исабелла прикончила своего злейшего врага. Так, Вальдес?

Смуглый человек, который предъявлял претензии на остров, смотрел на веер широко раскрытыми глазами. Он заметно вздрогнул.

— Когда-то рассказывали, — заговорил он, — что она слишком много знала. Знала то, чего лучше не знать. Веер был частью ее приданого, она никогда не показывалась без него. Но то, что вееров было два, никто не знал. Только... говорят, она обладала мужеством, которому позавидовал бы мужчина.

— В этом она не одинока, — добавил Крю. Он протянул руку над поддельным веером, в котором скрывалось лезвие,

и прежде чем Персис поняла, что он делает, она почувствовала его крепкое теплое пожатие. И у нее не было ни сил, ни желания освободиться.

— Как я уже сказал, — Гриллон решил, что за ним должно остаться последнее слово, — следует правильно выбирать женщину, Леверетт. Ваше дьявольское везение по-прежнему с вами.

— И всегда будет, — ответил Крю с той же твердостью, с какой держал руку Персис. И Персис Рук впервые в жизни поняла, что поверит во что угодно. Если это скажет капитан рекера.

**ЛИСА
ИЗ БЕЛОГО
НЕФРИТА**

Глава первая

МЕН. НЕОПЫТНОСТЬ МОЛОДОСТИ

Когда корабль входил в гавань, Саранна смотрела не на Балтимор, а в море, на свободу. На пути из Нью-Йорка ей невыносимы были духота и теснота каюты. Теперь по крайней мере появилась причина подняться на палубу, и она глубоко вдыхала соленый воздух, освежающий, как аромат сирени, который так любила мама. Саранна, дочь морского капитана, она никогда прежде не бывала в море.

Не впервые она задумалась, почему не выходила в море мать. Многие капитаны берут с собой жен; даже дети рождаются в море или в самых далеких уголках земли, где бросают якорь американские клиперы.

Мать очень любила дальние края. После гибели отцовского китобойца каждое пенни доставалось им с трудом, но мать все равно покупала зачитанные потрепанные книги о путешествиях. Саранна и сейчас видела, как та сидит, поглаживая пальцами гладкую лакированную крышку китайской шкатулки, рассказывающую о далеком загадочном Китае, откуда приплыла. Китай всегда притягивал, пленял дочурку Кетуры Стоувелл. Конечно, женщинам запрещено было приезжать туда. Китайцы заставляли жен капитанов высаживаться в Макао и ждать, пока корабли их мужей вернутся из Кантона. Но Саранна с детства предпочитала мамины книги волшебным сказкам.

— Мисс Стоувелл...

Саранна вздрогнула, вырванная из воспоминаний о несчастливых временах страданий и гнева из-за печальной судьбы Кетуры Стоувелл. Мать очень мужественно приняла весть

об утрате, когда после долгих месяцев ожидания пришло сообщение о гибели «Морской пены». Сейчас девушка неохотно оторвалась от поручня, отвернулась от свободы морского простора и увидела мистера Сандерса, своего опекуна в пути, чопорного юриста, которого почти не знала. (Иногда в ней просыпались те остатки независимости, какие может себе позволить бедная сирота, и она гадала, умеет ли мистер Сандерс улыбаться, или от этого его лицо сразу треснет пополам.)

Но на сей раз он явился не один. Второго мужчину Саранна несколько раз видела издали, когда осмеливалась подняться на палубу, глотнуть свежего воздуха. Он был гораздо моложе адвоката, с резкими чертами и обветренной, как у всех моряков, кожей, хотя одет был как джентльмен.

— Позвольте представить капитана Джеррада Фока, — резко сказал мистер Сандерс. Он как будто выполнял необходимое, но неприятное дело. — Капитан Фок — партнер вашего брата в новом бразильском предприятии. Он хочет предложить свои услуги...

Саранна догадалась, что мистер Сандерс считает эти услуги ненужными. Но склонила голову, а адвокат продолжал:

— Мисс Стоувелл — капитан Фок...

Капитан легко поклонился; поклон лучше сочетался с его одеждой, чем суровое, строгое лицо. По качающейся палубе он передвигался гораздо увереннее мистера Сандерса.

— Боюсь, от «капитана» нужно отказаться, мисс Стоувелл. Теперь я сухопутный житель. Позвольте выразить сожаление, что ваш приезд в Балтимор вызван такой печальной причиной...

Двигался он изящнее, чем говорил, как будто ему с трудом давались банальные слова утешения. Саранне показалось, что он искренне ей сочувствует, но ей не хотелось, чтобы незнакомые люди принимали участие в ее горе. Она ответила приличествующим случаю тоном:

— Вы очень добры, капитан... мистер Фок.

«Капитан» подходит ему гораздо больше, чем «мистер», подумала она. Но внимательный взгляд Фока заставлял Саранну слегка нервничать.

Дома, со времени последнего плавания отца, она редко общалась с мужчинами, слишком была занята — помогала матери, поселковой белошвейке, с работой или в других делах, которые обрушило на них внезапное несчастье.

Саранне казалось, что мистер Фок слишком откровенно ее разглядывает, и она подумала, не следует ли возмутиться. Но что в таком случае сделать? Она торопливо опустила вуаль. И по легкой перемене в лице мистера Сандерса поняла, что поступила правильно. Но одновременно разозлилась — всегда-то она вынуждена поступать правильно!

Мистера Фока, конечно, нельзя было назвать красивым, но она угадывала силу в его чертах. Любой, кто командует кораблем, должен быть властным и решительным. И эти черты были так же свойственны мистеру Фоку, как загорелая кожа и морщинки в углах глаз, говорящие о том, что этому человеку часто приходилось смотреть против ветра.

Саранна, пользуясь возможностью разглядывать его из-под вуали, решила также, что он гораздо моложе, чем ей показалось на первый взгляд. Однако она знала, что многие капитаны поднимаются на мостик в двадцать с небольшим. Мальчики из семей моряков уходят в море в десять лет и рано начинают путь в капитаны.

Саранна неохотно повернулась в сторону суши, на которую ей не хотелось ступать. Сам вид порта, поднимавшегося вдали из моря, вызывал у нее недовольство. Джетро — сводный брат, который по возрасту вполне годился ей в отцы и которого она ни разу в жизни не видела, — какое право он имел распоряжаться ее будущим без всякого «разрешите»?

Она никогда не знала, почему капитан Стоувелл порвал с единственным сыном. Но Джетро нарушил морскую традицию семьи и стал партнером в одной из первых торговых компаний, работавших в Кантоне, а впоследствии поселил-

ся в Балтиморе и теперь начинает вывоз кофе из Бразилии. Мистер Сандерс ясно дал понять, что в Балтиморе ее брат — очень важный человек.

Слишком важный, чтобы самому приехать в Сассекс и забрать осиротевшую сводную сестру; вместо себя он прислал мистера Сандерса. Саранна задумалась, что бы тот сделал, не будь она так ошеломлена горем и откажись выполнить приказ Джетро. Неужели ее вытащили бы из дома пастора Виллиса связанную и с кляпом во рту, словно несчастную героиню одного из тех романов, над которыми всегда смеялась мать? Саранна теперь жалела, что не сказала тогда о своем настрое.

Кому нужен этот Балтимор? Саранна не владеет искусством жизни в обществе. В поношенных платьях, срочно перешитых из маминых, она наверняка кажется пугалом. Это она уже поняла из своих отрывочных, но внимательных наблюдений за женской модой в Нью-Йорке.

Мистер Сандерс сказал, что в доме Джетро есть женщина, занимающая положение хозяйки дома, — овдовевшая дочь ее брата Гонора, вернувшаяся в дом после двух лет брака из-за смерти мужа и вновь принявшая бразды правления.

Чем ближе корабль подходил к причалу, тем сильнее волновалась Саранна. Ее тревога еще усилилась, когда корабль пришвартовался и на берег перебросили трап. Их никто не встречал. Она знала, что мистер Сандерс хочет побыстрее освободиться от своих обязанностей и заняться собственными делами. Но он не мог просто оставить ее здесь, с обшарпанным матросским сундучком у ног.

На помощь ей пришел мистер Фок. За ним остановился экипаж, похожий на самые элегантные кареты Нью-Йорка.

— «Тритон» пришел раньше времени. — Мистер Фок кивнул в сторону корабля. — Но это не причина доставлять леди неудобства. Мэм, если вы с мистером Сандерсом позволите...

Адвокат обрадовался такому выходу. Он кивнул, и мистер Фок сам взялся за веревочную ручку матросского сундучка

и легко, несмотря на тяжесть, передал его кучеру, который закрепил сундучок наверху.

Чувствуя, что доставляет всем множество хлопот, Саранна съезжилась на краю сиденья, отказываясь насладиться удобством экипажа. Она никогда раньше не ездила в таких. Ей так хотелось побыстрее доехать до места и избавить спутника от своего невольного вторжения в его жизнь, что она не смотрела на улицы, по которым они проезжали.

Уличные шум и теснота напомнили ей о суматохе, которая так напугала ее в Нью-Йорке. Но она заметила черные лица, которые в Нью-Йорке не встречались. Экипаж между тем выехал из припортового района на широкие, обсаженные деревьями улицы. На ветвях уже проклюнулась весенняя листва.

Карета описала полукруг перед одним из самых больших домов, и мистер Сандерс постучал в дверь. Саранна сказала несколько слов благодарности мистеру Фоку, который помогал спустить с крыши кареты ее сундучок.

Когда дверь открылась, перед мистером Сандерсом оказался чернокожий слуга. Саранна, кутаясь в шаль, чуть приподняла подбородок. В конце концов, она в доме брата. И хоть одежда ее бедна, а в доме ей наверняка не рады, никто не должен заметить, что она чувствует, с каким страхом ждет встречи с хозяевами. Назвать этот дом своим она не могла.

Слуга с поклоном впустил их. Саранна коротко попрощалась с мистером Фоком, который, к ее облегчению, не собирался зайти. Чем меньше перед ней теперь было людей, тем лучше. Девушка неохотно вошла в широкий главный холл.

Несмотря на рассказы мистера Сандерса о богатстве и влиянии брата, Саранна не была готова к тому, что увидела. Роскошь и элегантность обстановки настолько превосходили обстановку в доме, где они с матерью жили в Сассексе, и в скромном особняке в более счастливые дни в Бостоне, что Саранна растерялась.

Так много полированного дерева и начищенного металла, такие яркие ковры и занавеси... с первого взгляда девушка могла не отличить один предмет от другого. А на второй взгляд ей не дали времени.

По центральной лестнице грациозно спускалась женщина из числа тех, что сразу привлекают к себе общее внимание.

В выражении ее лица не было и тени тепла или радости встречи. Напротив, в чертах читалась легкая напряженность, как будто ей предстояло выполнить неприятную обязанность. Рост чуть выше среднего, аккуратные уложенные под чепчиком с черными кружевами и розовато-лиловыми лентами светлые пряди, широкое роскошное платье того же цвета, что ленты, — все это придавало ей величественности.

Незнакомка ступила на натертый пол холла и смерила Саранну насмешливым взглядом, отчего девушка еще острее ощутила недостатки своего наряда. За кружевным воротником, обрамлявшим острый подбородок женщины, Саранна мельком увидела себя в высоком настенном зеркале.

Она походила на оборванное пугало. Черты лица были слишком острыми, скулы — слишком широкими, на коже веснушки, лишь немного побледневшие на слабом зимнем солнце. Под глазами по-прежнему темные круги, следствие недосыпания, печалей и горя, ожидания смерти, которую она не могла предотвратить.

Войдя, Саранна откинула вуаль. Волосы едва виднелись из-под старой шляпки, но на фоне бледной кожи и мертвенной черноты немодных поношенных платья и шали они казались необычайно, возмутительно рыжими. Девушка никогда не считала себя красавицей, но до сих пор не понимала, насколько женщина в тусклом немодном платье проигрывает рядом с изящно одетой.

— Саранна? — Женщина осмотрела ее с ног до головы, отмечая все потертые, обтрепанные и залоснившиеся места на платье гости и перетершиеся шнурки слишком старой шляпки — все то, что определенно не украшало Саранну. — Наверно, следует сказать «тетя Саранна»?

Итак, это Гонора, дочь Джетро. Да, по странному капризу судьбы она приходится теткой этой ослепительной хозяйке дома, хотя Гонора старше ее на несколько лет.

Гонора рассмеялась — звонко, словно столкнулись две сосульки.

— Конечно, это глупо! Ты так молода, совсем ребенок! Я буду звать тебя Саранной. А я Гонора...

Она величественно наклонила голову. Ясно было, что она, как ей кажется, достойно исполняет свой долг по отношению к человеку, не стоящему того.

Негодование Саранны вытеснил гнев. Но она никогда, никогда не покажет Гоноре (твердо решила она), никогда не покажет ей, как глубоко ее задела голос и поведение этой женщины.

— Мы ждали вас только вечером, — продолжала Гонора. — Мистер Сандерс, — впервые обратилась она к адвокату, — вы, должно быть, осуждаете нас за то, что мы не встретили вас. Прошу нас извинить...

Она коснулась своей маленькой белой рукой его напряженной руки, мягко улыбнулась. И Саранна (внутренне негодую на слепоту мужчин) увидела, как чопорный мистер Сандерс растаял и на его лице появилось почти виноватое выражение.

— Ничего страшного, миссис Уэйли. Мне кажется, у моряков это называется попутным ветром. Поэтому мы пришли в порт раньше времени. Капитан Фок любезно подвез нас в своем экипаже...

— Капитан Фок?

Саранна была уверена, что губы Гоноры на миг напряглись, как будто она повторила про себя это имя. А еще девушка была уверена, что хозяйка не обрадовалась тому, что услышала.

— Но... конечно, я догадываюсь, почему он торопился... у него дела с моим отцом, заказы из Нью-Йорка. Видите ли, мистер Сандерс... — снова прозвучал звонкий смех, на этот раз чуть принужденный, — я стала очень деловой женщи-

ной. Мой отец любит рассказывать мне о своих соображениях. Теперь я могу, как попугай, рассуждать о кофе, о ценах и тому подобном, но мой бедный ум ничего в этом не понимает. Благодарю вас, дорогой мистер Сандерс, за то, что вы спасли это бедное дитя...

Услышав про «бедное дитя», Саранна внутренне ошестинилась, как кошка, на которую напали. И пожалела, что нельзя зашипеть.

— Отец просил передать, что будет ждать вас завтра утром, — продолжала Гонора. — И, конечно, вы с дражайшей миссис Сандерс должны пообедать с нами в субботу. Миссис Сандерс уже наверняка получила мое приглашение...

Чуть позже Саранна разглядывала свое отражение в зеркале высокого шкафа. У нее за спиной была спальня, достойная принцессы. Но на сей раз, со сдержанной иронией подумала девушка, спальню отвели настоящей, а не переодетой для маскарада, погонщицы гусей. Черная фигура девушки совершенно не вязалась с великолепием обстановки.

Саранна сняла шаль и шляпку, отказавшись от помощи чернокожей служанки, которая, когда девушка вошла, стояла на коленях у матросского сундучка, развязывая веревку. Теперь она осталась одна и могла посмотреть в лицо фактам.

Посмотреть в лицо фактам! Это выражение она за последние годы много раз слышала из уст матери. Мать могла мечтать о далеких путешествиях, но никогда не смешивала мечты с явью. Она всегда говорила, что следует хладнокровно и тщательно обдумать положение, не спешить, как иногда склонна была поступать Саранна.

Тем не менее Саранне пришлось поспешно менять свои планы и образ жизни, когда через два дня после маминых похорон внезапно нагрянул мистер Сандерс с совершенно неожиданным письмом от Джетро — того самого Джетро, о котором она до сих пор никогда не слышала. Ее уговорили пастор Виллис и его жена. Они были рады, что Господь внял их молитвам и Саранна нашла защитника и в свои семнадцать

не будет больше одинока. Поэтому теперь — из-за того, что тогда она была подавлена горем и приняла их доводы, — теперь ей придется приспособливаться к новой жизни, которая ожидает ее.

Эта комната, как Гонора, смотрела на Саранну свысока, словно говоря: вот как мы тут живем, и тебе не место в нашем доме. Из-за черноты платья, черноты, которая ничем не смягчалась, ведь вставка была того же траурного цвета (ах, как не понравился бы матери ее вид; мать терпеть не могла траурные наряды и всегда говорила, что траур нужно носить в сердце и не выставлять напоказ), кожа девушки утратила естественный цвет. От этого волосы, гладко причесанные и собранные в узел, казались неестественно яркими.

Саранна никогда не носила в доме чепец, но из немногих модных журналов, которыми пользовалась в своей работе мама, знала, что сейчас все женщины, старые и молодые, замужние и нет, носят чепцы. Теперь, разглядывая свои яркие волосы, она решила, что это единственное усовершенствование, какое она может внести в свой внешний вид за короткое время перед встречей с обитателями дома.

Саранна быстро распаковала свою шкатулку для шитья и отыскала кусок черного кружева. Работа успокаивала нервы. Девушка принялась шить. И уже примеряла импровизированный чепец, когда в дверь постучали.

После ответа Саранны вошла Гонора. На взгляд девушки, платье, в котором появилась ее «племянница» при их первой встрече, вполне годилось для бала. Но оно казалось очень скромным рядом с тем, которое было на Гоноре сейчас. Сириновый цвет по-прежнему намекал на траур, широкая черная кружевная юбка, заполнившая дверной проем, колыхалась при каждом движении Гоноры.

Плечи Гоноры под шарфом из того же черного бархата были обнажены. А светлые волосы, тщательно завитые и уложенные локонами, лишь символически прикрывал чепец, в сравнении с которым самодельный чепец Саранны казался убогим и безвкусным.

— Где Милли? Она должна была распаковывать...

— Она мне не нужна... — начала Саранна.

— Вздор, конечно, нужна! Ленивая девчонка! Не позволяй ей прохлаждаться. За всеми слугами нужно следить, иначе они начинают отлынивать от работы.

Гонора без приглашения вошла и села на стул, с которого Саранна успела убрать свою шляпку. Женщина сразу перешла к делу.

— Ты в трауре, и потому тебе не нужно встречаться с обществом. К несчастью, я сегодня должна занимать деловых знакомых отца. Поэтому Милли принесет тебе еду сюда. Здесь тебя не потревожат.

«Вернее, тебя», — мысленно добавила Саранна. Гонора тоже носила траур, но, по-видимому, себя она не считала связанной ограничениями. Впрочем, Саранна не собиралась с ней спорить. Ей не хотелось участвовать в жизни этого дома ни сейчас, ни потом.

— Мой отец вернулся рано, — продолжала Гонора. — Он примет тебя в библиотеке. — В ее голосе звучало легкое удивление из-за того, что кто-то хотел встречи с Саранной.

Выполнив поручение, Гонора и не подумала уйти. С легкой улыбкой она продолжала разглядывать младшую девушку.

— Мой отец очень удивился, получив письмо миссис Стоувелл...

Саранна едва не вздрогнула от неожиданности. *Мама* написала Джетро? Но почему она ничего не сказала Саранне? О цели письма матери она догадывалась: должно быть, мать сознавала всю серьезность своей болезни и смирила гордыню, попросив за дочь, если не за себя.

— Он много лет не поддерживал отношений с семьей, — продолжала Гонора — и умолкла.

Саранна ничего не ответила.

— Однако он очень расстроился, услышав о смерти отца и о том трудном положении, в котором вы в результате оказались.

Саранна смотрела прямо на нее.

— Мы ни в чем не нуждались, Гонора. Пока мама не заболела, мы зарабатывали на жизнь.

— Обшивали деревенских...

Саранна сдерживалась изо всех сил. Дело было не в словах Гоноры, а в ее оскорбительном тоне.

— Я помогала чем могла. Но я еще училась. Мама договорила, что с этого года я начну работать помощницей учительницы в Женской академии в Бостоне. Мисс Ситон приняла меня.

Гонора, казалось, задумалась.

— Значит, ты начитанная, Саранна. Но «синие чулки» не интересуют джентльменов. Однако в твоем случае... — Она замолчала, но Саранна хорошо поняла, что она имеет в виду. Едва ли какой-либо джентльмен заинтересуется бедной бесприданницей без наследства.

— А теперь лучше не будем заставлять некоего джентльмена — моего отца — ждать. — От оживленного тона Гоноры Саранна едва не сорвалась. Гонора говорила так, будто в задержке виновата Саранна. — Вниз по лестнице, вторая дверь направо. Поторопись, если не хочешь столкнуться с гостями.

Саранна поторопилась. Не потому, уверяла она себя, что так велела Гонора, а потому что искренне хотела побыстрее увидеться с этим своим незнакомым братом. Она так мало о нем знала (но мать никогда не винила его в размолвке), что не представляла, чего ожидать.

Мгновение помедлив, проверив, как сидит чепец, она постучала в дверь библиотеки. И вошла, услышав в ответ на свой стук низкий мужской голос, похожий на рычание.

Глава вторая

ЧУН. НАЧАЛЬНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Так вот каков Джетро! Хотя Саранна со слов матери знала, что он гораздо старше ее, все-таки она представляла его себе человеком своего поколения. Но мужчина, которого она увидела, седой и полный, показался ей таким же старым, а то

и старше, чем отец, каким она его помнила. Но в тот день, когда капитан Стоувелл в последний раз махал ей рукой с палубы «Морской пены», он был по-юношески оживлен.

— Ну, моя дорогая, благодаря этим лисьим волосам никто не усомнится, что ты из Стоувеллов.

Приветствие было странным, но в нем чувствовалось тепло, которое Саранна не ожидала услышать в этом доме. Она предчувствовала некоторую неловкость при встрече. Они были незнакомцами, которых связывало кровное родство, но не общие семейные воспоминания. Она считала, что Джетро принимает свою сводную сестру только по велению долга.

Он отошел от очага и схватил ее за руки, раньше чем она поняла, что он делает.

— Непривычно, дорогая? Когда идешь по морю, где много рифов, нужна карта, чтобы знать, куда править. Не отрицаю, письмо твоей матери стало для меня неожиданностью. Она сообщила, что ты не знаешь об этом письме. Жаль, что она не написала раньше. Но я понимаю так, что она была гордой женщиной и ничего не просила для себя. Верно?

Саранна кивнула. Использованные им морские термины напомнили ей сердечность отца. Это резкое, но искреннее сочувствие трогало ее глубже, чем банальные соболезнования, которые ей часто приходилось выслушивать после смерти матери. Она глотнула, борясь со слезами.

Джетро принимал прошлое, признавал его требования, но потом отмахнулся от минувших лет как утративших значение.

Теперь он стоял ближе, и девушка заметила, что его поседевшие волосы когда-то были ярко-рыжими, пожалуй, ярче, чем у нее самой. И глаза, которые продолжали добродушно разглядывать ее из-под кустистых бровей, были, как и у нее, зелеными.

— Жаль, — продолжал он, — что у нас так мало времени, чтобы лучше узнать друг друга. Видишь ли, я начинаю торговлю кофе. А значит, мне снова нужно учиться — пройти из юнги в капитаны. Поэтому послезавтра я отплываю на

«Крячке» в Бразилию. И пробуду там долго. Нужно посетить плантации, познакомиться с экспортерами. Может пройти целый год.

Но Гонора позаботится о тебе, а когда я вернусь, у нас будет вдоволь времени. Мать писала, что ты любишь книги и хочешь быть учительницей. Что ж, теперь, дорогая, тебе не придется зарабатывать на жизнь. Но, если хочешь учиться, — твое право. Большинство женщин не хочет. Однако я очень рано понял, Саранна, что люди бывают разные. Пришлось учиться этому на собственном горьком опыте, от самого капитана.

Джетро перевел взгляд на огонь в очаге, разгонявший весенний холод в комнате с высоким потолком. На лице его ничего не отразилось, но Саранне показалось, что он видит не пламя, а какие-то свои воспоминания.

— Жаль, что ты не хочешь пообедать с нами, дорогая. Но Гонора понимает тебя. Трудно сразу встретить много новых людей. Гонора вообще все понимает. Она будет тебе хорошей подругой. Доверься ей, и она облегчит твое положение.

Саранна воздержалась от ответа, который ей хотелось бы дать. Доверять Гоноре — последнее, что она собиралась делать. Гонора уже доказала свою изобретательность, заставив отца поверить, что Саранна сама отказалась от обеда с гостями. И Саранна не сомневалась: Гонора, которую знает Джетро, нисколько не похожа на Гонору, которую встретила она сама. Но она не могла возразить против того, что ее оставляют на попечении дочери этого человека, который нравился ей все больше. Возражать было бы грубо и неучтиво.

Она как раз благодарила брата (он отмахнулся), когда, постучавшись, вошла Гонора.

— Отец, приехал судья Кроуфорд. Он очень хочет поговорить с тобой до приезда остальных гостей. Саранна, голубушка, я знаю, ты не хочешь, чтобы тебя видели. Милли проводит тебя в твою комнату.

Саранну словно подхватил и швырнул прочь холодный морской ветер, такой, какой налетал по пути в Балтимор.

Не понимая, как это произошло, она снова оказалась в своей комнате. Милли зажгла лампу на маленьком столике. Саранна заметила, что служанка осторожно поглядывает на нее. И Саранна, хотя она была незнакома с этой девушкой, решила, что Гонора слишком предубеждена против нее. Милли без приказа занималась различными мелкими делами, а держалась спокойно и с достоинством.

— Мисс, скоро будете ужинать?

Саранна вдруг поняла, что проголодалась. Холодный ланч перед самым прибытием в порт казался теперь очень далеким. А чая не было (они с мамой всегда пили днем чай).

— Да, пожалуйста.

Когда Милли вышла, Саранна расстегнула тугой корсет. Если придется ужинать одной в комнате, можно будет по крайней мере чувствовать себя вольготно. На комодке она заметила высокий медный кувшин рядом с раковиной умывальника. К тому времени как Милли вернулась с подносом, Саранна умылась и переделалась в легкое свободное платье, которое мать подарила ей на день рождения. Оно не было траурным, но в этом платье Саранна чувствовала себя ближе к матери. Ее пальцы коснулись оборок, которые так искусно и терпеливо нашивала мама. Это платье сейчас подходило ей лучше любого черного.

Милли поставила поднос, казавшийся слишком тяжелым для ее тонких рук. Приподнимая крышки, служанка показала суп, пирожки с омаром, жареного голубя, жареную картошку, горячий хлеб и фрукты. Потом налила кофе из серебряного чайничка, предложила сахар и сливки.

— У нас тут кофе, мисс. Хозяин хочет, чтобы мы подавали кофе...

Саранна осторожно попробовала непривычный напиток. Она слышала рассказы о его крепости и горечи, предсказания, что он никогда не заменит обычный чай и сытный шоколад. Но она решила, что с сахаром и сливками совсем неплохо. Если Джетро собирался торговать этим новым продуктом, он имел право подавать его в своем доме всем гостям.

— Какое красивое платье, мисс... — Милли с откровенным восторгом смотрела на свободное платье Саранны.

Вопреки строгому решению не проявлять никаких чувств, губы Саранны дрогнули.

— Моя... мама сшила его... на день рождения... — Она чувствовала, как неуверенно звучит ее голос. Справившись со своими чувствами, девушка более твердо добавила: — Она славилась своими вышивками. Я немного научилась у нее. Но не умею вышивать так же хорошо, как она.

— Такое красивое... — повторила Милли. — Вот бы и мне шить так красиво.

— Можешь научиться, — сказала Саранна. — У меня есть выкройки... и я умею шить. Я тебя научу. — Она не понимала, почему, повинувшись порыву, предложила это. Но сразу поняла, что это еще один способ справиться с настоящим, не печалась о прошлом и не страшась будущего.

Джетро отнесся к ней сердечно, так, как она не смела и надеяться. Но его здесь не будет. И она останется во власти капризов Гоноры, которой несколько не доверяет.

— Не знаю, мисс. Мисс Гонора... она не любит, когда мы делаем что-то без ее приказа. Но она говорит, что я ваша служанка. Может, я и смогу немного поучиться. Тогда она не... — Милли замолчала, и Саранна уверилась, что заметила тень страха на детском личике служанки.

— Что она не?

— Не отошлет меня назад. Иногда она очень сердится, мисс Гонора. Говорит, я ленивая и неуклюжая. И говорит, мол, отправит меня назад, туда...

— Куда это туда?

— В поместье, вверх по реке. Белые называют его Тенсин. Старый капитан Уэйли, он приехал из Китая и построил его. Привез с собой каких-то странных людей, чтобы они все устроили так, как ему хотелось. Потом, когда все было сделано, отправил их обратно. Но там есть призрак, за живыми изгородями. Джаспер его однажды видел, потому что иногда он выходит. Она, — Милли со страхом взглянула на дверь,

и Саранна поняла, что служанка говорит о своей хозяйке, — она не часто туда ездит. Она думала, все это будет ее, но мастер Ричард — он умер раньше старого капитана, и теперь все перешло к маленькой мисс. Миссис Партон, она там живет с маленькой мисс и с работниками, которые обрабатывают поля. Я... я не хочу возвращаться туда!

Саранна знала, что неприлично слушать сплетни слуг. Но ей нужно было знать все о семье, в которой она так неожиданно оказалась.

— Кто такая маленькая мисс? — спросила она, отвлекаясь от рассказа о призраке, который, конечно, был чистой воды суеверием.

— Мисс Дамарис, родная дочка мастера Ричарда от первой жены. Старый капитан говорит, вот настоящая Уэйли, не мисс Гонора, нет. И пишет завещание. Оставил все мисс Дамарис. Мисс Гонора страшно рассердилась. Бедная мисс Дамарис. Она... говорят, у нее не все в порядке с головой. Небось так и есть — откуда ей быть в уме, коли дитя живет в доме с привидением.

Милли вздрогнула. Губы ее раскрылись, как будто она собиралась сказать еще что-то, но потом она повернулась и буквально выбежала из комнаты. Наверное, подумала Саранна, жалеет о своей несдержанности и боится, что ее слова дойдут до Гоноры. Но за едой Саранна продолжала обдумывать услышанное.

Покончив с ужином, она встала из-за стола и подошла к окну. Двойные занавеси были задернуты, ставни закрыты на ночь. Саранна раздвинула занавеси и в щелку выглянула в темноту.

Внизу мимо входа проехал экипаж. Девушка мельком увидела сверху шелковую мужскую шляпу и вечерний кружевной чепец женщины, которой помогали выйти из кареты. Подъехали новые гости.

Карета отъехала и влилась в уличное движение. Сквозь закрытое окно Саранна слышала приглушенный городской шум, видела уличные фонари и огни в окнах соседних до-

мов. Она вспоминала свой короткий разговор с Джетро. Тот все время говорил сам, она почти ничего не успела сказать. И не могла вспомнить, чтобы он хоть раз остановился и дал ей возможность высказаться. Как будто ее слова не имели никакого значения.

Тогда она не обратила на это внимания, заметила только сейчас. Он так легко отдал ее в распоряжение Гоноры! Саранна нахмурилась. Ну, он хотя бы упомянул о планах ее матери — чтобы она стала учительницей — и считал стремление к образованию похвальным. Но... можно ли рассчитывать на его помощь? Предположим, он позволит ей поехать летом к мисс Ситон, даст средства для оплаты обучения. Наверное, он будет только рад избавиться от ответственности. Будет ли у нее возможность случайно предложить это ему до его отъезда? Времени совсем не остается.

Теперь, вспоминая в одиночестве слова брата, обдумывая их, Саранна почувствовала холодок. Джетро казался весьма приветливым и дружелюбным. Но он скоро уплывет, оставит ее с Гонорой. А что Гонора не друг ей, Саранна не сомневалась.

Что делать? В ней всколыхнулась гордость. Остаться здесь на попечении Гоноры — все равно что попасть в тюрьму. Если бы удалось еще раз увидеться с Джетро, заставить его выслушать ее... Саранну охватило нетерпение. Ей хотелось сегодня же увидеться с братом, решить дело. Однако она знала, что у нее нет на это ни единого шанса.

Хотя постель была мягкой, а одеяло теплым, Саранне не спалось. В ее сознании возникали планы, которые она тут же отбрасывала как неосуществимые. Она была в плену у своего возраста и пола — молодой девушке полагалось подчиняться опекуну. А ее опекун — Джетро. Она не может не подчиниться его желаниям. И сознание этого рождало в ней яростный гнев.

Наконец она уснула тревожным сном. Во сне она увидела живую изгородь, неподровненную и неподстриженную, поднимавшуюся гораздо выше ее головы. Листва сросшихся

кустов казалась темной, почти черной. Но в ней не чувствовалось мрачности или угрозы. Напротив, Саранна ощутила волнение, от которого сильнее забилося сердце. Ей хотелось узнать, что там за изгородью. Саранна подняла руки, ухватилась за ветви, чтобы раздвинуть их и увидеть — что? Она не знала, но чувствовала: ее ждет нечто удивительное.

Проснувшись, она увидела солнце за плотно занавешенными окнами. Рядом с кроватью стояла Милли и держала маленький поднос с дымящейся чашкой.

— Мисс, — мягкий голос служанки разогнал остатки сна, — мисс Гонора говорит, чтоб вы поскорее пришли к ней...

— Зачем? — не подумав, спросила Саранна. Естественно, Гонора ничего не стала бы объяснять служанке.

— Мисс Гонора — она чем-то очень довольна, — уклончиво ответила Милли. По ее тону Саранна догадалась, что то, что нравится Гоноре, совсем не обязательно приводит в восторг остальных. Но до этого она и так додумалась.

Особого выбора одежды у Саранны не было. Но вместо черной блузки-шенизетки, в которой приехала, она решила надеть белую с мягкими муслиновыми внутренними рукавами. Платье у нее было такое поношенное, что она нуждалась в чем-то, что внушило бы ей дополнительную уверенность, и этим чем-то предстояло стать блузке. Однако волосы она убрала под черный чепец, который так спешно соорудила, — в надежде, что это уравнивает легкое отступление от требований траура.

Выпив чашку шоколада, принесенную Милли, Саранна торопливо оглядела себя в зеркале. Строгая, аккуратная — очень уместно в ее положении. Девушка с горечью подумала, что ей, бедной родственнице, вероятно, следует сделать соответствующее лицо... Нет! Ее должны принимать такую, какая она на самом деле! Не будет она притворяться кроткой и покорной ради чьего-то удовольствия.

— Саранна, доброе утро! — Гонора по-прежнему была в столь любимом ею полутрауре, но на сей раз ее платье

и юбки были голубовато-сиреневыми, с желто-белыми лентами и кружевами. Она по-хозяйски сидела перед серебряным кофейным сервизом в маленькой столовой, куда препроводили Саранну.

Джетро ел ломоть ветчины с аппетитом человека, который с наслаждением воздаст должное поданным ему яствам.

— Доброе утро. — Прежде чем присоединиться к приветствию дочери, он шумно проглотил кусок. — Что ты будешь, дорогая? Ветчина отличная, ее возят из Тенсина, нашего имения выше по реке. За нее нужно поблагодарить Гонору. Картошка, печенье... — Он смотрел не на Саранну, а на многочисленные блюда. Потом, не дожидаясь согласия Саранны, отрезал ломоть ветчины, набрал картошки, добавил белый хлеб и передал тарелку служанке. Та отнесла ее девушке.

— Время... — Джетро покачал головой. Он достал из жилетного кармана большие часы, открыл крышку и посмотрел на циферблат. — Вечно не хватает времени. Мне скоро пора, впереди длинный-длинный день. Надо все проверить перед отъездом. Моя дорогая, у Гоноры возник прекрасный план, о котором она сообщила мне сегодня утром. Думаю, этот план ты сочтешь весьма подходящим. Она все тебе объяснит...

Он уже встал и направлялся к выходу. Как и накануне, сводный брат не дал Саранне ни малейшей возможности ответить или возразить. Она смотрела, как дверь за ним закрывается, оставляя ее во власти Гоноры.

— Бедный отец. Перед отплытием всегда так. — Гонора покачала головой, и длинные кружевные ленты ее чепца закачались вместе с тщательно уложенными локонами. — Перед отъездом у него столько дел, что на борт он поднимается страшно усталый. Путешествие дает ему возможность отдохнуть. Итак, Саранна... — ее тон стал более резким, — поскольку ты в трауре, — она взглянула на белую блузку, — тебе необходимы тишина и покой. У отца есть определенные общественные обязанности, которые я согласилась исполнять в его отсутствие. Поэтому я думаю, что тебе не стоит оставаться в этом доме. Здесь будут слишком часто веселиться.

А вот в Тенсине все совсем иначе. Там очень спокойно, миссис Партон — отличная экономка, тебе будет очень уютно. Миссис Партон — хорошая женщина, я ей полностью доверяю. Видишь ли... — Гонора замаялась, — не знаю, что ты слышала, но у меня есть одна тяжкая обязанность.

Я была второй женой Ричарда Уэйли. Первая его жена, Лаура, умерла, когда родилась бедная Дамарис. Лаура из Хемптонов, а в этом семействе, к несчастью, есть наследственная болезнь — нервное возбуждение, — затронувшая нескольких женщин. В прошлом одну или двух из них даже пришлось посадить под замок. Понимаешь?..

Саранна догадалась, что речь идет о какой-то душевной болезни. Она кивнула.

Гонора, очевидно, приняла это за приглашение к дальнейшим откровениям.

— Отец Ричарда души не чаял в Дамарис — он не желал признавать, что девочка, хоть и маленькая, уже проявляет признаки душевного нездоровья. После смерти Ричарда через год умер и он. Только тогда мы поняли, как слеп был капитан Уэйли, отказываясь видеть то, что ясно всем нам. Тенсин и большую часть остального состояния он оставил Дамарис. К счастью, он назначил опекуна. Им, разумеется, стал мой отец. А мне поручено присматривать за воспитанием и образованием Дамарис. Но мы сомневаемся, что у бедняжки есть будущее. Разве только очень спокойная жизнь в Тенсине, под присмотром. Нужно постараться, чтобы, когда она подрастет, ее никто не использовал и что она в безопасности от внешнего мира, где она погибла бы.

— Ты собиралась быть учительницей, а у Дамарис сейчас нет гувернантки. Женщина, на которую мы рассчитывали, оказалась суеверной душой и слишком прислушивалась к сплетням рабов. Пришлось спешно избавиться от нее. И поэтому бедная девочка очень тревожит меня. Если бы ты согласилась стать ее компаньонкой, пока мы не найдем человека, который мог бы о ней заботиться...

— У меня нет опыта медсестры. — Саранна воспользовалась первой же паузой в потоке слов Гоноры. Подобно отцу, Гонора прекрасно владела умением говорить, не давая собеседнику возможности ответить.

— Ах, я неудачно выразилась. — Гонора покачала головой, будто придя в ужас от своей ошибки. — Дамарис не больна. Просто нужно отвлекать ее от странных фантазий, которые иногда ею овладевают. У нее чрезвычайно странные убеждения, связанные с заброшенной частью сада; мы стараемся отвлечь ее от них. В сущности, если тебе удастся держать ее подальше от этой части сада и убедить, что людей, которых она себе вообразила, на самом деле не существует, ты добьешься большого успеха. Кто знает, может быть, тебе даже удастся сотворить чудо, на которое мы все надеемся, и ты бесповоротно покончишь с фантазиями Дамарис.

По-моему, причины ее бед в том, что с раннего детства ее воспитанием занимался капитан Уэйли. Он много лет прожил в Китае, представлял там интересы крупной торговой компании. Когда он перестроил Тенсин... — Гонора чуть вздрогнула. — Он привез с собой множество языческих предметов. Даже слуг привез из Китая, хотя отправил их обратно, когда дом был закончен. Ричард всегда говорил, что поместье битком набито тем, что он называл сокровищами...

К несчастью, Дамарис тоже считает эти диковинные предметы драгоценными. Ее очень огорчает, если их передвигают или прячут. Тогда нужно особенно внимательно следить за ней, поскольку девочка подвержена приступам безумного гнева. Но я знаю, что, получив предупреждение, ты будешь очень внимательна.

В сущности, тебе нечего бояться. Миссис Партон сообщает, что после ухода гувернантки Дамарис очень спокойна и послушна, и я знаю, что она с удовольствием будет учиться. Ум у нее острый. Иногда чересчур, особенно когда ей мнится, будто она что-то видела, и она всех в этом уверяет. К счастью, мне удалось устроить для тебя поездку в Тенсин без всяких хлопот. Мистер Фок отправляется вверх по реке

на частном шлюпе, он везет рабочих и материалы для перестройки своего имения, расположенного по соседству с Генсином. И он очень любезно предложил, чтобы ты отправилась с ним. Я отдаю тебе Милли — она не очень приспособилась к городу. Лучше пусть еще некоторое время побудет под командой миссис Партон...

С этими словами Гонора свернула салфетку и вложила в серебряное кольцо рядом со своим прибором.

— Я очень занята сегодня утром, нужно кое-что купить... — На пару мгновений ее взгляд снова задержался на платье Саранны. — Кстати, ты говорила, что умеешь шить. У меня много платьев. Миссис Партон тебе покажет, пользуйся ими. У тебя там будет достаточно времени.

— Но... — Саранна поразились тому, как стремительно и бесповоротно было определено ее будущее. Однако Гонора уже выходила из комнаты. Если она и услышала первое возражение Саранны, то даже не оглянулась.

Как я могу отказаться, мрачно думала девушка, оставшись одна перед тарелкой с остывающей слишком плотной едой. Она зависела от Стоувеллов, и Джетро с Гонорой знали это. Теперь у нее не оставалось выбора. Девушка мрачно отрезала небольшой кусочек ветчины и упрямо принялась жевать, мечтая найти действенный способ общаться с Гонорой.

Глава третья

ЛЮ. ОСТОРОЖНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

Впоследствии Саранне казалось, что густой туман, в котором плыл по реке шлюп Джеррада Фока, должен был предупредить ее о том, на какие темные тропы она вступает. Толстые щупальца тумана опутывали небольшой корабль, точно паутина, лишая возможности бегства. С приходом тумана исчезло и весеннее тепло. День был промозглый и холодный. Влага каплями собиралась на досках палубы и на поручне, у которого, кутаясь в шаль, стояла Саранна. От влаги

вуаль на шляпке отяжелела и липла. Но девушка не хотела спускаться в тесную каюту.

Палуба, за исключением небольшого участка, по которому передвигался экипаж, была завалена горами бревен, ящиками и бочками. Трюм тоже был загружен, и потому шлюп низко сидел в воде. Парусом пользоваться было нельзя, корабль шел на веслах. По три человека с каждого борта орудовали большими веслами, гребцы ходили взад и вперед по палубе, приводя шлюп в движение. Сам мистер Фок стоял у руля.

Милли с опухшими от слез глазами жалась к ящикам. Вся ее фигура выражала горе и страх. Служанка так испугалась, когда Гонора сообщила, что отправляет ее в Тенсин, что Саранне не удалось добиться от нее ничего связного. Теперь Милли как будто смирилась с неизбежной участью и не проявляла никакого интереса к окружающему.

Хотя Саранна с облегчением покинула дом, где вся власть принадлежала Гоноре, ее тревога постоянно росла. И тяжелый туман не развеивал ее предчувствий. Но мистер Фок не проявлял никаких признаков настороженности. Его уверенность и спокойствие заставили девушку протиснуться мимо гор груза поближе к нему.

Чернокожие гребцы пели в такт взмахам весел. Саранна не понимала ни слова, да и мотив звучал странно. Песня (если ее вообще можно было назвать песней) еще пуще встревожила девушку, и ей захотелось зажать уши. Всмотриваясь в густой тяжелый туман, она воображала, что там затаилось нечто злое и следит за ними...

Саранна старалась унять свое воображение. Конечно, там ничего нет! А мистер Фок знает реку, как она знает тропинки Сассекса. В отличие от соседней Виргинии, в Мэриленде с времен самых первых поселений использовали для передвижения реки, которые пронизывали всю местность. В каждом поместье были свои верфи и пристань, свои шлюпы. Соседи навещали друг друга по воде, и лишь с начала столетия

города и поселки начали связывать дорогами. Тем не менее основными транспортными путями, соединяющими имения, оставались реки.

— Это нас задержит, — перекрыл монотонную песню гребцов голос Джеррада Фока. — Если туман не рассеется, мы достигнем Тенсина не раньше восхода луны. Жаль, что ваше знакомство с рекой началось так малообещающе.

— Удивительно, что вы вообще можете продвигаться в таком тумане, — сказала Саранна. — А что, если навстречу идет другой шлюп?..

Он рассмеялся:

— Мы услышим его, а он нас. Пока Джейсон ведет песню, нам не нужно туманное предупреждение. — Мистер Фок кивком указал на могучего гребца у ближайшего весла.

— Не понимаю, о чем они говорят... или поют...

Мистер Фок пожал плечами:

— Вероятно, какое-то суеверное обращение к темным силам. У них свои верования и свой образ мысли.

Саранна посмотрела на жалко съезжившуюся Милли. Даже на таком небольшом расстоянии чернокожую девушку наполовину поглотил туман.

— Милли очень боится. Она не хочет возвращаться. Говорит, что в Тенсине есть призрак...

Мистер Фок перестал улыбаться. Губы его отвердели, а лицо напомнило Саранне, что он командовал кораблями гораздо большими, чем этот шлюп, и что к власти и ответственности ему не привыкать.

— Они суеверны и держатся за своих старых богов. А что еще может дать им надежду? — Это не был вопрос. Джеррад Фок пристально посмотрел на девушку. — Они — рабы в чужой земле; очень многое пугает их и заставляет чувствовать себя незащищенными. Наверно, у них есть право бояться теней и повсюду видеть врагов.

— Вы не верите в рабство... — Саранна перевела взгляд на гребцов. Ей с самого начала казалось, что Фок без вопросов

примет обычаи своей родины. Обычно мужчины поступали именно так.

— У меня нет рабов, — прямо ответил он. — В «Отраде королевы» много кто живет, эти люди тоже. Вы обнаружите, что меня здесь считают неудачником. — На его лице снова появилось упрямое, уверенное выражение. — К счастью, я успешен в моих предприятиях. И так как я вернулся домой с набитыми карманами, меня принимают...

Он опять улыбнулся:

— Золото — могучий защитник ваших взглядов, даже если они непопулярны. И я не первый вызываю пересуды. Капитан Уэйли когда-то тоже отказался владеть рабами. У него были настоящие язычники — китайцы!

— Китайцы? — Саранна вспомнила объяснения мистера Сандерса о том, что может ее ожидать.

— Да. Видите ли, он долго жил в Кантоне, одним из первых принес наш флаг в Ост-Индию. А поселившись там в собственной фактории, установил отличные отношения с одним из членов китайской купеческой гильдии Конга. В течение пятнадцати лет он представлял там интересы нескольких американских компаний. А в Балтимор вернулся с большой свитой. Китайцев.

Они помогли перестроить часть Тенсина и разбить сад. Но через десять лет он всем им купил обратные билеты и с удобствами отправил домой. Но Уэйли всегда считался чудачком. А еще лисы...

— Лисы? — повторила Саранна, сбита с толку таким неожиданным поворотом беседы.

Мистер Фок снова рассмеялся:

— Вот теперь я вас удивил. Тем не менее дело это серьезное и только добавляет странных историй, какие сочиняют про Тенсин. Видите ли, некоторые наши деревенские сквайры по своему заблуждению насаждают то, что считают обычаями английской аристократии. Как их деды отчаянно старались разорвать связи с прежней родиной, так они теперь

подражают заморским развлечениям. Короче, они устраивают охоту, скачки чистокровных лошадей и прочее.

Но не на землях Тенсина. Строгое правило запрещает охотиться там на лис, стрелять их и ловить в западни. Капитан Уэйли настаивал на этом очень решительно и тем нажил немало недругов. Половина местной паствы с ним не разговаривала. Впрочем, ему было все равно.

— Но при чем тут лисы? — Саранна забыла о тумане. Ее внимание было поглощено рассказом Фока.

— Как ни странно, никто не знает. Но так несокрушим был его приказ, что он даже оставил в своем завещании серьезное предупреждение: если в будущем его запрет будет нарушен, наследникам придется заплатить за ошибку. И лисы в Тенсине процветают. Говорят, там водятся необычайно крупные животные, они смело ходят по саду даже среди белого дня. Чернокожие называют их призраками и очень боятся. Уступают им дорогу, как будто лисы их хозяева. Есть и другие обстоятельства, которые отличают Тенсин... — продолжал Джеррад Фок, как будто хотел дать знать Саранне, что ее ждет, и добивался, чтобы она поняла.

— Там есть затерянный сад...

Он внимательно наблюдал за ней, Саранна не понимала почему. Неужели он думал, что она проявит страх или выдаст свое нежелание ехать, как Милли, когда той впервые сказали об отъезде из Балтимора? Неужели он рассказывает ей рожденную собственным воображением историю, желая проверить, не из тех ли она женщин, кого пугает все неизвестное? Если так, его ждало разочарование. Отношение капитана Уэйли к лисам, конечно, можно было назвать странным, но Саранна не видела в нем ничего пугающего. А затерянный сад... если мистер Фок каким-то образом подшучивал над ней, она не собиралась поддаваться на его уловки, тем более расспрашивать.

После недолгого молчания он продолжил:

— Говорят, добрая треть участка, первоначально отведенного под сад, теперь окружена живыми изгородями, которые

никто не подрезает, так что они невероятно разрослись. Все считают, что внутрь прохода нет. А самые невежественные говорят, будто изгороди защищают сокровища капитана.

Саранна улыбнулась. Неужели он считает, что она поверит этим сказкам?

— Сокровища там, конечно, спрятаны? — с легкой насмешкой спросила она.

— О, у капитана были сокровища, — кивнул мистер Фок. — Вы увидите их в Тенсине. Он любил Китай — мало кто из живших в Кантоне мог сравниться с ним в этом. Большинству купцов довольно того, что они наживают состояния. Но он любил красоту, прекрасные вещи — и не за их стоимость в долларах и центах, но за наслаждение, какое они доставляют глазу. За годы, проведенные на тех берегах, Уэйли купил множество великолепных вещей. Возможно, некоторые не вполне законно. Береговые пираты грабят те районы Китая, которые «иностранные дьяволы», как нас ласково там называют, не смеют надеяться даже посетить. Добыча из этих набегов со временем появляется на рынке, где агент благоразумного и осторожного человека может ее купить.

Бывают и мятежи, которые не в силах подавить даже знаменитые принцы, те, что ближе всех к Трону Дракона. А наказание за мятеж в Китае суровое. Страдает не только сам мятежник, но может быть казнена вся его семья. Имущество такой семьи будет разграблено, и его части порой оказываются в самых неожиданных руках.

Внимательно осмотритесь в комнатах Тенсина, мисс Стувелл. Вы увидите не обычные экзотические вещицы, которые привозят из Индии. Нет, это гораздо более ценные вещи. Однако чтобы сокровище было умышленно спрятано в особом месте... нет, в это я не верю. Никто не знает, что скрыто за высокими стенами сада. Входить туда всем строго воспрещено. А черные боятся этого места даже больше, чем лис. Они говорят, что там живет призрак, которого капитан привез с собой, очень могучий языческий призрак.

Саранна снова улыбнулась. Она была уверена, что мистер Фок над ней подтрунивает.

— Итак, сад Синей Бороды. Но, так как я не замужем за Синей Бородой, не думаю, что мне нужно бояться. И, если таковы правила Тенсина, я готова им следовать.

— Не забудьте об этом. — Он сказал это так серьезно, что Саранна немного удивилась. Неужели он ее не разыгрывал? Неужели в поместье ее действительно ждет какая-то опасность? Но, конечно, это было нелепое подозрение.

Густой туман начал расходиться; его разгонял ветер, раскачивавший оснастку шлюпа. Саранне показалось, что очень скоро подняли паруса: те поймали ветер, и шлюп пошел вперед быстрее. Очевидно, пессимистичное представление мистера Фока о скорости их передвижения оказалось неверным.

Но вот стемнело, и они поели холодного мяса из корзинки, предоставленной хозяином шлюпа, а потом судно коснулось носом пристани, где горели два фонаря. На причале их встречала женщина в темном плаще с капюшоном; за ней стояли несколько чернокожих, один из них с тачкой. Мистер Фок помог сойти Саранне, потом перенес Милли, а женщина шагнула вперед и по старинке присела в реверансе.

— Нас предупредили о вашем прибытии, — сказала она тихим невыразительным голосом. — Человек мистера Хенгтона сказал. Меня зовут миссис Партон. — Она снова поклонилась.

В темноте — фонари почти не рассеивали ее — Саранна не видела лица миссис Партон, скрытого в тени капюшона. Однако в ее манере держаться, ее чопорности было что-то пугающее. Впрочем, Саранна решила, что у нее опять разыгралось воображение. Сейчас ее больше занимали собственная усталость и всепоглощающее желание добраться до приготовленной для нее здесь спальни, какова бы та ни была, а затем — до постели.

— Я Саранна Стоувелл, — устало ответила она. — Очень рада познакомиться.

Женщина не ответила; она просто стояла и ждала, всем своим видом выражая нетерпение. Саранна чуть отвернулась от нее; вероятно, эта чопорность тенсинской экономки добавила тепла в ее голос, когда она благодарила мистера Фока за помощь в пути.

Несмотря на усталость, она не сводила глаз с реки, пока шлюп не отошел и не направился дальше на север. Матросский сундучок поставили в тачку, и вот уже Саранна шла вместе с миссис Партон — один из слуг впереди светил фонарем, Милли трусила сзади. Саранна почувствовала, что ее легонько дернули за юбку, и, не оборачиваясь, поняла, — это служанка осмелилась ухватиться за нее, словно только это прикосновение и придавало ей смелости.

Мистер Фок упоминал о восходе луны. Однако в эту ночь луна не показывалась. Туман рассеялся, но небо по-прежнему затягивали низкие тучи. Узкая тропинка вела их между высокими подстриженными изгородями к большому зданию, где множество освещенных окон свидетельствовало, что оно очень велико.

Они прошли примерно треть пути к дому, когда Саранна заметила маленькие зеленые огоньки в изгороди у самой земли. Их было столько, что девушка почувствовала любопытство.

— Что это? — нарушила она молчание, которое миссис Партон хранила с момента их знакомства.

Саранна не была уверена, что экономка видела, как она показала на изгородь. Но неожиданный рывок за юбку выдал волнение Милли. И тут женщина рядом с ней заговорила прежним ровным тоном:

— Это лисы. Вы видите их глаза, в которых отражается свет фонаря.

— Лисы? — Саранна подавила желание добавить «так много?». Но она удивилась не на шутку. Ей казалось, что лисы не бегают стаями, как их страшные родичи волки. И, несмотря на рассказ мистера Фока, не была готова увидеть такое. Как будто животным стало так любопытно, что они

стеклись сюда посмотреть на нее. Конечно, на открытое место они не выходили, но все равно держались очень близко к небольшой группе, идущей к дому. Очевидно, они совсем не боялись людей, считающих себя хозяевами здесь.

— Вы к ним привыкнете, мисс Стоувелл, — продолжала миссис Партон. — Капитан Уэйли защищал их, а теперь их по-прежнему защищает его приказ. Хотя чернокожие их боятся, лисы никогда ни на кого не нападают и не причиняют вреда. А теперь сюда...

Они подошли к дому; миссис Партон скользнула вперед, открыла дверь и пропустила Саранну и Милли. Только войдя, она откинула капюшон и сбросила плащ с тощих плеч.

Хотя юбка в мелкий узор из веточек у нее была широкая, узкие плечи, длинная шея и гладко причесанные и убранные под чепец волосы делали ее как будто бы выше ростом, строже, суровее. Бледное лицо с неестественно полными щеками, очень маленький рот, седые волосы. Нос, разделявший маленькие глазки почти без ресниц, казался не более чем мясистой пуговицей. Саранне показалось, что все лицо миссис Партон слеплено из теста, каким мать давала ей играть в детстве.

— Сюда, пожалуйста, мисс...

Миссис Партон бросила на нее единственный быстрый взгляд. Даже когда она смотрела на Саранну, ее глаза были устремлены куда-то за плечо девушки. Как будто она считала Саранну недостойной ее внимания и старалась высмотреть у нее за спиной какого-то более важного гостя.

Экономка взяла с ближайшего стола лампу. Крепко держа ее, она обернулась к лестнице, лишеной того изящества и той ширины, какие были в городском доме. Чуть погодя Саранна поняла, что они вошли в дом не через главный вход и сейчас находятся в его наиболее скромной части.

Но если эта лестница и была для слуг, то тщательно подметенная. Слабо пахло воском и мастикой. Миссис Партон определенно управляла своим хозяйством хорошо и энергично.

Лестница сменилась коридором, застланным темно-красным ковром со светло-желтым, желтым и темно-синим узором. Единообразие стен, обшитых панелями, нарушали белые двери. Лампа освещала вышивку, развешанную на панелях стен, как картины, — под стеклом, в рамах. На поблекшем желтом шелке изображены были экзотические птицы, цветы и какие-то странные животные. Ни одно из них Саранна не сумела узнать, потому что миссис Партон шла очень быстро.

Наконец экономка остановилась и протянула руку к дверной щеколде. И тут из темноты, куда не проникал свет лампы, кто-то произнес:

— Значит, она приехала...

Голос был ясный и молодой, но не детский. Говорящая быстро, внезапно вышла на свет, как будто боялась, что Саранна исчезнет, прежде чем она к ней подойдет. Но в этой стремительности не было радости от прибытия нового человека; скорее наоборот.

— Мисс Дамарис... — начала миссис Партон.

Девочка передернула плечами, даже не взглянув на экономку: все ее внимание было устремлено к Саранне. Очень худая; руки в кружевных рукавах едва-едва округлившиеся. Тускло-зеленое платье заставляло кожу казаться бледной и желтоватой, как будто девочка только начала оправляться от серьезной болезни.

Для такой маленькой девочки (Саранна решила, что ей не больше двенадцати лет) лицо было очень волевым, без тени той прелести розового бутона, какую считают идеалом молодости. Из-под прямых черных бровей глаза смотрели пронзительно и обескураживающе, как будто Дамарис хотела видеть не только сам предмет, но и то, что у него под поверхностью. Нос у нее был настолько же выдающимся, насколько у миссис Партон — незаметным, рот, почти такой же прямой, как брови, — очень упрямым.

Темные волосы она убрала в сетку, но не очень тщательно, и один или два локона падали на плечи и на худую шею.

Ее трудно было назвать милым послушным ребенком, каким представляют себе детей те, кто их не знает.

Саранна протянула руку:

— Я Саранна...

— Знаю, — фыркнула Дамарис. — Она говорила, что ты приедешь. *Ей* хотелось, чтобы ты была здесь. Но у тебя не получится победить меня. Ты не сможешь, если хочешь угодить *ей*. *Ей* надо, чтобы я была плохой... я знаю... — Слова страстным потоком лились из ее уст. — Она ненавидит меня. Потому что дедушка оставил мне Тенсин. Она желает мне зла. Но не думай, что я позволю ей, тебе или кому угодно сделать так, что я... У тебя не выйдет, никогда не выйдет!

Она повернулась и исчезла, взмахнув юбками и мотнув непричесанными волосами, исчезла в тени. Не сказав ни слова, миссис Партон открыла дверь, с неестественным спокойствием вошла в комнату и поставила лампу на стол.

— Сара принесет вам чай и горячую воду, — сказала она. — Милли придется спать на выдвижной постели¹. — Она бросила уничтожающий взгляд на служанку. Как будто впервые заметила ее. Саранна увидела, как Милли съежилась, словно боялась внимания миссис Партон.

К удивлению Саранны, экономка по-прежнему никак не отзывалась на театральное появление и исчезновение Дамарис. Девушка решила тоже не задерживаться на этом. Она чувствовала, что под внешней упорядоченностью жизни этого дома скрывается множество водоворотов, и нужно нанести их на карту, прежде чем начать говорить или действовать.

Когда дверь за экономкой закрылась, девушка развязала ленты шляпки и положила шляпку и шаль. Милли стояла возле столика с лампой, тревожно озираясь.

— Вы их видели, мисс? Они следили за нами. Эти лисы. Они расскажут о нас призраку. Обо всем, что видят, они рассказывают. — Она вздрогнула. — Призрак — он все знает и может... — Она опять заплакала, подвывая.

¹ Низкая кровать на колесиках, днем задвигалась под кровать хозяйина.

— Что может? — Саранна подошла к девушке, положила руки на ее ссутуленные дрожащие плечи. — Милли, ты здесь в безопасности. Оглядишься. Разве ты видишь лис? Они никогда не приходят в дом, верно?

— До сих пор не приходили, — согласилась служанка.

— Тогда зачем тревожиться о них здесь? — Саранна не знала, как успокоить Милли. Когда она немного отдохнет и перестанет так волноваться из-за поведения Дамарис, надо будет узнать, как успокаивать служанку.

— Наверно... — неохотно согласилась Милли.

Можно ли расспросить Милли о положении дел в доме? Спросить ее о Дамарис? Возможно, позже, но не сейчас. Саранна решила, что сейчас лучший способ справиться с ситуацией — вести себя так, как миссис Партон: будто ничего не случилось. Обсуждать с Милли поведение молодой хозяйки Тенсина — неудачное начало. Замечание Гоноры о легко возбудимой натуре Дамарис и о прискорбном семейном недуге, доставшемся по наследству девочке, стало достаточным предупреждением.

Служанка, почти такая же юная, как Милли, принесла сосуд с горячей водой, а немного погодя — поднос с чаем, печеньем и небольшим фарфоровым блюдцем джема. Милли охотно ушла вместе с Сарой, после того как Саранна велела ей пойти поесть.

Когда служанки ушли, Саранна подошла к окну и выглянула, гадая, увидит ли лис, которые наблюдали за ее приходом. Она понимала, что поведение животных неестественно. Почему капитан Уэйли превратил этих диких животных в своих домашних любимцев? Неужели ему удалось приручить их? Должна непременно быть какая-то причина...

Теперь, отвернувшись от лампы, когда глаза привыкли к темноте, девушка различала очертания местности, хотя облака не разошлись. Но перед домом была лишь небольшая полоска расчищенной земли. А за ней вставала живая изгородь, высокая, разросшаяся, густая. Настоящая стена. Затерянный сад!

Неухоженная зелень в полутьме казалась черной. Выглядела она угрожающе, словно часть какой-то устрашающей крепости. Теперь Саранна могла понять тех, кто считал, что эта стена охраняет нечто злое. Внизу больше не блестят огоньки. Если лисы по-прежнему бродили там, их не было видно.

Саранна опустила занавеску и принялась осматривать спальню. Комната была довольно большая, но меблирована не так роскошно, как та, что недолго служила ей пристанищем в балтиморском доме. Однако на каминной доске стоял предмет, который сразу привлек внимание девушки, едва она увидела его.

Взяв в руки лампу, она поднесла ее поближе, чтобы лучше рассмотреть его.

Резьба по какому-то гладкому коричневатому материалу. Саранна затаила дыхание от удивления и радости. Неведомый художник за полмира отсюда (девушка не сомневалась, что это одно из китайских сокровищ, о которых упоминал мистер Фок) изобразил во всех подробностях миниатюрный пейзаж — горы и равнину перед ними. Художник, воплотивший какое-то свое видение, очень искусно использовал естественные изменения цвета материала, чтобы добиться нужного впечатления.

Саранна ничего не знала об этом искусстве или о вечности подобных творений. Но настоящую красоту она понимала. Ей хотелось подержать эту резьбу в руках. Поставив лампу на стол, она взяла шедевр, погладила кончиками пальцев крошечное изображение согнутых бурями деревьев, скал меньше ее ногтя. Смотреть на это можно было неустанно, всякий раз открывая что-то новое и удивительное.

— Отдай! Ты как *она* — хап, цап!

Саранна не услышала, как открылась дверь. И была совершенно не готова к тому, что чья-то рука вдруг выхватит резьбу у нее из рук.

Дамарис с мрачной гримаской крепко прижала резьбу к груди.

— Это мое! Все мое! Так сказал дедушка. *Она* хочет отобрать их у меня, всегда хотела. Я много раз слышала, как *она* говорила папе, что нехорошо хоронить здесь такие ценности. Но *ей* они никогда не нравились. Они нужны *ей* только потому, что дорого стоят. Так мне сказал дедушка. Он сказал, что я не должна их продавать... только хранить у себя и смотреть... учиться видеть красоту. И ты ничего из них не получишь!

Девочка попятилась к двери, одной рукой по-прежнему прижимая к себе резьбу, а другую вытянув и скрючив пальцы, как кошка предостерегающе выпускает когти.

— Только попробуй взять это... или что-нибудь еще... — прошипела она. — Только попробуй...

Саранна понимала — нельзя позволить, чтобы тем все и кончилось. Если Дамарис сейчас уйдет, девушке никогда не удастся наладить с ней контакт. Она сорвалась с места, обогнала Дамарис, обогнула ее и встала спиной к двери.

— Мне не нужны твои сокровища... — Она старалась говорить как можно убедительнее. — Я только хотела взглянуть поближе, потому что никогда не видела такой красивой вещи.

Дамарис продолжала хмуриться, но руку опустила.

— *Она* послала тебя... *Ей* они нужны...

Саранна решила, что настал момент истины. Того, что она считала истиной.

— Гонора послала меня сюда, — сказала она, — потому что хотела от меня избавиться.

Глава четвертая

ХЭН. НАСТОЙЧИВОСТЬ

Дамарис вопросительно смотрела на девушку, как будто столь пристальный взгляд помог бы ей понять, правду ли та говорит.

— Старая Кочерга... я слышала ее разговор. *Она* послала тебя, чтобы держать меня в узде, вот что говорила Кочерга!

После того как ушла Глупая Рожа — слишком уж она всюду совала нос, — *она* сказала, что придет кого-нибудь держать меня в узде. И прислала тебя.

Саранна покачала головой:

— Меня прислали, потому что Гонора не хотела, чтобы я оставалась в Балтиморе. — И, может быть, оттого, что она сама верила в истинность своих слов, они произвели впечатление на девочку.

— Почему? — строго спросила Дамарис.

— Почему? Наверно, потому, что я в трауре. — Саранна указала на свою просторную черную юбку. — Потому что я там не ко двору...

— Тогда кто ты? Если не та, кто должен держать меня в узде? — спросила Дамарис. — Знаешь, мне никогда ничего не говорят. — Она подбородком указала на дверь за спиной Саранны, словно имела в виду всех обитателей дома. — Мне приходится подслушивать, чтобы что-нибудь узнать. Когда был жив дедушка, Старая Кочерга не смела так себя вести. Он тут же вышвырнул бы ее. Так он мне всегда говорил. «Никогда не терпи пренебрежения, девочка. Сразу вышвыривай того, кто проявляет неуважение к капитану». Я как капитан, но они этого не признают... слушают *ее*...

Саранна увидела, что губы девочки задрожали.

— Как бы мне хотелось, чтобы здесь был дедушка, — закончила Дамарис. И снова нахмурилась.

— От Глупой Рожи я избавилась. И от тебя избавлюсь, если попробуешь шпионить за мной. — Снова ее тон стал резким. — Если тебя прислала *она*, тебе здесь не место.

— Да, не место, — сразу согласилась Саранна. — Но сейчас мне некуда деться. Так что тебе придется терпеть меня, пока я не найду место. Я не гувернантка, нанятая Гонорой. Я сводная сестра Джетро Стоувелла из Массачусетса.

— Но... — медленно начала Дамарис. — Мистер Стоувелл старый, очень старый. Как ты можешь быть его сестрой, ты ведь молодая? — Она явно насторожилась и не верила.

— Потому что его отец — наш отец — был женат дважды. Я родилась, когда Джетро уже давно вырос.

— Ты немного... совсем немного... похожа на Джетро, — признала Дамарис. — Ты похожа... на лису! — Она впервые улыбнулась. — Вот как я буду называть тебя — Квей-Фу-Лу-Ли... — Она легко произносила непривычные созвучия. — Ты ведь не знала, что я могу говорить по-китайски? На настоящем китайском. — Дамарис чуть наклонила голову набок. — Могу. Научилась. Квей-Фу-Лу-Ли означает «женщина-лиса». Что ты об этом думаешь?

Мрачная мина исчезла, все поведение девочки изменилось. В ней не чувствовалось вызова.

— Я думаю, ты очень умная девочка, Дамарис, — ответила Саранна. — Как я слышала, китайский — очень трудный язык.

— Да. Дедушка говорил, что большинство купцов говорит на ломаном английском. — В голосе Дамарис звучало презрение. — Но дедушка говорил, что этот «пиджин» оскорблял его умственные способности. Он нанял ученого, который учил его настоящему китайскому, а потом дедушка научил меня... немного, — честно поправились она.

Она немного помешкала, потом протянула Саранне резьбу.

— Наверно, ты все-таки не хватала ее. Если хочешь смотреть, смотри. Знаешь, что это такое?

Саранна покачала головой, принимая резную вещицу.

— Это подставка под кисточку для письма. Китайцы пишут не перьями, как мы, они пользуются кисточками. Подставку дал дедушке ученый, который учил его языку в Кантоне. Это коричневый нефрит, а у вещи даже есть название — «Горы мирного размышления». Это значит, что на них можно смотреть и чувствовать покой, но нужно задуматься, что это значит.

— «Горы мирного размышления», — повторила Саранна, проводя пальцами по самым высоким резным горам. —

Спасибо, Дамарис, что рассказала. Как будто смотришь в маленький мир, верно?

Девочка кивнула:

— Дедушка каждый день доставал что-нибудь из сокровищ. Ставил на стол и просто смотрел. Он говорил мне, что это способ учиться. И я тоже так делаю... иногда... если меня не заставляют делать что-то другое... — Она снова помрачнела.

— Глупая Рожа хотела все закрыть на замок, говорила, я что-нибудь поломаю. Поломаю! Дедушка научил меня быть очень осторожной. А она говорила, что ребенку нельзя давать такие вещи... и что это языческие предметы, они дурно влияют на юное сознание. — Очевидно, Дамарис повторяла чужие слова. — И все шпионила за мной... пока...

Дамарис замолкла на полуслове, лицо ее утратило всякое выражение.

Саранне очень хотелось спросить: «Пока что?» Но интуиция подсказала ей, что не стоит. Если Дамарис не расспрашивать, она сама расскажет об этом удивительном доме гораздо больше.

— Но Старая Кочерга сказала, что ты приедешь, чтобы держать меня в узде...

Теперь интонация свидетельствовала, что это скорее вопрос, чем утверждение.

— А кто эта Старая Кочерга? — спросила Саранна, полагая, что такой вопрос она может задать.

Дамарис рассмеялась:

— Миссис Партон. Разве ты не видишь? Дедушка говорил, что она всегда ходит так, словно вместо хребта у нее железная кочерга. — Лицо девочки слегка затуманилось. — Пока дедушка был жив, она помалкивала. В Тенсине только дедушка отдавал приказы! Ее муж — он надсмотрщик, Коллис Партон. Он может распоряжаться на полях. Но здесь, в доме, Старая Кочерга всем говорит, что делать. И еще этот Руф...

На мгновение спокойствие оставило Дамарис.

— Руф... сын Старой Кочерги. Его раньше не было, он учился в школе. Старая Кочерга считает, что он — Бог на земле...

— Что! — Саранна начисто утратила с таким трудом достигнутое спокойствие.

Дамарис кивнула:

— Так говорил дедушка, когда Руф был маленьким. А теперь, когда он вырос, стало еще хуже. И он возвращается. Я не хочу, чтобы он был здесь. Он *ву лай!* Ей он по душе, потому что делает вид, будто всегда ее слушается. И делает то, что *она* хочет. Я его ненавижу!

— Мисс Дамарис! — От стука в дверь Саранна вздрогнула. Но Дамарис только прищурилась и упрямо стиснула зубы, оглянувшись через плечо на дверь.

— Мисс Дамарис, я знаю, что вы там. Вам давно пора спать...

Саранна открыла дверь и увидела миссис Партон. Несмотря на полное лицо, неподвижной фигурой женщина действительно напоминала несгибаемую кочергу.

— Мисс Стоувелл, в это время мисс Дамарис уже должна спать. — Маленький рот открывался и закрывался, выплевывая слова. Но взгляд экономки устремился за спину девушке, отыскивая Дамарис.

— Конечно, миссис Партон. Мы пойдем... — В этот миг Саранна не собиралась отдавать Дамарис в руки этой женщины. Если девочка сорвется, это может подкрепить разговоры о ее слабых нервах. С другой стороны, Саранне казалось, что Дамарис хотя бы отчасти приняла ее, и ей не хотелось разорвать эту непрочную связь.

— Ты позволишь мне пойти с тобой, Дамарис? — спросила она.

Мгновение казалось, что девочка возразит, но вот она схватила Саранну за руку и сжала ее так крепко, словно хотела увериться, что та сдержит слово. Если миссис Партон и хотела возразить, то, взглянув на них, промолчала.

Повернувшись, она пошла по коридору, держа в руке лампу, и остановилась возле двери ближе к ведущей наверх задней лестнице, по которой пришла Саранна. Она стояла у открытой двери, как часовой на посту. Дамарис, держа Саранну за руку, вошла.

— Немедленно ложитесь, мисс Дамарис, — ровным тоном велела миссис Партон.

— Я присмотрю за ней, миссис Партон, — ответила Саранна, считая, что нужно поскорее дать понять: теперь за Дамарис отвечает она. Какое впечатление это произведет на эту женщину и на прочих обитателей дома, она не знала. Но для Дамарис так, наверное, было лучше.

Саранна закрыла дверь перед носом у экономки. На умывальнике горела единственная свеча. Всмотриваясь в полумрак комнаты, Саранна не увидела больше ни одной лампы.

— Зачем ты пришла? — Дамарис, расстегивая платье, продолжала смотреть на девушку.

— Меня попросили заботиться о тебе...

— Она попросила! И ты пообещала ей шпионить... — В голосе снова звучало негодование.

— Вовсе нет! — Саранна повысила голос и вложила в свои слова уверенность. — Меня не просили приехать. Мне приказали. Понятно?

Дамарис задумалась:

— Ты не будешь рассказывать *ей* обо мне?..

— Зачем мне это? — спросила Саранна.

Дамарис снова внимательно посмотрела на нее.

— Не знаю. Подожду и посмотрю. По крайней мере, ты не похожа на Глупую Рожу...

Вероятно, Саранне следовало сказать, что молодой леди не подобает использовать такие прозвища. Но ей не хотелось выступать в роли гувернантки. Она теперь понимала, что с Дамарис лучше действовать убеждением, а не приказом. И она была не настолько старше Дамарис, чтобы не помнить, каково ей самой было, когда ее учили вести себя как леди.

К счастью, учила ее Кетура Стоувелл с ее мудростью и терпимостью.

— Я рада, что я Квей-Фу-Лу-Ли, — она постаралась запомнить, как ее назвала Дамарис, — а не Глупая Рожа или Старая Кочерга...

Дамарис рассмеялась:

— Ты неправильно произносишь. Но... я научу тебя, если хочешь.

Саранна тоже засмеялась:

— Очень хорошо. Ты будешь учить меня китайскому, а я тебя — чему смогу. Договорились, Дамарис?

Но девочка оставалась настороженной.

— Может быть.

Уложив Дамарис в постель, Саранна по темному коридору ощупью добралась до своей комнаты. Она жалела, что не захватила с собой свечу. В этой темноте было что-то такое, что девушка дважды останавливалась и прислушивалась. Этот слабый шепот — что это, шорох ее юбок, касающихся стен? Приходилось верить. Но сердце билось учащенно, и она вбежала в свою комнату так, будто за ней кто-то гнался.

В комнате была Милли с новым медным кувшином горячей воды. Служанка выкатила свою постель из-под большой кровати с четырьмя столбиками и застелила ее. На кровати лежали ночная рубашка и чепец Саранны. Увидев это, Саранна вдруг почувствовала всю накопившуюся за день усталость и охотно подготовилась ко сну и легла. А Милли зажгла небольшую свечу, затененную экраном, как будто такое средство против полной тьмы было обычным в Тенсине.

Во второй раз Саранне приснилась стена из живой изгороди. Но теперь ей показалось, что она узнает эту стену. Она видела ее из своего окна. Стена отгораживала часть тенсинского сада. Теперь у корней этих угрюмых темных кустов виднелись сверкающие пары глаз. Не такие маленькие, как те, что отражали свет фонаря, когда она впервые ступила на земли Тенсина, а большие, блестящие, устремленные на нее,

приковывавшие взгляд. Вот чего девушка больше всего боялась — стать пленницей этих глаз.

Она хотела бежать, но ноги не слушались, они двигались как будто сами по себе, унося ее все ближе к изгороди, к ожидающим глазам. Послышался повелительный голос, он отдал приказ, который она не могла не исполнить. Голос произнес странное слово, которое Саранна слышала от Дамарис: «Квей-Фу-Лу-Ли». А потом добавил: «Мей... мей... мей...»

Саранна проснулась. Тьму пронизывали снопы серого света из двух окон. Ночная свеча догорела. Девушка слышала тяжелое дыхание Милли на выдвижной постели. Но слышала и далекое: «Мей... мей... мей...»

Она медленно повторила про себя это незнакомое слово, пытаясь воспроизвести чуждую интонацию. Конечно, это был всего лишь сон, но ей хотелось узнать, есть ли у странного слова, которое она из него вынесла, какое-то значение.

Саранна села в кровати. Из теней выглядывала мебель; угловатые предметы в предрассветной полутьме казались незнакомыми, чужими. Не угрожающими, просто чужими. Как будто ночью кровать, туалетный столик, гардероб и все остальное исполняли какие-то иные роли.

Саранна тряхнула головой. Воображение, фантазии... дикие фантазии... Возможно, именно такие фантазии Дамарис позволяют Гоноре называть девочку нервной и излишне возбудимой.

Конечно, вчера вечером девочка определенно была возбуждена. Но в ее словах не было ничего истеричного или фантастического. Ясно, что она ненавидит Гонору. Ясно также, что она очень любила дедушку. Вероятно, капитан Уэйли недолюбливал свою невестку и передал это отношение впечатлительному ребенку. И хотя Саранна старалась оставаться справедливой и не принимать ничью сторону, приходилось признать, что ее симпатии отданы не Гоноре. Собственный опыт общения с дочерью Джетро не позволял ей думать о более доверительных и теплых отношениях.

Свет упал на небольшой столик рядом с лампой, и Саранна снова увидела Горы мирного размышления. Она выбра-

лась из широкой постели, на цыпочках прошла мимо Милли и остановилась, дрожа в ночной рубашке, разглядывая резьбу.

Коричневый нефрит... подставка для кисточки. Она всегда считала, что нефрит зеленый. А письмо кисточками вместо перьев — да, об этом она слышала. Как странно. Но эта вещь — настоящее сокровище. Нужно спросить Дамарис...

Не желая зажигать лампу, Саранна отнесла резную подставку к окну, чтобы рассмотреть внимательнее, но у окна остановилась и стала смотреть на изгородь. Именно ее она видела во сне! Ей казалось, что и сейчас она видит меж ветвей ярко сверкающие глаза. Хотя на самом деле их не было.

Однако какое-то неувловимое движение она заметила. Саранна наклонилась к стеклу, прижалась к нему лбом в стремлении лучше видеть. Действительно движение. Вдоль густой заросли двигалась небольшая фигура в плаще с капюшоном. Ребенок прислуги — в такую рань? Зачем? А Милли говорила, что слуги боятся этой части сада и стараются держаться подальше. Ни один черный ребенок сюда не подойдет.

Значит, Дамарис! Но зачем? Почему?.. И...

Саранна заморгала.

Фигура исчезла! Но она ее видела! Она сейчас не спит. Дамарис (если это Дамарис) — куда она пошла? Девочка исчезла быстро, как огонек свечи, который кто-то задул.

Саранна отвернулась от окна и искала свою одежду. Из-за спешки пуговицы отказывались застегиваться, шнурки запутывались. Но наконец она сумела одеться. Хотя причесываться не стала, только спрятала волосы под сетку.

Схватив шаль, она выбежала из комнаты. В коридоре было темно, но снизу пробивался не только свет, но и слабые звуки. Хотя было еще очень рано, кто-то уже встал и занимался своими делами. Саранне вовсе не хотелось, чтобы ее увидели и начали расспрашивать. Она ничего не знала о том, чем занята Дамарис, и рассказ об этом мог уничтожить едва возникшие дружеские отношения с девочкой. Сама того

не желая, Саранна незаметно пересекла нейтральную полосу и приняла сторону Дамарис. По крайней мере до тех пор, пока не убедится, что девочку вовлекли в какое-то безумие.

Из помещения, которое Саранна сочла кухней, доносились звуки, она туда не пошла и выскользнула за дверь — через нее она накануне вошла в дом. Щеколда легко отодвинулась, дверь открылась, и Саранна оказалась на улице, хотя изгородь с этой стороны была не видна.

Чтобы увидеть ее, требовалось обогнуть угол дома. Роса вымочила край ее юбки, промокли и чулки над домашними туфлями. Саранна подобрала юбку и побежала, отыскивая место, где исчезла Дамарис.

Но, добравшись до изгороди, обнаружила, что найти нужное место не так-то просто. С поверхности земли растительность казалась совсем другой, чем из окна второго этажа. Оглядываясь на дом, Саранна не могла даже с уверенностью сказать, какое именно из окон — окно ее комнаты.

Поэтому ей пришлось идти медленно, разглядывая изгородь и землю. Теперь света хватало, чтобы заметить следы — небольшие углубления на увлажненной росой земле и траве. Подбодренная этим, девушка пошла по ним дальше, разглядывая их внимательно, как лесной охотник.

След неожиданно оборвался, и Саранна не нашла никаких указаний на то, что та, кого она выслеживала, пошла дальше. Однако она была уверена, что в дом девочка не вернулась. Куда же делась Дамарис?

Оставалась только сама изгородь!

Поняв это, Саранна принялась еще внимательнее изучать ее. Она выпустила шаль — пусть болтается — и начала исследовать заросли не только глазами, но и ощупью. Часть растительности подалась. Саранна увидела щель, появившуюся в казалось бы непроходимой стене. Узкая и низкая — проход для ребенка. Сможет ли она в своих широких юбках протиснуться в нее? Саранна намеревалась попробовать.

Ветки царапали ее, сетка на волосах застряла в них, а когда девушка попробовала высвободиться, слетела и длинные

локоны упали Саранне на плечи. Но она чудом протиснулась к свободному пространству за изгородью.

Выпрямившись во весь рост, Саранна убрала волосы с глаз, чтобы осмотреться. На первый взгляд казалось, что она попала на заросший участок, совершенно не похожий на подстриженные и ухоженные газоны вокруг дома. Но тут она увидела, что стоит не на тропинке из гравия, а скорее на изгибающейся пешеходной дорожке, выложенной каменными плитами. Дорожка, петляя, через несколько футов исчезала в растительности.

Саранне хотелось окликнуть Дамарис, но здесь царила такая тишина, что страшно было нарушить ее. Чем дальше девушка смотрела на окружающее, тем более странным казался ей мир за изгородью. Как будто она вышла в какую-то дверь и оказалась в совершенно незнакомой стране.

Девушка нерешительно двинулась по дорожке, обогнула рощицу невысоких ив, отгораживавших остальную часть участка от стены, и снова остановилась, затаив дыхание. Перед ней были круглые ворота со скалами по обеим сторонам, а за ними...

Саранна будто вновь смотрела на Горы мирного размышления: здесь тоже были неровные скалы, такие же, какие изобразил на миниатюре художник. Их частично отражала вода в бассейне, куда впадал ручеек, протекавший под узким горбатым мостиком. Мостик вел к террасе из красного камня, на которой стояло очень маленькое строение. В стене, обращенной к изгороди, было окно в форме цветка с четырьмя лепестками — окно, закрытое решеткой из причудливо переплетенных ветвей, а на ветвях сидела птица, и все это из камня, но очень тонкой работы, словно вышивка.

Крыша здания круто спускалась от центрального гребня, но концы ее по четырем углам были загнуты кверху. Повеял утренний ветерок, и Саранна услышала перезвон колокольчиков, словно их раскачивал сам ветер.

В тот миг, когда Саранна готова была шагнуть вперед, поддавшись очарованию этого здания, у стены с окном-цвет-

ком появилась Дамарис. Увидев Саранну, она остановилась, и невозможно было не увидеть на ее лице отчаяния, которое быстро сменилось страхом.

— Нет! — Она протянула руку тем же жестом, что и накануне, когда сочла Саранну угрозой резьбе из коричневого нефрита. — Нет!

Она перебежала через мостик и направилась прямо к девушке.

— Ты шпионила! — закричала она. — Я скажу принцессе! Ты пожалеешь...

Раскрасневшись, она набросилась на Саранну с кулаками.

Саранна едва не потеряла равновесие. Ей пришлось перехватить эти кулачки, но Дамарис в слепой ярости пнула ее.

— Дамарис! — Саранне показалось, что у девочки истерический припадок. И тут уже испугалась она. Она впервые видела такой гнев и не представляла себе, как справиться с разъяренной девочкой. Возможно, промелькнуло у нее в голове, Гонора была не так уж неправа в оценке своей падчерицы.

— Дамарис!

Девочка, всхлипывая, вырывалась и смотрела дико, а на лице у нее появилось выражение, какое бывает у загнанного в ловушку животного. Саранна сильно встряхнула ее.

— Дамарис, послушай! — Она пыталась воззвать к рассудку Дамарис, усмирить бурю чувств, которую вызвала, зайдя в запретный сад. — Я не хочу тебе зла. Мне просто стало интересно, когда я увидела, как ты сюда заходишь, понятно? Просто интересно. Ты бы тоже заинтересовалась, если бы я неожиданно исчезла. Если хочешь, я никому не скажу, что видела тебя здесь...

Дамарис смотрела на Саранну. На ее лице постепенно появлялось разумное выражение.

— Я не хочу тебе зла, я не шпионила, — повторила Саранна. — Это удивительное, прекрасное место. Если это твоя тайна, я тебе завидую. И я никому не скажу о нем, никому. Обещаю...

Дамарис в руках Саранны затихла. Вся ярость, с которой девочка напала на нее, исчезла.

— Нельзя рассказывать, — неожиданно ответила она обычным спокойным голосом. — Если расскажешь, принцесса узнает, и тогда ты пожалеешь. И не спрашивай меня, кто такая принцесса, потому что я никогда-никогда тебе не скажу!

— Хорошо, — быстро согласилась Саранна. — Я не буду тебя расспрашивать.

— И сейчас уйдешь и пообещаешь никогда не возвращаться? — спросила Дамарис. — Не понимаю, почему тебя впустили. Раньше никогда не впускали. Никого, кроме меня... и бабушки... За проходом следят...

Взгляд ее метнулся из стороны в сторону. Саранна сама посмотрела направо и налево, не представляя, что увидит. И вздрогнула, заметив движение среди ветвей. Но увидеть, кто там скрывается, не сумела.

— Они ждут... — Голос Дамарис звучал торжественно. — Тебе лучше уйти. Говорю же: уходи немедленно.

— А ты, Дамарис?

— Я тоже уйду — в этот раз. Может, так будет лучше. Если увидят меня, пропустят и тебя. Но не пытайся вернуться.

Она потянула Саранну за руку и повела по каменной дорожке к скрытому выходу. У Саранны не было предлогов задерживаться. Пробираясь сквозь заросли, она нашла и отцепила свою сетку для волос и, задержавшись ненадолго, убрала под нее волосы.

— Эй, мисси, что вы тут делаете?

Удивленная, Саранна посмотрела направо. Но человек говорил с Дамарис. Девочка снова помрачнела.

— А, это ты, Руф!

— Да, это я, мисси. А вы где были? Разве вам можно ходить одной? Помните, что сказала мисс Гонора?

Саранна подошла и обняла Дамарис за плечи.

— Дамарис не одна. — Она смерила незнакомца взглядом. — Она показывала мне сад.

Глава пятая

КО. ПЕРЕМЕНА

Окинув Руфа внимательным взглядом, Саранна решила, что он ненамного старше ее, пожалуй, года на два-три. Одежда с претензией на щегольство, но сидит на его плотной фигурке плохо. А круглое лицо с жирными губами и маленькими глазками, по ее мнению, никак нельзя было назвать приятным. Руф ухмылялся и глазел на нее достаточно нагло, чтобы Саранна почувствовала себя неловко, хотя она верила, что ничем этого не выдала.

— Ну, какая злючка! — Молодой человек говорил с гнусной фамильярностью — с такой откровенной грубостью Саранна никогда в жизни не сталкивалась. Как будто... как будто она была служанкой из какой-нибудь придорожной таверны.

Если у миссис Партон позвоночник заменяла кочерга, у Саранны в спине мгновенно появился стальной стержень. Она взглянула на незнакомца с уничтожающим высокомерием.

— Ну! Настоящая рыжая злючка, — продолжал этот невозможный молодой человек. — Мне такие нравятся, с огоньком-то занятнее...

Он что, спятил? Саранна поверить не могла, что действительно слышит такие вольные речи. За всю ее жизнь никто в разговоре с ней не смел так нарушать приличия. Она вспомнила мистера Фока. Он разговаривал дружески, но всегда как джентльмен. А этот... это существо явно не джентльмен!

Она не станет ему отвечать. Заговорить означало бы поставить себя на одну доску с ним. Саранна схватила Дамарис за руку.

— Идем...

На мгновение ей показалось, что этот белобрысый мужлан встанет у них на пути, физически не позволит им уйти, и сердце у нее забилось чаще. Но он только рассмеялся и неуклюже поклонился.

— До скорого, злючка. Мисс Гонора ждет в доме. Лучше идите туда поскорее, леди не любит ждать...

Гонора — здесь? Саранна почувствовала, что Дамарис пытается выдернуть руку, как будто девочке захотелось убежать обратно, в запретный сад. Но Саранна посмотрела на нее.

— Мы должны идти, — сказала она.

Дамарис кивнула:

— Лучше пусть не бродит здесь. Тут ему не рады. — Она через плечо оглянулась на Руфа. — А то узнает такое, о чем и понятия не имел.

Она говорила едва слышным шепотом, явно рассчитывая, что ее угрозу услышит только Саранна. А Саранна приняла твердое решение потребовать от Гоноры, чтобы сын экономки не смел оскорблять их с Дамарис.

Торопливо возвращаясь с Дамарис в дом, она вновь мысленно сравнила его с мистером Фоком и даже с обычными моряками, которые в не слишком отдаленном прошлом плавали с ее отцом. Этот круг состоял из грубых необразованных мужчин, но никто ни разу не обратился к ней с такой фамильярностью, будто они ровня и он намерен дать ей это понять.

Руфу как будто бы следовало быть в школе (хотя выглядел он чересчур взрослым для школьника). В какой школе? И как он смеет обращаться к ней таким тоном и такими словами?

Дамарис словно прочла ее мысли, потому что неожиданно сказала:

— Знаешь, жаловаться на Руфа бесполезно. Он нравится ей. С ней он так никогда не разговаривает. Зато всегда делает то, что она велит. Когда ей говорят то, что ей не нравится, она не верит...

Гнев Саранны еще не остыл, и потому она ответила:

— Меня ей придется выслушать!

— Лучше не надо. Если она на тебя рассердится, — Дамарис говорила очень серьезно, — она может причинить тебе множество неприятностей. Я всегда просто слушаю. А по-

том придумываю, как сделать то, что хочу, вопреки *ее* словам. Капитан говорил мне: «Пусть шторм ревет, пережди его и следуй своим курсом».

Теперь, оказавшись в коридоре и уйдя от наглого взгляда этого... этого существа, Саранна выпустила руку Дамарис. Она попыталась привести в порядок волосы, получше упрятать их под сетку. Но мудрое замечание, которое только что сделала Дамарис, заставило ее остановиться. Девочку учили водить мачеху за нос — еще одно указание на то, как относились здесь к Гоноре, пока был жив хозяин дома.

Вот только ненависть, которую он вызывал, пережила и капитана, и его завещание и могла причинить его любимой внучке куда больше горя. Почему он этого не предвидел? Саранна теперь понимала, что Гонора из тех, кто добивается своего, или не обращая внимания на препятствия, или безжалостно уничтожая их. И если Дамарис — препятствие на пути к истинным целям ее мачехи... Саранна убрала последний беглый локон, но занимала ее не собственная внешность, а обстановка в доме.

Разговоры Гоноры о нездоровой наследственности, ее намеки на неуравновешенность Дамарис... Неужели за всем этим крылась какая-то ужасная цель, а не просто реакция на отдельный взрыв темперамента, вроде того, с каким столкнулась Саранна в своей комнате? Если так, нужно предупредить девочку...

— Доброе утро, Саранна, Дамарис. Что вы делаете? Бродите по саду?

В голосе смешались изумление и отвращение. Саранна снова увидела спускавшуюся по лестнице хозяйку дома (Гонора с необыкновенной легкостью вошла в роль, которую по молодости не могла играть Дамарис).

На этот раз на Гоноре не было сиреневых шелков и лент, их сменил костюм для верховой езды; спускаясь, она одной рукой придерживала длинную юбку своей амазонки. Светлые кудри изящно выглядывали из-под соломенной шляпки: поля с обеих сторон приподняты, перо спускается почти

на плечи. Амазонку из сиреневого кашемира (похоже, даже в таких костюмах Гонора сохраняла намек на траур) украшала вышивка из черных ветвей, цветов и арабесок; в разрезах рукавов виднелись черные кружева, из того же материала была и манишка.

— Вам лучше вымыться — и тщательно. — Тут в ее голосе возобладало недовольство. — Завтрак уже на столе. Не забывайте: у миссис Партон много обязанностей, и ее нельзя надолго задерживать...

Она не стала дожидаться ответа, обойдясь с обеими как с непослушными детьми. Саранна, сердясь на себя, обнаружила, что послушно поднимается по лестнице, чтобы поскорее исправить многочисленные изъязны своего утреннего туалета. Когда она снова вышла из своей комнаты, наверху лестницы ее ждала Дамарис.

— Не скажешь?

Саранна покачала головой.

— Я ведь обещала, — ответила она.

Гонора сидела за кофе с той же привычной непринужденностью, с какой держалась в балтиморском доме. Перед ней стояла миссис Партон, отвечая на вопросы относительно съестных припасов.

— Я, конечно, буду получать припасы из города, — говорила Гонора. — В конце концов, нельзя кормить гостей только деревенской пищей. Когда мистер Фок окончательно переселится в «Отраду королевы», здесь можно будет ожидать более избранного общества. Я обещала поехать с ним сегодня туда и подсказать, что нужно сделать, чтобы увеличить большую гостиную. А, вот и вы, Саранна и Дамарис.

Когда они садились на свои места, она кивнула, умудрившись дать понять, что обе они дурно воспитаны и ей придется терпеливо сносить это бремя.

— Кто сюда приедет? — спросила Дамарис.

Гонора улыбнулась:

— Друзья, моя дорогая. К нам придут леди и джентльмены из Балтимора. Постарайся произвести на них хорошее

впечатление. Впрочем, ты нечасто будешь их видеть. Маленькие девочки не допускаются в общество взрослых...

— Я их не приглашала! — Дамарис покраснела.

Гонора умолкла, чтобы наполнить свою чашку из серебряного кофейника, но улыбаться не перестала.

— Конечно, нет, Дамарис. Ты еще недостаточно взрослая, чтобы приглашать в Тенсин...

— И это не твой дом! — заключила Дамарис, как будто хотела заглушить слова Гоноры.

— Маленьких девочек, которые грубят, наказывают. — Гонора подчеркнула слово «маленьких». — Боюсь, твои нервы не в лучшем состоянии, дорогая. Придется пригласить доктора Мида, пусть осмотрит тебя...

Саранна услышала, как Дамарис шумно сглотнула. Сверкающие глаза девочки были устремлены на Гонору, но та не смотрела на падчерицу и продолжала заниматься чашкой, кофейником и изящным переливанием жидкости из одного сосуда в другой, как будто это было самое важное дело на свете.

Опасность! Саранна ощутила напряжение в этой залитой утренним солнцем комнате, где должны были бы царить мир и спокойствие, так явственно, словно кто-то предупреждал. Дамарис следовало помнить собственный совет: не давать Гоноре ни малейшей возможности доказать, что она возбуждена и неуравновешенна.

— Теперь о тебе, Саранна. — Заставив замолчать падчерицу, Гонора повернулась к девушке: — Естественно, поскольку ты в глубоком трауре, веселье не для тебя. Мы все понимаем это, и пока у нас гости, Милли будет приносить тебе еду в комнату. Но тебя ждет приятный сюрприз. Здесь Руфус Партон. Он с радостью покатает тебя на лодке по реке, если захочешь, или сопроводит на прогулку верхом...

Саранна с трудом удержалась, чтобы не вспылить. Руфус Партон с ней в лодке?.. Верхом?.. Этот мужлан?.. Этот грубиян, деревенщина! Но рядом с Гонорой неподвижно стоит миссис Партон, и Саранна обнаружила, что не может возражать.

На лице миссис Партон появилось странное выражение, нечто вроде насмешливого самодовольства. Саранна не поручилась бы, но ей показалось, что экономке приятно.

Девушка сумела сдержать свое возмущение. Совет, который дал своей внучке капитан Уэйли, она могла применить и к своим обстоятельствам.

— Итак, наметим прием на двадцатое, миссис Партон. — Гонора уже забыла про Саранну. — К тому времени расцветет глициния. А Партон должен как следует вычистить зимний сад для танцев. Продукты привезут из Балтимора пятнадцатого. Проследите, чтобы все держали на льду. Нам понадобится вся клубника из оранжереи... и все прочие фрукты, какие вырастут...

— Да, мэм.

Итак, гости придут не все сразу. У Саранны оставалось время убедить Дамарис держаться спокойно. Девушка неловко поерзала на стуле. Ее положение очень напоминало положение капитана, который видит на горизонте шторм, но не может изменить курс.

— Ах, Саранна, — вновь обратилась к ней Гонора, — отец жалел, что ты не попрощалась с ним, но он понимает, что тебе в твоём горе необходимы тишина и уединение. Он уехал надолго... — Гонора по-прежнему не отрывала взгляда от хрупкой кофейной чашки, которую поворачивала в белых руках, рассматривая рисунок на ней, словно это важный документ и она должна его прочесть. — На полгода, возможно, на целый год. К его возвращению у тебя могут возникнуть совсем другие планы...

Саранна была уверена, что ей делают предложение. Она должна была исчезнуть до возвращения Джетро, хотя в чем причина, она не понимала.

Очень хорошо, если получится, обязательно исчезну, решила девушка. Но она по-прежнему не представляла, как ей устроить свой отъезд из Тенсина, учитывая все подводные течения под этой крышей.

— Да, Джон?

У Гоноры словно были глаза на затылке, ведь она не оглянулась, когда отворилась дверь и вошел слуга.

— Мистер Фок, мээм...

Гонора торопливо поставила чашку, встала, зашуршав юбками, и повернулась к вошедшему.

Он тоже был в костюме для верховой езды, сапоги блестели, маленькие серебряные шпоры позвякивали при ходьбе.

— Джеррад... — Гонора протянула к нему обе руки, лицо ее просветлело. — Вы рано! Выпьете с нами кофе перед поездкой? Попробуйте печенье миссис Партон. Готова поспорить, когда дело идет о печенье, с ней не сравнится даже ваша тетушка Бет! Гадкий, вы так меня напугали! Хорошо еще, что я встаю рано. Я не из тех городских красавиц, кто подолгу нежится в постели. Садитесь. Миссис Партон, пошлите Эльвиру за печеньем. И пусть принесет нашего мятного меда... И свежего кофе... Горячего!..

Мистер Фок рассмеялся:

— Гонора, ваше гостеприимство подавляет меня. Хорошо, я оценю печенье миссис Партон и попробую ваш кофе. Признаюсь, мне тоже приходится его подавать, так как я вхожу в фирму, торгующую им. Но тетушка Бет до сих пор отказывается его пробовать, а спорить с гением, командующим твоей кухней, нельзя.

— Но вы хозяин, — ответила Гонора. — Это она должна исполнять *ваши* желания. Вы чересчур снисходительны к ней, Джеррад. Иногда она ведет себя так, словно «Отрада королевы» принадлежит ей, а не вам.

Он снова рассмеялся:

— Возможно, так оно и есть, Гонора. Она провела в этих стенах, управляя имением, больше времени, чем я. Я многим ей обязан. Но я забываю о приличиях... Доброе утро, мисс Стоувелл... мисс Дамарис... — Он отнял свои руки у Гоноры и поклонился Саранне и Дамарис, проявляя и к девочке, и к старшей девушке одинаковую почтительность.

Саранна что-то пробормотала. Она всегда чувствовала себя неловко с мистером Фоком, когда рядом другие. На шлю-

пе, окутанном туманом, она не чувствовала так отчетливо, что ее оценивают, сравнивают с Гонорой. Но Дамарис, улыбаясь, встала и направилась к нему.

— В пруду зацветают лилии, — сказала она, блестя глазами, — и мне кажется, их будет много. Очень похоже на акварель!

— Вы должны показать их мне. А Гораций показывался в последнее время? Он по-прежнему похож на судью Прайда?

— Скорее на Фа Куань Чао Лао Те, — ответила Дамарис. — Да, он опять сидит на своей скале. Я думаю, на самом деле он один из Достопочтенных Древних — среди жаб...

— Дамарис. — Гонора по-прежнему улыбалась, но в ее глазах не было улыбки. — Дай мистеру Фоку выпить кофе. Джон уже несет свежую порцию. И, мне кажется, тебе лучше не болтать по-язычески. Это невежливо, ведь остальные тебя не понимают. Я уже говорила тебе об этом.

Саранна ждала, что девочка вспылит после такого вмешательства. Но та спокойно посмотрела на мачеху:

— Простите. Я забыла, что вы не знаете китайского. — Такое самообладание показалось Саранне столь же необычным, сколь и предшествующие взрывы. А девочка преспокойно вернулась на свое место, как будто давно усвоила все необходимые правила приличия.

Но, глядя на нее, Саранна увидела, как Дамарис подмигнула. Бросив быстрый взгляд на мистера Фока, она успела заметить ответное подмигивание. Гонора ничего не заметила: она следила за тем, как расставляют чистые тарелки, чашку, блюдце — все, что понадобится за завтраком мистеру Фоку.

— Что вы думаете о Тенсине, мисс Стоувелл? — спросил он.

— То, что я увидела, показалось мне очень интересным. — Под взглядом Гоноры ее ответ мог быть только отчужденно вежливым.

— Дамарис показала вам все сокровища? — Мистер Фок продолжал уделять ей внимание, хотя Саранне хотелось избавиться от него. Мало того, что вернулась застенчивость, которая нападала на нее в его присутствии — Саранна была

твердо убеждена, что Гоноре все меньше нравится интерес мистера Фока к кому-то, кроме нее самой.

— Еще нет. — Она понимала, что краткость ее ответов почти граничит с грубостью, но больше всего ей теперь хотелось сбежать из этой комнаты.

— Но она должна их показать! Капитан Уэйли, вероятно, разбирался в китайском искусстве лучше всех в стране. Он был во многих отношениях замечательным человеком, — продолжал Джеррад Фок. — Однажды, еще мальчиком, не старше Дамарис, я приезжал в «Отраду королевы» и случайно встретился с капитаном. Поняв, что мне интересно, он устроил для меня большую экскурсию. Но я тогда был слишком молод и невежествен, чтобы осознать, что вижу. Понял только, что это удивительно. Действительно, это, как и говорил капитан, бесценное сокровище.

Теперь Гонора пристально смотрела на него.

— Языческие идолы и тому подобное? Да кому они нужны? — спросила она.

— Очень многим коллекционерам, Гонора. Купцы, торгующие с Востоком, начинают понимать разницу между ярким хламом, который китайцы делают для иностранцев, и тем, что они ценят сами. Да, я думаю, капитан оставил в Тенсине настоящее сокровище. Я слышал, вы пригласили сюда Генри Уолсворта, Гонора. Увидите, стоит ему взглянуть на собрание капитана, и вам трудно будет от него избавиться.

— Мистер Уолсворт... — повторила Гонора, словно запоминая.

— Ну-с... — Мистер Фок отодвинул тарелку и в последний раз отпил кофе. — Признаю — печенье миссис Партон не уступает лучшим образцам тетушки Бет. Но не вздумайте сказать ей об этом. Она попытается превзойти собственные достижения, и все последующие недели меня будут засыпать печеньем. Если вы готовы, Гонора, пора отправляться. Я должен убедиться, что с новыми каминными полками обращаются правильно, а вы расскажете мне, что придумали насчет большой гостиной...

— Да, конечно. У меня есть для вас сюрприз, Джеррад. Миссис Партон собрала нам корзину, мы сможем устроить пикник у реки...

Она взяла его под руку, и они вышли. Дверь за ними закрылась, но не прежде, чем мистер Фок оглянулся и попросился со всеми. Гонора и не подумала это сделать.

— Ему не следовало так говорить. — Дамарис оглянулась, будто проверяя, ушли ли миссис Партон и Джон.

— Что говорить?

— О сокровищах. Она слушала его, ты видела? И теперь думает о них... А они принадлежат Тенсину!

— Конечно, — Саранна с готовностью согласилась. — Покажешь их мне, Дамарис?

Девочка долго молча смотрела на нее. Как будто взвешивала Саранну на каких-то своих весах. Потом кивнула:

— Ты поняла — про Горы. Идем...

В следующие два часа Саранна непрерывно удивлялась. Здесь Дамарис не была ребенком. Она уверенно рассказывала о ширмах, чашках, резьбе, вазах, лакированных вещицах, нефрите, бронзе. Указывала, что именно делает тот или иной предмет особенно интересным и неповторимым. Саранна все больше дивилась памяти Дамарис и тому, сколько та знает. Девочка не повторяла где-то услышанное, как попугай, а говорила как человек, понимающий суть. Время от времени она вставляла китайские слова и выражения, которые потом переводила, заметив недоумение Саранны.

Девушка считала, что ее собственное образование намного лучше того, какое получали ее ровесницы в Бостоне и Сассексе. Она научилась читать в четыре года и с тех пор не расставалась с книгами. Но по крайней мере в этом предмете Дамарис намного превосходила ее и говорила с уверенностью опытного, давнего собирателя.

— Тебя научил этому капитан Уэйли? — спросила наконец Саранна, не в силах сдержать изумление.

— Они с принцессой... она знает. — Дамарис вспыхнула и прикрыла рот рукой, словно хотела заглушить слова. Но

они уже вылетели. Теперь девочка казалась испуганной, готовой разрыдаться. Уверенность исчезла. Перед Саранной снова стояла испуганная маленькая девочка. — Я... Не надо меня спрашивать! Пожалуйста, не спрашивай! — Лицо у нее сделалось жалким, и Саранна сдержала любопытство.

— Хорошо, Дамарис. Я не буду тебя спрашивать о том, чего ты не хочешь рассказывать, — примирительно ответила она.

— Я... я очень хорошо все запоминаю. Дедушка всегда говорил, что у меня хорошая память. — Дамарис явно пыталась вернуть самообладание. — Он говорил, что у меня быстрый ум. И учил меня узнавать при помощи пальцев. Завязывал глаза носовым платком и давал что-нибудь в руки — кусок нефрита, чашу, бронзового коня. Заставлял ощупывать их, чтобы мои пальцы могли узнать вещь. Потом приносил другие вещи — те, что мистер Фок назвал хламом, их китайцы делают для иностранцев, не понимающих, что такое настоящие сокровища. И заставлял меня трогать и их. Чтобы я чувствовала разницу. У нас была такая игра. У меня очень хорошо получалось. Так говорил дедушка.

— Ты все еще так делаешь?

Дамарис торопливо отвела взгляд.

— Иногда. Может, я как-нибудь тебе покажу, но тебе придется быть очень осторожной.

Саранна посмотрела на хрупкий фарфор, на резной нефрит, на сверкающий лак. Она не была вполне уверена, что хочет взять на себя ответственность за такую игру. Опасно прикасаться к таким ценным вещам.

— Мне нравится мистер Фок, — сменила тему Дамарис, — пусть даже он хочет жениться на Гоноре. Жаль конечно — он слишком хорош для нее, слишком хорош!

Она кончиком пальца прикоснулась к мелкому блюду из светло-зеленого нефрита, провела по изображенной на блюде единственной цветущей ветви.

— Гонора — *Ну Ву*, — добавила она.

— Что это?

— Ведьма. Она околдовывает людей, и те поступают, как ей нужно. Она околдовала моего отца, и он никого не слушал, только ее. Но обмануть дедушку она не смогла, он сразу понял, что она такое. Он сказал, что она *Ну Синь Квей*. Это такой демон. У китайцев есть особые экраны для дверей и окон, через них не могут пройти демоны. Понимаешь, демоны могут летать только по прямой, — серьезно продолжала Дамарис, как будто легенды, к которым она обратилась сейчас, были так же достоверны, как и сведения о собрании дедушки. — Если у тебя есть экран, демоны налетают на него и не могут войти. Плохо, что у нас в Тенсине не было такого экрана, когда появилась Гонора.

— Дамарис, демонов не существует.

Девочка покачала головой:

— Ты не знаешь, Саранна, правда не знаешь. Дедушка говорил, что в мире есть много такого, над чем люди смеются, пока сами с ним не встретятся. — Она замолчала и покраснела. — Может, ты права, и Гонора не призрак-демон. Но она может наделать бед.

Они вышли из последней комнаты, где хранилась коллекция, и Дамарис тщательно закрыла за ними дверь.

— Дамарис, — вдруг спросила Саранна, — что значит «мей»? По-китайски.

Она попыталась произнести это слово с интонацией, которую слышала во сне. Но не была уверена, что ей это удалось.

— Мей? — повторила Дамарис.

Саранна сразу услышала чуть другую интонацию.

— Да, так правильно.

— Это значит «младшая сестра». А где ты его слышала?

Китайское слово — как оно попало в ее сон? Дамарис такое слово не использовала, Саранна не слышала его от нее. Не подумав, Саранна ответила правду.

— Во сне. Мне снилась изгородь и сверкающие лисьи глаза. А потом голос произнес это слово.

Дамарис резко отпрянула от нее. Лицо ее исказилось, как тогда, когда девочка увидела, что Саранна осматривает подставку для кисточек.

— Врешь! — воскликнула девочка. — Ты не могла его слышать! Тебе не позволено... Только мне... Только мне... — Она повернулась и, прежде чем Саранна сумела сказать хоть слово, побежала по коридору и хлопнула дверью в дальнем его конце.

— Мисси опять со своими штучками? Она тронутая.

Саранна оглянулась через плечо. В дверях малой столовой стоял Руф, опираясь плечом на косяк. Он лениво улыбался.

— Мисс Гонора сказала, что вам захочется покататься по реке или погулять в саду. Она велела мне быть с вами. Мне это нетрудно, мисс Саранна. Я люблю таких хорошеньких девушек...

Не отвечая, Саранна почти так же резво, как Дамарис, устремилась к лестнице и начала подниматься. Конечно же Гонора не ждет, что она будет поощрять ухаживания этого неуклюжего мужлана? То, как он смотрел на нее, заставляло девушку внутренне ежиться — незаметно, надеялась она. Нельзя было дать ему понять, что он ее пугает.

Но, оказавшись в своей комнате, Саранна не могла не признать, что дело обстоит именно так. Она не только закрыла дверь, но и повернула ключ в замке. И только потом к ней вернулась способность рассуждать логически. Следовало дать Гоноре понять, что она не желает иметь ничего общего с Руфусом Партоном. Тем временем... Саранна поднесла ладони к горящим щекам. Что же делать? Нельзя сидеть в запертой комнате и позволить Руфусу Партону считать, что это он ее там запер. В чем дело? Она даже не могла понять причин своего отвращения. Это было чрезвычайно глубинное и потому пугающее, чувство гораздо более глубокое, чем неприязнь, которую ей прежде случалось испытывать в своей упорядоченной жизни.

Глава шестая

ЧЕН. ТРУДНОСТИ

Саранна устроилась в кресле у одного из окон. Она принудила себя рассуждать спокойно. Она понимала, что попала в неприятное положение. Ужасающее предложение Гоноры, чтобы Руфус сопровождал ее, даже напоминало угрозу. Но она не могла вечно сидеть в своей комнате. Впрочем, Гонора ожидала от нее именно этого, когда приедут гости. Но почему же Гонора хочет, чтобы ее никто не видел?

Саранна оглядела себя в зеркале гардероба. Этот строгий свидетель ясно показывал, что выглядела она действительно бедной родственницей. Саранна подозревала, что, будь у Гоноры желание, она могла бы мигом изменить это. Но, конечно, Гоноре лучше, чтобы эту незнакомку в поношенном черном платье никто не мог сравнивать с прекрасной, блистательной дочерью Джетро Стоувелла.

Девушка сидела прямо, развернув плечи. Да, она будет сторониться гостей Гоноры. Впрочем, это мелочь. Но вот сидеть в запертой комнате из-за Руфуса Партона — этого она не допустит!

Следовало тщательнейшим образом обдумать, как избежать ситуации, которая в лучшем случае неприятна, а в худшем... Саранна вздрогнула. Она не могла бы выразить словами, что почувствовала. И ей было очень одиноко. В Тенсине ей не к кому было обратиться за помощью. Милли настроена дружески, но робка и беспомощна. Дамарис — тоже жертва...

Жертва? Почему в ее сознании возникло именно это слово? Почему она ощущала опасность, которая окутывала ее словно невидимым темным облаком?

Девушка резко встала. Нравилось это ей или нет, но она понимала, что дочь ее матери не может отмахнуться от Дамарис, сказав себе, что это не ее дело. Единственный ли опекун Дамарис Джетро? Единолично ли Гонора распоряжается будущим девочки в отсутствие отца? Дамарис яростно настаивает

вала, что Гонора ведьма и демон. Если кто-нибудь ее услышит, могут решить, что Гонора справедливо оценивает душевное здоровье своей падчерицы.

Думая о Дамарис, Саранна забывала о гнусной хитрой улыбке Руфуса Партона и о своей тревоге. Она с вызовом открыла дверь, вышла в коридор, подошла к комнате Дамарис и легонько постучала. Ответа она не получила, но сочла, что у нее достаточно важное дело, и потому взялась за ручку. Та легко повернулась.

— Дамарис, — негромко позвала девушка с порога.

При свете дня она могла рассмотреть комнату гораздо лучше, чем в свое первое посещение. Солнечные лучи касались такой же древней и выгоревшей экзотической вышивки, какая украшала коридор. То, что раньше Саранна приняла за кровать с четырьмя столбиками, оказалось чем-то иным. Это действительно было нечто на четырех ножках, но с трех сторон огражденное резьбой и похожее скорее на маленькую комнату, чем на постель, особенно теперь, когда были подняты занавеси.

Вся мебель была расставлена у стен в странном геометрическом порядке. Два гардероба тяжелого темного дерева блестели на солнце позолоченными украшениями; полированные поверхности отражали солнечный свет. Гардеробы разделял квадратный столик, на котором стояли резные шкатулки. У следующей стены — темно-красный сундук, стенки расписаны потускневшими фантастическими сценами. У кровати стол, тоже с множеством шкатулок, каменной плиткой и небольшой вазой с единственной зеленеющей веткой. Простое, но очень привлекательное украшение, гораздо изящнее заполненных цветами ваз, к которым привыкла Саранна. На противоположной стороне от кровати стоял стул.

Самой Дамарис нигде не было видно.

Саранна ушла бы, она чувствовала себя неловко из-за этого вторжения. Но тут девочка, которую она искала, вышла из темного угла за кроватью.

В руке она держала пучок тонких палочек. Ей как будто помешали что-то делать, но на ее лице не было враждебности. Смотрела она внимательно и настороженно.

— Квей-Фу-Лу-Ли... — Эти странные слова могли обозначать приветствие. — Я знала, что ты придешь. Ты должна была прийти, — нетерпеливо сказала Дамарис. Она словно поджидала запаздывающего гостя и теперь наконец могла начать какую-то церемонию...

Церемонию? Именно это слово мелькнуло у Саранны. И тут же она ощутила аромат, неуловимый, но заметный... острый... необычный... Это не цветы. Но что?..

— Почему я должна была прийти? — сразу пришел ей в голову простой вопрос.

— Потому что... потому что... так было велено. Теперь я знаю. Ты... каким-то образом ты вовлечена. Я... я собиралась бросать палочки. Конечно, я не настоящая *шу че*, ученый, который умеет читать предсказание. Но... я хочу попробовать.

Она повернулась к столику у кровати и быстро сдвинула с него все предметы на дальнюю сторону, оставив пустой наиболее освещенную часть. Обеими руками погладила палочки, закрыла глаза и забормотала какие-то слова, но так тихо, что до Саранны доносились только нечленораздельные звуки.

Неожиданно девочка бросила палочки, и они легли на стол. Затем она передвинула их так, что они образовали шесть горизонтальных полос одну над другой. Саранна в полном недоумении придвинулась ближе. Теперь она увидела, что одни палочки одинакового темного цвета, а другие опоясаны двумя светлыми лентами.

— Чен... — Дамарис склонилась к палочкам с таким лицом, словно читала. — Борьба с большими трудностями... да, но друзья придут на помощь... Ох! — Лицо девочки изменилось. Она не сердилась, а как будто расстроилась. — Не могу читать... не так... — Она покачала головой. — Мне столькому нужно научиться, я еще очень мало умею.

Она снова взяла в руки палочки.

— Мне нужно спросить... — Тут она посмотрела на Саранну и замолчала.

— Что... что ты хотела сделать? — решила спросить Саранна, хотя понимала, что с Дамарис нужно обращаться очень осторожно.

— Хотела попробовать «И Цзин», хотела узнать... Узнать, что произойдет. — В голосе Дамарис теперь звучало отчаяние. — Но я слишком мало знаю. Не умею читать стебли тысячелистника, даже бросать их правильно. Раньше я только смотрела, как это делают. А сама еще никогда не делала.

— А что такое «И Цзин»?

Дамарис энергично кивнула:

— Очень старый способ предсказания будущего. Дедушка... он знал... немного. А вот принцесса...

Глаза ее округлились, в них появился страх. Снова, как и раньше, Дамарис зажала рукой рот.

— Выболтала! Выболтала! — почти взвыла она.

Как ни хотелось Саранне проникнуть в тайну Дамарис, она не стала настаивать: слишком явным было волнение девочки.

— Я не буду больше расспрашивать, — сказала она. — Но, Дамарис, ты ведь понимаешь, что никто не может прочесть будущее...

Выражение отчаяния сменилось смесью презрения и жалости.

— Тебе многое неизвестно! — ответила Дамарис с обычной уверенностью. — Поймешь, если останешься здесь. Знаешь, что сказала *она*?

Девочка сложила палочки и убрала их в алый шелковый мешочек с золотой нитью. Саранна не сомневалась, что *она* — это Гонора.

— *Она* хочет, чтобы Руфус приударил за тобой; *она* так сказала миссис Партон!

Саранна надеялась, что сумела сохранить спокойствие.

— Я уверена, что при тебе Гонора ничего подобного не говорила.

— Я же говорила, — продолжала Дамарис, — я подслушиваю. Приходится. С *ней* иначе нельзя. Она всегда получает что хочет или думает, что получает. А ты хочешь, чтобы Руфус ухаживал за тобой?

— Подслушивать нехорошо, Дамарис, — Саранна лицемерно отдала должное своим обязанностям воспитательницы. Однако она не сомневалась, что девочка сказала правду. Гонора наверняка так сказала это экономке. Подкрепленные таким образом подозрения привели ее в глубокое отчаяние.

Но ведь на дворе был просвещенный девятнадцатый век. Девушек, пусть даже живущих под бдительным присмотром родственников или опекунов, больше нельзя принуждать к определенным вещам. И если, чтобы защищаться, нужна сильная воля, у Саранны она есть.

Дамарис рассмеялась:

— Это заставило тебя задуматься, верно? Вижу, тебе не понравилось. Понимаешь, на самом деле хорошо, что я тебе рассказала. Теперь ты будешь готова к *ее* штучкам. А *она* не успокоится, *она* всегда так...

— Дамарис. — Саранна надеялась, что говорит достаточно подчеркнуто, чтобы девочка прислушалась. — Ты должна помнить совет дедушки: не провоцируй Гонору. Не знаю, какой властью над твоим будущим она обладает, но...

— Мой опекун — Джетро Стоувелл. Он указывает, как все должно здесь быть, пока я не стану взрослой.

— Но Джетро в Бразилии. И долго не вернется, — напомнила Саранна. — Есть ли... есть ли кто-нибудь еще... кроме Гоноры... кто может определить, как тебе здесь жить?

Дамарис долго, внимательно смотрела на нее, прежде чем ответить. Языком она провела по нижней губе, как будто та вдруг пересохла. Потом кивнула:

— Есть... есть тот, кто сможет разобраться с *Ну Ву*...

— Кто? — спросила Саранна.

Но Дамарис не менее энергично покачала головой:

— Это тайна. Дедушкина. Только я теперь знаю...

— Может, важно, чтобы и я знала. — Саранна почувствовала раздражение.

— Знаю. Это очень важно. Но сейчас тебе лучше думать о Руфе и о том, что с ним делать. — Дамарис рассмеялась с легким злорадством. — А я... я протру фарфор. Миссис Партон и служанки... дедушка им никогда не разрешал. Неумехи, вот они кто! — Она прошла мимо Саранны к открытой двери и выскользнула из комнаты. Прежде чем Саранна смогла ее окликнуть, девочка была уже на середине коридора. Саранна решила, что сейчас неразумно ее останавливать.

Она не представляла, как решить проблему Руфуса Партона, но намерена была не допустить своего унижения. Это она решила твердо. Сейчас она погуляет в саду. Если он там появится и снова вздумает приставать к ней, она отчитает его так, что пробьет даже его толстую шкуру.

Но к Руфусу ее привел резкий крик боли. Саранна не сомневалась, что кричит какое-то животное. Она заторопилась, уверенная, что какое-то несчастное существо попало в беду, и выбежала из аллеи на открытое пространство.

И увидела двух человек, занятых лисой, которая отчаянно пыталась выбраться из сети. Концы сети держал молодой чернокожий. А Руфус Партон, с покрасневшим лицом, со сверкающими от радости маленькими глазками, бил животное хлыстом. Визг лисы сопровождался радостным смехом Руфуса. Хлыст поднимался и опускался с ужасающей регулярностью. Саранна поняла, что Руфус намерен медленно забить животное.

Она не мешкая выбежала вперед. Руфус ее не видел, так старался, чтобы лиса не могла увернуться от ударов. И потому, когда Саранна схватила его за руки, от неожиданности повернулся, не способный в первое мгновение высвободиться.

Саранна закричала черному мальчишке:

— Отпусти ее! Немедленно!

Лиса, как будто сразу заметив поддержку, вдруг прыгнула внутри сети и зарычала на черного. Парень с испуганным криком выронил сеть и отскочил. Зверь выбрался из сети и мгновенно исчез, скользнув под изгородь, куда за ним не смог бы последовать ни один человек.

Саранна тоже отшатнулась — это Руфус, вырываясь, оттолкнул ее. Он взмахнул хлыстом, как будто хотел продолжить избиение, но не лисы, а ее. Ужасное выражение наслаждения исчезло из его глаз, рот скривился в улыбке, которую девушка возненавидела с самого начала.

— У вас крепкая хватка для такой маленькой девочки, мисс Саранна. — Он потерял руку, словно девушка действительно причинила ему боль. — И характер — огонь. Другой на моем месте рассердился бы, что вы помешали наказать паразита. Их ведь нужно наказывать. Но я... я слишком мягок с молоденькими девушками...

— Вам известно, — ледяным тоном ответила она, — что в Тенсине бить лис нельзя. И нельзя на них охотиться.

Он по-прежнему улыбался.

— Да, так вечно твердил капитан. Но капитана больше нет. Он ушел туда, откуда не может приказывать — ни насчет своих балованных паразитов, ни насчет прочего. А миссис Уэйли все понимает правильно. Нельзя баловать паразитов, их нужно учить. Учить держаться подальше и вести себя должным образом. Не так, словно они тут хозяева. Мне кажется, сейчас здесь распоряжается только миссис Уэйли. Время капитана прошло.

Не подумав, Саранна сказала:

— Тенсин не принадлежит миссис Уэйли... — И замолчала.

— Вы хотите сказать, что он принадлежит мисси? — рассмеялся Руфус. — Может, по закону так и есть. Но маленькая девочка не может распоряжаться большим имением. Это тоже закон. Распоряжаются опекуны, они поступают так, как считают лучше.

Однако я не хочу, чтобы вы сердились на меня, мисс Саранна. Я ведь говорил вам, что мне нравятся рыжие, очень нравятся. Вы и сами похожи на лисичку. Я ничего плохого не говорю. Ни за что не стану грубить такой хорошенькой девушке. Мы с вами подружимся. Вам со мной будет весело...

Саранна повернулась и пошла, подавляя желание зажать уши, чтобы заглушить его голос. Но она не покажет ему, как на нее подействовали его слова, не покажет, как они ей ненавистны.

Если прежде Руфус был неприятен Саранне, теперь, после отвратительной сцены, которую она прервала, она его возненавидела. Ее поразило наслаждение, которое ему доставляли мучения пойманного животного. По крайней мере, бедный зверь убежал. Саранна надеялась, что после такого лиса будет осторожнее.

Но смелость тенсинских лис была непреложным фактом. Здесь с ними никогда не обращались плохо. И раз Руфу позволили так вести себя, даже одобряли его поведение, немало лис ждала мучительная смерть.

Нельзя, чтобы Дамарис узнала о случившемся. В этом Саранна была убеждена. Если девочка снова вспылит и выплеснет свой гнев на Гонору или Руфуса, это обернется против нее. Саранна понимала, что, хочет она того или нет, она уже приняла на себя ответственность за будущее Дамарис и должна сделать для нее все возможное.

Но, когда она вернулась в дом, ее решимость подверглась серьезному испытанию. Девушка услышала громкие голоса и резкий крик — крик Дамарис. Шум привел Саранну в гостиную, где она увидела девочку за столом с грудой мягких тканей. В руке Дамарис держала кусок такой ткани. Перед ней стояла миссис Партон.

— Убирайтесь! — Дамарис раскраснелась. — Вы же знаете, я сама всегда протирала эти соколовища. А вам дедушка не разрешал к ним и пальцем притронуться!

— Лучше вам уйти, мисс Дамарис, — спокойно ответила экономка. — Миссис Уэйли приказала вам не трогать фарфор. Его слишком легко разбить по неосторожности...

— По неосторожности! — Дамарис буквально кричала. — Я *знаю*, как с ним управляться. Дедушка научил меня. Это *ей* он никогда не разрешал дотрагиваться! Вы это знаете! *Она* не имеет права распоряжаться! Фарфор мой, а не *ее!*

— Мисс Дамарис, вы расстроены. — Миссис Партон слегка скривила губы.

Саранна содрогнулась. Хотя лицо женщины оставалось похожим на маску, на нем промелькнула та жестокость, которая у ее сына проявлялась более открыто.

— Дамарис...

Саранна ринулась вперед с тем же проворством, с каким пришла на выручку лисе. Она положила руку на плечо девочки — не удерживая, а предупреждая.

— Моя дорогая, конечно, Тенсин твой. — Неожиданно наступила тишина. Саранна через плечо Дамарис посмотрела на миссис Партон. — Миссис Партон, я считаю, что так как Дамарис много лет протирала эти вещи, она не станет вдруг неосторожной. Вероятно, миссис Уэйли не вполне осознает, насколько девочку интересуется собрание ее деда и как она о нем заботится. Дамарис, — обратилась она к девочке, — никто не посягает на твое право на эти вещи. И, так как о нем все известно, незачем так усиленно это подчеркивать. — Рука, которая по-прежнему лежала на плече девочки, чуть нажала. Саранна надеялась, что Дамарис поймет и примет во внимание ее предупреждение.

Саранна не знала, продолжала бы миссис Партон настаивать или нет, если бы она не вошла. Экономка пожала плечами, повернулась и своей обычной неслышной походкой вышла из комнаты, как человек, выполнивший свой долг. Если ее приказ не будет выполнен, пусть другие думают о последствиях.

Дамарис мрачно смотрела на дверь.

— Она всегда делает, что говорит *та*. Я хочу, чтобы она уехала, Саранна. — Лицо ее чуть прояснилось, на нем появилось странное выражение. — Может, есть способ убрать их обеих!

— Дамарис. — Крепче взяв девочку за плечо, Саранна развернула ее и посмотрела ей прямо в лицо. Долгое время казалось, что Дамарис думает о чем-то своем и не замечает присутствия Саранны.

— Дамарис! — с силой повторила старшая девушка, чтобы заставить ее посмотреть на себя. — Ты должна быть осторожной. По мнению Гоноры и остальных, ты всего лишь маленькая девочка. Никого не удивляет, что она распоряжается в этом доме. Теперь, когда ее отец далеко, она во многих отношениях твой опекун. Боюсь, что такие взрывы приведут к неприятностям...

— Ты имеешь в виду, что *она* пошлет за врачом. И он скажет, что я не в себе...

Саранна удивилась. Она не думала, что девочке известно, как Гонора ее оценивает.

Дамарис рассмеялась — резко, без тени веселья.

— О, я знаю, что *она* говорит. Я ведь сказала тебе: я подслушиваю. Прошлой зимой *она* посылала за врачом. Мне тогда даже не сказали, что это врач, но он много со мной разговаривал. Я знаю, чего *она* добивалась: чтобы он сказал, что я недостаточно знаю, чтобы владеть Тенсином. Но тогда у *нее* не получилось. Я показывала ему сокровища. И рассказывала о дедушке и обо всем. Он не послушал *ее*. *Она* бесилась, я видела.

На ее лице снова появилось странное выражение.

— А я кое-что могу. Ты не знаешь — никто не знает, что это такое. Но я могу воспользоваться, если понадобится.

Саранна почувствовала внезапное подозрение.

— Дамарис! «*И Цзин*!» Ты об этом? Но, девочка, нельзя на такое рассчитывать! Ты ведь знаешь, это не по-настоящему. Нельзя предсказывать будущее или использовать... волшебство. Это вымысел.

Дамарис высвободилась.

— Не понимаю, о чем ты, — спокойно сказала она. — Какое еще волшебство? Это все глупости...

Ее кротость удивила Саранну. Девушка была уверена, что Дамарис, так серьезно бросающая палочки, искренне верит

в какое-то странное знание. Но та отказалась так решительно, будто гадания в ее комнате вовсе не было.

Девочка деловито складывали тряпки. У нее был довольный вид человека, успешно завершившего работу.

— Здесь я закончила, — провозгласила она. — А в библиотеке не буду прибираться до ланча. Миссис Партон никого не будет ждать к столу. Если не придешь вовремя, все остынет...

Как ни в чем не бывало Дамарис вышла из гостиной. Саранна пошла за ней, не понимая, каково положение дел и какова ее собственная роль в нем. Дамарис была не из тех детей, которые нуждаются в покровительстве: вид у нее был такой, словно она гораздо старше своих лет и полностью контролирует свое положение.

Глава седьмая

КУ. ВСТРЕЧА

Вопреки опасениям Саранны, Руфус, хоть и был любимчиком Гоноры, не участвовал в семейных обедах. Они с Дамарис в это утро делили трапезу только с Гонорой и мистером Фоком. Еда оказалась превосходной. Каковы бы ни были изыяны в манерах миссис Партон, никто не мог отрицать, что под ее управлением все в Тенсине идет гладко.

Однако Саранна решила присоединиться к девочке, которая после еды пошла в библиотеку протирать выставленные там предметы из собрания своего дедушки. И убедила Дамарис рассказать ей за работой о «сокровищах». Дамарис вновь полностью погрузилась в тот мир, куда ее столь осторожно ввел капитан Уэйли. Саранна и сама забывала о неприятных событиях утра, захваченная рассказами и объяснениями Дамарис.

Наконец бросив пыльные тряпки в корзину для грязного белья, Дамарис с улыбкой посмотрела на Саранну.

— Понравилось?

— Очень.

— Подожди! — Дамарис повернулась к полке, на которую только что поставила последнюю безделушку.

— Вот! — Она взяла глиняную статуэтку кошки, светло-желтую, с отверстиями вместо глаз — ночник, по словам Дамарис. — Это тебе... — Она протянула статуэтку Саранне. — Возьми! — резко приказала она. — Я хочу, чтобы она была твоей. Она может пригодиться сегодня ночью... В нее нужно вставить свечу...

Саранна медлила. Подарок был сделан Дамарис под влиянием порыва. Саранна нисколько не сомневалась, что девочка подарила ей светильник от всей души, но такое действие могло вызвать вопросы. Впрочем, если взять статуэтку, подумала девушка, то всегда можно потом ее вернуть. Саранне не хотелось настраивать Дамарис против себя. Она не станет намекать, что та не вправе распоряжаться коллекцией капитана Уэйли.

— Большое спасибо. — Она вложила в свой ответ всю возможную благодарность. — Сегодня же вечером попробую.

Дамарис энергично кивнула.

— Ночник — это хорошо, понимаешь. У меня он тоже есть. Она говорит, что я боюсь темноты. Нет, не боюсь, честно — не боюсь. Но, когда смотришь на пламя свечи, легче заснуть. Это старая вещь. И желтая. Такой цвет могли использовать только император и императрица. Может, она из древнего дворца. Вот вырасту, поеду в Китай и сама посмотрю...

И опять она внезапно замолчала, как будто чуть не сказала того, чего не следовало. Быстрый взгляд, брошенный на Саранну, подтвердил подозрение девушки, что Дамарис опасается сболтнуть лишнее. Но Саранна не стала ни о чем спрашивать.

— Это было бы чудесно, — сказала она. — Видеть такие вещи в их естественном окружении было бы даже лучше, чем любоваться ими здесь. И замечательно будет смотреть, как горит свеча в светильнике, который когда-то мог принадлежать самому императору!

Саранна отнесла светильник к себе. Ее никто не видел, кроме Милли, принесшей охапку свежестыранного белья. У служанки округлились глаза, когда она увидела статуэтку, которую Саранна поставила на столик у кровати.

— Это вещь призрака! — Милли старалась не приближаться к столику. — Зачем вы принесли ее сюда, мисс Саранна?

— Мисс Дамарис хочет, чтобы я пользовалась ею по ночам.

Милли решительно покачала головой:

— Ох, не хочу я, чтоб рядом со мной была вещь призрака, ох не хочу...

Она с таким отвращением посмотрела на желтую кошку, что Саранна встревожилась. Милли обязательно расскажет об этом внизу, ее рассказ услышит миссис Партон и донесет Гоноре. Но девушка была уверена, что, если незаметно вернуть кошку в библиотеку, как она собиралась, Дамарис тут же обнаружит, что ее дар отвергнут. Тогда ее симпатия к Саранне мигом исчезнет, и Саранна больше не сможет влиять на девочку.

— Передвинь свою постель на другую сторону, Милли, — предложила Саранна. — Подальше от нее.

— Я лучше буду спать с Розой. Она приглашала...

Милли взглянула на Саранну и сразу отвела взгляд, словно ожидала, что ее предложение будет отвергнуто. Но Саранна обрадовалась. Ей не нравилось, что Милли спит в ее комнате, — она считала, что Милли передает слугам все подробности жизни хозяйки. Она даже подозревала, что именно для этого Милли к ней и приставили, хотя, возможно, сама служанка об этом не подозревала.

— Конечно, ты можешь уйти к Розе, — сразу сказала она.

Милли улыбнулась.

— Не говорите старой мисс, — добавила она.

— Кто это — старая мисс?

— Миссис Партон. Она не ходит туда, где спят слуги. Никто не узнает, что я там, если вы не скажете.

— Зачем бы мне это? — ответила Саранна.

Вернувшаяся днем из «Отрады королевы», Гонора была взволнованна и очень довольна. За обедом она не умолкая рассказывала, как предложила обставить и украсить дом в заброшенном имении, которое мистер Фок быстро восстанавливал, о том, как он благодарен ей за ее интерес и помощь. Она была так занята своими делами, что Саранна решила — Гонора не заметила молчания Дамарис за столом и того, что сама Саранна лишь изредка что-то бормотала в знак согласия.

После обеда Гонора обратилась непосредственно к своим слушательницам.

— Я завтра снова нужна Джерраду, поэтому мне нужно как следует отдохнуть. Нельзя, чтобы рабочие теперь наделали ошибок. И, конечно, сейчас у меня есть время, а когда придут гости, его не будет. Так что я буду отсутствовать почти весь день.

Саранна подумала, что если Гонора ожидала проявлений недовольства и отчаяния, то она, должно быть, разочарована. Но судя по всему, Гонора думала только о своей дружбе с Джеррадом Фоком, которая приближалась к благоприятной для нее развязке — браку.

Чуть позже, возвращаясь к себе в комнату (она взяла в библиотеке книгу и сказала, что будет читать), Саранна думала об этом браке. По ее мнению, Джеррад Фок был не только умным, но и властным. Хоть он и выбрал Гонору, можно было надеяться, что он не попадет полностью под влияние вдовушки Уэйли. Его вежливость по отношению к Дамарис и Саранне за завтраком, хотя Гонора считала, что все его внимание должно принадлежать только ей, она сочла благоприятным признаком для Дамарис. Возможно, в мистере Фоке девочка найдет защиту от планов Гоноры...

Пойти к нему со своими подозрениями и намеками? Нет. Нельзя. Он может усомниться в ее мотивах, решить, что она попросту коварная интриганка.

Нужно дождаться возможности или большего понимания, чтобы обратиться к мистеру Фоку. Но мысль о нем давала

смутное утешение: этого человека нелегко обмануть. И хотя в глубине души Саранну удивляли его отношения с Гоной, она не считала его угрозой интересам молодой хозяйки Тенсина.

Мысли ее путались, она не могла найти ответа на свои вопросы. Ей вдруг вспомнилось средство Дамарис от бессонницы — смотреть на пламя в кошке-светильнике. Саранна встала и подготовилась ко сну. Потом зажгла спичку, а от нее свечу.

Светлые лучистые круги — глаза статуэтки — напомнили ей о лисьих глазах, которые она видела под изгородью, когда приехала в Тенсин. Та лиса, которая пострадала от рук Руфуса... по крайней мере она свободна. Саранна надеялась, что теперь она далеко и предупредила всех остальных лис.

Неужели эта кошка, которая смотрит, как она лежит на подушках, когда-то действительно принадлежала императору, освещала комнату за полмира отсюда? Саранне хотелось бы знать, что видела эта кошка за те столетия, что просидела, готовая выпустить луч света из своих пустых глазниц.

Легкое мерцание пламени внутри кошки заставляло эти глаза меняться. Они смотрели вначале на Саранну, потом в угол комнаты. Светильник уже не казался искусной глиняной поделкой, скорее живым существом... настороженным...

Глаза девушки закрылись, путанные мысли успокоились, словно дневные тревоги не могли проникнуть сюда ночью... на глазах у кошки императора...

Саранна очнулась от такого глубокого сна, что не вполне сознавала, где она и что происходит. Она поняла, что сидит в постели и прислушивается. Прислушивается так внимательно, словно ожидает услышать шаги приближающегося врага.

Но слышала она не шаги. Нет... это была музыка! Какая странная, необычная! Она никогда еще не слышала таких резких звуков. Ноты были не просто незнакомыми — причудливыми и потусторонними...

Однако...

Надо пойти туда, выяснить, кто — или что — играет. Саранну влекло к этим звукам, словно на нее надели поводок и тащили силком.

Соскользнув с высокой кровати, девушка отыскала домашние туфли и сунула в них босые ноги. Затем схватила со стула шаль. Свеча в императорской кошке почти догорела, глаза статуэтки потускнели. Но взгляд был устремлен к ней, точно непререкаемый приказ. Да, выбора нет, надо идти!

Хотя коридор тонул во тьме, а лампы у нее не было, Саранна шла быстро и уверенно, почти не сознавая, где идет. Важным казалось лишь то, что ждало впереди... Ага, лестница. Выход в сад, но дверь закрыта! Девушка сражалась с тугим засовом, пока тот не сдался, и вышла на садовую дорожку.

Куда ее влечет, было совершенно ясно. Музыка вела Саранну за угол дома, прямо к отверстию, куда раньше привел ее след Дамарис. Саранна пробралась по лазу в освещенный луной тайный сад за изгородью. На сей раз, однако, она пересекла мостик, обошла вокруг домика с окнами в виде цветков и остановилась на краю большого открытого пространства.

Перед ней высилось здание, гораздо больше крошечного домика у моста. Но стиль был похожий — такая же круто поднимающаяся крыша, приподнятые карнизы и странной формы окна. Впрочем, это здание служило фоном, и Саранна едва замечала его; она видела только то, что происходило на террасе, тянущейся от круглой арки входа до площадки, ярко освещенной луной.

В тени под стеной дома на низких стульях сидели трое. Их лица казались Саранне просто светлыми пятнами. Но именно они создавали музыку, которая привлекла ее сюда. Инструменты, на которых они играли, тоже скрывала тень, и девушка не могла их разглядеть.

А на террасе в ярком свете...

Саранна услышала сквозь стон струн собственный возглас.

Перед музыкантами лицом к ним стройными рядами сидели... лисы!

Большие и маленькие, даже разного цвета. Некоторые темнее соседей. А две — удивительной серебристо-белой окраски. Но все сидели в одной и той же позе, словно слушали... или ждали.

Не успела Саранна это подумать, как в круге арки началось движение. Кто-то вышел из дома и прошел на открытое пространство. Лунное сияние озарило женщину.

На женщине было длинное платье. Рукава, такие длинные, что касались пола, закрывали руки. Женщина танцевала, грациозно взмахивая этими длинными рукавами. Волосы у нее были высоко забраны в сложную прическу, на локонах вспыхивают отражения луны, как на морозном снегу.

Но...

Чуть повернув голову, женщина исполняла перед лисами свой воздушный танец. Ее лицо...

Лиса! На плечах женщины под высокой прической Саранна увидела лисью морду!

Жестом Дамарис Саранна зажала рот рукой, заглушая крик. Но изумление не вытеснил страх. Она чувствовала только глубокое удивление. Картина была столь нереальной, что вызывала не ужас, а интерес. Словно перед Саранной происходило что-то очень ценное и ей была дарована честь быть тому свидетельницей здесь и сейчас.

Она не знала, долго ли стояла, любуясь сложными фигурами танца, зачарованная странной музыкой, видом неподвижной стаи лис, которые вместе с ней смотрели, как их госпожа с мохнатой мордой грациозно покачивается в лунном свете.

Но вот танец завершился, женщина повелительно вскинула руки. Лисы ответили ей хриплым лаем. И тотчас разбежались, исчезли с террасы. Музыка тоже оборвалась, но Женщина-Лиса не вернулась в дом.

Нет, ее острая морда смотрела на Саранну. Девушка тотчас уверилась, что ее присутствие обнаружено; однако осознание этого опять не испугало ее. Напротив, когда рука в широком рукаве поднялась и поманила ее, Саранна пошла впе-

ред, откликаясь на этот безмолвный призыв, двигаясь по террасе навстречу танцовщице.

Прежде чем Саранна добралась до противоположной стороны площадки, в круглой арке входа вспыхнул свет, его желтые лучи соперничали с бледным сиянием луны. Танцовщица, повернувшись к двери, снова поманила Саранну.

Со странным сознанием собственной правоты девушка последовала за ней в дом. Там комнату ярко освещали пять ламп, расставленных по углам.

Пятую и последнюю лампу только что зажгла женщина с морщинистым лицом, но с молодой походкой. На женщине была короткая черная атласная кофта с красной вышивкой и черные брюки. Волосы были так гладко зачесаны назад, что облегали череп, словно нарисованные на голове черной краской. Узел волос удерживали на затылке две золотые заколки.

Но на танцовщице было свободное яркое платье цвета осенней листвы или лисьей шерсти. Платье высоко над талией перехватывал широкий шарф — такое Саранна видела на рисунках в сокровищнице Тенсина, на старинных лакированных ширмах.

Единственным ее украшением служили булавки с жемчужными головками в высоко зачесанных волосах. Ясно была видна лисья морда, верхняя приподнятая губа обнажала сверкающие зубы. Но Саранна уже не испытывала того изумления, какое охватило ее при первом взгляде на танцовщицу.

В углу стояла кровать, такая же, как в комнате Дамарис, — скорее маленькая комната, чем предмет мебели. В изголовье и в изножье — два светильника. Кровать закрывали ширмы и вышитый желто-красный полог, кроме того, по краю тянулись невысокие перила.

У дальней стены виселась груда лоскутных одеял. А на самой кровати, на парчовом стеганом покрывале, стоял столик с очень короткими ножками. Женщина-Лиса грациозно подобрала длинное платье и села сбоку от столика. И снова знаком пригласила Саранну присоединиться к ней, сесть с противоположной стороны.

В воздухе чувствовался острый аромат, который Саранна помнила по своему посещению комнаты Дамарис. Но ее больше интересовала Женщина-Лиса, чем ее окружение. Словно в присутствии танцовщицы все остальное теряло значение.

Саранна, неожиданно остро почувствовав, что волосы у нее растрепаны (ночной чепец она, очевидно, потеряла в кустах), шаль помята, а сама она в тяжелой муслиновой ночной сорочке, и все это невыносимо противоречит элегантности ее странной хозяйки, присела на край большой кровати, чувствуя себя ничтожной и чужой. Откинув широкие рукава, Женщина-Лиса хлопнула в ладоши.

Ее тело напоминало резную слоновую кость — ни следа лисьих когтей, длинные стройные пальцы. На каждом ногте золотые пластинки, гораздо длиннее самого ногтя.

По ее сигналу пожилая женщина вышла вперед с подносом, на котором стояли две закрытые нефритовые чашки, но этот нефрит был такого цвета, что Саранна узнала его только по рассказам Дамарис. Он был желто-белый, и с каждой стороны на чашках резчик изобразил цветущую ветвь. Женщина-Лиса изящно сняла крышку со своей чашки и поднесла чашку к морде. Она наклонила тщательно причесанную голову, и Саранна последовала ее примеру.

Девушка поняла, что перед ней чай, но с добавкой каких-то трав. Во всяком случае в Новой Англии она никогда не встречала такого чая.

Женщина-Лиса впервые заговорила, хотя челюсти ее не двигались.

— *Мей...*

Ее длинная стройная рука протянулась вперед, указывая на прядь волос Саранны, но не коснувшись ее.

Дамарис говорила, что это слово означает «сестра». Танцовщица назвала ее так из-за рыжих волос, напоминающих лисью шкурку?

— *Мей...* — повторила та и тут же, что показалось Саранне очень странным, добавила слово на ее родном языке: — *Пей!*

Саранна обнаружила, что чай не горячий. Вкус был необычным, но ей понравился. В этом напитке было что-то очень освежающее, и девушка пила, пока чашка не опустела.

Глаза в прорезях лисьей маски пристально разглядывали ее. Но Саранна чувствовала, что, кем бы ни была эта женщина, она не причинит ей зла. От жаровни за занавесом большой кровати наплывали волны ароматного дыма. Дыма становилось как будто все больше, он сгущался, как туман, — тот самый туман, что окутывал шлюп на реке.

Сквозь туман стал виден резкий блеск. От жемчужных булавок в волосах танцовщицы? Или это глаза — глаза лис, собравшихся в комнате, пришедших из ночи к своей госпоже? Саранна заморгала, пытаясь побороть вдруг навалившуюся сонную вялость.

Лисьи глаза... жемчужины... лунный свет... танцовщица с женским телом и с острой лисьей мордой... Лисья морда... лисьи глаза...

— Мисс Саранна!

Голос звал откуда-то издалека. Потом все ближе, настойчивее.

Саранна зашевелилась. Ее ищут. Неужели они пройдут сквозь изгородь в тайный сад?..

Она открыла глаза. Веки казались очень тяжелыми; ей не хотелось смотреть, вновь принимать на себя ношу знания. Пребывание в напоенной ароматами комнате танцовщицы было так прекрасно...

Но... это же ее постель! Ее постель, а над ней склонилась Милли, робко трясет ее за плечо. Она в своей постели. Все это был только сон! Но какой яркий сон!

Конечно, сон. Разве может существовать женщина с лисьей головой? Однако никогда еще Саранна не напоминала сон в столь живых подробностях. Ей казалось, что она по-прежнему чувствует прикосновение гладкого нефрита чашки, может перечислить лампы, описать занавеси, сложенные на кровати покрывала, помнит размах длинных рукавов тан-

цовщицы, когда та поворачивалась, и как летели за ней длинные ленты...

— Мисс Саранна, пора завтракать... — На нее смотрела Милли.

— О! — Вспомнив, что миссис Партон никого не ждет к столу, Саранна встала.

И испытала мгновенное головокружение. Она притронулась к голове. Нет, волосы не растрепались. Они тщательно уложены под ночным чепцом. Конечно, ведь она никуда не бегала ночью.

— Я потороплюсь, Милли. Дай мне, пожалуйста, платье с вышитыми веточками.

На умывальнике ждал кувшин с горячей водой. Умывшись, Саранна смыла и последние остатки сна. И только застегивая корсаж некрасивого и немодного платья (тускло-черного, с поблекшей вышивкой в виде белых ветвей), она увидела, что лежало на туалетном столике.

Шелковый шнурок того же ржаво-красного цвета, что платье танцовщицы, а на нем — подвеска из нефрита, молочно-белого, как резные чайные чашки. Но только подвеска была выполнена в форме лисьей головы, а вместо глаз вставлены маленькие сверкающие желтоватые камни. В их блеске как будто таилась жизнь.

Саранна огляделась. Милли вылиwała воду из таза в помойное ведро. Девушка быстро протянула руку и зажала в ней подвеску, надеясь, что служанка ее не заметила.

Ничего подобного Дамарис ей не показывала. Саранна не забыла бы. Может, эту часть сокровищ капитана Уэйли его внучка ей пока не показала. Кажется, были еще какие-то украшения, в закрытой шкатулке. Но подвески среди них не было. Тогда откуда?..

Из сна? Подвеска из ее сна? Невозможно!

Но Саранна не сомневалась — это очень ценная вещь. Пока она не расспросит Дамарис, никто не должен видеть нефритовую лису. И есть только одно место, где ее можно спрятать, — на себе.

Саранна быстро надела шнурок через голову, убрала подвеску под блузку и убедилась перед зеркалом, что ее не видно. Нефрит прохладно коснулся кожи. Шагая на завтрак, Саранна все время чувствовала его. Должно быть, она все-таки опоздала.

Глава восьмая

ТУН ЦЗЕНЬ. ДРУЖБА

— Мисс Стоувелл...

Вздрогнув, Саранна остановилась у выхода на широкую лестницу. Дверь на другой стороне коридора была чуть приоткрыта, за ней стоял мистер Фок. Он улыбался.

Почему это сильное лицо казалось ей некрасивым? Увидев его улыбку, она удивилась собственной слепоте.

— Я опаздываю, — сказала девушка, понимая, что выглядит глупо. В то же время ей польстило, что он уделяет ей внимание.

— А миссис Партон никого не ждет, — ответил он, словно повторяя чье-то давнее предупреждение. — Да, у миссис Партон все строго по часам. Интересно, она хоть раз в жизни разбила оковы распорядка и пробездельничала несколько минут, часов или дней?

Саранна нашла в себе смелость улыбнуться в ответ.

— Я недостаточно ее знаю, чтобы высказывать свое мнение, — ответила она, немного успокаиваясь.

Вдруг его взгляд стал строгим и пронзительным, почти пугающим, и Саранна даже подумала, уж не заметил ли он ее нефритовую подвеску. Она торопливо подняла руку и прикрыла ладонью спрятанное украшение. Почему он так странно и оценивающе смотрит на нее, как будто видит в ней какую-то сложность, причем сложность хотя бы отчасти неприятную?

— В будущем у вас, несомненно, будет много возможностей изучить привычки миссис Партон. — Голос мистера Фока теперь звучал отчужденно, и Саранна растерялась. Как

будто она каким-то образом оскорбила его. Однако, перебирая в памяти свои слова, она находила их безобидными. И не понимала, что в этом обычнейшем разговоре могло вызвать в нем такую перемену.

— Джеррад! Вы уже здесь...

Дверь в малую столовую открылась и выпустила Гонору, снова в костюме для верховой езды.

— Но почему Джон не сообщил мне о вашем приезде? Клянусь, слуги в этом доме с каждым днем становятся все ленивее! Саранна... — На мгновение ее взгляд остановился на девушке. Разглядывая ее, Гонора наморщила нос. — Нужно что-нибудь сделать с вашими туалетами! Что за платье на вас! Вы убиваете утро, ей-богу! А ведь вам теперь хочется выглядеть как можно лучше? — Раздался ледяной смех, глаза над холодной улыбкой казались твердыми, как полированные камушки. — Надо попросить миссис Партон посмотреть в моих вещах. Что-нибудь удастся переделать. — Она посмотрела на подол платья Саранны, потом снова ей в лицо. — Да, придется перешивать. У нас разный размер.

Саранна ничего не ответила. Она чувствовала, что под этим откровенным взглядом ее щеки покраснели. Если Гонора так ведет себя в присутствии Джеррада Фока, значит, она действительно помолвлена с ним, хотя об этом еще не объявляли. Девушке очень хотелось посмотреть ему в лицо, понять по его выражению, как на него подействовало поведение Гоноры. Но она ни за что не позволила бы себе этого.

— Да, — продолжала Гонора, обрушивая на нее в своей обычной властной манере стремительный поток слов, — тебе нужны одно или два новых платья. Учитывая открывающиеся перед тобой перспективы, это необходимо. Джеррад, — она мгновенно обернулась к своему сопровождающему, — у меня появилась отличная мысль насчет сада. Мне она пришла в голову ночью, и я записала, чтобы не забыть. Ах, давайте поскорее отправимся в «Отраду королевы», и я расскажу вам, что придумала...

— Мисс Стоувелл. — Хотя Гонора взяла его за руку, Фок задержался, чтобы поклониться Саранне. Но лицо его осталось замкнутым и отчужденным.

Саранна в ответ склонила голову, чувствуя не злость, как несколько мгновений назад, а острое одиночество. Она, вероятно, никогда не узнает, почему так резко изменилось отношение мистера Фока к ней. Девушка угнетенно смотрела, как закрывается дверь за этими двумя, потом медленно пошла в малую столовую.

Дамарис стояла у окна, отведя в сторону кружевную занавеску, чтобы видеть изгиб подъездной дороги.

— Вон *она*, уходит, — сообщила девочка. — Ну, можно рассчитывать, что вернется она не скоро. Слышала бы ты ее утром, Саранна!

Вернувшись к столу, Дамарис снова нахмурилась, брови ее неприятно изогнулись, губа вздернулась.

— Завтра *она* возвращается в Балтимор, что-то докупить к свадьбе. Хотя выйти замуж до возвращения отца она не может. Но сегодня утром, когда я пришла, они с Кочергой о чем-то шептались. *Она* воображает, будто может что-то сохранить в тайне — а я все равно рано или поздно узнаю. — Дамарис слегка повеселела и начала густо намазывать печенье клубничным вареньем.

Саранна без особого аппетита набрала на тарелку по чуточке остывшей еды и поела. Уныние, охватившее ее в темном коридоре, теперь окутывало девушку, словно темным облаком. Она думала, что ей обязательно нужно узнать, оставляла ли Дамарис подвеску в ее комнате. Если так, Саранна должна немедленно вернуть эту драгоценную вещь на прежнее место. Она не желает, чтобы своим внезапным подарком девочка навлекла на себя, а может, и на нее неприятности. Вернуть глиняную кошку легко. Возможно, Гонора или миссис Пирс, обнаружив эту вещь в ее комнате, не поймут ее истинной ценности. Но украшение — совсем другое дело. Саранна не сомневалась, что Гонора сразу оценит любое украшение.

— Ты очень опоздала. — Дамарис жевала печенье, не глядя на Саранну. — Проспала?

— Да.

Дамарис улыбнулась:

— Это из-за кошачьего света. Ты попробовала, правда? Я же говорила: если смотреть на нее, спишь хорошо.

— Никогда больше так не сделаю, — заметила Саранна.

— Конечно, если хочешь получать горячий завтрак, — согласилась Дамарис. — Вот и Роза, сейчас все уберет. Возьми фруктов. Можем пойти в сад. День хороший, теплый, и тебе не понадобится шаль.

Саранна взяла еще печенья и апельсин. Ей самой хотелось уйти из дома, где ее могут услышать, и расспросить Дамарис.

— Пойдем исследовать, — решительно объявила маленькая хозяйка Тенсина, когда они вышли на яркое утреннее солнце. — Снаружи ты ничего не увидишь. Конечно, Руф с радостью показал бы тебе... — Она искоса взглянула на Саранну, и в ее глазах мелькнула насмешливая улыбка.

— Я думаю, ты знаешь все лучше. — Саранна решила не обращать внимания на насмешки.

— Конечно, — согласилась Дамарис. — Ты ведь знаешь, я здесь родилась. А когда дедушка уже не мог ходить, он посылал меня присматривать за всем. Он говорил, что доверяет мне...

За этим крылось кое-что еще. Если капитан Уэйли посылал свою совсем юную внучку присматривать за теми частями поместья, куда не мог пойти сам, значит, он ожидал неприятностей.

— Когда у человека все хорошо, он должен быть так же бдителен, как в беде; таким образом можно предотвратить беду. А когда он в беде, он должен быть так же спокоен, как если бы все было хорошо; так можно покончить с бедой... — Дамарис произнесла это как затверженный урок. — Это написал один мудрец. Знаешь, кто такой мудрец, Саранна? Китайцы говорят, некоторые могут научиться так управлять своим телом и мыслями, что перестают быть людьми,

становятся кем-то иным и могут прожить многие сотни лет. Но не думаю, что они по-настоящему в это верят. Дедушка знал много таких высказываний. Он объяснил мне еще одно, и я в это верю... Много прошло времени или мало, обширно пространство или нет — все зависит от разума. Это верно. Если тебе очень интересно, время летит быстро. Но если приходится делать то, что не нравится, время тянется ужасно медленно. Давай начнем отсюда...

С той же уверенностью, с какой она показывала Саранне сокровища в доме, девочка прошла по петляющей дорожке за дом.

Саранна обнаружила многочисленные пристройки, этакий небольшой поселок. Дамарис показала ей коровник, амбар, курятник, ледник, конюшню и еще дальше — оранжерею, где в любое время года можно было выращивать фрукты и цветы.

Чернокожие во всех этих пристройках кланялись, проявляли «учтивость», но Дамарис ни с кем из них не заговорила. В сущности она позволила Саранне лишь бегло осмотреть эту часть поместья.

И только когда они миновали хозяйственные постройки и пошли между рядами вишневых и персиковых деревьев — Дамарис сказала, что из плодов делают настойки, — девочка замедлила шаг.

— Они меня не любят, — сказала она. — Кочерга приказывает им следить за мной. Но они не смеют приближаться ко мне. — Она улыбнулась. — Не смеют. Знают, что может с ними случиться...

— А что может случиться?

Дамарис, не глядя на нее, вытерла туфли о траву.

— У них будут неприятности, вот и все. Большие неприятности, — ответила она уклончиво, и Саранна решила не настаивать. — А вот пергола... — Дамарис указала на сооружение, за которым виднелась излучина реки. За его стены, покрытые решетками, цеплялись глицинии и вьющиеся ро-

зы, свисая тяжелыми гирляндами. Наверху помещалась площадка с перилами.

— Это для приемов, здесь танцуют, — объяснила Дамарис. — *Она* собирается ее использовать. Смотри, Сет и Ральф наводят порядок.

Саранна остановилась. Два черных парня работали не одни. За ними наблюдал Руфус Партон. Наверное, в качестве надсмотрщика. Она не хотела привлекать его внимание. Дамарис как будто тоже.

— Можно пройти здесь! — Девочка схватила Саранну за руку и потянула вправо. Они пробрались под низко нависшими ветвями дерева и оказались возле клумб и скамейки, за которой вставала стена самшита.

— Здесь он нас не увидит, — объявила Дамарис. — Он тебе не нравится...

— Не нравится, — откровенно ответила Саранна.

— *Она* хочет, чтобы он тебе нравился, — заметила Дамарис. — Но я еще не вызнала почему. Хотя, кажется, *она* вчера говорила мистеру Фоку... Сказала что-то Кочерге, чтобы та объяснила ему... У нее всегда на все есть причины. А я рано или поздно узнаю. И тогда скажу тебе...

Саранна понимала, что не следует одобрять постоянную привычку Дамарис подслушивать, что даже промолчать нельзя. Тем не менее она не пыталась отговорить девочку. Ей действительно нужно было знать, почему Гонора так настойчиво предлагала Руфуса в друзья сводной сестре своего отца. Даже если она ставила Саранну гораздо ниже себя, все равно такое развитие событий удивило бы друзей и знакомых Гоноры. Саранна в такой же степени Стоувелл, как Джетро и сама Гонора.

Зато теперь у нее появилась возможность расспросить о подвеске. Саранна поднесла руку к груди и легонько прижала ткань, нащупав украшение.

— Дамарис, — начала она, — в собрании твоего дедушки есть и украшения...

Девочка кивнула:

— Ты же видела.

— Это все украшения, других нет? — прервала ее Саранна.

— Нет. А что? — Дамарис повернулась на скамье и пристально посмотрела на девушку. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что... — Саранна просунула руку под манишку. Она не видела другого способа узнать — только задать прямой вопрос. — Потому что сегодня утром, проснувшись, я увидела на своем туалетном столике вот это. Ты уверена, Дамарис, что не оставила там его, чтобы удивить меня?

Она нашарила шнурок и вытащила подвеску на свет. Яркий солнечный свет подчеркивал чистоту нефрита; глаза лисы сверкали.

— Белая лиса — благоприятное предзнаменование... — Дамарис опять словно цитировала заученное наизусть высказывание капитана Уэйли. Однако Саранна заметила, что девочка очень удивлена.

Но удивленное выражение тут же исчезло. Дамарис отодвинулась от Саранны на самый край скамьи.

— Нет! — горячо заговорила она. — Нет, это неправда. Ты не видела принцессу, не могла ее видеть! Она никого не подпускает к себе, кроме меня, никогда, никогда, никогда!

Саранна с трудом сглотнула. Ее сон... Но это неправда, такого не может быть!

— Дамарис! — Она произнесла имя девочки резко, требуя внимания. — Дамарис, ты должна рассказать мне правду. Кто живет в запретном саду?

Дамарис быстро замотала головой, отказываясь отвечать.

— Не могу, я обещала! Я не могу нарушить обещание. Так сказал дедушка. Он взял с меня слово перед смертью!

Саранна глубоко вздохнула:

— Хорошо, Дамарис. Я не прошу тебя нарушать твое обещание. Но выслушай меня. Вчера вечером... — Она медленно и подробно описала свой сон — видение Женщины-Лисы, танцующей перед своими четвероногими родичами, комнату за круглой аркой, ароматный чай в нефритовой чашке, как

она проснулась в собственной постели — и только лежащая на столе подвеска требовала объяснения.

Дамарис слушала ее не прерывая, бесстрастно, словно сознательно подавляла чувства.

Когда Саранна умолкла, надолго воцарилась тишина. Потом старшая девушка добавила:

— Это, должно быть, сон. Я не могла видеть танцовщицу с лисьей мордой. Если бы не эта подвеска... — Она вопросительно посмотрела на Дамарис. Со вчерашнего дня они словно поменялись местами: тогда она хотела защитить девочку, теперь искала ее помощи. Ей нужно было узнать, почему появилась подвеска.

Дамарис опять покачала головой, медленно.

— Не могу тебе сказать, правда не могу, Саранна. Я обещала. — Она показала на подвеску. — Но она твоя, иначе бы ее у тебя не было. И она не из сокровищ дедушки. Только ей не показывай. Она найдет способ отобрать ее у тебя. А этого нельзя допустить. Эта вещь наделена силой. Такой нефрит называют «небесным камнем». А белая лиса означает удачу. Спрячь ее и никому не показывай. И, Саранна... — Девочка встала и остановилась прямо перед старшей девушкой. — Я сказала бы тебе, если бы могла, честно, сказала бы!

Саранна вымученно улыбнулась:

— Да я верю, Дамарис. И понимаю, что это ценная вещь и ее лучше спрятать. — Она старательно спрятала подвеску. — Я просто жалею, что ты не можешь сказать мне больше. Но я не буду больше спрашивать. — Она вздохнула.

Дамарис ее удивила. Может быть, она все-таки побывала ночью в тайном саду. Саранна слышала о человеке по имени Месмер, который умел внушать людям, что они видели нечто несуществующее, погружая их в сон и отдавая им приказы. Все-таки танцовщица с лисьей головой — наверняка иллюзия. Но кто так воздействовал на сознание Саранны? Эта мысль вела к пугающему продолжению, и Саранна решила не думать о нем.

— Мисс Дамарис, мисс Саранна... — К ним подошла Милли. — Миссис Партон зовет вас, мисс Саранна. Она вам покажет платья, которые отдала мисс Гонора...

Саранна вначале даже обрадовалась такой помехе, хотя мысль о том, что ей предстоит принять подачку Гоноры, злила ее. Дамарис пошла с ней в ее комнату, где Роза под присмотром экономки выкладывала на кровать груды платьев. Все, конечно, черные. Несомненно, Гонора решила больше не придерживаться строгого траура. Саранне не хотелось рассматривать платья на глазах у миссис Партон.

Экономка подобрала смятую юбку и расправляла ее складки. Она с восхищением провела рукой по ткани.

— Прекрасная материя, наилучшая, — заметила она, взглянув на Саранну и, вероятно, ожидая, что девушка воздаст должное такой щедрости.

Но материал, который она так хвалила, оказался тяжелым плотным атласом, совершенно непригодным для весны. Однако Саранна смирила гордость.

— Миссис Уэйли чрезвычайно добра, — ответила она. — У меня большой опыт шитья, миссис Партон. Не потребуется нанимать швею. Спасибо, что принесли это.

Выражение лица миссис Партон не изменилось. Она кивнула, принимая невысказанное предложение уйти, и вышла из комнаты. Дамарис взяла атласную юбку, которую расхвалила экономка, и поднесла к окну.

— Смотри! — негодуяще воскликнула она. — Мне кажется, я ее узнаю. Ты только посмотри! На это платье *она* пролила вино, весь перед испорчен. — Дамарис презрительно бросила юбку на кровать, но юбка упала на пол. — Интересно, что еще она тебе отдала. То, что невозможно больше носить...

Саранна принялась осматривать одежду. Большая ее часть либо была испорчена, как юбка, о которой говорила Дамарис, либо не годилась для этого времени года. Тем не менее она нашла черный батист, который можно было использовать в качестве нижней юбки с другим платьем. Его можно

было переделать. И еще поплиновое платье, над которым тоже посмеялась Дамарис.

— Это мне тоже известно. *Она* надевала его всего раз. Миссис Лэнгтри сшила себе такое же, и *она* ужасно рассердилась, когда приехала домой с моря. Все это никуда не годится, Саранна! Но чего еще от *нее* ждать!..

Но у Саранны при виде этой груды одежды возникла идея. Гонора выбрала из своего гардероба все, что считала невозможным носить. Но в одном отношении миссис Партон оказалась права: все ткани были превосходного качества. А Саранна не зря наблюдала, как ее мать создает платья буквально из ничего. Она многому научилась. Не было смысла отвергать этот подарок. Лучше она докажет Гоноре, что она тоже мастерица и может одеваться достойно.

— Ты что-то задумала, — объявила Дамарис. — Я знаю! У тебя такие смешные морщинки вот здесь... — Она указала пальцем Саранне на переносицу. — Это значит, ты думаешь. Что ты собираешься делать с этими тряпками? — Она указала на груды одежды. — Надо швырнуть их ей обратно.

— Напротив, — мягко ответила Саранна, — я поблагодарю ее за щедрость...

Дамарис фыркнула.

— Я ее поблагодарю, — повторила Саранна. — А потом... возьмусь за дело.

— И чем займешься? — спросила Дамарис.

— Буду резать, пороть, сшивать...

— Ты хочешь использовать *это*?

— Конечно. Понимаешь, Дамарис, моя мама несколько лет зарабатывала на жизнь шитьем. Я ей много помогала, хотя ходила в школу, готовилась стать учительницей. У мамы был прекрасный вкус и ловкие пальцы. Может быть, то, чему она меня научила, сейчас поможет больше книжных знаний.

— Леди не шьют платья... — с сомнением сказала Дамарис.

Саранна повернулась и посмотрела в лицо девочке:

— Леди, Дамарис, выполняют любую необходимую работу. Разве тебя не учили шить?

Дамарис рассмеялась:

— Ну, Глупая Рожа пыталась. Но потом сдалась. Не справилась со мной.

— Но, Дамарис, вот ты восхищаешься прекрасной вышивкой. Кто-то ведь ее сделал. Разве тебе никогда не хотелось сделать что-то такое же?

— Этого хотела Глупая Рожа. Она говорила, что нужно обшивать тряпки для пыли... и простыни... — Девочка задумчиво посмотрела на Саранну. — Но, если хочешь научить меня шить, может, я попробую. Если я помогу тебе переделать эти старые платья, у *нее* глаза на лоб полезут. Конечно. Давай.

Саранна улыбнулась:

— Милли тоже хочет поучиться. Для нее это прекрасная подготовка, если она хочет стать личной служанкой леди. Хорошо, у нас будут уроки шитья... прямо здесь... начнем завтра же утром.

— У миссис Партон есть настоящая швейная машинка. Она ею не пользуется — боится, — сообщила Дамарис. — И не позволяет служанкам к ней прикасаться, они, мол, могут ее сломать. Дедушка выписал ее из Нью-Йорка для меня. Но когда она прибыла, миссис Партон ее отправила под замок. Сказала, это не игрушка для ребенка.

— Попросим у нее машинку, — пообещала Саранна. — Мама видела такую — ее показывали в Бостоне, и я тоже была там. Но мы не могли позволить себе ее. Посмотрим.

Теперь она во второй раз, с большей целеустремленностью, принялась рассортировывать отрепья, определяя, что из поврежденной, испачканной и вовсе негодной одежды можно использовать. Наконец она решила, что сумеет сшить три совершенно новых платья. Конечно, Саранна не думала, что шьет так же искусно, как мать, но на ее стороне был старый принцип экономии (хорошо известный в Сассексе, где один пенни часто работает за два) — корсаж можно обновить новой манишкой и присоединить к юбке от другого платья,

верхняя часть которого безнадежно испорчена. Даже в худшем случае она будет одета лучше, чем сейчас, с ее старыми убогими платьями.

Дамарис сидела на краю кровати и разглядывала запятнанную атласную юбку.

— Саранна, ты... ты говоришь о своей маме, как будто здесь ты в гостях... и скоро отправишься к ней домой... а не как о мертвой. Ты не плачешь, когда говоришь о ней...

— Да, не плачу... — Саранна старалась проглотить ком в горле. — Но это не значит, Дамарис, что я не думаю о ней, что не хочу... Такое желание эгоистично: я хочу лучшего для себя, а не для нее. Понимаешь, она очень-очень болела перед смертью. Врач сказал, что она никогда не поправится и не сможет работать. У нас не было ни гроша, кроме того, что мы зарабатывали. Если бы она осталась жить, она была бы очень несчастна. Теперь, я уверена, она в безопасности. Голодает. Ей не холодно. Я вспоминаю ее такой, какой видела в один очень счастливый день.

Мы тогда уехали в деревню, повидаться с маминной школьной подругой. Был прекрасный летний день, и мы остановились на большом поле у ручья. Там росло множество цветов и папоротников, воздух был мягким, теплым, светило солнце. Мама много работала, иногда она целыми днями не выходила даже в садик у нашего дома. Но в тот день она осмотрелась и сказала, что небеса, наверное, похожи на это поле. И я уверена, что так оно и есть — для нее. Поэтому, когда меня одолевает эгоизм и я думаю, как мне ее не хватает, я вспоминаю то поле, и цветы, и солнце...

Саранна почти забыла о своей слушательнице, она как будто делилась своими воспоминаниями с собой.

— Мне это нравится. Дедушка... Не думаю, что ему захотелось бы в поле, — негромко сказала Дамарис. — Он... может, он в месте, похожем на Китай, где много прекрасных вещей. Ходит между ними, высокий и стройный, без помощи палки, просто ходит и смотрит... О, Саранна, я рада, что ты приехала сюда! Я так рада!

Дамарис бросилась к девушке, обняла ее за талию, прижалась головой к груди прямо над подвеской. Саранна в свою очередь обняла девочку.

— Я тоже, Дамарис, я тоже!

С удивлением она поняла, что сказала правду. Несмотря на свою странность и угрюмость, Тенсин в этот миг стал для нее похожим на дом.

Глава девятая

ВЭЙ ЧИ. ЕЩЕ НЕ ДОСТИГНУТОЕ

Саранна действительно поблагодарила Гонору, и голос ее звучал искренне. Каковы бы ни были намерения Гоноры, Саранна собиралась использовать ее подарок. Собственная бедность доставляла ей все большую неловкость, особенно среди великолепия Тенсина, которое лишь подчеркивало эту бедность.

Но она сомневалась, что Гоноре, поглощенной своими планами возвращения в Балтимор для пополнения гардероба, это было бы интересно.

— В следующем месяце я совсем смогу отказаться от траура. — Гонора мечтательно смотрела в пространство над тарелкой, словно видела перед собой всего в дне пути вниз по реке рулоны кружев и кипы материй. И говорила о трауре по мужу словно о заточении в тюрьму. Возможно, для нее так оно и было.

Судя по тому, что Саранна знала о Ричарде Уэйли, сыне капитана, его всю жизнь затмевал отец. Потом он встретил женщину, которая вышла за него замуж, но не ради его личных качеств, а из-за богатства, которое олицетворял Тенсин. Впрочем, если Гонора вышла замуж ради денег и положения в обществе, она была горько разочарована.

Впервые Саранна заметила, что, хотя Дамарис все время говорила о деде и о своей привязанности к нему, она ни разу не упомянула отца и мать. Возможно, всю свою долгую

жизнь капитан настолько затмевал всех прочих обитателей дома, что для девочки они ничего не значили.

— Да... — продолжала Гонора; казалось, она размышляет вслух, а не обращается к другим сидящим за столом. — Сине-е, я думаю, и еще вышитое с кружевами. Зеленый мне тоже идет. И новые шляпки с розовыми розами под полями. — Глаза ее сверкали, щеки рдели. Саранна не сомневалась, что Гонора уже воображает себя в этих новых нарядах.

Она перехватила взгляд Дамарис, и девочка ответила ей легкой гримасой. Поскольку говорили об одежде, Саранна решила вторгнуться в упоительные мечты Гоноры с вопросом.

— Можно нам воспользоваться швейной машинкой?

— Что?..

На мгновение Гонора растерялась.

— Швейная машинка. Я знаю, что капитан Уэйли купил ее незадолго до смерти. Мне нужно кое-что переделать в платьях, которыми ты меня столь щедро одарила, и машинка облегчила бы мне работу.

— Швейная машинка? Но они такие сложные...

Саранна решительно продолжала:

— Я видела одну, ее показывали в Бостоне. Для тонкого шитья они не годятся, но швы заделывают гораздо быстрее.

— Где она? — Гонора оторвалась от радостей грядущих покупок.

— Мне кажется, ее спрятала миссис Партон. Она не хочет, чтобы ею пользовались необученные служанки...

— Ну хорошо! Да! Скажи, чтобы она отдала тебе машинку. — Гонора кивнула, явно в хорошем настроении. — Я знаю, она будет очень кстати — для тебя, Саранна.

Что-то в ее тоне насторожило Саранну.

— Почему она будет мне кстати, Гонора? Я здесь просто гостя. — А про себя добавила, что для всех, кроме, пожалуй, Дамарис, — очень незначительная гостя.

— Ты не ребенок, Саранна, а молодая женщина. — Гонора скромно улыбнулась, хотя эпитет «скромная» вряд ли был

применим к миссис Уэйли. — Знаешь ли, что ты заинтересовала Руфуса Партона? Он многообещающий молодой человек и напряженно работает, чтобы подняться над своим классом. Он намерен переехать на Запад, где перед человеком его способностей открываются большие возможности. И...

— И может поискать в другом месте! — горячо ответила Саранна. — Руфус Партон меня несколько не интересует.

Послышался ледяной смех Гоноры.

— О, конечно, он грубоват. Но благоразумная жена обещает его и приучит к более цивилизованным манерам. Он, знаешь ли, не беден. Дядя оставил ему немало для человека из такого класса. У него и земля есть — в Теннесси, что ли. Он может позволить себе жениться на бесприданнице. А любовь возвращается при знакомстве. Ты должна дать Руфусу шанс и постараться узнать его получше. Он станет прекрасной партией...

Саранна с трудом сдерживалась. В конце концов, это были всего-навсего ее страхи, выраженные в словах. Чутье подсказывало ей, что нужно скрывать от Гоноры то крайнее отвлечение, которое вызвало у нее это предположение.

— Джеррад вчера согласился со мной, что для тебя это лучший выход, Саранна. В конце концов — что ты умеешь? Порядочная женщина не может мыслить для себя лучшего будущего, чем благоразумный брак. Ведь годы впроголодь после смерти отца научили тебя, что белошвейка с трудом может заработать себе на жизнь. Отец говорил, что ты хотела стать учительницей, но разве это лучшая жизнь? Нет, Руфус — подходящий человек, у него достаточно денег и земли, чтобы хорошо устроиться. Его жена будет первой леди в том захолустье, где он поселится. Ты должна проявить рассудительность и благоразумие, Саранна. В твоем положении мало кто из бесприданниц может рассчитывать на такой шанс, как Руфус Партон...

— А если он мне не нравится?

Гонора снова рассмеялась:

— Не нравится? Да ты его не знаешь. Тебе нужно пообещать его. Тебе нельзя чересчур привередничать, моя девоч-

ка! — Последнюю фразу она произнесла совершенно иным тоном, как бичом хлестнула.

Саранна подумала, что Гонора может подталкивать ее к этому браку, но заставить ее принять Руфуса не может. Никогда! Скорее Саранна покинет Тенсин. Она найдет способ прокормиться. Можно написать в Академию. Что-то же она в силах сделать!

— Боже, какая сердитая гримаса! — смеялась Гонора. — Саранна, у тебя рано появятся морщины, если будешь так капризничать. Подумай о том, что я сказала: говорят, ты неглупа. Ты сама должна понять, что лучше: жить из милостыни или быть хозяйкой собственного дома. Подумай. Я надеюсь, ты поймешь, что мы не враги, а друзья и хотим тебе добра.

Она допила свой кофе и встала из-за стола.

— Вечером приедет Джеррад, обсудить покупки, которые хочет поручить мне.

Саранне не требовался более ясный намек.

— Я хотела почитать, — пришла ей на выручку гордость.

— Дамарис?.. — Впервые Гонора обратилась непосредственно к падчерице.

— О, тоже хочу почитать, — девочка подражала тону Саранны. — Не волнуйся, мы понимаем, что мистер Фок пришел только ради встречи с тобой. — Она не старалась скрыть враждебность.

Гонора слегка покраснела:

— Ну уж не ради того, чтобы слушать пустую болтовню маленьких грубиянок! — Когда она говорила резко, ее голос становился пронзительным и совсем не годился для вежливой беседы, подумала Саранна.

— Лучше быть доброй в родном доме, чем жечь благовоения вдали от него...

Гонора покраснела еще гуще.

— Не смей говорить при мне эти языческие слова! — вспыхнула она. — С меня их хватило, пока... — Она прикусила губу. Дамарис смотрела ей прямо в лицо.

— Ты хотела сказать, «пока был жив дедушка»? Его больше нет, и ты решила, будто то, во что он верил, потеряло значение? Не трать время: солнце скоро сядет.

Не ожидая ответа, Дамарис вышла из комнаты. Мачеха задумчиво смотрела ей вслед. Потом взглянула на Саранну:

— Ее одержимость все нарастает. Ты ведь видишь это. Приходится признать, что капитан учил ее этим языческим обычаям, впав в старческий маразм. Не знаю, что мы будем делать, если ей станет еще хуже. Ее опекун — мой отец, но его еще очень долго не будет. Придется предпринять ради нее кое-какие шаги до его возвращения. Боюсь, сейчас мало что может помочь преодолеть истинно пагубное влияние того, чем ее пичкали, пока растили. Она говорила с тобой о своих снах? О том, что знает об этой дьявольской вере? — Гонора пристально смотрела на Саранну, как будто ожидала подтверждения или согласия.

— Дамарис рассказывала мне только о сокровищах капитана. И действительно поразила меня глубиной и полнотой своих знаний. Думаю, мало кто из взрослых по эту сторону океана сравнится с ней в знании китайского искусства...

Гонора пожала плечами:

— Не обманывайся этим вздором. Мой свекор разглагольствовал о вещах, которые, по его словам, знал; она, как пугай, повторяет его слова, чтобы произвести впечатление. Она всего лишь ребенок, капризный и истеричный, с дурной наследственностью и тяжелым характером. Я хочу, чтобы ты не пускала ее в общество, когда приедут гости. Когда у нас в последний раз собрались гости, она ворвалась в гостиную и выхватила вазу из рук доктора Монтгомери. И имела наглость заявить, что он может по неосторожности разбить ее. Такого больше не должно быть. Понимаешь, Саранна? Если Дамарис не может научиться вести себя смирно и достойно, ее нужно отправить в заведение, предназначенное для людей с неустойчивой психикой. Еще один или два таких срыва в присутствии посторонних, и даже мой отец, узнав об этом, одобрит такой шаг!

Вот оно, без обиняков, — то, чего боялась Саранна, думая о Дамарис. Девушка хорошо знала настойчивость и целеустремленность Гоноры и понимала, что это не пустая угроза.

Оставался Джеррад Фок. Если бы удалось откровенно поговорить с ним, возможно, он помог бы обеспечить понижающее отношение к Дамарис и ее безопасность. Однако... не стоило переоценивать сочувствие мистера Фока. Поднимаясь по лестнице к себе, Саранна вспомнила еще одно утверждение Гоноры, объявленное с обычной безапелляционностью. Якобы Джеррад Фок обсуждал с ней вопрос о Руфусе Партоне и согласился, что сын экономки был бы прекрасной партией для Саранны и надолго обеспечил бы ее будущее.

Как он мог! Горло девушки вдруг сжалось, подступили слезы. Мистер Фок... как он мог поверить, что она будет счастлива... тем более в безопасности с человеком, который у нее на глазах избивал беспомощное животное? С тем, под чьим взглядом она чувствует себя замаранной, словно поскользнулась и упала в болото. Да много ли он знает о Руфусе Партоне? Или просто соглашается с мнением Гоноры о Руфусе?

— Саранна... — Девушка, вздрогнув, подняла голову. Лампа в ее комнате не горела. Но в полутьме Саранна увидела у окна Дамарис.

— *Она* сказала Джерраду, что ты хочешь выйти замуж за Руфа...

— Да! — жалобно сказала Саранна.

— Я слышала, как сегодня днем, возвращаясь, они разговаривали об этом. Он спросил, почему *она* разрешает Руфусу здесь болтаться. Спросил резко. *Она* сказала, что ты просила об этом. Что ты познакомилась с Руфом в *ее* отсутствие. Не думаю, что Джерраду это понравилось. Лицо его застыло, он смотрел на нее. А *она* смеялась и болтала, — презрительно сказала Дамарис, — как всегда, когда он рядом. Но, боюсь, он *ей* поверил.

— Это неправда, а значит, со временем мистер Фок это поймет, — без всякой уверенности ответила Саранна.

— Нет, если *она* будет здесь, — заявила Дамарис. — Воду и слова легко вылить, но невозможно вернуть. — Эта новая жемчужина из китайской мудрости была подана едва ли не с самодовольством. — *Она* всегда добивается своего. Но с дедушкой у *нее* не вышло — и со мной не выйдет! — Это прозвучало как клятва.

— Дамарис, ты должна быть очень осторожна, — предупредила Саранна. — Она рассказала мне, как ты вырвала вазу у гостя. Если ты снова так сделаешь при свидетелях, это укрепит ее...

— Она старается доказать, что я сумасшедшая? Знаю, говорят тебе, знаю! Знаю гораздо больше тебя. Например, я знаю, почему она хочет убрать меня из Тенсина, почему говорила сначала о том, чтобы отправить меня в школу на Севере, а теперь... — голос Дамарис впервые чуть дрогнул, — теперь в другое место, еще хуже. Ей нужен Тенсин. Когда она вышла замуж за моего отца, она рассчитывала получить имение. Папа к тому времени уже давно болел. Но она все равно вышла за него. И попробовала играть роль хозяйки. Но дедушка сразу поставил ее на место. *Ей* это не понравилось, но *она* боялась дедушки. Понимаешь, он знал, кто *она* такая. *Она* не могла обмануть его улыбками и ласковыми словами, не могла.

Но *она* знала, что он стар и что, когда он умрет, хозяином станет отец. И тогда *она* получит все. Но папа погиб, когда перевернулся шлюп. Он плыл в Балтимор, к новому врачу. А дедушка еще был жив. Тогда *она* решила, что сможет командовать, когда он умрет.

Но он пригласил судью Рейлстоуна и сквайра Баркли и долго с ними говорил. После этого он написал завещание, по которому *ей* ничего не полагалось, только немного денег, которые оставил ей мой отец.

Саранна ухватила за два имени, названные Дамарис.

— А где они теперь — судья Рейлстоун и сквайр Баркли? Девочка покачала головой:

— Они не помогут. Судья... он у себя в Бремиде. У него был удар, и он не встает с постели. А сквайр Баркли уехал на Запад — у него там какие-то земли.

Саранна вздохнула. На мгновение ей показалось, что все легко разрешится. Есть два уважаемых члена общества, к которым она обратится, если Дамарис будет грозить опасность. Эти двое знают, чего хотел для нее дед.

— Саранна. — Дамарис коснулась руки девушки. — Не волнуйся. Может, я могла бы сказать тебе больше. Но надо подождать и посмотреть — еще немного. Обещаю не делать ничего такого, что не понравилось бы *ей*. По крайней мере, пока не пойму, что может произойти.

— Снова «И Цзин»? — с тревогой спросила Саранна. Ей не хотелось, чтобы девочка полагалась на суеверия иного мира.

Дамарис рассмеялась:

— Может быть. Но в этот раз я воспользуюсь не палочками. Только — я обещаю, Саранна. — Девочка продвинулась вперед, взяла Саранну за руку и с той же искренностью, с какой говорила, что рада появлению Саранны в Тенсине, сказала: — Пожалуйста, не тревожься. — Она с нажимом повторила: — Здесь есть такое, о чем Гонора не знает. Дедушка сказал, что меня защитят, если мне понадобится помощь. Нам ничто не грозит. Я позабочусь, чтобы тебе тоже помогли. Обещаю.

В голосе Дамарис звучала полная уверенность. Но, когда девочка ушла, мысли Саранны двинулись по кругу. Она не могла сосредоточиться на книге, ей не хотелось смотреть на отобранные ею платья. Беспокойство подняло ее с кресла-качалки. Она подошла к окну и стала смотреть на высокую живую изгородь. Никаких светлых точек, никаких признаков жизни. Сон?..

Наконец Саранна легла. Но в эту ночь даже императорская кошка не могла погрузить ее в глубокий сон. Девочка спала урывками и проснулась утром с больной головой

и жжением в глазах. Ну, по крайней мере, Гонора уезжает, а завтра воскресенье. Они поедут на службу в маленькую церковь. Может, в ее мирной тишине смятение Саранны уляжется.

Во время раннего завтрака Гонора была занята своим отъездом. Несколько раз она отдавала миссис Партон распоряжения относительно приезжающих гостей, спрашивала о различных вещах из своего багажа — не забыла ли чего. Она была целиком и полностью занята собой и своими заботами — что стало облегчением, которого Саранна не ожидала.

На другом краю стола Дамарис спокойно ела то, что ей подавали, и молчала. Она даже не бросала на мачеху косые взгляды, которые Саранне всегда казались слишком оценивающими, слишком понимающими для девочки ее лет. Дамарис спокойно прошла по обсаженной самшитом аллее на пристань и стояла там рядом с Саранной, словно в ее голове никогда не возникали мятежные мысли, а тем временем шлюп, который Джеррад Фок предоставил в распоряжение Гоноры, отходил к речному течению.

Но, когда мачеха уже не могла их услышать и почти скрылась из вида, Дамарис ожила.

— Тебе нужно заняться швейной машинкой, — бодро сказала она Саранне. — Покажешь мне, как на ней шить. Тогда она станет моей, как и хотел дедушка. Идем. Сначала я хочу тебе что-то показать!

И она потащила Саранну за собой в дом, в верхний коридор. Но в комнату девочки они не пошли. Напротив, Дамарис остановилась у самой последней двери и достала из-под передника большой ключ на грязноватой веревке, обвязанной вокруг талии.

— Здесь! Но ты никому не должна говорить. Обещаешь?

— Я должна знать, что обещаю, — возразила Саранна.

— Здесь вещи, которые привез домой дедушка. Он говорил, что, когда я вырасту, они станут моими... Ну а другие — это часть тайны. Но я могу показать тебе все, потому что теперь они мои!

С этими словами она повернула ключ в замке и распахнула дверь. Саранна помешкала, задумавшись о новой загадке, но Дамарис за руку буквально втащила ее внутрь.

— Входи. Кочерга сюда никогда не ходит. И даже *она* ничего об этом не знает. Если бы знала, тут же прибрала бы к рукам. Но это не *ее*, и *она* не может взять.

Окно в комнате не было занавешено, и солнце врывалось через него и золотой полосой ложилось на пыльный пол. Вдоль стен стояли сундуки из красной кожи, украшенные золотыми резными узорами.

— По одному на каждое время года. — Дамарис закрыла за собой дверь на замок. Указывая пальцем, она перечисляла: — Весна, лето, осень, зима. Так держат свою одежду китайцы, хранят по временам года. Но теперь в сундуках не одежда. Смотри!

Она подняла крышку «весеннего» сундука, и Саранна увидела богатую парчу. Она и не знала, что такая существует. Ткань была сине-зеленая, с вплетенными золотыми нитями, которые образовывали узор в виде длинноногой летящей птицы. Дамарис быстро приподняла эту ткань и показала другую, деликатного яблочно-зеленого цвета, тоже со сложным вытканым узором. Под ней оказалась еще одна, не коралловая и не красная, а нечто среднее между этими двумя цветами. Дамарис ходила по комнате, показывая содержимое сундуков. В них лежала не только парча, но и шелк. Некоторые шелковые ткани были такими тонкими, что на ощупь казались не тяжелее паутины. Тут были все оттенки, кроме желтого, все, словно цветы в саду под лучами солнца.

Показав последнюю роскошную ткань, Дамарис тщательно закрыла «зиму».

— Желтого нет, потому что это цвет императора, дедушке не удалось купить ничего из того, что шло во дворец. Но остальное — это материалы для шитья одежды. Если ты меня научишь шить... Я никогда не показывала их Глупой Роже. Та сразу побежала бы докладывать *ей*. Подумай только, как *ей* бы захотелось их заполучить!

— Дамарис, это слишком дорогие ткани, чтобы мы с ними работали. — Саранна пришла в ужас при мысли, что может прикоснуться ножницами к этим сверкающим бесценным материям.

— Не сейчас. — К ее облегчению, Дамарис кивнула. — Мне нужно сначала многому научиться. Но когда-нибудь — да. Ты должна выбрать и для себя, Саранна. — Она отошла и внимательно посмотрела на девушку. — Я думаю, одну из зеленых. Может, светлую, из «весеннего» сундука. Она заставляет думать о новой зелени, проснувшейся на солнце. Да, зеленая из весны.

— Не сейчас... — отказалась Саранна.

— Конечно, нет. Если у тебя сейчас появится такое платье, *она* не успокоится, пока не узнает, откуда оно. Но когда-нибудь... Оно будет твоим!

— Поживем — увидим, — постаралась выиграть время Саранна. Она смотрела, как Дамарис снова открывает и закрывает дверь и прячет ключ под передником. Даже в лучших магазинах Бостона девушка никогда не видела таких материй, какие собрал капитан Уэйли. Ее слегка удивляло, что мужчина мог собрать и сберечь такие ткани. Она знала, что Дамарис родилась уже после возвращения капитана с Дальнего Востока. Неужели цвет, текстура, просто красота пробудили в капитане желание, которому он не смог противиться, заставили добавить эти ткани к собранию? Для чего он первоначально покупал их? На занавеси? Тяжелая парча годится для такой цели. Но легкие шелка — нет. Она все еще думала над этой загадкой, когда Дамарис повернулась к ней и бодро сказала:

— Теперь миссис Партон должна пустить нас в комнату для шитья. *Она* сказала, что мы можем воспользоваться швейной машинкой. Я принесу свою рабочую шкатулку. Вот комната для шитья. — Она указала на дверь, соседнюю с той, что вела к четырем сундукам.

В два больших шага Дамарис очутилась у этой двери и повернула ручку. Та поддалась. Девочка торжествующе кивнула, оглянувшись через плечо на Саранну.

— Да, открыто. Пойду за своей рабочей шкатулкой и велю Милли принести твою и все эти платья. Тогда ты начнешь меня учить...

Прежде чем Саранна смогла ответить, она убежала, оставив дверь приоткрытой. Девушка открыла ее пошире и вошла.

Глава десятая

ШИНЬ ХО. ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ

Воскресенье до полудня оказалось истинным днем покоя, как и надеялась Саранна. В сопровождении миссис Партон они поехали в карете в церковь. Руфус и Коллис Партон, очень молчаливый скромный человек, ехали верхом. К счастью, Партоны не сели на отведенное для хозяев место, и Саранна с Дамарис сидели там, наслаждаясь роскошью одиночества. На время службы Саранна с облегчением избавилась от внимания своего неприятного поклонника.

Она внимательно разглядывала викария. Этот человек интересовал ее больше, чем его проповедь. В Сассексе пастор Уиллис был надежным оплотом для всех нуждающихся в помощи. Этот же человек казался гораздо более мирским, и Саранна сомневалась, чтобы с ним можно было поделиться своими сомнениями и предчувствиями. Что-то в нем ей не нравилось — некая заносчивость, с какой он держался. Он словно был так уверен в своем превосходстве и правильности своего положения в жизни, что не обрадовался бы ничему, способному хоть в малейшей степени нарушить размеренный ход его жизни.

Мистер Фок занимал другую большую ложу на левой стороне через проход, несомненно принадлежащую его семье. Саранна видела на стенах многочисленные памятные доски с именами Фоков и Уэйли, потускневшие, хотя церкви было не больше ста лет.

Служба наконец подошла к концу, и Саранне захотелось поскорее вернуться в Тенсин. Когда они с Дамарис селись

на свои места, она заметила многочисленные любопытные взгляды из-под шляпок и шляп. И хотя в таком месте не полагается думать об одежде, девушка остро осознала, что одета беднее даже черных слуг, сидевших на верхней галерее. Ее унижала мысль о том, что она при первой встрече произвела на соседей впечатление бедствующей.

— Мисс Стоувелл, Дамарис... — Когда они, подхватив широкие юбки, выбирались из своей ложи, их поджидал мистер Фок со шляпой в руке. — Славный нынче денек...

На мгновение Саранна забыла, какую жалкую фигуру представляет в глазах окружающих, несомненно, знакомых Гоноры. День был действительно славный. Но поездку сюда омрачал Руфус. Там, где дорога позволяла, он заставлял лошадь подходить к карете и с двусмысленной улыбкой не отрываясь смотрел на нее. А она отказывалась признавать его внимание в какой бы то ни было форме.

— Да, — негромко ответила Саранна, вновь сознавая, что вся женская часть паствы наблюдает за этой встречей и что все насторожили уши, пытаясь подслушать их разговор. Она не сомневалась, что Джеррад Фок вызывает повышенный интерес соседок. И что все, должно быть, очень разочарованы его выбором, тем, что он уже сосредоточил свое внимание на Гоноре.

— Достаточно славный для небольшой поездки? — спросил он.

— Куда? — Дамарис несколько не стеснялась, и Саранна была очень этому рада.

— Мимо «Отрады королевы», — ответил он. — Даже миссис Партон не может требовать, чтобы вы уселись за стол раньше часа, а я обещаю, что еще до тех пор вы благополучно вернетесь домой. Так как, заметил я, она делит с вами экипаж, это заставит ее немного повременить с ее планами. — Он улыбался, и Саранна неуверенно улыбнулась в ответ.

Если с ними поедет миссис Партон, в таком небольшом отклонении от маршрута не было ничего неприличного. И ей пришлось признаться себе, что она очень хочет поехать, уви-

деть старое поместье, которое Джеррад Фок восстанавливает из развалин, возникших, когда имением управлял его двоюродный брат.

— Ой, я хочу поехать! — Дамарис радостно схватила Саранну за руку в перчатке. — Мы ведь поедem?

Они дошли до выхода из церкви, и мистер Фок слегка поклонился экономке в строгом бутылочно-зеленом выходном платье, которая торопилась им навстречу.

— Я убедил молодых леди на обратном пути немного отклониться и проехать мимо «Отрады королевы». Обещаю не отрывать вас надолго от домашних дел. Ваши сын и муж могут передать указания поварихе в Тенсине, если хотите.

Миссис Партон открыла маленький рот, как будто хотела возразить. И закрыла — почему? Из-за спокойной уверенности мистера Фока? Саранна подумала: «Как несправедливо, что женщина не может позволить себе такой уверенный тон. По крайней мере, молодая женщина».

Мистер Фок помог им сесть в карету. Саранна видела, как подъехал Руфус. Но полное равнодушие Джеррада Фока к присутствию молодого Партона (как будто Руфус стал невидимым) он преодолеть не мог. Она видела, как отец удержал сына за руку, оттащил его назад. Лицо у молодого человека было мрачное.

— В «Отраду королевы», Сэм, — отчетливо приказал мистер Фок кучеру, а сам сел на сильную серую лошадь и поехал рядом. Лошади пошли спокойной иноходью, подходящей для такого дня.

— У поместья романтическое название — «Отрада королевы», — заметила Саранна.

Дамарис бурно закивала:

— Королева подарила эти земли одной из своих любимых фрейлин. Позже эта фрейлина вышла замуж за Фока, того, что построил имение. Конечно, к нему многое добавлено. Первый дом был совсем небольшой. Но на дверях вы увидите имя королевы Анны и венценосного льва. Потому что королева дарила это поместье охотно, себе на радость.

Когда они подъехали к входу, мистер Фок, который ускакал вперед, едва только они свернули на подъездную дорогу, спешился и ждал, чтобы помочь им выйти из кареты. За его плечом Саранна действительно увидела глубоко вырезанное имя августейшей Анны и поврежденного дождями и ветром льва на страже.

Внутри пахло краской и свежеструганным деревом, но лестница, ведущая на второй этаж, оставалась нетронутой, если не считать многих лет тщательной полировки. А стеновые панели были покрыты патиной, свидетельствующей о возрасте.

— Позвольте показать вам гостиную. Я хочу сохранить как можно больше от первоначальной обстановки этой комнаты, — обратился Джеррад Фок к Саранне, — да и всего дома, насколько получится. Видите, длинная стена позволяет добавить диванчиков у окон... — Он показал. — Эта центральная часть, оставшаяся от исходной постройки, соединяется с двумя павильонами. В одном находится мой кабинет, он же библиотека. На севере летняя веранда выходит в сад, там прохладно в самое жаркое лето. Мы, жители Мерленда, любим выходящие на север веранды, мисс Стоувелл...

— Мисс Саранна, мисс Дамарис... — Миссис Партон не стала проходить в комнату, осталась в дверях. — Скоро час.

Саранна слегка удивилась, что у экономки хватило наглости напомнить им о времени. Может быть, хоть она и согласилась выступить в роли дуэньи, они чересчур охотно согласились приехать сюда. Девушка не была знакома с местными обычаями. Но Дамарис имела полное право принять подобное предложение от жениха своей мачехи, а сама Саранна не видела в этом ничего дурного.

На мгновение мистер Фок нахмурился, как будто решил, что миссис Партон слишком много себе позволяет. Потом пожал плечами и повернулся к двери.

— Простите, что задержал вас, — сказал он. — Мне хотелось бы, чтобы вы осмотрели весь дом, все сделанное для то-

го, чтобы он снова стал удобным для жизни. Мой двоюродный брат последние годы занимал одну комнату. И вряд ли заглядывал в другие. Быть может, в следующий раз мы это устроим...

Миссис Партон, достигнув своей цели, повернулась к ним спиной и вышла. Дамарис провела рукой по диванчику у окна.

Мистер Фок склонился к старомодной, с вуалью, шляпке Саранны.

— Мисс Стоувелл, — прозвучал его еле слышный шепот, — правда ли, что вы знакомы с молодым Партоном?..

Он не закончил фразу. Будто опасался, что позволил себе вольность, недостойную джентльмена.

Не задумываясь, Саранна ответила правду:

— Я знаю его только как сына миссис Партон.

— Значит, он не...

— Знаете, — вернулась Дамарис, — в таком доме обязательно должно быть место для сокровищ. Как у бабушки. Хотя, может, не такое большое. — Она покачала головой, не в силах признать, что что-нибудь когда-нибудь способно будет затмить чудеса Тенсина.

К своему отчаянию, Саранна так и не услышала окончание вопроса мистера Фока. Неужели он сомневался в правдивости слов Гоноры? Если бы Дамарис дала им еще хоть немного времени, она могла бы разрешить свою дилемму и даже, может быть, заручиться сочувствием жениха Гоноры, чтобы отвести угрозу — Руфуса Партона. Но другой возможности поговорить у них уже не было. Дамарис продолжала щебетать о тайниках и сокровищах, пока они снова не оказались в карете.

Миссис Партон сразу приказала трогать, и карета покатила. Джеррад Фок остался стоять в дверях, и у Саранны даже не было возможности поблагодарить его за эту короткую отлучку из Тенсина с его тенями, омрачающими будущее.

— Мне нравится мистер Фок, — заявила Дамарис. Карета ехала куда быстрее, чем сюда, — как видно, на Сэма подей-

ствовал приказ экономки вернуться как можно скорее. — Но Тенсин лучше «Отрады королевы». Мне кажется, *она* тоже так считает. Тенсин больше и богаче.

После ланча Саранна пошла в гостиную. Кажется, это была одна из немногих комнат, куда не разрешалось заходить Руфусу. Поэтому она спокойно села, держа в руках зачитанную Библию матери. Некоторое время девушка думала о прошлом, о тех светлых временах, когда нищета не заставляла Кетуру Стоувелл постоянно держать иглу в руках. По воскресеньям бывали библейские притчи, пение гимнов и игра на клавесине — самой ценной вещи бабушки Саранны. Вспоминать дальше было больно, и Саранна решительно отвергла самое болезненное.

Занятая своими мыслями, она смотрела на массивную ширму из тика, которая отчасти закрывала выход в коридор. Высота ширмы составила не менее семи футов, а сама ширма частично состояла из синих и белых изразцов. На верхних изразцах были изображены пейзажи, на нижних — символические фигуры. Среди них те, что, по словам Дамарис, представляли пять благословений. Загибая пальцы, Саранна перечислила их.

Долгая жизнь, богатство, доброе здравие и душевное спокойствие, любовь к добродетели и исполнение воли Неба. Только над двумя из них человек способен установить контроль: над третьим и четвертым, а может, и вовсе только над четвертым. Прочее зависит от случая, удачи и, пожалуй, божественного произволения. Но можно сделать выбор и возлюбить добродетель.

Взгляд девушки переместился с этих фигур, столь чуждых для западных глаз, что в них трудно было признать рисунок, на затейливо расписанные плашки под ними. Вначале высокие горы причудливой формы и кажущиеся карликовыми на их фоне фигурки трех всадников на пустынной дороге. Несмотря на необычность рисунка, чувствовалось, что всадники едут по бесплодным землям. Далее изображался сад; под цветущим деревом за столом сидел человек, а на столе

лежали орудия ученого: чернильница, чернильный камень, кисточка, бумага, подставка для кисточек, печать. Немного в стороне другой человек сидел с флейтой в руках — скрестив ноги, прислонясь спиной к скале.

Третья картина... Саранна застыла. Выпрямилась, словно ее ударили. Где она могла это видеть? Нет, она не видела этого наяву, только во сне!

Ведь это была сама суть ее сна!

На одной стороне были изображены трое музыкантов — барабанщик, человек с флейтой у губ и женщина, прислонившая к колену инструмент с длинным грифом. Женщина перебирала его струны. В центре стояла танцовщица в платье с широкими рукавами, просторные юбки вились вокруг ног, как будто она мгновение назад закончила танцевать. Ее волосы были убраны в такую же высокую прическу, как у Женщины-Лисы.

Недоставало только двух мелочей: кружка сидящих лис и лисьей маски — у танцовщицы в сине-белом платье было человеческое лицо. Вот оно что! Должно быть, Саранна видела этот изразец, и этот рисунок без ее ведома сохранился в каком-то уголке ее памяти. Потом на него наложились рассказы о тенсинских лисах, и все это вылилось в сон!

Вот только... Она коснулась спрятанной подвески. В таком случае откуда эта подвеска? Если это дар Женщины-Лисы, почему он сделан? Но, разумеется, никакой Женщины-Лисы не существует! Сон приснился ей под влиянием этого рисунка и...

— Саранна!

Из-за ширмы показалась Дамарис. Девушка уже видела девочку вызывающей, видела мятежной, видела даже перепуганной чем-то, что она не могла объяснить. Но в таком отчаянии она ее не видела ни разу.

— Саранна, она исчезла. Исчезла из ящика стола! — Девочка запинаясь и говорила с трудом.

Саранна протянула к ней руки, и Дамарис сжала их так крепко, что девушке стало больно.

Девочка глубоко вздохнула. Из ее глаз полились слезы. Она дрожала и была близка к истерике. Вспомнив слова Гоноры о дурной наследственности Дамарис, Саранна испугалась.

— Успокойся. — Она старалась говорить ровно, чтобы утешить девочку, дать ей ощущение безопасности, а потом только узнать, что вызвало этот опасный припадок.

— Что исчезло? — Саранна обняла девочку и усадила рядом с собой на диван. Дамарис по-прежнему крепко сжимала руки Саранны. — Что исчезло? — повторила девушка, борясь с предчувствием, от которого сама едва сдерживала дрожь.

— Книга... дедушкина книга! — нетерпеливо заговорила Дамарис, как будто ожидала, что Саранна сразу все поймет и разделит с ней то отчаянное чувство утраты, которое так явно переполняло ее.

— Что за книга? — настаивала Саранна. Очевидно, речь шла о каком-то томе, который Дамарис высоко ценила. В этом ошибиться было невозможно.

Дамарис дрожала. Голос ее трепетал так же, как тело.

— Книга... книга, которую написал дедушка! Книга о его сокровищах. — Наверно, Саранна все-таки сумела немного успокоить ее, потому что Дамарис подняла глаза и теперь умоляюще смотрела в лицо старшей девушке.

— Он... он написал книгу о своих сокровищах. Там есть рисунки... всех лучших вещей. Названия написаны по-китайски. И еще описания вещей по-английски. Все о том, кто мог их сделать, каков их возраст — все, что сумели ему сказать ученые и художники. Он приказал переплести эту книгу в лучший шелк. В кусок ткани, которая, по слухам, происходила из дворца самого императора. Это очень важно. Дедушка никогда, никогда не позволял выносить ее из библиотеки. У него в столе был для нее особый ящик, и он всегда держал его на замке. Я единственная, у кого есть ключ от этого ящика.

Но, Саранна, когда я только что пошла взглянуть на эту книгу, ящик оказался пуст! Книга исчезла. Кто мог взять ее?

— Не знаю, но мы узнаем! — Может быть, она обещала невыполнимое. Но Дамарис сейчас нуждалась во всей ее поддержке. — Покажи, где она лежала. Может, там остались следы...

— Следы того, кто взял? — Отчаяние Дамарис сменилось оживлением так стремительно, что Саранне это не понравилось. Но хорошо, что ей удалось преодолеть отчаяние девочки, вызванное пропажей.

Дамарис, держа Саранну за руку, провела ее по коридору к библиотеке. Здесь окна были наглухо задернуты шторами, и в комнате царил угрюмая полутьма, которую не рассеивали даже роскошные переплеты книг.

Стол стоял на видном месте недалеко от камина, ящик был открыт. Подойдя, Саранна увидела, что ящик изнутри обит бархатом. Словно шкатулка, в которой хранят бесценное сокровище. Судя по всему, капитан Уэйли очень высоко ценил свою книгу, считал ее одним из сокровищ, не менее ценным, чем те, которые описаны в ней.

Высвободив руки, Саранна склонилась к столу. Она закрыла ящик. Он двигался очень гладко и ровно, пока не дошло до края. Там девушка увидела царапины. Она не была экспертом, но сразу уверилась, что ящик открыли не ключом, какой был у Дамарис. Нет, его явно взломали.

Она выпрямилась, подошла к сонетке и решительно позвонила. Она определенно имела право задавать вопросы относительно пропажи. И собиралась задать их незамедлительно.

Глава одиннадцатая

К'УЭЙ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

На звонок явился слуга Джон, и распоряжаться начала не Дамарис, а Саранна.

— Джон, попроси миссис Партон прийти сюда. Дело очень важное.

Слуга отвел взгляд.

— Она... Мисс Саранна, она не любит, когда ее тревожат после воскресной службы. Никогда не любила...

— Я сказала, что это важно, Джон. Под мою ответственность. Дело очень серьезное. Пожалуйста, передай ей, что я должна немедленно ее видеть!

Он неохотно ушел. Дамарис вдруг рассмеялась. Смех прозвучал резко, как лисий лай.

— Знаешь, она очень рассердится. Она спит. Чего ты от нее хочешь, Саранна? Думаешь, она взяла книгу?

— Миссис Партон стоит во главе штата слуг, и поэтому нужно поставить ее в известность, прежде чем мы начнем расспрашивать других, — объяснила Саранна. — Кто приближается в библиотеке, Дамарис? — Впрочем, она была уверена, что воровство — дело рук вовсе не слуг. Очевидно, книгу взяли с какой-то целью. Сама по себе она ничего не стоила, что бы ни думал об этом капитан.

— Джон — иногда — и Эмили. Но зачем им эта книга, Саранна? Они даже читать не умеют. И знают, что им не разрешается притрагиваться к ящику. Зачем кому-то?.. — Волнение, охватившее Дамарис, когда она обнаружила исчезновение книги, шло на убыль.

— Не думаю, что ее взяли слуги, — откровенно ответила Саранна. — Разве что им приказали это сделать. Как ты сама сказала, для них эта книга не имеет никакой ценности.

Она снова наклонилась, внимательно разглядывая ящик. Судя по царапинам на дереве, ящик открыли с помощью какого-то тонкого, но прочного инструмента.

— Он был открыт, когда ты пришла? — Она посмотрела на Дамарис.

— Немного. Я достала ключ, вставила его в замок и только тогда увидела, что ящик приоткрыт. — Дамарис уселась рядом с Саранной. — А когда начала выдвигать, увидела, что ящик пуст.

— Когда ты в последний раз в него заглядывала?

— Три дня назад. Хотела кое-что узнать... — Дамарис смотрела на выложенное бархатом пространство. Говорила она

уклончиво, но Саранне не нужно было выпрашивать, зачем ей понадобился список сокровищ. По крайней мере, сейчас. — Книга была здесь. А я закрыла ящик на замок, когда положила ее на место...

— Что случилось? — Миссис Партон вошла в библиотеку так неслышно, что Саранна вздрогнула, увидев ее у стола. Экономка смотрела на них с обычным бесстрашием.

Саранна встала ей навстречу.

— Мы только что обнаружили пропажу книги, принадлежавшей капитану Уэйли. Она всегда лежала в этом ящике. Три дня назад она была на месте. Придя сегодня в библиотеку, мисс Дамарис обнаружила, что замок взломан, а книга исчезла...

Выражение лица миссис Партон не изменилось.

— Я уверена, это какая-то ошибка. Книга не имеет никакой ценности. И никто чужой сюда не заходил. Никто из наших людей не притронется к тому, что ему не принадлежит.

— Тем не менее замок явно взломан, можете убедиться сами. — Саранна отказывалась пасовать перед экономкой. — Единственный ключ от ящика у мисс Дамарис, и книга интересовала только ее. Она не стала бы взламывать замок, ей это не нужно. Вы будете допрашивать слуг о том, кто заходил в эту комнату, или мне сделать это самой в вашем присутствии? Дело важное. К тому же книга сама по себе обладает ценностью. Это полный перечень предметов из собрания капитана Уэйли.

Губы слишком маленького рта миссис Партон дрогнули.

— У вас нет права распоряжаться в этом доме, мисс, — ответила она дерзко, почти нагло. — Я доложу миссис Уэйли, когда она вернется. Тогда, если она решит, что это правильно, мы начнем расспросы.

— Это у *нее* нет права здесь распоряжаться! — Дамарис вышла из-за стола и остановилась перед экономкой. — Это не *ее* дом! Он *мой*! И если Саранна хочет задать вопросы, я велю ей это сделать.

Изгиб губ экономки превратился в злобную улыбку.

— Вы тоже не можете тут приказывать, мисс Дамарис, пока не станете взрослой. До возвращения отца главная здесь — миссис Уэйли. Вам лучше не забывать об этом, если вы хотите себе добра. И лучше не обвинять других в краже. Откуда нам знать, что не вы сами спрятали эту книгу и выдумали сказочку — как раньше некоторые тутошние умалишоты, — чтобы кому-то насолить? Капитан, может, и поверил бы вашим выдумкам, но от миссис Уэйли этого не ждите. Предупреждаю вас обеих: сидите тихо, если не хотите неприятностей...

С этими словами она вышла из комнаты. Дамарис стояла красная, а Саранна, потрясенная такой демонстрацией уверенности в себе, лишилась дара речи. Миссис Партон никогда не посмела бы так говорить, подумала девушка, если бы не считала свое положение прочным. А ее предостережение означает, что Гонора приняла бразды правления Тенсином и намерена удержать их.

— Я знаю... — взорвалась Дамарис. — Знаю, кто ее взял!

— Миссис Партон? Но зачем?

— Нет, не Кочерга. *Она* взяла! Конечно, *она*! Но не понимаю, зачем. Разве что... — Худые плечи Дамарис согнулись, словно под ударом бича. — Разве что *она* хочет кому-то рассказать... о собрании. Я не позволю! Я никогда не позволю ей отнять его! Никогда, никогда, никогда!

— Но у тебя нет доказательств, — сказала Саранна, хотя догадка Дамарис показалась ей разумной.

— Кому еще это нужно? — с горечью спросила Дамарис. — Никому. Только человеку, который хочет разузнать о сокровищах дедушки. Я думаю, она задумала показать книгу кому-то в Балтиморе. Если она... — Она сжала кулаки и заколотила ими по столу, вновь разъярясь. — Я... я...

— Дамарис. — Саранна быстро положила ей руки на плечи. — Слушай меня очень внимательно. Это важно. Не было ли у твоего дедушки друга или делового партнера, кроме тех двоих, о которых ты мне рассказала? Кого-то, кому он доверял?

На мгновение она, казалось, прорвала пелену окутавшего Дамарис гнева. Девочка задумалась.

— Дедушка никого не навещал. Судья и сквайр обычно приезжали к нему. Есть его ежедневные записи, если *она* и их не забрала.

— Ежедневные записи?

— Дедушка вел учет письмам, кому он написал и когда. — Дамарис высвободилась, подошла к столу и открыла другой ящик. — Вот они!

Она достала тетрадь, похожую на гроссбух, хотя не такую большую.

— А зачем тебе знать о друзьях дедушки? — спросила она, положив тетрадь на стол.

— Я хочу знать, единственный ли твой опекун — мой брат. И знает ли кто-нибудь в Балтиморе о тебе и о Тенсине.

Дамарис пожала плечами:

— Это не важно. Они поговорят с *ней* и поверят тому, что скажет *она*. Нет, есть только один выход... — Она внезапно замолчала, как будто ее мысли опережали слова или она не хотела ими делиться. Неожиданно она улыбнулась.

— Мне кажется, я знаю... — сказала она. — Если ты мне поможешь, Саранна. Тогда пусть замышляет что хочет! *Она* не найдет того, что ей нужно!

— О чем ты?

— Мы спрячем сокровища! — Глаза Дамарис горели. — Когда *она* вернется — если *она* собиралась их забрать, их здесь не будет!

— Но как мы можем... — Саранна снова встревожилась. Она понимала беспокойство Дамарис, ее нежелание отдавать собрание тем, кто хочет его продать — целиком или частично. Но она не собиралась поддерживать веру девочки в то, что это возможно.

— Придется действовать ночью, — быстро говорила Дамарис. — В подвале много корзин, тех, в которых привезли сокровища. Дедушка не стал их выбрасывать. Может, думал, что собрание снова придется перевозить. Мы возьмем

их, уложим сокровища и спрячем. Есть место, куда *она* не посмеет заглянуть! Ах, Саранна, у нас получится, обязательно получится!

— Но мы не можем... — Саранна замолчала. Девочка наклонилась над столом и схватила ее за руку. Дамарис, вероятно, справедливо считала, что Гоноре поверят скорее, чем ей. Но, может быть, кто-нибудь их выслушает? А мысль о том, чтобы спрятать сокровища, Саранна приняла за беспочвенную фантазию.

Дамарис заговорила снова, громко, будто хотела, чтобы ее подслушали.

— Так всегда говорил дедушка, знаешь ли... — Она словно заканчивала какую-то речь, и ее слова не имели связи с тем, что они обсуждали.

Саранна тут же включилась в ее игру.

— Очень разумно, Дамарис.

— Да. «Рыба видит червяка, но не крючок». Он знал много такого. Вот, например, еще: «Говорить о добре нехорошо, хорошо только творить его».

Девочка прислушалась. Потом кивнула и тишайшим шепотом, пододвинувшись к Саранне, добавила:

— Если стоишь прямо, не бойся кривой тени. Мы сможем сделать то, что мне нужно, вот увидишь! Сегодня ночью! Обещай, что поможешь, Саранна!

— Но... это невозможно, Дамарис... — отвечала Саранна тоже шепотом.

Девочка решительно покачала головой. Она взяла Саранну за руку и утянула в дальний угол комнаты. Но и там продолжала шепотом:

— Я все обдумала. Мы сможем! Ты не понимаешь. Вот увидишь. Будет нелегко, но мы сможем. Если ты не поможешь, я попробую сама. Есть безопасное место. Нужно только упаковать вещи и перенести корзины туда... а потом, другие...

— Слуги? Но они не посмеют послушаться миссис Партон, — возразила Саранна.

— Нет, не Джон, не Роза или Милли, никто из них. Другие, из сада. Я... я не могу тебе рассказать, Саранна... я обещала. Но дедушка, если бы знал, сказал бы. В саду есть те, кто нам поможет. — Она указала на окно, выходящее на живую изгородь и запретный участок сада.

Даже если это была просто фантазия, Дамарис в нее глубоко верила, считала ее реальной. В голосе девочки звучала убежденность. У Саранны было лишь одно слабое доказательство — нефритовая подвеска. Но воспоминание о ней укрепило ее в том мнении, что Дамарис знает гораздо больше, чем говорит, и что, возможно, у нее действительно есть источник помощи, причем не вне Тенсина, а в нем самом. Хотя это не уняло тревогу Саранны и не ослабило ее решимости постараться отыскать кого-нибудь из друзей капитана Уэйли, кто бы выступил защитником Дамарис и открыто противостоял Гоноре.

— Сделаю, что смогу, — пообещала она.

Вернувшись к себе в комнату, Саранна положила тетрадь на стол и принялась ее перелистывать. Очевидно, некоторое время ее не открывали, потому что страницы слиплись. Большинство записей касались дел, которые были для нее бесполезны и непонятны. Она встретила частые упоминания о судьбе, сквайре Баркли, а также о мистере Сандерсе. Мистер Сандерс! Почему она не подумала о нем раньше?

Юрист, поверенный ее брата, такой надежный, что ему поручили сопровождать ее в Балтимор. Конечно, он должен знать о положении дел в Тенсине. Произвела ли Саранна на него впечатление здравомыслящей, чтобы он мог поверить ее рассказу? Конечно, она не может отправиться в Балтимор. Но может написать, попросить его приехать в Тенсин. Выполнит ли он ее просьбу? Или просто поговорит с Гонорой и тем самым отберет у Саранны даже этот шанс?

Множество «если»... но никаких иных упоминаний в тетради она не нашла. Значит, остается мистер Сандерс. Саранна сидела, положив подбородок на руку, а локоть на тетрадь, чтобы та не закрывалась. Она напишет мистери Сан-

дерсу, очень осторожно. В конце концов, у нее есть своего рода предлог. Пастор Уиллис обещал передать ей то, что вырчат от продажи имущества из их дома в Сассексе, и получить эти деньги должен мистер Сандерс. Она вправе спросить его, получил ли он деньги и какие вообще новости из Сассекса. Завтра она напишет это письмо, и его увезут на шлюпе, который еженедельно уходит в Балтимор за продуктами.

Приободренная мыслью об определенных действиях, Саранна спустилась с лестницы в лучшем расположении духа, чем то, в каком пребывала с той минуты, как Дамарис сообщила ей о пропаже книги. По-видимому, девочка тоже успокоилась, приняв решение. За столом она оживленно говорила о посещении «Отрады королевы».

Саранна была уверена, что Дамарис не забыла своих планов на ночь. Еще больше она уверилась в этом, когда девочка без возражений ушла спать очень рано. Поэтому сама она сидела в тревожном ожидании, по-прежнему сомневаясь, что должна принять участие в осуществлении дикого плана Дамарис.

День был ясный, но к ночи небо затянули тучи, вдали сверкали молнии, хотя гроза еще не дошла до Тенсина. Саранна прикрутила лампу, зажгла светильник-кошку и, частично раздевшись, сменила тяжелые нижние юбки на удобный капот.

Она не разочаровалась. Чуть слышно скрипнула дверь, и в тусклом свете появилась маленькая фигурка. Дамарис была не в платье, как подобало юной леди, а в брюках и тесной куртке. Такую одежду Саранна видела в своем сне на старухе, прислуживавшей Женщине-Лисе.

— Пошли...

— Дамарис, это невозможно! — возразила Саранна.

— Возможно, вот увидишь! Я попросила о помощи. Ее окажут. Идем, быстрее! Нужно торопиться, или мы ни за что не сумеем все спрятать!

Саранна никак не могла помешать девочке — разве что запереть ее в комнате? Лучше было пойти с ней и доказать, что

ее план невозможно осуществить. Помощь? Какая помощь? Какой слуга в этих стенах посмеет перечить Партонам и помочь хозяйке, у которой нет никакой власти?

Плотно запахнув капот, Саранна пошла за Дамарис. Девочка, казалось, видела в темноте как кошка. Или же она столько раз ходила этой дорогой, что хорошо ее знала.

Они спустились по лестнице, и Дамарис направилась прямо к парадной двери, отодвинула засов и открыла. Ее маленькая фигурка была едва различима в темноте. В щели, открывшейся во внешний мир, началось какое-то движение; в дверь проскользнули две фигуры.

Кто?..

Может, у Дамарис есть друзья среди работников? Но это еще удивительнее...

— Идем! — Дамарис схватила Саранну за руку и потащила в гостиную. Двое вошедших пошли по коридору, очевидно, занятые собственным делом.

Дамарис впустила Саранну и подошла к столу. Чуть погодя загорелась лампа. Девочка тут же направилась к витринам. Несомненно, она собиралась осуществить свое намерение: не оставить Гоноре ничего из собрания своего деда.

У двери чуть слышно заскреблись. Дамарис, которая переставляла нефритовые статуэтки на стол, указала на дверь подбородком и тихим шепотом, так что Саранна едва слышала, велела:

— Открой!

Саранна в полном недоумении повиновалась.

Бесшумно вошли два человека с двумя плетеными корзинами, вставленными одна в другую. Ни слова не говоря, они поставили корзины и сразу вышли. Саранна увидела их лица.

Китайцы! Такие же чужаки, как престарелая служанка в доме с круглой аркой.

Не взглянув на Саранну, оба тут же исчезли в коридоре.

— Пошли! — нетерпеливо прошептала Дамарис. — Можешь упаковать. — Она откинула крышку корзины и достала оттуда две внутренние перегородки-подноса, обнажив

дно. Саранна, совершенно сбита с толку, увидела, что корзины внутри и подносы обиты плотным мягким материалом с углублениями различной формы и размера. В каждом, несомненно, должен был разместиться один из драгоценных предметов.

Девушка опустила на колени и принялась осторожно укладывать вещи, которые передавала ей Дамарис. Не успели они закончить укладывать их на дно, как китайцы принесли еще три корзины.

Дамарис расхаживала по комнате, указывая Саранне, куда уложить каждую вещь. Они заполнили первую корзину, и Дамарис завязала веревку. Саранна обнаружила, что работает ритмично, как будто всю жизнь занималась упаковкой. Они убрали из гостиной все, кроме высокой ширмы, и перешли в библиотеку, куда китайцы так же бесшумно и деловито доставили новые корзины.

Больше корзин не было. Саранна увидела, как двое китайцев, которые по-прежнему не произносили ни слова, берут одну за другой нагруженные корзины, относят их к парадной двери и вскоре возвращаются за новыми. У Саранны заболела согнутая спина. Дамарис закончила переносить вещи и теперь склонилась рядом с Саранной, укладывая их в корзины.

Девушка была так взвинчена, что боялась, как бы ее простое прикосновение не разбило драгоценный фарфор. Она прислушивалась, не идут ли слуги. Но слышала только звуки приближающейся грозы. Последние две корзины пришлось унести под дождем. Куда унести? И кто эти два молчаливых помощника, на кого они полагались в эту ночь?

Дамарис закрыла парадную дверь и задвинула засов. Они снова оказались во тьме, потому что лампы были погашены. Ударил гром, и Саранна вздрогнула от неожиданности. И едва не вскрикнула, когда Дамарис обняла ее за талию.

— Мы сделали, сделали это! — В голосе девочки звучало торжество.

— Но кто эти люди? И куда они все унесли? — спросила Саранна. Она словно была околдована, и теперь удар грома

разбудил ее. Почему она так покорно, без вопросов подчинилась Дамарис? Она будто снова оказалась во сне.

— Не волнуйся. — Голос Дамарис звучал слишком уж беспечно. Саранна все сильнее злилась на себя и на девочку. — Сокровища в безопасности, им теперь ничего не грозит. Они там, куда никто не посмеет прийти. Если бы дедушка знал о Гоноре, он тоже поместил бы их туда.

— Дамарис, ты должна сказать мне, где они! — Саранна вздрогнула от нового раската грома.

— В саду, в саду у принцессы. Больше я ничего не могу тебе сказать. Да и это сказала только потому, что ты видела лисью голову. Она, наверно, немного доверяет тебе.

Конечно, это «она» относилось не к Гоноре. Но... Дамарис имела в виду Женщину-Лису? Во сне ли Саранна ее видела? Если бы только знать!

— Пошли, нужно лечь. Иногда в грозу Кочерга ходит проверять, закрыты ли окна...

Дамарис потащила ее по лестнице, и Саранна ощупью начала подниматься. Она должна знать, должна разобраться. Но Дамарис ушла вперед, и девушка усомнилась, что, если пойдет за девочкой в ее комнату, добьется чего-нибудь. Но всегда есть завтра. Несмотря на тревогу и нетерпение, придется подождать.

Глава двенадцатая

СЮ. ОЖИДАНИЕ

Однако Саранна могла кое-что сделать, и не требуя объяснений от Дамарис: она должна была написать письмо мистеру Сандерсу. Девушка достала доску для письма, которую кладут на колени, взяла бумагу, убедилась, что перо хорошо очинено. Закончив приготовления, она пожевала кончик пера, стараясь рассуждать спокойно и последовательно. У нее был повод написать — необходимость спросить о судьбе скромных средств, вырученных пастором Уиллисом от продажи их имущества. Но юрист мог коротко ответить «да» или

«нет», а без личной встречи она не могла попросить у него помощи и защиты для Дамарис. Наконец Саранна решила, что нашла нужную формулировку. Она — молодая женщина, из-за отсутствия Джетро лишившаяся опекуна. Нельзя ли сыграть на этом, намекнуть, что она нуждается в совете взрослого мужчины относительно некоторых затруднений, которые не решается доверить бумаге?

Долг! Вот оно! Долг, о существовании которого она не подозревала! Такой предлог — почти правда. Ведь она действительно ощущает свою ответственность за Дамарис, хотя они не кровные родственницы. Но она должна составить письмо так, чтобы мистер Сандерс поверил — ее затруднение коренится в прошлом.

Саранна писала медленно, тщательно подбирая слова, взвешивая каждую фразу.

«Достопочтенный сэръ!

Поскольку мой достойный брат в море и не вернется еще много месяцев, я обращаюсь к вам как к юристу и доброму другу с просьбой о большом одолжении.

Мне стало известно о существовании обязательства, о котором я прежде не подозревала. Я обязана весьма и весьма срочно дать ответ по этому делу. Однако я совершенно не разбираюсь в подобных вопросах. Мне нужен совет сведущего человека, как поступить в деле, чересчур сложном и личном, чтобы доверить подробности письму.

Прошу вас о снисхождении к моему вопросу... о том, нельзя ли устроить встречу, на которой я смогла бы объяснить вам свои затруднения и получить советы касательно своего поведения в будущем.

С искренним уважением, сэръ...»

Чопорно и казенно. Однако Саранна решила, что такой стиль придется по вкусу мистеру Сандерсу и произведет на него большее впечатление, чем экспансивность или более дружеский тон. Девушка перечитала письмо, чтобы испра-

вить ошибки, и со вздохом сложила и запечатала его. Письма из Тенсина, хотя в отсутствие Гоноры их бывало очень мало, клали в почтовый мешок. Мешок отвозили на пристань и передавали на шлюп, отплывающий в Балтимор. Саранне не хотелось отправлять письмо таким образом, но она знала, что другой возможности нет.

Прикрутив лампу, она дрожа разделась и легла в постель. Простыни показались ей ледяными. От лихорадочной упаковки сокровищ Саранна устала, но спать не хотела. Слишком велико было напряжение. А что ждало ее утром?

В отсутствие Гоноры и гостей большую гостиную и библиотеку всегда держали на замке. Однако в конце дня сама миссис Партон или кто-нибудь из слуг обязательно обнаружили бы пропажу. Что тогда? Исчезновение всей большой коллекции (за исключением нескольких крупных предметов вроде большой сине-белой ширмы) не могло быть работой обычного вора. Нет, сразу же догадаются, кто виноват.

Что тогда?..

Саранна одно за другим придумывала и отбрасывала объяснения тому, отчего опустели комнаты. Она была совершенно уверена, что сразу обвинят Дамарис. А куда унесли эти корзины?

Было только одно логичное объяснение — в запретный сад. Китайцы явно оттуда. Значит, и Женщина-Лиса действительно существует? А это ее слуги? Но кто она? Как появилась в Тенсине?

Саранна вспомнила рассказ Джеррада Фока о том, что капитан Уэйли привез из Китая слуг для работы в доме и в саду. Однако мистер Фок сказал, что все они потом вернулись на родину. Кто их считал — тогда? Женщина-Лиса... Саранна пыталась припомнить все подробности встречи с танцовщицей под луной.

Изыщество женщины, драгоценная шкатулка дома, в котором она жила (если все это было не частью сна — а Саранна невольно все больше убеждалась, что это не был сон)

... эта танцовщица не служанка, она наделена достоинством и властью.

Жена капитана?

Саранна задумалась. Что, если капитан в Китае женился на благородной женщине, но потом не решился открыто представить ее здешним соседям, боясь, что к ней отнесутся с предубеждением? Все это было вполне правдоподобно, кроме лисьей морды. Ни одна женщина не станет носить лисью маску!

Какое-то врожденное уродство, наложившее отпечаток на всю ее жизнь?

Саранна нащупала на груди подвеску-лису. Она казалась не такой холодной, как простыни, будто сама излучала тепло. В темноте девушка провела пальцем по резьбе. Белая лиса — она видела по меньшей мере двух таких в молчаливой группе, наблюдавшей за танцовщицей. Имеет ли это какое-то значение?

Принцесса, о которой говорила Дамарис, — Женщина-Лиса? Дамарис сказала, что подвеска — знак расположения. Может быть, теперь, когда Саранна помогла ей спрятать сокровища, девочка все ей расскажет.

Гроза стихала. Не сверкали молнии, не слышны были раскаты грома, хотя дождь продолжался. Саранна повернулась на подушке. И обнаружила, что смотрит на два светлых круга — глаза императорской кошки.

Лежа так, сжимая подвеску, она чувствовала, как напряжение постепенно спадает. Наконец Саранна уснула.

Разбудила ее снова Милли. Еще не проснувшись окончательно, Саранна спустилась в малую столовую. Дамарис стояла у окна, глядя на мокрый мир. Она улыбнулась Саранне.

— Все еще дождь, — заметила она. — А что, если он снова будет лить сорок дней и ночей? Нас смочет...

Однако такая перспектива ее, казалось, не пугала. За стол она уселась почти веселая. Саранне казалось, что девочка сбросила какое-то бремя и теперь с облегчением смотрит на

мир. Неужели Дамарис считает, будто никто не заметит, что они ограбили Тенсин?

— Сегодня подходящий день для шитья, — заметила Дамарис, щедро угощаясь горячим печеньем, а затем медом. — Я уже отнесла свою корзинку для шитья в комнату с машиной...

Саранна не разделяла ее беззаботность. Но, наверно, она сумела бы ее изобразить. Она подтвердила, что сегодня превосходный день для домашней работы, и продолжила отвечать на град вопросов Дамарис. Очевидно, девочка просмотрела несколько выпусков журнала мод, оставленных Гонорой, изучила рисунки и теперь изъявляла желание научиться шить такие платья. Саранна предупредила, что это им не по плечу.

Всякий раз, когда дверь открывалась, впуская Джона или одну из служанок со свежим кофе, с печеньем или еще чем-нибудь, Саранна настораживалась, ожидая, что услышит, как поднялся переполох. Но когда, к ее удивлению, ничего не произошло, ею овладело нетерпение. Хотелось, чтобы худшее случилось и побыстрее закончилось. Неужели миссис Партон (сегодня утром они ее еще не видели) не осматривает доверенные ее попечению комнаты? Хотя Дамарис настояла на том, чтобы служанки не протирали коллекцию, в запертых комнатах нужно было выбивать ковры и выполнять другие работы.

Миссис Партон все не шла, и беспокойство Саранны нарастало. Наконец завтрак закончился и поток слов Дамарис о модном и немодном на мгновение прервался. Саранна решилась задать собственный вопрос:

— Где миссис Партон?

— В комнатах прислуги, — сразу ответила Дамарис. — Старая Джейн заболела. — Ее улыбка исчезла. — Я тоже хотела пойти, но Кочерга не разрешила. Старая Джейн нянчила мою маму, когда та была совсем маленькой. Но Кочерга сказала, что у нее лихорадка и я могу заразиться. Всегда боится заразы эта Кочерга.

— Но сама туда пошла, — заметила Саранна.

— Да, но видела бы ты ее! На шее мешочек с травами, и она все время через него дышит... — Дамарис пренебрежительно зажала нос пальцами. — Саранна, — когда они оказались в коридоре, она прижалась к девушке, — в чем дело? Ты все время смотрела на дверь, как будто боялась, что произойдет что-то ужасное...

— Но, Дамарис, — она застала Саранну врасплох, — ты ведь понимаешь, что миссис Партон захочет узнать, куда подевалось собрание твоего дедушки. Как только она обнаружит, что коллекция исчезла...

Она замолчала: Дамарис медленно качала головой. Девочка нащупала под передником и достала шнурок, на котором висел ключ от комнаты с четырьмя сундуками. Теперь на шнурке было еще два ключа, оба большие и тяжелые.

— Закрыто, — объяснила она. — Да, конечно, Кочерга взволнуется, увидев, что комнаты заперты. Но поищет ключи в корзинке и не найдет их. Это даст нам время...

— Время для чего?

— Для того, чтобы кое-кто позаботился о сокровищах. Они не уйдут из Тенсина. — Дамарис, казалось, нисколько в этом не сомневалась, хотя Саранна не разделяла ее убежденности в том, что со временем проблема разрешится. Рано или поздно им придется столкнуться с последствиями.

Но, может быть, если Дамарис — пусть даже так неловко — сумеет скрыть исчезновение коллекции, письмо успеет дойти до мистера Сандерса? Немного приободрившись от этой мысли, Саранна окликнула Джона, который как раз направлялся в малую столовую. Она протянула ему запечатанный конверт, который держала в кармане своего передника.

— Пожалуйста, Джон, положи это в почтовый мешок...

Саранне показалось, что он взял письмо неохотно. И смотрел при этом не на девушку, а себе под ноги.

— Да, мэм. Сегодня плохая погода. Может, никто не выйдет. Но мешок мы все равно отнесем...

— Кому ты написала? — Дамарис явно не хватало такта. Ответ Саранна подготовила заранее. Если кто-нибудь подслушивает, объяснение вполне правдоподобное.

— Мистеру Сандерсу. Он должен собрать для меня немного денег — от продажи вещей в Сассексе. Я спрашиваю, получил ли он их.

— Тебе нужны деньги? — Дамарис как будто удивилась. — Но ведь мистер Стоувелл оставил тебе денег.

Наступила очередь Саранна удивиться.

— Джетро оставил мне деньги? Он ничего мне не оставлял. Я даже не видела его перед отъездом сюда.

Дамарис кивнула:

— Значит, *она* их взяла. Я так и думала. *Ей* всегда нужны деньги, много денег. Понимаешь, ей нужны свадебные туалеты. Я думаю, она покупает столько, что ей не хватает карманных денег, которые оставлены ей. Тенсин ей ничего не дает, дедушка позаботился об этом. А отец оставил *ей* мало денег, недостаточно, как *она* всегда говорит.

— Но деньги, которые, как ты говоришь, оставил мне Джетро? Откуда ты?..

Дамарис улыбнулась:

— Она оставила здесь модные журналы, а я велела Розе принести их мне. Хотела посмотреть новые платья и шляпки. И в одном из них было вот что... Видишь?

Из-под передника она достала листок бумаги, смятой и пахнущей любимыми духами Гоноры.

«Саранна.

Пишу в спешке. Увы, обстоятельства складываются так, что у нас нет возможности познакомиться поближе. Это мы исправим, когда я вернусь. Гонора сказала, что ты сильно переживаешь из-за смерти матери и просишь отвезти тебя в тихий, спокойный Тенсин. Я вполне понимаю это твоё желание и надеюсь, что воздух Тенсина окажется благотворным для твоих нервов.

Однако я хочу, чтобы у тебя были свои средства и чтобы ты подготовилась занять место в лучших кругах Балтимора — положение, на которое может рассчитывать девушка из семьи Стоувеллов. Пожалуйста, используй вложенное в конверт на все тебе необходимое.

Твой любящий брат...»

— Я не видела этого письма! — Саранна разглядила листок. Что Джетро вложил в конверт вместе с письмом, которого она не получила? Очевидно, Дамарис права и там были деньги, которых теперь нет.

— Как Гонора посмела? — В ее голосе звучали удивление и гнев. Как только Джетро вернется, все сразу откроется. Неужели Гонора настолько околдовала отца, что он поверит в любую ложь, какой она оправдывает вскрытие письма и кражу денег?

— Она думает, что ты больше не увидишься с ее отцом.

— Что! — Саранна застыла на ступеньке, уставясь на ушедшую вперед Дамарис. Лицо девочки оказалось на одном уровне с ее лицом.

— Я же говорила... — Дамарис бледно улыбнулась. — Я подслушиваю. *Она* боится тебя. *Она* не говорила так Кочерге, но Кочерга догадалась, и, я уверена, она права. *Она* боится, что твой брат тебе что-нибудь отдаст. А *она* хочет забрать все. Кочерга это знает. *Она* поехала не просто за покупками, хотя и за этим тоже. *Она* поехала на встречу с мистером Сандерсом...

Саранна ахнула. Мистер Сандерс... ее письмо...

— *Она* хочет убедиться, что мистер Стоувелл ничего не оставил тебе по завещанию. Говорят, в Бразилии бывают опасные болезни...

Саранна крепко схватила Дамарис за руку.

— Ты не понимаешь, что говоришь!

— Неужели? — На губах девочки появилась злобная улыбка, какой Саранна не видела уже несколько дней. — Я слышала, как об этом говорили Кочерга и мистер Кочерга. Они дума-

ют, что Руфус женится на тебе и увезет. Она хочет, чтобы это произошло до возвращения ее отца. Тогда он на тебя рассердится. Он ведь считает, что Руфус пара его сестре. Она пообещала Руфусу за это денег. Немного сразу и больше потом, когда ее план осуществится. Так что даже если ты об этом узнаешь, — она указала на письмо в руке Саранны, — ей все равно.

Девушка хотела сказать, что не верит ни одному слову Дамарис, что девочка все выдумала. К несчастью, ее рассказ слишком многое подтверждало. Саранна торопливо огляделась, словно лиса, за которой гонятся собаки. Но успокоила себя мыслью, что теперь, когда она предупреждена, она сможет противостоять планам Гоноры. Она не фигура, которую Гонора будет в своих целях передвигать по доске! Этому не бывать!

Она быстро сложила письмо и спрятала за край корсажа. Теперь ей расхотелось сидеть за шитьем, но она понимала, что такое занятие поможет успокоить нервы и даст возможность подумать, как уйти из паутины, которую плетет Гонора.

В комнате для шитья ждала Милли. Служанка разложила платья, которые Саранна уже распоролла, чтобы создать из обносков Гоноры нечто пристойное. Саранна обнаружила, что атласный верх одного платья вполне сочетается с кашемировыми юбками другого, а неиспачканная часть атласной юбки пойдет на оборки, не слишком игривые для траура. А поплин можно перелицевать и тоже использовать.

Дамарис и Милли пленили ее объяснения. Дамарис признала, что даже скучное шитье может превратиться в интересное занятие благодаря швейной машине, с которой Саранна искусно управлялась и на которой прострачивала длинные швы. На ланч они спустились довольные достигнутым. Атласное платье было почти готово, а дела с поплиновым значительно продвинулись. Дамарис была взбудоражена и довольна, так как внесла несколько полезных предложений, пользуясь сведениями, почерпнутыми из модных журналов. А Саранна думала, что скоро у нее будет такой гардероб, на какой она уже несколько лет не смела надеяться.

Но хорошее настроение и довольство друг другом и утренней работой сразу улетучилось, когда внезапно появилась миссис Партон и сразу направилась к Дамарис.

— Где они, мисс Дамарис? Где мои ключи?

Дамарис притворилась, что не понимает ее.

— Я их забрала, — ответила она.

— Ах вы... ах вы гадкая девочка! Отдайте немедленно! — Саранна впервые увидела, как миссис Партон дает выход сильному чувству. На ее круглом лице появилось гневное выражение, чему вполне соответствовали раскрасневшиеся щеки.

— Миссис Партон! — Саранна предвидела это. Она не знала, достойно ли вооружена, но должна была рискнуть.

Экономка взглянула на нее.

— Это не ваше дело, мисс!

— Нет, мое. — Саранна боялась, хотя понимала, что нельзя показывать этого женщине. Нескрываемый гнев экономки так разительно отличался от ее обычной сдержанности, что Саранна поняла: та вне себя. — Мисс Дамарис встревожило исчезновение каталога, составленного ее дедом. Дабы не исчезло что-нибудь еще более ценное, она заперла комнаты, в которых выставлена коллекция, и хочет хранить ключи у себя, пока мы не узнаем, куда исчез каталог. — Внутренне она гордилась тем, что сумела говорить спокойно и с уверенностью, которой в эту минуту определенно не чувствовала.

Миссис Партон тоже справилась с собой. Даже гневное выражение исчезло, щеки побледнели.

— Вы вмешиваетесь в то, мисс, в чем не разбираетесь, — сказала она Саранне. — Но не мое дело спорить с вами. — Она вновь обратилась к девочке: — Если хотите себе добра, мисс Дамарис, вам следует подчиняться тем, кому природа дала власть над вами... — Эти слова она произнесла елеяно и вкрадчиво, как пастор с кафедры. — При первой возможности миссис Уэйли обо всем узнает...

Дамарис вскинула голову и даже не посмотрела на экономку. Возможно, она была слишком самоуверенна. Так по-

казалось Саранне. Она надеялась, что до появления Гоноры ей удастся уговорить девочку проявить большее послушание. Она надеялась также, что на это у нее есть несколько дней.

— Проясняется, — сказала Дамарис, когда экономка вышла. — Пойду навещу старую Джейн. На сегодня Кочерга закончила со своими обязанностями, и я не стала бы опасаться новой встречи с ней. — Она говорила решительно, и Саранна подумала, что переубедить ее не удастся.

— Можно с тобой? — быстро спросила она. Чем дольше она держала Дамарис в поле зрения, тем в большей безопасности чувствовала себя почему-то.

— Не до конца, — ответила Дамарис. — Потом тебе придется остаться в саду, ведь я собираюсь пройти за домом. Кочерга могла приказать Уайли следить за мной. Мне не нравится Уайли. Он всегда делает то, что велит Руф...

Дождь перестал, но снаружи было сыро, и Саранна надела свои самые прочные туфли и взяла шаль. Присоединившись к Дамарис, она увидела, что девочка несет стопку одеял.

— В дождь у Джейн всегда ноют кости. Принесу ей запасные одеяла, — объяснила девочка. — Пойдем здесь.

Они пошли не прямой дорогой — среди пристроек за главным зданием, — а через сад. На участке, прилегающем к персиковому саду, Дамарис остановилась:

— Жди здесь. Я протиснусь сквозь изгородь, а ты не сможешь.

— Возвращайся скорее... — Но Дамарис, не дожидаясь этого предостережения, уже исчезла за изгородью. Поблизости оказалась скамья, но еще слишком мокрая от дождя, чтобы на нее сесть. Поэтому Саранна принялась нетерпеливо расхаживать.

С каждым мгновением у нее крепло ощущение, что за ней наблюдают. Лиса? Всмотревшись в изгородь на уровне земли, Саранна не увидела ни рыжей шерсти, ни острых глаз.

Лисы... Это заставило ее вспомнить о подвеске, и она достала белую лису и подержала в руке, вновь дивясь искусной резьбе. Девушка слегка поворачивала украшение, и глаза ли-

сы, казалось, ожили, они словно смотрели на нее, отвечая на ее взгляд.

— Какая красивая штучка!

Саранна застыла. Ее ладонь мгновенно стиснула подвеску, пытаясь скрыть ее. Неведомо как к ней подобрался Руфус. Он схватил ее за руку, больно сдавил запястье.

— Дайте-ка взглянуть получше, — протянул он. — Как будто бы мисси дала ее вам. Верно? Лучше ничего не берите у нее. Мисси не имеет права отдавать вещи старого капитана. Я сказал, дайте взглянуть!

Он еще сильнее сжал ей руку. Саранна сдержала крик. Она попробовала вырваться, но Руфус был гораздо сильнее ее. И тут послышалось рычание.

Из тени показались две лисы, они осторожно приближались, оскалив зубы. Гораздо больше других лис, и обе белые!

Руфус разжал пальцы, и Саранна смогла высвободиться. Лисы даже не заметили ее. Они напряженно смотрели на молодого человека. Он отступил на шаг, другой и побледнел.

— Убирайтесь, паразиты! — Руфус взмахнул хлыстом для верховой езды. Но на этот раз добыча не запуталась в сети, не ждала беспомощно наказания. Ближайшая из лис прыгнула, перехватила рукоятку хлыста зубами. Руфус хотел пнуть ее, но промахнулся.

Саранна не стала дольше ждать. Она побежала. Руфус был между ней и домом, и она побежала в сад, подобрав юбки, чтобы не споткнуться. Она так боялась Руфуса, что схватилась за наружную ограду, не видя дороги за ней, пытаясь перебраться.

— Мисс Стоувелл!

Она не видела и не слышала всадника, который перегнулся через ограду с озабоченным лицом.

— Пожалуйста... о, пожалуйста...

— Что случилось? — Голос Джеррада Фока прозвучал резко. Он соскочил с лошади и оказался у ограды. Его ладонь, теплая, ласковая, накрыла судорожно вцепившиеся в верхнюю перекладину ограды руки Саранны.

Глава тринадцатая

СУНЬ. СТОЛКНОВЕНИЕ

В этот миг Саранну покинуло всякое благоразумие. С трудом владея голосом, она могла только повторять:

— Пожалуйста...

— В чем дело? Кто вас напугал? — прорвалось сквозь стену страха его резкое требование и положило конец панике.

— Простите... — Она дышала неровно, пытаясь поскорее справиться с собой.

Тяжелая рука в перчатке не отпускала ее рук, прижимая их к ветхой деревянной ограде.

— Расскажите! — велел он.

— Я... — Но как рассказать? Однако и уйти она не могла, хотя все явственнее ощущала странное волнение.

— Кто-то вас напугал. — Мистер Фок строго смотрел на нее. Саранна поняла, что его устроит только правда.

— Я... — начала она снова. Если бы она могла довериться Джерраду Фоку, точно знать, что его чувства к Гоноре не сделают любое обращение к нему за помощью бесполезным.

— Вот вы где, мисс!

Саранна не сумела сдержать дрожь. Услышав голос Руфуса, она попыталась вырвать руки. И умоляюще посмотрела на мистера Фока, не сознавая этой мольбы.

Он, сжав губы, смотрел на нее сверху вниз. Потом разжал руки, оперся ими на изгородь и легко перескочил через нее. Саранна не оборачивалась к Руфусу, но чувствовала его присутствие. И понурила плечи, как будто он угрожал ударить ее.

— Что вы здесь делаете, Партон?

Саранне уже случалось слышать такой голос: так разговаривал ее отец с провинившимися матросами. Держась одной рукой за ограду — у нее кружилась голова, — Саранна обернулась.

Перед ними стоял Руфус Партон — покрасневшийся, с тем же выражением глаз и изгибом губ, с какими смотрел

на пойманную в ловушку лису. Под взглядом мистера Фока он отвел глаза.

— Ничего особенного... сэр... — Это уважительное «сэр» он добавил так, словно его вырывали клещами. — Мы просто прогуливались, и тут выскочила бешеная лиса. Мисс Саранна... она побежала...

— Нет! — в тот же миг Саранна пожалела, что сказала это.

— Нет? — повторил мистер Фокс. — Не было бешеной лисы, мисс Стоувелл?

Ловушка. Зайдя так далеко, Саранна теперь должна идти до конца.

— Были две лисы, белые. Мистер... мистер Партон держал меня за локоть. Они... они появились словно ниоткуда и набросились на него...

Руфус Партон покраснел еще больше.

— А почему я вас держал, мисс Саранна? — спросил он. — Потому что у вас есть кое-что, принадлежащее миссис Уэйли. Я спросил, откуда это у вас. Не от бедной ли слабоумной мисс Дамарис. Я говорил вам, что она не имеет права ничего раздавать. Я делал это ради вашего же блага, мисс Саранна. Я знаю, что для вас лучше...

— А я знаю, что лучше для вас, Партон! — опять заглушил торопливую речь Руфуса «палубный» голос капитана Фока. — Убирайтесь подальше, приятель, да поживей!

Саранна увидела, как Руфус сжал кулаки и начал поднимать их. Лицо его побагровело от гнева. Но, посмотрев в глаза мистеру Фоку, он развернулся и ушел.

— Не хотите рассказать, в чем дело? — Голос мистера Фока изменился. Теперь он говорит, подумала Саранна, как с раненым, который нуждается в его помощи.

Она глубоко вздохнула. Жених Гоноры — и тем не менее он, кажется, готов ей помочь. Возможно, она вправе отчасти довериться ему.

— Боюсь, мистер Фок, что виной всему глупое и, может быть, беспочвенное отвращение, — начала она дрожащим голосом. — Но мне не нравится Руфус Партон. Он застал меня

врасплох, когда я ждала мисс Дамарис. Девочка ушла проведать старую няньку своей матери в помещениях для слуг. Я рассматривала вот это... — Неохотно, только потому, что об этом упомянул Руфус, она достала нефритовую подвеску. — Несколько дней назад я нашла ее на своем туалетном столике. Но Дамарис говорит, что не она положила ее туда.

Он не стал трогать лисью голову, только посмотрел.

— Я не разбираюсь в таких вещах. Но я бы сказал, что она старая и, вероятно, ценная. Дамарис говорит, что это не ее?

— Да. А я не могу проверить, ведь каталог коллекции ее дедушки исчез. Я могла бы поискать подвеску в нем. Но не понимаю, зачем бы Дамарис лгать. Она совершенно открыто подарила мне желтую глиняную кошку, которая, как она уверена, когда-то была ночником в императорском дворце.

— Да, — с готовностью согласился он, — Дамарис не станет лгать. Она дарит открыто и не делает из этого тайны. Но если эта вещица не из собрания Уэйли, то откуда?

Саранна сжала руки.

— Хотела бы я знать! — сказала она. — Я боялась оставлять ее в комнате, пока не узнаю. Если бы ее увидели служанки или миссис Партон... что ж, у меня нет никакого объяснения. А теперь, когда Дамарис...

Она замолчала. Несмотря на его явное сочувствие, она не могла поделиться с ним тайной Дамарис. Скоро выяснится, что коллекция спрятана, но она не была уверена, друг перед ней или враг и можно ли довериться ему.

Воцарилось молчание. Саранна смотрела на сад, в котором исчез Руфус, ожидая вопросов мистера Фока. Но их не было. Наконец он медленно и внятно сказал:

— Должен ли я понять так, мисс Стоувелл, что вы не приветствуете внимание молодого Партона?

Ее мысли были столь далеки от этого, что она не задумываясь выпалила:

— Да.

— Понятно. Вы не были с ним знакомы до приезда в Тенсин?

Саранна покачала головой, чувствуя нарастающее возмущение.

— Конечно, нет! Я никогда раньше его не видела.

И тут же поняла, что натворила. Если Дамарис подслушала верно, Саранна сказала нечто противоположное словам Гоноры. Едва ли он поверит ей, а не своей невесте.

Но, к ее удивлению, он не нахмурился, не перешел на командирский голос, как с Руфусом. Напротив, кивнул и больше вопросов не задавал.

— Кажется, вас ждут некоторые неприятности. Но это легко исправить. Если бы мне не нужно было отвести это животное... — Он посмотрел на лошадь, которая с болтающимся поводом стояла на дороге.

Тут он рассмеялся:

— Впрочем, не важно. Ураган ленив; достаточно набросить повод на ближайший куст, и он будет терпеливо ждать. Никогда кличка так не противоречила норову животного.

Джеррад вновь ловко перескочил через ограду, подвел к ней лошадь, набросил повод на столб. Потом быстро вернулся к Саранне.

— Мисс Стоувелл, — он слегка поклонился, и улыбка смягчила его черты, сделала его моложе. — Позвольте проводить вас домой, — он, приглашая, протянул руку, — невзирая на всех бешеных лис.

— Лисы... — Она чувствовала, что не может удерживать должную дистанцию с этим властным человеком. Возможно, он уже считал себя членом семьи, и ей не хотелось оскорбить его отказом от его общества. Хотя она понимала, что за их возвращением в дом будут наблюдать.

— Лисы... — снова начала она. — Не думаю, что они бешеные. У них есть причина нападать на Руфуса Партона...

— Правда? — подбодрил он ее. — И какая же?

Она рассказала ему о пойманной лисе и об избиении, которое прекратила.

— Не знаю, способны ли животные негодовать из-за того, как обошлись с их товарищами, и мстить за это, — закончи-

ла она. — Но, если они способны на такие чувства, причина их нападения в этом. К тому же это были очень странные лисы...

— Вы сказали — белые?

— Да. Я таких никогда не видела... — Саранна опять засомневалась, потому что вспомнила: видела. В ее «сне» эти бел шерстные лисы отчетливо выделялись под луной. К счастью, Джеррад Фок как будто не заметил этой заминки.

— У многих видов животных встречаются альбиносы. Хотя встретить двух альбиносов сразу действительно необычно. Но мне придется поговорить с Коллисом Партоном и с миссис Уэйли. В Тенсине всегда существовали строгие правила обращения с лисами. Некоторые очень привыкли к капитану. Помню, во время одного из моих памятных посещений мы увидели большую лису, сидящую на стуле в библиотеке. Она смотрела на нас серьезно, как судья со своей скамьи. Капитан даже кивнул зверю, словно доброму знакомому, встреченному в гостинной. Знаете, он оставил в своем завещании строгое распоряжение никоим образом не тревожить лис. Мне кажется, Коллис Партон и его жена получили определенное наследство за соблюдение этого условия завещания. И едва ли Партон обрадуется тому, что его сын ставит под угрозу получение этого наследства. Да, нужно будет поговорить с ним перед отъездом.

Они прошли в сад, где Дамарис оставила Саранну. Когда они подходили к небольшому, похожему на комнатку пространству между изгородями, появилась и сама девочка. Она вопросительно посмотрела на них, потом улыбнулась мистери Фоку.

— Саранна рассказала вам? — спросила она.

— О чем? — спросил он.

Саранна быстро отпустила его руку, желая предупредить Дамарис, не на шутку обеспокоенная тем, как бы девочка не рассказала о случившемся. Хотя доброе отношение Фокка к ней в последние несколько минут ободряло и она знала, что он сдержит слово и заставит Руфуса отказаться от жесто-

костей, все равно не было смысла посвящать его во все подробности. Он мог рассказать Гоноре.

Дамарис чуть склонила голову набок и озорно посмотрела на него:

— Пожалуй, лучше не надо... — Она как будто размышляла.

— Вы дразните меня, мисс Дамарис, и мне придется раскрыть вашу тайну, чтобы не ударить в грязь лицом, — рассмеялся он. — Не очень напыщенно звучит?

Дамарис захихикала:

— Пытаетесь быть мистером Свейном? Мне он кажется дурачком.

— Леди, вы глубоко ранили меня! — Мистер Фок принял такую позу, что Дамарис откровенно расхохоталась.

— Я слышала однажды, он так говорил, — кивнула она. — *Она* ему нравится, очень. Но не волнуйтесь: он не имеет значения.

— А вот вы знаете кое-что, имеющее значение, — накинулся он на нее. Хотя говорил он легко, в словах его чувствовалась решимость. Дамарис стала серьезной и стояла, теребя передник. Вдруг ее лицо утратило всякое выражение, как будто все ее внимание теперь было обращено на что-то другое.

— Да, я кое-что знаю, — согласилась она. — Но тайна не моя, а дедушки. И я дала слово...

— А слово вы держите, Дамарис. — Это был не вопрос, а утверждение.

Она гордо подняла голову:

— Всегда держала.

— Иногда, Дамарис, тайна раскрывается, сколько бы обещаний вы ни давали. Если придет такое время и вам понадобится помощь... — он перевел взгляд с девочки на Саранну и обратно, как будто это относилось к ним обоим, — дайте мне знать. Обещаете?

Дамарис ответила не сразу. Она внимательно посмотрела ему в лицо.

— Хороший сосед, — добавил он, — все равно что найденный клад.

На лице Дамарис отразилось удивление. Очевидно, не она одна была способна цитировать мудрецов чужого народа. И тут же, быстро, как жалит пчела, она ответила:

— «Это ваша лампа. Не делайте дыр в бумаге, которая ее покрывает».

— И что же это означает? — спросил он.

Она пожала плечами:

— Сами должны знать. Саранна, нам лучше вернуться. — Она больше не была дразнящей озорницей. Как будто цитата мистера Фока захлопнула какую-то дверь между ними. Дамарис взяла Саранну за руку, с неожиданной грубостью избавляясь от Джеррада Фока. Но тот только задумчиво посмотрел на нее и отступил в сторону, кивнув Саранне в ответ на слова благодарности. Дамарис нетерпеливо тянула ее за руку и наконец увела.

— Почему ты так груба? — спросила Саранна, когда они отошли достаточно далеко, чтобы он не услышал. — Ты должна извиниться перед мистером Фоком...

— Он не имеет права! — яростно перебила Дамарис. — Не имеет права говорить так! Он не друг, если собирается жениться на *ней*, он только пользуется дедушкиными словами. Я хотела... хотела спросить его, знает ли он о дедушкиной книге... не взяла ли *она* ее. А теперь не стану! *Она* все ему расскажет, и он поверит. Дедушка один раскусил *ее*, он знал все *ее* хитрости.

— А что ты вообще делала с ним? — добавила она немного погодя. — Что он делал в саду? *Ее* здесь нет!

Девочка так разволновалась, что Саранна решила все ей объяснить. Когда она упомянула, что Руфус увидел подвеску, а потом пытался отнять ее, но его остановили белые лисы, Дамарис резко остановилась.

Она смотрела не на Саранну, а в землю, как будто что-то потеряла и должна найти. И выглядела такой замкнутой, что

Саранна умолкла. Молчание, словно тень, окутало их. Наконец Дамарис заговорила:

— Приходится поверить... поверить, что ты не посторонняя. Но я обещала дедушке... Мне нужно подумать, Саранна, правда нужно.

Она как будто просила старшую девушку об одолжении. Но потом добавила тоном, в котором звучала прежняя страстность:

— Где ты встретила мистера Фока? Он был в саду, искал?..

— Что искал? — Саранну ставили в тупик эти неожиданные перемены. — Искал лис?

— Нет! Конечно нет! — Дамарис живо взмахнула рукой, отменяя это предположение как нелепое. — Искал запретный сад. Может, она послала его! Она решила, что он был знаком с дедушкой и потому гораздо больше знает обо всем. Но он не знает! И никогда не узнает! — Она яростно покачала головой.

— Он был не в саду, — поторопилась заверить Саранна, опасаясь нарастающего возбуждения Дамарис. — Я убежала от Руфуса к ограде у дороги. Мистер Фок ехал по дороге и увидел меня. — Она быстро рассказала о стычке мистера Фока с Руфусом и об угрозах Руфуса. Потом в свою очередь спросила:

— Дамарис, ты говорила, что это, — она показала на подвеску, — не из собрания твоего дедушки. Можешь ли ты доказать это? Она явно восточной работы, и все могут подумать, что это твой подарок, который ты не имела права делать. Если подвеска есть в книге, а книгу взяла Гонора, мы должны немедленно вернуть ее на место.

— Я же сказала, нет! — отрезала девочка. — Подвеска никогда не принадлежала дедушке. Она от *Кун-Чу Юэ*. И я не собираюсь объяснять тебе, что это значит. Но ты должна ее беречь. Благодаря ей пришли лисы, — спокойно добавила она. — Подвеска будет защищать тебя, если ты позволишь. Идем, не хочу больше об этом говорить. Но не думай, что это я подарила ее тебе. Это не в моей власти! — С этими прощаль-

ными словами она метнулась прочь от Саранны и легко пробежала по аллее между изгородями, так что Саранне пришлось подобрать юбки и тоже броситься бежать, чтобы не потерять девочку из виду. Но сначала она спрятала нефритовую лису.

Еще не переступив порога, она услышала резкие голоса. Невозможно было не узнать спорящих. Гонора в дорожном платье, откинув вуаль на шляпке и открыв красное от гнева лицо, смотрела на девочку, которая вызывающе стояла на нижней ступеньке лестницы. За Гонорой виднелась миссис Партон. Она стояла, сложив руки на поясе поверх передника. С обычным сознанием собственных непогрешимости и добродетельности она наблюдала за стычкой.

— Немедленно отдай ключи! — наступала на Дамарис Гонора. — Я знаю, ты их спрятала на себе. Миссис Партон уже обыскала твою комнату. И еще одно: тебя больше не будут постоянно окружать эти языческие штуки. Они дурно влияют на тебя, и я больше этого не допущу. Ты переселишься в западную комнату. Роза уже перенесла все необходимое...

— Ты не можешь! — Дамарис залилась румянцем, глаза ее лихорадочно заблестели — все это для Саранны было признаком опасности. Гонора подталкивала ребенка к очередному приступу, благодаря которому сможет объявить Дамарис неуправляемой.

Саранна быстро подошла к Дамарис и тем самым оказалась на виду у Гоноры.

— Ты... ты, девчонка! — Будущая хозяйка Тенсина словно бы сочла Саранну новой мишенью для гнева. — Резвишься тут, как девка из притона, и строишь глазки первому попавшемуся мужчине! Да, я слышала, как ты использовала дитя, чтобы приманить Джеррада! Ничего хорошего из этого не выйдет. Твое деревенское воспитание — или его полное отсутствие — плохо влияет на Дамарис. Ты будешь держаться подальше от нее, пока не выйдешь замуж и не уедешь отсюда. Удивительно, что Руфус еще не раздумал жениться на такой труляля!

Гонора так себя взвинтила, что можно было подумать, будто это она, а не Дамарис больна душевно. Саранна, не привыкшая к подобным обвинениям, поначалу ни слова не могла сказать в свою защиту. Но, когда Гонора замолчала, вероятно, чтобы перевести дух, Саранна обрела дар речи.

— Не имею ни малейшего представления, о чем вы. — Она старалась говорить холодно и спокойно, в противоположность крикам Гоноры. — Я не собираюсь ни за кого замуж, тем более за Руфуса.

— Ты сделаешь, как тебе прикажут! — выкрикнула Гонора. — В отсутствие отца я считаюсь твоей опекуной. И если захочу выбросить тебя отсюда без гроша, сделаю это. Вам понятно, мисс? Сделаю! И буду обращаться с тобой, как считаю нужным. Ты самая обычная воровка. — Она хрипло рассмеялась. — Да, у меня есть свои источники. Даже сейчас на тебе украшение из наследия Уэйли. И, если его дала тебе эта девчонка, это нарушение закона. Я скажу — и мне поверят! — что ты подговорила ее не только отдать тебе украшение, но и противиться ее законным опекунам, что ты оказываешь на нее нежелательное влияние. И тогда я выгоню тебя из этого дома!

Она снова повернулась к Дамарис:

— Что касается вас, мисс... Партон, заберите у нее ключи. Я уверена, они у нее под передником.

Экономка направилась к девочке, но Дамарис мгновенно повернулась и побежала по лестнице. Но, прежде чем исчезнуть в темном верхнем коридоре, на мгновение остановилась.

— Ты никогда, никогда не найдешь его! — крикнула она вниз. — Даже не пытайся!

— Партон, она окончательно свихнулась, — сказала Гонора. — Заприте ее в ее комнате. Я пошлю за помощью. А ты... — она обернулась к Саранне. — Тобой я тоже займусь...

В зал вошел Джон, неся кольцо с несколькими ключами. Гонора выхватила у него кольцо и начала один за другим

вставлять ключи в замок на двери гостиной. Но теперь Саранну больше тревожила Дамарис, и поэтому она торопливо пошла по лестнице вслед за экономкой, которая отправилась выполнять приказ Гоноры.

Вероятно, Гонора предвидела бегство своей падчерицы, потому что Дамарис стояла у своей двери и лихорадочно держала ручку.

— Закрыто!

— Естественно, мисс Дамарис. Как сказала миссис Уэйли, отныне это не ваша комната. Пойдемте со мной — и без всяких штучек!

Саранна была еще слишком далеко и не могла вмешаться. Не могла она и противостоять экономке, вооруженной приказами той, кого считала своей хозяйкой. Но сознание своей вины не оставляло девушку. Она видела, как Дамарис толкнули в комнату напротив и захлопнули за ней дверь. К тому времени как Саранна добежала до нес, миссис Партон уже повернула ключ в замке.

— Вы не можете... — начала Саранна.

— Я выполняю приказ миссис Уэйли, — женщина повернулась, жестоко блестя маленькими глазками. — Мисс Дамарис просидит под замком до приезда доктора Мида. Она явно не в себе и больше не может бегать где заблагорассудится. О чем и твердила миссис Уэйли. И, мисс, послушайте моего совета и задумайтесь о собственном будущем. У миссис Уэйли сильная воля, и в этом доме никто не оспаривает ее решений.

Прежде чем Саранна смогла ответить, экономка прошла мимо нее к лестнице и начала спускаться. Саранна беспомощно смотрела на закрытую дверь, за которой была заточена Дамарис. Что произойдет, когда Гонора обнаружит исчезновение коллекции? Ясно, что в этом доме она полновластная хозяйка.

Мистер Фок... он предлагал помощь. Но даже если он согласится утихомирить Гонору, как дать ему знать о случившемся?

И кто этот доктор Мид, которого упомянула миссис Партон? Человек, который по наущению Гоноры объявит, что Дамарис представляет опасность для себя самой и потому ее нужно тщательно охранять? И куда на самом деле исчезла коллекция? Если бы даже Саранна захотела выкупить Дамарис, рассказав Гоноре об этом, все равно она была бы не в силах помочь, потому что у нее есть только смутные подозрения. Она считала, что собрание за изгородью, в тайном саду. Но согласится ли Гонора с таким предположением? И можно ли предать Дамарис?..

Терзаясь множеством вопросов, на которые не было ответов, Саранна поплелась к себе. Гонора знала о подвеске. Очевидно, ей сказал Руфус. И эти ее странные намеки! Саранна зарделась и поднесла руки к щекам...

Их поездка в «Отраду королевы»! Должно быть, миссис Партон доложила о ней Гоноре так, словно Саранна нарочно подстроила эту поездку, чтобы побыть с мистером Фоком! Если Гонора ревнует, ее ревность (пусть совершенно беспочвенная) теперь подкрепит описание сцены в саду, когда мистер Фок прогнал Руфуса.

Ее письмо... если мистер Сандерс приедет (даже если он не поверит правдоподобным объяснениям Гоноры), сможет ли он что-нибудь...

Саранна смотрела, не веря собственным глазам. В камине разжигали огонь, рядом валялся клочок бумаги. На нем она увидела собственный почерк. Саранна наклонилась и подобрала обгорелый клочок.

«Достопочтенный сэръ», прочла она. Ее письмо сожгли — здесь, в этой самой комнате, а клочок сознательно оставили, чтобы известить ее.

Хотя в комнате было тепло, девушка похолодела. Холод исходил от страшной опасности, которую вдруг обнаружила.

«Достопочтенный сэръ», снова прошептала она. И в этот миг услышала щелчок. И хотя сразу бросилась к двери, опоздала. Как Дамарис, теперь она стала пленницей своей спальни.

Глава четырнадцатая

КУАЙ. РЕШИМОСТЬ

Саранна отчаянно старалась взять себя в руки. Если биться о дверь, кричать, вопить, как требовали взвинченные нервы, то, подозревала она, все это будет бесполезно. К тому же пострадают ее гордость и достоинство, а Гонора посчитает, что низвела Саранну до положения послушной марионетки. Поэтому...

Девушка тщательно осмотрела дверь. С самого появления в Тенсине она ни разу не пользовалась ни ключом, ни шеколкой. Ее воспитали совсем иначе. Но старые ключи частенько подходят к самым разным замкам. Как когда-то в Сассексе — маленький Джимми Бейнс запер младшую сестру в гостиной, а ключ бросил в колодец. И освободить пленницу помог ключ от черного хода.

Ключи... Кажется, у Дамарис был собственный запас ключей. Но Саранна не думала, что сама окажется в подобном положении. Кажется... Она вдруг кое-что вспомнила. Подошла к высокому шкафу, раздвинула несколько платяев. Да, она помнила верно! На задней стенке висел ключ. Вероятно, от самого гардероба, но он выглядел достаточно большим, чтобы подойти к дверному замку.

Саранна быстро направилась к двери. Ключ легко вошел в скважину, но повернется ли он? Медленно, боясь сломать его или заклинить замок, Саранна начала поворачивать ключ. Последовал еще один негромкий шелчок.

Ослабев от облегчения (лишь в этот миг она поняла всю глубину своего отчаяния узницы), девушка повернула ручку. Дверь поддалась.

Но выходить пока не следовало. Пусть считают, что она надежно заперта. Это даст ей возможность подумать и разработать план. Уверенность Саранны росла. Она выиграла сражение с замком, но это было лишь первое из препятствий, ожидавших ее.

Саранна не сомневалась, что Гонора по-своему истолкует исчезновение коллекции. Рано или поздно миссис Уэйли потребует от Саранны — или Дамарис — объяснений. И если девочка и дальше будет вести себя вызывающе, она только навлечет на себя новые неприятности.

Саранна села на стул у маленького рабочего столика, где стояла ее шкатулка с принадлежностями для шитья. В прошлый раз она дошивала поплиновое платье, которое сейчас лежало на кровати. Саранна увидела незаконченную работу.

За работой она думала. Мать всегда говорила, что работа проясняет мысли. Девушка подтянула к себе талию платья и начала шить мелкими стежками, сосредоточившись одной частью сознания на этом занятии.

У нее не было возможности связаться с мистером Сандерсом, если только не изобрести какой-то способ тайком переправить письмо. Довериться Милли? Как ни дружелюбно настроена служанка, это было бы безумием. Никто из слуг в доме не станет открыто нарушать приказы экономки или Гоноры. Остается только мистер Фок.

Но несколько миль, разделявших Тенсин и «Отраду королевы», теперь были для Саранны все равно что расстояние от пристани до Балтимора. Если только... Она осторожно затянула узелок и убрала иглу... Если только Джеррад Форд не приедет сам.

Ожило прежнее недоверие к будущему мужу Гоноры. Но он обещал Дамарис и ей тоже быть их другом в трудную минуту. Почему-то она запомнила это, как будто он дал торжественную нерушимую клятву.

Саранна насторожилась, услышав стук в дверь. Но почему кто-то стучится, зная, что дверь заперта? Ловушка?

Девушка быстро встала и остановилась перед дверью, положив руку на ручку и приблизив губы к щели.

- Кто здесь? — негромко спросила она.
- Милли, мисс Саранна.
- Ты одна?
- Да, мэм.

Саранна открыла дверь. Служанка принесла поднос с накрытой тарелкой, небольшим горшочком, чашкой и блюдцем.

— Вот, принесла вам поесть. — Милли проскользнула в дверь. — Мисс Саранна, мисс Гонора — она очень осерчала. Кричит, что ее ограбили. Она послала Альберта с письмом к мистеру Фоку...

Милли поставила поднос на стол, с которого Саранна торопливо убрала шитье. Служанка стояла и широко раскрытыми глазами смотрела на Саранну, словно искала в ней какие-то перемены.

— Она попросила мистера Фока приехать? — спросила Саранна.

— Не знаю. — Милли покачала головой, подчеркивая свое незнание. — Я просто видела, как Альберт второпях уехал. А миссис Партон — она молчит. И чего-то боится. — Тут Милли повеселела. — Вроде как мистера Фока. Когда она узнала, куда едет Альберт, так послала Зорбуса на поля кликнуть мистера Коллиса... Ее что-то очень тревожит...

Партонны боятся мистера Фока? Они уже знают, что Саранна рассказала ему, как Руфус обращается с лисами? Но кто мог подслушать разговор в саду? Однако...

— Оставайся здесь, Милли. — Саранна приняла решение. — У меня есть для тебя дело.

— Да, мэм.

— Если хочешь, поешь. — Саранна указала на поднос: на тарелке под крышкой лежали сэндвичи.

— А что ж будете кушать вы, мисс Саранна?

— Свой обычный ланч, — твердо ответила Саранна. Ей потребуется большая решимость, чтобы осуществить свой план. Но если она позволит Гоноре управлять своей жизнью, то окончательно проиграет.

— Мисс Гонора — она сказала, что вы будете кушать в своей комнате...

— Вряд ли сейчас имеет значение, что сказала миссис Уэйли, — ответила Саранна, надеясь, что говорит правду. — Она очень расстроена, Милли. Подумав, она решит иначе.

Говоря все это, она отстегнула корсаж платья из отвратительного миткаля, отсоединила нижние юбки и позволила платью соскользнуть на пол. Осторожно надела через голову новую юбку, потом взяла манишку из тонкого черного муслина, поверх надела лиф от поплинового платья, заранее подрезанный и починенный; его недостатки теперь скрывали оборки, которые Саранна изготовила из атласной юбки.

Девушка стояла перед зеркалом, осматривая результаты своей работы и чувствуя внезапное волнение. Давненько она не надевала таких красивых платьев, к тому же из такого прекрасного материала. За все годы бедности в Сассексе мать могла позволить себе и дочери только самую обычную повседневную одежду, ничего модного.

Черный цвет траура делал платье еще красивее, а рыжие волосы — ярче. Слишком яркие, быстро решила Саранна. Нужно прикрыть их новой шляпкой.

Она вспомнила картинки с модными новыми шляпками в принесенных Дамарис журналах, но решила попробовать что-нибудь другое. Она всегда предпочитала не взбивать пышные локоны, как носили сейчас, а расчесывать волосы на пробор и назад, собирая их в пучок и закалывая. Саранна подошла к туалетному столику и села перед зеркалом.

— Милли, если хочешь стать камеристкой, ты должна научиться причесывать.

— Знаю, мисс Саранна. Полли-то всегда причесывает мисс Гонору... И сколько ж ей приходится работать, сворачивать бумажки на щипцах для завивки, нагревать щипцы на свечке и все прочее. Полли... мисс Гонора посылала ее учиться, как правильно делать завитки и все такое...

— Ну, никаких завитков мне не нужно, Милли. Но косы ты сумеешь заплести?

Милли остановилась позади нее, глядя на густые прямые волосы Саранны.

— Конечно, мисс Саранна.

— Вот и сделай это для меня, Милли. Раздели волосы на пробор, заплети косы и уложи «корзиночками» над ушами...

— Так это немодно... — начала Милли.

— Модно во Франции, Милли. Я видела на одном из рисунков, которые мы смотрели за шитьем.

— У нас-то не Франция... — Однако, несмотря на возражения, Милли взяла щетку для волос.

— Конечно нет, но локоны мне не идут, поэтому постарайся. — Саранна продолжала действовать по плану.

Милли искусно, быстро и ровно заплела ей тугие косы. Обе косы были подколоты в точности так, как распорядилась Саранна, хотя пришлось обновить запас шпилек.

Девушка разглядывала в зеркале результат — не из тщеславия, но надеясь, что достигла цели. Строгий стиль будет разительно отличаться от локонов и лент Гоноры, но Саранна решила, что он подходит ей больше и делает более взрослой и ответственной.

— Теперь чепец, Милли...

Она взяла из рук служанки шляпку и сама надела. Небольшая, из черного муслина и кружев, с лентами из черного атласа. Когда шляпка заняла свое место между косами, Саранна поразилась эффекту. Это не была Саранна Стоувелл, нищая сирота. Нет, у нее появилось достоинство, внушительность, которую она никогда не надеялась обрести. Она не была хорошенькой в том смысле, какой обычно вкладывает в понятие красоты свет, но не осталась бы незамеченной в любом обществе.

Все эти усилия она приложила не ради комплиментов. Ей казалось, что так она будет казаться более достойной доверия и сможет противопоставить свое слово выдумкам Гоноры. Одежда, которая идет женщине, — ее оборонительное оружие. Мужчины иногда этого не понимают, но женщины знают хорошо.

Потом, повинувшись порыву, она взяла нефритовую подвеску, лежавшую на столике, как когда она ее обнаружила впервые. Надела через голову шелковый шнурок. И не стала прятать за корсаж.

И вновь на траурной черноте белая подвеска словно засветилась. Саранна надела ее не как украшение, но повинувшись

странному чувству, что в столкновении с миром та добавит ей сил и решимости, чтобы защитить себя и Дамарис.

Саранна взяла маленькую шелковую сумочку, черный носовой платок, обшитый черным кружевом, и в последний раз осмотрела себя в зеркале, как солдат, проверяющий оружие перед боем. Ключ от двери она сунула в сумочку.

— Мисс Саранна, — Милли смотрела на нее круглыми глазами, — вы... вы чисто королева! Эта малюсенькая шляпка — она как корона, точно как корона! — Перемена в Саранне поразила ее.

Саранна расправила плечи. Она знала, Милли говорит искренне. Вместе со свидетельством зеркала слова служанки добавили ей уверенности. Милли взялась за дверную ручку, отворила дверь, и ее хозяйка вышла.

В коридоре Саранна не стала мешкать и сразу направилась к лестнице, ведущей вниз. Можно было попробовать отпереть ключом темницу Дамарис. Но в этот миг Саранне не хотелось искушать судьбу. Теперь все зависело от их столкновения с Гонорой — все дальнейшие шаги, которые следовало предпринять, чтобы помочь девочке.

Снизу из малой столовой доносились голоса. Один низкий — мистер Фок! Итак, он приехал по приглашению Гоноры. Нельзя допустить, чтобы это нарушило ее планы. Саранна должна казаться совершенно спокойной и обычной.

Высоко подняв голову, она вошла в комнату. Гонора сидела спиной к двери и говорила без умолку. Но мистер Фок заметил неслышное, но решительное появление Саранны.

Она увидела, как округлились его глаза. На лице появилось странное выражение, которое она не умела разгадать. Но вот он встал с салфеткой в руке, выжидательно застыл у стула справа от себя. Гонора полуобернулась, лишь на миг выдав свое удивление. Она оправилась с быстротой, которая всегда числилась среди ее оружия.

— Саранна, дорогая! Кажется, ты сказала, что головная боль не позволит тебе присоединиться к нам...

— Мне значительно лучше, спасибо, Гонора, — ответила Саранна, сохраняя присутствие духа: пристальный взгляд прищуренных глаз Гоноры противоречил ее ласковым словам.

Девушка спокойно села на стул, пододвинутый мистером Фоком, и негромко поблагодарила джентльмена. В дверях появился Джон, сразу понял, в чем дело, и мгновение спустя Роза уже ставила на стол новый прибор.

— Не хочу вам мешать. — Саранна сумела сохранить внешнее спокойствие, и ее слова даже для нее самой прозвучали весьма прозаически. — Я знаю, вам нужно кое-что обсудить...

Она не смотрела на Гонору, но чувствовала атмосферу вокруг дочери Джетро: ее гнев пылал, как огонь в очаге. Но поведение Гоноры свидетельствовало, что мистер Фок не посвящен в положение дел, сложившееся в Тенсине. Это подсказало девушке, что ее расчет верен. Если Гонора не хочет, чтобы он узнал о ее вспышке и о том, как она обошлась с Саранной и Дамарис после своего возвращения, это потому, что она боится встретить с его стороны возражения против такого обращения с падчерицей.

Впервые Саранна ела в атмосфере нацеленной на нее враждебности. Но она держалась так, будто ее интересовало только содержимое тарелки. Она глотала, но куски застревали у нее в горле, и она совсем не чувствовала вкуса.

— Прекрасный день, — нарушил мистер Фок тишину после того, как Саранну обслужили. — Может быть, я уговорю вас, дамы, и мисс Дамарис поехать в «Отраду королевы»?

Саранна посмела поднять глаза и посмотрела прямо на Гонору. Что она ответит на это? Головная боль у обеих сразу — в это мистеру Фоку трудно будет поверить.

Она видела застывшее лицо Гоноры. Та избегала встречаться с ней взглядом.

— Джеррад, я очень беспокоюсь о Дамарис. Увлечение деда Востоком заполонило ее мысли и тоже превратилось в одержимость. Я уже пригласила доктора Мида для консультации. Вероятно, девочке лучше сменить обстановку, пока

она не забудет об этих «сокровищах». Доктор Мид рассказывал о прекрасной школе для таких детей. Ею очень хорошо управляют, и там применяются новейшие методы лечения таких истерических случаев. Мой отец не понимает, как трудно стало с Дамарис. За ней следовало лучше присматривать, а не предоставлять свободу — та чрезвычайно ей повредила. Доктор Мид осмотрит ее, и тогда мы решим, что для нее лучше...

— Вы уверены, что здесь все было в порядке, Гонора? — спросил мистер Фок. — Я знаю, в прошлом у вас случались неприятности с гувернантками. Но, по моим наблюдениям, мисс Стоувелл оказывает на мисс Дамарис самое благотворное влияние, и девочка кажется гораздо более счастливой и веселой.

— Дамарис очень умна для своего возраста, — впервые вмешалась в разговор Саранна. — Меня поразили ее познания...

— Что ты знаешь? — вспыхнула Гонора, словно не в силах больше сдерживаться. — Мой покойный свекор наполнил ее незрелый ум всякой языческой чепухой. И так как она, точно попугай, повторяет все, чему он ее научил, у всех создается ложное впечатление, что Дамарис очень образованна. Что неправда — вы сами увидите, если узнаете ее ближе. Она очень возбудима, на нее легко воздействовать и подтолкнуть к поспешным поступкам. Но на сей раз она зашла слишком далеко...

— Слишком далеко? — повторил мистер Фок.

— Да! — Гонора швырнула салфетку на стол. — Если не верите, идем, сами увидите!

Зашуршав юбками, она вскочила так стремительно, что стул качнулся и едва не упал. Саранна тоже встала. Мистер Фок мимо нее направился к Гоноре, которая уже была у дверей.

Она пошла прямо к библиотеке — одной из двух комнат, опустошенных Саранной и Дамарис ночью. Резким движением распахнула дверь.

— Смотрите! Все исчезло!

Мистер Фок заглянул, и на его лице отобразилось изумление.

— Но, Гонора... где?.. — Он не закончил вопрос. Напротив, внимательно осмотрел пустые полки и стол — все то, что накануне было заполнено.

— Куда она все дела? — воскликнула Гонора.

Мистер Фок серьезно повернулся к ней:

— Гонора, то, о чем вы говорите, невозможно! Ребенку не под силу обчистить эти комнаты. Это работа для мужчин. Вы послали за констеблем?

— Она сделала это не одна. — Гонора указала на Саранну, которая вслед за ними вошла в комнату. — Эта... эта молодая... — Она буквально подавилась от ярости. Саранна слышала о таком, но сама видела впервые.

— Ерунда! — Мистер Фок в свою очередь слегка рассердился. — Вы хорошо понимаете, что даже для двух девушек это физически невозможно. Если, конечно, им не помогали.

— Может, и помогали! — Гонора слегка побледнела и, казалось, осунулась. — Возможно, им помогали... — Она замолчала.

— Слуги? — подсказал мистер Фок, когда она не стала продолжать.

— Никто из рабов не посмеет, — нетерпеливо ответила Гонора. — Но они это сделали — вдвоем. Дамарис почти призналась...

— Может, в шутку или со злости, — негромко сказал мистер Фок. — Вспомните, я много раз видел это собрание и...

— И оно бесследно исчезло! — перебила Гонора. — Все, кроме ширмы, резного стола и, конечно, вещей из прежней комнаты Дамарис. Ищите, если угодно. Мы с Партонами уже искали — не осталось ничего. — Она быстро повернулась к Саранне. — Кроме взятки, которая и сейчас на этой нахалке! Дамарис дала это ей за помощь. Ей неоткуда было взять...

— Я... — негодуяще начала Саранна, но мистер Фок поднял руку, призывая к молчанию.

— Гонора, Саранна уже заверила меня, что эта вещь не из собрания капитана...

Саранна не обратила внимания на то, что ее назвали по имени, но Гонора сразу это заметила.

— Итак, она уже больше не мисс Стоувелл, а Саранна? Оказывается, она тут времени зря не теряла. Разумеется, это часть собрания, что бы она ни говорила.

Лицо мистера Фока стало бесстрастным, и Саранна ничего не могла по нему прочесть. Но к Гоноре он обратился тем «капитанским» голосом, каким укротил Руфуса в саду.

— Мне кажется, существует каталог коллекции. Мисс Дамарис может дать его нам. И мы узнаем правду об этой подвеске.

Возможно, Гонора хотела отказаться. Она уже готова была заговорить. Но потом величественно повернулась к дверям библиотеки, где стоял Джон.

— В моей комнате, — коротко сказала она, — возьми книгу, переплетенную в золотую парчу... немедленно!

Джон исчез. Итак, Дамарис не ошиблась: книгу взяла ее мачеха. Гонора подошла к столу, оперлась рукой на его полированную поверхность.

— На следующей неделе сюда приедут мистер Уолсворт и его друг Джон Ширс. Они мне не верили, хотя видели описание коллекции. Нужно ее отыскать...

— Лучше бы вы, Гонора, — ровным голосом сказал мистер Фок, — послали за мной и за шерифом в ту же минуту, как обнаружили пропажу. У двух молодых девушек не хватит сил, чтобы вынести коллекцию, даже если она тщательно упакована...

— Да, упакована, — перебила Гонора. — В этом на Дамарис можно положиться. Партон побывала в кладовке в подвале. Там стояли корзины, которые свекор заказывал еще в Китае для перевозки сокровищ. Все они исчезли!

— Те большие корзины! — Мистер Фок поднял брови. — История становится все более невероятной. Девушки не смогли бы даже передвинуть их. Но кто мог им помочь? Ра-

ботники? Вы хорошо понимаете, что об этом уже давно все бы знали.

— Я знаю, кто их взял, — ответила Гонора. — И со временем верну. — Она бросила на Саранну холодный угрожающий взгляд. — Но с вами, *мисс Стоувелл*, мы можем разобратся раньше. Найдем в каталоге описание подвески, и, клянусь, вас арестуют, как обычную воровку. Вам не выпутаться, девочка моя!

Джон осторожно проскользнул в дверь: ему явно не хотелось попасть в самый разгар бури. Гонора протянула руку, но мистер Фок опередил ее и взял книгу у слуги.

— Тут должен быть указатель... — заметил он.

Гонора сжала кулаки. Казалось, она готова вырвать у него книгу. Потом она мрачно сказала:

— Вначале описаны украшения. Их не очень много. Все они были в одной шкатулке вот здесь. — Она указала на место между окнами.

— Хорошо. — Мистер Фок принялся неторопливо перелистывать страницы. Саранна заметила рисунки и записи крупными прямоугольными буквами. Мистер Фок перевернул одну страницу, другую, потом поднял голову.

— Здесь нет упоминания о белой нефритовой подвеске в виде лисы, Гонора...

Та слегка побледнела. Ухватила рукой за край стола. Саранне показалось, что она покачнулась, как будто Джеррад Фок дал ей пощечину.

— Тогда откуда? — шепотом сказала она, прищурилась и посмотрела на Саранну. — Значит — это правда? Все правда?

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Саранна видела ярость Гоноры, но и кое-что иное. Похожее на страх. Гонора определенно что-то знала, а Саранна нет. Возможно, часть тщательно охраняемой «тайны» Дамарис. Она должна ее узнать, чтобы защититься.

— Я же говорила, — впервые подала голос Саранна, — что это подарок. — Она провела пальцами по гладкому нефриту.

Теперь, когда она убедилась, что подвеска не из собрания, потребность в правде стала еще сильнее. — И поскольку я не воровка, — она оглядела комнату, воспользовавшись неверием Джеррада Фока как оружием, — и всем ясно, что ни я, ни Дамарис не могли унести сокровища, я немедленно отправляюсь к Дамарис...

Если Гонора и собиралась ее остановить, Саранна этого не видела. Она прошла мимо Джона в коридор и, держа в руках ключ, поднялась по лестнице в надежде освободить вторую пленницу.

Глава пятнадцатая

И. ИДТИ В НОГУ С СУДЬБОЙ

Саранна была готова к тому, что может встретить у двери кого-нибудь из слуг, приставленных Гонорой. Но в верхнем коридоре никого не было. Девушка решительно направилась к двери, которую миссис Партон заперла за юной пленницей. И так же решительно вставила в замочную скважину ключ от гардероба.

Это удалось легко, но повернуть оказалось труднее. Саранна подумала, что ничего не получится. Но замок неохотно поддался, и Саранна распахнула дверь. Она не знала, что увидит — Дамарис дерзкую, Дамарис испуганную, Дамарис в слезах.. А увидела пустую комнату и открытое окно, на котором вздувалась кружевная занавеска.

Самара подбежала и выглянула. Крыша крыльца...

За окном росло дерево, нуждающееся в обрезке — его самые длинные ветви как раз в этом месте упирались в стену дома. Дамарис неведомо как удалось спуститься? От одной мысли об этом у Саранны закружилась голова.

Однако пустая комната свидетельствовала, что Дамарис каким-то образом сумела сбежать. Куда исчезла девочка? Прячется в саду или где-то в доме? Или нашла убежище в запретной части сада за изгородью? Следует ли Саранна поднять тревогу?

Размышляя, она закрыла окно, поправила занавески. Быстро вышла в коридор и снова заперла дверь. Пусть Гонора и миссис Партон воображают себя хозяйками Тенсина. Почему-то Саранне казалось, что теперь Дамарис в большей безопасности, чем под замком.

Спрятав ключ, Саранна подняла голову и принялась. С каждым мгновением запах, острый, но не противный, становился сильнее. Он исходил из противоположной двери, из китайской комнаты Дамарис.

Саранна потрогала ручку. Как она и думала, дверь была на замке. Подняв руку и собираясь постучать, она замешкалась. Если Дамарис незаметно вернулась в свою прежнюю комнату, нужно ли ее беспокоить? Стук могут услышать слуги — и доложить миссис Партон.

Саранна снова порылась в сумочке, достала ключ от гардероба, вставила в скважину. Но на сей раз напрасно. Она испугалась, что может сломать ключ, если надавит слишком сильно, и, вынув несколько шпилек из тщательно уложенной «корзиночкой» косы (коса упала на плечо), прижалась ухом к двери, но ничего не услышала. Потом послышался далекий негромкий ропот, делавшийся то громче, то тише, — что-то вроде песни, а она не могла разобрать ни единого слова. Чем там занималась Дамарис?

Что-то в этих напевных звуках свидетельствовало о том, что девочка не разговаривает, а повторяет что-то заученное. Молится? У Саранны внезапно возникло ощущение, что она не имеет права разузнавать эту тайну. Она попятилась от двери и вернулась в свою комнату.

Поднос исчез, Милли тоже. Саранна из предосторожности заперла замок. Хотя они знали, что она выбралась из заточения, любое прикосновение к замку теперь послужило бы для нее предупреждением.

Предупреждением о чем? Она расхаживала по комнате, стараясь мыслить последовательно и логично. Отношение мистера Фока... У него она нашла поддержку. Возможно, его утверждение, что они с Дамарис не могли спрятать кол-

лекцию, пусть и ошибочное, было столь резонным, что, возможно, могло повлиять на Гонору. Заставить ее пересмотреть планы на ближайшее будущее.

Саранна почти убедила себя, что может пойти к нему и рассказать всю правду. Но откуда взялись китайцы — те, что унесли корзины? Живут в запретной части сада вместе с Женщиной-Лисой? У Саранны разболелась голова. Девушка потерла пальцами над глазами, где болело особенно сильно. Если она спустится вниз сейчас, у нее не будет возможности поговорить с Джеррадом Фоком наедине. Об этом позаботится Гонора.

А что делает Дамарис? Снова бросает раскрашенные палочки, пытаясь с помощью какого-нибудь суеверия прочесть будущее? Наследство, оставленное капитаном Уэйли внучке, может погубить ее.

Саранна медленно расстегнула крючки платья, внушившего ей такую уверенность. Сложив лиф и юбки на стул, она закуталась в застиранный и поношенный капот, вытащила шпильки из кос, так что волосы свободно упали на плечи, и наконец попыталась составить логичный план.

Предположим, она напишет мистеру Сандерсу еще одно письмо и на этот раз доверит его мистеру Фоку. Она сможет объяснить причину. Она... Нет, она все-таки скажет ему правду! У нее сохранился обгорелый клочок письма. Она покажет его мистеру Фоку, и, вероятно, он ей поверит. Саранна быстро направилась к столу, на котором лежал ее бювар. Но, подняв крышку, увидела: ни бумаги, ни перьев. Кто-то все забрал! Она все еще смотрела на стол, когда в дверь постучали.

— Кто там?

— Я, мисс Саранна...

Милли. Теперь она даже не знает, насколько может доверять служанке. Посмеет ли Милли передать ее письмо мистеру Фоку? Или девушку слишком запугала миссис Партон?

Когда Саранна открыла дверь, Милли вошла с охапкой свежeweыглаженного белья, от которого исходил слабый запах лавандовой воды.

Саранна села в кресло-качалку и стала смотреть, как Милли разбирает белье, складывает и убирает его в ящики. Служанка даже не смотрела на нее, она была занята только работой.

Наконец она уложила на место последнюю нижнюю юбку и выпрямилась. Некоторое время Милли просто стояла, наполовину отвернувшись от Саранны. Потом осторожно оглянулась через плечо.

— Мисс Саранна... — начала она и сглотнула, как будто поперхнулась словами.

— Да?.. — Саранна пыталась говорить спокойно и ровно, не выдав волнения.

— Мисс Гонора... она очень рассердилась на вас и на мисс Дамарис. Говорит, что все тут исправит, избавится от... — Милли показала на окно, и Саранна догадалась, о чем речь.

— От тайного сада?

Милли энергично кивнула.

— Она отправила Джозефа вниз по реке. Он везет письмо одному человеку в Балтимор. Приедут люди с ружьями, постреляют лис, всех убьют... может, и людей тоже...

— Каких людей? — спросила Саранна.

Милли вздрогнула. Руками она мяла край передника, выжимала, как после стирки.

— Говорят... говорят, там живут необычные люди. Иногда лисы превращаются в людей, иногда наоборот. Если поймут лис, обязательно их перебьют. Если поймают людей — тоже. Мисс Гонора... она говорит, мол, пора с этим покончить.

— Когда?

— Когда приедут люди из города. Дня через два-три.

— Милли, знает ли об этом мистер Фок?

— Может, и нет. Не знаю. Мисс Гонора — она подождала, чтоб он уехал, и только потом дала Джо письмо и отослала его.

— Ты можешь передать письмо мистеру Фоку?

Милли на мгновение задумалась.

— Не знаю. Этот Немос, кучер мистера Фока — он ухаживает за Розой. Приходит по вечерам. И он не боится Пар-

тонов. Может, он возьмет... если дадите ему что-нибудь за беспокойство.

— Сколько? — Саранна подумала о своем пустом кошельке. Если б у нее были деньги, которые, возможно, уже сейчас пришли к мистеру Сандерсу!

— Роза не уверена, что хочет замуж. Она любит красивые штучки. Когда Немос приносит ей что-нибудь, она охотней с ним разговаривает.

— Красивые вещи? Какие именно? — Саранна быстро поняла намек.

— Ну, что-нибудь из одежды. Роза любит ходить в церковь разряженная так, что все мужчины глазели на нее.

Но у Саранны почти не было не только денег, но и «красивых штучек». Небольшой запас ее ценностей лежал на дне лакированной шкатулки. Она открыла ее.

Миниатюрный портрет матери, подаренный ей перед замужеством; небольшой золотой медальон с жемчугом, в нем — локон отца; два кольца, слишком большие для Саранны и неуместные при ее трауре. И, наконец, последнее — веер сандалового дерева, ароматные пластинки с кружевным узором. Саранна расправила веер, и в воздухе запахло сандалом.

— Это подойдет? — Она принялась обмахиваться. Мама ценила веер за его необычность. Какой-то ремесленник из Макао превратил дерево с Сандвичевых островов в эту безделушку. Веер следовало использовать в жару — сильный аромат отгонял moskitov. После переезда в Сассекс мама ни разу не пользовалась веером.

Милли подошла поближе и коснулась пальцем гладкой поверхности веера:

— Мисс Саранна, конечно! Роза таких никогда не видела! Думаю, Немос проплывет до самого Балтимора, лишь бы подарить веер ей в следующее воскресенье!

— Хорошо. — Саранна старалась не жалеть о своем предложении. Ее пронизывало такое острое ощущение опасно-

сти, что веер, пусть даже очень ценный, был ничтожной платой за возможность обратиться за помощью.

— Мне нужны бумага и перо... — Она уже передала Милли веер, и служанка держала его у носа, радостно вдыхая аромат. — Кто-то забрал мои, пока меня не было.

Интерес Милли к вееру тут же исчез.

— Мисс Саранна, не знаю, как достать все это. Попробовать стащить... так их держат в той части дома, куда я не захожу. А коли меня увидят миссис Партон или Джон...

Но Саранна уже пыталась заменить бумагу и перо чем придется. Камин! Там горелое дерево, черный уголь. Она быстро наклонилась и наскребла сажи в плоский прикроватный подсвечник.

Бумага? Книга, которую она принесла в комнату. Она безжалостно вырвала форзац. Потом взяла из своих запасов швейную иглу.

— Милли, можешь достать мне уксуса, совсем немного, пару столовых ложек?

Служанка кивнула.

— Могу, и никто ни о чем не спросит. Ведь леди ополаскивают волосы в уксусе. Я могу вымыть вам волосы, будто мы всегда так делаем.

— Хорошо! — Саранна уже расплела косы. — Неси немедленно. Ах да — и оставь пока веер.

Милли положила веер на стол и вышла. Саранна не знала, удастся ли ее план. Но верила, что, узнав о планах Гоноры, Джеррад Фок помешает этому.

Вскоре вернулась Милли с охапкой полотенец, кувшином дождевой воды — она объявила, что дождевую воду собирают с единственной целью: мыть голову леди, — и с кувшинчиком уксуса.

— Мисс Гонора лежит у себя с головной болью, — объявила она. — С ней эта противная Полли, которая всегда важна, потому как она, мол, служанка самой мисс Гоноры. Сейчас она прикладывает ей тряпку к голове и все подносит.

Я слыхала, мистер Фок резко поговорил с мисс Гонорой перед отъездом. А ей это не понравилось...

Пока Милли готовила полотенца и таз, Саранна проводила опыты с уксусом и сажей из камина. Она смешала их, получив черную жидкость, но непонятно было, сохранятся ли чернила, когда высохнут. Тем временем девушка обдумывала, что напишет.

— Схожу за горячей водой, — провозгласила Милли. Саранна в ответ рассеянно кивнула.

Окунув кончик иглы в свою смесь, она начала писать. Ей было некогда и не на чем написать по всем правилам, потому пришлось писать кратко, сразу перейдя к делу.

«Мистер Фок.

Тайный сад собираются уничтожить. Люди из города. Убить лис и всех, кто там еще может быть. Я прошу помощи ради Дамарис — и ради Тенсина».

Подписалась она инициалом — «С». Саранна была уверена, что он сразу догадается, от кого письмо. Она отложила его просохнуть. И хотя дважды обвела каждую букву, сомневалась в своих импровизированных чернилах.

Когда вернулась Милли, начался длительный ритуал мытья головы, использования полотенца из огромной груды, принесенной служанкой, расчесывания и просушивания волос на послеполуденном солнце. Однако, когда Милли снова заплетала ей косы перед обедом, волосы еще оставались чуть влажными.

Возможно, Гонора и Дамарис не собирались обедать. В таком случае Саранна намерена была пообедать в одиночестве, утверждая свою независимость в доме. Милли снова застегнула крючки на ее платье, и Саранна, решившая не разнообразить наряд атласным поясом, твердым шагом спустилась по лестнице.

Войдя в столовую, она увидела, что там полутемно. Свечи не горели, стол не был накрыт. Итак, ее не ждали. Но, пол-

ная решимости, она потянула за шнурок. В ответ на звонок явился не Джон, а Роза.

— Где обед? — спросила Саранна. — Уже пора...

— Мы... миссис Партон... она сказала, что вы будете обедать у себя в комнате, мисс Саранна.

— Ерунда. Я вполне здорова и способна посидеть здесь. Подавай обед. — Никогда в жизни Саранна не проявляла такой властности. Но она чувствовала, что должна доказать: она в этом доме не пустое место. В ней с новой силой вспыхнула гордость, которая помогла им с матерью выдержать жизнь в Сассексе. Она молода, это верно. Будь здесь Джетро, ее долгом было бы повиноваться хозяину дома. Но это не значит, что она позволит Гоноре помыкать ею.

Она подождала. Появился Джон, который вначале, казалось, словно собирался возражать, но потом принялся раскладывать столовое серебро и расставлять фарфор на том месте, где она всегда сидела в Тенсине. Саранна думала, что вот-вот появится миссис Партон с каким-нибудь запретом Гоноры. Но экономка не показывалась, и Саранна ела неторопливо и методично, как будто это могло помочь ей выстоять.

Причин одиноко сидеть в гостиной не было. Достигнув своей цели, Саранна вернулась к себе, зажгла лампу и взяла книгу. Но, даже прочитав несколько страниц, не помнила, о чем читала. Наконец она отложила книгу.

Вчерашняя гроза как будто очистила воздух. Взошла луна. Саранна смотрела из окна на изгородь, за которой открывался запретный сад. Какая высокая эта изгородь, закрывает вид даже из окна второго этажа! И очень густая. Если Гонора прикажет ее снести, рабочим придется нелегко.

Саранна вдруг ощутила сильную усталость. Столько произошло за этот день — а ведь половину прошлой ночи она не спала, помогала Дамарис упаковывать коллекцию. Саранна медленно разделась, чувствуя, как ноет все тело. Она надела муслиновую ночную рубашку, водрузила на голову ночной чепец и устроилась на подушках. Но как только легла,

сонливость испарилась. У нее появилось такое чувство, будто она не сделала что-то очень важное. Однако, вспоминая день, она не могла определить, что же упустила.

Что она забыла?

Не ошиблась ли она, обратившись к мистеру Фоку? Или нужно было отыскать перед сном Дамарис? Со вздохом Саранна села.

И сразу услышала...

В ночи звучала та самая странная монотонная музыка. Саранна села на краю кровати. Ее капот... Куда она дела капот? На сей раз она забыла зажечь императорский ночник и поэтому на ощупь отыскала стул, на который повесила капот. Набросив его на плечи, сунув босые ноги в туфли, она подкралась к двери и открыла ее. Потом привязала ключ к ленте капота.

Дамарис! Она была уверена, что Дамарис может быть в запретном саду. И что на этот раз музыка — не часть какого-то причудливого сна.

Сначала Саранна направилась к двери Дамарис. Дверь была прочно закрыта и не поддавалась, сколько ни крути ручку. Девушка не решалась постучать или позвать Дамарис, чтобы не привлечь внимания служанок Гоноры, которые обитали в комнате в начале коридора. Там из-под двери пробивался свет.

Дамарис... может быть, она уже ушла в тайный сад? Если сокровище унесли туда, у девочки есть причина проверять его сохранность. Саранна осторожно пошла по темному коридору. Руку она положила на подвеску, которую не снимала ни днем, ни ночью. Камень казался не холодным, а теплым, хотя это, конечно, ей чудилось.

Шаг за шагом Саранна спускалась по лестнице. В кухне горел свет, слышались голоса, но приглушенные. Девушка благополучно добралась до входной двери и отодвинула засов.

Ночной ветер оказался слишком свежим, чтобы выйти на него в сорочке и капоте. Она пожалела, что не потратила не-

много времени на то, чтобы одеться. Но снова почувствовала настоящую необходимость действовать. Музыка звучала, и надо было идти.

Саранна зашла за дом, чтобы оказаться перед изгородью. Причудливые звуки флейты сливались с ночными шумами в странной гармонии, которая западному уху вовсе не казалась музыкой.

Саранна ощупью пробралась вдоль изгороди, потом остановилась, обеими руками развела ветви и отыскала скрытый лаз. Она снова пробралась в сад, прошла по извилистой дорожке, миновала маленький дом с окнами в форме цветка и остановилась перед террасой.

Сегодня, несмотря на музыку, под убывающей луной не раскачивалась в грациозном танце женщина с головой лисы. И за ее движениями не наблюдали неподвижные лисы. Музыканты сидели в тени под карнизом, как и прежде. Но в круглой арке входа стояла женщина. Та самая танцовщица, но с человеческим лицом.

Сегодня на ней было не то свободное платье с широкими рукавами, которое развевалось в лунном танце, а тяжелый, богато расшитый наряд с высоким воротником и пряжкой на плече. Волосы, как того требовал протокол, были уложены на рамку и украшены булавками со сверкающими головками, в ушах — длинные серьги. Она была величественна, как королева среди своих придворных, и если это и была принцесса Дамарис, титул ей вполне подходил.

Женщина смотрела на тропу и когда показалась Саранна, подняла руку; длинный рукав упал к запястью, явив пальцы с драгоценными пластинками на ногтях. Женщина поманила Саранну, и та, вновь не чувствуя ни страха, ни волнения, прошла вперед, на террасу, и приблизилась к женщине.

— *Мей...* — Женщина отступила в комнату, где горели лампы, и снова Саранна последовала за ней.

— Добро пожаловать, младшая сестра. — Женщина говорила по-английски, но с легким певучим акцентом. Она указала на широкую кровать, которая служила и для сидения.

Когда они сели на мягкую поверхность, их опять разделил стол. Но на сей раз на столе не было чая.

Женщина-Лиса протянула руку к лакированной шкатулке, где на черном фоне красным и золотым было изображено множество лис. Оттуда она достала связку палочек, похожих на пластинки разобранного веера. И тут Саранна увидела, что одни палочки разделены посередине тускло-красной полоской, другие — нет.

— Младшая сестра, ты пришла, и час благоприятный. В такое время Великие могут показать нам, тем, кто еще не вознесся, что ждет впереди. Мне хорошо известны все предсказания о своей жизни, но теперь я должна узнать, что ждет тебя и не совпали ли наши пути до поры.

Поэтому возьми вот это и брось на поверхность. А когда держишь, думай о том, что тебя тревожит и затмевает твой путь...

Она протянула Саранне пачку палочек из слоновой кости, и девушка взяла их. В такое время и в таком месте ей казалось совершенно естественным подчиняться этой величественной женщине, которая держалась так, словно никто ни разу не усомнился в ее приказах.

Саранна держала палочки. Но в ее мыслях царил хаос. Она не могла думать ни о чем, кроме неприятностей, но их трудно было расположить по порядку.

Потом она бросила палочки. Музыка на террасе смолкла. В тишине комнаты стук, с которым палочки упали на лакированную поверхность, показался громким, как барабанная дробь.

— Это *И*. — Принцесса наклонила голову, разглядывая рисунок. — Что означает преимущество каждого шага.

Концом ногтевого футляра она коснулась самой дальней от Саранны палочки. Без разделительной полосы.

— Первые девять неразделенные — тебе предстоит важное решение. Вторые девять предвещают удачу, если ты проявишь твердость. Третьи шесть — разделенные, что означает усиление зла, хотя твоей вины в том нет. Четвертые шесть: ты

можешь рассчитывать на помощь. Пятые девять — неразделенные: у тебя искреннее сердце, и оно приведет тебя к судьбе, о которой ты и не мечтаешь. Шестые девять — неразделенные: о, это человек, к которому никто не присоединится, а злое сердце постигнет справедливое возмездие.

Мгновение она молчала, разглядывая предположительно случайно образованный палочками рисунок. Несомненно, она полностью верила в свои слова. И эта вера произвела впечатление на Саранну. Уверенность живущей в запретном саду была так заразительна, что Саранна больше не могла говорить, что это суеверие и просто глупость.

— Хорошо. Древние сказали. — Женщина-Лиса собрала палочки и снова спрятала их в шкатулку с изображением лис. — А теперь, младшая сестра, послушай меня. Мы видели, что может случиться, и свидетельства палочек благоприятны. Но малодушие может свести на нет даже самое благоприятное предсказание. Вот что я скажу: будь сильна сердцем, подави страх, как знаменосец, который прищпоривает лошадь, когда ведет войска против варваров. У той, с кем ты сразишься, сильная воля. Твоя воля должна быть против нее как сталь против железа.

Скоро для нас настанет час суда. Ты пришла ко мне вовремя. Если у полководца войска разделены, он терпит поражение еще до начала битвы. Понимаешь?

— Да, — впервые заговорила Саранна. И торопливо добавила: — Они... миссис Уэйли послала в город за людьми. Они будут стрелять лис, уничтожат сад и все, что в нем.

Выражение женщины не изменилось, словно это лицо было вырезано из той же безупречной старинной слоновой кости, что и палочки, бросая которые, она предсказывала будущее.

— Слухи об этом безумии уже дошли до меня, младшая сестра. Помни: ты должна отвести от себя страх, как отвела бы меч, приближающийся к твоему горлу, если бы у тебя был щит, чтобы загородиться от удара. Когда время придет, ты поймешь. И тогда вы с младшей должны снова прийти сю-

да. Я наделена силами, которые унаследовала от женщин из древнего рода моей матери. Но в трудные времена одинокий человек подобен дереву со слабыми корнями перед приближающейся бурей. Меня не выдернут с корнем прежде моего времени, и, следовательно, ты можешь помочь по-другому...

А теперь... — Она хлопнула в ладоши, и из тени за кроватью показалась старая служанка с подносом, на котором стояли две закрытые чашки без ручек.

Женщина-Лиса взяла одну и знаком велела Саранне взять другую. Девушка отложила в сторону крышку-блюде и снова ощутила запах цветочного чая.

— Выпьем за судьбу и час отдачи всех долгов, — сказала Женщина-Лиса.

Саранна осторожно отпила, затем сделала большой глоток. Красное и золотое, зеленое, синее — все краски великолепной комнаты закружились вокруг нее. Неужели лицо цвета слоновой кости вдруг заострилось, нос и челюсти приобрели другую форму и покрылись рыжей шерстью? Или это только игра воображения?

Глава шестнадцатая

ЧЭНЬ. ПОТРЯСЕНИЕ

Саранне снился путаный сон. Она была в своей комнате в Тенсине, но с ней два человека, и в комнате царил полумрак. Ее тянули и толкали (она не могла сопротивляться) и, вопреки ее желанию, облачили в то поношенное старое платье, в котором она приехала из Сассекса. Потом, когда она уже была одета, один из них поддержал ее, а второй прижал к ее губам чашку, прижал так сильно, что от боли она открыла рот и едва не подавилась горькой жидкостью.

Потом они повели, вернее, потащили ее к двери. В коридоре ждала еще одна смутная фигура. Саранна услышала неясный шепот. Потом сон кончился — неожиданно, как все сны.

Вначале Саранна ощутила легкое покачивание своей постели. Это покачивание напомнило ей что-то давнее. Но ей

трудно было думать, вспоминать. Над закрытыми глазами очень сильно болело, и девушка почувствовала ужасную слабость и тошноту. Она повернула голову на подушке. В ответ на это слабое движение на нее обрушилась волна боли, и она охнула и застонала. Ей было так плохо...

Мама... где мама? Она поможет...

Теперь, когда она не ворочала головой, боль приутихла. Саранна медленно открыла глаза. Кровать, на которой она лежит... Где она? Это не ее маленькая комната в сассекском доме. А Сассекс... она ведь уехала из Сассекса?

Мама... мама умерла!

Память возвращалась урывками, а с ней появился страх. Саранна уже догадывалась, что это не обычное пробуждение. Она уехала из Сассекса, чтобы сесть на корабль...

Корабль! Гадкие запахи, раскачивание узкой койки — она на корабле!

Но как же это? Ведь после корабля она была в доме... в домах. Один — в городе. А другой... Одурманенное сознание Саранны пыталось связать обрывки воспоминаний.

Тенсин!

Название словно послужило ключом. Потому что все стремительно вернулось: дни и ночи в Тенсине, с их трудностями и опасностями.

Это был не Тенсин и определенно не комната за круглой аркой, ее последнее воспоминание. Она пила чай с Женщиной-Лисой. После начался странный сон. И вот она проснулась здесь. Где она?

Пульсирующая головная боль и волны тошноты, накатывавшие на Саранну при каждом движении, так ослабляли ее, что она не могла думать ясно. Но смотреть она еще могла.

Глаза сообщили ей, что она лежит на очень узкой койке, должно быть, в каюте корабля. Здесь отвратительно пахло, и от этого тошнило еще сильнее. Неярко светила лампа, прикрученная к балке на низком потолке.

Вот — вот ее матросский сундучок! На него брошены ее шаль и шляпка, свисают помятые ленты. Вопреки тошноте

и головной боли, Саранна начинала понимать, что все это происходит на самом деле.

Этот ее странный сон. Кто-то разбудил ее, крепко спавшую, и одел. Кто? Не Женщина-Лиса и ее слуги, в этом Саранна была уверена. И почему она на корабле? Куда ее везут — и зачем?

На полке у противоположной стены каюты стояла кружка. Во рту у девушки страшно пересохло. Если бы выпить! Сможет ли она дотянуться до кружки? А если сможет, есть ли в кружке вода? Саранна, глядя на кружку, облизнула сухие губы.

Пить... так хочется пить! На борту корабля... Но уснула она в комнате за круглой аркой. Саранна наострила уши, пытаясь уловить звуки ветра и волн, какие слышала, когда плыла на юг.

Но вместо этого расслышала негромкий скрип и плеск воды. Саранна решила, что, хоть она и на корабле, корабль этот стоит. Где стоит? Маленькая искорка надежды заставила ее зашевелиться.

Она с трудом села, и боль в голове усилилась, Саранна застонала. Но свесила ноги с койки, ухватившись за край, чтобы удержаться и не упасть на пол. Ее сотрясали приступы рвоты.

Но страх, подкреплявший решимость, помог ей встать. Каюта оказалась такой низкой, что девушке пришлось наклонить голову. Саранна подошла к полке и протянула руку к манящей кружке, другой продолжая держаться за стенку.

На дне кружки плескалась какая-то жидкость. Но, когда Саранна поднесла кружку к губам, кислый запах вызвал у нее новый приступ тошноты и она уронила кружку на пол.

Воздух... если бы выйти на чистый свежий воздух, это помогло бы. Держась за стенку каюты, Саранна сделала четыре или пять мелких шажков и оказалась у двери. Приложила к ней руку и надавила изо всех сил. Бесполезно. Заперта!

Почему?

Голова болела так, что девушка с трудом держалась на ногах. Спотыкаясь, почти падая, она вернулась к койке и опустилась на колени, положив руки на смятую грязную постель. Она пленница здесь... но почему? И чья?

Как легко снова лечь на койку, погрузиться в неведение, в бесчувствие. Но нет, нельзя. Положив голову на койку, Саранна пыталась думать ясно и логично.

Теперь Саранна отчетливо вспомнила все, что произошло в тайном саду, вспомнила каждое слово и каждый жест Женщины-Лисы, вспомнила, как та бросала палочки, предсказывая будущее тем странным способом, которое Дамарис называла «И Цзин». Что посоветовала ей эта женщина? Держаться, прогнать страх... прийти с Дамарис, когда возникнет опасность.

— Но я не могу, — прошептала Саранна. — Не могу.

Она расправила плечи, выпрямилась и отодвинулась от койки. Посмотрела на свое мятое платье. Заставила дрожащую руку приблизиться к манишке. Подвеска была на месте! Тот, кто притащил ее сюда, не отобрал нефритовую лису.

Достав подвеску из укрытия, Саранна посмотрела на нее. Ею руководило чутье, оно подсказывало, что нужно делать. Зажав подвеску в руке, она поднесла ее ко лбу, к средоточию тошнотворной боли. И задержала там этот кусочек нефрита, прижимая потной рукой.

Постепенно дыхание ее выровнялось. Она не могла бы объяснить, что пытается сделать, повинаясь какому-то неосознанному приказу. Закрыв глаза, Саранна попыталась представить себе Женщину-Лису такой, какой увидела ее впервые, — устремив к луне мохнатую острую морду, она тогда танцевала перед последователями.

Видение становилось все более отчетливым. Теперь голова танцовщицы была повернута непосредственно к Саранне. Взгляд Женщины-Лисы встретился со взглядом девушки, ее глаза становились все больше и заполнили весь мир...

Высказала ли она какую-то просьбу во время этой встречи взглядов — и, может быть, сознаний? Саранна не знала. Но

телесные страдания прекратились. Как будто она, Саранна Стоувелл, приобрела полную власть над своим телом.

Она встала с колен. Но по-прежнему сжимала подвеску в руке, левой. Целеустремленно осмотрела каюту, зная, что должно быть сделано, и ища орудие для этого.

Ничего — ничего подходящего. Она повернулась к своему матросскому сундучку, выворотила его содержимое на пол. Взгляд остановился на запасном корсете. Саранна вытащила подвеску, и та повисла на шелковом шнурке. Девушка заметила, что сумочки с принадлежностями для шитья нет, нет и платьев, которые она сшила в последние дни. В ее распоряжении были только зубы и пальцы.

Быстро, но осторожно она рвала и грызла жесткую ткань. Наконец образовалась подходящая для ее целей дыра, и Саранна извлекла из корсета самые прочные и толстые ребра.

Не обращая больше внимания на груды одежды на грязном полу, она снова направилась к двери. С бесконечной осторожностью и всей ловкостью, какой только могла, она просунула узкую, но прочную полоску между косяком и краем двери.

Время и сырость работали на нее. Дерево с краю истерлось, и ребро корсета прошло в узкую щель. Достигнув цели, Саранна остановилась и прислушалась. Ничего не было слышно, кроме плеска воды. Теперь она уверилась, что заточена на речном шлюпе, стоящем у берега. Есть ли на борту часовой? Или ее считают совершенно беспомощной и не караулят?

Больше ждать она не могла: время было очень важно. Она начала продвигать ребро вверх, отыскивая язык замка. Во время путешествия на шлюпе мистера Фока она узнала, что замки на корабле очень простые. Оставалось надеяться, что то же самое справедливо и для этого шлюпа.

Есть! Ребро встретило сопротивление. Саранна нащупала язык замка. Медленно, осторожно прикладывая усилия к гибкой полоске китового уса, Саранна начала сдвигать его.

Это потребовало, казалось, целой вечности. Девушка вся

покрылась потом и ослабела от усилий, к которым принуждала тело. Неожиданно стержень отодвинулся!

Он отодвинулся с лязгом, который показался Саранне громким, как ночные раскаты грома. Она застыла; если на палубе были часовые, они сразу прибежали бы. Однако девушка не услышала стука сапог по доскам палубы. Она быстро толкнула дверь, и та открылась.

После темной каюты яркий дневной свет едва не ослепил ее. Но воздух... какой прекрасный воздух! Саранна, пошатываясь, вышла на солнце. Мгновение она просто радовалась свободе и ни о чем не думала.

Она угадала: шлюп был пришвартован к пристани. Повернувшись в сторону берега, она увидела окруженную изгородями аллею, ведущую от реки к Тенсину. Она по-прежнему была на знакомой территории. Но не в безопасности.

Нет, те, кто увел ее из спальни, сами были из Тенсина. Или воспользовались помощью обитателей дома. Им достаточно было бы увидеть ее, и...

Саранна осторожно прошла по палубе, со страхом поглядывая на берег. Спустилась по трапу на пристань. Может ли она спрятаться в саду? Должна!.. Возможно, ей даже удастся добраться до тайного сада, где Женщина-Лиса даст ей убежище. Но в саду постоянно работают садовники. Если ее увидят...

Она быстро прошла по тени вдоль изгороди и обогнула ее, прислушиваясь ко всем, даже самым слабым звукам, пытаясь разглядеть работающих в саду. Попробовать добраться до дороги за именем и направиться по ней в «Отраду королевы»?

Но если там Гонора...

Странный прилив сил, который она почувствовала, когда в каюте представила себе Женщину-Лису, быстро закончился. Голова снова сильно разболелась, тело так ослабело, что Саранна с трудом передвигала ноги. Она должна была найти убежище и подождать, пока не окрепнет. Сейчас, при свете дня, она не дойдет до дороги.

В конце концов она свалилась на землю — и благодаря этому разглядела угливание под низко нависающими ветвя-

ми куста. И лежала, съежившись, как в норе. То ли потеряла сознание, то ли уснула. Но ничего из того, что было дальше, она не помнила.

Что-то потянуло ее за плечо. Послышался голос:

— Пожалуйста, Саранна... пожалуйста! Проснись, проснись!

Саранна пыталась вырваться, не слышать этот голос. Но уснуть снова ей не давали.

— Саранна!

Она поперхнулась и закашлялась. Ноздри заполнил острый запах. Саранна открыла глаза. В темноте кто-то склонился к ней. Она попыталась взмахом руки отогнать запах и на что-то наткнулась. Саранна схватила узкое запястье.

— Что... что ты делаешь? — Она чихнула и снова закашлялась. Но острый запах привел ее в чувство, прочистил голову. — Дамарис?

— Да. Ах, Саранна, где ты была? Сказали — я подслушала, — сказали, что ты сбежала с Руфусом. Приехал мистер Фок, и ему рассказали об этом. Он... он ужасно рассердился. Не захотел разговаривать с *ней*, когда *она*, и миссис Партон, и Милли стали его уверять. А когда я пошла в твою комнату, там ничего не было. Кроме твоих новых платьев. Милли сказала, что ты подарила ей эти платья. Но я ей ничуть не поверила. Милли ужасно боялась! *Она* пообещала продать Милли дальше на юг! И тогда... принцесса... послала своих подданных, а мне велела поискать в саду. Саранна, что с тобой было?

— Не знаю. — По крайней мере сейчас голова болела не так, как при первом пробуждении. Боль превратилась в ноющую и неприятную, но терпимую. Однако девушке пришлось сосредоточиться, чтобы понять быстрый рассказ Дамарис о последних событиях.

— Я была на шлюпе... — Саранна пыталась разобраться в происходящем. — Сначала... я пошла в сад и встретила с Женщиной-Лисой. Она бросила палочки и прочла будущее. — Она услышала, как в темноте ахнула Дамарис. — По-

том мы пили чай. А еще позже... мне снилось, что меня одевают... ведут за дверь. Но сначала мне дали выпить что-то противное. Я проснулась на шлюпе, и меня тошнило...

— Как ты попала сюда?

— Я... не знаю. Подвеска... Что-то в подвеске заставляло меня думать, хотя я чувствовала себя ужасно. Поэтому я выбралась из каюты... а потом спряталась... — В этот миг ее приключения снова начали напоминать сон, вернее, кошмар. Однако теперь она была в темном саду, и рядом сидела Дамарис.

— Она ужасно рассердилась, — прошептала Дамарис. — Отложила прием гостей. Я думаю, она хочет уничтожить сад, прежде чем кто-нибудь приедет. Руфуса нигде не видно. Может, отправился вниз по реке встречать людей, которых она вызвала. Я подслушивала, когда могла. Она считает, что я под замком. — Дамарис негромко рассмеялась. — Я... я пошла к принцессе и рассказала ей, что ты исчезла. Она послала своих подданных искать тебя. Сказала, что ты — часть того, что должно случиться.

— Кто такая принцесса? — Саранна отпустила Дамарис и выбралась из углубления. Она очень хотела есть и еще больше пить. — Мы пойдем к ней?

— Пока нет, — сразу ответила Дамарис. — Я думаю, она собирает свои силы. В это время рядом с ней должны быть только ее люди, те, кого она хорошо знает.

— Мне нужно поесть и напиться. — Саранна не была уверена, что может доверять своим затекшим ногам. Где ей найти убежище? Сможет ли она добраться до тайного сада, который теперь представлялся ей островком безопасности в мире, где она никому, кроме Дамарис, не могла доверять? Мистер Фок... Впервые в жизни Саранна плакала, не замечая слез, которые катились по щекам и капали с губ.

Мистер Фок поверил, что она убежала с Руфусом! Поверил в эту ложь, иначе не уехал бы. С таким трудом написанное письмо ничего не дало.

— Я не могу пойти на кухню. — Дамарис выпрямилась. — Меня увидят. Слушай, Саранна, напиток можно из фонтана. Его очистили и запустили — ради гостей. Если ты подождешь здесь, я проберусь в помещения для слуг. За старой Джейн теперь по ночам не присматривают, она много спит. Там я возьму хлеба и еще чего-нибудь...

При мысли о воде и еде Саранна почувствовала, что способна двигаться. Но, попробовав сделать шаг, пошатнулась, и Дамарис пришлось поддержать ее. Луны, даже убывающей, не было. Саранна не понимала, как девочка находит дорогу в зарослях. Они вышли на открытое пространство, в центре которого бил фонтан, а вокруг среди зелени были расставлены скамейки.

Вид воды заставил Саранну устремиться вперед. Она опустилась на колени, набрала воды в горсть, поднесла к губам и напилась. Потом плеснула воды в лицо, смочив и помятое платье. Одевая ее сонную, ей не заплели косы. И теперь они, полураспущенные, упали ей на спину. В них застряли веточки.

Саранна решила, что выглядит как нищенка, как бродяжка.

— Дамарис... — Напившись, она меньше сипела. Но, оглядевшись, не увидела девочки. Та, должно быть, уже ушла в комнату старой няньки за едой. Саранна снова принялась пить.

Вытерев лицо краем юбки, она неожиданно увидела животное, которое неслышно возникло из тьмы по другую сторону фонтана. Несмотря на темноту, Саранна узнала одну из больших белых лис, которые напали на Руфуса.

Однако Саранна не почувствовала никакого страха. Лиса сидела на задних лапах, как собака. Чем дальше Саранна смотрела на нее, тем яснее видела ее силуэт, как будто белая шерсть начала светиться. Голова лисы вполне могла служить моделью для художника, вырезавшего подвеску. Кто это — часовой, сторож, приставленный к ней, чтобы обеспечить ее безопасность? Саранна больше не задавала вопросов. Жен-

щина-Лиса находилась за пределами того, что Саранна считала реальным.

Она вспомнила, что Дамарис так и не ответила ей, кто такая принцесса. Как Женщина-Лиса оказалась в этой стране? Неужели капитан до того любил прекрасные китайские вещи, что вместе с ними привез и ее, самое ценное свое сокровище?

Однако даже после короткого знакомства с обитательницей сада Саранна была уверена, что Женщина-Лиса подчиняется только самой себе и что если живет в Тенсине за круглой аркой, то по собственной воле.

Белая лиса встала, чуть отвернувшись от Саранны и посмотрела влево. Но не зарычала и вообще никак не проявила тревоги. После такого предупреждения Саранна не стала прятаться, даже не встала с колен. В кустах послышался шорох.

Затаив дыхание, Саранна старалась одновременно наблюдать и за лисой, и за тем местом, откуда доносился шорох. Она могла рассчитывать на бдительность животного...

— Саранна?

— Дамарис!

— Вот! — Девушка с радостью услышала в темноте этот шепот. Маленькая фигурка отделилась от кустов и направилась к ней.

— Кукурузный хлеб, к тому же холодный. Но я помазала его медом. — Она сунула крошащуюся массу в руки Саранне. — Больше я ничего не нашла.

Саранна, забыв о приличиях, большими кусками заталкивала липкий черствый хлеб в рот. Жевала и глотала, потом снова напилась из фонтана, чтобы смыть проглоченное. Съев ломоть до последней крошки и облизав пальцы, она почувствовала себя гораздо лучше.

— Я видела Кочергу. Она пошла на пристань. Понесла корзину. — Дамарис села рядом с Саранной. — Может, решила отнести тебе еды...

Саранна вздрогнула. Довольно будет одного взгляда на открытую дверь каюты, чтобы поднять тревогу. Сразу поймут,

что она не могла уйти далеко. Это значит, что сад обшарят. Куда?..

Дамарис схватила ее за руку.

— Надо спрятаться, — заявила она. — Наверно, слово иногда приходится нарушать. Дедушка поступил бы на моем месте именно так! Идем.

Они снова пошли, перебегая из тени в тень, от одного куста или дерева к другому. Саранна видела, как за ними скользнула белая тень, потом к первой лисе присоединилась вторая.

Дамарис не повернула к дому, но пошла мимо небольших служебных построек. Там горели два фонаря, но свет давали слабый.

Девочка, не выпуская руки Саранны, прошла к домику с колодцем. Открыв дверь, проскользнула внутрь.

— Теперь мне придется пробираться ощупью, и поэтому понадобятся обе руки, — сказала она Саранне. — Крепко держись за мою юбку. Пойдем медленно: там темно.

Они протиснулись мимо влажной холодной стены, Саранна плечом касалась каменных глыб.

— Стой, — приказала Дамарис.

Темнота была такая, что Саранна совсем не видела девочку, но услышала скрип. Потом негромкий скрежет.

— Наклонись — дорога идет вниз, — сказала Дамарис. — Осторожней.

Саранна послушалась. Теперь оба ее плеча касались стен. Она, пригнувшись, продвигалась вперед.

— Подожди. Надо закрыть дверь.

Дамарис протиснулась обратно сквозь такой узкий лаз, что у Саранны участилось дыхание. Ей чудилось, что ее заперли в каком-то ящике. Дамарис снова протиснулась мимо нее.

Держась за юбку девочки, Саранна неохотно двинулась дальше.

— Сейчас можешь выпрямиться. — Голос Дамарис звучал гулко. — Я скажу тебе, когда начнется лестница...

Лестница? Тайный ход в Тенсин?

— Вот. — Дамарис говорила с уверенностью человека, не раз проделывавшего это путешествие. — Надо спуститься вниз... двенадцать ступенек...

Саранна осторожно нащупывала их носком ноги, считая про себя. Двенадцать — и снова ровная поверхность.

— Теперь прямо вперед — пока снова не начнется подъем... — сказала Дамарис.

— Что это? Проход?

— Это тайна, — ответила Дамарис. — Я обещала никому не раскрывать ее. Но нам нужно ею воспользоваться. А она все равно не знает. Никто в Тенсине не знает, после того как рабочие вернулись в Китай. Никто, кроме нас с дедушкой. Он даже отцу не сказал. Прямо вперед... Уже недалеко, Саранна.

Глава семнадцатая

ХУАНЬ. РАССЕЙВАНИЕ

Поднимаясь по второй лестнице, Саранна окончательно запуталась. Зачем капитан Уэйли приказал проложить этот потайной ход? Боялся чьей-то мести и подготовил путь для бегства? И где внутри Тенсина они окажутся?

— Подожди! — Саранна насчитала всего пять ступеней, когда Дамарис остановила ее. — Теперь я должна открыть вторую дверь.

Послышались звуки, усиленные темнотой, которая их окружала. Потом вдруг стало светло. Лучи были довольно слабые, но Саранне они показались слепящими после долгого (очень долгого, как ей казалось) пребывания в полной темноте.

На свету стал виден силуэт Дамарис. Девочка поднялась на одну или две ступени и исчезла. Саранна как можно быстрее последовала за ней в стремлении поскорее уйти из темного туннеля, забыв о страхе перед тем, что ждало впереди.

Однако через этот люк она попала в комнату, которой никогда еще не видела. У стен стояли плетеные корзины, те самые, что она помогала заполнять во время ночной грозы. На крюке справа от двери висела единственная лампа. Очевидно, они очутились в кладовой. «Используют ее обычные обитатели дома или нет?» — подумала Саранна.

Дамарис казалась совершенно спокойной, никакой настороженности в ней не было. Она опустила крышку люка, которая ходила легко и была как будто предназначена для использования без применения большой физической силы. Девочка уверенно направилась к двери.

— Подожди здесь — минутку, — велела Дамарис, чуть приоткрыла дверь и протиснулась в узкую щель.

Саранна наморщила нос. Пахло непривычно. Не подземной сыростью и не знакомыми запахами кладовой. Запах был острый и немного напоминал духи. Саранна узнала его — так же пахло в спальне Дамарис. И еще он походил на ароматы комнаты за круглой аркой. Неужели тайный ход привел их во владения Женщины-Лисы?

Но размышлять Саранне было некогда: дверь так же неслышно открылась. Вернулась девочка в сопровождении старухи, той самой, что искусно и бесшумно подавала чай и играла на флейте в лунном доме. Старуха посмотрела на Саранну и в отчаянии зацокала языком.

— Все в порядке, — сказала Дамарис. — Ты пойдешь с А-Хань. Принцессу нельзя тревожить, когда она собирает силы. Потом мы с ней увидимся.

А-Хань подошла к Саранне. Ласково взяла девушку за исцарапанную грязную руку, успокаивающе похлопала по ней. Улыбаясь, потянула Саранну за собой и вывела во двор, окруженный четырьмя стенами здания. Сквозь решетчатые окна виднелись приглушенные огни.

Вместе с А-Хань Саранна прошла по узкой террасе и оказалась в темной комнате. Служанка усадила ее в кресло и зажгла лампу, прикрытую золотистым шелком, так что свет ее тоже казался золотым. С проворством, совершенно не вязав-

шимся с ее древним лицом, она засуеилась; сначала принесла большую мелкую лохань, потом множество кувшинчиков и горшочков и, наконец, охапку полотенец.

В дверь заскреблись и что-то негромко сказали. А-Хань отодвинула панель и забрала у кого-то снаружи большой кувшин, от которого поднимался пар, потом два ведра. Воду из ведер она вылила в лохань, добавила горячей воды из кувшина, постоянно помешивая и проверяя температуру пальцами.

Немного погодя Саранна в полудреме лежала на низком диване. Ее вымыли, словно ребенка, натерли ароматным маслом, чтобы тело не болело. Принесли чай и пирожки, не сладкие, но свежие, начиненные паштетом из мяса и овощей. На девушке теперь было не рваное, грязное платье, а просторное одеяние, похожее на то, что она видела в последний раз на принцессе. Толстая парча ржаво-красного цвета с вышитыми на ней сосновыми ветками и шишками. Шишки были выпуклыми, из золотых нитей, и платье при каждом шаге сверкало.

Волосы ей расчесали, всякий раз обмакивая гребень в какую-то душистую жидкость, потом убрали, закололи шпильками и украсили цветочными головками. За всю свою жизнь, даже в славные бостонские дни, Саранна не знала такой заботы, не была окружена такой роскошью и красотой.

Руки А-Хань словно сняли головную боль. Старуха размяла девушке шею и плечи. Теперь Саранна, довольная, дремала. Опасности и страхи, преследовавшие ее последние часы, казались теперь далекими и несущественными. Она даже не спрашивала о Дамарис, которая опять исчезла. Нет, ей достаточно было просто лежать в золотистом свете лампы, чувствуя себя чистой и в безопасности...

Глаза Саранны закрылись, она, должно быть, уснула. Но вот во сне она услышала призыв, которому не могла не подчиниться.

— Младшая сестра, час пробил!

Саранна зашевелилась. Она цеплялась за сон; что-то ждет ее, когда она проснется? Что-то такое, чего она не желает...

— Младшая сестра, проснись!

Этот приказ невозможно было игнорировать.

Саранна открыла глаза. Золотая лампа не горела. На пол падали солнечные лучи. А на солнце стояла женщина, которую она знала.

Сине-зеленое платье с серебряной вышивкой казалось доспехами, а не обычным нарядом. Оно закрывало женщину от шеи до пят. Над высоким воротником к Саранне была обращена лисья морда, а еще выше громоздился головной убор, должно быть, подобающий королям.

Женщина-Лиса подняла руку и поманила. Саранна прогнала последние остатки сна и встала. И увидела за этой впечатляющей фигурой хозяйки тайного сада Дамарис.

Как и Саранна, девочка была в вышитом платье, волосы почти полностью скрывали филигранная корона и цветы. Руки она неподвижно держала перед собой, а в них, точно маленький щит у груди, — круглый кусок полированного металла. Дамарис не поздоровалась с Саранной, когда та подошла к ней. Лицо у нее было сосредоточенное, словно ей предстояло сделать нечто важное, за что отвечала только она.

Женщина-Лиса прошла во двор, девушки за ней. Они пересекли мощеное пространство между небольшими клумбами, на которых росли маленькие цветущие деревья и кусты, и прошли в другую дверь. Эту комнату Саранна видела уже дважды. Комнату Женщины-Лисы.

В углу перед статуей курился фимиам. Статуя изображала женщину с лисенком на руках. А из складок длинного платья, которое совершенно закрывало ноги, высовывались морды других лисят: они как будто принюхивались. В их позах чувствовались настороженность и ожидание.

Женщина-Лиса склонила голову перед статуей и запела высоким голосом. Из широкого рукава показалась рука и взяла небольшую резную палочку, лежавшую у ног статуи. Этой палочкой женщина ударила по нефритовому кольцу, висевшему справа от нее. Звон заполнил всю комнату, прокатился по саду, мелодичный, но громоподобный.

Должно быть, это был какой-то сигнал, потому что с террасы за круглой аркой послышался медленный барабанный бой, негромкий, приглушенный. Саранна ощутила его ритм всем телом, словно он совпадал с ритмом ее сердца. Женщина-Лиса вновь поклонилась статуе, потом через круглую арку торжественно, точно возглавляя процессию, вышла на террасу.

Теперь они оказались на ярком свете дня; не было луны, которая сделала бы мир таинственным. Но лисы уже сидели в ряд, который протянулся от одного края террасы до другого. Сидели неподвижно. И казались вырезанными из красного камня. Кроме двух самых крупных, которые остановились непосредственно перед Женщиной-Лисой. Это были белые лисы.

За лисами стояли люди — четверо, по двое с каждой стороны. Они тоже походили на странных созданий из сна, ведь их тела были полностью закрыты латами, а голову целиком скрывали шлемы в виде гигантских лисьих голов. Шлемы сверкали, казалось, раскрашенным лаком. В руках эти люди держали древки вымпелов; складками вымпелов играл ветер.

Теперь Саранна увидела и барабанщика с таким же древним лицом, как у А-Хань, седобородого. Он сидел, скрестив ноги перед барабаном, и пальцами правой руки отбивал монотонный ритм. Рядом с ним две пожилые женщины, А-Хань и другая, еще старше и более согбенная, занимались жаровней.

Удар... удар... барабанный бой оставался единственным звуком. А взлет и падение пальцев, рождавших эти удары, — единственным движением собравшихся на террасе. Все смотрели на тропу, по которой дважды прошла Саранна.

Послышался далекий крик, треск. Саранна вздрогнула, потом заметила, что остальные не проявляют ни малейшего удивления. Все, казалось, были готовы к встрече с тем, что преподнесет судьба. Даже лисы не проявляли никакой тревоги.

Снова раздался треск, потом звуки движения в кустах, которые не мог заглушить рокот барабана. Теперь сердце Са-

ранны билось чаще, чем пальцы старика выстукивали дробь. Она догадывалась, что происходит: люди, которых Гонора пригласила из города, должно быть, прибыли и начали разрушение тайного сада. Но собравшиеся на террасе не двигались — ждали.

Последовал грохот падающих камней, стон раскалывающихся и рушащихся деревьев. От этих звуков Саранне стало плохо. Но Женщина-Лиса все еще не шевелилась. Источник звуков тоже не приближался. Но вот женщина протянула руки (длинные рукава упали) — одну к Саранне, другую к Дамарис. Девушка инстинктивно поняла, чего от нее ждут. Правой рукой она схватила женщину за левую руку, ощутив сильное холодное пожатие ногтевых пластин. Дамарис, державшая в правой руке круглый кусок металла, левой взяла руку женщины. Так соединенные, они стояли по-прежнему неподвижно.

Яростно задрожал куст, его выдернули из земли и отшвырнули. На открытое место выбралась группа таких отворотных типов, что Саранне захотелось убежать. Однако она понимала, что не может этого сделать. Мужчины остановились перед террасой и с изумлением смотрели на тех, кто их встречал. Потом расступились, давая пройти Гоноре.

Та в свою очередь посмотрела на Женщину-Лису. Рот ее скривился в крике:

— Стреляйте! Перебейте всех лис!

Саранна видела, как поднялись ружья. Ни одно из животных не шелохнулось. И люди в латах тоже не пытались защититься. Они все погибнут! Страх ледяным ножом пронзил девушку. Но она по-прежнему не могла разорвать связь, соединявшую ее с Женщиной-Лисой.

Нельзя разрывать связь! Те, кто собрались на террасе, сделали это неспроста... и в этот миг Саранна подчинила свою волю, сдержала страх, постаралась стать частью общего.

Едва приняв это решение, она ощутила нечто необычайное. В ней будто родилась новая внутренняя сила, о существовании которой она не подозревала. Эту силу черпали из

нее. Она чувствовала, как энергия истекает из ее тела, проходит через связь рук. Сила, необходимая Женщине-Лисе.

Женщина-Лиса впервые нарушила молчание. Слова ее звучали странно, они вызывали в голове как будто эхо прозвучавшего раньше гонга. Трижды повторила она непонятные слова.

— Стреляйте! — У Гоноры перекосилось лицо. — Стреляйте, говорю вам!

И тут Саранна стала свидетельницей невероятного. Ружья поднялись, люди прицелились и...

... и оружие растворилось! В руках прищельцев его больше не было. Только палки. Но вот эти палки начали изгибаться, изворачиваться, превратились в чешуйчатые тела. Люди закричали, отшвырнув от себя живой кошмар. Стоявшие позади попятнулись, их лица выражали ужас и панику.

— Нет! — Гонора схватила ближайшего за руку. — Не верьте тому, что видите! Она заставляет вас считать это правдой. Смотрите, это ружье... ружье! — Она указала на ружье, которое тот отбросил.

Она говорила правду. На тропе действительно лежал дробовик. Но человек смотрел на него, как на змею. Он вырвал руку у Гоноры и продолжал пятиться.

— Назад! — крикнул он остальным. — Уносим ноги!

Все ринулись через поломанные кусты. Гонора осталась одна. Но не отступила. Краска сбежала с ее лица. Теперь оно превратилось в маску дикой ярости, такую же чуждую, но гораздо более страшную, чем мохнатая маска Женщины-Лисы.

— Ты ведьма! — Гонора больше не кричала, голос ее звучал низко, неровно. — Ты языческая ведьма! Мне известны твои хитрости. Ты обманывала старого дурака капитана. Но со мной это не пройдет — никогда! Они, — она указала себе за спину, куда исчезли ее люди, — когда у них будет возможность подумать, поймут, в чем правда. И тогда никакая хитрость тебя не спасет, не спасет никого из вас! — Она обвела взглядом знаменосцев, лис, Дамарис, женщину и, наконец, Саранну.

Тут она улыбнулась, и смех ее был так же ужасен, как недавняя гримаса гнева.

— Никого, ни-ко-го! Это мне повезло, а не вам. Ты... — она указала на Дамарис. — Я уберу тебя с дороги, и тогда Тенсин станет моим. Ты... — она повернулась к Женщине-Лисе. — Ты и твои хитрости отжили свое. С тобой, языческая ведьма, произойдет несчастье. Ты погибнешь. Ты, — указала она на Саранну, — ты, которая рылась в карманах моего отца, которая хотела... — Рот ее искривился, она словно потеряла дар речи от ненависти.

— Меня ты не обманула, никакое твоё колдовство меня не проведет. — Гонора снова обращалась к Женщине-Лисе. — Я знаю, что у меня есть, и воспользуюсь этим. — Она вытянула руку, которую до сих пор держала в складках юбки.

Саранна увидела блестящий ствол маленького пистолета, круглый и толстый. В руках Гоноры был «дерринжер». Она поднимала его, целясь. В кого?

Белые лисы пришли в движение. Они разом прыгнули вперед, как будто специально выдрессированные для такого нападения. Одна устремилась к широкому рукаву на правой руке Гоноры, другая — к левому.

Гонора закричала. Но лиса справа достигла своей цели. Гонора разжала пальцы, «дерринжер» отлетел и упал на тропу рядом с дробовиком. Сама Гонора отскочила. Лисы с рычанием окружили ее. Они гнали ее к террасе, как собаки овцу.

Гонора размахивала руками, словно отбиваясь, тяжело дышала, но спотыкаясь шла вперед.

— Нет, нет, нет! — В ее лице смешались гнев и страх. Подгоняемая рычавшими лисами, на террасу ступила вовсе не красавица. И все-таки ее гнев был сильнее страха. Гонора с вызовом смотрела на Женщину-Лису.

Она остановилась прямо перед своим врагом. Лисы сели за ней и снова застыли. Даже барабанная дробь оборвалась.

Тишину нарушил хриплый голос Гоноры:

— Ты не победила! Они опомнятся, и тогда их не так легко будет обмануть.

— Это верно, — с величественным спокойствием ответила Женщина-Лиса.

— Тогда... лучше послушай меня. — Гонора легкими касаниями оглаживала юбку, будто стряхивая мгновенную панику. — Мне нужно, чтобы ты ушла! Я даже сделаю тебе то же предложение, какое капитан Уэйли сделал остальным: проезд на родину.

— Ты щедра, — отметила Женщина-Лиса негромко. — Прежде чем понапрасну сотрясать воздух обещаниями, вспомни, что слово не воробей.

— Я хочу, чтобы ты исчезла вместе со своими штучками! — Гонора снова теряла самообладание.

— Мы всегда это знали, — согласилась Женщина-Лиса. — Вот что я скажу тебе: «Прежде чем ударить собаку, узнай имя ее хозяина — или хозяйки».

— Ты знаешь: я могу делать что хочу... — Рука Гоноры чуть дрожала. Словно заметив это, она снова спрятала ее в складках юбки. — Я пришлю людей снова, они будут лучше вооружены...

— Так написано...

— Второй раз тебе не уйти...

— Может, и нет. Но нужно сделать еще кое-что.

Рука Женщины-Лисы повернулась в руке Саранны, высвобождаясь. Девушка отпустила стройные пальцы с открытыми пластинками ногтями.

Должно быть, в то же время разорвала связь и Дамарис — посмотрев в сторону, Саранна увидела, что женщина взяла у девочки круглый металлический диск, который та так старательно держала.

Держа диск обеими руками, Женщина-Лиса подняла его на уровень своей острой морды, посмотрелась в полированную поверхность, как будто это было зеркало и она собиралась прихорашиваться. И пошла вперед, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки от Гоноры.

Повернув металлическое зеркало, она держала его, чуть наклонив, прямо перед лицом Гоноры.

— Смотри на себя, женщина, — приказала Женщина-Лиса. — Смотри — и увидишь то, что нужно увидеть.

Взгляд Гоноры остановился на этом необычном зеркале. Ее лицо медленно изменилось, гнев отступил, а страх нарастал. Саранна не поверила бы, что бывает такой страх. Гонора закричала — в этом крике слились ужас и отчаяние. Она закрыла лицо руками. Покачнулась, словно у нее не осталось ни сил, ни воли, чтобы держаться на ногах.

— Иди! — приказала Женщина-Лиса. — Иди, собирай своих варваров, чтобы послать их на нас. Иди, ищи в каждом зеркале ту, кем ты себя считала, то, что видели в тебе другие, те, кто не знает твоего сердца. Иди!

Гонора, пошатнувшись, повернулась, и пошла, закрывая руками лицо. Она наткнулась на куст, опять вскрикнула и исчезла в проходе, проделанном пришельцами.

Некоторое время еще слышался шум ветвей, потом две белые лисы, сопровождавшие Гонору, вернулись, рыча, точно псы, учуявшие опасность и настороженные.

— Они придут снова: она сказала правду, — послышался голос Женщины-Лисы. — И из-за страха будут смертельно опасны.

— Но ты можешь... — начала Дамарис.

Женщина-Лиса медленно покачала головой:

— Нет, младшая сестра. Один раз я могу призвать волшебство для глаз и пленить сознание варваров. Но теперь сила моя истощилась. Даже если вы снова отдадите мне свою волю, я не смогу обеспечить нашу безопасность. Я истратила все, что имела... — Она перевела взгляд с Дамарис на Саранну: — Младшая сестра, палочки «И Цзин» всегда говорят правду. Если нам удастся выбраться из беды, то лишь благодаря твоим усилиям. Какую помощь ты можешь призвать?

— Помощь? — повторила Саранна. — Но... у меня никого нет. Слуги... они подчиняются приказам Гоноры и...

— Мистер Фок! — перебила Дамарис. — Он придет, обязательно!

— Даже если мы успеем послать ему письмо, успеет ли он вовремя? — Саранна потерла кончиками пальцев тяжелую золотую вышивку платья. Джеррад Фок считает, что она сбежала с Руфусом. Но, если бы она смогла с ним увидеться, само ее присутствие доказало бы, что это ложь. В этот миг она поверила, что он поможет. Но как до него добраться...

— Надо идти! — Дамарис подбежала к ней, схватила за руку. — Надо, Саранна!

Девушка перевела взгляд с решительного лица Дамарис на чуждые черты Женщины-Лисы. На лисьей морде нельзя было прочесть ничего. Но каким-то образом создавалось впечатление одобрения.

Саранна рассмеялась дрожащим смехом, подобрала свое богатое платье.

— В нем неудобно бежать по дороге...

Женщина-Лиса хлопнула в ладоши, и рядом с ней оказалась А-Хань. Женщина отдала приказ, старуха кивнула, по-манила Саранну.

В комнате за лунной дверью Саранна и Дамарис сбросили платья. А-Хань принесла охапку одежды. Это оказались брюки и куртки с высокими воротниками — все синего цвета. Дамарис одевалась привычно и быстро. Но Саранне, хотя она понимала удобство этой одежды, не хотелось надевать ее.

— Быстрой!..

— Но... это... — Затягивая пояс брюк, Саранна чувствовала себя очень странно. Ей казалось, что она раздета.

— В них легче бежать, — сказала Дамарис. — Идем!

Старик-барабанщик ждал их у края террасы. Женщина-Лиса кивком отпустила их и вернулась в дом, где снова склонила голову перед статуей. Проводник повел их не по тропе, которая привела бы прямо к врагам. Напротив, он направился в ту часть сада, которая лежала за другим краем террасы, и начал пробираться меж кустов.

Саранна мельком увидела ручей, горбатый мостик, цветы и кусты, но у нее не было времени все это разглядывать. Они вновь подошли к стене, но в другом месте.

Проводник положил темные морщинистые руки на два кирпича и сильно нажал. Целый блок медленно повернулся, открыв узкую щель. Протискиваясь, Саранна подумала, что в юбках никогда бы не прошла. И, конечно, двигаться в этой языческой одежде было легче.

Но тут ее ноги лишились опоры, она полетела вниз и приземлилась на дне канавы рядом с Дамарис. Сзади послышался шум, и Саранна догадалась, что проход снова закрылся.

Глава восемнадцатая

ЧИ ЧИ. ЗАВЕРШЕНИЕ

— Вот это повезло!

Саранна прижалась к земле, как загнанное животное. Руфус!

— Да, сэр, отличная добыча. Две отвратительных язычницы — и прямо нам в руки, как говорится.

— Дамарис, беги! — Саранна кое-как поднялась и оказалась лицом к лицу с Руфусом. Тот держал в руке дробовик и с улыбкой смотрел на нее. Если она отвлечет его хоть на несколько секунд, Дамарис, может быть, удастся улизнуть.

— Пусть маленькая мисси бежит, — согласился он. — Далеко не уйдет: миссис Уэйли повсюду расставила караульщиков. Попались вы, как мухи в патоку, а, моя девочка?

Он откровенно разглядывал ее фигуру. Саранне захотелось съежиться. Но перед Руфусом? Нет, никогда!

— Ну же, вылезайте из этой грязной дыры, деточка...

Саранна услышала, как Дамарис убегает куда-то вправо, но даже не повернула головы. Может быть, Руфус был прав. Дамарис могли схватить, прежде чем она покинет земли Тенсина. С другой стороны, всегда оставалась возможность уйти от караульных и добраться до Джеррада Фока. Но в эту минуту Саранна не верила в свое спасение.

Руфус не сделал попытки помочь ей выбраться из глубокой канавы. Да она и не приняла бы его помощь. Но, когда Саранна выбралась на дорогу, он рассмеялся:

— Вы одеты как язычница, девочка. Мужчин это определенно наводит на кое-какие мысли. А теперь, — резко добавил он, — марш вперед, деточка. Я верну вас на свой шлюп и пойду за деньгами, которые миссис Уэйли обещала заплатить за то, что я вас увезу. А выше по течению ждет священник...

— Вы не можете жениться на мне против моей воли, я не хочу! — Саранна наконец обрела дар речи.

— Захотите, будьте уверены, деточка, — сказал он. — Матушка умеет подбирать средства. Выпьете — и будете как овечка. Даже думать не сможете. Говорю вам: вы скажете «да». Не волнуйтесь. Идем...

Он схватил ее за руку повыше локтя, развернул и сильно толкнул, так что она чуть не упала.

— Марш! И не убивайтесь. Мы с вами станем жить-поживать да добра наживать. Я на вас никогда не подниму руку... конечно, если вы не бросите смотреть на меня как на грязь. Вы станете моей женой, а этим можно гордиться...

Саранна спотыкаясь пошла вперед. Время от времени Руфус подталкивал ее кулаком в спину между лопаток. Она узнала дорогу — это по ней в воскресенье они приехали из «Отрады королевы». По ней они с Дамарис должны были добраться до имения. Дамарис... сумеет ли Дамарис добраться до Джеррада Фока? И что делать, если помощь опоздает и Руфус получит обещанную плату от Гоноры и увезет ее вверх по реке?

Она пыталась рассуждать спокойно. Но внезапное появление Руфуса так ее потрясло, что она никак не могла опомниться. Она устала, так устала, что больше не может терпеть.

— Видите? — насмеялся Руфус. — Вы можете быть хорошей и послушной, как всякая девушка, если мужчина правильно с вами обращается. Говорю вам, деточка, ваше положение будет не хуже, чем у миссис Уэйли. Я не собираюсь больше работать по найму, нетушки. У меня есть земля, и я прикуплю еще! Когда-нибудь у меня будет дом, рядом с которым это гнездо нехристей покажется конюшней! Подождите и увидите!

Но Саранна не слушала его похвальбы. Ей кое-что послышалось — к ним как будто бы приближался топот копыт. Городские бандиты Гоноры несли караул верхом?

Она не позволяла себе поверить, что это может быть предвестник приближающейся помощи.

— Погодите-ка! — резко сказал Руфус. — Кто-то едет! Ложись!

Он сильно толкнул Саранну в спину, и она упала в заросшую канаву. Но на сей раз Руфус присоединился к ней и потянул еще дальше, в укрытие.

Саранне по стуку копыт показалось, что всадников несколько. Совершенно очевидно было, что Руфус не ожидал от них дружелюбия. Он держал дробовик наготове и осторожно выглядывал из канавы. И так был занят этим, что не заметил, как Саранна, не сводя глаз с его спины, чтобы вовремя уловить его движение, начала дюйм за дюймом отползать по канаве. Конечно, подлинного шанса на бегство у нее не было, но она не собиралась покорно подчиняться Руфусу.

Вначале она не видела дороги из-за растительности, но вот заросли перед ней поредели. И она увидела всадников.

Мелькнуло синее — Дамарис! Дамарис рядом с Джеррадом Фоком на его любимой серой лошади. За ним люди, вооруженные дробовиками и пистолетами. Двух всадников Саранна узнала. Матросы со шлюпа. Что Руфус будет?..

Она посмотрела на своего захватчика. Он улыбался — той улыбкой, с какой мучил пойманную лису. Саранна не знала, решится ли он выстрелить. Но с предостерегающим криком бросилась к нему.

Руфус взревел, мгновенно поворачивая голову. Саранна открыла рот, собираясь крикнуть еще раз, и получила удар кулаком в лицо. Она отлетела и свалилась на дно канавы. И уже в полуобмороке услышала крик Дамарис и голоса людей на дороге.

Руфус, присев рядом с девушкой, схватил за горло и сдавил, перекрывая доступ воздуха. Она видела его сквозь туман боли, старалась вырваться. Неожиданно он исчез, будто

сметенный гигантской рукой. Саранна с трудом глотала воздух. В этот миг она ни о чем не могла думать, только дышала.

— Саранна! Саранна, он тебя ранил? — Дамарис поднимала ей голову, тревожно всматривалась в лицо. На дороге слышался шум, раздался чей-то крик.

— Я встретила мистера Фока, — тараторила на ухо Саранне Дамарис. — Он уже слышал о наших неприятностях и ехал к нам. Ах, Саранна, видела бы ты его! Он схватил Руфа и бросил на дорогу. А теперь лупцует его, просто избивает!

Она встала на колени и выглянула из канавы.

— Ага! — довольным голосом продолжала она. — Руф лежит, а Сэм Найт его связывает. Ах, Саранна, я никогда еще не видела настоящей драки...

Это не подходящее для настоящей леди зрелище явно пленило ее.

— Руф... я так рада, что он схватил Руфа! Что он собирался с тобой сделать, Саранна?

Девушка осторожно потеряла горло. А когда заговорила, голос ее звучал хрипло.

— Он сказал, — полушепотом ответила она, — что намерен жениться на мне...

И вдруг Саранна затряслась от нервного смеха. Сейчас все казалось безумной дичью, как в кошмаре. Но проснуться она не могла. Грандиозные планы Руфуса, которые он с таким самомнением и самодовольством излагал, — все это разрушилось в одно мгновение.

— Он сделал тебе больно! — негодуя воскликнула Дамарис. — У тебя красная щека и следы на горле. Он пытался задушить тебя, когда мистер Фок схватил его.

Саранна смеялась, пока не разрыдалась. От каждого вдоха болело горло.

— Саранна! — Дамарис схватила ее за плечи, затрясла. — Саранна, в чем дело? Я знаю, он тебя обидел, но его больше нет и...

— Все в порядке, Дамарис, — слышался рядом более низкий голос. — Ну-ка отойдите и дайте мне поднять ее...

Дамарис исчезла. Кто-то другой крепко ухватил Саранну, приподнял и вынес из канавы, но не поставил на ноги, напротив, продолжал держать на руках, словно она ничего не весила.

— Все кончено, — заверил ее Джеррад Фок. — Я отнесу вас куда-нибудь в спокойное место...

— Нет! — Она могла говорить только шепотом, но вспомнила, что толкнуло ее на последний, едва не ставший роковым шаг. — Гонора привела людей... они хотят уничтожить лунный сад. Женщина-Лиса сказала, что не сможет еще раз остановить их...

— Знаю. Дамарис рассказала. Не волнуйтесь. Я отправлю вас в «Отраду королевы» с Лоренцо. Обоих. Чтобы для вас все это закончилось.

Она услышала возражения Дамарис и уверенный ответ Джеррада Фока. Потом Саранна оказалась на лошади, кто-то держал ее, и они двигались по дороге. У нее снова заболела голова — в том месте, куда пришелся удар кулака Руфуса. Саранну тошнило, и она хотела только того, что пообещал ей Джеррад Фок, — чтобы все это закончилось.

Она смутно помнила рослую черную женщину, которая, ахая и охая, уложила ее в незнакомую кровать. Потом Саранна с благодарностью погрузилась в темный мир, и на сей раз, к счастью, ей ничего не снилось.

— Мистер Джеррад, не разбудите эту девочку. Вы только посмотрите ей в лицо — какой огромный синяк! Уже позеленел. Говорю вам, вы бесчувственный человек!

Саранна повернула голову на подушке. Комната была светлая, но не ее спальня в Тенсине — меньше, а стены обшиты панелями, создающими впечатление старины. Девушка видела широкую спину какой-то женщины; голова женщины была повязана желтым шарфом, свернутым в тюрбан. Протестуя, женщина пятилась, не в силах противиться воле того, кто стоял перед ней.

— Тетя Бет, ты же знаешь, я не стал бы, не будь дело таким важным...

Джеррад Фок! Саранне показалось, что она всегда знала этот голос и узнала бы его, даже не видя лица. Она приподнялась на подушках, укрываясь одеялом до подбородка.

— Пожалуйста, — сказала она, — в чем дело?

Крупная женщина повернулась к ней. На ее темном лице читалась озабоченность.

— Видите? — бросила она через плечо. — Вы разбудили ее своими глупостями!

Но Джеррад Фок обогнул ее и остановился возле кровати с четырьмя столбиками.

— Саранна, мне не хочется просить вас... но... — Впервые она увидела его без обычного ореола властности. Он провел рукой по волосам, приведя их в еще больший беспорядок. — Дамарис слишком молода, а Партонов я отослал на их квартиру. Мне нужно, чтобы кто-то поговорил с Гонорой. Она совершенно вне себя.

— Она ненавидит меня. — Саранна верила, что говорит правду. — Почему вы думаете, что я смогу помочь?..

— Не знаю, сможете ли. Но должен быть кто-то...

Он снова поднес руку к голове. Саранна собиралась сказать «нет». Меньше всего ей сейчас хотелось вернуться в Тенсин. Теперь Джеррад уже знал, что сделала Гонора. Поддерживает ли он ее? Саранне не верилось.

— Хорошо, — ответила она. — Мне нужно переодеться...

Она не вернется в Тенсин в чужой одежде, полученной от Женщины-Лисы. И так о ее приключениях будут всю судачить.

Она увидела на лице Джеррада Фока облегчение и почувствовала, что несчастна. Вопреки всему, Гонора ему не безразлична.

Саранна надеялась только, что он сможет ее обузывать, когда они поженятся.

— Я принес вашу одежду. И не стал бы просить вас о возвращении, но я не могу подобраться к ней. Она заперлась в своей комнате и выкрикивает разную ерунду. Пригрозила даже покончить с собой, если я подойду...

— Позвольте мне одеться. — Саранна не могла видеть его отчаяние. Она ужасно устала — устала от интриг и неприятностей Тенсина. И сомневалась, что сможет повлиять на Гонору.

Тетя Бет ворча помогла Саранне одеться, качая головой при виде мятого платья, которое неосторожно вез Джеррад Фок. Нашлось даже белье и чулки. Посмотрев на себя в зеркало, пока тетя Бет укладывала ей волосы высокой короной, Саранна увидела, что синяк занимает почти половину лица. Прекрасное зрелище. И прикрыть его нечем, шляпки с вуалью нет. Ее Джеррад забыл.

Но она не могла ехать голодная. На этом настаивала тетя Бет. И принесла такое количество еды, что Саранна решила: этим можно накормить целую армию, а не то что одну-единственную женщину. Но когда взглянула на полную тарелку, голод вернулся, и она поела.

— Где Дамарис? — спросила она, присоединившись снаружи к Джерраду Фоку. Он сидел в тенсинской карете. Но кучер был Саранне незнаком.

— В Тенсине. Вернее, где-то в тайном саду. Мы прогнали бандитов, а их главаря арестовали. Там уже работает шериф. Я предупредил Партонов об увольнении, хотя Коллиса мне жаль. Не думаю, что он участвовал во всем этом. Соображает он не быстро, но надсмотрщик хороший.

— А Руфус? — спросила Саранна, садясь рядом с ним. Карета покатила по дороге.

Ей ответил холодный «капитанский» голос.

— Я предоставил Руфусу выбор, хотя предпочел бы свернуть ему шею, — в этих словах прозвучало искреннее чувство. — Но он слишком много знает и может причинить вред другим. Я велел ему или немедленно убираться на Запад, или встретиться с шерифом. Он быстро выбрал.

Причинить вред другим... Саранна ухватила за эти слова. Конечно, Джеррад имеет в виду Гонору. Он должен защитить ее от сплетен, а Руфусу довольно было бы лишь рассказать шерифу о ее заговоре против Саранны.

— Можете больше не бояться его, — продолжал Джеррад Фок. — Я послал нескольких своих людей проводить его до границы штата. Но, думаю, он так боится последствий, что не повернет назад. Его здесь не ждет ничего хорошего, и он это знает.

Разбитое лицо Саранны болело. Ей очень хотелось спрятать его в ладонях и заплакать. Она сама не понимала почему, но на глазах выступили слезы, хотя она старалась их сдерживать. И надеялась, что внешне не выдаст своего огорчения, о причине которого боялась даже задумываться.

Поэтому она смотрела прямо вперед и больше не задавала вопросов. Чем быстрее они достигнут Тенсина и она выполнит просьбу Джеррада Фока, тем быстрее избавится от всех от них. Саранна считала, что после случившегося он не станет ее удерживать. Может быть, Сандерсы приютят ее, пока она не сможет уехать в Сассекс к пастору Уиллису.

Карета раскачивалась. Очевидно, кучер получил приказ ехать как можно быстрее. Саранна держалась за петлю, не желая хвататься за чуть выставленную вперед руку мистера Фока.

И вот они покатали по подъездной дороге к Тенсину. В изгороди зияла широкая просека. Саранна поняла, что саду причинен большой ущерб. Вместе с Джеррадом Фоком она вошла в дом. В коридоре к ним испуганно бросились слуги во главе с Джоном. Он с явным облегчением на лице обратился к мистеру Фоку:

— Мистер Фок... мисс Гонора... она словно не в себе...

— Все в порядке, Джон. Мы идем...

Мистер Фок взял Саранну за руку и повел к лестнице. Поднимаясь, он негромко сказал ей:

— Меня она не впустит. Но, если откроет дверь вам, я пойду с вами. Она пригрозила, что выбросится из окна, если мы взломаем замок. Не понимаю, что вызвало этот истерический припадок.

Саранна вспомнила, как Гонора смотрелась в зеркало Женщины-Лисы. Может, причина в этом? Но что увидела

Гонора в полированной поверхности? Что могло довести ее до такого?

Перед закрытой дверью стояла служанка Гоноры. Она плакала, а глаза у нее были круглыми от страха. Мистер Фок знаком велел ей отойти и повелительно кивнул Саранне.

Саранна неуверенно прошла вперед и постучала.

— Гонора?.. — Она наконец перестала сипеть, но и говорить, не вспоминая о том, как жестоко сдавил ей горло Руфус, не могла.

— Гонора? — снова окликнула она.

— Ты! — Это единственное слово было произнесено резко. Потом Гонора повторила: — Ты!

В наступившей тишине Саранне показалось, что она слышит какое-то движение за дверью. Мистер Фок справа от нее прижался к стене.

Теперь Саранна уловила скрип ключа в замочной скважине. Мистер Фок сделал неприметный знак рукой, и Саранна догадалась о его замысле. Она единственная будет видна, когда дверь откроется, но Джеррад Фок сможет пройти сбоку.

Дверь распахнулась. Перед Саранной предстала Гонора. Но не та Гонора, какую она видела раньше. Платье ее было в беспорядке, с корсажа свисали оторванные кружева, словно она в бешенстве обрывала их обеими руками.

Волосы, длинные, потные, болтались неровными прядями, как у ведьмы. А лицо в их обрамлении казалось совершенно незнакомым. Гонора непрерывно кривила губы, будто жевала что-то горькое.

Саранна пришла в ужас и на мгновение уставилась на нее, не замечая пистолета в руке Гоноры, такого же, как тот, что та нацеливала на Женщину-Лису.

— ТЫ!.. — В голосе Гоноры звучало безумие. Поддерживая левой рукой правую, она навела пистолет на Саранну.

Джеррад прыгнул. Гонора не видела никого, кроме Саранны, и потому он с легкостью схватил ее, вырвал «дерринжер» и выбросил в коридор. Гонора отчаянно билась в его руках,

как пойманный дикий зверь. Но Фок втащил ее в комнату и заставил сесть на стул перед туалетным столиком. Этот стул оказался ближайшим.

Зеркало над столиком было разбито. Но Гонора посмотрела туда, где оно висело, и испустила звериный вопль.

— Нет!.. Нет!.. — Она забилась еще сильнее. Фок посмотрел на Саранну.

— Дайте мне ее платье... вон оттуда!.. — Он указал подбородком. Саранна наконец обрела способность двигаться, схватила платье и подала ему. Он привязал руки Гоноры к стулу.

— Убейте дьяволицу... — Гонора посмотрела на него, и на ее лице появилось сознательное выражение. — Смотрите, что она сделала со мной. У меня лицо чудовища!

Джеррад в поисках объяснений посмотрел на Саранну. Та рассказала о встрече и о том, как Гоноре показали зеркало.

— Вот оно что! Работа принцессы. — Он пожал плечами. — Что ж, когда борешься за жизнь, годится любое оружие. Но она не изменилась. — Он взглянул на Гонору, которая отворачивалась от разбитого зеркала.

— Женщина-Лиса сказала, что Гонора увидит в зеркале себя такой, какая она на самом деле, — повторила Саранна. — А когда ружья превратились в змей, она говорила, что это иллюзия и она не сможет повторить ее.

— Здесь иллюзия как будто более прочная, — заметил он. — Но ради рассудка Гоноры нужно, чтобы она рассеялась. Идемте!

Он поднял на руки связанную платьем Гонору и направился к двери, Саранна поспешила за ним. Гонора уткнулась в плечо мистера Фока, словно не хотела, чтобы ее лицо видели.

Они спустились по лестнице, и никто из слуг не пошел за ними. Потом прошли к разорванной стене, за которой скрывался тайный сад. Дошли до самой террасы и лишь тогда кого-то увидели. На террасе стояла Дамарис, а по бокам от нее сидели две большие белые лисы.

Девочка посмотрела на приближающихся сначала удивленно, потом со смесью страха и гнева.

— Уходите! — закричала она. — Как вы посмели принести *ее* сюда?

— Ты не права, младшая сестра. — Из круглой арки показалась Женщина-Лиса. Но теперь у нее было вполне нормальное человеческое лицо. В одной руке она держала предмет, сделанный из шкуры. Саранна узнала очень реалистичную маску.

— Зачем вы принесли *ее* сюда? — обратилась к Джерраду Фоку хозяйка сада.

— Из-за твоей иллюзии, Кун-Чу Юэ, — ответил он.

— Ты называешь меня запретным именем. Я больше не имею на него права. Откуда ты узнал мое имя и титул? — холодно спросила она.

— Я бывал в восточных краях, Кун-Чу Юэ. Такую необычную судьбу, как твоя, нелегко забыть. Прошедшие годы превратили *ее* в легенду, которую можно слышать повсеместно. Это рассказ о дочери знаменного принца, которую похитили береговые пираты, а один из варваров с Запада (так нас называют в вашем народе) освободил, и она стала первой дамой его внутреннего двора...

— Я теперь лишена имени. Такая, как я, после случившегося не может вернуться в свой клан. Для своего дома она мертва. И потому я нашла прибежище у того, кто оказывал мне уважение. За это я благодарна Гуань Инь. Будь я достойной дочерью своего рода, мне следовало бы самой оборвать свою жизнь, так очернили меня морские тигры. Но моя мать происходит из очень древнего рода Бин-ян. Женщины нашего рода владеют Древним Знанием. В час нужды оно было дано и мне. Я больше принадлежу к роду матери, чем отца, хоть мой отец — великий повелитель.

Я осталась жить и нашла утешение. Мой западный господин уважал меня и исполнял все мои желания, хотя мне пришлось жить в далекой земле и выучить грубый язык, чтобы разговаривать с ним. По-своему он был добр, а я стала одним

из его сокровищ, которые он так любил. Вместе с А-Хань, нянькой моей матери, я все глубже постигала древнюю мудрость. В нашем роду есть легенда, что среди наших предков были и кровные родичи мохнатых. — Она протянула маску.

— Моему новому господину нравилось, что мохнатые приходят ко мне, и он приказал не причинять им вреда. — Она немного помолчала.

— «Когда входит посланник смерти, все дела прекращаются», — процитировала она. — «Когда вода спадает, обнажаются камни». Мой господин попытался защитить это место и в будущем. Но после его смерти кому помнить о правилах, составленных тем, кто уже вознесся? Младшая сестра, — она легко коснулась плеча Дамарис, — тоже оказалась в опасности. Права ребенка ничего не значат в глазах взрослых. Я пыталась защитить ее с помощью Древнего Знания, потому что она истинной крови моего покойного господина.

Потом пришла вторая... — Она посмотрела на Саранну. — И оказалась родственной по духу. Подобное узнаешь при первой же встрече. К тому же палочки сказали, что она — ключ. Я дала ей знак, чтобы в час нужды к ней на помощь пришли мои мохнатые.

Древнее Знание может предостеречь, с его помощью можно предвидеть, но им трудно пользоваться. В час опасности эти младшие сестры передали мне свою силу, но я не могла сделать многого. — Она указала на Гонору. — У нее в сердце чернота, которая открывает дорогу моему волшебству. Она посмотрела в зеркало, и богиня показала ей, какова она на самом деле. Теперь она станет скрываться от взглядов, но память будет терзать ее.

— Она сведет ее с ума, — ответил Джеррад. — Если у тебя сохранилась хоть капля жалости, отпусти ее.

— Отпустить? Но я не держу ее. Она сама навлекла на себя проклятие.

— Это иллюзия, — упрямо сказал он. — Ты ее создала, ты можешь и уничтожить.

Женщина-Лиса вздохнула:

— Возможно...

— Нет. — Дамарис схватила ее за рукав. — Если ты сделаешь это, она попытается снова избавиться от тебя.

— Вовсе нет! — внятно сказал Джеррад. — Обещаю!

Мгновение, показавшееся бесконечным, Женщина-Лиса смотрела на них. Потом кивнула, будто прочла на их лицах ответ на свой невысказанный вопрос.

— Возьми зеркало, младшая сестра. Да, это подойдет. Вступили в действие другие силы, сделан выбор, и сделан верно. Он позволит рассеять облако.

Дамарис неохотно ушла и вернулась через круглую арку с зеркалом, которое передала Женщине-Лисе.

— Высоко держите ее голову, — приказала Кун-Чу Юэ. — Если небо позволит, она увидит то, что ей дано увидеть.

Джеррад поднял голову Гоноры. Та скулила, пытаясь вырваться. Но наконец оказалась лицом к зеркалу, хотя крепко закрывала глаза.

— Открой глаза! Смотри!

Как по команде, глаза Гоноры открылись, и она посмотрела в зеркало. Лицо ее исказилось от ужаса, но потом медленно стало спокойным. Она продолжала смотреть.

— Исчезло... все исчезло, — с детским удивлением сказала она.

— Да, исчезло и не появится, если ты не призовешь его вновь. Ибо оно отражает зло в тебе, — ответила Кун-Чу Юэ.

— А теперь слушайте внимательно. — Она обвела всех взглядом. — Я не желаю больше играть в ваши игры. Я и мои люди хотим только, чтобы нас оставили в покое. Мы довольны своим мирком и чувствуем себя в полной безопасности, уютно. Сокровища моего господина вернутся в его дом, а его родичи пойдут своим путем. Дверь между моим жилищем и их закроется...

— Нет, пожалуйста, нет! — воскликнула Дамарис.

— Да, младшая сестра. «Учитель открывает дверь, но входишь ты сам». Ты слишком задержалась во дворах детства, пора перейти в будущее. Я старею и устаю, а старики любят

спокойно спать и видеть сны о своей молодости. Не стоит призывать их, чтобы решать грядущие дела. Их решать вам, младшие сестры, не мне. Я дарю вам удачу, которую приносит Древнее Знание.

Она отвернулась от них и своей легкой походкой танцовщицы прошла по террасе. Дамарис сделала шаг ей вслед и остановилась. Саранна догадывалась почему. В величественной фигуре появилась отчужденность, и они не решились остановить ее.

Женщина-Лиса исчезла за круглой аркой. И тут Саранна впервые увидела, как скользнул круглый щит и закрыл проем. Дамарис негромко заплакала, и Саранна подошла к ней.

— Не нужно плакать, — сказала она. — Откуда нам знать? Однажды она может передумать. И если ты станешь такой, как ей хотелось, она захочет увидеть тебя.

— Да. — Дамарис тыльной стороной руки вытерла глаза. — Да, надеюсь...

Джеррад Фок, ведя Гонору, уже шел обратно через изувеченный сад. Саранна и Дамарис пошли за ним. Но, видя, как он поддерживает Гонору, Саранна почувствовала одиночество и опустошение. В этот миг ей захотелось, чтобы и за ней закрылась круглая дверь, отрезала бы ее от жизни, как от сна.

Но, перебравшись через разрушенную стену, она увидела, что Джеррад ее ждет. Гонора шла в дом одна, с ней ее служанка.

— Интересно, — заметил Джеррад, осматривая камни, выломанные из стены, — ожидает ли она, что мы это восстановим.

— Значит, вы верите, что она больше не захочет нас видеть? — спросила Дамарис.

— Мне кажется, после сегодняшних событий она действительно больше не захочет видеть западных варваров. Вы ведь знаете, у нее легендарное прошлое. Даже на ее родине о ней говорят осторожно и почтительно. Приходится, если имеешь дело с такой властью, как у нее. Я бы поверил ей на

слово, Дамарис. Наверно, надо подготовиться к приему коллекции; она вышлет ее немедленно...

Дамарис наклонила голову набок, перевела взгляд с него на Саранну, в ее глазах мелькнуло озорное выражение.

— Хорошо, — ответила она нарочито скромно, как послушная хорошая девочка.

Когда Дамарис убежала, Саранна сказала:

— Теперь Гонора поправится.

— Сомневаюсь, что сразу. Гонора есть Гонора, за одну ночь она не изменится, — холодно ответил он. — Ей нужен муж, чтобы она была занята, и место вроде Тенсина, где она могла бы играть роль госпожи.

— У нее есть такое место — «Отрада королевы»... — не подумав, выпалила Саранна.

— Никогда! — К ее изумлению, Джеррад Фок покачал головой. — Я не из тех мужчин, что подчинялись бы желаниям Гоноры. Боюсь, если бы мы поженились, возникли бы искры, а потом ревущее пламя. Или ураган выбросил бы наш корабль на берег. Нет, довольно с меня Гоноры...

— Но она... — Саранна так удивилась, что потеряла всякое благоразумие.

— О, Гонора всегда верит в то, во что хочет верить. Разве вы не знали? Немного погодя мы найдем ей мужа, если она хорошо усвоила урок. Нет, хозяйка «Отрады королевы» появится там в свое время... в свое время... — повторил он, словно Кун-Чу Юэ, разучивающая заклинание.

Саранна закрыла руками избитое и исцарапанное лицо. Ей вдруг стало жарко, и она почувствовала, что краснеет. Неужели бывает такое счастье? Возможно, она это узнает — «в свое время» Джеррада Фока.

**ЗВЕЗДНОЕ
КОЛЕСО**

**Автор выражает признательность Сандре Хелтон,
предоставившей использованный в книге
астрологический материал, включая гороскоп.**

Глава первая

Внизу на небольшом лугу ветер шевелил опавшие листья. Один листок взлетел и прилип к вязаной шапочке Гвеннан. Девушка глубже упрятала подбородок в складки теплого шарфа. Даже этот холод, оказывается, можно забыть. Теперь она стояла между двумя грубо высеченными камнями, сосредоточив внимание на третьем, самом высоком камне на насыпи. Он четко вырисовывался на фоне бледнеющего неба.

Природное ли образование эти три камня? Она поморщилась под своей теплой полумаской из плаща и в сотый — в тысячный — раз отказалась от этой мысли. Повторится ли то, на что она надеется? Может ли повториться? Она совершенно уверена в том, что увидела три недели назад, в этот же самый час, когда стояла на этом самом месте.

Книги — как она внимательно читала их, изучала рассуждения тех, над кем смеялись, кого даже преследовали «власти», и тех, чьи убеждения основаны на общепринятом. Но что такое общепринятое? Те же рассуждения, если копнуть поглубже.

Вот! Освещение — оно под нужным углом — падает на высокий камень и...

Гвеннан едва не закричала. Может, даже прохрипела что-то в складки своего шарфа. Ее тогдашнее впечатление не было воображаемым. На высоком каменном столбе линии, слишком регулярные, чтобы быть случайными, слишком незнакомые, чтобы быть — чем? Только в полусвете и в этот час утра может она разглядеть их. Нужно ли приближаться, сни-

мать перчатки, проводить пальцами по поверхности? Может ли она на ощупь убедиться, что зрение не подвело ее?

Эта мысль вылилась в начало действий. Ее обнаженная кожа вздрагивала от прикосновения к холодному камню, но Гвеннан не обращала на это внимание. Она прикоснулась — и отдернула руку. Она сделала это инстинктивно, потому что ощутила нечто, рожденное не камнем, не холодным воздухом... не...

Она снова поднесла руку к камню. Необычность исчезла. Как круги от камешка, упавшего на поверхность тихого пруда. Круги разошлись, и поверхность снова неподвижна. Она попыталась проследить эти линии. Огам?¹ Забытый язык, письмо, состоящее из линий над строкой и под ней, или руны с острыми углами? Она искала в книгах. Нет, эти знаки, которые она видела (а может, ей просто показалось — игра света), не такие.

Но она видела их. Они здесь! Она придет снова и снова... Чужая территория? Гвеннан перевела взгляд от каменного клыка на лес внизу. Среди деревьев виднелась наклонная крыша, серая и мрачная — и как будто такая же древняя, как сами эти камни.

Она не причиняет никакого вреда, пыталась уверить себя Гвеннан, пряча разочарование от того, что момент откровения оказался таким кратким. Почти трехсотлетний обычай сделал эти нетронутые, нехоженые земли чужими для жителей городка. Но никто не говорил вслух, что старая изношенная каменная стена ограждает запретную территорию.

Выросшая в городе, принимавшая на веру все, что принято в городе, она до сих пор не сознавала, насколько странно выглядит история долины. И не только из-за камней, которые привлекали ее к себе с первого взгляда, но также из-за дома Лайлов.

---

¹ Письмо на древнеирландском языке, состоящее из прямых черт. Огамическое письмо употреблялось на Британских островах в III—IV веках. — *Прим. перев.*

В 1730 году, когда по Белой реке от побережья поднялись первые переселенцы, которых с морского берега прогнали бури и сильные ветры и которые искали подходящие земли для сельского хозяйства, — дом Лайлов уже стоял здесь. Кто построил его и когда? Если даже кто-то из новоприбывших и задавал такие вопросы, они быстро прекратились.

В доме жили Лайлы, а также несколько индейцев и десятка два темнокожих слуг, принадлежавших к какой-то неведомой расе. Слуги были молчаливы и никогда не общались с поселенцами. Но Лайл тех дней, владевший землей, ничем не мешал поселенцам. Более того, время от времени из-за серых стен приходила помощь — не только в целом всему зарождавшемуся городу, но и отдельным его жителям.

В школе Гвеннан учила старый общепринятый миф о Колумбе и его знаменитом открытии Америки. Но сейчас люди знают больше. До того как итальянский авантюрист поднял паруса, суровые рыбаки Англии достигали далекого берега, вытаскивали на него лодки и плыли назад, тщательно сохраняя тайну богатых добычей вод. Были и мореплаватели в длинных лодках. Невозможно больше отрицать их плаванья: ведь обнаружено даже их поселение. А до них — кто еще?

А руины в Нью-Гэмпшире, многочисленные «овощные погреба», окруженные каменными стенами, сделанными весьма основательно, — поздние поселенцы использовали их с прозаической целью, которая и дала им название? Все найденное здесь приписали индейцам. Но никто не попытался объяснить, зачем кочевым охотникам строить каменные стены и помещения странной формы, если сами они живут в походных лагерях.

Кто такие Лайлы и как они оказались здесь? Существуют легенды о пирате, привезшем вверх по реке сокровища и остатки своего экипажа, чтобы основать собственное королевство. Будто бы, придя первыми, они стали частью этой земли, и позднейшие поселенцы никогда не оспаривали их права. Правда также, что ни город, ни окрестные фермы ни-

когда не подвергались набегам индейцев. Более того, сами индейцы иногда получали убежище в доме Лайлов. Война сюда не приходила — тут царило скромное процветание. На деньги Лайлов построили мельницы и, как ни странно, школу. И Лайлы поставили только одно, странное для того времени, условие: дочери жителей города и фермеров должны были учиться наравне с сыновьями. Но влияние этой семьи, хотя оно существовало всегда, осуществлялось не прямо: члены этой семьи никак не вмешивались в дела жителей городка, в их образ жизни.

Часто, во времена последующих войн, большой дом пустовал. В нем оставалось только несколько слуг (очевидно, эти слуги вступали в брак в своем кругу и производили новые поколения, заступавшие на службу, когда старики умирали). Сами Лайлы могли на какое-то время исчезать. Иногда приходило известие о смерти в доме. Рано или поздно появлялся другой член этого молчаливого семейства, занимая место прежнего, и жизнь продолжалась, как обычно. Сейчас в доме Лайлов женщина. Гвеннан только недавно ее увидела.

По обычаю, пришедшему от первых поселенцев, ее называли леди Лайл. И никто из горожан не задавался вопросом, как появился такой необычный для этой местности титул. В доме Лайлов никогда не жили дети, и если заключались у них браки и создавались семьи, то в каких-то других землях. Но было хорошо известно, что каждый новый владелец дома внешностью и манерами очень напоминает своего предшественника. Внешние семейные черты передавались из поколения в поколение.

Гвеннан только недавно стала задумываться над явной загадкой — как семья, долго владевшая землей, сумела так эффективно ступешваться. Леди Лайл совершенно очаровала Гвеннан. Прежде всего она никогда не встречала женщины такого роста и с такой уверенностью в себе.

Сама она всегда была выше сверстников в школе и ненавидела свое тело за его размеры. Но леди Лайл носила свое тело, как гордая лесная сосна; на голове у нее такая масса во-

лос, уложенных в корону, что зимой она лишь изредка обматывала их шарфом. Двигалась она с величием, которое, как представляла себе Гвеннан, было присуще королевам, когда они не только представляли, но и правили.

Впрочем, в самой жизни Гвеннан было мало оснований для суждений. Как у племянницы Нессы Даггерт, у нее были очень ограниченные возможности для общения. Всякое расширение физических горизонтов строжайше преследовалось. Мисс Несса отвечала за городскую библиотеку, и вся ее жизнь была посвящена выполнению долга. Она воспитывала Гвеннан: взялась за это очень неохотно, исключительно из чувства долга, после гибели непоседливых своевольных родителей девочки. По городским стандартам, она делала для девочки все возможное. Ее кормили и одевали в соответствии со строгими представлениями мисс Нессы о приличиях; moreover, эти представления все в большей мере оспаривались внешним миром.

Гвеннан не училась в колледже. Когда она окончила школу (она никогда не считалась хорошей ученицей, потому что занималась только теми предметами, которые ее интересовали, а остальное пропускала мимо себя), мисс Несса уже тяжело болела, moreover, отказываясь подчиниться болезни. Она намерена была до конца держать вожжи правления своим маленьким мирком в собственных руках, и Гвеннан стала ее руками и ногами, ее слухом и зрением.

Девушка не сопротивлялась и не стремилась к иному. Не только успешно воспитанное в ней чувство долга препятствовало этому; она все больше и больше боялась жизни за пределами своего узкого мирка. В общении с другими ей всегда не везло, и она нашла убежище — в книгах.

Она начала понимать, что в ней живет какое-то внутреннее влечение. Пока еще очень бесформенное. Она читала — о, как она читала! — книги по истории, отчеты об археологических открытиях, все то, что касалось странных фактов, не укладывающихся в общепризнанное специалистами. Странно, но сама Гвеннан никогда не испытывала желания присо-

единиться к искателям неведомого. Возможно, она слишком сомневалась в общепризнанных теориях. И, внешне оставаясь послушной добровольной помощницей мисс Нессы, внутренне она искала, задавалась вопросами, сомневалась.

Некогда ей снились сны. Сегодня утром, стоя между камнями, она смутно вспомнила эти свои сны. Маленькой она считала все снящееся «реальным» и запросто об этом рассказывала, но ее обвинили во лжи. Постепенно она поняла опасность «странности» и с готовностью согласилась, что все это она выдумала.

Но потом сны исчезли, и она была этому рада. Потому что последние сны превратились в кошмары, они пугали ее, и ей пришлось отгородиться от них стеной.

Мисс Несса умерла два года назад и оставила Гвеннан дом, очень скромный счет в банке (несмотря на спартанский образ жизни, болезнь почти истощила ее сбережения, собранные путем строгой экономии) и свое место в библиотеке. Город, привыкший к тому, что во время болезни все обязанности мисс Нессы и так исполняла Гвеннан, сохранил за ней это место. Единственное изменение в ее жизни заключалось в том, что она стала чуть больше зарабатывать и таким образом смогла увеличить свое драгоценное собрание книг.

Наступил день, свет залил камни и стер все следы линий. Гвеннан надела перчатки, повернулась — и застыла. Она больше не одна.

Человек, появившийся так неслышно, не стал подниматься на насыпь, он стоял у ее подножия, серьезно глядя на девушку. Высокий мужчина — и Лайл! Внешне похож на леди Лайл. Более жесткое, ястребиное лицо в то же время носило четко различимые черты семейного сходства.

Несмотря на холод, он был с непокрытой головой; голову слегка склонил, внимательно разглядывая девушку из-под полуприкрытых век. Кожа, несмотря на время года, смуглая, загорелая, волосы густые, золотистые, подстрижены короче, чем требует мода.

Глаза, внимательно следящие за ней, такие же яркие и голубые, как у леди Лайл. Гвеннан неловко переступила с ноги на ногу. Она нарушила границы, и то, что придется иметь дело с Лайлами на их территории, ее слегка пугало.

— Кто вы? — резко спросил он.

Гвеннан не собиралась поддаваться тревоге. Она отошла на несколько шагов от камней.

— Гвеннан Даггерт. — Ее имя для него, вероятно, ничего не значит. Она пыталась придумать оправдание своему пребыванию здесь. Выдать свою тайну — нет, этого она не перенесет.

— Гвеннан Даггерт, — повторил он. — И что привело вас сюда, Гвеннан Даггерт? — Веки его поднялись, и он окинул ее высокомерным вызывающим взглядом. Возможно, у него есть на это право.

— Случай... — Она ничего не могла придумать.

Он рассмеялся. «Случай?» Голова его медленно повернулась из стороны в сторону: он отрицал ее ложь. Но выражение его лица изменилось, с него как будто спала какая-то тень, и оно открылось полностью. На нем отразилась насмешка, будто он счел ее совсем глупой, неспособной даже на правдоподобную ложь.

Гвеннан удивилась этой своей мысли. Она понимала, что ограниченность круга ее общения вполне может привести к ошибочному истолкованию поднятых бровей или легких движений тонких губ. Губы сложились в улыбку, которая ей не понравилась.

Вообще, все в этом человеке ее тревожило. Как будто перед ней человек, который... Гвеннан сдалась. Ей некогда выискивать смысл эмоций этого человека. Она хочет уйти — быть свободной и одинокой, подальше от этого неизвестного Лайла.

Спустившись с насыпи, она обнаружила, что может смотреть ему в глаза. Рослый, как и леди Лайл, этот член семьи Лайлов был еще выше. Впервые в жизни Гвеннан внезапно ощутила себя маленькой, она приближалась к чему-то бес-

покойному и повелительному. К чему-то странному и таинственному, как эти камни, которые так давно вызывают ее любопытство. Но это не камень, а человек, мужчина, плоть и кровь, и стоит он спокойно и уверенно.

— Гвеннан Дагерт. — Снова он произнес ее имя, но что-то в звучании этих двух слов было неправильным. Девушке показалось, что он произносит их на другом языке, неверно произносит, старается... Она покачала головой при такой фантастической мысли.

— Вам нравится гулять на рассвете? — Его улыбка стала насмешливой. — Даже в такую погоду? — Он преувеличенно вздрогнул. — Вы закаленные люди, жители Нижнего Востока.

Гвеннан снова овладела собой, вернулась в ту форму, которую изваяло воспитание мисс Нессы.

— Приходится. — Она надеялась, что ничем не выдала охватившего ее беспокойства. — Если я хочу погулять, то приходится это делать рано утром. У меня работа. — Она подняла руку и отвернула край перчатки, глядя на часы. — ... и...

Его брови, гораздо более темные, чем волосы, которые с восходом солнца становились все более и более золотыми, чуть приподнялись.

— Но какая работа начинается так рано? Еще только светает...

— Для меня уже поздно, — коротко и резко ответила она. Вероятно, слишком резко, но она больше не справлялась с овладевающим ею беспокойством. Она не понимала этого чувства. Беспокойство исходило от него и охватывало ее все сильнее. Странно само по себе уже то, что существует второй Лайл, неизвестный городу. Никогда не было разговоров о сыне леди Лайл. Может ли человек его возраста быть ее сыном? Гвеннан решила, что неспособна правильно ответить на этот вопрос.

Незнакомый Лайл — само по себе это не могло вызвать такого беспокойства. Страх? Но чего ей бояться? Она оказалась на их территории, это правда. Но пройти на рассвете по

полю к трем камням — не преступление. Она ничего не сделала, никого не потревожила. Почему же она ощущает вину, тревогу — как будто у него есть основание не доверять ей?

— Куда же? — Он по-прежнему улыбался.

Она права — в его голосе звучит насмешка. Похоже, он находит ее забавной. Гвеннан застыла. Страх исчез перед более сильным чувством — гневом. Ей решительно не нравится этот человек. Она восхищается леди Лайл, но в такой же степени ей не нравится этот ее родственник, кем бы он ни приходился хозяйке дома Лайлов.

— В библиотеку. — У нее нет причин делать из этого тайну. Городок небольшой, все друг друга знают, особенно зимой, когда немногие летние посетители разъезжаются, а старые семьи держатся вместе, образуя крепость, противостоящую холоду.

— В библиотеку?

Он снова повторил ее слова. Она находила эту привычку раздражающей. И начала разжигать это раздражение как преграду на пути других эмоций, которые он вызывал в ней.

— Библиотека не может открываться так рано. Мне кажется, тетя говорила: в полдень. Я знаю: она собирается сегодня зайти туда к вам...

— У нас всегда много работы, даже если формально мы не открыты, — ответила Гвеннан.

Она почувствовала искушение доказать ему, какая у нее обычная и нормальная жизнь (но почему? — спросила другая ее часть), и для этого перечислить все те многочисленные мелкие дела, которые никогда не кончаются, сколько бы ты ни работала. К тому же она голодна: единственная чашка кофе, торопливо выпитая стоя в кухне, — не обычный для нее завтрак. Она собиралась через боковой вход заглянуть в пекарню Мэри Лонг и купить несколько оладий с черникой, она их подогреет и съест, проглядывая при этом стопку новых журналов.

— О да, работать, чтобы не предаваться безделью... Нечасто такое встретишь в наши дни. Но, кажется, Уайтбридж

придерживается старой этики. Это хорошо — а может, и плохо. — Он слегка поклонился ей, чуть насмешливо, но не сделал попытки уйти с дороги. Не желая сталкивать его с тропы или обходить, она оставалась на месте. Гвеннан раздумывала, не обойти ли все-таки по снегу, как он протянул руку к ее голове.

Она инстинктивно увернулась и тут же вспыхнула, увидев, что он держит пальцами лист. Несмотря на свои слова о холоде, он, казалось, сам его не испытывает: не только голова его не покрыта, но и руки обнажены, без перчаток. Короткое пальто расстегнуто. Он снова рассмеялся.

— Чего вы испугались, Гвеннан Даггерт? — Он чуть приблизился. К своему стыду, девушка торопливо отступила. Но на лице его была только добродушная улыбка, когда он протянул ей лист, держа его за стебелек.

— Уверяю вас, — продолжал он, — я не ем маленьких девочек, даже когда они приходят без приглашения. Маленьких девочек с листочками на голове, будто они дриады или нимфы...

В словах его звучала насмешка, на которую она не знала, чем ответить. Что заставляет ее замереть, почему она чувствует себя так неловко? Снова гнев согрел ее.

— Я и не предполагала, что вы это делаете. — Она вложила в свой ответ всю ледяную решимость, которую усвоила у мисс Нессы. — Я хорошо понимаю, что пришла сюда без разрешения. Примите мои извинения, мистер Лайл. Уверяю вас, этого больше не повторится!

Не повторится, сказала она себе. Но как ей удержаться вдали от притягивающих ее камней, от загадки, которая не отпускает ее? Ей ужасно хотелось оглянуться через плечо на средний камень, но она чувствовала, что каким-то образом это отдаст ее в его власть.

Он уронил лист. Снова его рука двинулась, на этот раз он схватил ее за руку, задержал. Она решила, что не смогла бы вырваться, даже если бы захотела. Но гордость не позволит

ей даже попытаться. Его тонкие губы не переставали улыбаться. Но в глубине глаз что-то противоречило этой легкой усмешке. Гвеннан не хотела знать, что скрывается за этой улыбкой, хотела только освободиться. Но она не будет пытаться вырваться.

Однако тут голос его изменился. Стал глубже, резче. Он как будто пытался что-то приказать.

— А что вы здесь делаете? Она... — Он провел кончиком языка по верхней губе. — Что ей от вас нужно? — В его словах отчетливо прозвучало презрение. Он нависал над нею, как будто вырос у нее на глазах, стал больше и сильнее, чем человек, которого она видела сначала. Нет, она не должна давать разыграться своему воображению!

— Не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, — Гвеннан пыталась вернуть самообладание. — Если «она» это леди Лайл...

— Леди! — прервал он, и ей показалось, что кожа его потемнела от прихлынувшей крови. — Леди! — Он произнес это слово одновременно и как эпитет, и как возражение.

— Ну, миссис Лайл, — поправились она. — В городе всегда пользуются уважительным словом «леди» — это традиция относительно вашей семьи. Дань тому впечатлению, которое она производит на людей, мне кажется. Во всяком случае, я не понимаю вас. Я ее совсем не знаю. Мы говорили, да и то кратко, только о книгах, и впервые говорили только в прошлый четверг. Она только недавно начала бывать в библиотеке.

— А что касается моего пребывания здесь, — Гвеннан наконец решилась рывком освободить руку и сделала два шага в сторону, — то оно не имеет отношения к вашей семье. Я часто гуляю по утрам, особенно в это время года. И мне нравится лес...

Его требовательный взгляд переместился на насыпь. Он как будто вслух заявил, что ведь застал ее не в лесу, а в месте, которое по каким-то причинам нельзя посещать. В этот момент Гвеннан скорее выдержала бы любую насмешку или да-

же гнев, чем сказала, что на самом деле привело ее сюда. Это останется ее тайной, загадкой, которую она так и не сможет никогда разрешить, потому что отныне высокие камни — запретная территория.

— А теперь — всего хорошего, мистер Лайл. — Она резко повернулась и пошла, не оглядываясь. Слышала шум травы под своими ногами. Может, слишком громкий, заглушающий звуки его шагов, если он пошел за ней. Она — не победит, она — не...

— Тор!

Это не его голос. Оклик откуда-то издалека.

Удивленная, Гвеннан оглянулась. Он шел за ней, как она и опасалась. Но этот оклик его остановил, он полуобернулся к насыпи. Из рощи, окружавшей дом Лайлов, так что виднелась только его крыша, двигалась высокая фигура в плаще с капюшоном. Гвеннан не нужно было видеть лица, скрытого в тени капюшона, чтобы знать, что это леди Лайл.

Ей стало жарко от смущения. Вид молодого Лайла привел ее в смущение, но встретить саму леди Лайл — это еще хуже. Быть застигнутой, как шпионка! Гвеннан откровенно побежала, задержавшись только перед стеной, через которую нужно перелезть, чтобы выйти на дорогу. По другую сторону преграды она остановилась, заставила себя подождать, пока сердце перестанет отчаянно биться, протерла перчатками лицо, удивляясь, почему она вся дрожит. Вся встреча имеет какое-то серьезное значение, которого она не понимает. Она дважды глотнула и пошла к городу ровным, но быстрым шагом, стараясь сосредоточиться на предстоящих делах и забыть то, что осталось позади.

Все утро Гвеннан пыталась думать только о своих обычных делах, но все время отвлекалась. Ей пришлось силой удерживать себя у полки с материалами, которыми она занималась сама. Она видела эти линии. Это гораздо важнее, чем встревожившая ее встреча с мистером Лайлом. Он собирается оставаться в доме Лайлов? Если так, то будет ли у нее хоть какая-то возможность закончить обследование кам-

ней? Переход от надежды к разочарованию был таким резким, что она почувствовала себя несчастной. Ее вытягивают из уютного маленького убежища, в котором она чувствовала себя в безопасности. Ей приходится погружаться в странное и неизвестное, чего она всегда сторонилась, — если только это неизвестное не заключено в печатной странице, которую всегда можно перевернуть, если не хочешь больше отвечать на утомительные и мучительные вопросы.

Гвеннан сидела за своим столом и снова и снова чертила эти линии (запомнила ли она их подсознательно утром — или у нее просто разыгралось воображение?). Она решительно смяла листок, бросила его в корзину для бумаг, потом начала подбирать книги для урока, который у нее во второй половине дня.

Но память осталась. Гвеннан чувствовала покалывание на коже, беспокойство, как будто перед ней какой-то ужасный выбор. Но она строго сказала себе, что это самообман и со временем она это докажет.

Глава вторая

Ровно в двенадцать тридцать Гвеннан открыла библиотеку и впустила старого мистера Стейнса, который, приветственно хмыкнув, проковылял на свое обычное место у регистрационного стола. За ним последовала стайка возвращавшихся с уроков детей. Их требования полностью завладели ее вниманием. Полчаса спустя появилась леди Лайл, одетая в тот же серо-зеленый плащ, в котором была утром. В ярком свете дня Гвеннан разглядела ее впалые щеки, делавшие еще более выделяющимся нос, и тонкие кости под кожей. Леди Лайл выглядела более хрупкой, чем неделю назад. Она больна? Походка у нее, как всегда, прямая. Она пришла обвинить Гвеннан в нарушении границ?

Но женщина заговорила с неожиданной теплотой.

— Странно после стольких лет не видеть здесь мисс Нессу, — сказала она. Должно быть, у них были долговременные

дружеские отношения. Но улыбающиеся губы все же синеватого оттенка... Может, у нее больное сердце? Кто на самом деле знает что-нибудь о Лайлах?

Она протянула Гвеннан список.

— Боюсь, что у вас на полках я вряд ли их найду. Они слишком специальные. Но мисс Несса как-то рассказывала мне, что существует система заказа книг из других библиотек, можно на время получать оттуда книги...

Гвеннан изучала угловатый почерк. На первый взгляд кажется, что написано на иностранном языке. Но при более близком знакомстве слова становятся понятными. Она читала, и чувство беспокойства усиливалось. Неужели этот список — тонкий способ сообщить ей, что она не только нарушила границу чужих владений, но что известна и причина нарушения? Она заставила себя взять ручку и отметить четыре из перечисленных шести книг.

— Эти есть... получены временно. Можно продлить заказ...

— Как удачно!

Неужели над ней насмеются? Лучше признаться и вести разговор в открытую.

— Это личный заказ — мой.

Она осмелилась прямо взглянуть в истощенное лицо. Ни следа насмешливости, которая так явно была видна в лице молодого человека. В больших глазах над темными мешками, придающими лицу выражение усталости или болезненности, только оживление.

— Вас интересуют такие открытия? Очень хорошо! Я сама побывала во многих уголках Земли, но до недавнего времени не подозревала, что так много известно... и даже опубликовано.

— Это значит... — она помолчала, внимательно глядя на девушку, как будто ждала от нее ответа — ответа, который ей необходим. — А каково ваше мнение по вот этому поводу? — неожиданно резко спросила она, как спрашивает учитель у застенчивого ученика. Наклонилась вперед — Гвеннан

ощутила острый аромат — и пальцем в перчатке указала на третье название в списке.

— Относительно леев и возможности, что Несси, другие чудовища и даже НЛО связаны с ними? — вместо прямого ответа задала вопрос Гвеннан, стараясь принять решение. Раньше она ни с кем не обсуждала свои тайные поиски. Но Лайлы известные странники, они объездили весь мир. Они имеют знание, какого не может быть ни у кого из знакомых Гвеннан. — Авторы, по-видимому, разделяют эту точку зрения, — четко ответила она, — хотя не связывают себя ни одним из тех выводов, что приведены в конце книги. Оставляют выбор читателю.

— Сообщив известные факты, — леди Лайл кивнула. — Хотела бы я поговорить с этими двумя молодыми людьми. Но что вы думаете? Какой выбор делаете вы? Вы ведь думали об этом, когда читали.

Гвеннан насторожилась. Вот оно — вопрос, может быть, выговор, результат ее утреннего посещения. Но леди Лайл как будто это не интересовало. Она добавила:

— Вы сами бродили в поисках стоячих камней. Мистер Стивенс говорил, что дочь рассказывала ему...

Гвеннан вспыхнула. Прошлым летом ей очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и она забыла, как наказывают «выделяющихся». И вот однажды она рассказала Нэнси Стивенс о своих любительских попытках совершить открытие, и девушка проявила интерес и задала один-два вопроса. Но Гвеннан быстро усвоила урок, когда ее начали называть «охотницей за камнями». Еще одно отличие, которое отрезает ее от остального города.

— Да, — коротко ответила Гвеннан, сразу насторожившись. — И еще я нарушила границы. Я была возле ваших стоячих камней.

— Что вы о них думаете? Что это скалы, просто принесенные ледниками, как нас уверяет большинство авторитетов?

Гнев помог ей сохранить храбрость перед лицом молодого Лайла. Точно так же уверенность дала ей храбрость устоять

перед этой женщиной, не отказываться от того, что она считает правдой. Пусть оба смеются над ней, если хотят.

— Нет, я думаю, они поставлены с определенной целью.

— Я знаю это, — негромко сказала леди Лайл; эти три слова прозвучали едва ли не как шепот. — Подобные вещи уже многие годы интересуют меня. Может, вы согласны обсудить этот вопрос позже, без помех? Сейчас я слишком спешу, но не хотите ли сегодня заглянуть к нам пообедать вечером?

Гвеннан надеялась, что она ничем не выдала своего изумления. Насколько она знала, только два человека до сих пор посещали дома Лайлов: мистер Стивенс, который бывал там по делам своей юридической практики, и мистер Уоррен, летний гость, такой же затворник, как Лайлы, писатель и собиратель книг.

Гвеннан глотнула и сказала со своей вновь обретенной храбростью:

— Буду рада. Эти книги, — она повернулась и взяла их со своей полки, — я собиралась отправить их назад в пятницу. Но позвоню сегодня и попрошу продлить их на несколько недель. И в то же время смогу заказать остальные...

— Спасибо. — Леди Лайл кивнула, как будто не произошло ничего особенного, как будто городскую библиотекаршу обычно и приглашают в дом, который уже несколько поколений служит загадкой. — Мы обедаем в семь. Мой... мой молодой родственник подвезет вас.

— О нет! — Все тщательно воздвигнутое спокойствие Гвеннан разбилось. — Я хотела сказать... Не надо заезжать за мной. Я привыкла ходить, и ведь это совсем недалеко.

Высокая женщина больше не улыбалась. Она смотрела на Гвеннан испытующе из-под капюшона, который только что набросила на голову.

— Вы не боитесь ходить одна в темноте?

Гвеннан рассмеялась:

— Конечно нет. Все ходят пешком, особенно при нынешней цене на бензин. К тому же у меня нет машины...

Леди Лайл снова улыбнулась:

— Конечно. Экономия: не трать, не желай. В современном мире это так необычно. Хорошо, если таково ваше желание. Только, мисс Даггерт, все же придерживайтесь дорог — не ходите полями в темноте.

Руки Гвеннан крепче сжали листок со списком. Мягкий способ упрекнуть ее в нарушении границ? Она должна выполнять утреннее решение: больше никаких камней, как бы сильно они ее ни привлекали. Лайлам нечего опасаться, что она снова окажется на их территории.

— Дороги, да, — осторожно ответила она. — На них...

— На них нет ловушек. — Гвеннан поразило это странное замечание. Леди Лайл больше ничего не добавила. Взяв книги, она повернулась и вышла, прежде чем девушка смогла ее поблагодарить.

Удивление Гвеннан этим неожиданным приглашением с течением времени перешло в нетерпение. В доме Лайлов должны храниться несметные сокровища, привезенные из заморских путешествий. Стивенс несколько раз говорил о нем, как о настоящем музее. Ей страстно хотелось все увидеть самой. Но когда пришло время одеваться, она с явным неудовольствием осмотрела свой скромный гардероб.

Насколько она знает, Лайлы могут вести такой же строго формальный образ жизни, как те редкие и странные люди, о которых рассказывается в журналах. Журналы изредка дарили библиотеке летние посетители. У нее только одно хорошее платье, да и то вряд ли подходит для такого случая.

Она застегнула молнию клетчатой юбки, заткнула выбивающиеся края блузки и надела вельветовую куртку — свой единственный предмет роскоши, которому предназначено было служить еще долгие годы. Ей нравился мягкий цвет — цвет ржавчины — этого теплого материала. Она разгладила рукава, прежде чем наложить заключительный мазок — застегнуть блузу у горла камеей, которую оставила ей мисс Несса.

К шести дневной свет сменился сумерками. Выходя еще полчаса спустя из дома, Гвеннан положила в глубокий кар-

ман пальто фонарик. Когда ветер подхватил края ее юбки, она пожалела, что у нее нет такого длинного плаща, как у леди Лайл.

Дом мисс Нессы стоял на самом краю медленно разрастающегося города. Когда-то это было просто жилище фермера. Уличного освещения тут нет, и глаза Гвеннан по привычке быстро адаптировались к темноте. Идя по дороге, она не пользовалась фонариком. Движение сейчас вообще очень редкое, и она услышит машину издали.

Мощеная улица сменилась более узкой дорогой, которую покрыли асфальтом, когда Лайлы во времена бабушки Гвеннан привезли в город первый автомобиль. Воздух прозрачный, но небо затянуто облаками, которые, вероятно, скроют луну, что вскоре должна взойти. Девушка бегло подумала, торопливо пробираясь через груды опавших листьев, что было бы интересно посмотреть на камни при лунном свете. Она никогда не ходила к камням по ночам. Теперь она сама удивилась этому — когда уже слишком поздно пускаться в такую авантюру.

Она уже почти дошла до двух высоких столбов, обозначивших поворот к скрытому за деревьями дому Лайлов, когда поняла, что вокруг что-то не совсем обычное. Ночь необыкновенно тиха. Ветерок не сгибал высохшие травы у обочины, не шевелил опавшие листья. Тишина, казалось, давит. Девушка коснулась фонарика в кармане, но попыталась подавить растущую тревогу. Нечего опасаться. Она много раз ходила этой дорогой, и ночью, и днем. Прямо перед ней начало подъездной дороги к Лайлам. Еще несколько шагов, и она увидит дом, который отсюда не видно из-за кустов. Всего несколько шагов.

Из темноты донесся гнилой запах, подействовавший на нее, как удар. Не скунс, нет. Запах сильнее. Такого отвратительного она никогда не встречала. Гнилостная нечистота словно бы кулак, нацеленный прямо в нее. Она задержала дыхание, и несколько ужасных секунд ей казалось, что ее стошнит.

Что-то мертвое?..

Гвеннан достала фонарик, нажала кнопку. Яркий луч заставил ее мигнуть. Она направила его на дорогу. Стараясь не вдыхать глубоко эту нечистоту, девушка торопливо пошла дальше. И не оглядывалась по сторонам, отказываясь поддаваться страху.

Зловоние ослабло. Должно быть, она прошла его источник. Сейчас охотничий сезон, и хотя территория Лайлов обнесена изгородью, всегда найдется охотник, который, ранив зверя, не выследит его. И жертвы таких охотников долго и мучительно умирают где-нибудь.

Но туша такого размера, конечно, была бы найдена обитателями дома еще до того, как разложилась до такой степени. Гвеннан не понимала, почему ее не закопали. К тому же... она прислушалась — хотя не знала, чего ждет. Слышен был только звук ее шагов. Слишком громкий звук... слишком громкий... чтобы... Гвеннан дышала теперь прерывисто.

Она обогнула куст без листьев и увидела впереди освещенные окна. Но продолжала светить фонариком. Показалась входная дверь на массивных петлях ручной работы, которые кажутся черными на фоне старого дерева. На двери молоток сложной формы, она подняла его и невольно стукнула так сильно, что сама пришла в замешательство.

Дверь почти сразу открылась, и навстречу ей устремился свет — как будто он сам по себе мог втянуть ее внутрь. Она оказалась в прихожей, абсолютно не похожей на все, что она видела раньше. Так много неожиданного перед ее глазами, что она не замечала открывшего ей дверь, пока он не заговорил.

— Мисс Даггерт, вы действительно бесстрашная исследовательница, даже ночью.

Конечно, это Тор Лайл. Его золотистая голова, казалось, привлекала свет. Гвеннан не поверила бы, что волосы могут иметь такой металлический блеск. Они казались еще ярче из-за того, что на нем черный вельветовый пиджак поверх

черной рубашки с высоким стоячим воротником. На шее золотая цепь, ее блеск тоже тускнеет перед поразительными волосами. На цепи подвеска, покрытая сложным переплетением линий; без пристального разглядывания невозможно понять рисунок.

За ним темная деревянная обшивка стен прерывалась нишами, в каждой из которых какой-нибудь освещенный предмет. Гвеннан видела маленькие статуэтки, декоративные тарелки, какую-то ткань с золотой вышивкой. Действительно, музей!

Должно быть, хозяин прочитал ее мысли: он картинным жестом указал на ближайшую нишу. В ней гротескная статуэтка — женщина, нижняя часть тела которой сливается с деревом и покрывается жесткой корой. Поднятые руки переходят в ветви, начинаясь от концов пальцев; волосы вздымаются над головой, образуя корону.

Статуэтка мягкого цвета, листья зеленые со слабым золотым оттенком на концах, а тело, его человеческая часть, целиком из драгоценного металла, с сильным красным отливом. Глаза на маленьком женском лице открыты, и благодаря особому расположению свет в нише отражается в этих глазах жестким блеском; на лице смешанное выражение восторга и древней-древней печали.

Гвеннан смотрела; ее воображение, которое она подавляла со времен детства, разыгралось. Ей казалось — хотя, несомненно, это достигалось искусным размещением источника света, — что губы женщины дрожат, волосы чуть шевелятся. Как будто она в окно или в замочную скважину смотрит в иной мир, где обитают формы жизни, абсолютны чуждые нашей, но по-своему устойчивые и разумные.

— Вам понравилась Мирра? — Вопрос разбил очарование, которое ее охватило при виде статуэтки. Гвеннан мигнула, покраснела. Она позволила проявиться своей наивности — это вызвало раздражение, и она еще больше невзлюбила хозяина за то, что он так легко ее понял, за насмешку над ее откровенным удивлением. Она продолжала смутно ощу-

шать в нем что-то неправильное, искаженное; она не понимала этого, но чувствовала угрозу. Однако точно определить свои чувства не могла. Скорее отшатнулась от непривычных мыслей.

— Мирра? — Она произнесла это имя вопросительно.

— Прекрасная дочь деревьев, люди некогда называли ее нимфой. — Очевидно, Тор Лайл все внимание перенес на статуэтку, и Гвеннан была ему за это благодарна. — Отличная работа, не правда ли? Мы даже не знаем имени художника. Но глядя на нее, можно поверить старым легендам, что когда-то деревья обладали душой (если это можно так назвать) и могли проявлять ее по своей воле. Вы видели Мирру, а теперь взгляните и скажите, что вы думаете о Никоне. Возможно, они сделаны разными скульпторами, но у них есть какое-то сходство в технике, да, несомненное сходство.

Гвеннан вслед за ним прошла к следующей нише. Другая фигура, на этот раз не слившаяся с массивным древесным стволом. Напротив, ноги разделены, вполне по-человечески. Но вместо ступней длинные расплюснутые утолщения, беспалые, напоминающие плавники. Кожа серебристая, а тщательно подобранное освещение отчетливо подчеркивает крошечные перекрывающие друг друга чешуйки. Существо чуть наклонилось вперед, руки его полусогнуты, оно как будто собирается кого-то обнять. Тонкие руки заканчиваются лапами с мощными когтями, вытянутыми и готовыми разорвать то, к чему тянется это существо. Усиливается впечатление угрозы от втянутой в широкие плечи головы; общее впечатление — готовность к нападению.

Голова представляет собой пугающую карикатуру на помесь человека с обезьяной. На голове волос нет, вместо них кожистый гребень уходит от лба к затылку. Глаза выпуклые, нос расплюснутый, только круглые ноздри указывают на его расположение. Нижняя челюсть почти без подбородка. Пасть слегка приоткрыта, и свет необыкновенно ярко отражается от зубов. Чудовищное, кошмарное существо, такое же чуждое, как нимфа, но пугающее и во всех отношениях злое.

— Никон. — Гвеннан снова повторила имя. Она нахмурилась, стараясь не вглядываться слишком внимательно, хотя статуэтка притягивала ее. Если это легендарное мифологическое существо, то такие мифы ей не известны. Не узнавала она и имя.

— Да. — Снова в голосе его прозвучала насмешка. Девушка думала, что он готов рассмеяться от ее невежества. — А теперь...

— Мисс Даггерт... — Холодный, но долгожданный звук другого голоса как чистый ветер в этом мрачном месте. Он уничтожил влияние, которое Тор приобретал над нею.

Гвеннан повернулась, облегченно, почти счастливая, чтобы приветствовать хозяйку.

Как и молодой человек, который теперь явно слегка ступшевался, хозяйка дома в длинном бархатном платье. Платье простого покроя, без украшений. Но платье придавало ей величие, как будто древней жрице, далекой от мира, в котором живет Гвеннан, мира, который лежит сразу за этими толстыми стенами.

Платье серого цвета и перехвачено у талии перевитым поясом почерневшего серебра. На шее у леди Лайл подвешен диск из того же металла, увенчанный перевернутым полумесяцем — простое украшение, лишенное изысканности золотого солнечного диска на Торе.

— Итак... — Она посмотрела мимо Гвеннан на своего молодого родственника. Девушка, никогда не считавшая себя наблюдательной, настроенной на чувства других, ощутила явное напряжение. Как будто между этими двумя несогласие, которое ощущается лишь слегка, никогда не выходит на поверхность и не проявляется в таких действиях, которые были бы ей понятны.

Тор, по-видимому, уступил, хотя Гвеннан была убеждена, что его насмешливость не исчезла ни из глаз, ни из изгиба рта. Он отступил и позволил леди Лайл увести девушку в соседнюю комнату. Выигрывает время — почему ей пришла в голову эта мысль? У Гвеннан было только мгновение, что-

бы задуматься над этим, и она превратилась в старательного и очарованного гостя.

Она была очарована, как никогда раньше. Они обедали, и леди Лайл во главе темного старого стола, в кресле с высокой резной спинкой, все более и более походила на королеву на троне. Гвеннан чувствовала себя утонувшей в таком же кресле, пальцы ее время от времени скользили по ручкам, она ощупывала резьбу, которую не имела возможности осмотреть внимательно.

Тор Лайл сидел против нее, стол был покрыт хрусталем и хрупким фарфором, серебром; тонкие кружева и льняная ткань салфеток образовывали островки. Тор ни разу не вмешивался в разговор, который поддерживала леди Лайл, хотя регулярно прихлебывал из высокого кубка вино янтарного цвета, от которого Гвеннан тактично отказалась. Все такие излишества были изгнаны из хозяйства мисс Нессы, и Гвеннан не доверяла своей реакции на этот напиток.

На ее отказ леди Лайл только кивнула, почти одобрительно, и Гвеннан с благодарностью заметила, что сама хозяйка не позволила наполнить стоявший рядом с ней кубок.

Нет, Тор Лайл не говорил. Глаза его, слегка сузившиеся, как во время первой их встречи у насыпи, переходили от хозяйки к гостю и обратно. Похоже на человека, озадаченного загадкой, которую обязательно нужно решить.

После еды хозяйка направилась еще в одну комнату, тоже со стенными панелями. Панели раскрашены, и краски такие яркие, будто их совсем не коснулся возраст. Как будто кисть, влажная от краски, только что нанесла последний мазок. Изображены были фигуры, вполне человеческие, за ними вздымались большие и малые города, показанные с отсутствием перспективы, которая никогда не тревожила художников прошлого. Картины тянулись по всем стенам, и Гвеннан догадалась, что на них изображаются какие-то последовательные события, потому что на всех панелях она заметила одни и те же фигуры.

Но у нее не было возможности рассматривать эти картины, потому что леди Лайл выложила на стол вполне современные фотографии. Они казались странно неуместными на фоне этих стен. Гвеннан сразу узнала изображенные на них места. Три фотографии камней, у которых она побывала только сегодня утром.

Леди Лайл кивнула, внимательно глядя девушке в лицо.

— Да, — голос у нее был энергичный, живой. — Вот что мы должны поискать. Они лежат непосредственно на линии, которая пролегает вот так... — Нетерпеливым жестом она отодвинула фотографии в сторону и достала карту, на которой была проведена алая линия, такая яркая, что казалась живой. Но вся карта потемнела от возраста, другие линии на ней поблекли. Гвеннан пришлось очень внимательно вглядываться, чтобы распознать некоторые ориентиры. Несомненно, часть долины, но никаких следов жилищ и ферм, которые ей так знакомы.

— Пролегает вот так, — продолжала хозяйка. — Она пересекается с другой с севера...

Да, есть еще одна линия, поблекшая, бледно-розовая.

— Видите, где они пересекаются? На лугу, где стоят камни.

— Я никогда не бывала на севере. — Гвеннан попыталась провести пальцем по этой поблекшей, более древней линии. Эти точки... — неужели это просто пятна от возраста? Нет, они поставлены здесь не случайно — они ведь обозначают другие камни?

— На месте этой пометки на холме — треугольный камень. Его вершина направлена сюда... — Теперь палец леди Лайл двигался по линии старой карты. — Его поддерживают три меньших камня, и равновесие в системе абсолютное. Пусть ваши специалисты, которые толкуют о ледниках, объяснят это!

— Леи... — Гвеннан стало очень интересно. — И в месте их пересечения...

— Точки приложения силы! Именно так. Такие места есть, и гораздо более значительные, вероятно. Одно из них Сто-

унхендж, Кентербери, со всеми его легендами как о священном месте. Еще заметнее — Гластонбери. Все эти точки обозначают пересечения лей. Наше соединение сравнительно незначительное. Леи — это линии магнетизма, это уже доказано и перепроверено. Постепенно будет доказано и другое. Мы верим, что когда-то люди умели вызывать эти силы, обуздывать их. Они контролировали силу, которую современный человек и представить себе не может. — Она говорила все быстрее и быстрее, бледное лицо слегка покраснелось. — Это забыто... — рука ее больше не бродила по карте, лежала расслабленно, ладонью вверх. Леди Лайл слегка откинулась в кресле, закрыла глаза, дышала она порывисто и часто.

Гвеннан в тревоге вскочила, схватила ее расслабленную холодную руку. Очевидно, леди Лайл больна. Гвеннан отвела взгляд от почти потерявшей сознание женщины и посмотрела туда, где сидел Тор Лайл, не принимавший участия в изучении карты. И сейчас он не пошевелился, хотя его родственница явно нуждалась в помощи.

— Она больна! Нужно вызвать доктора Хьюза!

Молодой человек покачал головой. На губах его снова появилась улыбка, глаза оставались полуприкрытыми. Ей хотелось закричать на него.

Встав на ноги, он не подошел к женщине, чье прерывистое дыхание отчетливо слышалось в комнате. Напротив, отошел к камину и потянул за висевший там шнурок. Леди Лайл слегка пошевелилась, открыла глаза и взглянула прямо на Гвеннан. В лице ее не было краски, руки, которые держала девушка, холодны, вялы. Женщина глубоко вздохнула, еще раз. Улыбнулась — бледный призрак прежней приветственной улыбки.

— Я встревожила вас, дитя мое? Ничего. Когда живешь так долго, как я, даже легкое потворство своим слабостям связано с расплатой. Не беспокойтесь, я быстро приду в себя...

Появилась одна из молчаливых смуглых служанок. Гвеннан выпустила руки леди Лайл. Служанка поставила перед хозяйкой поднос с чашкой, казалось, целиком выточенной

из рога, и такой маленькой, что зверь, которому принадлежал рог, должен был быть не больше кошки. Леди Лайл медленно протянула руку, взяла необычную чашку и выпила ее содержимое. Опустив ее, она распрямилась. Выглядела она снова здоровой и энергичной.

Глава третья

Раскат грома, прозвучавший прямо над головой, заставил Гвеннан плотнее закутаться в одеяло. За окном блеснула молния. Послышался еще один раскат, похожий на взрыв. Молния, должно быть, ударила в дерево где-то поблизости. Еще один громовой раскат.

Но разбудила ее не ярость бури. Девушка вынырнула из сна мгновенно, как будто кто-то ее позвал. И не только к грому и молнии прислушивалась она.

Гвеннан сглотнула комок в горле. Такого сильного страха она никогда не знала. Тело ее застыло, напряглось. Борясь с ужасом, Гвеннан наконец смогла пошевелиться, сесть в своей сбитой постели, включить лампу, обрадоваться тому, что та работает. Она боялась, что буря что-то повредила и ей придется оставаться в темноте.

В стены ударил дождь. Девушка сидела, согнув плечи, вслушиваясь, натягивая на себя стеганое одеяло. Было очень холодно. К осени она всегда закрывала в старом доме комнаты второго этажа и переселялась в маленькую спальню внизу, рядом с кухней.

Молния, еще один удар грома. Но что-то еще — она не может найти для этого слов. Гвеннан выскользнула из постели, не стала надевать ждущие шлепанцы, прошла по ковру в ванную, руководствуясь слабым светом ночника. Когда она включила вторую лампу, еще раз ударил гром.

Она наполнила стакан водой, глядя на свое отражение в зеркале. Волосы висят потными прядями. Лицо вспухшее и необычно бледное. Гвеннан напилась и подумала, не стоит ли согреть немного молока. Все равно она не спит.

Дурные сны. Должно быть, буря вызвала кошмар, от которого она так неожиданно очнулась. Она не помнила подробностей. Только проснулась, задыхаясь: ночная рубашка промокла от пота, тело болит, сердце по-прежнему бьется часто, и трезвые мысли не могут прогнать остатки ночного ужаса.

Ужаса — перед чем? Она всю жизнь знает такие бури — хотя эта, конечно, слишком запоздала. Неожиданно она ухватилась за край раковины, прочно сжала ее: на нее накатились волна дурноты. Ощущение тут же исчезло, но Гвеннан испытывала слабость, неуверенность — и страх.

— Ничего страшного... — Она старалась рассуждать спокойно. — Всего лишь буря. Ничего страшного!

Придерживаясь рукой за стену, опасаясь возврата головокружения, она вернулась в спальню. Но не легла. Стояла в кружке света, глядя на знакомые вещи, наполовину скрытые в полутьме. На стуле одежда, готовая к утру, книга, которую она читала перед сном, ее маленькие часы, стрелки показывают три.

Все на месте, никаких отличий от других зимних ночей, когда она пользуется этой комнатой. Да и почему бы им быть? Она села на край кровати, натянула на себя одеяло.

Фантазии — им нельзя доверять. В последнее время она позволила слишком разгуляться своему воображению. Гвеннан подложила подушку под спину, не способная спать, не желая выключать лампу. Книга... почитать немного...

Но часть ее сознания оставалась настороженной, нацеленной в другом направлении. Она думала о так неожиданно начавшемся знакомстве, которое грозит изменить ее привычное существование. Первое посещение дома Лайлов оказалось не последним, и каждый раз ее туда влекло какое-то волшебное очарование.

По какой-то причине леди Лайл продолжала поддерживать отношения с нею, и это удивляло Гвеннан. Что интересного взамен может предложить она женщине, чья жизнь так далека от нее, так абсолютно чужда всему, что известно Гвеннан?

Деревенская девушка без законченного образования, не обладающая манерами и воспитанием, самая обычная девушка. Казалось бы, леди Лайл выберет ее в последнюю очередь. Оглядываясь назад, Гвеннан с трудом могла поверить, что всего три недели назад она впервые вошла в дом Лайлов, в эту сокровищницу, так давно служащую жилищем ее хозяевам. Она многое с тех пор увидела, поражалась чудесам, скрывающимся за этими серыми стенами. Каждая комната, в которой она побывала, оказывалась новым откровением, например, библиотека с древними картами, старыми книгами, даже иллюстрированными пергаменами, которые беспрепятственно разворачивались перед ней, тома такие древние, что к ним крепились замки из проржавевшего железа или почерневшего серебра. Гардеробная с застекленными шкафами, многочисленными ящиками и сундуками; в них огромное количество чудесных предметов, в такой тесноте, что их трудно отличить один от другого. Она была очарована, совершенно поглощена, да, околдована в древнем смысле этого слова.

Но у нее никогда не было достаточно времени, чтобы любоваться этими чудесами. Как только она проходила через большие, похожие на крепостные, двери дома, ее вниманием полностью овладевала хозяйка. Леди Лайл отвечала на вопросы, искусно вовлекала в разговор. И только выйдя из дома, Гвеннан начинала понимать, как тонко и незаметно извлекает из нее леди Лайл все подробности ее жизни и как мало о своей хозяйке она узнает в свою очередь.

Задавались вопросы о ее родителях. На них она мало что могла ответить. Мисс Несса, как очень рано поняла Гвеннан, не любила человека, за которого вышла замуж ее младшая сестра. Во время редких приступов откровения мисс Несса называла его бродягой. И, как и следовало ожидать, он и его жена умерли далеко от дома, в каком-то месте на юго-западе, занимаясь каким-то глупейшим исследованием в пустыне. Мисс Несса выполнила свой долг, воспитав девочку и делая все возможное, чтобы она не унаследовала глупый образ мыслей и поведения своих родителей.

От этих отрывочных сведений о ее происхождении разговор искусно переводился на ее занятия. Впервые в жизни встретив интерес к тому, что больше всего интересует ее, чему она посвящала свои робкие попытки исследования и что не понял бы ни один человек в городке, Гвеннан говорила и говорила — впоследствии с чувством стыда она думала, что говорила слишком много, слишком самоуверенно. Как будто хозяйка дома Лайлов дала ей ключ к двери, которую она и не надеялась открыть.

К счастью, Тор Лайл во время этих разговоров отсутствовал. Гвеннан по-прежнему не доверяла ему, он ей не нравился. Но вскоре после первого посещения Гвеннан Тор Лайл исчез без всяких объяснений со стороны хозяйки. Вероятно, отправился в одно из тех путешествий, которые так обычны для членов этой семьи. Леди Лайл, казалось, не испытывала необходимости в нем.

Тор Лайл. Гвеннан удобнее устроилась на подушке. Она понимала, что у нее нет таланта к общению. При каждой встрече с ним она это чувствовала. И дело не только в том, что она ощущает себя неуклюжим переросшим ничтожеством, а он над ней молча насмехается. Нет, она ясно сознавала, что ему не нравится интерес, который проявляет к ней его тетка. Но было также совершенно ясно, что дом принадлежит леди Лайл, и только ее желания имеют значение.

У нее — даже если все неожиданно завтра закончится и леди Лайл тоже исчезнет — у нее будет над чем задуматься. Она...

Гвеннан застыла, сидела напряженно, одной рукой прикрывая рот, широко раскрыв глаза. Буря ушла, только вдалеке слышались звуки грома. Но окно по-прежнему плотно закрыто. Как же она услышала это — странный шорох ног, треск веток, которые наваливают к стенам, как дополнительную изоляцию на зиму, — древнее обыкновение, которому следуют все жители городка. Гвеннан медленно повернула голову. Ее снова охватил страх, лишаящий сил, переполняющий сознание, охватывающий тело. Окно — прямоугольник тусклого свечения...

Там...

Гвеннан не могла пошевелиться, перевести дыхание. Она поняла, что существует такой ужас, который милостиво затуманивает сознание. Может, она на мгновение действительно потеряла сознание — впоследствии она не могла сказать уверенно. Постепенно ощутила она свое тело, застывшее, холодное, руки так вцепились в края стеганого одеяла, что болят пальцы.

Красные... красные глаза! Да, она уверена, что это были глаза. Голова, на которой они располагаются, оставалась неясной туманной массой. Но эти глаза — как непогасшие угли в очаге — околдовали ее. Она вздрогнула, ощутив леденящий ужас. Ужас... и ненависть, страшная ненависть, которой не выдержать никакому человеку — вот что было в этих пламенеющих глазах!

И это не сон. В ночи притаилось что-то, не принадлежащее нормальному миру. Говорят, в лесах водятся медведи... прошлой зимой видели даже кугуара... Но это не животное... нечто другое... не похожее на то, что ей известно... в это невозможно поверить.

Гвеннан издала негромкий звук, близкий к стону. Неизвестное существо следит за ней, она ему видна, освещена лампой. Девушка прислушалась: ведь впервые ее внимание привлек треск веток у основания стен. Неужели сейчас раздастся звон стекла, и это существо ворвется к ней? Она чувствовала всю силу его ненависти.

Гвеннан не знала, долго ли просидела так в ожидании нападения. Вначале она не могла даже пошевелиться, эти глаза держали ее в неподвижности. Потом, с величайшими усилиями, каких не знала за свою жизнь, переползла на другую половину кровати, подальше от окна. Боясь, что ноги под ней подогнутся, не доверяя им, она ухватилась за спинку кровати.

Телефон... помощь... Она пыталась рассуждать. Огромными усилиями заставила себя отвести взгляд от окна. Чтобы позвонить, нужно пройти через небольшую прихожую в кух-

ню, которая, по деревенскому обычаю, зимой служила также гостиней.

Гвеннан поползла на четвереньках. Все свои силы вкладывала она в необходимость двигаться по холодному полу, продвигаться хоть ненамного. Ее окутала темнота прихожей. Пришлось приподняться, чтобы поймать ручку кухонной двери. И вот она упала в кухню, все еще теплую от хорошо прикрытого древесного огня.

Чуть не плача от усилий, она держалась за край старого дивана, оттуда переместилась к стулу у маленького столика. Когда она упала на стул, руки ее так дрожали, что она не сразу смогла подтянуть к себе телефон. И набрать номер сразу не смогла, сделала три безуспешных попытки, прежде чем набрала номер полиции.

— Конечно, тут кто-то был, Гвен. Все ветки внизу раскиданы и сплюснуты. Дождь это сделать не мог, а я не слышал, чтобы медведь заходил так далеко в город. Не в наши годы. — Полицейский Хьюз облокотился о кухонный стол. Гвеннан налила ему вторую чашку дымящегося кофе. — Беда в том, что земля слишком застыла от заморозка сразу после дождя, никаких следов не остается. На рассвете Сэм приведет своих собак. Но хуже всего вонь — никогда ничего подобного не слышал. Выворачивает наизнанку. Медведь так не воняет, даже испуганный скунс. Знаешь, Гвен, не очень-то хорошо, что ты живешь здесь одна. Отрезана от всех. Дом Ньютонов далеко от тебя, и между вами еще эта живая изгородь, из-за нее твой дом совсем не виден. А отсюда не видно их дом... — Он посмотрел на окно, в котором виднелся серый свет утра.

— И если тут поблизости бродит медведь...

Гвеннан плотнее запахнулась во фланелевый халат. Она с огромным усилием сохраняла самоконтроль до появления Эда Хьюза. Он во всяком случае не видел ее, почти впадшую в безумие от страха. А ведь так было. Он на два года старше ее, но они вместе ездили в школьном автобусе в школу в центре. Насколько она знала, Эд Хьюз особым воображением

не обладал, но, возможно, как раз без этого свойства в такой ситуации лучше.

Она была очень осторожна в своем рассказе. Красные глаза — да. Но она умолчала о том ощущении крайнего ужаса, которое разбудило ее, о предельном зле, стоявшем за этим ужасом. Теперь она радовалась, что посетитель оставил следы, и она правильно поступила, вызвав помощь от... От чего? Гвеннан отказывалась дальше следовать за этой мыслью.

— Зачем медведю заглядывать в окно? — вслух спросила она.

— Ну, может, это не так уж странно, как ты думаешь, Гвен. Медведи бывают любопытны. Я слышал, как года два назад один из них бродил в лесу Скотта, напугал туристов, просунув голову в их палатку. Захотел посмотреть, как они одеваются. Может, этого привлек твой свет, и он решил взглянуть. Собаки Сэма возьмут след... Умные псы. Прекрасный кофе, Гвен, большое спасибо. Мне нужно позвонить из машины. Подожду, пока не приедет Сэм... Сейчас стало светлее, может, я и сам что-нибудь увижу. Эта вонь... вот уж что меня достало. Медведи, может, и не кусты роз, но так они не воняют!

Он вышел, а Гвеннан пошла в спальню одеваться. С появлением Эда она осмелилась подойти к окну. Да, ветви внизу придавлены чем-то тяжелым. Ужас прошел, остался только тупой гнев — и на свой срыв, и на это существо, которое так напугало ее.

Надев пальто и накинув на голову шарф, она вышла. Запах! Обогнув угол дома, она торопливо глотнула. Та самая отвратительная вонь, с которой она уже встречалась — в тот вечер, когда впервые побывала в доме Лайлов. Значит, и там тогда бродило это существо? Ей повезло, что она с ним не встретилась!

Ветви покрывали землю, и никаких следов не было видно, только две-три бесформенных вмятины. А зловоние такое, что она не смогла заставить себя подойти ближе.

По дороге шумливо поднимался грузовичок-пикап, Гвеннан слышала возбужденный лай. Грузовичок подъехал, оста-

новился, из кабины вышел Сэм, поговорил с Эдом, потом открыл задний борт пикапа и свистнул. Оттуда с лаем вылетели три собаки и принялись бегать, приносясь к листьям. Сэм надел поводки и через ворота повел собак к дому.

Однако далеко не ушел. Возбужденный лай внезапно прекратился и сменился воем. Собаки попятнулись, присели на задние лапы. Как Сэм ни старался заставить их двигаться дальше, они не слушались. Сэм выкрикнул приказ, вой прекратился, но собаки жалобно заскулили. Гвеннан никогда не слышала у животных такого жалобного вопля. Собаки прижимались животами к земле, а Сэм дергал за поводки и старался подтащить их к дому. Он тянул изо всех сил, лицо его побагровело, и он начал произносить слова, не вполне понятные Гвеннан.

— Эй, ты, Пит! — Он привязал два поводка к изгороди и обратился к самой большой и старшей из собак: — Вставай! Какого дьявола? Вставай!

От сильного рывка собака проехала вперед примерно с фут. Потом подняла голову и испустила такой дикий вой, что Гвеннан подумала: от страха животное сошло с ума. Сэм посмотрел на собаку, снова прижавшуюся животом к земле, и на его лице вместо гнева появилось удивление.

Он опустился на колени и провел рукой по дрожащей спине собаки.

— Ну, хорошо, парень, все в порядке! Полегче, Пит. — Он перевел взгляд с собаки на Эда.

— Тут что-то не так, далеко не в порядке. Никогда не видел, чтобы они так себя вели. Медведи... медведей они знают. Никакой медведь не заставил бы старину Пита дрогнуть... он берет медвежий след так же легко, как вычесывает блоху. Но... — Он поднял голову, осмотрелся, и на его лице появилось выражение отвращения. — Тут был не медведь. Эд, не знаю, что это было, но скажу тебе прямо: не медведь!

— Что же тогда? — спросил полицейский. — Посмотри под окном: все ветви раскиданы. Кто-то стоял тут и смотрел

на Гвен. Слишком темно было, чтобы она что-нибудь рассмотрела. Только красные глаза и что-то черное.

Впервые Сэм обратил внимание на Гвеннан. Он долго смотрел на нее, как будто в изумлении.

— Смотрел на нее красными глазами, — негромко произнес он. В голосе его больше не слышалось негодование. — Плохо звучит. Давно уже не было...

— Что? — спросил Эд. Сэм по возрасту годился ему в отцы. Гвеннан знала, что мистер Граймз примерно ровесник мисс Нессы.

— Давно уже не появлялся Черный Дьявол, — ответил Сэм. — Вы, молодежь, верно, о нем и не слышали никогда. Давно это было, и люди забывают... особенно плохое. В последний раз случилось, когда мой дед был еще слишком мал, чтобы занести растопку в дом. Два-три раза приходило это существо, обычно после сильных бурь со множеством молний. До смерти напугало одну женщину. У нее было большое сердце, а эта штука поглядела на нее в окно. Так рассказывают. Дочь услышала ее крик. Прибежала, увидела упавшую мать и успела заметить, как скрывается черное существо с красными глазами. Мужчины искали его, но никаких следов не нашли, ничего ясного. Но это был не медведь, и сейчас не медведь. Мои собаки не помогут, Эд. А если у тебя есть ум, которым господь наделил человека, ты тоже не станешь тут бродить. Лучше оставить эту штуку в покое.

Сэм взял в руки поводки и повел своих присмиривших молчаливых собак назад в пикап. В его походке ясно читалось желание побыстрее убраться. Ни слова не говоря, он посадил собак в машину и уехал.

Эд Хьюз смотрел, как он уезжает, очевидно, лишившись от удивления дара речи.

— Ну... чего это он так? — спросил он скорее у всего мира, чем у Гвеннан. — Никогда не слышал о Черном Дьяволе... и на Сэма такая глупость не похожа. Мне нужно поговорить об этом с шерифом, Гвен. Но я подожду, если ты хочешь закрыть дом... Куда тебя отвезти?

Гвеннан покачала головой:

— Не думаю, чтобы оно вернулось. Тем более днем, Эд. Дай мне возможность подумать...

Эд неуверенно посмотрел на нее.

— Не хочется уезжать и оставлять тебя одну. Загляну к Ньютонам. Очень одинокое место, как подумаешь. Но раньше никогда не было поводов для беспокойства.

— Я больше не беспокоюсь, — уверила она его. — Все в порядке, Эд. — Она посмотрела на часы. — Все равно сегодня библиотеку открывать раньше. Сейчас позавтракаю и пойду туда: много нужно сделать до открытия. — Она неуверенно добавила: — Мне кажется, Сэм не выдумывал. Я посмотрю в старых бумагах и записях, может, спрошу кого. Если шериф что-нибудь знает, Эд, пожалуйста, расскажи мне.

— Конечно, Гвен. Ну, хоть вонь рассеивается. Плохо, что она тут у тебя под окном. Все равно не хочется тебя оставлять одну...

— Вздор! — Ожила ее прежняя независимость. — Все в порядке. Может, это кугуар, Эд. Я слышала, они бывают очень большие, а глаза светятся по ночам, как у кошки.

Он покачал головой:

— Это не кошачий запах. Привезу сюда шерифа, как только смогу. Он вчера вечером уехал в Хаверсвилл, но к утру собирался вернуться.

Глядя на уезжающего Эда, Гвеннан подумала, не слишком ли она храбра. Но поднявшийся ветер разогнал ужасное зловоние, а утренний свет действовал успокаивающе. Дом выглядел как обычно. Сидя в кухне, она уже не могла понять, чего это так презренно струсил. Снова взглянула на придавленные ветви. Углубления, которые она заметила раньше, теперь скрылись под наметенными листьями, и Гвеннан сомневалась, чтобы неизвестное можно было выследить. Конечно, не с помощью собак.

Черный Дьявол... Она хмурилась, готовя тосты и доставая кувшин с черничным джемом. Черный Дьявол... Черный Пес... они часто встречаются в мифах и легендах. Она чита-

ла народные сказки о существах, которые появляются и исчезают... у них не бывает земных соответствий, но их видели очень надежные свидетели. Точно так же как накапливаются удивительные наблюдения НЛО, растет количество и других чуждых проявлений... странные животные — если это животные — появляются, выслеживают, иногда даже нападают на людей... и бесследно исчезают, когда организуются их систематические поиски.

В одной из книг утверждается, что такие существа чаще попадают вдоль линий лей — этой загадочной сети каналов магнитного поля, которые, предположительно, покрывают весь земной шар, но только на территории Англии достаточно надежно нанесены на карты. Карта в доме Лайлов свидетельствовала, что на месте стоячих камней такие линии пересекаются. Животные... чудовища... существа иного мира... они могут проникать через врата, открывающиеся в месте пересечения лей... Дикая мысль... Но разве не оказывались справедливыми еще более дикие предположения?

Гвеннан пила кофе и смотрела на телефон — позвонить леди Лайл, поделиться с ней этим соображением. Но, положив руку на наборный диск, остановилась. В последнее время хозяйка дома Лайлов болела. Как раз вчера ее служанка звонила Гвеннан, чтобы отменить назначенную встречу. Нет, она не должна сейчас тревожить ее.

Ясно также, что болезнь быстро развивается и становится серьезной. Гвеннан однажды решила спросить хозяйку, обращалась ли та к врачу. Леди Лайл уверенно ответила, что получает все необходимое лечение. И слова эти прозвучали так, что Гвеннан поняла: продолжение этой темы невозможно.

Как ни дружелюбно настроена леди Лайл, как ни приятны их взаимоотношения, Гвеннан всегда знала, что существуют барьеры, которых она преодолеть не может. Даже касаться их нельзя. Она всегда благоговела перед этой женщиной, чувствовала себя слишком молодой и неловкой в ее присутствии.

Она позавтракала, прибралась в доме и при свете уже вошедшего солнца направилась к центру городка. Стало холоднее, и она думала, что уже недолго до первых настоящих морозов. Зимой жителям городка приходится трудно, особенно в снежную бурю. Конечно, им не в такой степени нужно надеяться только на себя, как обитателям ферм и жителям прибрежной полосы, где в полную силу свирепствуют бури, но все же к зиме нужно относиться серьезно.

Она никогда раньше не задумывалась, насколько изолирован дом мисс Нессы. Гвеннан даже нравилось такое одиночество. Нет, она не позволит, чтобы события прошлой ночи запугали ее. И даже если бы она захотела переселиться, в городе нет подходящей свободной квартиры. Мотель у дороги закрывается в конце туристического сезона, и она не слышала о том, чтобы сдавались квартиры. У нее есть телефон, и если она испугается, то может пойти к Ньютонам.

Идя навстречу ветру, Гвеннан добралась до библиотеки, открыла дверь и принялась снимать верхнюю одежду. В библиотеке было тепло. Джеймс Кворлз хорошо приглядывает за печью. Пройдя в читальный зал, она посмотрела в окно в сторону центра города. И увидела мистера Стивенса. Он вышел из юго-западного крыла белого дома. Слишком рано ему отправляться в свой офис. Нет, он туда не идет, движется через площадь прямо к библиотеке.

Зачем? Он, конечно, член попечительского совета, но Гвеннан не могла придумать, какая чрезвычайная причина привела его к ней.

— Я видел, как вы входили, — заговорил он, не здороваясь. Совсем на него не похоже. — Я знаю, вы хотели бы узнать. Она мне звонила вчера вечером. Леди Лайл. Ей как будто хуже... ее отправляют в больницу. А потом, вероятно, отвезут по воздуху в большую клинику на западе. Там есть врач, к которому она уже обращалась. Просила передать вам привет. Боюсь, — юрист выглядел встревоженным, — когда я в последний раз ее видел, выглядела она очень плохо. Но она верит в того человека, к которому направляется.

— Она... она оставила адрес? — Почему ей звонила служанка, а не сама леди Лайл? Не попрощалась? Может быть... может быть, это доказательство, что их отношения никогда не были такими, какими она их считала? Что они не были настоящими друзьями, не становились ими? Она ощутила потерю, какую-то пустоту. Это больно. — Я... могла бы написать ей.

— Нет, не оставила. Сказала, что свяжется, как только сможет. Но вы ей явно понравились, Гвеннан: впервые она проявила хоть какой-то интерес к окружающим. И заставила меня пообещать, что я побыстрее скажу это вам. — Гвеннан казалось, что он смотрит на нее и удивляется: что леди Лайл могла найти в ней?

Потом он кивнул:

— Это все. Дам вам знать, если узнаю что-нибудь еще. А может, она сама свяжется с вами, когда устроится.

— Да, — согласилась Гвеннан, хотя внутренне очень в этом сомневалась.

Глава четвертая

Гвеннан торопливо вымыла руки. Через двадцать минут у нее урок, а она слишком много времени провела в кладовке, перебирая пыльные ящики со старыми бумагами, журналами, блокнотами и брошюрами, потемневшими от времени, полусгнившими. Информация, которую она сумела извлечь из них, сосредоточилась на нескольких страницах ее записной книжки.

Рассказ Сэма Граймза о Черном Дьяволе заставил ее обратиться к завещанию Кроудер. Старая миссис Кроудер умерла пять лет назад, она оказалась последним членом семьи и потому завещала все свои бумаги — четыре плотно набитых картонных коробки — библиотеке. Бумаги поступили в последние месяцы жизни мисс Нессы, времени на их разборку не было, и их просто оставили в кладовке. И Гвеннан совершенно о них забыла. Вспомнила только сейчас.

Кроудеры, по словам мисс Нессы, в течение нескольких поколений служили в городской ратуше и вели тщательные записи. Ее слова оказались справедливы. В бумагах Гвеннан не только нашла описание появления Черного Дьявола, о котором рассказывал Сэм, но намек на то, что Черный Дьявол и раньше был известен в долине.

К сожалению, сегодня для поисков у нее нет больше времени. Она торопливо поднялась вверх. Библиотека размещалась в старом доме Пайронов, одном из первых зданий города. Внутренние перегородки частично разобрали, когда здание служило вначале местом городских собраний, потом церковью, после того как прежняя церковь сгорела в 1880 году. Читальный зал поэтому странной формы, с альковами и нишами, зимой в нем не очень светло. Но пока, несмотря на неоднократные обращения к совету, ламп не добавили.

Раньше эти темные углы вызывали у Гвеннан только раздражение. Теперь, испытывая отвращение к самой себе, она обнаружила, что время от времени со страхом оглядывается на них, прислушивается, особенно когда посетителей нет и она остается одна. В этот день она даже с нетерпением ждала урока, когда здание наполнится шумом и суматохой.

Две смущенные мамы привели цепочку детей на библиотечный урок, с ними была сама мисс Грэхэм. В конце урока она отвела Гвеннан в сторону и смущенно заговорила. Казалось, она сама не знает, как выразиться, и говорит только потому, что обязана.

— Тридцатого мы не придем. На следующей неделе занятия пойдут по новому расписанию...

— По новому расписанию?

— Да. Родители на Спринг Роуд и Хардвик Трейс недовольны тем, что автобус приезжает слишком рано, особенно сейчас, когда утром так темно. И хотят, чтобы после школы дети сразу возвращались домой. Они встречались с мистером Адамсом, и было решено изменить расписание. В этом семестре теперь уже для дополнительных уроков нет времени.

— Да, и мы не хотим, чтобы нас забрал старый дьявол, — выскочил из-за спины мисс Грэхэм Тедди Паркер. — Мой папа говорит, что сейчас дотемна нужно обязательно быть дома. Этот старый дьявол, он съел цыплят у Хаскинсов!

— Довольно! — Мисс Грэхэм обладала почти уникальной способностью взглядом и тоном голоса подчинять себе самых непокорных. Тедди быстро стушевался.

— Это, конечно, просто большая кошка, — сказала учительница. — Но слухи такие, будто тут бродят целые стаи кровожадных тигров. И я не могу отрицать, что у родителей есть основания встревожиться, после того что произошло у Хаскинсов.

— А что произошло? — Гвеннан весь день была так поглощена своими расследованиями, что поняла, что совершенно не знает городских новостей. В городке слухи и новости распространяются быстро. Как она могла их пропустить?

— Какой-то зверь пробрался в их большой курятник — знаете, они занимались производством яиц летом, даже поставляли яйца на завод замороженных завтраков во Фримонте. У них неприятности. Я слышала, что большинство кур просто разорваны на части живьем. К тому же старший сын Хаскинсов нашел на краю их большого поля мертвого оленя. Он тоже растерзан. Мне кажется, что этот зверь бешеный.

Странно, но когда пытались пустить по следу собак, те отказались. И теперь повсюду рассказывают старые легенды...

— Я знаю, о Черном Дьяволе.

— А что вы видели ночью во время бури? — Мисс Грэхэм пристально смотрела на нее. Гвеннан не удивилась: история о том, как она вызвала Эда, теперь разошлась по всему городу, может, даже и по округу. И, конечно, помогла усилить всеобщее беспокойство.

— Не очень много. Было ведь темно. Что-то большое и черное за окном. — Нет смысла добавлять страхов.

— И вы живете одна! — Мисс Грэхэм покачала головой. — Разве не лучше от этого отказаться?

— Пока нет, — Гвеннан заставила себя улыбнуться. — Но должна признаться, что в эти дни телефон у меня раскалился: все звонят и предупреждают. Что касается Дьявола — я ведь не цыпленок, чтобы искушать его. Но вы правы: это большая кошка, пантера, может быть, больная. Рано или поздно ее застрелят, и все вернутся к нормальной жизни.

Но от своих мыслей Гвеннан так легко отделаться не могла. Слишком многое в происшествиях было созвучно не только с прочитанными ею книгами (черные собаки, дьяволы, страшные чудовища, появляющиеся иногда во время сильных электрических бурь), но и загадочными записями, найденными раньше в этот же день. Воспоминание об этом зле с красными глазами вызывало у нее такое чувство, которым она даже и не думала с кем-нибудь поделиться... И этот ужасный запах...

Может ли такой запах быть свойственным известным животным? А что, если она видела то же существо, которое напало на ферму Хаскинсов? Слишком похоже на описания в книгах, хотя она ни с кем не может этим поделиться.

Немного погодя, закрывая дверь библиотеки, Гвеннан вздрогнула: из-за большого куста сирени, теперь лишенного листы, к ней неожиданно кто-то подошел.

— Мисс Даггерт...

Гвеннан надеялась, что он не заметил ее испуга.

— Мистер Лайл. О, есть ли у вас сведения о вашей тетушке? — Она могла подумать только о таком поводе для их встречи.

— Сарис? Нет, я ничего о ней не слышал. Вы ждете письма? — Голос его звучал резко.

— Нет. Но я слышала, она заболела. Естественно, я тревожусь...

— Естественно, — снова в голосе его прозвучала насмешка. — Я не посыльный. Скорее... можете считать меня телохранителем. Вы знаете, поблизости бродит Черный Дьявол. Мне кажется, у вас была возможность лично убедиться в его существовании. И у вас действительно одинокий дом. Туда сейчас идти одной опасно.

— Я всю жизнь дважды в день хожу этой дорогой, — возразила Гвеннан, неспособная удержаться от резкости в ответе. Она не желает признаваться Тору Лайлу, что чего-то боится. Что, закрывая дверь библиотеки, она припоминала, сколько темных мест на дороге и каково расстояние от одного дома до другого.

— Да, но это было до появления Дьявола. Скажите, мисс Даггерт, какой теории вы придерживаетесь? Что это сбегавшая бешеная пантера? Или что-то другое? Может, из прошлого?

Она пошла быстрее обычного, он — рядом с ней. Неспособная придумать никакое дело в городе, она не знала, как избавиться от его общества. Обращаться к прямой грубости ей не хотелось.

— Понятия не имею, что это такое...

— Пантера, — продолжал он, — оставила бы какие-нибудь следы. По крайней мере у вашего дома после дождя. Конечно, Дьявол — он ведь не принадлежит к нашему миру — может не оставлять никаких следов — если пожелает. Например, вскоре после появления здесь, в долине, первых поселенцев жил кузнец по фамилии Хаскинс — поразительно, как сохраняются эти фамилии. У него пропал породистый бык. Оказалось, что бык разорван на части. День или два спустя его самого преследовало в лесу нечто, что он так и не смог описать. Главным образом потому, что спятил и после этого не пришел в себя.

Далее. В 1745 году отряд французов и индейцев, пытавшийся совершить набег на долину, был разогнан, а один из французов убит. Причем у него оказались такие же раны, как у быка. Его товарищи бежали, и больше враг никогда не возвращался в долину. Но Дьявол бродил по окрестностям еще недели две и убил двух коров, а также довел одну старую женщину до такого же сумасшествия, как Хаскинса. О да, очевидно, у Дьявола есть привычка время от времени навещать эту местность.

— Похоже, вы занимались этой темой, — заметила Гвен-

нан. Она решила сохранить в тайне прочитанное в бумагах Кроудеров, но, очевидно, у Лайла свои источники информации.

— О, у нас свои записи по истории долины. Мне кажется, многим Лайлам нравилось вести дневники и тому подобное. Их множество к услугам того, кто захочет поискать старые легенды. Как насчет этого, мисс Даггерт? Не хотите ли помочь мне погрузиться в прошлое? Не знаю, сумеем ли мы обнаружить что-нибудь относящееся к нынешнему случаю, но вам будет интересно. Завтра суббота, и мне кажется, вы закрываете библиотеку в полдень. Не будете ли моей гостьей за ланчем и не позволите ли показать вам...

— Нет. — Отказ ее был быстрым и решительным. Она не сразу поняла, насколько резок был ее краткий ответ. И поэтому, преодолевая внутреннее нежелание, добавила: — Завтра ежемесячное заседание попечительского совета. Я должна сделать там доклад.

— Ну, тогда в воскресенье... — начал он тем же ленивым, насмешливым тоном.

— В воскресенье церковь, а потом я обедаю с мисс Грэхэм и ее матерью.

— Что оставляет нам...

— Мистер Лайл, я буду с вами откровенна. У меня нет желания посещать дом Лайлов, пока я не получу приглашения вашей тетушки.

Казалось, она заставила его замолчать. Хотя улыбка на его губах сохранилась. После молчания — Гвеннан была уверена, что он продлевает его, чтобы вызвать ее смущение, — он сказал:

— Между прочим, вы пускаетесь в бегство. У вас не останется ни единого шанса на победу. Я вам покажу вещи, которые вас поразят. Они совершенно изменят ваш узкий, тесный, скучный мир. Рано или поздно вы это все равно узнаете, но лучше, если я стану вашим проводником, несомненно, лучше, и, вероятно... безопаснее...

Беспокойство, которое она всегда испытывала в его присутствии, превратилось в раздражение.

— Меня это не интересует. Я хочу, чтобы вы поняли: меня — это — не интересует! — Ей не хватило храбрости выпалить, что он ей не нравится, что его присутствие ей неприятно и что чем меньше она его будет видеть, тем лучше.

— Вы заинтересуетесь. Когда наступит время и вы это поймете, дайте мне знать.

Гвеннан упрямо покачала головой. Так как, несмотря на ее откровенную враждебность, он не уходил, она попыталась найти другую тему для разговора — такую, которая не ведет к дьяволам, истории или еще чему-нибудь такому. Он был как будто чем-то доволен, и она решила, что плохо справляется с ситуацией.

— Куда уехала леди Лайл? Она в больнице? Мне хотелось бы написать ей...

— Вы узнаете, если еще не поняли этого, что Сарис — женщина с причудами. У нее есть по всему миру несколько убежищ, куда она удаляется, когда мир ей наскучит. Сейчас она, несомненно, наслаждается в одном из них.

— Но она больна! — возразила Гвеннан. Он ведет себя не как заботливый родственник.

— Сарис больна или здорова — как хочет и когда хочет. Милая девушка, не рассчитывайте, что Сарис долго будет интересоваться вами. Она часто проявляет интерес к кому-нибудь, начинается игра в дружбу, а потом, когда ей надоедает, она разрывает знакомство. И могу подтвердить, что Сарис часто все надоедает. И в таком случае самый приемлемый выход — болезнь. Вы не согласны?

— Я ее видела — она больна, — повторила Гвеннан, сдерживая свое раздражение, а вместе с тем и растущее подозрение, что он, возможно, прав. Она часто гадала, чем вызвано ее неожиданное приглашение в дом Лайлов. Неужели это всего лишь игра? Нет, она отказывается в это верить.

— Естественно. Сарис — прекрасная актриса...

Гвеннан резко остановилась, полуобернувшись к нему:

— Я не знаю, чего вы хотите, зачем говорите мне все это. Если считаете, что ваша тетка больше не хочет меня видеть в своем доме, зачем приглашаете? Что за этим?..

Хотя улыбка не покидала его губ, она была уверена, что в холодных глазах мелькнуло раздражение, даже гнев. Во время первой встречи она заметила неестественно яркий блеск его глаз; теперь же, в вечернем свете, они были цвета зимнего льда, тусклые и такие же холодные.

— Вы желаете момента истины. Хорошо... мне хотелось избавить вас от лишнего расстройств, потому что... потому что я нахожу вас интересной. В таком скучном городке мало интересного. Но вы живете другой жизнью, тайной, под вашей колючей внешностью. Как я уже заметил, у моей тетушки случаются приступы внезапного интереса к людям. Но они ей быстро наскучивают, особенно когда ей приходится жить в заброшенном семейном склепе. Таков на самом деле дом Лайлов, знаете ли, мавзолей Лайлов, насыщенное историей место, которым больше никто не интересуется. С вашей помощью она надеялась развеять свою скуку. Но вы для нее ничего не значите, всего лишь беглое увлечение.

С другой стороны, я...

Гвеннан продолжала смотреть на него.

— Я не интересуюсь. Я уже сказала вам и повторяю. Может, на этот раз вы поймете. Вы сделали свое предложение. Вам тоже нужно лекарство от скуки, мистер Лайл? Я отказалась принять приглашение. Мне кажется, нам больше нечего сказать друг другу. Прошу прощения...

Она сделала шаг, но он протянул руку и преградил ей путь.

— Вы не должны... — Прорвалось нечто странное, что она постоянно ощущала в их разговорах.

— Что? — Гвеннан больше не могла сдерживать свое раздражение. — Мистер Лайл, не понимаю, почему вы хотите продолжить этот разговор. Нам просто нечего сказать друг другу.

На его лице больше не было насмешки. Он слегка прикрыл веки, так что она не видела холодного блеска его глаз.

Как будто быстро и напряженно думал, пытался найти слова, сказать нечто очень важное — для него.

Другую руку он поднял почти на уровень ее глаз. Шевельнул пальцем. Внезапно ее охватила дурнота, почти такая же сильная, как тогда, когда она уходила от страшных глаз в бую. Она почувствовала приступ гнева, подняла руки в перчатках и изо всех сил оттолкнула преграждавшую ей путь руку. Одновременно она ощутила сильную головную боль, как будто туда что-то ворвалось, пыталось освободиться.

Сквозь туман, на несколько мгновений затянувший ее зрение, она увидела, как у него в очередной раз изменилось выражение. Он широко раскрыл глаза, они ослепительно сверкали голубым светом. Губы шевелились, будто он произносил не слышные ей слова.

Гвеннан быстро шагнула влево. Снова подняла руки и с силой оттолкнула его руку. Преграда пала, будто она обрушила на нее тяжелый удар. И Гвеннан прошла мимо него, быстро, гордо, не оглядываясь, хотя все в ней требовало: беги! Она каждое мгновение ожидала, что его рука опустится ей на плечо, остановит ее.

Эта стычка далеко превосходила все, что она знала в жизни, и вначале она даже не могла поверить, что такое произошло. Каковы мотивы его поступка, чего он от нее хочет? Ясно, что он почему-то не хочет ее общения с леди Лайл, но ему самому она зачем-то нужна.

Гвеннан покачала головой. Возможно, он сказал ей правду. Если подумать, его версия событий имеет смысл. Но только что-то в ней сопротивлялось. Она не могла поверить, что леди Лайл изобразила болезнь, лишь бы избавиться от нее, Гвеннан Даггерт. Зачем такая сложная игра? Достаточно просто больше не присылать приглашений. Несомненно, эта женщина понимала, что Гвеннан не станет навязывать свое общество.

По крайней мере он не пошел за ней. Может, все дело в ревности. Хочет быть первым для своей родственницы. В это Гвеннан могла поверить. Но в таком случае почему он

интересуется самой Гвеннан, зачем так настойчиво приглашает быть его гостем?

Она продолжала быстро идти. И все время сознавала, какое множество кустов и живых изгородей обступает дорогу. Рассказы Лайла, вероятно, извлеченные из семейной истории, то, что она узнала сама, в том числе и сегодня, — все это не позволяло задерживаться в сгущающихся сумерках.

Она миновала дом Харрисов и теперь шла мимо длинного палисадника, принадлежащего Ньютонам. Девушка с радостью заметила, что в их доме уже горит свет. Потом — конец аллеи с деревьями, на которых еще сохранялась высохшая осенняя листва. Дальше уже подход к ее дому. Дом у Даггертов маленький и жметя к земле. Серые обитые досками стены. Мисс Несса давно решила, что белая краска — это излишество, и до последнего года продолжала красить дом в тусклые тона.

Как всегда, у оснований стен набросано множество ветвей, ветер шевелит груды листьев на дороге и во дворе. Но что-то сегодня в доме новое. Может, просто она смотрит на него так, как редко это делает. Обычно сразу ныряет во входную дверь и не очень рассматривает, что снаружи. Она никогда не любила возиться в саду, и двор для нее — это не место, где летом выращивают цветы.

Теперь собственный дом показался Гвеннан присевшим, пригнувшимся в угрозе и страхе. Покачив головой от такой фантазии, она решительно подошла к двери, сунула ключ в замочную скважину, привычным движением повернула выключатель на стене, и у нее перехватило дыхание.

Глубокий вдох...

Гвеннан застыла. Злой запах распространяло существо, смотревшее на нее через окно... сейчас тоже запах... хотя не такой сильный. И... в нем не чувствуется зло.

Помимо библиотеки, мисс Несса время от времени интересовалась травами и, пока была в состоянии, выращивала в саду травы для кухни, пряности, которые выдерживают местный суровый климат. По временам дом ее наполнялся

запахом пряностей: гвоздики и гвоздичного дерева, корицы. Эти запахи в представлении Гвеннан всегда связывались с солением и маринованием.

В запахе, который она ощутила сейчас, был оттенок пряностей. Но это не кухонный запах. И не более тонкий запах лечебной смеси трав и лепестков цветов.

Она медленно прошла по прихожей, высоко подняв голову, будто подражая одной из собак Сэма Граймза, — идя по незнакомому запаху. Он становился все сильнее. Как будто призывал ее, как будто обращался не только к обонянию, но и к другим чувствам.

Он не привел ее в холодную переднюю гостиную, в которой она редко бывала в эти дни, заходила только по необходимости — стереть пыль. Она остановилась у двери, чтобы убедиться в этом. Кухня. Она вошла в ее теплоту, включила свет и осмотрелась. Все так, как она оставила утром. Слабо пахнет яблоками в маленькой корзине на столе — и все.

То, что она ищет, не здесь. Остается ее спальня. Гвеннан, оставив верхнюю одежду на диване, уверенно пошла в спальню.

Дверь закрыта. Разве она не оставила ее утром открытой?

Она положила руку на ручку, но не стала ее поворачивать. Свет... слабый... но заметный в полутьме этой части прихожей. Образует тонкую линию перед ее ногами там, где дверь неплотно примыкает к истертому полу. Слишком слабый, чтобы быть светом лампы, он тем не менее есть.

Гвеннан глотнула. Во рту у нее пересохло, но ладони рук были влажны. Она должна... Рука ее сжала ручку, Гвеннан рывком распахнула дверь, сильнее, чем рассчитывала. Но не стала включать свет. В комнате какое-то свечение, не ровное, а пульсирующее, будто дышит живое существо.

На морском сундучке в ногах ее кровати шар, будто из желтоватого хрусталя; он центр этого свечения. Шар лежит на вогнутом основании размером примерно с ее ладонь, в центре подноса, напоминающего декоративную тарелку или широкое блюдо. От него исходит запах, наполняющий комнату.

Гвеннан осторожно приближалась, делая маленькие шажочки. Ей показалось, что с ее приходом в комнату пульсация стала сильнее и ровней. Она снова почувствовала резкую боль в глазах, такую сильную, что опустилась на колени, поддерживая руками голову, зная, что что-то с ней происходит. Ее начала бить сильная дрожь от страха перед неизвестным. Она знала, что это только начало.

Шар начал окутываться дымкой. Она не могла сказать, исходит ли дымка от шара или это просто туманится ее зрение. Гвеннан сознавала только, что захвачена чем-то, что выше ее понимания, что она не способна двигаться, будто ее связали.

Под поверхностью шара замелькали какие-то тени. Они появлялись и исчезали — с определенной целью, в этом Гвеннан была уверена. Они становились яснее, отчетливей. На мгновение ей показалось, что она видит статуэтку из дома Лайлов — женщину-дерево. Но только теперь она была живой, взмахивала своими усаженными листьями волосами, высоко поднимала в возбуждении руки-ветви. Дриада будто приветствовала приближающуюся бурю.

Появилась еще одна тень. Гвеннан увидела одежду, металлические блестящие доспехи. Древесная женщина опустила руку-ветвь, провела ею по голове путника. Рассмеялась, когда он отшатнулся, губы ее свелись кружком, она подула, полетели листья.

Оба исчезли. Гвеннан увидела морской берег, волны набегали на него, покрывали песок пеной. В волнах прыгали и скользили маленькие темные существа. Гвеннан не могла ясно различить их, но знала, что это не рыбы и не птицы, а какая-то форма жизни за пределами ее знаний и представлений.

Лениво вилась дымка, глаза Гвеннан смыкались. Ей казалось, что все, что за пределами шара, теперь не имеет значения.

Картина снова изменилась. На этот раз Гвеннан узнала насыпь. Вот и три камня, высокие, бросающие вызов не-

бу, обладающие силой, большей, чем их прочная поверхность. Это...

Дверь... или якорь? Мысли Гвеннан метались.

Руки ее лежали на краях сундучка, одна ладонью вниз, по обе стороны от блюда с шаром. На блюде показались кусочки голубоватого камня — таким ей виделась игра теней — и среди них, как среди углей, огоньки. Девушка дышала медленно, глубоко, в ритм пульсации шара. Теперь в нем не двигались никакие фигуры — напротив, казалось, свет угасает, дым расходуется и, наконец, совсем исчезает.

Глава пятая

Дым растворился в пустоте, свет в шаре потускнел, исчез. Гвеннан подняла руку — кончики пальцев еще ощущали слабое тепло. Она взяла поднос, на котором стояла странная лампа; крепко держа его, встала с колен, повернулась, чтобы перенести его в реальный мир своей кухни.

Теперь принесенное ею лежит на хорошо выскобленной поверхности большого деревянного стола, здесь она не исчезнет, здесь она совершенно реальна. Стекланный шар; может быть, хрустальный, абсолютно правильной формы, отполированный, но сейчас пустой и прозрачный. Девушка снова осторожно коснулась его. Он слегка переместился, потом скатился со своего основания, упал на поднос и придавил голубоватый песок-гравий. Стало видно то, на чем он лежал. Пьедестал из темно-зеленого сверкающего камня, в форме набегающей морской волны, а в середине волны...

Гвеннан смотрела, не веря своим глазам. Она уже видела это — много раз — столько же раз, сколько встречалась с леди Лайл. Цепь из сложно переплетенных, странной формы кусочков металла — серебра, с оттенком зелени. Она привлекает взгляд и удерживает его. И серебряная подвеска — диск, увенчанный рогами, — сплавленные вместе полная луна и полумесяц.

Поверхность диска не пустая, какой она видела ее раньше. Внимательно вглядываясь, Гвеннан различила круг символов, похожий на циферблат часов. Но эти символы, зеленовато светящиеся, вовсе не цифры. Маленькие, они так тщательно выделаны, что видны абсолютно ясно. Это знаки зодиака. Нет стрелок, обозначающих часы и минуты, но из середины диска вырывается луч, по-видимому, внутри самой поверхности, треугольник, каждой своей вершиной касающийся одного из символов.

Как это сокровище здесь оказалось?.. почему?.. Гвеннан не могла догадаться. Но каким-то образом она знала, что оно принадлежит ей, что она должна взять его, как будто сама леди Лайл передала его ей во время их последней встречи.

Ей не хотелось его касаться. Как будто стоишь перед дверью: откроешь ее — и твоя жизнь изменится. Она была в этом уверена, будто ей пообещали это, передавая сокровище. Готова ли она открыть дверь — сделать шаг вперед... войти?..

Гвеннан села на стул, оперлась локтями о поверхность стола, положила подбородок на руки и принялась изучать то, что лежало перед ней. Итак, перед ней выбор, честный и справедливый. Но в глубине души она знала, что, еще не начав действовать, выбор она уже сделала. Она облизала губы, протянула руку и взяла подвеску. Цепь обернулась вокруг ее запястья, будто подвеска по своей воле прикрепилась к ней. Световой треугольник на циферблате передвинулся, как стрелки, показывающие новый отрезок времени, только касался он не цифр, а новых символов.

Она ощутила, что металл в ее руке теплый, как живой. Гвеннан знала, что теперь не может избавиться от него, даже если захочет. Она подняла цепь, нашла замок, и через мгновение подвеска оказалась у нее на груди, как ее всегда носила леди Лайл, циферблат с символами спрятан, к миру повернута противоположная, пустая поверхность диска.

Девушка выпрямилась, покачала головой. Будто во сне. Она была слегка удивлена. У нее появилось растущее ощущение, что она поступила правильно, поступила как лучше.

Лучше — для кого? Но это небольшое сомнение она отбросила.

Встав, она обошла дом, проверяя запоры на дверях и окнах, как делала всегда, с той ночи с бурей. Последней подошла к входной двери и с помощью фонарика осмотрела наружный замок. Ни следов, ни указаний, что его вскрывали. А единственный ключ у нее. Но тогда как?..

Кто-то входил. Подвеска, которая теперь на ней, шар в кухне — это доказательства, неоспоримая истина. Тор Лайл?

Взяв хрустальный шар, она снова поставила его на основание. Может, это какой-то хитроумный трюк, придуманный им? Но подвеска принадлежала леди Лайл, не Тору. А хозяйка дома Лайлов исчезла.

Эти ее смуглые молчаливые слуги... Может, один из них обладает способностью вторгаться в ее дом, не оставляя следов? Он принес этот дар? На самом ли деле это дар? В ней шевельнулось беспокойство; мимолетное, оно тут же рассеялось.

Гвеннан повернулась к шкафу, сняла с широкой нижней полки банки консервов, чтобы расчистить место для подноса с шаром. Потом банками заставила поднос, закрыла шкаф и стояла, дыша чуть учащенной. Наверно, надо спрятать и подвеску. Руки ее поднялись и тут же повисли. Нет, это она должна держать при себе.

Если Тор играет в свои игры, она должна быть предупреждена. Ключ ко всему — леди Лайл, в этом Гвеннан была уверена. Может, ее одурманил дым или запах. Но леди Лайл берегла эту подвеску. Если бы только она больше знала.

У нее разболелась голова.

Тор разговаривал с ней сегодня, пытался зазвать ее в дом Лайлов. Она сжала руки в кулаки, ударила ими по столу так, что стало больно. Она завязла — прочно — в чем-то, чего не понимает. Единственный выход — удерживать воображение в узде и продолжать жить как ни в чем не бывало. Она достала из кармана пальто записную книжку, но не стала просма-

тривать свои выписки из старых документов. Больше ничего подобного, ничего имеющего отношения к «дьяволам», стоячим камням — или жителям дома Лайлов!

Гвеннан готова была бросить записную книжку в печь и поднести к ней спичку, но не смогла заставить себя сделать это. Вместо этого засунула ее в ящик письменного стола рядом со старым продавленным диваном. Потом принялась готовить ужин, решив думать только о тех фактах и цифрах, которые приведет в завтрашнем отчете.

Снаружи уже темно; она слышала, что поднимается ветер. И хоть уже очень позднее время года для грозы, вдалеке послышались раскаты грома. Не отдавая себе отчет, Гвеннан время от времени взглядывала на окна. И видела только отраженную в стеклах освещенную кухню. Она пожалела, что у нее нет плотных занавесей, чтобы отгородиться ими от внешнего мира. Те, что у нее есть, льняные, для этого не годятся. Снаружи ничего нет, кроме ночи и ветра, поднимающего тучи листьев. Ничего!

Она ела медленно, ложку за ложкой, но еда казалась ей безвкусной, во рту пересохло, и она постоянно отпивала приготовленный ею шоколад. Пища тяжело ложилась в желудок, и Гвеннан опасалась, что у нее повторится один из тех приступов расстройства желудка, которые так часто случались в последние месяцы болезни мисс Нессы — тогда она постоянно прислушивалась к голосу в соседней комнате. Теперь она тоже вслушивалась, всем телом, в шум ветра и отдаленный гром. Это должен быть гром. Молнии пока не было видно.

Гвеннан перемыла посуду. Никогда раньше не испытывала она такого одиночества. Может, завести кошку? У Ньютонов постоянно новое потомство. Надо бы попросить котенка. Мисс Несса всегда была против домашних животных: она твердо заявляла, что от них больше неприятностей, чем проку. Успокоительно будет иметь рядом с собой что-то живое.

Успокоительно? Что с ней? Раньше она ни в ком не нуждалась. Мисс Несса — это лишь по долгу, а не товарищ. Гвен-

нан давно научилась жить своей внутренней жизнью, своими запросами, и, как часто самоуверенно думала, она вполне довольна, несмотря на внешне скучную жизнь.

Она решительно взяла бумаги, разложила их на столе, сосредоточилась с хмурым выражением. Математика никогда не давалась ей легко, и приходилось всегда бороться с собой, чтобы решать задачи.

Она столбиками выписывала числа, складывала, вычитала, проверяла и снова перепроверяла. Перед ней не числа — прочные блоки, башни, устремленные в небо каменные пальцы! Гвеннан негромко вскрикнула, ручка вырвалась у нее из пальцев и покатилась по столу.

Перед ней стоячие камни, видные вначале только очертаниями. Постепенно они становились все материальнее, и она увидела трехмерную картину — стоящие на насыпи под ночным небом камни. Небо затянуто облаками, но камни ясно видны, они пульсируют, светятся тем же огнем, что и хрустальный шар. Гвеннан схватила лист бумаги, смяла его, швырнула на пол. На следующем листе снова начали вырисовываться камни...

— Нет! — Девушка отскочила от стола. Она не подчинится этому! Она Гвеннан Даггерт, в своем собственном доме. Она принадлежит себе.

Ноги ее двинулись к дивану. Руки не подчинялись ей. Они схватили пальто, начали надевать. Ею владела чья-то воля.

Она взяла шарф и шапку...

— Нет! — Она слышала, как в пустом доме гулко отдастся ее голос. В нем звучала испугавшая ее нотка. Она по-прежнему одурманена? Или у нее раздвоение личности? Одна Гвеннан пленена в теле другой...

Напряженно, ведя безнадежную внутреннюю войну, она передвигала ноги. Пытаясь остаться на месте, Гвеннан вышла из кухни, прошла по прихожей. Ее руки, эти предательские руки, открывали запоры на двери.

Раскат грома. Гвеннан оказалась в ночи. В последней попытке уцепиться за реальность она держала дверь, но ветер

вырвал ее и захлопнул. Вокруг летали листья. В удалении блеснула молния, но дождя не было.

— Нет!.. — Она отчаянно сопротивлялась тому, что делает. Но не было спасения, возврата назад. Был только кошмар, в который она попала и из которого никакими усилиями не могла вырваться.

Неведомая сила овладела ее телом. Гвеннан не спотыкалась, она быстро шла, потом побежала. На дорогу — да, она знает, куда идет. К стоячим камням.

Паника, хуже самой сильной физической боли, овладела ею; Гвеннан хотела закричать, броситься на землю, хвататься за каждый куст или дерево, мимо которых проходила. Но ничего этого она не могла сделать, только шла вперед, подчиняясь принуждению. Она подумала, что, вероятно, спастись ей не удастся, но нужно беречь энергию для последней, отчаянной попытки сопротивления.

Перед ней стена, обозначающая границы владений Лайлов. Гвеннан перелезла через нее, больно ударившись коленом. Вот и край леса. Лес... нет, только не сюда! Да, она пойдет к камням, умоляла она, но не через лес!

Очевидно, ей позволили одержать небольшую победу. Она не пошла меж деревьями, а обогнула лес, пошла открытым лугом.

Как и на кухне, она увидела камни светящимися в ночи. От них исходило серовато-белое сияние, а с вершины самого большого камня в небо уходил луч. Он стоял неподвижно, как горящий фитиль; ветер, который бил Гвеннан, его не трогал.

Девушка подошла к основанию насыпи. По бокам самого высокого камня отчетливо виднелись символы, которые она видела едва заметными линиями. Они резко выделялись на фоне свечения. Казалось, они движутся, но когда она пыталась следить за каким-нибудь одним, он оставался неподвижным. Но символы под ним, над ним плыли и переплетались. Шаг за шагом она начала подниматься к камням.

На груди она ощутила тепло.

Подвеска! Она забыла о подвеске. В памяти ее возник этот диск с лучом, который передвигается, касаясь то одного, то другого символа. Он как будто чертит схему, накапливает энергию. Тепло усиливалось, и паника покинула девушку. Подбодренная, она распрямилась.

Гвеннан добралась до двух меньших камней в тот момент, как ударил сильный гром. Небо над ее головой будто расколосось надвое. Молния ударила в лес, от яркого блеска Гвеннан на мгновение ослепла.

Она пошатнулась. Молния ударила во что-то. Послышалось эхо. И тут она услышала не гром, а крик, низкий, но внятный. Даже не крик, а рычание. На краю леса, скрывавшего дом Лайлов, показалось какое-то движение. Как будто свечение, очень слабое, но вполне различимое.

Фонарик... Тор? Он ждал ее? Испытанное ею принуждение — его дело? Она не могла выразить в словах, но знала, что Тор способен вызывать к жизни силы, которых она не понимает.

Свечение из-под нависающих теней деревьев медленно приближалось. Это не фонарик, скорее очертания движущейся фигуры. Кто это, пока трудно разобрать. Фигура сама испускает свет.

И тут ветер донес до нее тошнотворное зловоние, которое она встречала уже дважды. Хотя это, несомненно, не то черное чудовище, смотревшее на нее из ночи. Но оно тоже чуждое, пугающе чуждое.

Гвеннан попыталась сбежать с насыпи, убежать через поле за ней. Это охотник. Она знает это, как будто знание передалось ей вместе с запахом. В нем чувствуется голод и целеустремленность, стремление преследовать, убивать...

Рука Гвеннан скользнула под пальто, отчаянно, как талисман, сжала подвеску. Такая слабая защита от того, кто подкрадывается к ней. Она сделал шаг к камням-двойникам, протиснулась между ними, задевая их плечами. Но как они могут ее защитить?..

Гром ли это, разрывающий мир, или другая, более могучая и в то же время более податливая сила, которую Гвеннан не распознала? Она ослепла — не из-за блеска молний, а потому, что ее охватила темнота, напряженная и густая, захватила и удержала. Темнота, холод... и болезненное ощущение отсутствия постоянства... ее отрывают от всего, что нормально и обычно для ее существа.

Темнота исчезла — не поднялась, не растворилась. Как будто в темном мешке появились разрезы, а потом мешок сорвали и выпустили ее на свободу. Ночи нет. Вокруг светло. Гвеннан скорчилась, прижимаясь плечами к камню. Перед ней местность — не поля и луга, которые ей знакомы. Какое-то совсем другое место.

Она закричала, закрыла глаза руками. Что случилось у стоячих камней? Она упала, поранилась и теперь видит галлюцинации? Но картина перед ней не менялась. Вместо солнца зеленоватое свечение. Диск, который она держит в руке, стал еще теплее. От него исходит ощущение спокойствия — будто это якорь, который дает сомнительную безопасность. Она выдержала схватку с собственным страхом и опустила руку, чтобы осмотреться.

Перед ней и ниже ее расстилалась открытая местность, хотя, медленно поворачивая голову, сначала направо, потом налево, она разглядела густую тень. Это лес, высокий и густой, таких лесов она не знает. Открытая местность поросла короткой жесткой растительностью, похожей на мох. Тут и там виднелись круглые пятна: одни как будто покрыты песком тускло-золотистого цвета, другие сплошь поросли низкими многочисленными серо-белыми цветами.

В этих пятнах что-то странное. Покрытые песком, они казались привлекательными, те, что с цветами — отталкивали. Гвеннан подняла голову и посмотрела в небо. Ни следа солнца. Непонятен источник зеленоватого свечения. Она снова посмотрела на поверхность, и ей показалось, что она различает золотые всплески над песком и болезненные серые туманные завитки над цветами.

Ничего не двигалось, ветра не было. Вдали, где темной стеной стоял лес, не шевелился ни один листок, не раскачивалась ни одна ветвь. Как будто перед ней раскрашенный пейзаж, задник какого-то театрального представления.

Почему-то Гвеннан потеряла способность удивляться; чувства ее притупились. Подвеска давала убежище от страха. Начало пробуждаться любопытство. Но она по-прежнему не собиралась отходить от скал. Провела рукой по камню, чтобы на ощупь убедиться, что чувства ее не обманывают: это реальность.

Ни ветра... ни звука...

И тут — как легкий удар по оконному стеклу нарушает тишину, вдали послышался резкий, пронзительный высокий звук горна. Гвеннан взглянула направо. Наконец-то движение в стене леса. Оттуда показались легкие тени, прижимающиеся к земле. Показавшись, они подали голос. Похоже на собак, идущих по следу добычи, которую они вскоре догонят. Гвеннан видела, как они пересекают песок, но стороной обходят пятна с цветами. И это не собаки. мех у них белый, но лапы, хвосты и уши золотистые. А глаза ярко-зеленые, слишком большие для узкой вытянутой головы.

Снова прозвучал рог. Из леса ровным галопом вышел огромный олень... Олень ли это? Гвеннан могла использовать только знакомые ей слова, и это не очень подходило. Животное величиной с лошадь, у него разветвленные золотые рога, никакого седла или узды.

На нем женщина. Ее золотые волосы перевязаны на затылке, но длинные пряди развеваются впереди и вокруг нее, как будто с собой она везет прирученный ветерок. На ней брюки сине-зеленого цвета, причем цвет этот все время переливается, как в морской волне. Куртка того же цвета оставляет руки обнаженными до самых плеч; на руках толстые золотые браслеты. В одной руке она держит изогнутый рог, в другой — короткое золотое копье, конец которого ярко сверкает.

Она, следуя за сворой, подъехала ближе; голова ее высоко поднята, и Гвеннан смогла ясно увидеть черты лица. Девуш-

ка вздрогнула. Это не ее мир, и тем не менее перед ней леги Лайл, вернее, ее более молодая копия; годы исчезли, вся молодость и красота вновь с нею.

Олень остановился, но как будто беспокоился, переступал с ноги на ногу, поднимал копыта, нетерпеливо топал. Псы, поравнявшись с тем местом, где прижималась к земле Гвеннан, как будто потеряли след. Рассыпались, пригнувшись, держась на приличном удалении от пятен с цветами; приближаясь к этим пятнам, они низко рычали.

Никто не замечал Гвеннан, не ощущал ее запаха. Она была благодарна этому. Женщина также не смотрела в ее направлении. Смотрела она на полоску леса слева от себя, как будто ожидала, что там что-то появится.

Послышался звук, медный, резкий, режущий слух. Псы собрались вместе и окружили оленя с всадницей. Она повесила рог через плечо на золотой перевязи, взяла в обе руки копье. Оружие показалось Гвеннан слишком хрупким и маленьким.

Девушка посмотрела на полоску леса. Снова движение на краю деревьев. Но вышли из леса не собаки. Из-под укрытия низко нависших ветвей показались какие-то сторбленные фигуры, обманчиво медлительные: передвигались они с невероятной скоростью. Некоторые, как люди, на двух конечностях, другие — на четырех лапах. И все это чудовища из самых мрачных кошмаров. Существо с крыльями и совиной головой. Крылья его непрерывно бились, но оно не летало: вероятно, крылья не могли поддержать его в воздухе. Другое существо — карикатура на человека, с телом, покрытым шерстью. Низко свисающие руки оканчиваются лапами с острыми когтями. Третье — на четырех лапах. Передняя часть как у волка, задние конечности — человеческие ноги, хвоста у него нет. И другие, искаженные, гротескные. От некоторых Гвеннан тут же отводила взгляд, испытывая легкую дурноту.

У них тоже есть хозяин, он тоже верхом. Огромное ящериноподобное существо показалось в конце своры. Чешуйчатая

спина оканчивается костяными выростами. Между двумя самыми большими сидит мужчина. Голова у него тоже обнажена, и короткие золотистые завитки волос слишком хорошо знакомы Гвеннан. У этого человека лицо Тора.

Подобно женщине, он в брюках, сапогах и куртке, но его одежда пепельно-серая, под цвет шкуры животного, на котором он сидит. Прижав к бедру, он держит черный стержень без острия. Гвеннан не сомневалась, что это какое-то оружие.

Чудовище остановилось на порядочном удалении от женщины и ее собак. Две группы противостояли друг другу. Никаких речей, животные сохраняли полное молчание, но глядели друг на друга с ненавистью, которая ясно читалась в линиях их напряженных тел.

Может быть, всадники общаются без слов? Гвеннан подумала, что, вероятно, так и есть. Несомненно, это встреча заклятых врагов, но они как будто не могут начинать открытую схватку.

Она чуть переместила свой вес и...

Подвеска в ее руке, казалось, двинулась сама, оттолкнулась от ладони. Приятная теплота превратилась в обжигающий жар. Девушка вздрогнула, негромко вскрикнула от боли и выпустила подвеску, продолжая держать конец цепи. Поверхность с циферблатом наружу, все символы ярко горят. Гвеннан была уверена, что у нее обожжены пальцы, однако на коже ни следа ожогов.

Этот короткий негромкий возглас привлек внимание двоих внизу. Они резко повернули головы, отыскивая ее взглядом. Она скорее почувствовала, чем увидела их удивление: лица их оставались абсолютно лишены выражения. Олень и драконоподобное существо повернулись, двинулись, оставаясь на одной линии, но держась на расстоянии друг от друга, и приблизились к насыпи. Гвеннан заставила себя встать. Она не знала, какая опасность ее ждет, но была достаточно горда, чтобы не встретить ее на коленях. Она не животное, боящееся уничтожения.

Тор... леди Лайл... она только так могла их называть про себя, несмотря на их странную одежду и странных спутников. Их взгляды не отрывались от нее, и ей казалось, что в них не просто узнавание. Первой заговорила женщина:

— Странница издалека, добро пожаловать — благодаря тому, что ты принесла с собой...

Тор рассмеялся:

— Правда, родственница? Или ты надеешься получить у этой странницы помощь в нашей битве? Никто не придет к тебе на помощь, как бы сладко ты ни призывала своим рогом. Разве не так, чужестранка?

Теперь он требовал ответа у Гвеннан.

— Вот эта моя родственница считает, что ты будешь служить ей в битве. Не сомневаюсь, она строит для этого хитрые планы. Но что наша война для тебя? Ты принадлежишь к другим... короткоживущим, лишенным памяти. Ничего не ждет тебя в этом мире, кроме...

Он щелкнул пальцами, и существо с свиной головой повернулось к девушке, демонстрируя красные огненные ямы на месте глаз.

— ...кроме встречи с моими верными и послушными слугами. — Голос его звучал негромко, как мурлыканье огромной кошки, уверенной в том, что ее добыча никуда не денется. — Ты смертная, а мои звери всегда жаждут горячей крови. Не так ли, слуги мои?

Кошмарные существа, сопровождавшие его к насыпи, зарычали, закашляли; человек-волк завыл.

Глава шестая

Гвеннан хотела возразить, может быть, даже закричать, но как будто онемела. Заговорила женщина, которая была леди Лайл и в то же время не была ею.

— На самом деле выбор за тобой. Это очень древняя борьба. Но мы все время возрождаемся, и те, что с другой кровью, тоже. Но ты не понимаешь, тебе все это кажется сном. Ты...

Ее голос заглушил хохот Тора. Одно из животных, карикатура на человека, волосатое существо, приводящее Гвеннан в ужас, подошло поближе, вытянув лапы, будто хотело схватить девушку.

— Выбора нет! — Мужчина противоречил женщине, он произнес свои слова с высокомерным пренебрежением. — Ты должна принять участие в этой борьбе, хочешь ты того или нет. В тебе, должно быть, есть капля древней крови, женщина из другого мира, иначе ты не нашла бы пути к нам. И эту кровь один из нас сможет использовать в своих целях!

Камень прочно держал ее, как будто ограждал стеной. Он напоминал ей о существовании реальности. Но больше всего она рассчитывала на подвеску, цеплялась за нее, держала в одной руке, вторую положив поверх. Металл пульсировал теплом, он становился все горячее. Но Гвеннан сжала зубы и держала его, как держат оружие. Она не знала, как попала сюда, и не доверяла этому миру с зеленым освещением. У женщины лицо леди Лайл (вернее, молодое лицо, похожее на лицо леди Лайл), но и оно не внушает уверенности. Во всех этих формах жизни ореол чуждости. Гвеннан добровольно не станет тут союзницей никому. Но обезьяноподобное чудовище уже у самого основания насыпи...

Гвеннан плотнее сжала диск. Про себя она взмолилась о спасении. Назад! Верните ее туда, где ее место, в ее мир! Пусть закончится этот кошмар, пусть страшные чудовища не топчут ее землю.

И...

Как будто ее ужаса оказалось достаточно, чтобы повернуть какой-то неведомый ключ, и она снова погрузилась в темноту, в пространство, где для нее нет места, где она не может находиться. В голове у нее зашумело, она ощутила приступ боли; боль в самой сути, а не в теле. Холод... и — боль... и снова свет.

Не грозовая ночь. И не зеленый мир, в котором верхом едут охотники. Она мигнула, все еще не придя в себя от путешествия через неизвестность, и почувствовала, что жива.

Она... кто? Неуверенность в собственной личности вновь вызвала ту боль, что поразила ее во тьме. Она не могла ясно мыслить, мысли разбегались... Кто? Где? Цвет, странные цвета стен. Звуки, вздымающиеся и падающие... какое-то песнопение. Она знает, что все это должно помочь ей собрать воедино разбитые осколки картины, создать новую картину. Гвеннан, та, другая Гвеннан, забылась. Она осознала себя.

Она — Орта, пророчица Великого Храма. Разве она не сидит на своем обычном месте, на трехномом сиденье пророчиц, перед туманной поверхностью Зеркала Будущего? Теперь волны цвета, окружающие Орту, легко распознаны... Это одеяния благородных, которым позволено присутствовать при пророчестве. Ей достаточно слегка повернуть голову, и она увидит высокие троны, и на них Голос Прошлого и Будущего и Руку Цели, Избранных этого поколения.

Да! Она гордо распрямилась, когда знакомые распевы Призывного Гимна наполнили ее энергией для предстоящего пророчества. Теперь она вспомнила: это не обычное пророчество, проводимое в заранее назначенное время, а скорее чрезвычайное. Миру грозит опасность, и она несет всю ответственность за предсказание.

Зеркало... сосредоточиться только на зеркале... отбросить все беспокойство, ощущение, что в ее теле живет кто-то другой... кто-то весьма отличный от Орты... все внимание — тому пути, по которому приходит и уходит пророчество.

Под ее пристальным взглядом туманная поверхность зеркала изменилась. Вначале туман стал гуще, от центра к краям начали расходиться волны. Все гуще становился туман, все плотнее. Тут и там отдельные его участки делались темнее остальных.

Эти темные участки углублялись, втягивали в себя туман, они больше не перемещались, теперь они резко выделялись на фоне породившего их тумана. Она увидела людей, маленьких, далеких, бесцветных — зеркало показывало не физическую картину, а внутреннюю жизненную силу, похожую на искорку.

За этими искорками жизни возвышались башни и стены — город. Эти внутренние искорки духа занимались своими делами, как мужчины и женщины, представляющие их в жизни. Сцена быстро изменилась, как будто новая картина сплавилась с предыдущей. Теперь она висит над стенами, улицы заполнены толпами, смотрит на обширный город с высоты птичьего полета.

Под ней могучий город. Она продолжает подниматься, и он быстро уменьшается. Отсюда правят всем миром. Городские кварталы простираются на многие лиги, образуя самый великий памятник человечеству. Но город все уменьшается, и она видит земли за его стенами.

С этой высоты Орта больше не может различить отдельные искорки жизни. Они слишком малы, затеряны в обширности пространства. Все выше и выше поднимается она. Вот яркая полоска реки — она несет свои воды в море. Крошечные щепки на поверхности воды — корабли, созданные людьми, их гордость, они связывают все части мира друг с другом. Еще выше. Уже и щепочки-корабли затерялись в безбрежности моря.

И тут...

На небе, в котором она плывет, сверкнул свет. Яркий огненный шар затмил серость изображенного в зеркале мира. Свет его ослеплял, но не настолько, чтобы она не видела принесенный им ужас.

Он падал, этот огненный шар, и его сопровождало множество меньших огней. Они падали в море. И когда упали, мир обезумел.

Из воды поднялись столбы пара, земля начала корчиться, раскалываться и извергать пламя. Та вода, что не испарилась, вздыбилась и покатила на берег, высотой в гору были эти накатывающиеся водные массы. Она видела, как первая волна яростно ударила о землю, ее пенные языки несли всеобщее уничтожение, ни одно созданное людьми сооружение не могло выдержать этого удара разгневанной воды.

Первая из могучих волн устремилась в глубь суши. Теперь Орта находилась ближе и ясно видела победу наступления и гибель обреченного мира. Город-порт исчез, будто его тут никогда и не было. Ярость волны не уменьшалась. Казалось, разрушения ее только подкармливают, добавляют энергии. Волна продолжала двигаться вглубь, быстрее, чем любой воздушный корабль, быстрее ураганного ветра.

На севере показались языки пламени, они вздымались из самой земли. Из трещин в поверхности выплескивалась расплавленная лава, облака пепла огромными массами взметались к небу.

Волна становилась все выше. Ее вершина нависла и изогнулась. Под ней лежал город, похожий на муравейник, на который наступает чей-то сапог. Вода на мгновение, казалось, застыла, а потом обрушилась, ничего не оставляя на своем пути.

Орта видела, как падают башни, которые она знала всю жизнь, и среди них самая высокая, с которой звездочеты осматривали небо. Земля закачалась... вода... огонь... Проснулись силы, спавшие от рождения земли. Человек... человек не может жить в таком окружении. Это конец мира, который показывает ей зеркало. Она жалобно закричала.

— Смерть, — кричала она сквозь стиснутые губы. — Смерть... она идет с неба... смерть от воды... и огня... и мук самой земли. На нас идет смерть!

Она покачнулась на своем пророческом сиденье. Голос ее поднялся в высоком вопле:

— На нашем небе будет новая луна, она скроет ту, что нам известна. С ней придут ливни смерти, они будут падать и убивать. А земля ответит им, поднимется в ужасных ранах, изрыгнет огонь и ядовитые газы. Даже Сила не спасет наши жизни. Ничего не останется, кроме воды, огня и жестоких ран земли...

— Ты лжешь!

Слова, произнесенные холодно и ясно, прорезали ужас, как остро заточенный нож разрезает веревку. Ее вырвало из

пророческого транса, она дрожала, ее мутило от увиденного и от того, что так резко прервалось видение.

Руки Орты неподвижно застыли, пальцами она впивалась в края трехногого сиденья. Только это удерживало ее на месте. Она повернула голову к высоким тронам, чувствуя, как слюна выступает на губах и течет по подбородку.

Та, которая служила Голосом Силы, наклонилась вперед, глаза ее, как острия копий, пронзали Орту своим жестким алмазным блеском. Их голубизна была ледяной.

Голос встала, ее совершенное тело лишь слегка прикрывалось тонким кисейным платьем, драгоценности у нее на поясе сверкали так же жестко и холодно, как глаза. На плечи падала волна длинных солнечного цвета волос, так похожих на ткань ее платья, что трудно было сказать, где кончаются волосы и начинается ткань.

— Ты лжешь — или тебя коснулась Тьма... — Она произнесла свой приговор медленно и четко.

Среди собравшихся вдоль стен послышался ропот.

— Похоже, ты больше не видишь истину, пророчица, — продолжала Голос. — Тебя будут судить, и Сила найдет для своего выражения нового слугу.

Орта покачала головой из стороны в сторону. Видение по-прежнему не оставляло ее. Она не могла поверить, что кто-то оспаривает правдивость увиденного ею. Ведь хорошо известно, что пророчица не может исказить то, что видит в зеркале. Почему тогда Голос отрицает ее видение — обвиняет ее?

Она посмотрела на второго человека на высоком троне — на Руку Цели. Тот взглянул сначала на Орту, потом на Голос, но не шевельнулся и не произнес ни слова. Голос подняла руку в коротком повелительном жесте.

Двое подошли и остановились по обе стороны Орты. Грубые руки с силой взяли за ее плечи, заставляя встать. Святотатственность этого грубого применения силы разорвала оцепенение ужаса от видения. Ни один человек: ни жрец, ни стражник — не имеет права прикасаться к пророчице. Она почувствовала, как в ней вспыхивает пламя гнева. Заставля-

ли ее встать младшие жрецы, слуги Руки, — но он ни словом, ни жестом не отдавал приказ.

Они повернули ее — от зеркала лицом к обвинительнице. Голос продолжала холодно смотреть на нее, как будто молча ждала протеста, призыва к Силе в этом месте ее проявления.

— Ты... — начала Орта, но Голос, по-видимому, не хотела, чтобы она говорила. Один из младших жрецов рукой зажал ей рот с такой силой, что губы ее болезненно ударились в зубы.

Голос повернулась, посмотрела на стоящих у стен по праву Силы. Они беспокойно переговаривались.

— Она явно лжесвидетельствует. Двадцать месяцев мы читаем небеса — нам ничего не угрожает. Должно быть, Тьма нашла в ней слабое место и хочет принести нам беду. Или она слишком долго смотрела в зеркало. Больше она не будет распространять ложь.

Голос широко развела руки, и проявилась Сила, которая живет в ней и говорит через нее. С концов распростертых пальцев устремились вперед лучи, они переплетались друг с другом. Лучи всех цветов радуги: зелено-голубой цвет моря, розово-золотой цвет рассвета, чисто-белый — самого Присутствия. Лучи пульсировали в воздухе, повисли над головами всех собравшихся, принося им радость и веселье — дары Силы.

Но Орта не испытывала ни покоя, ни радости — только гнев и страх: она знала, что Сила использовала ее правильно, что показанное зеркалом — правда. Но когда это произойдет, она не знала. Как может Голос с помощью Силы отрицать правду этой Силы? В недоумении Орта позволила двум младшим жрецам вывести себя из зала — все перед ней расступались, не желая близости с той, кто, по словам Голоса, во власти Тьмы.

Смущение Орты возрастало. Она никогда ни о чем подобном не слышала. Она правильно использовала зеркало, и с ее помощью Сила показывает будущее — почему тогда оно отрицается? Голос по обычаю не может лгать — разве она са-

ма, осудив Орту, не навлекла на себя Силу? Такой парадокс могла выдумать только Тьма, чтобы привести в замешательство праведных.

Орта почти не сознавала, куда ее ведут: к изумлению добавилось истощение, которое всегда охватывало ее после пророчеств. Но на этот раз ее не поддерживала Траса, помощница, и не ждет прохладный, освежающий напиток и долгий отдых в постели. Она пришла в себя в грубой каменной камере, лишь наполовину высеченной под землей; остальное пространство — естественная пещера. Она чувствовала сырость, слышала звуки капающей воды. Орта никогда не была в этом месте — в нем содержатся ждущие справедливости, — но догадывалась, что теперь она пленница и должна ждать, пока ею не займутся Голос и Рука.

Прислонившись к холодной влажной каменной стене, которую она ощущала сквозь тонкую ткань платья, Орта старалась хоть что-нибудь понять. Вернись, вернись к тому, что ты почти знаешь, говорил ей разум. Постарайся увидеть, в чем корни той войны, которая разворачивается внутри Силы.

Начало — она пыталась пробиться к нему. Она сама — не Сила, а она — из двух частей, которые борются друг с другом. Все живое знает, что Сила — центр любой жизни, что каждый рождается с крошечной ее искоркой, служит ей в изменяющемся мире, возвращается к ней, принося с собой все, что узнал, чтобы со временем родиться вновь. Когда она обучалась искусству предсказаний, то в глубоком сне соприкасалась с этими прошлыми своими жизнями. Некоторые ей отчасти было позволено помнить, потому что их опыт был важен для ее нынешнего дела.

Она была рыбацкой дочерью, дружившей с морскими животными, научившейся общаться с ними в те дни, когда такого знания боялись. А потом умерла на гарпуне собственного брата, когда резала его сети, чтобы освободить одно из морских созданий, которое плавало с ней и играло в волнах, на чьей спине она много раз отправлялась в прогулки, полная радости жизни.

В другой жизни она была мужчиной. У него был талант кузнеца, он умел сплавлять металлы, знал секрет закалки их до такой прочности, что правители многих земель спорили за обладание его оружием. Он гордился своим мастерством, пока один из владык, хитрый и коварный, не пожелал в одиночку владеть его тайной. Он извлек тайну из мозга кузнеца, а его самого убил.

Но только — то, что сейчас прорывалось в ее сознании, не принадлежит этим прошлым жизням. Оно не возникало во время ее обучения пророчествам, но родилось сейчас; оно очень сильно; это не воспоминание о прошлой жизни, оно принадлежит настоящему.

Может быть, какая-то другая личность, которую она не узнала, и стала причиной ее бед. Орта сосредоточилась, приветствуя новую личность, давая ей возможность окрепнуть, сливая один фрагмент ее с другими, надеясь постепенно получить целое.

Гвеннан... из этих мельтешащих обрывков возникло имя — так ясно, будто оно написано перед ней в воздухе. Не из прошлого... но тогда... откуда?

Орта произнесла это имя вслух, как заклинание, которое используют при обращении с талантом пророчицы, чтобы сделать воспоминания яснее. Закрыв глаза, изгнав из сознания камеру, темноту, она подумала: «Гвеннан». Она вложила в эту мысль всю свою энергию, как ее учили.

Хоть ее учили только быть пророчицей, она всегда знала о существовании у себя иных способностей. Подчиняясь требованиям своей службы, она никогда не исследовала другие линии Силы. Храм Света был воздвигнут на пересечении силовых линий, которые являются кровеносной системой планеты. То, что эти артерии встречаются здесь, почувствовали сотни лет назад.

Поэтому в этом месте вибрации земли особенно сильны. Голос и Рука приучались использовать эту Силу, призывать ее для добра, точно так же как Орта училась пользоваться ею для пророчеств. Орта — это только сосуд, в который влива-

ется предсказание, когда она смотрит в зеркало. Никогда не пыталась она воспользоваться Силой для других целей.

И только сейчас, в замешательстве, чувствуя, что происходит что-то глубоко неправильное, затрагивающее основы ее мира, она решилась на это. Если она согрешила, если утратит контроль, ее поглотит вызванная ею Сила.

Орта сжала кулаки, весь свой мозг, все силы своего стройного тела она подчинила одной задаче. Она вспоминала картину силовых линий, которые дают жизни возможность существовать и процветать. Эти линии образуют сеть, и центр ее сейчас под ней — об этом она не должна забывать.

Итак — кто такая Гвеннан? Что это за другая ее часть, которая сейчас рвется на свободу? И какое отношение она имеет к настоящему?

— Гвеннан? — Она произнесла это не как приказ, нет: негромко, мягким голосом, как будто успокаивала робкое животное, застенчивого ребенка, просила выйти из убежища, показаться.

Линии — дайте мне Силу! Молитва ее звучала требовательно.

— Гвеннан! — Теперь это был приказ, и в него Орта вложила все, что поднималось в ней.

Она увидела, как будто ее глаза не закрыты, а открыты и сосредоточены на зеркале. Но только увидела не зловещее зрелище гибнущего мира — она увидела поле, холм, на нем три камня. В этих камнях Сила — то, что жило в ней, узнало эту Силу. Но эту Силу давно не призывали, она слаба, близка к уничтожению. Никто не знает, как призывать ее, как использовать.

У камней стоит женщина. Ночь, небо покрыто облаками. Но Сила камней освещает лицо женщины, и Орта ясно его видит. Но — она совсем не думала, что увидит свое лицо! Никогда раньше перевоплощение в другие жизни не следовало одному и тому же образцу. Должно быть, действительно бессмертная часть ее воплощена в этой другой оболочке. Но незнакомка этого не знает, ее память прошлого прочно заперта. В какой она духовной тьме!

Тьма... Тьма! Нет, незнакомка не окружена темным облаком — в ней только незнание и неспособность вспомнить, как будто память ей полностью отказала. Эта Гвеннан, которая когда-то была Ортой, она не из прошлого — из будущего!

Из будущего! Орта глубоко вздохнула. Неужели она действительно сказала неправду, не выдержала напряжения? Мир, уничтожение которого она видела, не может иметь будущего. Как в нем можно выжить? Человечество слишком хрупко, чтобы выжить в ужасах разрывающейся земли.

И все же — в ней достаточно способностей, чтобы узнать ту, что стоит у камней в ночи. Хотя эти камни и далеко от времени Орты. Она поняла, что это тоже способ извлечения Силы, только очень грубый. Их могли установить те, кто сохранил очень смутное воспоминание о прошлом. И все же, хоть это и очень грубое приспособление, оно родственно тем, что окружали ее. И если храм, каким она его знает, исчез, стерт с лица земли — а она это видела, — то, что в нем хранилось, забыто не окончательно.

Она постаралась изгнать из сознания все мысли о камнях и полностью сосредоточиться на женщине — как-то узнать у нее, что произошло между временем их рождения/жизни и возврата/смерти.

Ей предстоит стать Гвеннан — много времени спустя. Поэтому — должны быть выжившие. Орта с сожалением вздохнула: способности ее ограничены, она не может полностью раскрыть двери сознания той женщины. И ничто из того, что она узнала, не разрешает загадки: почему ее назвали лжепрорицей?

Но она чувствовала изменение внутри себя самой. Эта борьба за мозг другой женщины, за возможность читать в нем изменила ее. Ее тренировали очень узко и целенаправленно, готовили выполнять единственную роль в храме. Она никогда не вышла бы за пределы своих обязанностей, не стала бы задавать вопросы. Но теперь она это сделала, и перед ней раскрылись новые горизонты. Она чувствовала новый подъем своего духа. Конечно, она не Голос, она не может

пользоваться Силой как одеждой и оружием. Но она вышла за предназначенные ей пределы, воззвала к Силе, и та ответила ей.

Она страшно устала, тело ее дрожало, она была опустошена, слаба, и то, что несколько мгновений было в ней, ушло, как кровь уходит в незажившую рану. Возможно, ответом на ее дерзость будет смерть, она лишится не только того, что недавно приобрела, но и вообще всего. И от нее останется пустая оболочка. И таким образом Голос, обвинившая ее, будет права.

Если это так, Орта не боялась, она чувствовала только глубокое разочарование. Но даже думать ей стало тяжело. Она погрузилась в состояние, которое не было ни сном, ни забыванием — только усталым безразличием.

Могли пройти часы, она этого не замечала. Она проголодалась и давно не получала обычного подкрепления пророчицы. Голод и жажда ощущались все сильнее, усталость ее росла. Иногда ей казалось, что она не здесь, что это она стоит у камней, держит в руках предмет, который бьется, как сердце, и только это биение сохраняет ей жизнь.

Она даже не слышала, как открылась дверь ее камеры. Ее привел в себя свет переносной лампы. Девушка прислонилась головой к стене; но вот она чуть повернула голову и посмотрела на того, кто принес свет. Насколько она могла судить, он пришел один. Но не жрец-воин пришел за ней, чтобы отвести на суд.

Он отбросил капюшон ночного плаща, как будто хотел, чтобы она узнала его. Свет отразился в кудрях его высоко поднятой головы, превратив их в золотой ореол, показывая, что в нем, как всегда, живет Сила.

Не жрец — сам Рука пришел к ней. Орта бесстрастно смотрела на него. Неужели ее преступление таково (хотя в чем оно заключается, она так и не знает), что он должен сам тайно проникнуть к ней и убить?

И как она умрет? От того огня, который он может вызывать по своей воле? Возможно, через мгновение она исчезнет, ее тело превратится в пепел, она уйдет в ничто.

Глава седьмая

Он не нарушил молчание и не стал, угрожая, поднимать руку. Скорее, смотрел на нее, будто хотел задать вопрос, который еще не сформулировал. Первый порыв страха рассеялся, и Орта почувствовала негодование. Неужели он заговорит и осудит ее — без возможности оправдания, как это сделала Голос? Но он не услышит ее мольбы о пощаде.

Рука сделал один шаг, другой, потом улыбнулся, медленно, почти лениво, как будто встретились они солнечным днем в водяных садах — самом прохладном месте во всем храме.

— Итак, сестричка... — говорил он очень тихо, почти шепотом, — ты обнаружила, что есть правда и правда, и одна правда не так приемлема, как другая.

Орта продолжала упрямо молчать. Он пользовался словом, применяемым к неопытному прорицателю, ответы которого можно толковать по-всякому, чтобы они могли послужить ответами на разные вопросы. Таких прорицателей в храме не любят. Они настолько лишены подлинной Силы — так говорит традиция, — что их предсказания — это ложь, с помощью которой Тьма обманывает людей. И чтобы он так говорил с ней!..

— Да, — он кивнул, будто мысли ее были открыты ему. — Это правда, сестрица, что тебя слишком долго защищали от мира, каков он есть, от людей, каковы они на самом деле, даже от тяжелых времен, которые предстоят нам. Жаль, что ты так невежественна. Еще более жаль, что тебе позволили пророчествовать сегодня и не сказали, что нужно скрывать увиденное, оттягивать время...

Теперь Орта обрела дар речи.

— Не понимаю тебя. Я смотрела в зеркало... то, что я увидела, правда. Нас ждет смерть... смерть всего мира... — Она вздрогнула, ей стало холодно, и не только от промозглости камеры. Ее пророчество правдиво, это несомненно, и точно так же верно, что она никогда не давала возможности Тьме действовать через нее — в чем бы ни обвиняла ее Голос.

— Да, ты видела правду. — Он не насмехается над ней, как она сперва подумала, нет, он согласен с ней. Но если это так — почему же Голос, обладающая равной с ним властью, обернулась против нее? Она ведь справедливо предупредила, что приближается опасность, от которой не спасется никто.

— Однако спасение есть, сестрица. — Он опять придвинулся ближе. В гнилом грибковом воздухе подземелья она чувствовала аромат его одежды, запах благородных масел, которые втирают ему в кожу.

Орта покачала головой:

— Я видела. Море поглотило землю, земля раскрылась, из ее ран вырвался огонь. Земля поднималась и опускалась, город был сметен. Кто может выжить в таком?

— Те, кто предупрежден, кто предвидел, кто подготовился, — сразу же ответил он. — Звездочеты много лет назад заподозрили, что этот небесный бродяга может ворваться в нашу систему. Первое такое прорицание было получено во времена Эйден. Тогда и начались тайные приготовления...

— Эйден? Но ведь это было пять поколений назад.

— Совершенно верно. Именно таким способом появилась на нашем небе и нынешняя луна — Лилит. Так утверждают древние записи. Похоже, теперь второй небесный странник приближается к нам. И его сопровождает метеорный поток. Там, куда упадут метеоры, все взорвется — и земля, и море. У нас остается мало времени. Послушай, сестрица. — Он стоял прямо перед ней, одной рукой обхватив подбородок. Их глаза встретились, и она почувствовала присутствие живущей в нем Силы. Но Сила не стремилась уничтожить ее, она ждала. — Ты обладаешь даром. Я давно слежу за тобой, хотя ты этого не замечала.

— Я прорицательница. До сих пор никто не сомневался в правдивости моих предсказаний, — упрямо возразила она.

— Ты лучшая из прорицательниц, — ответил он. — В наших записях есть объяснение: в своих других жизнях ты тоже смотрела в зеркало, сестрица. И с каждой такой жизнью Сила в тебе росла. Так тот, кто создает прекрасные вещи,

в новой жизни рождается с таким умением, обостренным его прежними знаниями. Твой внутренний дар рос от инкарнации к инкарнации.

Да, ты прорицательница, и такая, что тебе не нужно зеркало, к которому привязывает тебя обычай. Тебя никогда не учили полностью пользоваться своей Силой. То, чем ты можешь овладеть, какие двери сумеешь открыть, поразит тебя — и других. — Он улыбнулся — не ей, Орта была в этом уверена, а каким-то своим тайным мыслям.

— Но тогда почему Голос назвала меня лгуньей, существом Тьмы? — вырвалось у нее. — Если тебе, Рука, известна правда обо мне, может ли она быть скрыта от Голоса?

— Она не скрыта. Голос не допустила бы тебя к зеркалу. Но обычай и закон помешали ей. Да, она хорошо знает, что ты сказала правду... а также, что ты...

— Но тогда почему? — прервала Орта.

— Потому что иногда правда выгодна Тьме. Что, по твоему, произойдет в мире, когда все живущие узнают, что их ждет гибель?

Орта перевела дыхание. Впервые подумала она о чем-то, кроме своей беды.

— Голос пыталась предотвратить твоё пророчество, — продолжал он, — но советники Вахала настаивали, что имеют на это право. Теперь нам нужно, чтобы все поверили, что ты сошла с ума или соvrащена Тьмой. Не заблуждайся: слуги Голоса будут с тобой безжалостны. Первым следствием будет твоя смерть, внешне вызванная Силой, которую ты использовала неверно. Понимаешь ли, сестрица, тебе первой придется умереть, чтобы скрыть то, что будет делаться... делается...

— А что делается?

— Готовится убежище для спасения в изуродованном и истерзанном мире, каким ты его и видела. Из миллионов жизней спасти можно лишь несколько... возможно. Это и есть цель, ради которой они трудятся. Если всем станет известно, что мир ждет смерть, но некоторые спасутся, в мире воцарится кровь, смерть и безумие. Вот это и нужно предот-

вратить. Поэтому ты останешься лживой пророчицей, а Голос выиграет свое сражение... или первую стычку.

— Сражение Голоса? Но ведь нельзя разделить Голос и Руку?

Он сжал губы.

— В течение многих лет спор идет о двух путях. В словах сторонников Голоса есть смысл. Да, мы не можем спасти много искр жизни в этом мире. Но не все из нас согласны, что катастрофа будет такой сокрушительной. Если кто-то выживет, нам понадобятся подготовленные люди, обладающие Талантом, — такие, как ты. Ты обладаешь силой, которую никогда не осознавала. У меня Сила по наследству и благодаря подготовке. Но один тип Силы нуждается в другом. Кто знает, чего тогда можно достигнуть? Я пришел к тебе, потому что, как ты знаешь, один талант может соединиться с другим только добровольно. Я хотел бы использовать твой талант в моем способе выживания.

Мы с помощью всех доступных нам способов искали такие места на земле, где разрушения будут не так велики. Одно из таких мест подготовлено поблизости. Я хотел бы, чтобы ты нашла для меня это место...

— Нашла его? — Орта была удивлена. — Но ты ведь и так должен его знать.

Он нахмурился:

— Я не знаю! Я противостоял таким планам. Мы не решили, кого включить в горстку тех, кто должен выжить. В прошлый благовест Дня Наименований я обнаружил, что то, что я считал таким убежищем, на самом деле ложное убежище, что Голос победила в своих планах. Но такая прорицательница, как ты, умеющая заглядывать во времени не только вперед, но и назад, может отыскать подлинное убежище. Ты можешь заглянуть вперед, увидеть тех, кто там спасается, куда они пойдут. И тогда я и те, что со мною, смогут быть среди них. Правда, что из настоящего, известного нам, не сохранится ничего. Разве не нужно, чтобы те, кто умеет призывать Силу, передали это умение будущим векам?

Она подумала, что он говорит правду, какой ее видит, что для него это дело величайшей важности. Она также понимала, почему он считает ее такой необходимой для себя. Но противоречия в самом сердце Силы — это что-то чуждое и неправильное. Орта отшатнулась от этой мысли, как отшатываются от тех чудовищных порождений Тьмы, что иногда прорываются в этот мир, когда ослабевает защита на скрещении линий Силы.

— Безопасность, — негромко и убедительно говорил он. — Не только для тебя, сестрица, но для других, для многих. Среди них есть обладающие великими талантами и способностями. Разве ты не понимаешь, что если мир погрузится во Тьму, как ты видела это в зеркале, должны найтись такие, кто поведет выживших, когда смерть и разрушения кончатся?

— Но я видела... — Орта медленно покачала головой. — В том, что я видела, никто не может выжить.

— Не обязательно. — Если Рука и испытывал неуверенность, он никак этого не показывал. Губы его снова сжались, в глазах горело пламя его собственного дара. — Поднимется новая земля, и кто лучше подготовлен к правлению ею, чем те, кто может вызывать Силу, в ком она живет врожденно? Существует давнее пророчество...

Орта застыла в напряжении. Пророчество, иное, чем то, что она сделала в храме? Почему она о нем не знала? Ее собственный дар, даже если она не перед зеркалом, мгновенно ожил, если бы кто-то попытался идти той же тропой. И кто мог воспользоваться зеркалом, кроме нее самой? Ибо хорошо известно, что зеркало составляет единое целое с прорицательницей. Когда она умрет, ее зеркало разобьется. Ее воля удерживала его в целости. Нужно будет найти другую девственницу и подготовить ее для треугольного стула.

— Кто видел это? — резко спросила она, забыв о своем несчастье.

Рука негромко рассмеялся.

— Это тебя заботит, малышка? Да, справедливо: как бы мы ни были неуверены, что бы ни отягощало наши души, мысль о сопернике всегда оживляет нас. Здесь — никто. Но на южном континенте есть пророчица. Она прорицала несколько раз — и для Голоса, и для меня — тайно. Будут выжившие. Наш род многое может перенести. Корабли переживут бурю, хотя их экипажи утратят всякий контроль и надежду и отдадут себя на милость моря и ветров. Некоторые спасутся в пещерах. И вот мы окажемся в мире, совершенно чужом для нас, а люди опустятся ниже уровня животных. Но некоторые в этом мире будут подготовлены, они будут обладать знаниями, сумеют остаться людьми, доказать, что мы по-прежнему хозяева времени, земли, моря... Они будут править, сестрица. И будут сильнее, чем может поверить хоть один человек, уходящий в убежища.

Ты можешь быть среди них — и я тоже. Но только если найдешь место, подготовленное как убежище.

Он неожиданно повернул голову и посмотрел на дверь камеры. Вся мягкость с его лица исчезла, рот напряжен, челюсти сжаты, в глазах холод. Он снова посмотрел на Орту, положил руки ей на плечи, его пальцы больно впились в ее тело под легким платьем.

— У нас мало времени, — он даже не шептал, а свистел, как змея, подготовившаяся к нападению. — Ты будешь слушать мне... Я приказываю. Иди!

Он снова взглянул на дверь. Потом так неожиданно отпустил ее, что она чуть не упала, больно ударившись о каменную стену.

— Ты — выполнишь — мой — приказ... — Он произносил слова с паузами, подчеркивая каждое, вкладывая в них Силу. Глаза его сверкали, впились в нее, давили на ее волю, на мозг...

Он постоял так, набираясь Силы, готовый подавить любое сопротивление. Но Орта обнаружила, что у нее есть защита, пусть хрупкая и ненадежная... дрожащая, как завеса на ветру.

— Гвеннан... — Вслух ли она произнесла это странное имя или про себя? Вторая личность росла в ней — она не принадлежит миру Руки, не знакома со страхом перед его властью... она может бороться с принуждением, как прежде боролась с самой Ортой за свободу. Она из далекого будущего, она другая, ничего не знает о Силе, у нее своя, совершенно другая защита.

Несомненно, приложив усилия, Рука смог бы подавить и ее, но у него не было времени. Он снова прислушался. Потом с искаженным лицом повернулся к двери, выскользнул. Орта услышала, как задвинулся засов с наружной стороны. Она снова пленница. Возможно, сама отбросила последний шанс на свободу. Хотя то, что предлагал Рука, слишком отлично от того, к чему она привыкла, чтобы так легко принять его предложение.

Она обхватила себя руками, сжала плечи, как будто хотела свернуться в клубок.

К затхлому воздуху камеры незаметно примешивался какой-то другой запах, с каждым вдохом он становился сильнее. Ей не нужно было быть пророчицей, чтобы понять, что происходит. Чудовища, появляющиеся на силовых линиях (они не из этого мира, из другого, который касается нашего в пунктах пересечения энергии — как в храме), они здесь! Монстры, темные создания — только извращенный мозг может командовать ими, хотя Голос, Рука и немногие другие способны их уничтожить. Во время обучения ей приходилось видеть такую материализацию. Но тогда кто-нибудь всегда был на страже; ей позволяли посмотреть, но она оставалась в безопасности от ужаса, который ждет тех, кто не вооружен ритуалом.

Зловоние становилось все сильнее. Орта в страхе смотрела на дверь. Воображение подсказывало, что может ждать снаружи. Их может быть даже несколько. В этом мире, в этой плоскости они начинают убивать, калечить, приносят такие бедствия, что ей тошно вспоминать.

Здесь она одна, в темноте самого нижнего этажа храма, она их добыча. Таково ее наказание? Лучше чистая смерть, причиненная Силой! Голос не могла приказать такое!

Орта больше не могла обманываться: снаружи слышался какой-то шум, даже сквозь толстую дверь. Что-то ищет добычу... Ее пальцы впились в тело, как до того пальцы Руки, даже сильнее. Почему он ушел и оставил ее — этому, если она так важна для него? Существа извне для него не страшны.

Тщетно девушка старалась припомнить ритуал — Слова Отсылки. Она не настроена прямо на эту Силу, но та в ней есть, и Орта не могла поверить, что существо из Тьмы может безнаказанно прорваться.

Если только не началась уже гибель этого мира. Возможно, силовые линии искажены, больше нет ровного потока Силы. Известно, что эти существа всегда привлекает энергия мира, что только тщательно подготовленная защита не дает им питаться этой энергией. Они иногда появляются во время гроз, когда ударяют молнии, приоткрывая на мгновение врата...

В дверь застучали. Существо — или существа — они не справляются с простой задачей: отодвинуть засов, пытаются прорваться сквозь дверь грубой силой. Эти существа почти безмозглы, но Тьма может вселить в их искаженные изуродованные черепа, не похожие на человеческие, самые разные желания и потребности.

Орта боролась с собственным страхом и слабостью, который он вызывал. Она использовала все, что могла вспомнить: читала голосом, который при каждом ударе по двери начинал дрожать, формулу экзорцизма. Она не может раскрыть свое тело перед Силой, как способны это сделать Голос и Рука, чтобы с пальцев слетал очищающий огонь. Нет, она может сделать немного — окружить себя невидимой стеной.

Хорошо ли она это делала, она так и не смогла узнать. Дверь затрещала, зловонный запах почти удушил ее. Ей приходилось дышать мелко, легкими вздохами. Долго она не продержится, но она упрямо продолжала бороться.

На двери появилась трещина. Даже в полутьме она хорошо ее видела. Потом... послышался крик... не из человеческого горла — скорее вой, как воеет в муках раненый волк. Зловоние перекрылось другим запахом — резким запахом озона... и отвратительным запахом паленой шкуры и плоти. Снова вопль... он резко оборвался... Орта услышала треск.

Кожа у нее зудела, волосы встали дыбом. Сила ударила рядом. Снова отодвинули затвор, и дверь открылась.

Рука? Орта ожидала увидеть его снова, торжествующим после победы над существами из Тьмы. Но фигура, плотно закутанная в плащ, с надвинутым капюшоном, молча скользнула внутрь, быстро закрыла дверь и прижалась к ней спиной, будто защищая ее вдобавок и своим телом.

Ореол бурлящей силы коснулся девушки. Только тот, кто полностью ею владеет и совсем недавно пользовался, может обладать таким ореолом. Голова нетерпеливо дернулась, капюшон упал.

Вначале Рука — теперь Голос!

Орта с усилием встала. Она чувствовала слабость, как всегда после длительного общения с зеркалом. Но не хотела, чтобы посетительница видела ее слабость, пока она может держаться прямо. Она даже умудрилась поднять правую руку в приветствии женщине, которая стояла перед ней, быстро и тяжело дыша, уставшая после мощного использования Силы.

— Высоко стоит наша Мать Солнце, — сказала Орта. — Благословен будь ее Голос. Пусть всегда Свет побеждает Тьму!

Голос слегка склонила голову:

— Будь благословенна...

Откуда-то черпала Орта силы — может, из своего праведного гнева, а может, у не рожденной еще Гвеннан?

— Будь благословенна, о Голос? Разве таково приветствие тем, кто ходит путями Тьмы? Разве ты не встретила того, кого можешь считать моим слугой, пришедшим освободить меня?..

Голос продолжала тяжело дышать. Она тоже подняла руку, но не в приветствии, а как бы отгоняя докучливое насекомое.

— Иногда приходится жертвовать одним ради многих. — Она отошла от двери, целенаправленно прошла вперед. — То, что ты видела, правда.

— И потому я теперь жду смерти от Тьмы... разве такова достойная награда за поиск правды, о Голос, названная истинной дочерью Матери, сосудом Силы? — Орта не могла поверить, что у нее нашлись силы для такого ответа, несмотря на весь свой гнев.

— Ты видела смерть мира. Многие ли из тех, кто тебя слышал — а ведь это все посвященные, люди со знаниями и подготовкой, с храбростью и умением ей пользоваться — многие ли из них, по-твоему, могли взглянуть на то, что увидела ты, и оставаться руководителями в эти последние дни? У большинства людей есть один порок. Несмотря на свою веру, на нашу силу, на доказательства того, что смерть не абсолютна, что она лишь еще один шаг на дороге жизни, мы все же боимся смерти. Мы можем разумом признавать эту правду, она горячо звучит в наших сердцах, но все равно что-то в нас остается необузданным. И это что-то может проснуться, уничтожить храбрость мужчины и способности женщины, исказить, поглотить их, свести с ума.

Среди советников Вахала есть одна, кого коснулась Сила, она умеет говорить на Языке. Она не смотрит в зеркало, но у нее талант другого рода. Она произнесла пророчество. И потому остальные пришли узнать, говорила ли она о прошлом или о будущем. Их право — требовать пророчества, отказать им было невозможно. Речь их пророчицы была неясной. Мы надеялись, что они этим удовлетворятся. Но не признать ясное видение зеркала невозможно.

— Значит, оставалось оклеветать меня, представить порождением Тьмы, свихнувшейся, — прервала Орта. — За это я не смогу простить и не прошу даже ту, что служит сосудом Силы! — Ею окончательно овладел гнев, и недоуме-

ние сгорело в нем. Те, в кого она всегда верила, кого уважала, играют в свои игры. А она-то считала, что они всегда говорят правду — иначе их сожжет их собственная Сила. Но ее Сила против нее не обратится, даже если они этого желают.

— Почему же ты не убьешь меня сейчас своим пламенем? Или возникнут у других вопросы, на которые ты не сможешь правдоподобно ответить? Может, хочешь заставить меня произнести ложные слова, показать меня всем, кто слышал, и доказать, что я сошла с ума, мне нельзя верить? Нас учили, что если мы будем использовать Силу в собственных целях, она поглотит нас. Убей меня тогда, Голос... Будешь ли ты наказана за это? Или это учение — очередная ложь? В чем же тогда правда?

Она ожидала увидеть на лице Голоса признаки гнева. Никто не смеет так разговаривать с Голосом. Голос выше всех в мире — точно так же, как Мать Солнце выше земли. Но Орта осмелилась обвинить ее. Немедленная смерть должна стать уделом пророчицы. Может быть, этот страх перед смертью, о котором говорила Голос, в Орте не живет? Она знала смерть и раньше, она помнит эти смерти. Некоторые были тяжелыми, но боль и ужас их не длятся вечно.

— Что он тебе сказал? — Своим быстрым и неожиданным вопросом Голос оторвала Орту от ее мыслей. Орта сразу поняла, что она говорит о Руке.

— Что есть убежища, — ответила девушка, — одно из них поблизости, в которых немногие избранные переживут конец мира и снова появятся в новом мире.

— Это верно, — спокойно признала Голос. — Но он ведь не только для того, чтобы сказать это, пришел к тебе.

— Нет, еще кое-что... он считает, что подлинное место спасения ему не известно... что существуют два мнения о способах действия в будущем... если такое будущее есть.

Голос сжала руки, и Орта заметила волевою мощью этого жеста. Но Выражение Голоса не изменилось, она оставалась совершенно спокойной.

— Это тоже правда, — признала она. — Некоторые из нас считают, что Сила больше, чем мы в это верим, что с ее помощью можно установить власть в будущем. После пожара земли и моря выживут немногие. И среди них большинство повредится в уме. Они, ради того, чтобы выжить, вынуждены будут отгородиться от своих воспоминаний, отделить их стеной. Сама Сила может быть искажена, ее потоки примут другое течение. Выжившие будут бояться того, что умели прежде, могут совершенно отвернуться от нашей веры. Люди забудут о величии прошлого. Возможно, многие уподобятся животным, станут созданиями Тьмы, уйдут от Света, который, как мы верим, наполняет их.

Те из нас, кто сохранит груз полной памяти, должны стать учителями, а не правителями. Мы не сможем действовать открыто, иначе нас сочтут богами. Мы будем жить порознь, беречь свою память, по крупинке передавать осколки прошлого тем, у кого достаточно открытый ум. Будут долгие периоды ужаса и горя. На некоторых учителей будут охотиться, их будут убивать, другие не выдержат и поддадутся честолюбию, попытаются использовать свои знания, чтобы повелевать другими. Будет много неудач и смертей. Да, среди выживших будут и люди храма, но им не суждено стать вновь королями или богами...

— Так вот в чем вы разошлись? Но какое мне до этого дело? Меня уже опорочили, убрали с вашей дороги...

— Он приходил к тебе... он один из тех, кто хочет быть богом. Он использует твое предсказание. Он...

Орта покачнулась, но не от слабости, а потому что пол под ней сдвинулся, как песок на крутом берегу реки, когда вода подмывает его.

Она услышала крик, такой громкий, что он проник даже сюда, сквозь толстые стены. Голос повернулась, распахнула дверь и выбежала, отбросила плащ, чтобы бежать быстрее. Сверху упал камень, миновав ее едва ли на ширину пальца.

Глава восьмая

Дверь камеры осталась открытой. Снова земля сдвинулась. Орта пыталась сохранить равновесие. Так скоро конец, предсказанный ею? Неужели уже ударил первый снаряд из космоса? Или земля в предчувствии смерти начала отвечать собственным страхом на притяжение самого большого из небесных странников?

Да, дверь открыта...

Орта собрала весь остаток сил и, шатаясь, двинулась к свободе. Она расставила руки, будто шла по шаткому мосту, который в любое мгновение может рухнуть. Миновала дверь, которая слегка повернулась, будто ее толкнула чья-то невидимая рука.

Новая дрожь земли вызвала еще падение камней. Один из них ударил девушку в плечо с такой силой, что она закричала от боли. Рука ее безжизненно повисла. Внизу лабиринт коридоров, и она их не знает. Когда ее вели вниз, она была слишком изумлена и подавлена, чтобы смотреть, куда идет.

Светильники, установленные в камне, потускнели, но энергия их не иссякла. И не иссякнет, пока не разорвутся энергетические линии самой земли. По крайней мере не нужно пробираться в темноте. Но путь она выбирает наугад: проводника у нее нет.

Коридор изогнулся. Виднелись другие двери, некоторые распахнуты, может быть, сдвигами поверхности. Сдвиги продолжались, каждый толчок сильнее предыдущего, так что раз или два Орте приходилось прижиматься к стене, цепляясь здоровой рукой за какую-нибудь неровность в камне.

Ее вел инстинкт, а с ним и страх. Она не сдастся, не позволит себе быть пойманной здесь, найдет выход. Но вот она нашла лестницу и начала подниматься со ступеньки на ступеньку. С того времени, как она покинула свою камеру, она никого не видела и не слышала. Ее, должно быть, покинули в этих глубинах. Дрожь земли на время прекратилась, но

Орта была уверена, что толчки могут возобновиться в любой момент.

Теперь сверху доносились звуки, крики пораженных ужасом людей, гром падающих камней, может, даже части стен. Она не видела теперь, куда движется; перед ее глазами стояла предсказанная зеркалом картина. Скоро придет волна...

Рука у нее болела; прикосновение к стене вызывало такую боль, что невольно слезы начинали катиться по ее покрытым пылью щекам. Даже если здесь и были стражники, они бежали при первых судорогах земли. Она подбадривала себя тем, что раз огни еще горят — значит, Сила жива.

И вот Орта поднялась из подземной темницы на верхние этажи и, истощенная, прислонилась к стене, чувствуя странную отстраненность. Она как будто брела во сне, наваянном зеркалом, и в этом сне у нее только роль наблюдателя.

У дальней стены лежало тело — лицом вниз, желто-золотой храмовый плащ откинут, но не настолько, чтобы скрыть алый поток, льющийся на белый камень. От тела отходят следы, кровавые, алые следы — не человеческие ноги, а огромные когти, отчетливы возле добычи, постепенно становящиеся все менее заметными.

В горле у Орты появился вкус горечи, ее вырвало, она рассталась с тем немногим, что было в желудке: ведь перед пророчеством она долго постилась и с тех пор почти не ела. След показывает, что не один ужас обрушился на землю. Прорвана какая-то защита, и вырвались существа Извне.

Орта пробиралась вдоль стены, держась как можно дальше от этих ужасных следов. Теперь она ощущала зловоние... но ей нужно пройти мимо мертвого, чтобы попасть в следующую дверь.

Наконец она оказалась в знакомом коридоре и свернула в большой зал, к зеркалу. Может, там ей помогут ее способности. Там ее место, там безопасность...

Безопасность? Где теперь найти безопасность? Но тел она больше не видела, ни одного. Храм, сам по себе небольшой

город, со множеством слуг, казался покинутым. Она вышла в Небесный Зал.

Золотые троны пусты, а зеркало...

Орта закричала и опустилась на колени. Сломанная рука болела так сильно, что на какое-то время у Орты перехватило дыхание. Но то, что она увидела, хуже всякой телесной раны. Трехногое сиденье лежит на боку, перед ним взад и вперед покачивается рама зеркала. Но блеск поверхности, в которую она так часто смотрела, исчез. Остались только осколки, разбросанные по полу. Зеркало погибло.

Сердце Орты билось неровно. Она пыталась произнести слова Отхода, Разъединения. Зеркало умерло... а ее жизнь безвозвратно с ним связана... что же ей остается?

Тут только она поняла, что Рука сказал правду, что в ней что-то продолжает цепляться за жизнь, бороться за дыхание, за возможность двигаться. Она на коленях поползла вперед, пока здоровой рукой не коснулась металлических обломков. Край одного из них порезал ей палец, она увидела, как капает на пол ее собственная кровь. Темнело, небо затягивали тучи. Мать Солнце больше не светит, но ночь еще не наступила. Ложная тьма одеялом накрывала картину гибели мира. И тут... сквозь полумрак вверх взметнулось пламя, далекий огненный столб, такой гигантский, что вся местность осветилась.

Орта вспомнила свое видение. Поднимающиеся из глубины земли горы раскрываются и выбрасывают столбы пламени. Один из них она и увидела. А вот и другой. Порошок пепла начал опускаться повсюду, забивался в глаза, покрывал кожу, он обжигал, резал, не давал дышать.

Она снова услышала крики из города. Там люди, должно быть, сходили с ума, бегали в поисках убежища, которого не может быть, надеясь выжить. Но какая может быть надежда, если гибнет сама планета?

Орта заставила себя оторваться от осколков зеркала, символа ее разбитой жизни. Скоро ли она придет, эта волна, вода, ушедшая с предназначенной ей впадины земли?

Это пресловутое убежище... сумела ли Голос добраться до него? Орта сомневалась, что убежище вообще могло существовать. Голос, Рука, те, кого они вели, — они все обмануты. Орта рассмеялась и потащилась дальше. Перед ней лестница, ведущая к тронам. Она поднялась на первую ступеньку, потом на вторую. Огни на стенах, казавшиеся в наступившей полутьме яркими, превратились в слабые искорки, они гаснут. Итак, исчерпывается сама Сила. Проявит ли она себя в последний раз у самого центра пересечения линий?

Сила — она жила ею и ради нее. Ее собственных способностей недостаточно для овладения Силой, они давали ей только возможность предсказывать. Зеркало разбито, ее способности — мертвы.

Она ухватила за ручку ближайшего трона — трона Голоса. Как часто стояла она в этом зале и во время Вечернего Гимна, и во время Гимна Первого Света Утра, смотрела на Голос, которая, полная Силы, посылала всем благословение, с ее пальцев срывались огненные ленты и разлетались по всему городу: все хорошо, правда торжествует, Тьма побеждена! Орта умудрилась встать и полусела-полуупала на сиденье. Она совершает святотатство, пытаясь вызвать остатки Силы. Но разве она уже не мертва вместе со своим зеркалом? Пусть Сила сожжет ее, превратит в ничто за дерзость, лучше умереть быстро, чем жить и видеть эти ужасы, видеть волну, поднимающуюся над линией восточных холмов.

К небу из глубин земли устремился третий огненный столб. Дым болезненно обжигал горло, заставил ее непрерывно кашлять, почти ослепил. Она плакала, глаза жгло. Орта откинулась на троне и закрыла глаза.

Слышался ровный гул подземного огня. Весь храм вздрогнул. Она услышала ответный грохот камней. Но не смотрела, падают ли камни поблизости.

— Возьми меня... — Она не сознавала, что говорит, пока не ощутила движение собственных губ, потому что ничего не слышала в грохоте пламени. — Возьми меня сейчас...

Она начала медленно выполнять привычные ритуалы, открывать мозг, как будто перед свиданием с зеркалом. Открыв глаза, смотрела вперед, на клубящуюся пыль, как будто это та сверкающая поверхность, которая появлялась в ответ на ее призыв.

Пыль начала образовывать в воздухе завесу. Или это только кажется ее помутившемуся взгляду? Но завеса все плотнее, и в ней возникают какие-то новые силы, которых она не понимает. Это не зеркало Силы — что-то гораздо более дикое, первобытное, оно противостоит хрупкости ее плоти, стремится заменить ее тело, плоть, кости чем-то другим. Орта непрерывно кашляла в отравленном воздухе. Рот ее наполнился жидкостью, она выплюнула и увидела алое пятно в пыли. Голова... что-то проникает в ее мозг... протискивается... толкает... Глаза ее превратились в колодцы боли.

Тело Орты билось в конвульсиях. Она стонала, но не слышала собственных стонов. Пыль уплотнилась, она сплошным занавесом повисла между тронами и всем остальным миром. Пыльный занавес, полоска тени, но на ней начинает двигаться нечто иное, не из пыли, то, что призвано новым существом в теле Орты, что начинает проявлять себя.

Орта снова увидела картину гибели мира, гораздо менее отчетливо, чем в зеркале. И закрыть глаза она не могла: то, что она видела, исходило от нее, было ее частью.

Смерть, повсюду смерть. Вода, стекающая с огненных островов; эти острова поднимаются и вновь погружаются. Из земли вздымаются горы. Леса превращаются в пепел, реки высыхают и меняют свое русло, словно гигантская рука проводит эти водные линии и снова стирает их. С неба продолжается бесконечная бомбардировка — падают меньшие космические странники. Но вот появляется и главный пришелец — мертвый, покрытый кратерами шар, он все ближе и ближе подходит к земле, которую явился уничтожить.

Никакого ощущения времени, нет ни дня, ни ночи, нет движения времени, отмечаемого ударами храмового гонга, — только мрачная смерть, отпечатанная на тумане из ды-

ма и пепла. Орта сидела, а Сила продолжала изливаться и показывать ей...

Сквозь занавес прорвалась фигура — тело прикрито лишь несколькими обгоревшими тряпками, человек подтягивается почерневшими изуродованными пальцами. К ней поворачивается черное окровавленное лицо. В ней оживает смутное воспоминание. Рука — тот, кто пытался договориться с ней, узнать у нее тайну убежища, которая не была ей известна.

И тут же картина на занавесе изменилась. Изображение все поглощающей смерти дрогнуло... исчезло. Появилось другое видение... коридор меж каменных стен... впереди дверь, на ней линии, они светятся, образуя символы, они живы и полны Силой. Она поняла, что это убежище, подготовленное заранее. Оно сохранилось, выдержало.

Изуродованный человек, бывший некогда Рукой, поднял голову, увидел картину на дымном занавесе и устремился к Орте. Изуродованными руками он обхватил ее, прочно прижав к трону. Теперь его лицо оказалось на уровне с нею, глаза горели огнем, как новые огни гор за храмом.

Губы его шевельнулись... он, должно быть, кричал — но она не слышала ни слова. Но, не слыша, она понимала. Он приказывал ей, хотел использовать ее, как она использует зеркало. Она должна помочь ему достичь того места.

Он извлекал из нее силу, но сила в ней, казалось, не уменьшается. Глаза его продолжали приказывать, может, он говорил, произносил ритуальные слова, но она этого не слышала. Его обгоревшее тело засветилось, его края начали сливаться с туманом, из которого он пришел. Он приказывал, извлекал, требовал...

Все более сильными становились его руки. Орта, в свою очередь, теряла силу, которая только что переполняла ее. Он пытался совершить то, в возможность чего она не могла поверить, — силой своей воли и с помощью извлеченной из нее энергии перенестись в убежище.

Теперь от него оставалась только тень, как лист, который осенью слишком долго держался за ветвь. Но вот и эта тень

сьежилась, развалилась, как хрупкая глиняная фигура. Жизненная сила вся ушла. Достиг ли он того, к чему так стремился? Она не знала этого. И на занавесе ничего не видно. На ней сплошной вихрь, никаких картин.

Орта слегка подняла голову. Ей показалось, что она ослепла, потому что перед измученными глазами только красный туман. Она одна, совершенно одна, но как-то по-новому. Рука лишил ее всякого дара, от нее осталась только пустая оболочка, с крошечной искоркой жизни. Но эта искорка не уходит, не оставляет ее в покое. Орта заплакала, слезы жгли ей щеки. Ничего не осталось, кроме...

Может быть, именно слезы на мгновение прояснили ее зрение. Потому что она увидела последнюю сцену катастрофы — приближалась волна, она вздымалась все выше и выше, а потом...

Ее не охватила наступающая вода. Она... Орта... Нет! Это был сон, ужасный реалистичный кошмар, но все равно только сон. Гвеннан глубоко вздохнула и открыла глаза. Она, конечно, дома, в своей постели, в тепле и безопасности... в реальности.

Но увидела она перед собой камни. Гвеннан закричала.

Чудовищные существа сидели у основания холма, на котором она нашла убежище. Тут и обезьяночеловек, и существо с совиной головой и трепещущими крыльями. Оно подняло голову и показало красные ямы глаз; красный цвет обрамлял и его зловещий клюв — усаженный зубами, с новым страхом заметила она. Существо подняло передние конечности, к которым крепились крылья, и показало длинные изогнутые когти.

В этом зеленом свете... в зеленом свете? Как будто ей наносили все новые и новые прямые удары. Она не вернулась в реальный мир, нет, она в том мире, где враждуют охотница и охотник. А вот и они, по-прежнему смотрят на нее, как будто она никуда не исчезала, как будто не было никакого промежутка времени между тем, как охотник спустил своих животных, и ее пробуждением.

Гвеннан настолько была сбита с толку, что несколько раз открыла и закрыла глаза. Поднесла руку к голове. Голова болит. Прижатая к щеке подвеска, которую она держит с силой, теплая и успокаивающая. Девушка не понимала, что с ней происходит, но постаралась изгнать Орту из сознания, сосредоточиться на том, что перед нею, кто перед нею.

— Пришелица издалека, — заговорила женщина, которая могла бы быть леди Лайл, которая, несомненно, была Голосом, она могла быть и другом и врагом, но Гвеннан ей определенно не доверяла; эта женщина сказала: — Пришелица издалека, ты держишь равновесие. — Она подняла копье и указала им на подвеску.

— Равновесие, — согласился мужчина. — Оно будет нарушено тобою — в ту или иную сторону, — движением руки он сначала указал на себя и своих чудовищ, потом на женщину.

И улыбнулся, как будто не ожидал, что кто-нибудь поставит преграду между ним и его желаниями.

— Моя дорогая родственница считает...

Его прервал лай одного из псов. Внимание Гвеннан было приковано к нему и его чудовищам, и она поэтому не заметила перемещения своры. А они, по-прежнему обходя круги с цветами, но идя по песку, тоже подошли к основанию холма и расселись между нею и чудовищами.

Охотник рассмеялся.

— Хочешь испытать свою силу — против меня? — спросил он у женщины. — Разве не этого я давно хочу? Или ты уже решила, что переманила ее на свою сторону?.. — Он кивнул в сторону Гвеннан. Впервые с того времени, как она очнулась от кошмара Орты, Гвеннан заговорила:

— Не знаю, какую игру вы тут ведете... — От страха голос ее звучал неестественно громко. Тепло от подвески, которую она теперь держала под подбородком, каким-то образом прояснило ее голову, заострило мысли. — Не знаю, как я оказалась здесь... и почему. Но я не друг ни одного из вас.

Она взглянула непосредственно на женщину — взглянула вызывающе. Нет, она не согласится, что кто-нибудь из этих

незнакомцев из сна — из сна во сне — имеет над ней власть! Подвеска — вот что им нужно. Или она сама, пока подвеска ей отвечает.

Отвечает ей? Так, как зеркало отвечало Орте? Нет, она не станет об этом думать. Скрыть, скрыть поглубже, сохранить на поверхности только то, что происходит сейчас.

— Итак... — мужчина помолчал, произнеся это одно слово. — Возможно, ты и права, чужестранка. Наши игры — такими они видятся тебе — не для слабосердых. В них есть цель, уверяю тебя. — И он резко хлопнул в ладоши.

Существо с свиной головой прижалось к земле и повернулось к ближайшему псу. Оно открыло и закрыло клюв с громким шелканьем, вытянуло когти. Остальные чудовища подходили ближе, зеленое освещение потускнело, сменилось серым.

— Твои игры! — выплюнула женщина. Она села прямее на своем жеребце и посмотрела на Гвеннан.

— Ты пришла издалека, — медленно сказала она. — Без всякой подготовки, без предвидения как проводника. И правда, как ты можешь своими мерками судить наш мир? Хорошо, думай об этом сейчас! Подумай об этом!

Она подняла копье и указала на волосатого гуманоида, который открыл зубастую пасть и рявкнул в ответ.

— Таково было пробуждение, — продолжала она. — Надолго воцарились невежество и беспамятство, потому что многие из старой расы бежали, даже в своем сознании, от ужасов тех темных дней. Некоторые из них проливали кровь как плату за помощь лживых богов. Они вырывали у других людей сердца, чтобы лилась кровь, верили, что тем самым умилостивят суровых врагов, отвратят их месть. Они собственных детей предавали огню в храмах, поспешно убивали тех, в ком еще жила подлинная Сила и кто старался использовать ее в добрых целях.

Мир покрыла тьма. Сила была скомкана и спала. Осталась только горсточка таких, кто искал ее, и лишь немногие из них искали ее для добра. Потому что тот, кто может призвать

молнии, может и править людьми жестокой рукой. Начались войны, и Тьма иногда становилась могущественной — потому что мы забыли...

— Только потому что ты, и такие, как ты, не противились этому, — вмешался охотник, улыбка его исчезла, голубые глаза жестко сверкали. — Посмей кто-нибудь из вас в эти дни Тьмы действовать, не было бы беспамятства...

— Нет, было бы хуже! — немедленно возразила она. — Потому что в те дни сама Сила сорвалась с цепи, и ее невозможно было использовать для добра. Она полностью овладела бы тем, кто ее призвал, и этот человек стал бы рабом энергии, не заботящейся о людях. Мы остались, чтобы быть стражниками, учителями — не правителями и завоевателями...

— И как долго это будет продолжаться? — вызывающе спросил он. — И с какой целью? Разве не стала Тьма ближе к победе, из-за того, что мы расколоты? Линии восстановились, они снова легли правильно. Сила ждет нашего призыва. Звездное колесо повернулось. Приближается новый период родовых мук, и если мы сейчас не используем Силу — это будет конец для нас всех.

— Наша участь — тяжелая ноша, а не победа, — она будто повторила древнюю истину. — Мы должны следить, помогать, когда можем, когда это разумно, заботиться...

Он яростно покачал головой:

— Нет, настала пора выходить из укрытий, родственница! Неужели ты думаешь, что звездное колесо будет нас ждать? Оно движется своим курсом, и никто не может остановить или замедлить его вращение. Скоро оно снова повернет к опасности, и ты снова зароешься, спрячешься и будешь ждать рассвета, который может никогда не наступить.

— Мы делаем то, что возложено на нас.

— Нет. — Он улыбнулся, как одно из его чудовищ, оскалив зубы. — Я! Помни, я не давал клятвы! Вы сами предпочли, чтобы я не был одним из вас.

— Даже ты не можешь избежать того, что у тебя в крови, что заложено в тебе от рождения. — Она говорила устало,

но держалась по-прежнему прямо, не отрывая от него пристального взгляда. — Колесо поворачивается, но на этот раз у нас есть шанс...

— Очень незначительный для твоих целей. — Он улыбнулся. — Со времени перемены судьба мира зависит от воли и глупости людей, а не от прибытия небесных бродяг. А у всех людей от рождения есть пороки. Люди не покорные орудия, они легко сворачивают в сторону, даже если ты считаешь, что прочно держишь их в руках. Люди... Только Сила может удержать их. Разве я не говорил это с самого начала?

— Да — чтобы доказать, что нужно пользоваться только теми, кто будет послушен тебе. — На лице ее появилась тень презрения, и она концом копья указала на чудовищ. — Натравливать их на смущенных, испуганных, попавших в опасность...

— И чтобы поражать, — быстро добавил он, — разделять, смущать, приводить в ужас, даже избавляться от противников. О, мою армию можно использовать по-разному. Можно уничтожить влиятельного противника, просто подослав к нему их и рассказав всем об этом. Даже армию можно сломить, если в ее рядах вдруг покажутся мои питомцы, вольные поступать по-своему. А тех, кто доложит о таком нападении, сочтут сумасшедшими и отстранят от постов, и это тоже послужит мне. Уже давно люди закрывают свое сознание перед определенными возможностями. Даже не верят, что существовали наши времена. Они создали общепринятые легенды, с ученым видом рассуждают о ледниковых периодах, о людях, которые некогда были волосатыми невежественными животными, использовавшими камни вместо оружия. Тех немногих, что остались от наших славных дней, они считают мошенниками и пытаются поскорее избавиться от них. Ты отрицаешь все это? А ведь это результат твоего плана убежищ, так что принимай и его последствия.

Я могу начать войну, могу воссоздать мир по своему желанию и, возможно, в конце концов нанести тебе поражение. Но это будет мой путь и мой план. Я не давал никаких

кляत्व. Ты призвала эту... — Он жестом указал на Гвеннан. — Я тоже некогда ее знал, использовал. У нее был дар, который мог привести ее высоко. Но он сгорел в ней и был потерян, потому что она приняла твое учение. Ты призвала ее, потому что в ней течет древняя кровь, способность отвечать. Ты призвала ее...

— Потому что так указали звезды, — сказала женщина, и что-то в ее голосе заставило его замолчать. — Снова они в таком положении, что она обладает врожденным даром, как и в те времена, когда ты использовал ее. Наступает время нового понимания, она в круге Силы, хотя сама этого не знает, а ты не верил, что такое возможно. Она не оружие, не инструмент, она свободно идет своей дорогой. Потому что она дочь звезд, рожденная в нужный час для исполнения своего предназначения, и на этот раз смерть из космоса не помешает ей выполнить это предназначение.

Теперь он перестал улыбаться своей искаженной, насмешливой улыбкой.

— Ты лжешь!

— Ты знаешь, что в таких делах я не могу лгать. Она родилась в нужный момент под нужными звездами...

— Она справится не лучше, чем в прошлый раз! — Он поднял руку. Человек-сова отвел взгляд от собаки. Он посмотрел вверх, и Гвеннан поняла, что он готов прыгнуть на нее. Она прижалась к камню, держа в обеих руках подвеску. И изо всех сил воззвала о помощи.

Глава девятая

Гвеннан ушла от одного кошмара — но это, должно быть, другой. Прочь — лишь бы проснуться и уйти и от этого! Она крепко сжала подвеску, прижалась к камням, закрыла глаза, сосредоточила всю волю на пробуждении, на возвращении в реальный мир.

Холод, ее охватывает страшный холод, ошеломляющие порывы ветра. Потом приступ страха, такого сильного, что

он, казалось, проник во все клетки ее тела. Она снова открыла глаза.

На небе ослепительно сверкнула молния, раскатился гром. Ночь, облака, темнота. Она прижалась к камням, между двух из них. Пламенеющие горы... волна... неужели она опять в мире смерти?

— Гвеннан...

Гром прекратился. Под ней свет — не от земного огня, не отражение от камней. Там кто-то стоит, держит фонарик, освещая свое лицо. Очень долго, поглощенная своими видениями, девушка не могла узнать его. Потом вернулась реальность.

Тор Лайл — не Рука, не охотник, человек из ее времени. Хотя в нем и тот и другой. Она ошеломленно смотрела вниз, и ей казалось, что в нем возникают те двое других, борются, исчезают вновь.

— Гвеннан... — снова позвал он ее по имени. Буря теперь не заглушала его голос. Напротив, ночь странно затихла. Стало так тихо, что ей показалось, что со своего места он может услышать, как бьется ее сердце. Она призвала все силы и храбрость, чтобы встать, но не отрывала от него взгляда.

Он уверенно подошел, как будто не сомневался, что она этого хочет, хотя по насыпи подниматься не стал. Остановился, по-прежнему освещая фонариком свое лицо.

— Она у вас, — спокойно заговорил он. Как будто они дружески расстались всего несколько мгновений назад. — Сарис позаботилась об этом, верно? Она... — Он покачал головой, потом улыбнулся. — Мне она никогда не доверяла. Мы, древние, умеем ненавидеть. Вы уже знаете это, Гвеннан? Нет, вероятно, — в вас слишком разбавлена древняя кровь...

Как будто разговор перенесся из зеленого мира в этот. Она не желает его слушать. Если бы у нее хватило воли, она заткнула бы пальцами уши. Но Гвеннан обнаружила, что не может этого сделать. Все равно придется слушать, что он скажет.

Его глаза слегка сузились. Лицо было ярко освещено, она ясно видела каждую черточку; она никогда его не забудет,

всегда будет помнить инстинктивные реакции, смену выражений на этом лице.

— Значит, вы до сих пор не поняли. — Он говорил нетерпеливо, с выражением человека, встретившегося с глупостью, когда время истекает, а у него еще не выполнено важное дело, и он должен заставить ее поверить в это дело. — Взгляните на то, что вы держите... смотрите на него не только глазами...

Она подчинилась резкому приказу, не смогла противостоять его воле. Гвеннан подняла подвеску, посмотрела на циферблат, где вместо цифр астрологические символы, а вместо стрелок — луч света. Луч снова передвинулся, на циферблате появились и другие линии, очень тонкие, но заметные. Многие символы она не могла понять. Диск показывал время не ее мира, луч на мгновение освещал тот или иной символ, впечатывал ей в память. Как никогда она не забудет лицо Тора Лайла, точно так же не забудет она и последовательности звездного времени.

— Звезды на их орбитах... — сказал он. — Требуется долгое время, чтобы они совершили полный круг. Мы рождаемся, умираем, возрождаемся вновь — а звезды продолжают двигаться своими путями. И когда они занимают нужное положение, сбывается предначертанное.

— Не знаю, о чем вы говорите... — Гвеннан попыталась спастись от него и его тайных познаний.

Тор пожал плечами:

— Пока ваш мозг закрыт. Но он откроется... — Он говорил уверенно; взглянув на его сжатые челюсти, она плотнее взялась за подвеску. Ясно, что он не собирается отпускать ее, пока не получит то, что ему нужно.

— Сарис знала — и я знаю. Невозможно скрыть от нас древнюю кровь. Мы — хранители памяти. Теперь Сила снова возрастает... — он откинул голову и насмешливо рассмеялся. — Ах, какой знак судьбы: время Сарис закончилось как раз в этот критический момент! Когда-то перед ней был выбор — теперь выбор передо мной! Возможно, мне следует по-

благодарить вас за прошлое, Гвеннан. Вопреки своему желанию, вы помогли мне найти убежище. На этот раз... — он широко развел руки, направил луч фонаря от себя, в сторону леса... — на этот раз я все знаю, и Сарис не сможет помешать мне!

— Не знаю... — снова начала Гвеннан, но он прервал ее.

— «Не знаю!» — В его голосе звучала насмешка, лицо отвердело и замкнулось, он снова осветил его фонариком. — Не играйте со мной! Да, вы порочны, кровь Лайлов многократно расслаблена в вас браками с низшей кровью. В нашем поколении остаемся только мы с Сарис. Мне... — он мигнул, и рот его искривился, будто от горького... — Мне необходимо получить то, что вы можете дать... хотя бы на время. Я уже могу приказывать. Линии леев почти восстановились, они сильны, в них вновь пульсирует Сила. Мы ждали здесь, в этом укромном месте, ждали так долго, что обычный человек этого даже представить себе не может, надеялись именно на это — что наступит час, когда мы снова сможем воззвать к Силе, и она ответит на наш призыв. Но как много времени потребовалось, чтобы залечились раны, чтобы восстановились разорванные пути, чтобы вспомнилось забытое!

Линии леев? Да, Гвеннан смутно понимает это. Она ухватилась за свои скромные познания.

— Но леи — они в Британии, в Европе, здесь они не нанесены на карты... — она сознательно отреклась от того, что показала ей леди Лайл.

— Они образуют сеть по всей земле, — с отсутствующим видом повторил он, как будто занялся уже другой проблемой. — Эти камни обозначают пересечение двух могучих линий Силы, она снова струится по ним... как раз вовремя...

Гроза уходила, тучи над головой начали расходиться, появились звезды. Тор Лайл молчал, и Гвеннан приободрилась. Она сторонилась нереального. Нужно уйти от камней, вернуться в тепло и безопасность своего дома. А это — не из мира, который она знает.

Но когда девушка уже собиралась уходить, он сделал шаг в сторону насыпи. Направил луч фонарика вверх, прижал ее к камням.

— Идем! У нас много дел... — В его приказе звучала уверенность.

— Нам нечего делать — вместе! — Она вызывающе протянула подвеску. — Я ухожу домой...

— Вы единственная... у вас в руках ключ. Используйте его, вы должны! — Впервые в словах его послышалась неуверенность; он как будто торопился подчинить ее своей воле.

— Я сама по себе! — Она держалась за это убеждение, как в том мире с зеленым освещением, как держалась Орта в умирающем мире. Гвеннан вынуждена была признать, что те сны — когда-то, где-то — были реальностью, что она действительно была в другом времени, в другом мире. Однако сейчас она здесь, а этот мир не признает другие миры и времена. Поэтому Тор Лайл не может заставить ее использовать то, чем она не обладает.

Он как будто прочел ее мысли, понял, что крепнет ее сопротивление. Опять рассмеялся.

— Попробуйте, Гвеннан, попытайтесь освободиться. Вы не можете сбежать от того, что в вас с рождения, не можете убежать от своего будущего. Сарис знала — и теперь я согласен с нею, — что вы одна из нас. Моложе нас по знаниям, ребенок среди тех, кого в прошлом люди называли богами — и будут называть снова. Вы придете... откроете...

Чувствует ли он, как растет ее способность к сопротивлению? Сами камни придавали ей нужную энергию.

— Вы — придете!

Тор откинул голову и пронзительно крикнул. Свет его фонаря устремился от нее, осветил ближайший края леса. Оттуда выползло мускулистое тело; когда Тор отвернул свет, оно поднялось с четырех конечностей на две.

Цвет у него тускло-серый, с черными пятнами; такой цвет обманчив для глаза наблюдателя, позволяет слиться с ночью.

Оно подползало все ближе, и с ним появилось зловоние, тот ужасный запах, который повис у дома Гвеннан в ту ночь бури. Чудовище подняло голову, посмотрело на верх насыпи, и Гвеннан снова увидела его красные глаза.

На задних лапах оно ростом с Тора, и тот факт, что оно может при желании передвигаться по-человечески, был так же ужасен, как и вся фигура. Такой зверь — это издевательство над природой.

В нижней части головы пасть, она раскрывается так широко, будто череп раскалывается на части. Над пастью на месте носа черное пятно, а вокруг него торчком стоящие волосы. Такие же жесткие длинные волосы растут над глазами; лба почти нет. Череп покато уходит назад, он зарос шерстью, по обе его стороны торчат маленькие уши.

Плечи узкие, а торс очень длинный, задние конечности кончаются не лапами, а птичьими когтями, а на передних руки с пальцами. Темный язык, черный даже в свете фонарика, свисает меж зубов, и по узкой груди течет струйка слюны.

Подойдя к Тору, существо скорчилось на земле, сжало передние конечности в кулаки, которыми уперлось в затвердевшую от мороза почву, язык взад и вперед двигался по нижней, почти безгубой челюсти. Гвеннан ощутила дурноту и слабость. От этого кошмара исходила волна ужаса, такое зло, такая враждебность ко всему живому, что невозможно было выдержать.

Луч фонарика Тора оторвался от чудовища и снова остановился на Гвеннан.

— Разве я не сказал, что линии снова полны Силы? Если правильно позвать, открываются врата и выходят те, кто живет за пределами нашего мира. И в бесчисленных мирах в других временах есть гораздо более сильные слуги, чем этот. Столетиями люди рассказывают сказки о дьяволах и чудовищах, и над ними только смеются — а ведь они говорят правду. И есть люди, которые проглочены Силой и выброшены в другие миры.

Я уже предложил вам однажды свободу Силы, возможность полностью использовать то, что дремлет в вас. Но без меня вы этого сделать не сможете...

Гвеннан удалось отогнать тошноту, которую вызвало в ней скорчившееся существо. Оно все еще здесь: она видит в темноте его красные глаза. Неужели он хочет использовать его как оружие, чтобы заставить ее подчиниться?

— Вы погубили Орту... — Неужели она сказала это? Или просто смешиваются воспоминания?

— Только потому, что мне нужно было знать, где убежище. Не было времени убеждать вас, что я прав. — В голосе Тора звучала спокойная уверенность, он, должно быть, поверил, что все в его власти. У него есть план, как использовать ее сейчас. Какой план?

— Звездное колесо снова повернулось, — сказал он голосом охотника. — Мы не можем остановить его вращение, как не можем передвинуть звезды, изменить их рисунок, чтобы тем самым изменить свою судьбу. Мир снова должен погрузиться в темноту. Но на этот раз, да, на этот раз мы боремся не с силами природы, а с честолюбием самого человека. А то, что может сделать один человек, может изменить другой! Но для этого нужно располагать всей Силой — которая была забыта и опорочена, однако она есть, и она мощнее любого известного оружия. На этот раз погружения в темноту не будет — благодаря таким вождям, которые не думают о защите других и самоограничении.

— И вы должны стать таким вождем?

— А кто еще? Некогда меня сдержала, закрыла мне рот, связала бесплодная вера, что кто-то знает лучше меня. На этот раз... ах, на этот раз! — Голос его взметнулся, как победный крик. — Звезды против Сарис, которая своей хитростью привела вас сюда, она права: в вас есть и дар, и древняя кровь. Но вы недостаточно сильны, вы не знаете природу тех сил, которые можете пробуждать. А Сарис пришлось отказаться от влияния на вас. Меня тоже считали полукровкой... — Последнее слово он выплюнул, как грязь. — Никто

не знает, как я искал знаний, чему я научился! Даже полукровка, которому недоступно их полное возобновление, не такой короткоживущий, как те, что опустились до состояния животных и теперь медленно поднимаются снова. Я знаю гораздо больше, чем подозревает Сарис.

Я мог бы действовать честно, в соответствии с древними клятвами. Она не может отрицать, что сначала я явился к ней и рассказал ей правду. Но она отвернулась от меня и... — в его хорошо контролируемом голосе звучал гнев... — расправилась бы со мной, если бы смена не произошла слишком быстро для ее планов. Поэтому она обратилась к вам, а вы даже меньше, чем когда были Ортой с зеркалом. В вас только небольшие остатки Силы. Но они смогут вырасти, и вы достигнете того, чего не достигал в прошлом ни один полукровка. Я предлагаю вам шанс — присоединяйтесь ко мне добровольно и разделите со мной мою победу. Вы получите больше, чем думаете, больше, чем может постигнуть человек. Отвернитесь от меня, как вы пытались в прошлом, и не только обречете на смерть свое тело, но и исказите свою внутреннюю сущность, вместо того чтобы привести ее к свету и победе. Нас ждет война, какой не знал мир, даже в легендах. Хотя в далеком прошлом были такие, кто в своем безумии после великой Смерти пытался пользоваться оружием, которого не понимал, и еще глубже и шире разорвал землю, и раны от этого заживали многие века.

Эта война велась в таком же невежестве, как и та, что ожидает нас. Люди играют орудиями, которых не понимают. Но людей можно покорить, использовать их страхи, их неуверенность, саму их природу. И возникнет новый век, в котором будет править Сила, век вечного мира!

— Мира такого, какой нужен вам?

— Да, моего мира. Неужели вы думаете, что он будет хуже того, что нас ожидает?

— Если у вас такие армии... — Гвеннан рукой указала на уродливое существо, ждавшее приказа Тора.

— Людьями легче всего править с помощью страха. Если мой спутник вызывает не меньше страха, чем целая армия, тогда я прекрасно решу все проблемы.

— Но они убивают. — Гвеннан припомнила, что рассказывают в городе. — И от них несет... Тьмой... злом...

— Тьма... зло... — вернулся прежний насмешливый тон. — Слова. В природе человека инстинктивно бояться и ненавидеть то, чего он не понимает, то, что чуждо ему по форме или отлично по мысли. Я тоже испытал такие страхи. Да — мои существа из другого мира, такова их природа, а здесь они должны питаться. Они питаются жизненной силой, которую можно извлечь только у живого. Разве вы боитесь кошки, которая убивает мышей, человека, поедающего дичь или мясо скота? Сначала посмотрите на свои обычаи, потом критикуйте других. В свое время и на своем месте они в своих правах.

— Слова... — повторила Гвеннан его презрительное замечание. Она чувствовала в себе новые силы. Пришли ли они от подвеска, подарка Сарис? Или они имеют отношение (она взглянула на циферблат: вторичные линии теперь ярче, символы, на которые они указывают, светятся, как драгоценности)... имеют отношение к тому, через что она прошла, к переменам внутри нее, которые она пока еще не осознала? Гвеннан чувствовала эту новую силу. Может быть, несмотря на всю свою самоуверенность, Тор не сможет подчинить ее своей воле?

— Слова, — снова сказала девушка. Она стояла прямо, прижимаясь спиной к камню, руки держала на уровне сердца, у груди, так что тепло подвески проникало сквозь одежду. Слышала ли она на самом деле отдаленный звук рога?

Она не хотела иметь дела и с охотницей, даже если Сила той может дотянуться до других миров. Она не будет ничьим оружием!

Девушка подняла правую руку, прижала обнаженную ладонь к поверхности самого высокого камня. И чуть не отдернула ее. В нее устремился такой поток энергии, как в Орту,

когда она в последние мгновения своей жизни осмелилась подняться на трон Голоса. Но только эта энергия не рвалась изнутри, не прорывала плоть и кости, не уничтожала ее, потому что она не могла ее контролировать. Нет, эта энергия скорее вливалась, заполняла пустоту. Гвеннан пила ее, как пьют жаждущие из вновь найденного источника.

Гвеннан забыла о Торе, о существе, скорчившемся у его ног, забыла обо всем, кроме этого наполнения... экстазом. А потом...

Потом удар: ветер, молния, громовой раскат с начавшего расчищаться неба. Гвеннан услышала крик, резкий, требовательный: так кричат в передних рядах битвы, требуя подмоги. И кричала не она. Хотя губы ее производили звуки, слова, но языка такого она не знала. Как будто формула какого-то ритуала.

Гвеннан ослепла от молнии. Молния ли это с неба? Разве не поднялась она от земли? Что-то темное, черное пятно показалось меж вспышками, прыгнуло в воздух и устремилось к ней. Камни засверкали ярче, а Гвеннан пела, прижимая к груди дар Сарис.

Появились новые тени, они собрались, готовясь штурмовать насыпь. Она чувствовала это, хотя и не могла ясно их различить. И не могла повернуть голову, чтобы посмотреть, что ползет к ней сзади. Она не должна думать об этом. Идет борьба воли против воли. Тор пробудил больше, чем сам сознавал. Но она чувствовала продолжение нападения, его стремление покорить ее.

Кожа Гвеннан зудела; то, что в нее вливалось, слегка изменялось. Ей нужно время, чтобы проверить, изучить. Сарис... Тор... они теперь не имеют значения. Это новая форма жизни, это...

Тьма!

Полное отсутствие света на мгновение обдало ее холодным, ужасным страхом. Гвеннан одна, совершенно отрезана от источника тепла и жизни, который только что так изобильно питал ее. Она погибла... забыта...

Назад? Неужели ее тянут назад, в мертвый мир, где боролась Орта? Ей кажется, что она снова дышит отравленным воздухом, пепел забивает ей легкие. И она ничего не видит! Она вернулась в тот момент, когда волна нависла над храмом, готовая поглотить его?

Нет! Внутри нее есть теперь то, что может отослать ее назад, должно отослать назад! Камни, эти горящие свечи, столбы ожившей Силы... Гвеннан нацелила свое сознание на камни, стремилась увидеть их в надвигающейся тьме, почувствовать под пальцами их грубую поверхность, которая оживает под ее прикосновением.

Колесо... Нет, это диск подвески! Он висит перед нею в воздухе, светящиеся линии на нем становятся все ярче, символы яснее. Так уже было когда-то... и потом... и опять так.

Она смотрела на циферблат. Он больше не зажат в ее руке. Скорее заполняет большое пространство вокруг нее. Символы сияют золотым блеском. Световая линия, обозначающая прохождение времени, движется, касаясь одного символа, другого. Время ускоряется, становится игрушкой неизвестной энергии. Оно становится смутным пятном, движется так быстро, что символы сливаются друг с другом. Гвеннан чувствует биение — это не биение ее сердца. Скорее другая часть ее, не принадлежащая физическому телу.

Циферблат теперь огромен. Он заполняет весь мир... ничего не осталось, кроме...

Она ничего не видит, кроме огненного шара, который вьет вокруг нее золотую сеть.

Тепло... свет...

Гвеннан шевельнулась, рука ее коснулась грубой поверхности. Она стоит на коленях, слегка наклонившись вперед, одной рукой упираясь в самый высокий камень. Солнечный свет раннего утра отблескивает на ивее на луговой траве. Вот край леса... серая линия крыши дома Лайлов.

Тор?..

Никого нет у подножия насыпи. Ни следа хозяина и того чудовища, что он вызвал. Она посмотрела на циферблат.

Он изменился. Теперь это всего лишь круг фигур зодиака с единственным светлым треугольником. Он мертв... или спит. Гвеннан ощутила потерю. Медленно, неуверенно всматривалась она в себя. Нет слов, чтобы описать, чего она добивалась. Что почти проснулось в ней?

Она коснулась чего-то — и мгновенно отшатнулась. Нет! Она еще не готова. Даже к противостоянию Тору она не была готова. Слишком все перенапряглось, болело, как глубокая рана, от малейшего прикосновения. Она должна подождать... подождать... и тогда узнает...

Гвеннан встала. Камни казались такими же, как всегда — грубыми скальными столбами. Она снова коснулась высокого, подержала на нем руку... но не смела просить ответа. Предупреждение... то, что она так отшатнулась от боли... Еще рано... еще рано!

Тело ее ооченело от холода, она чувствовала себя истощенной; шатаясь, спустилась к тому месту, где стоял — в гордыне и силе — Тор. На заиндевевшей траве не осталось ни следа. Был ли он вообще здесь? Да! Она поняла это по странному чувству, которое шевельнулось в ней, когда она встала на место, где в последний раз его видела. Не хотела бы она снова испытать это чувство.

Следы! Гвеннан застыла. Почерневшее место... еще одно... третье... Они вели по лугу к деревьям. Она уловила слабый запах — зловонный. Земля выгорела, трава сожжена. И на этой почерневшей земле несомненные следы — глубоко впившиеся когти. Тут прошло существо, которому нет места в нормальном мире.

Линия следов вела от леса. Она ошибалась: не туда, а оттуда. Ночной пришелец испарился, исчез на том самом месте, где она видела его скорчившимся у ног хозяина. Вернулся в свой мир? А что с Тором? Девушка стояла, глядя на крышу дома Лайлов. Он считает теперь этот дом своим? Она не могла поверить, что он смирился с поражением.

Гвеннан втянула плечи и отвернулась. Что-то гораздо большее, чем она способна понять, борется в ней. Ей

нужно время... возможность расслабиться в повседневном мире. Потому что именно в этом мире — теперь она была в этом уверена — ей предстоит еще одна решительная встреча с Тором.

Глава десятая

Солнце уже довольно высоко, хотя изморозь на траве еще не растопило. Гвеннан плотнее запахнула шарф. Она стремится только в тепло своего дома, в реальный мир, который знала всю жизнь. Слишком многое произошло; эти сны, встречи — все это вызвало у нее усталость и ошеломление.

Идя, она старалась не наступать на эти почерневшие места и держалась как можно дальше от края леса. Ни птиц, ни звуков, только шум ее шагов.

Она переносила тяжесть с ноги на ногу с притупленной решимостью, добралась до стены, перелезла через нее, вышла на дорогу. Мимо не прошла ни одна машина, Гвеннан шла по абсолютно пустой улице, на ней даже следа не было.

Увидев дым над домом Ньютонов, она облегченно передохнула. Это признак реальности. Как можно быстрее прошла к своей двери — и остановилась, прижав руки ко рту, глядя на дорогу перед своим домом, на газон по обе стороны от нее.

Черные, смертельно черные — как будто кто-то взял черную краску и с большой старательностью и искусством вывел этот грязный след. Те же ожоги, оставленные чудовищем, которые она видела на земле у стоячих камней. Гвеннан показалось, что она ощущает знакомое зловоние. Но очень слабое. Эта бродячая угроза побывала тут не так недавно, как позволяли предполагать следы.

Гвеннан не прошла сразу в дом, она прошла по следу. Он огибал дом, и она вернулась к тому месту, с которого начала, где следы внезапно обрывались. Существо, которое в знак угрозы или предупреждения бродило здесь, казалось, вынырнуло из ничего и туда же вернулось. Никаких следов прихода

или ухода. Только этот круг доказывал, что ее единственную надежду на безопасность обошел часовой.

Девушка осторожно шагнула в сторону, стараясь не касаться следов. Это всего лишь следы, но она не хотела никакого контакта с тем, что оставило это злое существо.

Ключ — она не может вспомнить, как выходила из дома. Закрыла ли она за собой дверь? Гвеннан задержалась на пороге, рассматривая толстые доски двери. На них старинный защитный рисунок — двойной крест как заклинание от зла, предупреждение тому, что может бродить по ночам. Обрывки сведений, в которых она больше не уверена, то, что она когда-то читала (или все это появилось у нее в голове во время происшествия у камней), — все смешалось в ее голове. Она взглянула выше, на дверную раму. И увидела покрашенную металлическую дугу — подкову с поднятыми вверх концами, чтобы удерживать счастье в доме. Холодное железо по традиции — мощное оружие против невидимого.

Впервые Гвеннан заметила следы рядом с этим деревенским символом счастья. Вот деревянный столб, к которому крепилась подкова. На нем следы, но еле заметные, как те черточки на камне, которые видны только под определенным углом освещения.

Она попыталась рукой проследить неровности дерева, увериться, что глаза ее не обманывают.

Это...

Она опустила руку и отступила на шаг, широко раскрыв глаза.

Она не подсвечивала фонарем этот кусок дерева многолетней давности. Но теперь, как будто прикосновение пальцев оживило их, следы стали ясно видны. Но только на одно-два мгновения, потом они снова слились с серым фоном. Тень упала на дом, на двор: облако закрыло солнце. Подул холодный ветер.

Но она видела... лицо... незнакомое лицо, изо рта его поднимались и огибали голову два стебля. А второй символ ей давно знаком — анк, священный крест, который в древности

считался ключом к вечности. Кто вырезал здесь эти знаки? Окруженное ветвями лицо: в памяти у нее всплыла фотография резьбы в одной древней церкви за морем. Зеленый Человек! Ему посвящались лесные обряды...

Гвеннан медленно подошла. Действительно ли она это видела? Теперь дерево казалось совершенно лишенным рисунка. Может, после этой ночи у нее слишком разыгралось воображение?

Она потянула дверь, обнаружила, что действительно оставила ее открытой, прошла в полутемную прихожую. Ее окружили тепло и знакомые запахи дома. Дыхание ее стало похоже на рыдания без слез. Гвеннан побежала в кухню и остановилась наконец посреди домашнего комфорта, стараясь здесь отыскать безопасность, как ребенок кутается в одеяло холодной темной ночью.

Здесь ничего не изменилось, она не видела никаких следов вмешательства. Гвеннан сбросила пальто, шарф, капюшон и торопливо подбросила дров в ждущую печь. В ней оставалось достаточно прикрытых пеплом углей, дрова загорелись. Гвеннан механически начала готовить завтрак, принесла яйца, бекон, поставила на огонь кофейник, нарезала хлеб на тосты. За этими привычными занятиями она постепенно теряла ощущение отстраненности, снова стала той, какой всегда себя считала, все остальное отодвинула подальше.

Взглянув на настенные часы, которые своим привычным тиканьем добавляли ей спокойствия, она вздрогнула. Десять... и заседание совета!.. Документы, которые нужно было подготовить... у нее теперь нет для этого времени. Поест, переодеться в респектабельный костюм, в каком ее ожидает увидеть миссис Эйберс, поторопиться в город.

Она быстро ела и думала, что случится, если она объяснит опоздание своими ночными приключениями. Совет немедленно займется поисками нового библиотекаря, а бедную Гвеннан Даггерт тут же отправят в какую-нибудь тихую больницу, где ее галлюцинации послужат примером для изучения тамошнего психиатра. Она даже может оказаться ге-

роиней одного из романов ужасов, на которые сейчас такой спрос.

Якорь для нее — выполнение привычных обязанностей. Она сложила невымытую посуду — мисс Несса называла это неряшливостью. Резкий звонок телефона заставил ее слегка вскрикнуть, чашка кофе выпала из руки и разбилась, забрызгав пол темными пятнами.

Какое-то время она не могла пошевелиться. Потом прошла на другую половину кухни и хрипло сказала:

— Алло!

— Гвеннан? — Голос у мистера Стивенса удивленный, даже неуверенный.

Она собралась с мыслями.

— Да. Кажется, я слегка простудилась... — По крайней мере это объяснит странности, которые могут заметить в ее поведении сегодня утром. — Но я буду на заседании.

— Уделите мне немного времени после совета, Гвеннан. Мне кое-что нужно обсудить с вами. Хотя лучше дать вам знать пораньше, потому что дело очень важное. Вы придете пешком?

— Конечно. Как всегда.

— У вас там одиноко.

— Нас никто не беспокоит. Мисс Нессе так нравилось. Я приду вовремя, мистер Стивенс.

— Время, да, оно уходит. Ну, помните, что я хочу поговорить с вами после заседания... это важно, иначе я бы не стал настаивать. Ведь сегодня суббота.

Она переоделась, бросив снятую одежду кучкой: мисс Несса очень это не одобрила бы, она долгие годы приучала Гвеннан к аккуратности. И вышла, с чемоданчиком в руке, надеясь во время доклада вспомнить все, что собиралась сказать за последний месяц. Оглянув двор, почему-то не удивилась, увидев, что следы исчезли. Может быть, достигла такого состояния, когда ее уже ничего не удивит.

Привычный распорядок жизни все больше и больше отодвигал прошедшие часы в царство снов, и она наконец на-

чала думать, не привиделось ли ей все. Гвеннан сосредоточилась на отчете, пользуясь искусством, которое усвоила как помощница и представитель мисс Нессы: все внимание уделяла текущей работе, забыв обо всем остальном. Раньше ее отдушиной была скромная личная жизнь, теперь — эти дикие сны. Она очень удивилась, когда в конце заседания престарелая миссис Киттеридж, придя в себя после привычной полудремоты, спросила:

— Что насчет документов Кроудеров? Мы ведь так и не решили, что с ними делать. Эмма гордилась всеми этими письмами и книгами. Считала, что они должны перейти в какой-нибудь колледж.

Мел Тиг, представляющий фермеров и всегда голосующий против любых новых расходов, прочнее уселся на своем стуле.

— Кое-что есть в этих бумагах. Кроудеры всегда занимались делами города. Старый Тед Кроудер первым договорился с Лайлами, когда мы приплыли по реке из Фрипорта и поселились здесь. Для своего времени он был образованный человек, говорят, всюду отыскивал необычные вещи и делал тоже — разговаривал с индейцами об их дьяволах и тому подобное. Он один из тех, кто просто исчез, — так говорят. Пришел дьявол и забрал его во время грозы. Так у нас в семье рассказывали. Мет Тиг при этом присутствовал. Он с тех пор изменился. Кроудеры много не говорили, но вели записи, все записывали аккуратно, очень тщательно. Все знают, что они любили писать, вели записи обо всем. Дедушка говорил мне, что в прежние времена, когда хотели узнать правду, было ли это или не было — ну, там, границы участков и все такое, просто шли к Кроудерам и спрашивали.

Тогда кто-нибудь из Кроудеров доставал большую старую книгу и смотрел в нее. И там оно и есть, записано и со всеми подробностями. Они записывали все, что происходит. Может, слишком много записывали, и это не нравилось Лайлам — Тед не понравился. Лайлы жили как господа, со мно-

жеством слуг, когда пришли люди из Фрипорта. И всегда дружили с индейцами, да. А этот случай с дьяволом...

— Лайлы, — своим обычным четким голосом с подавляющей интонацией заговорил миссис Эйберс, — всегда приносили городу добро. Индейцы нападали на всю округу, но здесь никого не трогали.

— Да, а те, кто пытался нападать, плохо кончали, — заметил Мел. — Эту историю я тоже помню. Один из Тиггов был среди тех, кто набрел на лагерь французов и индейцев. Они встретились с чем-то, чего не ожидали. Этот Тиг всегда говорил, что худшей бойни не видывал, вообще это не человеческая работа, сам дьявол приложил руку к этому делу.

— И сейчас этот дьявол кое с кем пытается познакомиться, — Джим Пайрон, редактор «Уикли Кларин», выглядел крайне заинтересованным.

Гвеннан прекратила складывать бумаги в чемоданчик. Она не смела взглянуть этим пожилым людям в лицо. Все они принадлежат к семьям основателей города, и у всех в семьях много преданий и рассказов. Она знала то, что во время короткого поиска обнаружила в некоторых бумагах Кроудеров. Что еще может скрываться в неоткрытых коробках?

— Последний раз он появлялся лет сто назад, — заметила миссис Киттеридж. — Я помню бабушку Уоттон. — Она помолчала, потом продолжила: — Это не выдумка. Не думаю, чтобы кто-то стал отрицать: временами в этой долине появляется нечто очень странное.

— И убивает одного-двоих, — реплика Мела вызвала всеобщее молчание.

— Хорошо бы просмотреть эти бумаги, — добавил он. — Или попросить это сделать Боба Бейнса. Он шериф, у него могут возникнуть идеи...

— Никогда не думал, что закон будет охотиться за дьяволом, — заметил Джим Пайрон. — Обычно он имеет дело с последствиями его работы, а не с ним лично. Сейчас это какое-то дикое животное, может, большая кошка. Они иногда заходят сюда с севера, и чаще, чем люди это замечают.

— Вы всегда выступаете за обе стороны, Джим, — сказал Мел.

Издатель рассмеялся:

— Это называется — не иметь предрассудков, Мел. Я сам заглянул в наши подшивки «Клариона». Конечно, наша газета выходит только с 1830 года, но я нашел несколько странных случаев. Согласен, что в мире гораздо больше странного, чем готовы признать люди. Эти бумаги Кроудеров — похоже, ими стоит заняться. Не только из-за историй о дьяволе. Это вообще местная история. Я мог бы завести постоянную колонку, что-нибудь вроде «Сто лет назад и сегодня», и цитировать из них. Как, Гвен, что-нибудь делалось с этими бумагами?

— Нет. Ящики в кладовке. Я открывала один с городскими документами. С дубликатами, конечно. Они в хорошем состоянии.

— Не возражаете, если я пороюсь в них? Я, может, лучше других замечу интересное. — У Джима совершенно исчез скупающий вид, с каким он обычно сидел на таких заседаниях. Пайроны — старое семейство, но Джим в городе новичок. Он унаследовал газету от двоюродного брата и вернулся в город после обучения в колледже и службы во Вьетнаме. В городке он считался почти таким же заядлым путешественником, как Лайлы.

Миссис Эйберс подняла голову от своих старомодных галош.

— Я слышала, леди Лайл опять уехала. Говорят, она больна. Плохо... Мне не очень понравился этот ее племянник. Она его представила в магазине. Если что-нибудь с нею случится, он поселится в доме Лайлов.

— Он молод, о нем еще нечего сказать, — заметил Мел. — Почти все время сидит в доме. Видел его на дороге вчера вечером. Он парень ничего, но не похож на леди. Она строго себя держала, но никто никогда не слышал, чтобы она не помогла, если попросишь. Можете спросить у преподобного. Жаль, что его нет сегодня на совете. Я слышал, Сал-

ли Эдвардс заболела, и он согласился отвезти ее в Фрипорт...

— А что с Салли? — Миссис Киттеридж даже слегка оживилась. — Я ее два дня назад видела, она была здорова. Сказала, что ни на что не жалуется. Несчастный случай? Почему мы ничего не слышали? — Она говорила негодуя.

— Никакого несчастного случая. — Мел покачал головой. — Семья не хочет об этом рассказывать, но все равно все в городе скоро узнают. Салли нашли на краю леса Бринков почти вне себя. Она была в истерике. Потом у нее случился сердечный приступ. Ее нужно было как можно быстрее доставить в больницу. Нам в городе нужен свой врач. Как умер старый док Андерсон, у нас нет своего. Но вся эта нынешняя молодежь... Думают, что в большом городе легче заработать, а тут у нас мало что получишь. Мы слишком здоровы.

— Лес Бринков. — Джим, который всегда выступал за то, чтобы в городе была постоянная медицинская служба, теперь заинтересовался другим в рассказе Мела. — Это ведь по другую сторону от дома Лайлов, верно? Я там проезжал недавно и подумал: странно, что никто хворост не убирает. После сухого лета его там много, ударит молния, и у нас будет большой пожар.

— Верно. Но старую Лови Бринк ничего не заставишь сделать. Она ни о чем не заботится, пока у нее есть свой садик и очередной чек регулярно приходит в банк. Сын ее не бывал дома лет десять или больше. Лес Бринков — как раз в таком месте этот дьявол и может спрятаться. А такая женщина, как Салли — если за ней погонятся или просто она увидит что-то странное, у нее вполне может быть сердечный приступ. Мне кажется, Бейнсу стоит туда заглянуть. Я ему скажу. Ну, время идет. Кое-что мы решили. Гвенни, присматривай за каждым пенни. Их нельзя бросать беззаботно! — И он тяжело поднялся со стула.

Впервые Гвеннан осознала, что мистер Стивенс, хоть и присутствовал на совете, почти ничего не сказал. Он даже отставил свой стул от стола, а когда к нему обращались, да-

вал ничего не значащие короткие ответы. К спинке его стула был прислонен брифкейс, но он его не трогал, хотя она все время ждала, что он извлечет оттуда что-нибудь касающееся библиотечных дел. Но он только крепче сплетал пальцы и сосредоточил на них свое внимание, как будто терпение его в ожидании конца совещания тоже кончалось.

Она проводила членов совета, заверила Джима Пайрона, что он может в любое время ознакомиться с бумагами Кроу-деров, и вернулась в зал, где ее ждал адвокат.

— Плохие новости, — сказал он. — Леди Лайл умерла.

Резкое заявление поразило ее, но она отчасти была уже подготовлена. Подвеска, которую она носит под блузкой — она не могла уйти от своей хозяйки, пока та была жива.

— Мне... мне жаль. Она была добра ко мне. — Гвеннан так часто пользовалась этими словами. Они не выражают глубины ее чувства, но, как правило, именно их ожидают от нее.

— Она знала, что у нее очень мало шансов вернуться. Уезжая, оставила это — чтобы передать вам. — Он открыл брифкейс и достал оттуда большой конверт. — Что мисс Несса рассказывала вам о ваших родителях? — Неожиданная смена темы удивила ее.

— Моя мать была сводной сестрой мисс Нессы, но намного моложе. Она училась в колледже, сама зарабатывала на жизнь. Мисс Несса это не одобряла. Потом она встретила моего отца, еще до окончания второго курса, и они поженились очень неожиданно. И это мисс Нессе не нравилось: она считала, что нужно заканчивать начатое. Отец... я, в сущности, не знаю, чем он занимался, но они все время переезжали. Я родилась за границей, где-то в Южной или Центральной Америке. Я видела документы — они сейчас в Фрипортском банке. Но мои родители зарегистрировали меня у ближайшего американского консула, и я американская гражданка. На следующее лето они привезли меня сюда. Потом мы поехали в Индию, оттуда... но я этого не помню.

Когда я доросла до школы, они снова вернулись, оставили меня, уехали на юго-запад и там погибли. Один из тех слу-

чаев, о которых иногда пишут. Их самолет исчез, как в Бермудском треугольнике. С тех пор я оставалась у мисс Нессы, а остальное вы знаете.

— Но вы приняли фамилию Даггерт. А как ваша настоящая фамилия?

Гвеннан вспыхнула:

— Я... не знаю. Мисс Несса записала меня в школу под своей фамилией, она мне сказала, что теперь это и моя фамилия. Я всегда гадала: может, мама вышла за отдаленного родственника, которого не любила мисс Несса.

— Я думаю, у вас совсем другая фамилия, — он произнес это как приговор. — Леди Лайл с самого начала интересовалась вами, хотя до последнего времени непосредственно к вам не обращалась. Уж я-то знаю: она запрашивала о вас отчеты, иногда писала об этом из самых разных стран. Но никогда не объясняла мне, зачем ей это. Знаете этих Лайлов; здесь они никогда больше одного-двух в поколение не появляются, но у них связи повсюду. Женятся всегда вдали от дома, и всегда в рамках своей обширной семьи, иногда избирают ветвь из другой страны. Возможно, ваш отец — из их семьи. Это может объяснить, почему мисс Несса держала эти связи от вас в тайне.

— Но почему?

— Мисс Несса была очень гордой женщиной. Может быть, она тоже (и, пожалуйста, не заблуждайтесь насчет моих мотивов) считала этот брак незаконным. Мисс Несса, как мы оба знаем, строго придерживалась морали и обычаев другого поколения. Если ваша мать не обвенчалась здесь в церкви, открыто, с человеком, хорошо известным общине, мисс Несса могла счесть ее брак сомнительным.

Насколько Гвеннан знала, он прав. Но быть из семьи Лайлов... Как назвал ее Тор в их бурном разговоре? — полукровка! У него нет доказательств. Может, они в конверте, который она сейчас держит?

Она открыла конверт. Мистер Стивенс застегивал пальто. Он кивнул ей.

— Если считаете, что нужно что-то оформить по закону, Гвеннан, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. Нужно решить некоторые вопросы, связанные с именем. Я полагаю, все получит молодой человек... Леди Лайл признавала его ближайшим родственником, даже приводила его сюда перед своим отъездом.

Он вышел, а Гвеннан села за стол. Из конверта она достала лист плотной бумаги, исписанный причудливым почерком. Кроме него, в конверте листок, гораздо легче и тоньше. На большом листе — подробная астрологическая карта; Гвеннан недостаточно разбиралась в астрологии, чтобы самостоятельно прочесть ее. Но вверху дата рождения, ее дата. Это явно для нее, но причину она понять не могла.

Она взяла второй листок. Почерк четкий, напоминающий печатный текст, но с индивидуальными особенностями. Это почерк леди Лайл.

«У меня меньше времени, чем я рассчитывала. Тело мое функционирует все хуже, и мне кажется, я знаю причину. Поэтому не могу полностью передать тебе то, что должно составлять часть твоих знаний. Тебе придется учиться самой, и в этом учении ты будешь расти — двери открываются, когда постучишь. А за ними многое, что ты забыла или что сознательно у тебя отобрали. Когда-то ты была другой, но многое изменилось...»

— Орта, — прошептала Гвеннан. — Она, должно быть, говорит об Орте!

«Древние знания, контроль над силами, принадлежащими тебе, все это отнято у тебя, поэтому ты робкоходишь в мир свободы. Я могу только дать тебе возможность учиться заново, укрепляться, приближаться к той личности, какой ты должна была стать. Я оставляю тебе ключ — и другие инструменты. Но никак не могу защитить тебя.

Ты должна сама выбирать, что делать, что изучать, — таков Закон Силы. В этом мы свободны. У нас всегда есть выбор. Делая выбор, мы изменяем свою жизнь, а иногда и жизнь других.

Звезды вернулись на старые орбиты, так всегда поступают звезды поколение за поколением. Снова они в таком же положении, в каком были когда-то при твоём прежнем рождении. И перед тобой выбор.

Вот что я прошу тебя сделать. В день зимнего солнцестояния приди к стоячим камням и используй звездный диск, как подскажет тебе инстинкт. После этого ты пройдёшь испытание. Желая тебе его выдержать — в тебе есть то, что сблизало нас в прошлом. И, если пожелает Сила, сблизит и в будущем».

Как не было приветствия и обращения в начале письма, так же не было и подписи. Должно быть, леди Лайл писала так, чтобы посторонний не мог понять. Только дата на городском подтверждала, что письмо предназначено ей. Но что оно означает, ей предстоит ещё узнать.

Глава одиннадцатая

Гвеннан сидела за большим кухонным столом, единственным, способным вместить собранные ею книги и бумаги. Время немного сгладило впечатления от пережитого у стоячих камней. С той ночи прошли дни, недели. В ту ночь она осознала, полностью и болезненно, что существует больше, чем один мир. Новый хозяин дома Лайлов с тех пор не показывался. Насколько было известно в Уайтбридже, Гор Лайл исчез так же бесповоротно, как и его родственница.

Не было и новых следов «дьявола». Джим Пайрон порылся в бумагах Кроудеров и извлек достаточно материала по истории города для своей колонки. У него даже появилась привычка в субботу по утрам приходить в библиотеку. Гвеннан находила его открытия и оценку их интересными, но вечерами читала сама, сколько позволяло время после выполнения обычных обязанностей.

В эти дни дом мисс Нессы не знал регулярных еженедельных уборок. Заправив кровать, вымыв посуду, подметя,

сколько можно, пыль в тех двух комнатах, где она проводила жизнь, Гвеннан решала, что сделала достаточно. Чтение важнее.

Ей нужен был умный и опытный помощник, но она не знала, где его найти. Звездная карта оставалась тайной, сколько она ни искала объяснений в многочисленных книгах по астрологии. Математика для нее всегда была трудна, а без нее трудно разобраться в этой тайной науке.

Оставались камни и линии леев. Она заказывала в других библиотеках все на эту тему. У нее выросла целая стопа разрозненных и мало связанных друг с другом выписок. В мире огромное количество стоячих камней, некоторые из них с отверстиями. Считалось, что некоторые излечивают: больной пролезал через такое отверстие, чтобы выздороветь. Другие отверстия считались священными: туда просовывали руку, давая клятву. Были и другие камни, в форме чаш; их нужно перевернуть, чтобы обеспечить удачу или проклясть. Камни, камни и камни!

Камни, которые, в соответствии с древними легендами, двигаются в определенные дни года или по ночам. Камни — бывшие грешники, вечно несущие бремя своих грехов; камни, которые дьявол презрительно бросил в священные места, но они либо не долетали, либо способствовали еще большей славе святых. В своем лихорадочном чтении она узнала, что Англия, вернее, все Британские острова, буквально усеяны камнями, обладающими волшебной силой. И это только в Англии!

В Британии и повсюду в Европе есть камни, хотя легенды, относящиеся к ним, не сохранились. Можно обратиться и к Южной Америке. Целая гора, покрытая каменной резьбой, которую не может выполнить ни один скульптор и понять — ни один археолог. Необычные звери, человеческая голова, которая кажется молодой утром и медленно стареет в течение дня, когда меняется освещение. Целая гора — памятник народу, совершенно забытому. Следы этого народа нельзя найти больше нигде в мире.

Гвеннан составляла списки, делала пометки на картах. Выписки становились все хаотичней, они ставили ее в тупик, а не давали знания. Время от времени, глядя на иллюстрацию в книге или читая отрывки древней легенды, она чувствовала, что что-то вспоминает — но это не ее память! Она знала и теорию о народной памяти — запас древних знаний, который может извлечь далекий потомок тех, кто когда-то жил и видел...

Множество жизней? Каков же ответ? Может быть, какая-то личная сущность отрывается от обширной личностной массы, воплощается, живет, познает, а потом возвращается к истоку? Неужели она действительно когда-то была в храме Ортой — в цивилизации, уничтоженной катастрофой и полностью забытой?

Те, кто пережили эту катастрофу, эти разрывы земли, набегающее море — все то, что она видела в зеркале, — эти люди должны были сойти с ума от ужаса, полностью потерять память. Они превратились в бродяг, были отброшены к временам, когда орудием становился камень, когда человек убивал другого за пищу, за безопасное место на ночь. Долго ли могли они сохранить в памяти прошлое?

И такие легенды существуют — в Индии, где люди доверяют больше памяти, чем письменным документам и научным способам познания. А в Африке существует затерянное примитивное племя, которое знает орбиту Сириуса и поклоняется ему. По всему миру распространены легенды о потопе, от которого спасаются немногие люди и животные — на кораблях, плотках, некоторые выползают из пещер. И перед ними открывается совершенно новый мир. Они у нее все здесь, эти легенды. Теперь они записаны, напечатаны, открыты для людей, которые хотят порассуждать об этой странности воображения, распространенной по всему миру. А что, если это вовсе не воображение?

Стопка листов росла. Гвеннан отовсюду собирала факты, которые могли иметь отношение к тому, что она видела, испытала на протяжении одной ночи. И, хотя она никому бы

не призналась в этом, она верила в реальность мира Орты, в существование линий леев.

О «дьяволе» никаких сообщений больше не было. С исчезновением Тора ночное чудовище тоже, казалось, пропало. Девушка больше не сомневалась, что именно Тор каким-то образом, желая того или не желая, вызвал это существо.

О таких появлениях и исчезновениях было множество рассказов — либо во время гроз, либо вблизи линий леев. Если это действительно линии энергии, которую собирают или передают камни, то возможно, эта неизвестная энергия, неправильно используемая или неконтролируемая, открывает врата в другие миры. Гвеннан собрала сотни рассказов о чудовищах, которые появлялись, опустошали, убивали или только пугали, а потом были убиты или просто исчезали. Схватка рыцаря с драконом — неужели это воспоминание о реальном событии, о борьбе существа из другого мира с тем, кто обладает Силой?

Гвеннан лихорадочно стремилась узнать, какое-то глубокое внутреннее побуждение заставляло ее узнавать. Но иногда верх брал воспитанный мисс Нессой здравый смысл. До сих пор ей удавалось держать свое увлечение подобными вещами в стороне от повседневной жизни; она никогда не была расположена к общению, и теперь никто не подозревал, чем она занимается.

Она откинулась в кресле и взглянула на стопку листков с выписками, которые сделала из многочисленных книг и газетных вырезок, усеивавших ее стол. Это — она рукой прижала стопку к столу — единственное, что она нашла во время своих поисков. И нашла она так мало. Ни один житель городка не увидит в этих выписках смысла. Есть другие города, есть авторы книг, которые она прочла, они верят, что ясно не все, что нужно продолжать искать. Впервые в жизни Гвеннан задумалась о поездке, о попытке связаться с другими искателями.

Задумалась — и поняла, что это невозможно. Она никогда не хотела покидать Уайтбридж. И теперь обнаружила, что

даже предположение об отъезде вызывает в ней глухое беспокойство, она отшатывается от такой мысли. Как будто обязательно должна остаться и ждать...

Леди Лайл в своем письме — она много раз перечитывала его — советует ей искать, и она именно это и делает. Но какие конкретные факты может она узнать из фольклора, рассуждений, гипотез, иногда самых диких? Пришельцы, давным-давно высадившиеся на землю и воспитавшие новую расу из получеловеческих существ, мужчины и женщины, чьи способности приводили к их обожествлению, забытые города в джунглях, остекленевшие участки в пустыне, которые могут указывать на место древних атомных катастроф, открытие, что луна в небе гораздо древнее, чем считали люди, что существовали еще две луны — темная Лилит и обожженный солнцем Вулкан...

Все это ей почти бесполезно. Гвеннан внезапно почувствовала усталость. Будто накопилось утомление от бесчисленных часов, проведенных за чтением. Она опустила голову на руки. Закрыла уставшие глаза. Ну и каков же итог? Ничего ценного.

С той ночи она не возвращалась к стоячим камням. И не пойдет — не сейчас! Она подняла голову и посмотрела на старый письменный стол, в котором мисс Несса держала в аккуратных пакетах (каждый перетянут резинкой или упрятан в конверт) те немногие документы, которые считала важными. Акт о домовладении, налоговые квитанции за много лет, оплаченные счета, страховые полисы. Здесь ничего не касалось Гвеннан, кроме ее метрики, документа, подписанного американским консулом в далекой стране. В документе она объявлялась американской гражданкой, дочерью американских граждан. Она рылась в этих бумагах, искала свидетельство о браке, где должна быть подлинная фамилия ее отца. Другие документы, если когда-то они и были, мисс Несса сознательно уничтожила.

Пока мистер Стивенс не спросил ее, Гвеннан и не вспоминала, что ее фамилия — в сущности не ее. Вернувшись в тот день домой, она отыскивала свидетельство о браке...

Кетерн — странная фамилия, ничего похожего она не встречала. Не Лайл. Намек адвоката был неверным.

Она так устала... Взглянула на часы и вздрогнула. Уже больше двенадцати. Она проснется невыспавшейся, не готовой к работе. Механически девушка собрала бумаги в стопку, поставила на место книги. Но хоть и закончила, спать пошла не сразу.

Выл ночной ветер. Первый снег выпал три дня назад, и в библиотеке она слышала, что приближается сильная буря. Сегодня вечером, прежде чем сесть заниматься, Гвеннан убедилась, что у нее достаточный запас дров. И надела три свитера. В шкафу у нее достаточно запасов на случай бури — в каждом доме есть такой зимой.

Завтра суббота, в библиотеке половина рабочего дня. Но все равно придется открывать, разве что за ночь заметет дороги.

Гвеннан подошла к окну и выглянула. Должна быть луна, но небо покрыто тучами, и в стекло, уже затянутое морозом, стучит снег.

Она медленно готовилась к ночи, ей не хотелось покидать теплую кухню. Не принести ли постель и лечь спать на диване, как она не раз делала в прошлом? Но все-таки она пошла в спальню. И хотя очень устала, сон к ней не шел.

Она обнаружила, что все время смотрит в замерзшее окно, через которое на нее в ночь бури смотрело существо из Тьмы. Может, холод отгонит таких бродяг? Если это существо действительно приходило. Но она знала, что это правда.

Под ворохом одеял она сжимала подвеску. Гвеннан всегда носила ее с собой, хотя и прятала под одеждой. Она не могла определить, из какого она металла. Блестит как серебро, но это не серебро. Металл никогда не становился холодным. На ее прикосновение он всегда отвечал успокаивающим теплом.

Звездные часы — так назвала подвеску леди Лайл. Но с тех пор, как Гвеннан ушла тем утром от камней, символы на циферблате стали почти неразличимы, их можно было увидеть только при сильном свете. А световой луч, двигавшийся по

циферблату, вообще исчез. День зимнего солнцестояния еще почти через месяц. Но она не хочет идти: возможно, придется встретиться с новой серией невероятных приключений, которые еще больше отделят ее от родного мира.

Но когда Гвеннан сжимала подвеску в руках, прижимала ее к груди, она ощущала такую уверенность, такую безопасность, будто рядом с ней, плечом к плечу, стоит верный друг. Она закрыла усталые глаза в темной комнате.

Холод — сжатие...

Идет ли она, бежит или ее уносит по этой длинной светлой линии? По обе стороны стены тьмы, такой густой и угрожающей, что она поняла: безопасность — только в свете. От этой узкой светлой тропы поднимаются клубы тумана, одни белые, другие золотые. Рядом с ней они только сгустки пара, а вдалеке как будто образуют фигуры и формы. Но как только она приближается, они растворяются.

Пирамида. Она видит это грандиозное сооружение будто с расстояния. С ее сторон поднимаются полосы огня, похожие на те, что срывались с пальцев Голоса. Гвеннан приблизилась, и пирамида исчезла. На ее месте появилось колесо, оно стояло, как преграда, не давало ей пройти. В нем сверкала пятиконечная звезда, на каждом ее конце — огненный шар, и от него тоже исходят лучи Силы.

Колесо поблекло, исчезло. А впереди хорошо знакомый символ — часть того, что вырезано на деревянной двери ее собственного дома. Анк — ключ, — и от его рукояти, от двойной петли вздымаются лучи Силы...

Ей уже не холодно, все ее тело омывает тепло и ощущение мира, чувство Силы, прирученной, служащей свету.

Она прошла через туман, образовывавший анк.

И вот знак подвески — полная луна, увенчанная полумесяцем. Теперь лучи исходят от концов рогов — не наружу, а внутрь от каждого рога, они ограждают Гвеннан от стены мрака. И знак подвески не рассеивается, не превращается в туман, из которого сгустился. Его лучи образуют дверь, через которую ее проносит.

А что дальше? Ее встречают. Тут и те, чьи лица ей знакомы по другим временам, и она рада их видеть. У нее смутные воспоминания о поездке верхом — не на земной лошади, а на животном, которое гордо поднимает голову с единственным, украшенным золотой спиралью рогом. Она входит в большой дворец, в котором много людей. Мужчины в великолепных кольчугах под плащами тонкого шелка, украшенными драгоценными камнями и нитями жемчуга, женщины, платья которых как будто сплетены из солнечных лучей и морской пены.

Но не все здесь свет. Она бежит, тело ее напряжено от страха, сердце так колотится в груди, что вот-вот вырвется из нее, она бежит по улице, все двери закрыты, ее преследует страшная опасность, она должна из последних сил бежать от нее.

Она лежит на грязной соломе, горло пересохло от жажды, сквозь пробоину в обрушившейся стене бьет жаркое солнце. В ноздрях у нее запах разложения — это разлагается ее смертное тело, гниет еще до того, как лишится жизни, и она про себя взывает к смерти, безжалостной, потому что она не приходит.

Лес, в котором деревья временами превращаются в женщин. Они насмеются над ней, когда она пытается увернуться от хватающей ветви или найти проход между стволами, которые сдвигаются, преграждая ей путь.

Она спотыкается о камни, которые могучее море выбросило на берег; на берегу нет мягкого песка, он покрыт скалами, по которым очень трудно идти; скалы в зеленой и желтой слизи. Над головой проносится тень — какое-то крылатое существо, достаточно большое, чтобы поднять ее и унести, если захочет. Поэтому она прячется меж скал, руками закрывает голову, не надеясь остаться незамеченной.

А теперь под ногами песок — но не намытый водой, — бесконечные пески, никаких следов или дорог. Тут и там ветер причудливо обнажает скелеты — животных или людей в проржавевших доспехах — или маленькие груды костей

в гниющих тканях. По этой пустыне бежало большое войско, воины один за другим падали и умирали. Она спотыкается о стоящий в песке торчком щит.

Теперь не лес из деревьев-женщин, не скалы или песок — сплошная серость, в которой растут гигантские грибы, болезненно-желтые, иногда с ярко-красными шляпками на стройной ножке — они вздымаются над ее головой. И она не идет и не бежит, а прыгает, тело ее согнуто, трансформировано, и она даже не хочет взглянуть на свое отражение.

И все время так — она переходит из одного места в другое, всегда новое, некоторые яркие и прекрасные, другие темные и ужасные. И она понимает, что в каждом из них она жила — или будет жить. В каждом у нее обязанность, которую может выполнить только она, выбор, который только она должна сделать. Но она никогда не знает, в чем эта обязанность, каков этот выбор, потому что нигде не задерживается.

Наконец последняя сцена — она стоит на темном холме. Над ней ясное безоблачное небо — хорошо видны звезды — они кажутся гораздо ближе, чем обычно. Она замечает многие звезды, которых раньше никогда не видела. Звезды не неподвижны, они движутся торжественным маршем, образуют на небе круг, время от времени меняя свое положение. И наконец занимают те же положения, что и когда она впервые взглянула на них. Звездное колесо завершило оборот.

И тут ее охватывает тьма, но не пугающая. В ней тепло и уютно. В этой тьме она больше не видит снов.

Гвеннан проснулась. Окно спальни сплошь затянуто льдом, но дневной свет пропускает. Она взглянула на часы — восемь! Проспала, и теперь надо торопливо одеваться, поесть и бежать на работу. Навалил снег, но она слышит грохот снегоуборщика. Ред Андерсон, который держит снегоуборщик в своем сарае за городом, тоже направляется на работу. По крайней мере часть пути будет расчищена.

Зазвенел телефон: Ньютоны интересовались, все ли у нее в порядке. Она быстро успокоила их. Пол обещал попозже натаскать ей еще дров. Гвеннан так захватили мелочи зим-

ней жизни, что она почти забыла свои сны. Более того, многие действительно совсем забылись, как обычно бывает со снами. Одной рукой она держала вилку, другой составляла список вещей, которые нужно запасти на случай непогоды.

Солнце светило слабо, когда Гвеннан пробиралась по сугробам к дороге. На небе снова появились тучи. Если пойдет снег, лучше ей закрыть пораньше и уйти домой.

Невдалеке пролетел снегоход, до Гвеннан в морозном воздухе донесся смех пассажиров. Девушка, бредя по заснеженной дороге, снова удивилась простоте и привычности окружающего мира. Все шире становится пропасть между нею, между тем, что заключено в ее сознании, и всем остальным. Она покачала головой. Никакой полуночной работы больше. Никаких необычных занятий. Она не смеет. Утром у нее бывали мгновения, когда знакомая кухня, все в доме казалось ей абсолютно чужим. То, что происходит с нею, опасно. Нет! Нужно положить этому конец. Она должна твердо держаться привычной жизни.

Реальность — это хруст снега под ногами, холод, жалящий обнаженные части лица между шарфом и вязаной шапочкой. Она Гвеннан Даггерт и только ею и хочет быть. Остальное...

Она почувствовала страх — что случится, если ее одержимость станет кому-нибудь известна? Большинство горожан и так считают ее странной, она это хорошо знает. И очень небольшое расстояние между странностью и признанием тебя душевнобольной. Она должна вести обычную прежнюю жизнь, как жила до этого водоворота снов и рассуждений.

Добравшись до библиотеки, Гвеннан приняла решение. Она быстро схватила цепь подвески, рывком сняла ее с шеи. Чувствовала, что если не освободится сразу, то никогда не сможет этого сделать.

Она теплая, нет, горячая, будто гневно предупреждает ее. Гвеннан взяла со стола конверт, сунула туда подвеску с цепью, запечатала. Конверт в свою очередь отправился в самый угол ящика. Она соберет все эти книги и отправит назад, ту-

да, откуда их прислали. С этим она покончила, если хочет сохранить здравомыслие и нормальный взгляд на мир.

В этот день не очень много посетителей, но когда она в перерыв прибиралась на полках, зашел Джим Пайрон.

— Погода не очень хорошая. — Он стряхнул снег с тяжелых башмаков, потом сел на стул у двери, снял обувь и прошел к столу в толстых двойных носках. — Говорят, надвигается сильная буря. Как у вас с запасами?

— Сегодня возьму еще, — пообещала Гвеннан. — Я захватила с собой список. Пол Ньютон подберет меня в магазине и поможет с дровами.

— Я бы прихватил пару гроссбухов Кроудеров, если разрешите. Вы можете не открыться в понедельник. На вашем месте я бы закрыл немедленно.

Он ушел с книгами, а Гвеннан снова надела тяжелое пальто и собиралась уже закрывать, но остановилась у своего стола. Если она будет благоразумна, то оставит подвеску в библиотеке: она тут в безопасности; а сама Гвеннан в безопасности без нее. Искушения не будет. Но Гвеннан обнаружила, что почти вопреки желанию открывает ящик, достает из конверта подвеску и кладет ее в карман своей лыжной куртки.

Но одновременно, как бы в противовес, она прихватила большой портфель, полный книг. Книги она подбирала все утро. Никакого чтения о тайнах — три новейших детектива, две биографии, достаточно скучные, чтобы вызвать глубокий сон без сновидений, путешествия, три самых легких и фривольных женских романа. Вот что она будет читать дома! Она Гвеннан Даггерт, городской библиотекарь, самая обычная и нормальная личность.

Зайдя в магазин и делая заказ, она прочно держалась представления о себе как обычной нормальной личности. В Уайтбридже нет супермаркета, и домашние запахи этого старого здания еще больше усилили ее барьер нормальности.

Приехал Пол со своим списком, и они носили в его пикап коробки с запасами на случай непогоды. Снова пошел снег. Солнце исчезло, небо затянули мрачные тучи. Поднялся ве-

тер, режущий, как ножом. Ясно, что близилась обещанная непогода, и Гвеннан была очень рада снова оказаться дома. Пол сначала наполнил ей дровяной ящик на кухне, потом убедился, что в сарае, куда она может пройти из кухни через внутреннюю дверь, дрова наложены до потолка.

Гвеннан собрала книги со стола, быстро сложила их в одну из магазинных коробок и унесла в морозный холод гостиной: пусть мерзнут, решила она, ее это не касается. Но свои выписки жечь не стала. Как не смогла оставить подвеску, так не смогла и уничтожить свою работу нескольких недель. Но все же убрала их подальше с глаз в другую коробку, наверх бросила конверт с подвеской и тоже унесла в гостиную, крепко закрыв ведущую туда дверь.

Глава двенадцатая

Гвеннан ожидала, что ее будут осаждать новые сны и видения и подготовилась упорно бороться с ними. Но нападения не последовало. Спала она без снов, как будто приходила в себя после болезни. Началась обещанная снежная буря, и целых три дня Гвеннан была отрезана в своем доме, сидела у огня, только время от времени делала быстрые вылазки за дровами.

Много спала, чувствовала странную усталость, почти ничего не делала. Мисс Несса учила ее быть постоянно занятой, но теперь мисс Нессы не было, и Гвеннан бездельничала, как никогда в жизни, дремала, время от времени ела суп или, если хотелось, варила что-нибудь посложнее и долго потом ела.

Трижды звонили Ньютоны, проверяли, как она. Потом телефон смолк, и, когда она попыталась позвонить в город Пайрону — проверить, как дела в библиотеке, обнаружилось, что линия не действует. В прошлом такие дни изоляции никогда не проходили впустую. Руки мисс Нессы никогда не отдыхали, и она не позволяла и Гвеннан избегать обязанностей: штопать толстые зимние носки, чинить уже изрядно изношенные простыни, разрезать и сшивать тряпки для по-

ловиков, но теперь груды таких материалов бесполезно лежали наготове.

На второй день, когда сумерки заставили Гвеннан зажечь запасную лампу на батареях — электричество из-за бури тоже исчезло, — она почувствовала какое-то оживление и настороженность. Очевидно, часы полусна заканчивались, она чего-то ждала.

Мисс Несса всегда отвергала всякое шитье, не имеющее практического значения. Но на дне старого сундука у нее хранились ткани — необычно красивый шелк и парча. Судя по форме, когда-то это были роскошные наряды, тщательно распоротые с целью, которая так никогда и не была достигнута. Когда Гвеннан была еще маленькой, мисс Несса, в качестве большой награды, изредка позволяла ей доставать их — разглаживать, разглядывать, удивляться древним вышитым узорам, таким красивым и тонким, как будто эти разноцветные нити сплелись с фоном. В узорах блестели металлические нити, потемневшие от времени, а в середине некоторых цветов были пришиты перламутровые или хрустальные бусы.

Гвеннан понятия не имела, почему об этом вспомнила, но она пошла к сундучку, порылась в невзрачных обрывках — запасе кухонных тряпок, — отогнула хрупкую желтую бумагу, которая всегда прикрывала сокровища, лежащие на самом дне. Откуда они взялись? Мисс Несса всегда твердо отвечала, что это старые вещи, они принадлежали когда-то одному из членов семейства. Она смотрела на них презрительно: Даггерты, многие поколения бывшие фермерами, не нуждались в таких безделушках. Неужели когда-то один из этих коренастых, лишенных воображения фермеров женился на женщине из другого круга, привез ее сюда, в это далекое захолустье?

Какова же тогда была ее жизнь? Кто распорол одежду? Тут остатки не менее трех платьев и просто куски ткани, пожелтевшей, готовой прорваться на стигах. Ими никогда не занималась никакая швея. Гвеннан взяла охапку древнего шелка,

расползающегося сатина, траченного временем бархата и выложила на стол.

Вот часть корсета. Она представила себе его форму по сохранившимся остаткам шелка цвета морской зелени. Вырез, крайне глубокий, нескромный по деревенским стандартам того времени, обшит вышивкой из металлических нитей. Должно быть, серебряных, хотя сейчас они черные. Только остатки корсета, юбки нет.

Нижняя юбка, ярко-желтая, ее краска почти не выцвела, на равных расстояниях тщательно вышиты незабудки, поразительно одинаковые, со своими пурпурно-белыми личиками. Затем кусок бархата; Гвеннан решила, что это часть плаща. Когда-то он был гвоздично-коричневый, и на куске еще держались обрывки кружев, желтых, как и юбка.

Неразрезанные куски ткани. Один пурпурный, очень темный — его цвет заставлял подумать о королеве, наряженной для коронации. Парча такая тяжелая, что носить платье из нее утомительно. Шелк, который рвался даже от осторожных прикосновений Гвеннан: слишком старый, слишком хрупкий.

И на самом дне третий кусок. Гвеннан нахмурилась. Все остальное она помнит. Много раз видела. Но этот почему-то забыла. В этом куске не было потертого великолепия остальных. Напротив, казалось, его место среди обрывков и кухонных тряпок.

Ткань на ощупь грубоватая, особенно после прикосновения к тонким шелкам. Цвет — Гвеннан поднесла его ближе к лампе — темно-зеленый. Но странно, под рукой цвет менялся, по ткани будто пробегают волны.

При свете она заметила серебристый оттенок. Будто смотришь в бассейн, в котором медленно собирается пена. Она встряхнула его — ей казалось, у нее в руках небольшой кусок ткани, вряд ли шире обрывков плаща, под которыми он лежал, — и кусок развернулся. Он оказался таким большим, что Гвеннан даже не поверила глазам. Он жестче, грубее шелка и других материалов, но чем больше касаешься его, тем мягче

он прижимается к пальцам. У девушки появилось странное ощущение, что чем-то эта ткань напоминает мех, что это не ткань, изготовленная древним мастером, а что-то органическое, живое, что в ней еще ощущается тень жизни.

Она безжалостно сбросила остальные обрывки на диван и разворачивала, разглаживала, разглядывала свою находку. Кусок ткани растягивался все шире и шире. Он покрыл всю поверхность большого стола и свесился по обе стороны — да его тут целые ярды!

К тому же на свету эти серебристые пенные узоры тоже изменялись. Из неопределенных пятен, напоминавших облака, они превращались во все более отчетливые и определенные очертания. Гвеннан остановилась, отдернула руки. Эти линии — действительно рисунок, — и она видела уже раньше эти рисунки, хотя теперь не могла их опознать. Что-то похожее на ее беспомощные попытки воспроизвести надписи на стоячих камнях. На каком бы языке ни были сделаны эти надписи, они вплетены, вшиты в ткань, обнаруженную ею.

Возможно, последним открытием оказался покррой. Ткань не напоминала несшитый, неразрезанный кусок, только что из ткацкого станка. Теперь она вся развернулась на столе. И оказалось, что это предмет одежды, не тронутый временем. Гвеннан распознала длинный плащ, без капюшона, в отличие от тех, что всегда носила леди Лайл. У шеи широкая лента, покрытая тонким узором. То, что широко разбросано по остальной поверхности, здесь собрано воедино, узоры переплелись и почти неразделимы. Есть и пряжка — ее вес заставил воротник расстегнуться. Серебро, но не потемневшее. Гвеннан показалось, что этот металл похож на тот, из которого ее подвеска. Пряжка по форме напоминала глаз, удлинненный, в середине молочный камень, он не блестит, его поверхность непрозрачна и разделена зеленым вертикальным узким зрачком — похоже на кошачий глаз при ярком свете лампы.

Гвеннан осторожно отступила. Брошь приковала к себе ее внимание, будто это действительно глаз, действующий не-

зависимо от тела. Возможно, ее неожиданное отступление как-то подействовало на плащ, потому что он соскользнул со стола и складками лег на пол, где в тени уже невозможно было различить его узор. Только глаз остался открытым, он блеснул, и Гвеннан долго пришлось убеждать себя, что зрачок, оказавшись в тени, не расширился.

Она не хотела касаться этой вещи, любопытство ее оказалось поглощенным растущим беспокойством; она была уверена, что к одежде Даггертов эта вещь не имеет отношения; старую одежду хранили в сундуке только из бережливости. Нет, это что-то совсем другое, и она вообще не понимает, как этот плащ оказался среди тщательно сбереженных мисс Нессой обрывков.

Гвеннан неохотно наклонилась и подобрала плащ. На ощупь ткань была жесткой и тяжелой, но одежда оказалась гораздо легче, чем она ожидала. Гвеннан легко подняла ее с пола одной рукой.

Никакой ветер не мог ворваться в плотно закрытую кухню, но когда девушка подняла зеленую ткань, та заволновалась, прижалась к телу Гвеннан, прежде чем она успела отстраниться. И у нее не было возможности предотвратить последующее. Руки двигались сами по себе, они набросили плащ на плечи, он обхватил ее тело, а стоячий воротник, такой жесткий, что чуть не поцарапал ей подбородок, встал на место. Исключительным усилием воли она не позволила рукам защелкнуть брошь-глаз.

Зеленая ткань покрывала ее от горла почти до пола; глядя вниз, она совсем не видела свое тело, только плащ. И ткань не лежала на месте спокойно. Гвеннан шевельнула плечами, прочнее взялась за края, попыталась сбросить плащ. И почувствовала сопротивление своим усилиям. Вспыхнувший страх заставил ее удвоить усилия, и ей удалось частично освободиться от того, что охватывало ее, как сеть охватывает рыбу.

Она обещала себе, что не будет вспоминать прочитанные легенды, но тут ей вспомнился отрывок древнего предания —

о людях под холмами; в нем говорилось, что у этих людей есть свои жилища под землей, и обычный человек мог попасть туда, его приглашали на ночь, а вернувшись, он обнаруживал, что прошли годы и все, кого он знал, давно умерли.

Гвеннан умудрилась стащить с себя плащ, хотя он упрямо цеплялся за нее, как будто внутренняя сторона отрастила корни и они вросли в другую ее одежду. Девушка снова положила плащ на столе и посмотрела его подкладку — что же там цепляется?

Пальцы ее скользнули по внутренней поверхности зеленоватой ткани, и она тут же отдернула их, облизала царапину. Какая-то булавка? Нет, она наклонилась, но никакого металла не увидела. Внутренняя поверхность плаща...

Чешуйчатая шкура? Именно эти чешуйки порезали ей палец.

Это шкура, очень тонкая, не толще ткани, и оставшиеся чешуйки разбросаны неправильным узором. Сама подкладка серебристо-серая, но чешуйки (они мельче бусинок) серебряные с черными краями, они перекрывают друг друга в тех местах, где сохранились.

Возможно, от огня лампы или от ее собственных действий с плащом от него начал исходить запах. Не зловоние, которое она привыкла связывать с существами из другого мира. Запах чистый и свежий, похожий на сосновый аромат или запах других хвойных деревьев. Гвеннан складывала ткань, а запах усиливался. Ее любопытство пробудилось, но решимость освободиться от всего, что не связано с ее временем и местом, заставила Гвеннан продолжать свертывать ткань. Та упрямо не желала складываться. Девушка прижимала складки, но они распрямлялись.

Наконец, запыхавшись, чувствуя все усиливающееся беспокойство, она отказалась от своего намерения. Брошь-глаз лежала так, что продолжала наблюдать за ней. Гвеннан встала, оттолкнула плащ, который не желал складываться. Убрала остальные тряпки, оставив только зеленую ткань. Обнаружив подлинную природу этой ткани, она с большой неохо-

той до нее дотрагивалась. Но ведь нельзя ее оставить просто так лежать.

Наконец она сделала еще одну попытку навести порядок. К этому времени запах усилился, она почти видела, как он поднимается спиралями, как дымок. Она, как могла, свернула плащ и сделала быструю вылазку в гостиную, держа лампу в одной руке, а плащ в другой. И бросила свое новое открытие туда, где уже лежало то, с чем она не хотела больше иметь дела.

Вернувшись в кухню, она дважды вымыла руки, потому что запах вьелся в кожу. Ей пришлось пользоваться чистящим порошком, и пальцы у нее покраснели и сморщились. Потом она принялась готовить чай, добавив сухие листья из одного пакета, которые так старательно собирала мисс Несса. Эти травы должны успокоить ее нервы, помочь заснуть...

Снаружи по-прежнему шуршал падающий снег, но кухня выглядела точно так, как в первый день ее приезда в Уайтбридж. Гвеннан поближе поставила чашку чая, свернулась на диване, укрывшись двумя одеялами, и потянулась к ближайшей книге. Ее воля постепенно выигрывала схватку. Гвеннан успокоилась, тревога и возбуждение недавних часов улеглись.

На третий день снег прекратился. Гвеннан, которой надоело заключение и которая боялась, что не сможет удержаться и зайдет в гостиную, с радостью услышала звуки работающего снегоочистителя. По крайней мере теперь можно будет добраться до Ньютонов; а может, свет и телефон снова свяжут их с цивилизацией.

Тепло одевшись, она вышла. При этом пришлось пробираться через сугроб, почти заваливший дверь. Двор показался ей странно незнакомым: ни одного куста, только кое-где снежные груды. Ред Андерсон окликнул ее с дороги, размахивая руками. Гвеннан помахала ему и по расчищенной дороге направилась к Ньютонам. Там Пол лопатой расчищал тропинки. Снег перекрыл все рекорды за прошлые годы, уз-

нала она из батарейного радиоприемника у Ньютонов. Приемник передавал бюллетени и предупреждения на фоне постоянного треска.

— Город впал в спячку, как медведь, — объявил Пол, входя. — Школу закрыли на неделю. Тебе нет смысла идти, Гвен. Никто не пойдет сейчас в библиотеку, да ее и не протопишь.

Вспомнив, как мерзнут у нее руки и ноги в библиотеке, Гвеннан с готовностью согласилась с ним.

— Что-то странное, — заметила Флоренс, наливая Полу кофе. — Говорят, прошлой ночью в небе видели какие-то огни. Может, самолет сбился с курса. Диктор сказал, что как только прояснится, туда собираются направить вертолет. Никакого ответа на сигналы, и никто не объявлял о крушении. Вообще с окрестных аэродромов никто не поднимался. Все закрыты из-за бури. Продолжают звонить повсюду: может, какой-то рейс исчез; но до сих пор ничего не выяснили.

— Огни?..

Флоренс кивнула в ответ на вопрос Гвеннан.

— Красные... и, говорят, желтые. И большое возбуждение из-за того, что самолеты не пользуются желтыми сигналами — наши по крайней мере.

Пол рассмеялся:

— Опять НЛО? Ведь сейчас для них не сезон. Если у марсиан есть хоть капля здравого смысла, они будут держаться подальше от наших бурь. Они много лет летают в наших небесах и знают, чего можно ожидать от погоды. Может, северное сияние...

Флоренс покачала головой:

— Огни были маленькие, говорят. И не по всему небу. Ну, если самолет, он упал, и его неделями можно искать. На севере опять собираются тучи. Говорят, снова будет буря. Гвен, — искренне сказала она, — поживи у нас. Если опять нас завалит, зачем тебе жить одной? Продуктов у нас достаточно. Ты ведь не греешь весь ваш старый амбар?

— Я переселилась в кухню, — ответила Гвеннан. — Не знаю, Флоренс... — Она испытывала сильное искушение. Не только потому, что впервые в жизни почувствовала себя в прошедшие три дня пленницей, но также потому, что можно быть подальше от всех вещей, которые она хотела бы забыть. Здесь, у Ньютонов, она не будет испытывать искушения заглянуть в гостиную.

— Флоренс права, Гвен, — кивнул Пол. — Прихвати свои вещи и поживи хотя бы до завтра; ну а если вторая буря не начнется, сможет вернуться домой.

— Ну хорошо! — Гвеннан как будто боролась с неслышным приказом, которому не хотела повиноваться. Она так ценит свою независимость — это часть воспитания мисс Нессы. Но если действительно идет новая буря, в предложении Ньютонов есть смысл.

Вторая буря началась, и с такой силой, что Гвеннан была рада обществу. Их как будто перенесло в новый ледниковый период. Она сидела в удобном кресле-качалке, держала на руках черную кошку Ньютонов Джустину, которая сразу признала ее, и слушала вой ветра. В радиоприемнике, который с начала бури занял место на столе, слышались на фоне постоянного треска искаженные голоса. Время от времени передавали просьбы о помощи: кто-то застрял в снегу, заболел или оказался без достаточного запаса продуктов.

Пол стоял, слушая один из таких призывов, по-прежнему держа в руках охапку дров.

— Ужасная буря, — сказал он. — Я вспомнил статью в журнале. Я тебе о ней рассказывал, Флоренс. В ней говорят, что мир подходит к концу: полюса меняются, от этого приливные волны, землетрясения и все такое. И зимы у нас холодные, каждая следующая хуже предыдущей. Может, северный полюс как раз сейчас идет к нам.

Флоренс рассмеялась:

— Конец мира? С детства слышу такие разговоры. Была какая-то церковь, ее сторонники поверили в конец ми-

ра, продали все вещи, оделись в белое и отправились на вершины холмов, чтобы оттуда легче попасть на небо. Мама всегда говорила, что будущего никто не знает и нечего о нем беспокоиться. Все беспокойства мира его не изменят.

— Если сюда идет северный полюс, не думаю, чтобы кто-то мог подойти и сказать: «Стой!» — и он остановится. Мир давно уже неспокоен. Землетрясения всегда были — посмотрите на Калифорнию. Моя племянница Марджи пережила два. У нее чашки на кухне побились и две красивые старые тарелки, которые бабушка Хеншо завещала ей. И еще вулкан на западе несколько лет назад. Многое происходит, но мир еще не кончился.

Мир подходит к концу — Гвеннан не смотрит на стол в кухне Ньютонов. Она висит в пространстве над морем, полным горящих островов, от воды поднимается пар, на берег обрушиваются огромные волны, земля раскаляется и извергает огонь... она видит смерть...

— Гвен! Гвен! Что с тобой, девочка?

Мир умирает, и она ничего не может сделать, никак не может остановить...

— Гвен! Ты больна?

Ее всю трясет. Картина исчезла, огонь земли покрылся пеплом, волны разнесли этот пепел. Над ней наклонилась Флоренс, лицо ее полно заботы. Не успев подумать, Гвеннан сказала:

— Это уже было... когда-то...

— Что случилось, Гвен? Ты потеряла сознание. Ты ужасно бледна. Тебе больно? — Руки Флоренс лежали на плечах девушки: она боялась, что Гвеннан упадет со стула.

— Конец мира. — Гвеннан была все еще ошеломлена ужасным зрелищем, увиденным в зеркале. — Приливные волны... и вулканы... земля... все погибло. — Она мигнула. К ней быстро возвращался здравый смысл. — Наверно, я слишком много читаю, Флоренс. Я читала книгу. — Она

пыталась быстро сочинить правдоподобное объяснение, чтобы поверили соседи. — В ней описывается теория, что мир прошел через серию катастроф, убивавших почти все живое, и после них все начиналось сначала. Автор пишет очень красочно, кажется, что своими глазами видишь, как это происходит.

— Ты имеешь в виду потоп и все такое — в Библии. — Флоренс кивнула. — Да, Пол говорил, что в той статье в журнале было еще много всякого. Что у всех народов земли есть предания о великом потопе, после которого спаслось очень немного. Многие племена никогда не слыхали о Библии, но как будто у всех одно и то же. Но этот писатель, о котором ты говоришь, Гвен, должно быть, он здорово написал. Ты как будто во все это поверила...

— Мисс Несса всегда говорила, что у меня слишком много воображения. — Гвеннан старалась загладить свою ошибку. — Когда я читаю, оно иногда меня уносит. Не думаю, чтобы когда-нибудь узнают, что было на самом деле.

Пол сложил дрова в ящик и потряс приемник, как будто это могло уменьшить статические разряды.

— На этот раз вероятнее, что какой-нибудь придурок сбросит бомбу. Вот уж это будет конец, — заметил он. — Мы все в эти дни живем на краю пропасти. Кажется, все понимают, что война никому не принесет выгоды; у тех, кто выживет с обеих сторон, нечего будет брать. — Он сел и вытащил трубку.

— У нас не больше возможности остановить бомбу, чем большие волны, или вулкан, или землетрясения. Мы не такие сильные, как многие думают.

Флоренс плотнее запахнула свой свитер.

— Какие ужасы ты говоришь, Пол. Может, лучше поиграем в монополию? Она поможет отвлечься.

Да, отвлечься. В ее снах было сказано: на этот раз не природа, а сам человек угрожает своему существованию. Гвеннан впилась пальцами в ладони. Сам человек — и кто в состоянии остановить его?

Глава тринадцатая

Казалось, оправдываются самые пессимистические прогнозы погоды на следующие недели. Кратковременная оттепель, во время которой Уайтбридж возобновил нормальную зимнюю жизнь, а потом снова бури и свирепые северные ветры. Несколько недель Гвеннан смогла бывать в библиотеке только раз или два в неделю. Но когда она открывала, посетителей было много: во время долгих зимних вечеров город обращался к книгам.

Джим Пайрон все еще рылся в бумагах Кроудеров и время от времени рассказывал Гвеннан о своих новых открытиях. Именно он принес новость, которую она скорее не хотела бы слышать: новость возбудила в ней мысли, казалось бы, забытые ею.

— Молодой Лайл вчера вечером был у Гренстона, — сказал Пайрон. — Я считал, что у Лайлов свои запасы, но он закупал продукты. Мне кажется, это был предлог. Ему нужно было кое-что другое...

— Да? — Она понимала, что голос ее звучит холодно и высокомерно, но Гвеннан не желала ничего слышать о Лайлах.

— Он... Гвен, может, ему казалось, что он очень хитер, но я думаю, он просто хотел узнать, что вы делаете. Прямых вопросов не задавал, ходил вокруг да около.

— И что же ему сказали? — резко спросила она.

— Кто-то упомянул, что самые тяжелые дни вы проводите у Ньютонов. Это вполне разумно. Знаете, Гвен, что-то в нем есть, в этом парне. Ему что-то нужно, очень нужно. Вы ведь дружили с леди перед ее отъездом? Может, он считает, что она вам что-то сказала... что-то, что ему нужно знать...

Гвеннан вспомнила последнее письмо. Она могла бы прочесть его на память и всегда сможет — уверена в этом. Письмо и подвеска. Тору Лайлу нужна подвеска. Может быть, если отдать ему ее, она избавится от всяких контактов с Лайлами. Это единственный выход. Но, даже думая об этом, она поняла, что не отдаст.

— Мне нечего ему сказать, — ответила она. — Он считает, что есть?

То, что Тор Лайл следит за ней, вызвало у нее новый прилив тревоги. А она считала, что избавилась от нее.

Нет! Она не собирается снова связываться с Лайлами, с этими дикими снами и галлюцинациями, которыми они, кажется, управляют.

— Дело не в том, что он говорит. — Девушка поняла, что Джим внимательно наблюдает за ней. Это ей тоже не понравилось. — Но он что-то разнюхивает. Ему это ничего не даст. В городе его не любят. Высокомерный тип, хотя сейчас старается казаться дружелюбным. Но он слишком нетерпелив, я бы сказал, и время от времени срывается. Будьте осторожны, Гвен. У Лайлов особое положение в городе. Всегда такое было.

Никто из них ни на кого не давил. С другой стороны, никто не станет отрицать, что у них большое влияние, если они захотят пустить его в ход. Но по большей части они держатся на расстоянии, из бумаг Кроудеров это совершенно ясно. Как будто они живут одной жизнью, а город — другой. Отдаленные знакомые, можно сказать. Этот Тор Лайл — нечто новое... слишком уж он общителен. И что-то такое есть в нем, словно...

— Словно он про себя смеется, — не раздумывая сказала Гвеннан и тут же пожалела, что сказала это.

— Значит, вы с ним встречались! Гвен, осторожней. Я рад, что вы живете с Ньютонами. На своем краю города вы слишком одиноки.

— Чего мне бояться Тора Лайла? — спросила она, вскинув подбородок.

Джим Пайрон перевел взгляд на две старых гроссбуха, которые отобрал сегодня.

— Может, и нечего, — медленно ответил он. — Просто этот парень... он странный, даже для Лайлов. Может, скоро исчезнет. Лайлы редко проводят здесь зиму. Ну, по крайней мере, — он рассмеялся, — погода избавила нас от дьявола,

слишком холодно для его сатанинского величества или его эмиссаров. Больше нет убитых цыплят или дурного запаха. Буря нам помогла. Вам ведь пора закрывать? Пол подвезет вас домой?

Она кивнула, обрадовавшись изменению темы. Но говорить о дьяволах и тому подобном не собиралась. Снова воспоминания, о которых она хотела бы забыть. Перед глазами мелькнули чудовища, которые сопровождали другое воплощение Тора в мире с зеленым светом, а может, отвечали на его призыв и в этом. Насколько он ответствен за появление их ночью на лугу? Почему такое существо охотилось за ней? По приказу Тора?

День благодарения она провела у Ньютонов. Очевидно, предположение Джима Пайрона о том, что Тор Лайл покинет город, подтвердилось, потому что последнего из Лайлов снова никто не видел. Гвеннан надеялась, что он действительно исчез по обычаю своего семейства, чтобы провести остаток зимы в более теплом климате.

Начался декабрь, и, как ни странно, погода стала мягче. Гвеннан вернулась домой и следовала обычному многолетнему распорядку жизни. Она только раз заглянула в гостиную, взяла оттуда книги и отнесла в библиотеку, твердо решив вернуть их через межбиблиотечную систему. Свои выписки в большом конверте она оставила лежать на большом стуле, очень неудобном; на спинку этого же стула бросила плащ.

В холодной комнате запах плаща не рассеялся, а стал даже сильнее. Необычная ткань постоянно испускала запах, как распустившийся цветок. И первоначальное впечатление, что это не ткань, а шкура некогда живого существа, еще более усилилось.

Гвеннан испытывала искушение вынести плащ из гостиной и внимательно осмотреть его. Но у нее хватило силы воли не поддаваться этому искушению. Она упрямо придерживалась распорядка дня, какой установила еще мисс Несса.

В доме ее тетки Рождество никогда не было особенно веселым. Вероятно, сказывалось старинное новоанглийское

представление, что это папистский праздник и его вообще отмечать не нужно. Это мнение разделяли все Даггерты, и оно дошло до поколения мисс Нессы. Гвеннан купила несколько открыток и, разложив их на столе, подумала, как мало людей она действительно знает, даже в этом городке, в котором прожила почти всю жизнь.

Она старательно написала по открытке семейству каждого члена попечительского совета, одну адресовала мисс Грэхэм и ее матери, не забыла Ньютонов. Запечатав конверты и наклеив марки, она отложила стопку в сторону. Несколько рождественских подарков — Грэхэмам, Ньютонам — она благоразумно выбрала по каталогам задолго до непогоды, так что недавний перерыв в почтовом сообщении на них не отразился. Осмотрела свои приготовления к празднику и впервые подумала, как они жалки.

Конечно, есть еще печенье. Мисс Несса считала его обязательным. Пирожки она отнесет Ньютонам на рождественский обед, и потом нужно будет испечь печенье, которое она будет держать в библиотеке всю рождественскую неделю.

Хотя она не такая искусная повариха, как большинство жительниц города, Гвеннан смогла неплохо с этим справиться — сказывалась школа мисс Нессы. Конечно, никаких украшений для дома у нее не было, но в библиотеке она расставила зеленые растения, а класс мисс Грэхэм прислал Санта-Клаусов и другие свои поделки, и она их разместила как могла лучше.

День зимнего солнцестояния...

Гвеннан стояла у стола, на котором расставила посуду, формы для печенья, все необходимые продукты, которые с таким усилием собирала в предыдущие недели.

День зимнего солнцестояния...

Значение этого дня она неожиданно ощутила всем сознанием. Как будто ей нанесли сильный удар. Она схватилась руками за голову, склонилась над столом. Нет! Она не хочет! Они ничем не обязана леди Лайл... Воспоминания охватили ее, она ощутила холодный страх.

День зимнего солнцестояния...

Она ничего не обещала. Никогда! Ее нельзя заставить это делать, ведь она не обещала. Она ничего не просила у леди Лайл, ничего не ждала от нее, она хочет только, чтобы ее оставили в покое.

День зимнего солнцестояния...

Гвеннан боролась отчаянно, но знала, что у нее никаких шансов на победу. Она была так уверена, что избавилась от принуждения, что она больше не орудие Лайлов — и вот поняла, как тщетны были ее попытки соорудить стены и преграды, что дали ей тень свободы, как кошка позволяет мышам немного побегать, прежде чем снова схватит ее лапой. Она не свободна — она поймана.

Гвеннан опустила на ближайший стул. Она никогда не плакала. Еще ребенком она встречала боль и разочарования со сжатыми губами и внутренней решимостью не плакать. Но теперь она чувствовала, как глаза ее наполняются слезами, она совершенно не справляется со своими чувствами. На ней метка, она такая же слуга Лайлов, как их смуглолицая прислуга, которую она видела во время своих немногих посещений дома. Обратная сторона всех чудес этого дома — рабство, потому что именно в рабстве Лайлы держали тех, от кого требовали службы.

Она боролась, напрягала всю свою волю и решимость. Гвеннан заставила себя встать, она даже не пыталась стереть слезы — пусть текут. Она может и будет бороться. Руки ее двинулись, сначала неуверенно, потом все с большей решимостью. Она отмеряла, перемешивала, вырезала тесто с помощью старого набора жестяных форм, которые отыскала в шкафу во время уборки. Ставила печенье на противнях в печь, доставала, золотистое и рассыпчатое под слоем красного и зеленого сахара, — и все время боролась, пыталась вырваться на свободу.

Но, насыпая печенье в подготовленные расписные коробки, девушка уже знала, что проиграла битву. Завтра утром она должна будет сделать то, о чем просила ее в письме леди

Лайл. Она снова будет участвовать в игре Лайлов, и спасения от этого нет.

Вечером она рано легла, завела онемевшими пальцами будильник. Перед этим пошла в гостиную и взяла плащ и конверт с подвеской. Посмотрев на подвеску, увидела, что циферблат ожил — видны были оба ряда символов: большие и маленькие, тускло светился треугольный указатель. Она предпочла бы открыть окно и выбросить эту вещь в ближайший сугроб; вместо этого надела цепь себе на шею. Теплый металл лег во впадину меж грудей.

Гвеннан ждала, что ночью ее будут преследовать сны, и боялась этого. Но спала она крепко и спокойно. Проснулась до звонка будильника, сразу и окончательно, будто кто-то позвал ее. Методично оделась в самое теплое платье, не стала ни есть, ни пить.

Взяла плащ и на крыльце под тускнеющим светом звезд набросила его. Снова он окутал ее — с готовностью, если так можно сказать о куске ткани (если это вообще ткань), обернулся вокруг нее, будто только ей и предназначено носить его. Запах стал еще сильнее. Какой-то весенний запах, предвещающий пробуждение земли к новой жизни.

Дорога расчищена лишь частично. Никаких следов, никто не проходил от дома Лайлов. Стена — белая насыпь, слегка округлая. Небо над головой серое, безоблачное — будет ясный день.

Ясный день, и солнце встает. День зимнего солнцестояния. К этому дню льнут темные тени. Очень много мыслей теснилось в голове Гвеннан. Это самый короткий день в году, и люди должны заманить солнце, вернуть его, чтобы оно служило миру. Иногда это делали при помощи жертвоприношений. Кровь проливалась на снег, когда люди, утратившие все прежние знания, старались вернуть на землю природное тепло, вернуть жизнь.

Снег не лип к краям ее плаща. Более того, казалось, полы плаща раздвигают сугробы, через которые приходилось пробираться Гвеннан. Она у стены, через которую перелеза-

ла много раз. Девушка, уперевшись руками, перебралась через снежный бугор.

Голые черные деревья на краю леса резко выделялись на белом снежном фоне. Перебравшись через стену, Гвеннан остановилась и посмотрела в ту сторону. Деревья росли густо, и даже без листвы казалось, что под ними лежит густая тень, что это чье-то укрытие... чье? Она не знала, только сама эта мысль ей не понравилась.

Она пошла по колено в снегу, держась подальше от деревьев. Вот насыпь и камни. Хотя у них широкие плоские вершины, на них не держится снег, да и у насыпи нет сугробов, как она обнаружила, когда начала подниматься. Вероятно, ветер постоянно обдувает холм и уносит снег.

Света было достаточно, чтобы она видела крышу дома. Одинокий столб дыма поднимался с нее в неподвижный воздух — единственный видимый признак жизни. В лесу было абсолютно тихо.

Гвеннан остановилась между двумя меньшими камнями, третий возвышался прямо перед ней. Сунув руку под плащ, она расстегнула молнию на парке и достала подвеску. Циферблат ярко светился, тепло его чувствовалось рукой сквозь перчатку.

Она подняла диск циферблатом наружу навстречу светлым полосам на небе. Вставало солнце.

И в этот момент абсолютная тишина мира была нарушена. Гонг, далекий, слабый, призыв, который некогда мог созывать верующих в храм. Он прозвенел гордо, требовательно...

Гвеннан вздрогнула, посмотрела на лес внизу, почти ожидая увидеть, как что-то... кто-то выходит из него в ответ на призыв. Но там ничего не двигалось. И тут с циферблата устремился вперед луч света. Золотая спираль нацелилась на середину высокого камня.

Встретившись с его поверхностью, она скользнула вверх. Знаки, которые, как она инстинктивно знала, всегда здесь, немедленно ожили. Никаких следов выветривания. Она по-

чувствовала, как у нее что-то вытягивают из сознания — она этого не может помнить, но...

— Фал, фал, яква, транк...

Аспект сим, донтпекс...

Эти слова пришли к ней ниоткуда. Световая спираль извивалась в такт с ними. Гвеннан знала!

— Сила, Сила, надели меня твоей щедростью...

Открой истинную кровь... разбей замки...

В ответ луч с циферблата охватил весь камень, он стремился вверх, вниз, к погруженному в землю широкому основанию.

Камень, который казался так прочно вкопанным, шевельнулся, начал отклоняться от нее. Он двигался медленно, неохотно, но было ясно, что он не может сопротивляться вынуждающей его силе.

Гвеннан произносила слова, точнее, звуки, необходимые именно в этом месте и именно в это время, и в этих звуках была сила, сопоставимой с которой никогда не владел человек. И столб отвечал на них.

Камень почти лег набок. На том месте, где он стоял, в земле показалось темное отверстие. Гвеннан опустила руку. Теперь свет падал в глубокий туманный колодец, а не на камень, так долго скрывавший его.

Девушка увидела ступеньку, под ней другую.

Плотнее запахнувшись в плащ, она начала спускаться, продолжая произносить странные ритмические звуки; ее сознание не могло предоставить их ей.

Каменные стены вокруг нее так же грубо выточены, как камни наверху; не было сделано никаких попыток сгладить их. Пахло влажной землей, но запах ее плаща освежал затхлый воздух. Гвеннан спускалась по бесконечной лестнице, при свете циферблата видны были только ступеньки и каменные стены вокруг.

Сквозь свое пение она услышала скрежет. Вздрогнула и оглянулась; в этот момент она подумала, какую глупость совершила, войдя в отверстие. Полоса неба, видная ей сни-

зу, сужалась. Камень, который поклонился солнцу и позволил ей войти, снова вставал на место. Прежде чем она успеет выбраться наружу, он преградит ей выход.

Гвеннан попыталась разорвать удерживающее ее принуждение — слишком поздно. Камень возвращался на свое место быстрее, чем уходил.

Лестница вела вниз. Гвеннан заметила, что сохранилась она не очень хорошо. На стенах тут и там трещины, одна достаточно велика, чтобы она могла просунуть руку. Некоторые ступеньки разбиты. В одном месте ей пришлось двигаться по самому краю, потому что в середине подряд обвалились четыре или пять ступеней.

Постепенно она начала сознавать присутствие другого света: ее глаза были слишком настроены на освещение циферблата.

Но впереди тьма начала рассеиваться. Гвеннан достигла последней ступени и оказалась перед грубо высеченной в стене аркой. За ней дневное освещение, день облачный, пасмурный. Она увидела зал или туннель, а освещение исходило от грязных квадратов кварца, на равных расстояниях вделанных в стены. Похоже на внутренние переходы тюрьмы, и она вспомнила о подземной темнице под храмом во времена Орты. Но здесь посветлее.

Туннель не очень длинный, и закончился он еще одной дверью. Но эта дверь прочно закрыта, поперек нее темный деревянный брус, и никаких следов запора или петель. Тут ей не пройти. Она вспомнила камень, закрывший выход, и испугалась.

В каком-то неясном порыве подняла диск подвески и направила луч по очереди на четыре угла двери — так ножом открывают консервную банку. Там, куда падал луч, оказывалась щель, поднимался дымок. Дважды еще провела она лучом, углубляя щель.

Потом громко выкрикнула те же слова, что возникли у нее в голове наверху. В тусклом проходе голос ее усилился, прозвучал решительно, не похоже на человеческий.

Послышался громкий треск. Преграда, которую освещал луч, упала внутрь, и оттуда ударил яркий свет, поглотивший луч подвески. Гвеннан ощутила резкий запах, отчасти пряностей, отчасти химикалий.

Она оказалась в огромном зале, заполненном странными вещами, так что она не знала, на что смотреть. Цвет боролся с цветом, и все ярко сверкало. В воздухе плясали огненные лучи, на мгновение останавливались, обвивали тот или другой предмет, как будто привлекая ее внимание. Она была ошеломлена, у нее чуть кружилась голова, она стояла, мигая, потом потерла глаза тыльной стороной ладони в перчатке. Слишком много всего вокруг, груды вещей, никакого порядка, все сброшено вместе. И по обе стороны, сколько Гвеннан ни смотрела, не видно стен.

Сокровищница, склад. Статуи, похожие на те, что стоят в нишах дома Лайлов, но необычная красота их теряется, потому что они нагромождены друг на друга. Какие-то предметы, возможно, машины, металл, рычаги, колеса — все свалено в беспорядке. Груды ящиков, коробок, сундуков с плотно пригнанными крышками. Богатства целой цивилизации свалили здесь и больше к ним не прикасались.

Гвеннан наконец заметила, что перед ней открывается извиляющаяся тропа или проход, окруженный горами предметов выше ее головы. Если она хочет идти дальше, нужно двигаться по нему. Проход идет не прямо, но огибает самые большие машины. Она прошла совсем немного, оглянулась — и входа уже не увидела.

Свет циферблата погас. Вероятно, не мог соперничать со световыми столбами, скрещивающимися над ее головой. Эти движущиеся, сплетающиеся ленты света, казалось, не исходят ни из какого источника.

Время от времени один из них плыл справа или слева от нее, потом окутывал какой-нибудь предмет, будто привлекал ее внимание. Но она не останавливалась, чтобы осмотреть эти предметы. Чем дальше шла, чем больше подавляло ее накопленное тут богатство. Она могла восхищаться со-

кровищами в доме Лайлов, но здесь их огромное количество, они угрожают поглотить ее, эти богатства, неведомые человечеству.

Тропа продолжала извиваться. По-прежнему Гвеннан не видела стены. Такой же странный сон, как и предыдущие. Она хочет выйти, увидеть камни, землю, которая ей знакома. Она огибала ящик, полный ожерелий, усаженных драгоценностями. Краем плаща задела одно, и оно со звоном упало на пол. Гвеннан вздрогнула и в страхе огляделась.

Но если у этого места есть какие-то охранники, они не появлялись. Гвеннан не хотела этих сокровищ. Ее единственное желание — свобода.

А тропа продолжала бесконечно извиваться, и девушка подумала, что ходит по кругу. Возможно, это специально устроенный лабиринт, чтобы сбить с толку пришельца. Но так она никогда не доберется до конца.

Впереди в воздухе повисли две световые ленты. Одна темно-зеленая, цвета ее плаща, другая золотая. Как только она их заметила, они двинулись, танцуя друг вокруг друга. По-прежнему висели над тропой, но как только она приближалась, начинали отодвигаться. Может, это проводники?

Глава четырнадцатая

Вслед за двумя переплетающимися лучами Гвеннан вступила на вторую извилистую тропу, отходящую от первой. И вскоре оказалась перед стеной, совершенно закрытой горами сокровищ. Ее становилось видно, если только окажешься совсем рядом. В стене дверь. При появлении Гвеннан дверь неслышно ушла вверх, и перед девушкой оказался вход в другую комнату, гораздо меньшую.

Она тоже не пустая, но тут больше порядка. Предметы тщательно расставлены, а не набросаны горами без всякой последовательности. На равных расстояниях столы — обеденные или письменные, Гвеннан не могла решить. Перед каждым сиденья. Стена слева не из голого камня, как все

предыдущие, это ровная гладкая поверхность, напоминающая зеркало или стеклянную пластину, хотя в ней ничего не отражается. Прямо напротив этой стены одно-единственное сиденье, удаленное от всех остальных и совершенно другое по форме.

Гвеннан вздрогнула. Она сразу догадалась, что это такое. Перед ней треугольное сиденье пророчицы. Но ведь она не Орта, она не может призвать...

Но собственное тело больше не подчинялось ей. С внутренним криком протеста она направилась прямо к сиденью. Напряженно, неохотно, борясь с собственным телом, села.

Ну хорошо, она сидит на месте пророчицы, но это не значит, что она собирается играть ее роль. Она шевельнулась, решила встать и уйти...

Стена-зеркало затуманилась. Гвеннан увидела, как вся ее поверхность затянулась паром или дымом.

Она приподняла руки, попыталась закрыть глаза, забыв на мгновение, что держит в руках подвеску. Вперед устремился яркий свет циферблата, но не коснулся поверхности стены, растворился, стал дымкой над поверхностью, проник внутрь, и поверхность изменилась, на ней появилось изображение.

На поверхности образовался квадрат высотой с Гвеннан. Как будто она школьница перед доской, должна выслушать необходимый урок. Появились резко выделяющиеся символы. Гвеннан узнала воспроизведение того самого гороскопа, на котором дата ее рождения. Но как он мог оказаться здесь? Она хотела бы знать больше (или не знать вообще ничего, оставаться не ведающей и свободной). Но она уже поняла, что не может ни закрыть глаза, ни отвести взгляд.

Голова заболела, туда будто кто-то вломился, подсматривая. Гвеннан осела на трехногом сиденье и застонала: отчасти от боли — убирался барьер, который для всех людей так давно был закрыт; отчасти от страха перед тем, что можно увидеть за этим барьером.

Перед ней ключ жизни — ее жизни. Звезды идут своими курсами, и звездное колесо медленно поворачивается —

очень медленно, незаметно для короткоживущих людей. Но оно поворачивается. И за много тысяч лет, за невообразимый промежуток времени совершает полный оборот. И вот ее жизнь — она была тогда, она повторяется снова.

Никакого сна об Орте не было, она на самом деле была Ортой — и многими другими. И из каждой жизни брала дополнительный фрагмент Силы, и каждая частица больше, чем способны представить себе человеческие чувства. Теперь совершен полный оборот, она снова должна видеть, действовать, а возможностей у нее меньше, чем у Орты, потому что за прошедшее время столько забылось...

Слезы боли, утраты (Гвеннан знала, что окончательно потеряла свою привычную безопасную жизнь) потекли по ее щекам, капали с подбородка на жесткий воротник плаща.

В зеркале, на которое она должна смотреть, происходили изменения. Она опять видела умирающий мир, видела, как выжившие опускаются до уровня безмозглых животных. Нет, ниже животных, потому что в безумии делают с подобными себе то, что животные никогда не делают даже с добычей. Она видит, как продолжается поток смерти. Время от времени рождается мужчина или женщина, унаследовавшие черты древней расы. Эти люди осторожны, скрытны, незаметны, они стараются учить, отыскивать среди звероподобных таких, кого еще можно пробудить.

Некоторые из них, несмотря на свой отказ, провозглашаются богами и богинями. Другие отрекаются от своей цели, принимают поклонение, используют власть в своих собственных целях. Некоторые умирают, другие устают и исчезают. Но все время работают и почти всегда терпят неудачи. Одно-два поколения они могут поднимать, учить, вести. Но потом мужчины и женщины, достигнув определенного пункта, отказываются идти дальше. Следуют войны, убийства, эпидемии, полученные знания используются с недобрыми целями; а потом осторожный подъем, снова все сначала. Опекуны — так эти пришельцы из прошлого называют себя. С течением времени их число уменьшается. У них рождает-

ся мало детей, лишь немногие из них способны к деторождению. Некоторые, изолированные среди тех, кого учат, берут себе пару. И здесь мало, очень мало детей со смешанной кровью. В немногих таких отпрысках древняя кровь сильна. И они становятся учителями, ведут свою работу тайно, приспособливаются ко времени и месту своей жизни, используют свое невидимое влияние. Другие — в других не только древняя кровь, но и Тьма. Они ищут власти, чтобы удовлетворить свою гордость и жадность. Среди них великие завоеватели, предводители другого рода — они уничтожают все, столь тщательно возведенное.

И никогда не кончается эта длительная битва — небольшая победа, потом за долгие годы она забывается, рассеивается, как бесформенные пыль и пепел. Кажется, что безумие правит миром, и никогда не вернутся свет и разум.

Гвеннан смотрела, как проходят столетия. Начались события, о которых она читала, но как далеки были ее знания от того, что показывало ей зеркало. Факты сознательно искажались, превращались в галлюцинации, потому что еще со времени первых выживших в людях был какой-то неискоренимый недостаток.

И вдруг неожиданно все изменилось, словно по чьей-то воле (собственная воля Гвеннан не имела к этому отношения, она была пассивной зрительницей, не способной вмешаться). Теперь перед ней не широкая панорама, когда внимание сосредоточивается то на одном, то на другом, когда демонстрируются события, изменяющие ход истории на целые столетия. Гвеннан видит одного опекуна, женщину, и, несмотря на незнакомую одежду и усталый вид, узнает эту женщину.

Это леди Лайл, но она истощена и измучена, такой девушка ее никогда не видела. Она движется медленно, с трудом, как будто с каждым шагом уходит жизнь, вытекает кровь из смертельной раны. Гвеннан видит комнату с голубым освещением. Через ее центр тянется возвышение, а на нем хрустальные ящики, похожие на гробы.

Те, что ближе к двери, через которую вошла женщина, просвечивают, хотя среди них нет ни одного совершенно прозрачного. Стены ближайших двух затуманены, но позволяют видеть содержимое. В одном мужчина, в другом женщина. Оба тела застыли и покрыты инеем, глаза их закрыты, никаких признаков дыхания, жизни. Чем дальше гробы от входа, тем менее они прозрачны, а в самом конце они как будто вырублены из мрамора, а не хрусталя, и их обитатели совершенно не видны.

Вошедшая женщина держится рукой за край незанятого гроба. Спина ее согнута, лицо истощено, на нем крайняя усталость, сквозь плоть ясно проступают кости. Другой рукой она расстегивает платье, черное, длинное, с широким белым воротником. Она тянет и дергает, пока платье не падает к ее ногам. Потом сбрасывает желтоватое белье. Надевает на голову плотно прилегающую шапку-шлем, который почти полностью закрывает ее седые волосы, только локоны падают на костлявые плечи женщины. Женщина очень стара, тело ее похоже на ходячий скелет, видно, что она держится из последних сил.

Оставив одежду на полу, женщина, как кажется Гвеннан, с огромным усилием поднимает крышку ждущего гроба. Забирается внутрь. На лице ее появляется облегчение, радость, она приветствует смерть...

Ложится, и крышка сама медленно опускается. Глаза женщины уже закрыты. Гвеннан не видит никаких следов дыхания.

Но хотя погребение завершено, картина не исчезает. Какой-то внутренний голос, которого, впрочем, Гвеннан не слышит и не понимает, привлекает ее внимание к белому гробу в дальнем конце линии. Опускание крышки гроба женщины как будто послужило сигналом. На поверхности дальнего гроба появилась щель. От него начали отпадать и рассыпаться в порошок куски нароста. Крышка дрогнула, разрывая накопившийся за столетия осадок.

Гвеннан еще не видит, кто там внутри; однако вдоль края гроба что-то движется, показываются пальцы, рука цепляет-

ся за край. Медленно, напряженно в гробу садится человек. В ближайший гроб вошла и легла отдыхать женщина, но из дальнего поднялся мужчина; он долго сидел, будто набирался сил, перед тем как встать. Молодой человек, с великолепно развитой мускулатурой, он широко развел руки, потянулся. Потом встал и сделал шаг вперед.

Вначале у Гвеннан перехватило дыхание — Тор? Но тут он посмотрел ей прямо в лицо, начал упражняться, нагибаться, потягиваться, возвращая тело к жизни. Те же яркие золотые волосы, почти те же черты лица, что у Тора Лайла, но это другой человек, хотя, вероятно, близкий родственник.

Идя вдоль линии гробов, он вначале спотыкается, но с каждым шагом движения его становятся увереннее. Он подходит к нише в стене и достает оттуда бутылочку радужно-яркого стекла. Отлив немного из нее в такую же чашку, выпивает одним глотком. Не обращая внимания на гробы, идет вдоль них дальше, пока не оказывается возле груды сброшенной женщиной одежды. Тут он останавливается, подбирает и встряхивает одежду. Из складок падает какой-то предмет, который человек нетерпеливо хватает. Держа находку в одной руке, он сворачивает одежду и сует в другую нишу в стене; там одежда лежит грудой несколько мгновений, потом вспышка, и одежда исчезает.

Человек поворачивается и выходит из комнаты, держа свою находку в руке. Зеркало тут же потускнело. Но Гвеннан все поняла. Одни ли только Лайлы? Или есть другие семейства, члены которых знают такое обновление, возрождение? А как же полукровки, результаты смешанных браков? Обновляются ли и они? Или их ждет лишь нормальное рождение, лишение всех остатков памяти, всех следов Силы — каждый раз новое начало?

Девушка снова увидела свой гороскоп — поворот звездного колеса. Как физическую тяжесть, ощутила она уверенность, что обладает тем же потенциалом, что и Орта. Она устала, как та, другая леди Лайл, которая давным-давно легла отдыхать в гроб, а недавно сделала это вновь.

Гвеннан покачала головой. Лайлы не знают смерти. Они засыпают, чтобы снова возродиться, следуя жестко заданному циклу. А что они делают сейчас? По-прежнему ли они учителя, тайные предводители? Неужели поворот звездного колеса для нее означает для них новый цикл катастроф и гибели?

Катастрофа, на этот раз рожденная человеком, а не силами природы. Угроза новой войны, нависшая над миром после Хиросимы, показала, что человек способен вернуть старые знания, но прилагает их к собственному уничтожению. Безумие охватывало многие поколения. Война — и затем полное уничтожение. Что же могут сделать эти спящие, даже если они все проснутся и разойдутся по миру? Смогут ли они предотвратить катастрофу? Не больше, чем когда-то, когда не сумели предотвратить падение луны и гибель своего мира.

Гвеннан ощутила глубокий упадок духа, безнадежность, по-своему такую же злую, как те чудовища, которых Гвеннан видела на равнине. Она взглянула на гороскоп и подумала, что это насмешка над ней. Что значит для нее поворот колеса? Она не опекун...

Ее внимание резко отвлекла вспышка, ощущение горячего в руке. Подвеска! Циферблат пылал, в ярком сиянии больше не видны были символы, полосы света вращались с такой скоростью, что образовали сплошной огненный круг. Полукровка, не владеющая Силой — она пыталась отделаться от подвески.

Гвеннан дрожала, тело ее раскачивалось на трехногом сиденье. В голове металась мысль, полуосознанные впечатления, боль становилась нестерпимой. Черная волна грозила поглотить ее; Гвеннан утратила связь с внешним миром и упала — вперед, во тьму.

Тьма и пустота — но что-то она должна отыскать, получить — удержать. Она искатель и не может отказаться от своей участи, хотя страстно хочет, чтобы темнота и покой царили вечно.

На этот раз впереди никакой дороги, никаких врат, открываемых знаками Силы. Если она и движется (она даже в этом не была уверена), то сквозь пустоту, где только ее крошечная сущность сокращается, становится ко всему равнодушной...

Гвеннан открыла глаза. Неужели тьма наступила только потому, что она от боли закрыла глаза? В ее теле живет энергия, плоть ее звенит, напряглась; эту энергию она не смогла бы контролировать, даже если бы попыталась. Она больше не сидит на тренажерке и не упала на пол рядом с ним. Она идет, и перед ней нет зеркала, нет сверкающей стены.

Она быстро идет по коридору, идет целеустремленно. Стены коридора не из грубых камней. Она видит тщательно отполированные большие блоки странной формы, так старательно подогнанные друг к другу, что не видно ни следа скрепляющего раствора.

Потолок нависает низко. Гвеннан могла бы, подняв руку, провести пальцами по образующим его плитам. Света нет, кроме того, что она несет с собой — светится подвеска в ее руке, слабо светится также плащ на ее плечах. Она идет в свете... она — носитель...

Гвеннан подняла свободную руку, держала ее над собой и немного впереди...

Голос. Нет, у нее нет такой Силы. Но с пальцев ее срывались лучи света, бледные, далеко не такие яркие, как в храме Орты. Гвеннан помахала рукой, расставила пальцы. Ленты света лениво плыли, обвивались вокруг нее на ходу.

Она играла, как ребенок, обретенной Силой, и отдельные кусочки знаний связывались друг с другом. Леи — древняя вера в них справедлива! Сквозь землю, как вены в теле, проходят энергетические линии. Человек когда-то знал об их существовании, извлекал из них энергию для лечения, для защиты, для благополучия мира. Но потом они были порваны, разошлись, и остались только легенды. Но они не умерли, они постепенно восстанавливались, перестраивались. Некогда разорванные линии тут и там соединялись, заново созда-

вались каналы; они еще не так сильны — слишком велика была катастрофа, — но все время усиливаются.

Заново строились храмы (это делали опекуны и те, до сознания которых они сумели достучаться), грубые, некрасивые, но способные собирать Силу, растить ее. Утраченное знание, наполовину восстановленное знание, снова утраченное — эта картина повторялась снова и снова. Здесь некогда стоял Великий Храм, здесь есть Сила. Слабая по сравнению с той, что некогда являлась по призыву, но она здесь!

В странные массивные стены, окружающие ее, местами вставлены синие камни, кое-где куски кварца. Кое-где отверстия, иногда маленькие, вмещающие только палец, другие побольше — с руку. Гвеннан обходила их, потому что не знала, чего от них ждать. У нее другая задача, она ее еще не понимает полностью, но надеется постепенно понять.

Снова перед Гвеннан дверь, каменная, треугольная, в форме клина, вершиной книзу. В самой широкой части чуть шире ее плеч. Девушка надела цепь подвески на шею, прижала к себе полы плаща. Положила ладони обеих рук на камень. Но не пыталась нажать, повернуть, просто стояла и ждала, пока соберется Сила и устремится в камень. И Сила устремилась. Скала, подобно губке, жадно поглощала ее.

Послышался резкий скрежет. Гвеннан ощутила сопротивление своему желанию. Но не собиралась отступать. Камень поднимался. Теперь ее руки уже высоко подняты над головой. Она бросилась вперед, сознавая опасность своего поступка. Камень упал на место. Но она успела проскочить.

Так она выбралась из места этой древней кладки. Вокруг опять каменные стены, но похожие на стены обычного подвала. Вдоль стен ряды деревянных стеллажей, окутанные паутиной, серые от пыли. На них покрытые пылью бутылки и кувшины. В подвале сумрачно, почти темно. Энергия, которая вывела ее из подземелья, уходила. Гвеннан ощущала огромную слабость; она вспомнила Орту, которая всегда слабела после пророчеств.

Света, впрочем, было достаточно, чтобы увидеть впереди лестницу. Гвеннан обернулась, чтобы взглянуть на треугольную дверь. И ничего не увидела — только каменную стену. С этой стороны дверь не видна. Но в ее мозгу непонятно как возникло знание: она знает, как открыть дверь с этой стороны. Надо пройти налево, нажать на этот камень, потянуть здесь вниз. Это не откроет дверь, нет, но она станет видна ищущему.

Но у Гвеннан не было желания возвращаться, ее дорога лежит впереди. Она пересекла подвал, поднялась по деревянным ступеням, придерживаясь за грубые перила. Требовались все бóльшие и бóльшие усилия, чтобы идти.

На верху лестницы еще одна дверь, со старым железным засовом, какими пользовались двести лет назад. Девушка, собрав все силы, отодвинула его и оказалась в комнате с высоким потолком. Эта комната ей знакома. Библиотека в доме Лайлов. Гвеннан нисколько не удивилась, что оказалась здесь.

В просторном камине голубым огнем горели дрова, слышался сильный ароматный запах, такой же, какой исходил от огненного шара в тот вечер, когда в ее доме впервые оказался талисман леди Лайл. Большой подсвечник блестит золотом и драгоценностями, передняя часть его представляет собой фигуру человека, воина, с обнаженным мечом, в кольчуге, но без шлема; на голове его золотые кудри полускрыты странной формы короной, похожей на переплетенные рога оленя. На его свирепом лице вместо глаз зеленые камни, в блеске каминного огня они кажутся живыми.

В подсвечнике горят пять красных свечей; перед ним другой подсвечник, в форме женской фигуры; тело женщины чуть прикрыто коротким платьем; ноги и большая часть груди обнажены. В ложбинке между грудями висит на цепи подвеска, та самая, которую держит в руке Гвеннан; на высоко поднятой голове женщины корона в виде луны. В этом подсвечнике тоже пять свечей, но они синие, и их фитили горят бледным серебристым пламенем, сравнительно с ярким золотом огня красных свечей.

Оба подсвечника стоят на столе, крепком, лишенном всяких украшений. Его столешница — срез одного ствола, такого толстого, что это даже трудно себе представить. Дерево хорошо отполировано, видны годовые кольца — внутри цвета густого меда, ближе к краю, к коре, коричневые.

Поверхность настолько отполирована, что в ней отражаются оба подсвечника, но отражение разорвано и искажено тремя стоящими на столе предметами. Чаша, скорее кубок, глубокого красного цвета, с длинной хрустальной ножкой, восьмиугольной по форме. А перед кубком два скрещенных ножа или кинжала, с ручками из какого-то тусклого темного камня, одна в виде волчьей головы (а может, это смесь волка и человека, ужасное смешение одного существа с другим), с красными камнями вместо глаз.

Ручка другого ножа Гвеннан слишком хорошо знакома. Это существо с свиной головой, которое было в своре чудовищ. Оно из серого, грязного на вид камня. Глаза у него живые, красные.

Девушка смотрела на стол, и руки ее невольно двинулись к подвеске. Ей показалось, что плащ сам по себе шевельнулся, плотнее укрывая ее. Потому что перед ней, яркая и сверкающая, лежала Тьма, древняя Тьма. Каким-то образом эти предметы оскверняли комнату, принося с собой зло.

Она не смела повернуться к ним спиной. Быстрый взгляд в сторону — и она увидела дверь, через которую всегда входила в это помещение. Эта дверь ведет в прихожую, а оттуда совсем близко до входной двери — и свободы. Что-то в этом доме изменилось. Обостренные чувства девушки говорили ей, что под знакомым ароматом пряностей таится болезненно-сладкое зловоние разложения.

Следы Тора! Она не сомневалась в этом, будто была свидетельницей его заклинаний. Тор не дал проснуться очередному опекуну — вот чего нужно бояться. И он сильнее нее, хотя тоже полукровка. Его учение далеко завело его по тропе знаний — добрых или злых. Он может смеяться над ней. Почему леди Лайл именно ее противопоставила ему? Древняя

линия, должно быть, почти исчезла, если она сделала такой отчаянный выбор.

Гвеннан двинулась, не отрывая взгляда от стола, прислушиваясь, уверенная, что Тор покинул эту комнату ненадолго, что он в любой момент может вернуться, чтобы продолжить свои заклинания, свои тайные обряды. Дойдя до двери, она вынуждена была на мгновение прислониться к широкой панели, чтобы собраться с силами.

Пальцы ее легли на ручку, она собрала всю решимость. Раскрыв дверь, увидела прихожую.

Никого нет, но она ждала, прислушиваясь. Эти последние несколько шагов к свободе оказались самым трудным испытанием в ее жизни. Она видела, как свет отразился в глазах дерева-женщины. Статуэтка следит за ней, другие тоже. Гвеннан вцепилась во входную дверь, открыла ее. Тяжело дыша, как после долгого бега, вышла на неяркое солнце — должно быть, середина дня.

Глава пятнадцатая

Во дворе никаких попыток расчистить снег, никаких следов, из дома никто не выходил в последнее время. Гвеннан брела через сугробы, поминутно оглядываясь через плечо. Глубоко посаженные окна с мелкими стеклами казались слепыми, как глаза, из которых ушла жизнь.

Но ведь в очаге горел огонь, кто-то зажег свечи. Теперь, когда на открытом воздухе страх рассеялся, девушка отчетливо ощущала, что в доме пусто. Слуги? Во время ее предыдущих посещений они всегда, рано или поздно, появлялись, двигаясь неслышно и незаметно. Ей казалось, что они живут в своем тайном мире, из которого приходят по вызову главы этого дома.

Где они теперь? И Тор... Конечно, это Тор, новый хозяин, подготовил тот стол-алтарь. Но она его не видела. Однако дом велик, она даже не знает, насколько, в нем еще много комнат, в которых она не бывала. И все же... там так тихо.

Гвеннан пришлось перебираться через два глубоких сугроба, чтобы добраться до каменных столбов, обозначающих выход на дорогу. И даже здесь снег не убирали. Но идти стало легче. Она решила не оглядываться и, идя вдоль погребенной стены, не стала поворачивать голову и смотреть на камни на насыпи. Из леса вблизи стены послышался резкий крик. Гвеннан вздрогнула, но тут же взяла себя в руки — всего лишь крик птицы. Но насколько она помнит, ей раньше не приходилось слышать такого мрачного, громкого, далеко разносящегося крика.

Дорога повернула, Гвеннан увидела свой дом и небольшую рощицу перед домом Ньютонов. Она побежала, скользя и спотыкаясь, решив побыстрее добраться до места, которое означает возврат в нормальный мир. Как только она вышла на открытое место, принуждение, владевшее ею, отступило, и реальность, которую она знала всегда, вступила в свои права. В ней две личности, внутри нес они борются за власть...

Дверь не закрыта. Должно быть, она так ее и оставила. Прошел почти целый день, и как она отчитается об этих пропущенных часах, если ее спросят? Она прикрыла за собой дверь. В прихожей тепло. Темнеет. Гвеннан закрыла дверь на засов.

И поняла, что голодна и устала. Головная боль прошла, но осталось неприятное ощущение слабости. Зайдя в кухню, она вынуждена была посидеть немного, с благодарностью глядя на знакомое окружение — ее охватило ощущение безопасности, которое она всегда испытывала в этом доме. Расстегнув брошь-глаз, она позволила плащу соскользнуть с плеч, и ткань не задерживалась, не цеплялась за нее.

Сбросив плащ на стул, сняв другую верхнюю одежду, Гвеннан принялась жарить яйца, резать толстые куски деревенского бекона, наполнила кофейник.

Она ела и никак не могла наесться. Закончила трапезу пригоршней печенья, отобрав разломанное или слегка подгоревшее: для библиотеки все равно не годится. Завтра вос-

кресенье. Она позвонит Грэхэмам, скажет, что не может идти в город. Она больше ничего не хочет, только спать, спать, спать...

Спать — но без снов! Мысль о снах вывела ее из дремоты, и она заставила себя помыть посуду. Нет, никаких снов!

Но даже этот страх не смог победить ее усталости, сейчас она пойдет в спальню, ляжет, укроется... Гвеннан задернула занавеси на окнах. Она не хочет ничего видеть, кроме этой комнаты.

Но, раздеваясь, она не сняла подвеску с шеи. Диск как бы стал частью ее тела, и она могла избавиться от него не больше, чем человек от своей собственной руки. Циферблат снова потускнел, символы стали еле видны. Ложиться еще рано, но Гвеннан не могла больше сидеть, хоть на небе еще видны были лучи заката.

Сон пришел к ней быстро. И никаких сновидений не было: она погрузилась в ожидавшую ее теплую темноту, где нет ни сомнений, ни страха, ни памяти.

Гвеннан проснулась в темноте. Только чуть более светлые очертания показывали, где окна. За окном слышался шорох — снова снег! Но ветер не шумел, не ударялся в стены. И тут — Гвеннан застыла, руками инстинктивно схватилась за одеяло и теплый шарф.

Мягкий звук падающего снега прорезал крик, он слышен был так ясно, будто окно на ночь открыли. Тот же самый громкий хриплый крик, который она слышала, уходя из дома Лайлов. Слишком громкий, слишком резкий по тембру, чтобы издаваться птичьим горлом. Гвеннан хорошо знала совиный крик, но это не ночной охотник.

Подвеска на ее теле потеплела. Гвеннан отвела воротник стеганой пижамы, чтобы взглянуть на нее. Подвеска циферблатом обращена к ее коже. Но металл и с противоположной стороны светится, живет.

И в этот момент пробуждения у нее не было никакой защиты от вновь приобретенного знания. Да, ощущение безопасности, которое ей приносит дом, — иллюзия. Гвеннан

знала, что летает над ним. В мозгу ее картина была так ясна, будто она видела ее своими глазами.

Существо летает в небе, и снег отпадает с его чудовищно искаженного тела. Охотник идет по следу, он не в мире с зеленым освещением, а в этом, чудовищная свора спущена, бежит, она на свободе.

Даже в древние времена Храма и Силы было известно о существовании войска Тьмы, с ним сражались, его держали в покорности. Уже тогда существовали темные щели между мирами, через которые пробирались такие существа, а извращенное человеческое сознание училось призывать их. Рука — конечно, Рука в последние дни мира Орты открыл им дорогу. А теперь...

— Тор! — Гвеннан прошептала это имя, и на ее шепот слышался ответ, может, не в ушах, но в голове...

Тор! Тор! Тор!

Она съезжилась в постели, слушая не только ушами, но всем вновь зародившимся в ней существом, используя чувство, названия которого не знала. Тьма повсюду... она бродит... ищет... Но почему тогда свора на нее не набросилась? Люди в течение столетий пытались найти защиту от того, что бродит теперь в ночи. Создавали ритуалы, использовали святую воду, травы, которые, как считалось, не выносят создания Тьмы. Строили церкви и святые места. Некоторые надеялись на серебро, на древние формулы. Другие цеплялись за священные предметы религий. Но все в глубине души боялись, и страх создавал бреши в их защите.

Сам страх величайшее оружие Тьмы — это всегда правда. Человек рождается с зародышем, зерном страха, глубоко запрятанным в нем. Этот страх в благоприятных условиях может расти, плодоносить. И вот теперь в ночи страх кричит, карабкается, бродит.

Такой страх может убивать не хуже когтей и клыков. Эти ночные охотники — его посыльные. Только миновав их, можно начать подлинную битву, встать против врага. А она — кто она против Тора? Он хвастал своими знаниями,

и она не сомневалась, что он ими обладает. Может быть, он и полукровка, сошел с правильного пути, если Рука сумел добраться до убежища и у него были потомки. Но он так же опережает ее в обладании Силой, как леди — Орту, Гвеннан, каково бы ни было ее имя.

Леди Лайл сейчас, должно быть, лежит в том месте, в котором Гвеннан наблюдала, среди опекунов, уходящих на отдых. Сколько времени занимает такое обновление — когда старые вновь становятся молодыми, способными призывать Силу? Годы?.. поколения?.. столетия? И насколько глубоко уже погрузилась леди в этот освежающий сон?

Но...

Гвеннан широко раскрыла глаза, хотя ничего, кроме темноты, не видела. Когда она наблюдала за процессом обновления, женщина легла в свой гроб до того, как встал мужчина! Но Тор появился за недели до того, как ушла леди Лайл. Она писала в письме о факторах, которые ускорили ее уход... хотя тогда ее слова не имели для Гвеннан смысла.

Итак... Тор явился не из зала обновления опекунов, он здесь не по праву. Кто же он тогда? Почему-то леди Лайл оказалась заменена. Тор не должен был получить доступ к Силе. Она, Гвеннан, тоже. Но за всем этим что-то есть. Девушка чувствовала, как сплетаются линии, только не могла проследить их до начала, не знала их источника.

Она избрана принять в этом участие — действовать против Тора. Конечно, леди — Голос — не стала бы вовлекать ее, если бы не было хоть малой надежды на победу Света. Тор хочет, чтобы она стала его союзницей. Но он считает, что в ней доля древней крови очень мала, что он легко с помощью страха справится с ней. Иначе он не открыл бы врата, не высвободил бы тех, кто оттуда вышел.

Гвеннан встала с кровати и начала одеваться. Услышав снова крик этого летающего существа, она не смогла сдерживать дрожь, крик звучал близко, будто чудовище пролетело над самой крышей. Хочет выгнать ее из дома, чтобы его хо-

зяин смог ее найти. Должен быть выход, обязательно должен быть.

Она склонилась у шкафа на кухне, в который спрятала шар и поднос. Свет мигнул, и Гвеннан подготовила батарейную лампу, поставила ее посреди стола. Под ней расстелила плащ: у нее было чувство, будто она должна использовать все, что может хоть как-то помочь ей в предстоящей попытке.

На подносе у края оставалось еще несколько несгоревших крупинок. Гвеннан передвинула их ближе к основанию, на которое осторожно положила шар, потом поставила все на стол. Шар в безопасности. Гвеннан потянулась за спичками и покачала головой. Она пыталась припомнить. Эти отрывочные мысли от ее постоянного чтения или из возрожденной памяти прошлого? Не важно. Важно, что они подсказывают, что ей нужно.

С лампой в руке она прошла к деревянному ящичку. Ясень — недавно срубили два ясеня, и их стволы пошли на дрова. Гвеннан порылась, нашла ясеневое полено и ножом отколола длинную щепку. Сунула ее конец в угли печи, щепка вспыхнула. Зажгла ею голубые кристаллы, надеясь, что их осталось достаточно, чтобы помочь ей.

Наверху снова послышался крик. Гвеннан показалось, что в нем звучит призыв. Когда от кристаллов начал подниматься ароматный дым, она загасила ясеневую щепку, торопливо подошла к окнам. Снег падал густо, образуя завесу. Гвеннан почерневшим концом щепки начертила на стеклах крест с петлей. Потом проверила, не пропустила ли стекло.

Еще одно забытое человеческое оружие. Но люди много поколений в него верили, и потому в нем собралась сила. Это дает хоть какое-то, пусть хрупкое, преимущество перед тем, что летает вверху. Вера — это зародыш силы, и символ веры защищает, когда он используется во имя Света.

Гвеннан захлопнула дверь в деревянной сарай, потом в прихожую, на обеих начертила тот же защитный знак. Видимых

следов не осталось, но это не значит, что знака нет. Глаза не всегда видят присутствующее.

Итак, воздвигнув какую могла защиту против охотника, Гвеннан снова приблизилась к столу, села, вдохнула ароматный дым, положила голову на руки, прочно упираясь локтями в стол, в поверхность плаща. Она вопросительно смотрела на шар, в поисках ответа, как ребенок ищет помощи в школе, когда чего-то не понимает. Ведь для Орты это когда-то было так легко... эта ее вторая часть должна ожить.

Гвеннан старалась использовать всю свою волю с этой целью, освободить сознание от всего, кроме этой задачи.

Дым может одурманивать; пророчицы много веков пользовались наркотиками, чтобы ослабить связь с «теперь» и «здесь». Этот запах не вызывал сонливости. Напротив, она чувствовала оживление, сознавала, что в ней просыпается вторая сущность, которую она еще не понимает.

Шар от дыма затуманился, чувствовалось, как от него исходит сила.

— Покажи! — потребовала Гвеннан. — Покажи, где!

В шаре показалась дверь, но это вовсе не шар... какое-то другое место, она в нем, но не зрительница, она действует. Она узнает эту дверь — старая, потемневшая от времени дверь дома Лайлов. На ней тот же тяжелый дверной молоток, но ей не нужно брать его в руки, она толкает дверь, не физически, а своим желанием: она должна туда пройти.

Дверь раскрывается. Перед Гвеннан прихожая, она как в тумане, не она — цель Гвеннан. Не сворачивает она и в библиотеку, где Тор оставил то, что, по ее мнению, служит ловушкой. Но ловушкой не для нее. Нет, ей нужно в заднюю часть дома, где она никогда раньше не была.

Еще одна дверь, еще один зал, снова несколько полуоткрытых дверей. Потом стена, обшитая тяжелыми резными деревянными панелями. Когда-то они были выкрашены, но теперь краска облезла и держится только в завитках листьев, оплетающих резные стволы. Похоже, резчик пытался на сте-

не изобразить целую лозу, она начинается у пола и тянется до потолка.

Резьба такая глубокая, что во многих местах в нее можно вставить пальцы. Но только два таких места имеют значение, одно в центре полукруга листьев. Да, присмотревшись внимательней, она разглядела маленькую голову, смеющееся лицо, с живыми глазами, из кудрявых волос торчат заостренные уши. Все изображение не больше ногтя на пальце, но оно совершенно. А вот поблизости и второе кольцо листьев, а в нем голова оленя, гордая, как у животного, на котором ехала охотница в зеленом мире.

Нажать. Она нажимает не руками, нацеливает мысль на эти два места. Стена начинает дрожать, трястись. Вся резьба полна жизни, она стремится освободиться. Но вот ее поверхность раскалывается, между головами появляется щель; но резьба сделана так, что ни один листок не оказывается разрезанным этой щелью.

Дверь такая узкая, что ей пришлось бы проходить боком. Гвеннан не помнит, как вошла, она уже внутри. Ступени такие же, как под камнем на лугу. Но не тронутые временем, с острыми, не затупленными и обвалившимися краями; она снова спускается.

Темно, но не для ее глаз; теперь у нее не зрение внешнего мира, внутреннее зрение; движется она быстро, быстрее, чем если бы шла здесь физически. Кажется, она спускается бесконечно, погружаясь к самому центру земли. Но у каждого действия бывает конец. Она перед дверью; та, как и дверь в сокровищнице, легко раскрывается.

Она видела эту комнату! Это ее ей нужно было найти — сердце жизни опекунов — или место их смерти. Вот ряды гробов, все более непрозрачных. Гвеннан знает, кто лежит в самом близком. Леди Лайл похожа на статую, стороны гроба только начали затуманиваться.

Теперь, когда леди легла и отдала свое тело процессу обновения, проснуться она не может. Гвеннан с тоской смо-

трет на нее некоторое время; как бы ей хотелось, чтобы процесс пошел в обратном направлении, чтобы леди можно было позвать. Нет, она должна отыскать другой гроб, тот, что в самом конце линии. Через мгновение она уже стоит возле него. Прочный, как камень, ни следов откалывания внешних наростов, что она наблюдала у сиденья пророчицы.

Неужели обновление иногда не удается, и тот, кто лежит в гробу, остался мертвым?

Она смотрит на часть гроба, под которой голова. Там только череп? Возможно, отказал древний механизм.

И тут она видит то, что лежит на крышке гроба, как раз над сердцем спящего. Белое, как оболочка гроба, почти невидимое на первый взгляд. Но она смотрит пристально и видит все яснее. Символ — похожий на те два кинжала, что лежали скрещенные на столе в доме Лайлов, белые, как лед, смертоносные, как отнимающий жизнь холод. Тот, кто должен встать, не может этого сделать. Гроб запечатан снаружи. Если этот злой символ не снять, подлинный опекун не встанет.

Тор — только Тор мог это сделать. Гвеннан сосредоточила силы своей мысли на этом белом невидимом ноже, пыталась отодвинуть его, как своей волей открывала двери. Но ничего не могла сдвинуть. Это не подвластно воле (по крайней мере ее воле), в ней недостаточно древней Силы. Не может она и протянуть руку — та ее сущность, которая совершает путешествие, не имеет рук, ей нечем схватить. Нет, она должна прийти сюда физически; нет сомнений, что единственная рука, которая может это сделать, ее рука.

Ей показали путь, поставили ясную задачу. Остальное зависит от ее воли, решимости — и храбрости! Она не верила, что Тор беспрепятственно позволит угрожать его власти. Попав сюда, узнав так много, она обязана действовать. Отступления нет.

И поняв это, Гвеннан мгновенно очутилась у шара в тепле своей кухни, дрожа от истощения, такая уставшая, что не в силах была пошевелиться.

Но ее оцепенение нарушил звук снаружи. Не крик охотящегося существа. Шум, слабый вначале, но все усиливающийся. Вой сирены. Это машина шерифа...

Гвеннан вскочила, подбежала к окну и поняла, что из кухни ей не видна дорога. Она прошла в прихожую, держась рукой за стену, открыла входную дверь. На дороге множество машин, на крышах некоторых — сигнальные огни. Половина Уайтбриджа движется по дороге мимо ее дома.

Небо освещено, но не рассветными лучами. Где-то на севере зарево. И там только одно место, где может гореть. Дом Лайлов!

Пожар от свечей, оставленных в пустом доме? Но это было несколько часов назад. Впрочем, внутри дома стены в панелях, очень старых, промасленных, они должны легко загораться. И хоть сами стены сделаны из прочного камня, внутри все может выгореть.

Она бросилась назад, схватила плащ, сунула ноги в ботинки. По дороге, несмотря на поздний час и холод, шли люди, она смешалась с ними, услышала возбужденные голоса; говорили о телефонном звонке, который поднял тревогу, хотя никто не знает, кто позвонил; о том, что дом погибнет, если помощь не придет вовремя.

Тор сделал это, чтобы скрыть место отдыха опекунов? Гвеннан думала, что ни один истинный Лайл не сможет уничтожить их убежище, место, за которое они держатся много столетий. Но Тор полукровка, дом мало что для него значит, а добиться он хочет многого. Неужели он узнал о ее мысленном проникновении и начал действовать, быстро и безжалостно, прежде чем она сумеет совершить задуманное?

Пожарная машина — девушка припомнила, что куплена она в основном на деньги Лайлов, — доехала до дома, за ней машина шерифа, два грузовика с людьми, которые тут же выпрыгнули и начали действовать. Но глубокий снег затруднял их действия.

Через полуоткрытую переднюю дверь виднелся огонь и дым. Ни следа слуг. Может быть, они внутри, и огонь отре-

зал им выход? По-видимому, так считали собравшиеся. Добровольцы надели два новых пожарных костюма, их облили водой из насоса пожарной машины, и они прошли в дом; вода тут же замерзала.

Гвеннан смотрела на огонь, видный в окнах фасада. Какие сокровища гибнут там! Если дом сгорит, она, вероятно, никогда не отыщет внутреннюю дверь, которую показал ей шар. Послышались крики; двое вошедших вернулись, они вели с собой третьего. Тот, кого они спасли, сам идти не мог. Невозможно не узнать эти светлые волосы, хотя лицо ей не видно.

Кто бы еще ни оставался в доме, Тор был застигнут в нем огнем; Гвеннан смотрела на его вялое тело, которое укладывали на носилки. Кто-то накрыл его одеялом. Умер? Нет, его положили в машину шерифа. Отвезут в полицию, вызовут вертолет и переправят в больницу в Фримонте — если доживет. Неподвижное тело заставило ее усомниться в этом.

Вначале Гвеннан испытала только удивление, потом более сильные чувства. По ее мнению, он сам навлек на себя гибель, может быть, потому что хотел сохранить тайну Лайлов, подчинить ее себе. Сегодня он раскрыл врата для существ из другого мира — она была так уверена в этом, словно сама видела, как он их вызывает. И сразу после этого встретить смерть? Нет! Должен быть другой ответ. Возможно, эту смерть вызвала сама леди Лайл. Та, что была когда-то Голосом, может быть безжалостной в борьбе за победу Света. Гвеннан свидетельница этого. Устранить угрозу, которую представлял Тор, — долг опекуна, и Сарис Лайл не стала бы от него отворачиваться.

Итак, никакие чувства не привязывали эту пожилую женщину к Тору — скорее необходимость завершить задуманное. Времени у нее не было, но она должна была позаботиться, чтобы не пострадало ее дело. Она пробудила Гвеннан, настроила ее, подготовила к тому, что сама сделать не могла. Тор — не малозначащая ниточка, которую можно не принимать во внимание, он играет важную роль в ткани времени.

Итак, если он мертв, это неудача, а не торжество леди Лайл, потому что задача осталась нерешенной. Гвеннан следила за пожарными, более сосредоточенная на своих мыслях, чем на их действиях.

Огонь за окнами явно гас. Наконец из дома показались люди, они несли дымящиеся обрывки ткани и бросали их в снег. В воздухе повис едкий запах дыма. Гвеннан слышала в разговорах, что огонь коснулся только занавесей и ковра. Сами пожарные удивились тому, какой маленький ущерб нанес пожар.

Говорили, что молодой Лайл отравился дымом, пытаюсь в одиночку погасить огонь. В доме больше никого не было.

Глава шестнадцатая

Пока что Гвеннан в толпе никто не узнал. Люди продолжали подходить из города. Пожар, должно быть, поднял на ноги весь Уайтбридж. Она видела достаточно и хотела уйти — подумать, может быть, еще раз взглянуть на шар. На время Тор удален с доски, на которой идет игра. Но сейчас для нее единственная возможность...

Она скользнула между кустами, которые закрывали дом Лайлов с дороги. Конечно, у дома останется охрана. То, что она должна сделать, будет делаться в тайне.

Что она должна сделать...

Внезапно поняв, что у нее мало времени: ее узнают, либо поставят охрану, и она не сможет войти в дом, Гвеннан скрылась в кустах и направилась к задней стене дома, подальше от света, машин и людей на переднем дворе. Здесь она раньше никогда не бывала и не была уверена, что найдет неохраняемый вход с боков или сзади дома. Вопросы вызывало также отсутствие слуг. Отослал ли их Тор? Или они сами отказались служить ему? Гвеннан не знала, сколько их вообще в доме. Женщина, неслышно помогавшая леди, мужчина, присматривавший за дверью, — иногда его можно было увидеть во дворе, — еще одна женщина, постарше, кото-

рая обычно прислуживала за столом, — вот и все, кого она знала.

Хотя снега здесь было немного, густые кусты и живые изгороди мешали ей продвигаться прямо. Гвеннан постоянно приходилось поворачивать направо или налево, чтобы избежать препятствий, многие из которых были выше ее.

Она уже прошла довольно много, когда вздрогнула от крика летающего существа. Инстинктивно она прижалась к изгороди. Здесь ее скрывали нависающие ветви.

Она ощутила зловоние иного мира. Услышала звуки ударов широких крыльев. Все в ней кричало: беги, уходи отсюда. Тор оставил своих стражников. Против чудовищ его своры — какое у нее оружие? Летающий монстр не достанет ее в кустах, но есть и другие охотники, и, может быть, нетерпеливый крик сверху созывает их.

Может ли сам дом послужить убежищем? Как? Во времена Орты существа из чужого мира рыскали и убивали даже в самых священных местах.

Однако дом, с его толстыми стенами, все-таки единственное доступное для нее убежище. Она была совершенно убеждена, что те, что бродят в ночи, никем не интересуются. Им нужна только она, она их добыча — добыча Тора!

Девушка не осмеливалась выйти на открытое место, она держалась за обледеневшие ветви и продвигалась под укрытием растительности. Поверхность земли она почти не видела. Подойдя к дому Лайлов сзади, она увидела стену и в ней дверь. Кусты росли почти до самой стены, так что она оказывалась открытой, уязвимой только ненадолго. Все зависит теперь от того, закрыта ли калитка. Если она добежит до нее, но не сможет войти...

Гвеннан неуклюже побежала к калитке в стене. Ни ручки, ни засова. Над собой она снова услышала удары крыльев, от зловонного запаха начало мутить. Она уперлась обеими руками, надавила.

Из ее полуоткрытой парки свесилась на цепочке подвеска. Из полумесяца на ее верху блеснул луч, не яркий,

как на циферблате, но достаточно заметный, и коснулся двери.

Странно, но луч сам по себе наклонился, хотя она не делала попытки его нацелить, и углубился в отверстие в старом почерневшем дереве.

Гвеннан не смела оглянуться. К ней из ночи устремилось чудовище. Ей не нужно было видеть, чтобы знать это. Летело оно молча, стремительно. Тянутся ли к ней уже когти, клюв? Дверь открылась внутрь, и Гвеннан влетела в нее, держась за прочную стойку. Она захлопнула дверь и стояла задыхаясь; страх настолько ослабил ее, что она сомневалась, сможет ли идти дальше.

Послышался крик, полный ненависти и гнева, он поднялся до высокого свиста, до головной боли и ушел за пределы слышимости. Что-то тяжелое ударилось в стену, послышались звуки, будто огромные когти пытаются разорвать прочное дерево, разбить камни стены.

Гвеннан ждала. Этому существу нужно только взлететь — и легко перебраться через стену. Но оно продолжало в слепой ярости биться в дверь. Гвеннан посмотрела на темные очертания дома. Перед ней двор, такие она видела на рисунках старинных заморских зданий.

Дом образовывал одну сторону квадрата внутреннего двора. Стена, у которой она стояла, недлинная, примыкает к двухэтажному строению в углу, а то в свою очередь соединяется с гораздо большим двухэтажным сооружением, напоминающим ящик. В тусклом свете девушка видела только общие очертания: огней внутри не было. Другую сторону квадрата образовывало еще одно низкое здание, крыша его слегка блестела; в нем виднелась широкая арка.

Главное — дом. Гвеннан, продолжая слышать удары чудовища, побежала к нему. Нужно найти вход. На мощеном дворе снега нет: его, должно быть, чистили. По крайней мере можно не бояться поскользнуться и упасть.

Темные окна дома казались черными квадратами. В отличие от передних, эти закрыты ставнями, и Гвеннан не сомне-

валась, что ставни заперты изнутри. Но была и дверь, тоже закрытая и прочная. Стоя перед ней, она увидела, что на ней тоже нет ни ручки, ни засова. Подвеска?..

Но когда она ее подняла, не было никакого луча. Гвеннан прикусила губу. Тварь снаружи не прекращала своих попыток. Рано или поздно камни не выдержат яростных ударов. Тогда...

Она услышала какой-то новый звук — низкое ворчание, не резкий крик летающего существа. Должно быть, приближается еще один ночной охотник. Дверь дома!.. Гвеннан ударила ее обеими руками, и прежде чем она сумела овладеть собой, ее охватила паника. Она чувствовала, что поиски убежища в других зданиях невозможны. Только в самом доме, где обитает Сила, может она спастись.

Наконец, ничего больше не придумав, она наклонилась и сунула подвеску в отверстие в двери. Та легла легко, как будто для этого и предназначалась, и Гвеннан, как поступила бы с ключом, повернула ее. Подвеска подчинилась ей — дверь открылась!

Она мгновенно оказалась внутри, в холле, полном едкого запаха дыма. Прочно закрыла за собой дверь, постояла в темноте, прислушиваясь, испытывая свое недавно обретенное чувство, проверяла, есть ли в доме кто живой.

Если бы только у нее был фонарик! Эта часть дома для нее — незнакомая территория, но она решила, что тут никого нет. Она слышала отдаленные звуки: где-то в передней части дома что-то делают. Значит, пожарники и шериф все еще в здании.

Придерживаясь стены, Гвеннан двинулась вперед. То, что она ищет, находится за этими служебными помещениями; от присутствия других людей зависит, сумеет ли она достигнуть своей цели. Пальцы ее скользили по каменной стене (здесь не было деревянных панелей), она нащупала закрытую дверь.

Мысль об источнике света заставила ее открыть дверь. Та легко поддалась. И Гвеннан застыла, увидев свет. Перед ней

огромное помещение со всеми признаками, какими обладали подобные кухни за два столетия до ее рождения.

Источник света — большой очаг; в нем не огонь, а скорее угли; очаг снабжен вертелом, цепями для подвески котлов и печью сбоку. Нигде ни следа современной печи. Но в тусклом свете Гвеннан увидела на столе свечу, вокруг фитиля еще много воска. Свеча легко зажглась от углей очага.

На стенах деревянные стержни, на них развешаны кастрюли и металлические сковороды, все ярко начищенные. Древней кухней не только пользуются, но и держат ее в полном порядке. Но и в ней теперь пустота, как будто те, кто тут жил и работал, все ушли.

Держа свечу в руке, Гвеннан скользнула назад в холл. Но вперед не пошла, вернулась к наружной двери и прижалась к ней, прислушиваясь. Ничего не слышно. Если существа наконец пробрались во двор, толщина стен не давала возможности получить предупреждение. Не зная, сколько времени в ее распоряжении, девушка заторопилась, стараясь при этом не шуметь.

Еще одна полуоткрытая дверь, за ней запах дыма сильнее. За дверью слышны голоса. Потом заработали двигатели, прошумел отъезжающий грузовик. Сирена машины шерифа. Гвеннан подумала, может, их насторожила свора. Конечно, они слышали крик летающего существа.

— Погляжу... — Это шериф. И не похоже, что он чем-то встревожен. Он тяжелыми шагами шел по соседнему холлу. Повторно обыскивает дом? Гвеннан прикрыла свечу рукой и огляделась. Или ночные чудовища слышны лишь тем, на кого охотятся?

Убежище? Их здесь должны быть сотни, но она не замечает ни одного. Но должна найти! Кухня?

Девушка торопливо направилась к очагу. Он такой широкий. Огонь небольшой, тлеет далеко в глубине, и Гвеннан сможет забраться в пещеру, предназначенную для целых бревен. Прижаться к одной из стен. Может, ее не заметят. Девушка неохотно задула свою свечу и вошла в зияющую пасть,

оказавшись в небольшой, покрытой сажей комнате. Стоя у стены из древнего кирпича, она бегло подумала, что пасть может на самом деле проглотить ее. Видно ли ее снаружи?

За дверью, которую она не закрыла, громко прозвучали шаги по полу, не покрытому ковром. Луч фонаря в сильных руках обошел всю кухню. Гвеннан плотнее прижалась к стене, когда луч проходил по очагу. Она ожидала, что фонарик направят внутрь, раздастся резкий приказ выходить, ее заставят объяснить...

Однако простая хитрость сработала. Луч фонаря ее миновал. Наконец дверь с треском закрылась. Гвеннан перевела дыхание, подняла свечу, снова зажгла ее. Она была уверена, что теперь ждать недолго. После обыска дома снаружи оставят полицейского, но тот должен будет находиться возле машины с ее радио.

Теперь нужно найти ту комнату, которую ей показал шар в видении. Эта комната не может быть частью служебных помещений, но ей казалось, что она недалеко. Снова назад, в холл. Гвеннан проходила по несколько шагов, прислушивалась к звукам: закрываются двери, шаги по голому полу.

Она сосчитала до ста, потом снова, и еще раз, с каждой сотней чувствуя все большее нетерпение. Наконец она услышала стук закрывающейся входной двери. Заторопилась в главный зал. И увидела то, что искала.

Вот оно! Свет очень слабый, при нем Гвеннан едва разглядела покрытую резьбой стену. Она постаралась вспомнить, где стояла в своем видении. Так много вьющихся листьев, такая масса переплетающихся стеблей. Ей пришлось поднести свечу почти вплотную к панели и пристально всматриваться. Лицо — вот оно! Теперь олень — но его найти уже гораздо легче.

Поставив свечу на пол между ног, Гвеннан приложила большие пальцы к этим двум изображениям и изо всех сил нажала.

Ей показалось, что у нее ничего не вышло. Должно быть, тогда у нее была просто галлюцинация: ничего не происхо-

дило. Два резных узла не поддавались, хотя она прилагала всю силу.

Потом послышался звук, похожий на долгий вздох. Руки ее скользнули вперед, вслед за резными изображениями, на которые она продолжала нажимать. Стена перед ней раздвинулась. Щель была так узка, что Гвеннан засомневалась, пройдет ли, тем более в зимней одежде. Со свечой в руке она стояла на верху лестницы. Прежде чем начать спускаться, Гвеннан сняла шарф, свернула в комок и затолкала в щель: с внутренней стороны никакой ручки не было. Шерсть не даст двери закрыться, останется щель, куда можно будет просунуть палец. Ей показалось это разумной предосторожностью, чтобы не остаться закрытой.

Лестница в гораздо более хорошем состоянии, чем под камнем. Можно спускаться быстро, все ступеньки целы. Так Гвеннан оказалась в комнате с гробами. На мгновение остановилась у гроба леди Лайл. Спокойная красота лица, которое еще хорошо видно и, казалось, смеется над ней. Такой полнейший отдых — а все неприятности должна распутывать Гвеннан. А девушка даже не уверена в правильности своих решений. Почему ей поручили эту миссию? И кто этот подлинный опекун, которого Тор так ненавидит, что использовал против него запрещенные методы.

И ему кое-что удалось. Гвеннан всегда считала, что у нее слишком мало шансов в борьбе с ним. Но правда ли это? Она смотрела на спящую леди Лайл. Хоть Тор и вызвал чудовища, пока что они оказались не очень эффективными слугами. Да, они вызывают страх. На нее это подействовало, отрицать нельзя. Но что еще он сумел сделать, чтобы противостоять планам леди Лайл? Как будто из-за вмешательства Тора одна из Лайлов должна была раньше времени уйти на отдых, но при этом приняла необходимые предосторожности. И главное ее оружие — сама Гвеннан.

Девушка по-прежнему не верила, что она ровня Тору. Но в противостоянии с ней он показал себя удивительно неловким. Она поднесла руку к подвеске. Надежная ли это защи-

та? И есть ли смысл во всех этих разговорах Лайлов о звездном колесе, которое сделало полный оборот, и потому теперь сама Гвеннан заслуживает гораздо большего, чем сама считает?

Вопросы, на которые у нее нет ответа. Ей нужно окончательное решение. И она верила, что оно заключено в последнем в ряду гробу, том самом, который застопорил Тор. Это ему удалось совершить, возможно, после того как леди Лайл преждевременно вынуждена была удалиться.

Гвеннан пошла к непрозрачному гробу, по-прежнему держа в руке подвеску. Все точно соответствовало ее видению. Не прикасаясь к гробу (у нее было здоровое желание узнать побольше, прежде чем вмешаться), она склонилась, осматривая его. Нож или кинжал выглядит так (она хорошо видела, потому что гробы неярко светились), словно сплавлен с гробом и составляет с ним единое целое. Просто так его не поднимешь и не сдвинешь.

Не поднимешь? Гвеннан внимательно изучала его. Ей показалось, что между лезвием и поверхностью гроба есть все-таки еле заметная щель. Туда можно всунуть что-нибудь острое и использовать как рычаг. Но ничего подходящего у нее нет. Вернуться в дом и поискать? Нет, она чувствовала, что время исходит. Она должна сделать то, за чем пришла, и как можно быстрее — иначе что-либо делать будет поздно, Тор победит!

Поднять — эта мысль преследовала ее. Наконец она использовала единственный доступный ей способ: прижала роговые выступы подвески к крышке гроба. Мгновенно руку ее охватил холод. Девушка чуть не выронила металлический диск. Пальцы ее немеют, еще мгновение — и она вообще перестанет их чувствовать. Быстрее!..

Она присоединила вторую руку к первой. Пальцы ощутили тот же страшный холод, но еще до этого она успела проткнуть рог в щель (щель действительно была!). Холод поднимался по руке до плеча, но Гвеннан изо всех сил тащила к себе подвеску, пытаясь сорвать с гроба печать.

Она использовала не только всю силу рук. Сконцентрировала волю, мозг на этой задаче. Она чувствовала теперь холод уже в голове, она слабеет, терпит поражение. Тор сопротивляется, хотя он лежит в милях отсюда, возможно, без сознания — но часть его по-прежнему борется.

Гвеннан долго не выдержит. Она уже не ощущала свои пальцы, скоро не сможет держать в них подвеску. Девушка знала, что если потерпит поражение, второй возможности не будет. Поэтому она продолжала тянуть, напрягая волю...

Последовал взрыв звуков. Вероятно, она сама кричала: боль в руках и в голове стала почти невыносимой. И нож, слившийся было с гробом, высвободился, упал с крышки на пол и разбился. Гвеннан отшатнулась, она отступала от линии гробов, пока ее спина не уперлась в стену.

Она видела, как ожило ее видение. На непрозрачном покрытии гроба появились длинные трещины, отпадали куски нароста, под ним обнажился прозрачный хрусталь. На мгновение все застыло.

Крышка гроба поднялась в противоположную сторону от нее. Да, вот и рука, цепляющаяся за край. И по другую сторону пальцы. Придерживаясь руками, обитатель гроба сел.

Гвеннан испустила горестный крик. Это был Тор!

Он не повернул головы в ее сторону, взглянул вверх, глубоко-глубоко вдохнул, как будто должен был до предела заполнить легкие. Потом, двигаясь медленно и осторожно, встал; загорелое тело (будто он лежал под теплым солнцем) прекрасно, как у самой совершенной статуи. Он повернулся...

Их взгляды встретились. Его глаза лишь слегка расширились. Он в мгновение увидел и понял, что произошло, узнал ее, понял, какую роль она сыграла.

— Хорошо сделано... — сказал он, и слова его гулко отозвались в помещении.

Девушка скользнула вдоль стены подальше от него. Значит, она участвовала в игре не леди Лайл — а Тора. Он какой-то хитростью привел ее сюда, чтобы освободиться. Но ведь —

она почувствовала сильное удивление, — ведь она видела, как его унесли. Когда это было? Час, два часа назад? Он был без сознания. Как же он тогда может прийти в себя в гробу опекуна? Галлюцинации — неужели опять одно из этих обманчивых видений? Эти двое играли с нею! Она почувствовала тупой гнев — но вся способность к сопротивлению покинула ее.

— Тор! — Она произнесла это имя, негодуя на собственную глупость.

— Тор? — Он покачал головой. — Не полукровка, пока нет...

Она не поняла его слов. А что он сделает с ней? Ведь теперь она для него бесполезна. Призовет чудища из другого мира, и они покончат с ней?

— Ты боишься... — Он покачал головой, улыбнулся и протянул к ней руку: — Родственница, такое чувство недостойно тебя.

— Не понимаю, о чем ты говоришь! — выпалила Гвеннан, гнев и отчаяние придали ей силы. Может быть, последний раз в жизни. — Тор Лайл, я не понимаю, как это произошло... ты пострадал при пожаре... а теперь ты здесь. Я... я выпустила тебя... я думала, что должна...

Он кивнул, сделал один-два шага к ней. Она отодвинулась еще дальше. Тут воля ее покинула, она повернулась и побежала к лестнице, спотыкаясь, падая и снова вставая. Ей нужно только скорее уйти. Неудача так велика, так опустошающая, что в ней осталось лишь одно желание — уйти как можно дальше и не иметь ничего общего с этим. Ее использовали, снова, опять. Лишили веры в себя.

В двери, которую она открыла, по-прежнему щель. Гвеннан вцепилась в нее руками, потянула. Сила отчаяния позволила ей раздвинуть створки, и она оказалась в темном зале за ними. Она упала и несколько мгновений лежала, всхлипывая без слез. Потом — у нее совсем не оставалось сил — поползла, цепляясь пальцами за ковер на полу, отталкиваясь ногами. Ничего ей не нужно, только подальше от этого дома.

Руки опустились на ее плечи, с силой удержали. Несмотря на слабое сопротивление, Гвеннан подняли на ноги. Ее держал человек, которого она не видела, но знала, кто он. Спасения нет. Вероятно, никогда и не было с того самого момента, как они встретились утром у стоячих камней. Она не способна больше бороться.

— Я не Тор...

Голос звучал у самого ее уха, его дыхание шевелило локоны, выбившиеся из-под шапки.

— Ты все поймешь...

Глава семнадцатая

Он легко, будто она ничего не весила, поднял ее и отнес в соседнюю комнату. Мебель темными очертаниями виднелась у стен. Гвеннан сразу поняла, что она в столовой, той самой, где когда-то за столом сидела леди Лайл. Незнакомец посадил ее на тот самый стул. Она пыталась овладеть собой, попробовать уйти: ведь теперь он ее отпустил. Но ее будто связали веревками. Она заподозрила, что это его воля.

Даже в темноте тело его было видно, он слабо светился, как камни, — но не белым, а золотистым светом. Она молча смотрела на него, а он пошел к двери и вышел, оставив ее одну.

Гвеннан замерзла. Тело ее дрожало от холода, который пропитал ее через руки, когда она пыталась открыть гроб. Зубы стучали, хотя она пыталась справиться с этим. Ноги в ботинках застыли так, что она их не чувствовала. Она будто оледенела.

В темном доме ни звука. Но подвеска у нее на груди светила. Каким-то образом Гвеннан удалось оторвать застывшие руки от ручек кресла; она вцепилась в них, иначе могла бы безжизненной грудой упасть на пол. С усилием Гвеннан свела руки, зажав между ними подвеску.

В доме тихо, но это не тишина смерти, конца; скорее — предчувствия, передышки перед действиями. Она начала медленно осознавать это. Руки у нее согрелись, к ним верну-

лась жизнь. Но одновременно стало сильнее ощущение плена. Она пленница чужой воли, должна выполнять то, что не обещала — во всяком случае, не сознательно.

Тело ее пропитывалось энергией, исходящей от куска чуждого металла, а она тем временем пыталась овладеть своим внутренним существом. Дышала она медленно и глубоко — как незнакомый ей опекун, перед тем как встать. Лихорадочное биение сердца замедлилось, тепло разливалось по всему телу. Гвеннан прислушалась.

Ничего не слышно, ни малейшего движения. В воздухе запаха дыма. Окон в этой комнате не видно. Они закрыты плотными занавесами. На столе и на одном из высоких сундуков — свечи, но у нее нет сил встать и зажечь их.

Гвеннан поерзала в кресле, переложила подвеску в одну руку, а второй попыталась оттолкнуться, приподнять себя. Но тут появился свет. Она повернула голову и увидела яркий свет в той двери, за которой исчез тот, кто ее захватил (так следует понимать произошедшее).

Свет не усиливался, оставался рассеянным. Вошел он — второй Тор. Правую руку вытянул вперед. В ней шар, точно такой, как тот, что давал Гвеннан доступ в иные миры и показал место отдыха опекунов.

Теперь он был одет в одежду Тора, и оттого еще больше походил на человека, кого она так опасалась. Но все же при внимательном взгляде на лицо видна разница. Глаза полузакрыты, скрывают то, что за ними. На лице, в улыбке ни малейшей насмешки. Очертания губ как у леди Лайл. Гвеннан глубже уселась в кресле.

— У нас мало времени, — нарушил он молчание. — Открытые двери нужно закрыть. Но только тот, кто вызвал, может отправить назад...

— Ты... — девушке пришлось смочить губы, прежде чем она смогла заговорить.

— Нет. — Он сел в кресло справа от нее, положил руки на стол, шар между ними сверкал, как осколок солнца. — Вот Тор — смотри!

Она так же не могла отказаться исполнять этот приказ, как не могла встать и выйти из комнаты. В шаре знакомое завихрение. Дымка принимает очертания...

Человек лежит на койке, его плечи и руки покрыты густой зеленой смазкой — средство от ожогов. Глаза его закрыты, но он поворачивает голову, будто ищет что-то.

— Позови его! — Это приказ. И опять Гвеннан не может не повиноваться. Она склоняется вперед, будто в спину ее толкает сильная рука.

— Позови его! — Приказ звучит негромко, но она не может не подчиниться ему.

— Тор... — Вначале это имя произносится рваным шепотом. Потом оно звучит громче, как будто Гвеннан действительно стоит рядом с пострадавшим от огня и возвращает его в сознание.

Глаза его не открываются, но движения становятся менее беспокойными. Она не может сказать, где он, но похоже, что еще в городке, его еще не перевезли на вертолете в больницу.

— Тор!..

На этот раз он открывает глаза. Они тусклые, невидящие...

— Тор! — В третий и последний раз призывает его Гвеннан. Он начинает вставать, но тут картина затуманивается. Шар выкатился из ладони, прокатился по столу, хотя светиться не перестал.

— Он придет... — В голосе сидящего рядом с ней уверенность.

— Но как? — Гвеннан настолько овладела собой, что может спросить. — Он ранен... обгорел... его остановят.

Он покачал головой:

— Слово наложено... никто его не остановит. Идем... — На этот раз призыв обращен к ней, не к Тору. Он протянул ту же руку, которой сжимал шар. На шар он больше не обращал внимания.

Не раздумывая, она сжала его пальцы. Это прикосновение мгновенно вернуло ей силы. Гвеннан вспомнила, как глазами Орты видела Голос; та вызывала Силу, успокаивающую

и приносящую мир. Хочет ли она такого спокойствия, такого мира? Что-то в ней сопротивлялось — она не хочет брать то, что не принадлежит ее миру. Однако она уже так далеко зашла по этой тропе...

Он поднял ее из кресла, и она обнаружила, что слабость ее покинула, что никакого страха она не испытывает. Рука об руку они прошли по дому, не к передней двери, а назад, туда, откуда она так тайно проникла в темноте.

Когда они вышли на двор, Гвеннан обнаружила, что каким-то непонятным образом глаза ее приспособились к темноте, что она видит то, чего не видела раньше. Видит... слышит... обоняет...

Существо, которое преследовало ее у стены, все еще ждет там. К нему присоединились и другие.

— Он идет, — сказал ее спутник.

— Но как он может? — осмелилась она спросить.

— Он должен, — последовал ответ. — Он призвал — и теперь должен сам ответить на призыв. У каждого действия есть следствия. Их приходится принимать — добровольно или нет.

— Кто... кто ты? — Она вынуждена признать, что он не Тор. Но чувствовала, что должна знать, кто он такой.

— Я тот, на кого выпал Долг. Мне пришлось ждать...

Уклончивый ответ, но она не смела настаивать. Она так же боится его, как многие века назад Орта боялась Руки. Она всегда догадывалась, что Тор обладает возможностями, ей недоступными. Но этот человек (если он вообще человек) еще сильнее.

Он закончил говорить, и все застыло, все затаилось в ожидании, как ждет дом за ними. Гвеннан напрягала слух, стараясь услышать хоть малейший звук. Он показал бы, что ожидание подходит к концу.

Негромкое рычание, низкое и угрожающее, нарушило тишину. Гвеннан вздрогнула. Пожатие его руки стало сильнее.

— Время...

Он прошел вперед, уверенно, будто никто не смеет его тронуть. Она пошла за ним. Она уже у выхода со двора. Он

протянул другую руку, и ворота открылись перед ними, распахнулись, створки ударились о стену.

Ее ночное зрение сохранялось, но теперь она об этом пожалела. Свора та же самая, что сопровождала охотника в мире с зеленым освещением. Вот существо с головой совы, вот с руками-крыльями, человек-волк, волосатое существо... и другие. Такое собрание зла и Тьмы, какое она никогда не видела, даже в худших своих кошмарах.

Но тот, кого она освободила, уверенно прошел вперед. Создания из другого мира расступились, образовали проход. По нему опекун повел Гвеннан.

Спокойствие, которое она ощутила при первом же его прикосновении, сохранялось. Она скорее чувствовала, чем видела, что существа потянулись за ними. Но они не угрожают. И молчат.

Они вдвоем прошли через густой сад. Гвеннан неожиданно догадалась, куда они идут, — к камням! Их целью могут быть только камни! Где началось ее приключение, там же оно и завершится. Не одно колесо завершило свой оборот.

Им не нужно перелезать через стену. Они вышли из роши и пошли по тропе, на которой не было ни следа, а за спиной их слышался шорох шагов, ощущалось зловоние, которое сопровождает порождения Тьмы.

Камни ожили. С их вершин срывались языки огня. Гвеннан уже однажды это видела. Именно к этим маякам ее ведут. Темнота ночи рассеивалась, все посерело, приближался рассвет.

И в этой серости ясно стали видны знаки на камнях. Гвеннан почувствовала, что если бы захотела, смогла их прочесть, что теперь для нее здесь нет тайн. Но она не пыталась это сделать. В воздухе повисло напряженное ожидание, а она сама слишком возбуждена. Должно что-то произойти, что-то такое, что относится не к ее миру. Она отшатывалась от этого предстоящего и в то же время приветствовала его, понимала, что должна его принять.

Подойдя к основаниям камней, они повернулись и посмотрели на дорогу. Между ними и дорогой покрытое снегом

поле, ослепительно белый ковер, сама его чистота заставляла его светиться. Снова звуки, низкое ворчание, вой, кашель, хриплый и грязный. Те, что сопровождали их к насыпи, разделились на две группы и тоже смотрели в сторону дороги.

Гвеннан поежилась при виде этих монстров, которые сидели или стояли, переступали с ноги на ногу — ждали. Тут собрались существа, какие и не могли представить себе люди, напрягая самое темное воображение, вызывая своих личных дьяволов и чудовищ. Хуже всего те, которые напоминают людей: видно, во что может превратиться опустившийся человек.

Движение на дороге заставило чудовище проползти вперед. Человек-волк поскакал к стене, подняв узкую голову и разведя челюсти, будто собирался завывать. Но не произнес ни звука. Может, его вой слишком высок для человеческого уха.

Человек, идущий по дороге, шатался из стороны в сторону, спотыкался, но не падал, хотя голова его повисла, подбородком он касался груди и не смотрел, куда идет; казалось, его влечет какая-то невидимая сила. Перебираясь через стену, он упал и несколько мгновений барахтался в снегу, но потом снова неуверенно встал.

Тор — идет в ответ на ее призыв. Гвеннан не понимала, как он мог уйти от тех, кто за ним присматривал. Шел он неуверенно; ясно, что он болен и слаб, вероятно, испытывает боль, но идет. Рядом с ним пошел человек-волк в позе собаки, ожидающей приказа. Но Тор не поднимал голову и не смотрел на это существо. Он продолжал идти к камням.

Существа расступились, как у ворот перед Гвеннан и опекуном, оставив свободное пространство у основания насыпи. Здесь Тор остановился и стоял, пошатываясь, руки его безжизненно свисали, ожоги ясно видны были под мазью. Наконец он поднял голову, его глаза, мертвенные глаза, устремились на двоих наверху.

Губы его раздвинулись, он зарычал, как могло бы зарычать стоявшее рядом с ним существо. К нему возвращалась

жизнь. Огонь, не тот, что сжег его плоть, внутренний огонь разгорался в нем.

— Я пришел... — Голос его звучал не слабо, не напряженно, даже не болезненно. В нем слышался вызов.

— Ты пришел... — ответил спутник Гвеннан.

— Во мне древняя кровь... — Теперь в голосе его звучали гордость и сила. Он больше не шатался, спина его распрямилась. Ожоги его были ужасны, но в этот момент казалось, что они просто одежда, которую можно снять и выбросить.

— В тебе древняя кровь... — опять спокойное подтверждение.

— Приказываю... — Тор поднял руку. Существа, собравшиеся вокруг, ответили гортанным ворчанием. Их красные, как угли, глаза устремились на двоих вверху. Они ждали только жеста или слова, чтобы наброситься, уничтожить.

— Я приказываю... — Рука, которая держала руку Гвеннан, от которой в нее вливалось ощущение силы, разжалась. Ее спутник прошел между двумя меньшими камнями, начал спускаться.

Девушка хотела крикнуть, остановить его, но знала, что это бесполезно. Они должны решить между собой, эти двое, так похожие, что их можно было принять друг за друга, если бы не ожоги Тора.

Тор не отрывал взгляда от того, кто подходил к нему. Звери голодно зашевелились. Но тот, кто сдерживал их, по-прежнему побеждал.

Опекун спустился к основанию насыпи, прошел между двумя чудовищами и остановился на расстоянии вытянутой руки от Тора.

— Ты не можешь взять... — сказал Тор. В нем больше не было никакой насмешливости. Гнев горел в его взгляде; глаза его сверкали, как глаза ждущих чудовищ.

— Я не могу взять... — согласился опекун. — Но ты можешь дать.

Лицо Тора исказилось в гримасе; должно быть, от этого порвалась корка его ожогов. Он высоко поднял сжатые ку-

лаки, как будто хотел нанести смертельный удар стоявшему перед ним человеку.

— Нет! — закричал он, будто испытывал сильнейшие муки. — Нет! На этот раз все будет мое!

Опекун продолжал молча ждать. Гвеннан, не сознавая этого, придвинулась ближе.

— Ты не можешь использовать против меня Силу! — воскликнул Тор.

— Я не стану использовать ее. Выбор за тобой — и всегда был.

Руки Тора упали, кулаки разжались. На него, как плащ на плечи, опустилась усталость. Но глаза по-прежнему сверкали.

— Ты не можешь связать меня...

— Только кровь может сделать это. Поэтому ты и не хотел видеть меня, разве не так? Кровь сильна, она связывает...

Тор испустил нечленораздельный крик.

— Уйти? Я не уйду! Я свободен!

— Разве? — Одно слово, но Гвеннан видела, как задрожал Тор.

— Я свободен... — Теперь слова слышались неясно, потому что Тор руками закрыл лицо. — Я... не... уйду... я...

— Ты хозяин этих, — опекун указал на чудовищ, сидевших кругом. — Разве этого хочет подлинная кровь? Ты хотел прийти к Силе путями Тьмы?

— Есть другие наши воплощения... мы свободны...

— Свободен? Нет, ты теснее связан цепями, чем любой другой человек. Цепи на тебе не снаружи, а внутри. Как служила Сила таким, кто брал ее твоим способом? Вспомни... подумай... как она им служила?

Тор стоял, по-прежнему закрывая лицо руками.

— Ты не сможешь...

— Если бы колесо не завершило оборот, возможно, и не смог бы. Посмотри на меня! — Теперь голос звучал резко, в нем слышался приказ, не подчиниться которому Тор не смог.

Он опустил руки и посмотрел в глаза противнику.

В лице его Гвеннан увидела то, чего никогда не видела раньше, — боль, не телесную боль, дух Тора поддавался, смягчался, ломался.

— Если бы не ты... — негромко произнес Тор. — Не ты и не время...

— Да, если бы не мы оба... и звезды, которые сделали свой выбор. Но ты тоже еще можешь выбрать...

Тор сделал легкий жест.

— Какой у меня выбор? Ты уже пометил меня. Если бы я сумел удержать тебя... Сарис — она победила. Она призвала эту полукровку... — Впервые он взглянул на Гвеннан. — Против вас двоих у меня не было шанса. Пусть будет по-твоему...

Опекун покачал головой:

— Не по-моему, нет. Желание должно быть твое. Нет ни поражения, ни победы. Но то, что разорвано, должно быть соединено, то, что пошло по неверной тропе, должно повернуть на верную.

— А тьма, которая приближается, разве она ничего не значит? — спросил Тор. — Снова тьма, падение, потом подъем и опять падение. Неужели это будет продолжаться вечно?

— Нет ничего вечного. И тьма никогда не бывает полной. Ты это хорошо знаешь. В одиночку ты ничего не добьешься. Нужно единство многих, и никто не может считаться главным создателем образца.

Тор медленно покачал головой. Он не смотрел на чудовищ, скорее на заснеженный мир вокруг. Потом поднял правую руку и указал на лес. Чудовища зашевелились, послышалось рычание, скрежет, кашель, крики, как будто они обсуждали полученный приказ. Потом повернулись и пошли, размахивая крыльями, топая ногами и копытами. Небо потемнело от туч, и Гвеннан услышала первый раскат грома.

Чудовища достигли края леса. Тор резко опустил руку, будто пробивал невидимую преграду. Вспыхнула ослепительная молния. Гвеннан замигала. Существа исчезли. Она видела цепочку следов — потом ничего, белизна без единого следа. Ушли в другой мир.

Тор сморщился и пошатнулся.

— Дело сделано, давай заканчивать. Я устал...

— Еще нет. Для тебя это не конец. Только начало, конца у которого не будет...

— Конец того, кто сейчас я. Кто знает, что ждет впереди. Я есть я, все люди держатся за это — даже ты.

— Даже я, — кивнул опекун. — Но все же повторю: конца нет. Иди, и увидишь... — Он протянул вперед обе руки ладонями вверх.

Тор перевел взгляд с лица незнакомца на эти протянутые руки, потом снова посмотрел в лицо. Медленно, очень медленно он тоже поднял руки, на одной отчетливо были видны ожоги. Тор двинулся вперед. Гвеннан видела, как он сжал губы: он шел туда, откуда не будет возврата.

— Иду, — тяжело сказал он и положил руки на ладони ждущего.

Они постояли так, казалось, целую вечность. Тор упал, и опекун не сделал попытки поддержать или поднять его. Тело свернулось на снегу, голова легла на руки. На лице, несмотря на ожоги, выражение мира — такое же, как на лице леди Лайл в гробу обновления.

— Он?.. — Она спустилась с насыпи и теперь стояла рядом с опекуном.

— Мертв? Нет... Посмотри на меня.

Она посмотрела, поднесла руку ко рту и попятилась. Потом перевела взгляд на лежащее тело, потом снова на стоящего перед ней под быстро светлеющим небом человека.

— Ты...

— Я теперь целостен. Колесо повернулось. Обе мои части соединились: та, что обладала честолюбием, пыталась овладеть Силой, и та, что обладала мудростью. Он назвал себя полукровкой. Но правильнее было бы назвать полуцелым, хотя он этого и не знал. Мы все не избежали безумия в День Конца Мира. Некоторые были затронуты по-другому. Я тоже...

— Ты, Рука... Тор... и...

— И еще другие, множество других, и в них всегда чего-то недоставало. Теперь я полностью восстановлен.

— Тор...

Он рассмеялся, в голосе его звучало веселье, какого она раньше не слышала. Он широко развел руки, будто хотел обнять весь мир, сделать его своим. Действительно, в нем чувствовалась цельность и полнота, которую она не смогла бы описать, но знала, что мало таких существ знал мир со дня гибели Орты.

— Так меня будут звать в этом времени.

— А он... — Она взглянула на обгоревшее искалеченное тело и вскрикнула. Оно сморщилось, съежилось, почернело. Ни следа разложения, просто распад в пепел, будто дерево, охваченное всепожирающим огнем.

— Это изношенное платье мне больше не нужно, — сказал ей Тор. — Двое стали одним, как и было обещано, и звездное колесо повернулось. Так бывало и раньше, но на этот раз мы справимся лучше...

— Мы?

— Кровь нашла себе дорогу в мире, — сказал он. — И древняя кровь всегда сказывается. Родич узнает родича, как бы далеко дни рождения ни разводили их. Теперь ты это знаешь. Раскрой сердце, давай руку — и ты увидишь!

Он протянул ей руку, она взяла ее, на этот раз от всего сердца, чувствуя, как что-то теплое и сильное связывает их.

линной справедливости, стремление исправить несовершенства, выполнять те же задачи, что и в прошлых существованиях. Юпитер правит снами, поэтому во снах открывается ее подлинная сущность и назначение.

12-й дом. В этом доме Скорпион владеет подсознанием, тайными врагами, интуицией, скрытной стороной жизни и дверями в прошлые существования. Юпитер в двенадцатом доме в соединении действует как ангел-хранитель. Юпитер открывает, что она перенесла из прошлого существования в нынешнее задачу; эта задача теперь должна быть выполнена под охраной и защитой от недругов, которые дает Юпитер. Скорпион правит в этом доме, а Солнце показывает, что она встретит человека, к которому ее влечет, но которому она не доверяет. Скорпион дает ключ к подлинной сущности этого человека. Он сопровождает ее из прошлых жизней как тайный враг. Но он ей не открыт, потому что двенадцатый дом скрыт от сознательного восприятия. Она должна опасаться его. Юпитер, уходящий из двенадцатого дома, заставляет ее вести замкнутую жизнь.

8-й дом: Рак — физический знак, Луна, правящая им, тоже в восьмом доме. В то время как Козерог во втором доме руководит финансовым состоянием и показывает недостаток денег, восьмой дом имеет отношение к наследству и наследованию. Луна воздействует положительно и дарует ей наследство. Луна дарит ей физические способности, которые усиливаются оттого, что Луна составляет часть большой триады. Это указывает, что она (та, чей гороскоп рассматривается) переживет кризис в своей жизни и естественную смерть. Юпитер и Луна помогают ей пройти через испытание кармой.

Большая триада — это элемент воды от Луны в Раке к Плутону в Скорпионе и оттуда к Меркурию в Рыбах. Большая триада — это способности, таланты, одаренность, принесенные из другой жизни в эту.

Плутон здесь дает ей друга, который будет ей очень полезен. Плутон удачно расположен в собственном знаке Скорпиона и управляет трансмутациями или метаморфозами, всеми ее жизненными силами и тем, что мы называем смертью, он представляет жизнь, опыт и миссию.

Третья часть большой триады — Меркурий в Рыбах в четвертом доме. Меркурий означает коммуникацию, Рыбы — иные миры, вместе это означает способность общаться и расширять свои физические возможности. Меркурий управляет путешествиями, он в Рыбах как части триады означает, что она будет путешествовать во времени и пространстве.

3-й дом: здесь Водолей с Солнцем и Уран. Водолей с Ураном в тесном соединении — это означает, что она соображает быстро, ей свойственны озарения, видения из прошлого и будущего. Уран правит ее будущим.

Третий дом — это разум и путешествия, Уран дает ей неожиданные и необычные путешествия.

Уран правит молниями.

Одна из самых значительных конфигураций гороскопа — это Y, или Рука Судьбы. На схеме гигантский Y между тремя планетами. Это редкое сочетание и означает, что данная личность переживет события, которые полностью изменят ее жизнь. В данном гороскопе Рука Судьбы указывает на двенадцатый дом кармы — дом тайн, двери в другие измерения, ключ к другим жизням.

Проходящие планеты в определенных пунктах своих орбит усиливают это сочетание.

Луна, как часть Y, находится в 13 градусах от Рака, точно на градусе звезды Сириус.

**ДУХИ
ВРЕМЕНИ**

Глава первая

Ларец стоял на подставке посреди стола. Джейсон Роббинс включил свет, и в его сиянии ларец, семнадцати дюймов длиной, цвета старой слоновой кости, заблестел, как полированное дерево. «Или это только кажется?» — удивленно подумала Талахасси. Этот артефакт имел некое свойство... — она подобрала точное слово, которое знала, но не хотела прозвучать вслух, — колдовство, вот что это было. На крышке его золотая инкрустация; на каждой стороне сделано по золотому диску. Она могла и не прикасаясь угадать, что ларец отделан очень чистым, мягким золотом, которое применяли в древние времена.

— Так вот, — седоволосый человек, по-видимому, самый главный здесь, слегка наклонился вперед, — что вы можете сказать нам об этом, мисс Митфорд?

Талахасси с трудом отвернулась от ларца, с которого не сводила глаз с тех пор, как Джейсон зажег настольную лампу.

— Не знаю, — честно призналась она. — Здесь есть составные элементы африканской символики, вот — видите? — она показала пальцем туда, где слоновая кость ларца, потемневшая от времени, переходила в золото инкрустации на крышке полосой в виде змеи. Однако спираль не имела змеиной головы, точнее, в этом месте полоса драгоценного металла изгибалась под прямым углом, напоминая стилизованный охотничий нож. — Здесь сочетание двух знаковых эмблем, известных из эпохи Древнего царства. Вот эта эмблема, на крышке — «плуг», что, как считается, символизирует правителей Мероэ. Остальное относится к более поздней эпохе.

Возможно, это — символ лезвия меча в форме змеи. Но эти два символа, насколько известно, никогда раньше не встречались вместе. Династии Мероэ многое заимствовали у Египта, где змея была знаком королевской власти, обычно — частью короны. Это, — ее палец указал на диски по бокам, — тоже символы. Они очень сходны с золотыми знаками, которые носили «духи-очистители» из Ашанти — слуги короля, обязанностью которых была опека его, защита от любой опасности соприкосновения со злом вообще. Однако, хотя здесь сочетание символов из двух, может быть, и трех эпох африканской истории, этот предмет очень древний!

Человек, представленный Джейсоном как Роджер Ней, упорствовал:

— Можете ли вы теперь рассказать нам о музейной ценности вещи? — Его тон был нетерпеливым, как будто он ожидал для нее в случае непослушания какой-то немедленной, внезапной кары, и его тон вызвал в Талахасси ответное, даже воинственное сопротивление.

— Мистер Ней, я изучаю археологию и сейчас помогаю составлять каталог собрания Луиса Брука. Существует много методов исследований, которые могут указать на датировку этого удивительного артефакта, но для них нужно специальное оборудование. Пока я могу сказать только, что это очень искусное изделие... — Она помолчала, прежде чем задать собственный вопрос: — Видели ли вы жезл Власти в собрании Брука?

— Как же тогда быть с этим? Может, вы полагаете, что это, — он указал на ларец, — являлось частью указанного собрания?

— Если даже это так, — она осторожно выбирала слова, — то данный предмет не был включен в официальный каталог. Тем не менее в нем есть кое-что... — Талахасси тряхнула головой. — Впрочем, вы не хотите догадок, вам нужна уверенность. Сегодня вечером придет доктор Румен Кэри. Он приезжает, чтобы изучать коллекцию. Я бы предложила вам

позволить ему осмотреть это. В настоящее время он — крупнейший авторитет по искусству Судана.

— Ты уверена, что это суданское? — теперь спрашивал Джейсон.

Талахасси сделала слабый жест рукой:

— Я уже говорила, что ни в чем не уверена. Могу лишь сказать, что эта вещь стара, очень стара. Я предполагаю, она происходит из Африки, однако такого сочетания символов я раньше не видела. Если бы я могла... — Она протянула руку к ларцу, но рука Нея молниеносным движением накрыла ее запястье. Она посмотрела на него с явным изумлением, а затем — с отвращением.

— Ты не правильно поняла. — Джейсон вмешался снова, говоря очень спешно, будто боялся, что не сможет сдержать свое раздражение, как бывало и прежде, когда они были детьми. — Эта штука «горячая»!

— Горячая?

— Она излучает какую-то энергию. — Ней короткое время изучал девушку оценивающим взглядом. — Именно поэтому мы ее и нашли. Это была чистая случайность... — Он освободил руку, и Талахасси отдернула ее назад, на колени. — Один из наших полевых агентов поехал в аэропорт, чтобы положить багаж в камеру хранения. У него был с собой счетчик Гейгера, и он вдруг защелкал. С помощью счетчика служащий обнаружил источник излучения в соседней камере. Тогда он вызвал меня. Мы взяли в администрации ключ от этой камеры и внутри обнаружили это.

— Радиоактивная, — пробормотала Талахасси. — Но каким образом...

Ней покачал головой:

— Не ядерная, хотя и обнаруживается счетчиком. Это что-то новое, но лаборанты не хотят превращать ларец в обломки...

— Я категорически против! — У Талахасси вызывал раздражение даже намек на такой вандализм. — Он, возможно, уникален. Его открывали?

Ней опять покачал головой:

— Здесь нет различимого соединения. И мне кажется, лучше его не трогать лишний раз до того, пока не будем хорошо понимать, что же имеем. Теперь — что это за жезл власти, о котором вы упоминали? Что это такое и где его нашли?

— В старых африканских государствах существовала безграничная уверенность, что дух народа может быть заключен в какой-нибудь особенный предмет. Война Ашанти с Англией сотню лет назад началась лишь потому, что английский губернатор потребовал себе королевский трон в знак изменения власти. Но, по правилам, даже сам король не мог сидеть на нем.

Сидя рядом на циновке на полу, он мог только прикасаться к нему предплечьем, принимая очень важное решение или во время коронации. Трон народа Ашанти заключал в себе силу всех родовых предков и был священным; он имел огромное религиозное, а также политическое значение, о чем англичане не попытались выяснить прежде, чем предъявили свои требования.

Другие племена также имели свои символы божественной связи их со своими предками и богами. Иногда после смерти короля такие символы переносились в специальное помещение, откуда их приносили «слушать», когда нужно было сделать серьезное изменение какого-либо закона или для решения, от которого зависело будущее целого народа.

Эти артефакты были очень ценными, и существовали племена, в которых вообще никто никогда не видел их, кроме жрецов и жриц.

Жезл Власти, найденный Луисом Бруком, считают одним из таких предметов, и то, что он был обнаружен в месте, с которым связано несколько странных легенд, является двойным успехом.

— Так он открыл его в Судане?

— Нет, гораздо западнее. Неподалеку от озера Чад. Существует древняя легенда, что когда арабо-египетское ко-

ролевство Аксум разорило Мероэ, королевский род — а они сами были потомками египетских фараонов и ревниво соблюдали большую часть древних верований — бежал на запад и предположительно нашел убежище вблизи озера Чад. Однако сколько-нибудь реальных доказательств этого не существовало, пока доктор Брук не сделал своей поразительной находки.

Он обнаружил неразграбленную гробницу, содержащую множество культовых предметов и саркофаг. Последний был пуст, и, по некоторым признакам, в нем никогда и не было тела; вместо него там покоился жезл Власти.

— Похоронен дух народа, — сказал Джейсон негромко.

Талахасси кивнула:

— Возможно. Там были надписи, но, хотя этот народ пользовался египетскими иероглифами, более поздний язык Мероэ до сих пор переводить не удастся, и надписи остались нерасшифрованными. Трагическая кончина доктора Брука в прошлом году замедлила работу над находками по всей программе приведения коллекции в порядок и опознания культовых предметов.

— Я удивлен, — заметил Ней, — что ему позволили увезти что-то из страны и доставить сюда. Молодые государства вдвойне подозрительны по отношению к тем, кто расхищает их сокровища, — особенно к нам.

— Мы тоже были удивлены, — согласилась Талахасси, — но он получил всестороннее разрешение. — Она заколебалась, а потом прибавила: — Во всем этом деле было что-то странное. Похоже, они по какой-то причине старались избавиться от всех находок, обнаруженных в их владениях.

Глаза Джейсона сузились.

— Может быть, имелась угроза восстания, предполагавшего использовать древний жезл власти для сплочения?

Внимание Нея переключилось с девушки на молодого человека.

— Вы так думаете?

Джейсон пожал плечами:

— Восстания начинались и по меньшим поводам. Вспомните Ашанти и их трон.

— Но ведь это было сто лет назад! — запротестовал Ней.

— Африка очень стара. Она видела подъем и падение трех волн цивилизации, может быть, и больше, а что в настоящее время знают о том, кто правил в Зимбабве или в заброшенных укреплениях Янга? У африканцев много хранится в памяти. Короли, жившие позже, могли не иметь писцов, но, подобно кельтским лордам в Европе, которые не имели письменности, они специально готовили хранителей памяти среди членов своего собственного рода — людей, которые могли встать на совете и рассказать о событиях, генеалогии, законах за последние три или четыре сотни лет. Подобные способности быстро не исчезают в таком народе.

Внутренне Талахасси была готова рассмеяться. Джейсон поразил ее на этот раз своими познаниями — правда, почти цитируя ее собственные лекции, — хотя в прошлом достаточно часто пожимал плечами, слушая ее замечания, и считал их разговоры смертельно скучными. Во всяком случае, кого беспокоило, что произошло две тысячи лет тому назад? Самое лучшее время и место — сейчас и здесь.

— Хм-м. — Ней за письменным столом откинулся на спинку стула. Теперь он не обращал внимания ни на молодых людей, ни на ларец. Его глаза были полузакрыты, как будто он был погружен в глубокое раздумье.

Талахасси прервала этот миг тишины.

— У меня есть предложение, — дерзко сказала она. Никто из присутствующих не внес в дело ясности, находясь под влиянием авторитета Нея (правда, она сердилась на Джейсона, который вот так запросто привел ее сюда, хотя было ясно, что Ней является высокопоставленным лицом из тех, кого никогда не называют открыто, если они не хотят этого сами). — Я предлагаю поместить это, — она указала на ларец, — в сейф музея. Есть только один человек, доктор Кэри, который может сделать о нем правильные выводы, если это вам нужно.

Ней раскрыл глаза, затем остановил на ней долгий внимательный взгляд, будто, просто глядя на нее, мог прочесть ее мысли. Девушка вздернула подбородок на долю дюйма и стойко выдержала его пристальный взгляд.

— Хорошо, — решил он. — И я хочу к тому же посмотреть на этот ваш жезл. Но не сейчас. Нам нужно подумать о том, кто спрятал это — здесь. Роббинс, вы пойдете с ней. — Он бросил взгляд на запястье. — Музей скоро закроют, насколько я понимаю. Лучше поспешить. Не следует совершать никаких действий, выходящих за обычные рамки, если в этом деле нет политического подтекста.

Он поднял кожаный чемоданчик и с щелчком открыл его.

К удивлению Талахасси, внутри он был выстлан металлом.

Затем из внутреннего отделения чемоданчика Ней достал клещи и захватил ими ларец. Когда Талахасси встала, Ней передал чемоданчик Роббинсу.

— Да, это свинцовое покрытие, мисс Митфорд. Мы принимаем меры против радиации, хотя и не знаем ее природы.

Роббинсу лучше переносить ларец так. Когда приедет Кэри?

— Он уже должен быть здесь.

— Очень хорошо. Попросите его набрать этот номер, — Ней нацарапал на карточке какие-то цифры и протянул ей, — чем быстрее, тем лучше. И — благодарю вас, мисс Митфорд.

Положите чемоданчик и его содержимое в сейф. Роббинс донесет его.

Он повернулся и поднял телефонную трубку, как будто Талахасси уже растворилась в воздухе.

Девушка подождала, пока дверь закроется за ней, прежде чем заговорила снова:

— Кто это, играющий в Джеймса Бонда?

Джейсон покачал головой:

— Не спрашивай меня. Все, что я знаю, — это то, что сам Главный Шеф не смог бы работать лучше, если бы появился в этих краях. Я — мелкая сошка, но меня попросили, когда вчера нашли эту штуку, чтобы я вызвал кого-нибудь, кто бы

сказал: «О бог мой, конечно же, это из Африки!» Думаю, что после этого кто-нибудь пошел бы и запросил компьютер, который частично мог открыть им правду, а я бы распроштался с работой. Но я видел, что это вещь несовременная — вот почему и позвал тебя.

— Джейсон, ты серьезно думаешь, что это политическое?

Я знала, что находка жезла в саркофаге была несколько необычной, и мысль о похоронах «духа» вызывает особенное чувство. Но эта вещь...

— Но, Талли, это же ты, моя дорогая, связала этот предмет с вашим жезлом, помнишь?

— Потому что в них есть что-то общее. — Она наблюдала, как он располагал на заднем сиденье автомобиля тяжелый чемоданчик. — Только я не могу определить, что именно. Это скорее ощущение, в него не ткнешь пальцем. — Она прикусила губу. Опять она со своими предчувствиями. Иногда ей доказывали, что она ошибается, а когда она была...

— Одно из этих твоих предчувствий, не так ли? — Левая бровь Джейсона приподнялась. — Они у тебя все еще бьются?

— Ну, много раз они оправдывались! — отпарировала Талахасси. — И ты знаешь об этом.

— Тебе бы работать предсказательницей, — сделал вывод Джейсон, выводя автомобиль на трассу, в сильное движение начинающегося часа пик. — Успеем ли мы сделать все до того, как это хранилище мертвых знаний закроют на ночь?

— Для посетителей они закрывают в четыре, но для персонала сзади есть служебный вход, от которого у меня есть ключ. Сигнализацию обычно не включают до тех пор, пока Хауэс не проводит всех, находящихся в здании музея, и не закроет дверь на ночь. Доктор Кэри, возможно, там.

Джейсон сосредоточился на езде. Талахасси сидела тихо.

Она пыталась понять странное внутреннее волнение, снедавшее ее с тех пор, как она заняла место в автомобиле. Дважды она резко поворачивала голову, чтобы взглянуть на заднее сиденье маленького автомобиля Джейсона. Никого.

Однако ощущение присутствия еще кого-то было настолько сильным, что она стала нервничать; ей приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не оборачиваться вновь и вновь.

В ней росла уверенность, что они везут что-то очень важное. Нет, думала она, это не из-за доводов, выдвинутых таинственным мистером Неем, а по какой-то другой причине. Вероятно, ее «предчувствие» работало сверхурочно, и она попыталась выбросить из головы все мысли о том, что они везут, и даже о музее. Ее отпуск — он начинался в следующий понедельник. Она ждала приезда доктора Кэри, чтобы...

Нет, все же она планировала провести настоящий отпуск и собиралась полностью отключиться от работы. Но полететь в Египет и присоединиться к партии Матраки! Египет — Мероэ... Она не могла удержать мысли на планах отпуска. Это навязчивое ощущение продолжалось. Но она не поддастся ему!

Уличное движение стало слабее, как только Джейсон свернул с автострады и повел машину быстрее по боковым улицам, ведущим к музею. Было темнее обычного: тучи сгустились — вероятно, собиралась гроза.

Когда машина выехала на узкую заднюю дорожку, используемую для доставки грузов, и остановилась, Талахаси быстро выскочила. Она достала ключ и открыла дверь, а Джейсон следовал за ней, и чемоданчик оттягивал его руку.

— Кто здесь? — Свет был только в дальнем конце холла, и, казалось, было вдвое темнее обычного. Затем вспыхнул верхний свет, и она увидела главного сторожа.

— Ох, это вы, мисс Митфорд. Как раз собирался запирать.

— Нам надо положить кое-что в сейф, мистер Хауэс. Это мой кузен, мистер Роббинс. Он здесь от ФБР.

— Видел ваш портрет, мистер Роббинс, в газете на прошлой неделе. Отличная была работа, когда ваши парни захватили всех этих контрабандистов с наркотиками.

Джейсон улыбнулся:

— Шеф сказал бы, что дело обычное. Но я рад, что широкая публика иногда оценивает наши труды.

— Доктор Кэри приехал? — Сейчас Талахасси хотела только избавиться от чемоданчика и вычеркнуть из жизни это здание и этот день.

— Да, мэм. Он в личном кабинете доктора Гринли, на пятом этаже. Вам быстрее будет подняться на дальнем лифте, чем по лестнице.

— Я оставлю свою машину прямо здесь, — показал Джейсон. — Постараюсь вернуться как можно скорее.

— Все будет хорошо, мистер Роббинс. Никто не тронет ее там.

Талахасси торопливо направилась за угол и в лифт.

Джейсон большими шагами шел рядом с ней.

— Что-то ты вдруг заспешила, — заметил он.

— Я хочу скорее запереть это в сейф, — сказала она очень выразительно, о чем тут же пожалела, когда его левая бровь опять вопросительно поднялась.

— Хорошо, — добавила она в свою защиту. — Я не могу передать, что чувствую. Здесь... здесь что-то неправильно.

Взглянув на нахмурившееся лицо Джейсона, она вдруг пошла медленнее.

— Пусть так. Я понимаю твое предчувствие как реальность.

Все это было подозрительно с самого начала. Где этот сейф?

— В кабинете доктора Гринли.

— Очень важно — не забудь сказать этому Кэри о желании Нея поговорить с ним.

Талахасси почти забыла о Нее. Теперь она надеялась, что сможет найти карточку в своей сумочке. Тревога, охватившая ее, абсолютно ни на чем не основывалась, кроме взвинченных нервов. Она, однако, чувствовала, что если не сможет избавиться от чемоданчика и того, что внутри, может случиться нечто ужасное. Это чувство было настолько острым, что она не решалась позволить Джейсону узнать его силу. Он мог бы подумать, что она лишилась рассудка.

Лампы в холле на пятом этаже были погашены, и их шаги по мраморному полу звучали отчетливо. Но Талахасси напряженно ловила другой звук — возможно, стук каблуков кого-то третьего. Убеждение — нет, это не могло быть просто убеждением, — что у них есть невидимый спутник, усилилось. Талахасси хмуро закусил губу и так и шла, собрав все свое самообладание, чтобы смотреть прямо вперед, отказываясь взглянуть через плечо, где ничего быть не могло.

Она подошла к двери кабинета директора со вздохом облегчения и с нетерпением распахнула ее, рука ее метнулась к выключателю, чтобы зажечь свет. Прежде чем этот жест завершился, она негромко вскрикнула. Затем поток света залил комнату, чтобы показать, как глупо она себя вела. Конечно, никто не шел за ней. Кроме нее и Джейсона, который теперь закрывал за ними дверь, здесь никого не было.

— Что случилось? — требовательно спросил он.

Талахасси с усилием рассмеялась:

— Похоже, я перенервничала из-за секретности дела. Мне показалось, что я увидела движущуюся тень...

— Только Тень знает... — торжественно пропел Джейсон. — Ты очень возбуждена сегодня вечером, Талли. Сейчас закончим работу, и я поведу тебя обедать.

— Некоторые становятся бодрыми, — нашлась она, — когда ярко горит свет.

— Извини меня.

Тяжело вздохнув еще раз, Талахасси обернулась. Внутренняя дверь между этим кабинетом и соседним отворилась.

Ее с явным неодобрением разглядывал стройный мужчина, который был по меньшей мере на дюйм или около того ниже нее. Это не было необычным: когда рост девушки пять футов одиннадцать с половиной дюймов без каблука, она на многих мужчин смотрит свысока.

Он был худощав, с острым носом и раздраженно изогнутым ртом. Песочного цвета волосы тщательно зачесаны назад поверх розоватой лысины, хорошо заметной сквозь редкие пряди волос, доходящих сзади до воротничка.

— Я полагаю, что это кабинет доктора Гринли... — его узкие губы формировали каждое слово, как если бы он напоминал им, что уже не раз говорил об этом.

— Я — Талахасси Митфорд, ассистент доктора Гринли по африканскому отделу.

Он осмотрел ее, как поняла Талахасси, с заметной неприязнью, и она могла ощутить его негодование. Был ли он одним из тех, кто не любил и старался принизить любую женщину, осмелившуюся претендовать на знания в их области? Ей уже встречались мужчины такого рода.

— Вы очень молоды, — отметил он в манере, сделавшей это замечание неуловимо оскорбительным. — Но вы, конечно, должны быть в курсе, что это место, собственно, не предназначено для свиданий.

Он посмотрел на Джейсона за ее спиной. Что бы он под этим ни подразумевал — Талахасси была вынуждена подавить свой пылкий темперамент всей силой самоконтроля, какую могла собрать. В конце концов она должна работать с этим мужчиной (или с любым другим, нравилось ей это или нет), пока коллекция Брука не будет полностью описана.

— Нам нужно кое-что положить в сейф. — Она ненавидела себя даже за это объяснение, но знала, что должна так поступить. — И... — Она открыла свою сумочку. Хоть в одном случае ей повезло. Эта карточка была прямо сверху, и ей не пришлось тратить сколько-нибудь времени, беспорядочно перерывая содержимое сумочки, чтобы найти ее. — Мне вручили это для вас. Нужно, чтобы вы позвонили по этому номеру как можно скорее.

Она положила карточку на край заваленного стола доктора Гринли и, больше не взглянув на мужчину, пошла к сейфу.

Пока Хауэс не подключил на ночь сигнализацию, его еще можно было открыть.

Джейсон, с гримасой, которую она хорошо знала (у него был свой темперамент, даже если он давно усвоил, как подавлять его), обошел стол с другой стороны, держа чемоданчик перед собой. Она так и не узнала, да ее в этот момент и не за-

ботило, взял ли доктор Кэри свой драгоценный телефонный номер или нет. Как только тяжелая дверь сейфа открылась, Джейсон задвинул чемоданчик внутрь. Талахасси захлопнула дверь, повертела циферблат. Все еще игнорируя доктора Кэри, она подошла к телефону и набрала домашний номер доктора Гринли.

— Дома ли доктор Джой? — спросила она, как только услышала приятный грудной голос миссис Гринли. — Да, это Талли. Ох. Хорошо, когда он придет, скажите ему, что здесь, в сейфе, находится кое-что. Это получено из ФБР.

Она заметила кивок Джейсона, чтобы она воздержалась от пересказа этой истории.

— Да. Они нуждаются в совете специалиста относительно этого. И встретятся с ним завтра. Нет, я больше ничего не знаю. Но это ужасно важно. Нет, я не пойду домой прямо сейчас — Джейсон сейчас в городе, и мы пойдем поужинать. Благодарю вас. Я скажу ему. До свидания.

Она положила трубку и хмуро улыбнулась Джейсону.

— Миссис Гринли говорит, что если у тебя есть время до отъезда, загляни и повидайся с ней. Теперь, — она повернулась к мужчине, который и не пытался прислушиваться к разговору, — вы знаете, почему я тут нахожусь, доктор Кэри. Если вы собираетесь проверять меня, вам нужно всего лишь позвонить Гринли.

— Не спешите, — сказал он, когда Талахасси повернулась, чтобы уйти. — Так как вы работали с картотекой Брука, я хочу, чтобы с самого утра вы были здесь. Она должна быть полностью перепроверена, конечно.

— Не имею возражений, — тихо сказала Талахасси. — У вас, конечно, свои собственные методы работы.

— Разумеется! — огрызнулся он.

До нее дошло, что он смотрел на нее с какой-то разнообразностью крайнего раздражения — как будто явный факт, что она существует и должна быть частью его повседневного окружения в будущем, был оскорблением, которое он находил тяжело переносимым. Его враждебность была такой

очевидной, что она начала терять самообладание, но также у нее росло любопытство, отчего же так ярко вспыхнула эта, по-видимому, только что возникшая неприязнь.

Когда она и Джейсон спускались в лифте, Талахасси осознала кое-что еще. Ощущение присутствия третьей личности исчезло, даже ее странное предчувствие почти стерлось из памяти. Возможно, она оставила это все позади, в сейфе, и, если оно имело какое-то отношение к реальности, пусть теперь беспокоится доктор Кэри — это может пойти ему на пользу.

Глава вторая

Талахасси удовлетворенно вздохнула, и Джейсон засмеялся:

— Для мрачного цыпленка ты, несомненно, съела недурной китайский обед, — прокомментировал он.

— Я люблю «Дыхание Конга», я люблю свежую свинину, я люблю...

— Гадательные печенья? — Он разломил одно и развернул бумажку, лежавшую внутри, с видом судьи, объявляющего приговор.

— Хорошо, хорошо, это вполне подходит. «Пища лечит голод, знание лечит невежество». Какая веская мысль вложена в это!

Талахасси предъявила свою собственную бумажку.

— Как странно...

— Что странно? Они положили в твое печенье меню нашего банкета, Талли?

— Нет, — ответила она слегка отсутствующе и прочла: — «Дракон порождает Дракона, Феникс порождает Феникса».

— Я не вижу в этом ничего необычного. Просто еще один способ высказывания «подобное порождает подобное».

— Это также может иметь и другое значение. Дракон являлся символом императора — никто более не смел использовать его. А феникс был тем же для императрицы.

Это может означать, что члены королевской семьи могут порождать только членов королевской семьи.

— Как раз то, что я сказал, не правда ли? — спросил Джейсон, внимательно наблюдая за ней.

— Я не знаю — ох, полагаю, что это так.

Но почему у нее было это минутное странное ощущение, что записка в гадательном печеньке, которая содержала всего лишь древнее высказывание, имела для нее особенное значение?

— Послушай, я ничего не говорил, потому что чувствовал, что ты не хочешь разговаривать об этом, — Джейсон оборвал ее раздумья. — Но что ты собираешься делать с этим Кэри? Ясно, что он будет с тобой вести себя по-свински, если сможет. Я удивляюсь, почему?

Талахасси с самого начала обеда до его конца старалась выбросить свое столкновение с доктором Кэри из памяти. Но ей придется посмотреть в лицо этому раньше или позже, так почему бы не сделать это теперь, тем более что Джейсон открыто повел разговор об этом.

— Может быть, потому, — ответила она откровенно, — что я — темнокожая. Но, думаю, прежде всего потому, что я — женщина. Существует много докторов наук, и не все они — белые, которые обижают женщину, посмевающую вторгнуться в их собственную область. Вот одна из причин, мой дорогой, почему мы боремся за эмансипацию! Ты слышал об амазонках, призывающих вновь возродить матриархат? Как это ни странно, некая разновидность матриархата существовала и в Африке, очень долгое время. Когда в Европе королева могла быть передвинута, подобно шахматной фигуре на доске какого-нибудь интригана, королевы далеко к югу предводительствовали своими собственными армиями и обладали таким влиянием, о каком белая женщина не смела и мечтать. В каждом королевстве было три господствующих женщины, если не больше — королева-мать, необязательно мать правящего короля, но, по сути, самая значительная женщина королевской семьи предшествующего поколения; сестра

короля, потому что только она могла родить наследника королевской власти — сыновья короля, как правило, в счет не шли; и его первая жена. Например, в Ашанти жены короля должны были собирать налоги и имели собственную, очень надежную охрану, слуг и тому подобное, чтобы заниматься этим делом.

— Итак... если Кэри — эксперт по африканской истории, каким он считается, — отметил Джейсон, — он, вероятно, знает все это. Может быть, именно поэтому и хочет унижить тебя, прежде чем ты возьмешь, по праву своего рождения, руководство отделом в свои руки. Но, — теперь Джейсон стал серьезным, — будь осторожной с ним, Талли. Думаю, он может быть опасным человеком, если выставляет это напоказ.

Она кивнула:

— Я знаю, и ничего не может быть хуже, чем политика конфронтации. К счастью, доктор Гринли достаточно долго наблюдал за моей работой, чтобы знать, на что я способна.

Джейсон, уже почти половина десятого! — Она взглянула на свои часы.

— Нож, которым свежуют слона, должен быть не большим, а острым!

Она пристально взглянула на Джейсона:

— Теперь объясни, что ты этим хотела сказать?

— Нам досталась какая-то доля мудрости Востока, — он жестом указал на разбросанные остатки печенья. — Я же имею кое-что из наследия нашего собственного племени. Другими словами, следи за каждым своим шагом.

— Я, вероятно, буду делать это непрерывно, пока не отдам себе ноги, — согласилась она, вставая. — Я люблю обоих Гринли и поэтому не стану раскачивать лодку, чтобы не причинить неприятности доктору Джою.

Когда Джейсон отпирал дверь ее квартиры, они услышали изнутри настойчивый, пронзительный телефонный звонок.

— Ох! — Она резким движением распахнула дверь и пробежала через темную гостиную, стремясь как можно быстрее

схватить трубку телефона, который издавал продолжительный требовательный звонок.

— Талахасси? — Это был доктор Джой, и он говорил необычным, напряженным голосом.

— Да.

— Хвала создателю, что я нашел вас. Не можете ли вы приехать в музей прямо сейчас? Я не стал бы вас просить, но дело крайне важное. — Затем линия отключилась так внезапно, что она, испугавшись, на мгновение застыла на месте. Для доктора Гринли такой образ действия был необычен...

— Кто это?

— Доктор Гринли. — Она положила трубку. — Он только что попросил меня приехать в музей — в такое-то время! — и повесил трубку. Что-то случилось! Это очевидно!

— Я довезу тебя. — Джейсон последовал за ней и запер дверь, взяв ключ из ее руки. Она чувствовала себя слегка ошеломленной. За два года работы — сначала как младший ассистент, потом как самостоятельный специалист — такого никогда не случалось. Сейчас она была встревожена так же, как и тогда, когда чувствовала присутствие той тени третьего, которого, конечно, никогда не было там, сопровождавшего ее по музею.

— Случилось что-то ужасно скверное, — пробормотала она, когда Джейсон уселся в автомобиле рядом с ней и, запустив двигатель, начал выводить машину со стоянки.

— Уверен, это Кэри, — отозвался он.

Но что мог доктор Кэри сделать или сказать такого, что бы заставило доктора Джоя вызвать ее ночью в музей? Она ничего не могла придумать и была все еще сбита с толку, когда Джейсон доставил ее к той же самой задней двери, в которую они входили несколькими часами раньше. Теперь в вестибюле было светло, а прямо за дверью ожидал Хауэс. Он распахнул ее.

— Поднимайтесь прямо наверх, мисс Митфорд. Лифт ждет.

Джейсон двинулся было следом, но Талахасси остановила его.

— Нет, ты останешься здесь, Джейс — если это касается работы отдела, я совершу более чем дурацкую ошибку, впутав в это постороннего.

— Ты уверена? — Он был озабочен, и в голосе сквозило сомнение.

Она энергично кивнула, надеясь, что этого достаточно, чтобы успокоить его.

— Уверена. И если разговор затянется, я позвоню вниз, и мистер Хауэс передаст тебе. Я же знаю, что ты улетаешь рано утром. Так будет правильно, мистер Хауэс?

— Безусловно, мисс.

Когда Талахасси вошла в лифт, она ожидала ощутить это другое присутствие. Но здесь не было ничего, кроме легкого ощущения сверхъестественного, всегда характерного для музея, когда он закрывался для публики и большинство обслуживающего персонала уходило, усиленного, возможно, потому, что была ночь. Гроза, которая давно собиралась, все еще не разразилась, хотя небо снаружи было по-прежнему затянуто тучами, и теперь девушка слышала, даже через толстые стены, окружавшие ее, раскаты, которые могли быть только отдаленным громом.

Гром барабанов — почему-то это выражение проскользнуло в ее мозгу в то время, когда она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая, пока лифт доберется до пятого этажа. Барабаны так много значили в Африке — знаменитые «говорящие барабаны», чьи умело подобранные звуки действительно могли далеко передавать сообщения, так, что знающие могли понимать их...

Дверь лифта открылась, и она окинула взглядом просторный холл. За матовым стеклом двери кабинета доктора Гринли горел свет. Талахасси обнаружила, что дышит учащенно, как будто только что бежала. Она заставила себя идти более медленно. Она не собиралась врываться в кабинет доктора Гринли, как беззаботный ребенок, которого позвали поиграть.

Когда она постучала и услышала в ответ приглушенный голос, то уже полностью овладела собой. Минутой позже она смотрела доктору в лицо через письменный стол, который больше не был завален бумагами, как это было всегда на протяжении того времени, что она знала его. Эти бумаги были раскиданы по полу: словно разметенные бурей, разбросанные листы бумаги, книги, журналы. Кабинет был в таком диком беспорядке, что она, открыв рот от изумления, застыла в проеме двери. Это выглядит так, подумала она, словно здесь пронесся небольшой ураган.

— Что... что случилось?

Доктор Джой выпятил челюсть.

— Как раз это мы и пытаемся установить. Некто, несомненно, упорно что-то здесь искал; насколько мне известно, тут не было ничего, заслуживающего таких усилий.

— Нет? — Этот высокомерный голос раздался из угла комнаты. Доктор Кэри сидел на стуле, оглядываясь вокруг с удовлетворением, которого не мог скрыть от сузившихся глаз Талахасси. — Спросите эту вашу мисс Митфорд, что она и ее возлюбленный заперли в вашем сейфе нынче вечером.

Доктор Джой даже не взглянул на него.

— Талахасси, если у вас есть этому хоть какое-нибудь объяснение, я был бы вам за него благодарен.

Талахасси кратко отчиталась:

— Сегодня ближе к вечеру меня вызвали в аэропорт. За мной послали Джейсона. Они обнаружили там нечто странное в одной из камер хранения и хотели, чтобы это опознали.

Я... хорошо, я полагаю, что артефакт немного похож на жезл Власти из собрания Брука. Итак, руководитель... кстати, — теперь она повернулась к доктору Кэри, — вы позволили по номеру, который он вам передал? Он, возможно, объяснил бы все это...

— Какой номер? — Доктор Джой выглядел озадаченным.

— Я сказала этому мистеру Нею, что доктор Кэри занимался коллекцией Брука. Он написал на карточке номер телефона и попросил связаться с ним как можно скорее.

— Кэри? — Доктор Джой повернул голову.

Но тот не выказал и признака смущения.

— Я не знаю этого человека. Если ему были нужны мои услуги, он должен был обратиться только прямо ко мне — чего он не сделал. Нет, я не позвонил.

«Почему?» — удивилась Талахасси. Человек, казалось, принял предложение как оскорбление.

— Но вы положили этот артефакт в сейф? — спросил доктор Джой.

— Да. Он в чемоданчике со свинцовым покрытием — вот почему Джейсон принес его наверх, помогая мне.

— Свинцовое покрытие? — Доктор Джой был изумлен до крайности.

— Они сказали, что артефакт испускает какой-то неопознанный тип излучения. Вот они и приняли меры предосторожности.

— Он на самом деле африканский — настоящий артефакт?

— Взгляните и убедитесь. — Талахасси была взволнована с того мгновения, как увидела беспорядок в кабинете, и теперь чувствовала нарастающее раздражение.

Она положила руку на циферблат сейфа — и тут же вспомнила о ночной сигнализации. Но доктор Джой уже предвидел ее просьбу и звонил по телефону Хауэсу, чтобы тот отключил сигнализацию. Когда дверь открылась, она вытащила чемоданчик, который был так тяжел, что она была вынуждена поднимать его обеими руками, чтобы поставить на крышку стола. Громко шелкнув замком, она открыла его. Ларец лежал там, и доктор Джой нетерпеливо подался вперед.

Талахасси подцепила ларец клещами за верх и осторожно достала находку. К ее удивлению, доктор Кэри не подошел к столу. Она взглянула на него и увидела, что он спокойно сидит там же, со слабой саркастической улыбкой на тонких губах, наблюдая за ними, как будто они ввязывались в неприятности, о которых он не имел намерения их предупредить.

Его позиция была более чем странной, настолько странной, что в Талахасси проснулось ощущение чего-то затаившегося здесь, выжидающего...

Доктор Джой нетерпеливо выхватил у нее клещи, медленно повернул ларец кругом.

— Да, да! Но что это? Смешанный стиль — хотя древний, бесспорно очень древний! И просто оставлен в камере хранения! Необходимо определить его происхождение. Кэри, что, вы думаете, он собой представляет — что за культура?

Кэри поднялся. Он двигался быстро, странно. Его глаза теперь алчно устремились на ларец, злобный взгляд исчез.

Двумя большими шагами он достиг стола, грубо толкнув Талахасси в бок. Наклонившись вперед, прежде чем остальные смогли помешать ему, так как они не были подготовлены к его внезапному движению, он положил руки на стороны ларца.

Не было ни звука, но, когда доктор Кэри поднял руки, верхняя часть ларца откинулась. Внутри был небольшой сверток, завернутый в пожелтевший материал.

— Не трогайте! — Талахасси схватила локоть Кэри. — Излучение!

Он даже не взглянул на нее. Наоборот, он с грохотом бросил на стол крышку ларца и схватил сверток. Доктор Джой попытался вырвать его, лицо у него выражало полное изумление.

Доктор Кэри уклонился от него и точно так же легко освободился от Талахасси, затем яростно рванул обертку свертка. Она поползла клочками, как будто вещество истлело от времени. То, что находилось внутри, после того как остатки покрытия были сорваны, оказалось предметом около фута длиной. И форма его была знакома им всем. Это был анх — очень древний ключ ко всякой жизни, который каждый влиятельный бог или богиня Египта держали в руке. Он был вырезан из какого-то вещества, казавшегося кристаллическим, и на нем не было видно ни трещинки, ни эрозии. Доктор Кэри уронил его на крышку стола.

— Что? Почему? — Он тер и тер руки о переднюю часть своего пиджака, как будто боялся и ненавидел что-то, прилипшее к ним. И теперь его лицо было сморщенным и искаженным. — Почему?.. — повторил он тоном выше, чем обычно, как будто он ждал от них ответа, что явилось причиной для его действий.

В этот момент раздался удар грома, который, казалось, прозвучал так близко над головой, будто крыша сама собиралась рухнуть на них. Талахасси съежилась и вскрикнула, потому что не могла сдержаться. Секундой позже погас свет, и они остались в темноте!

— Нет! Нет! Нет! — выкрикнул кто-то — звук становился все слабее с каждым отрицанием.

— Доктор Джой, — Талахасси наконец-то обрела голос. — Доктор Джой! — Она попыталась обогнуть стол и побежала по направлению к столу, едва не потеряв равновесие. Затем застыла в неподвижности.

В комнате появился свет. Но он исходил ни от лампы и ни от светильника. Его излучал анх на столе. Вещь словно бы пылала.

И этот жар тянул ее — и в этот момент она поняла, что «присутствие», которое она ощущала раньше, вновь появилось, но значительно сильнее прежнего.

Анх поднялся над столом. Он двигался — и тянул ее за собой. Она пыталась позвать на помощь, уцепиться за стул, за стену, за что-нибудь, что могло затормозить ее продвижение.

Но ничего не могла поделать.

— Доктор Джой! — На этот раз ее мольба прозвучала как слабый шепот, способность говорить громко оставила ее. Это... это неведомое «присутствие» управляло ею более верно, чем если бы кто-то положил руки на плечи и подталкивал вперед.

Сопrotивляясь, как никогда прежде в своей жизни, Талахасси следовала за плывущим по воздуху призрачным анхом, неохотно переставляя ноги. Теперь они находились во внешнем холле, она и существо, которое она не могла ви-

дочь, но знала, что оно было с ней, заставляя ее выполнить какое-то задание.

Здесь не было света, за исключением того, который испускал анх. Однако он, казалось, стал пылать ярче, так что она могла видеть лестничную клетку. Держась за перила, она спускалась все ниже и ниже, все время подчиняясь кому-то, подталкивающему ее.

Она обнаружила, что умоляет кого-то, даже не шепотом, потому что голос больше ей не повиновался, а мысленно.

Это... — эта воля, что держала ее, — было кошмаром. Это существо не могло существовать — не могло! И все же оно существовало.

Они достигли четвертого этажа, анх нерешительно завис в холле. Смутно — из-за своего страха — Талахасси поняла, куда они направлялись: по направлению к трем комнатам, где помещалась коллекция Брука. Она каким-то образом потеряла часть себя. Это уже случилось, и, очевидно, она ничего не могла сделать, чтобы исправить это.

— Талахасси!

Ее имя глухо прозвучало с лестничной клетки позади.

Доктор Джой! Но он слишком опоздал — слишком опоздал...

«Слишком опоздал для чего?» — вяло спросила часть ее сознания.

Опять прогремел раскат грома, но вместе с ним зазвучало что-то еще — и продолжало звучать даже тогда, когда гром затих. Барабаны — зовущие барабаны. Талахасси, вскинув руки, зажала уши, но не смогла заглушить этой смутно различной, требовательной вибрации звука. Кроме того, ко всему этому добавилось еще позвякивание, будто встряхивали мелкие кусочки хрусталя. Этот звук мог быть идентифицирован только с единственным музыкальным инструментом прошлого — в Древнем Египте у храмовых жриц был систрум. Они трясли его, производя звук, который, по их мнению, должен был привлечь внимание древних богов.

Она сходит с ума!

Но этого не случилось. Здравый и проникательный разум Талахасси начал восстанавливаться. Здесь было некоторое логическое объяснение всего происходящего. Должно быть!

Часть ее — та часть, что управляла ее движениями — находилась в зависимости от влияния постороннего «присутствия».

Ее же разум все еще был свободен.

Они были уже у двери третьей и последней комнаты. Их встретил свет. Но не обычный свет, какой знала Талахасси.

Это было сияние, исходящее из глубин основной витрины в комнате. Она не удивилась его источнику. Кристаллическая верхушка жезла светилась, возможно, слабее, но излучение частично походило на то, что испускал анх, парящий сверху.

Затем анх остановился, повиснув в воздухе, как если бы девушка сама поддерживала его на уровне груди. Принуждение изменилось. Ей было дано новое распоряжение: приказ, которому она более не была способна сопротивляться, так же как и той беззвучной команде, что привела ее сюда.

Она протянула руки, подчиняясь воле этого другого, чтобы отыскать запор витрины. Но не смогла открыть его. Тотчас же принуждение усилилось, обрушившись на нее как физические удары. Чужая воля требовала, чтобы она освободила жезл. Но она не могла, он был заперт. Здесь не было способа освободить его, никакого способа... Часть ее сознания, которая была свободной, спорила с невидимым, даже тогда, когда ее тело раскачивалось вперед и назад под этой подхлестывающей командой.

Из тьмы раздался голос. В какой-то момент, в безумной надежде, Талахасси подумала, не идут ли доктор Джой или Хауэс, чтобы спасти ее. Затем осознала, что не может понять ни слова из этой страстной речи. Она была такой же горячей и гневной, такой же эмоционально сильной, как и чья-то воля, окружающая ее. И все же эта речь исходила не от «присутствия», которое привело ее сюда.

Контроль над ней частично ослабел. Как только это случилось, она каким-то образом почувствовала гнев, который овладел невидимкой, в свою очередь, при звуке этого голоса.

Но если оно могло отвечать, то не сделало этого.

Теперь эти слова приходили в кадансе странного песнопения, ритм которого согласовался с отдаленным рокотом барабанов. Талахасси больше не удивлялась тому, как и что она слышала и откуда это пришло. Она только присела перед витриной, в которой лежал увенчанный светящейся короной жезл, желая уползти прочь с места сражения. Так как воля, что привела ее сюда, теперь встретилась с другой, и они вступили в борьбу.

Талахасси внезапно что-то подхватило и злобно швырнуло на витрину. Она вскрикнула, заслонив лицо руками, испугавшись, что стекло разобьется и разрежет ее тело на куски.

Но хотя она ударилась с такой силой, что потом наверняка будет вся в синяках, этого оказалось недостаточно, чтобы разбить витрину и выполнить намерение этой воли.

Оно отступило, сцепившись снова в борьбе с невидимым другим.

Теперь пел более чем один голос. Девушка была уверена, что пока ее оставили в покое, и неподвижно распласталась на витрине. Ее разум мутился. Она испытывала тошноту и головокружение, в то время как силы, выходящие за пределы ее знаний и представлений, в бешеном круговороте носились вокруг. Затем анх выплыл из-за ее плеча, повиснув прямо над витриной.

Широко раскрыв глаза, она наблюдала, как жезл зашевелился и начал подниматься, пока не повис вертикально без какой-нибудь поддержки. Затем он подпрыгнул вверх, его пылающая верхушка тяжело ударилась о верхнюю часть витрины, в то время как анх устремился вниз, чтобы встретиться с ним в той же самой точке.

Стекло треснуло, разбилось вдребезги и упало. Освобожденный жезл закружился в воздухе. Тени собрались вокруг

него в лихорадочном танце, когда он, наклонившись, опустился на пол.

Анх парил над ним, как бы стараясь побудить жезл еще к одному усилию. Была ли это тень руки — руки такой прозрачной, что она лишь чуть-чуть обрисовывалась в свечении анха? Но что-то было, Талахасси не сомневалась, и это что-то протянулось к жезлу. Но прежде чем оно сумело приблизиться достаточно, чтобы схватить его, жезл переместился сам. Не вверх, как прежде, а как змея, несмотря на свою жесткость, по полу.

Опять воля завладела Талахасси, завертела ее и почти злобно толкнула вслед за ускользящим жезлом. Анх летал над ней, как бы кого-то отгоняя и защищая от чего-то, что она не могла видеть; он парил, совершая проворные стремительные движения, в то время как она была вынуждена повиноваться приказам своего странного захватчика. Она должна взять жезл в руки — теперь остался только этот приказ, заполнивший все ее сознание.

Снова раздался голос. И Талахасси смутно осознала, что песнопение прекратилось. Анх поплыл прочь от нее, скользя по воздуху, и повис в углу комнаты, по направлению к которому двигался жезл и Талахасси, бредущая за ним, спотыкаясь. Двигаясь как марионетка, обладающая разумом, повинаясь чужой воле, она была неуклюжей, медлительной, хотя все время старалась вырваться из-под этой власти.

Но воля была неумолимой, а ее ненависть горячеей. Нет, эта ненависть относилась не к Талахасси, как к глупому оружию, которым нужно воспользоваться, но, точнее, как к врагу, противостоящему этой воле. Она увидела теперь, что жезл лежит спокойно.

Еще раз прозрачное очертание промелькнуло через сияние его верхушки. Между тем воля швырнула ее вперед. Она споткнулась и упала, в то время как ее протянутая рука сомкнулась на другом конце жезла как раз тогда, когда он дернулся вверх. Талахасси держала жезл, как ей приказывали и заставляли. Эта сжимающая рука могла быть при-

зрачной — если это была рука, — но в ней была сила, остановившая жезл. Анх опустился и коснулся его светящейся верхушки.

Это было подобно попаданию в область взрыва. Свет, жар, боль и такой грохот, что Талахасси оглушило. У девушки было ужасное ощущение, что ее закрутило над безмерной пустотой небытия. Другое «присутствие» исчезло. Ее руки вцепились теперь в жезл — не по принуждению, она продолжала сжимать жезл ради спасения своей собственной жизни. В нее хлынуло знание, что она должна позволить этому продолжиться, в противном случае ответом будет смерть — настолько противоестественная, что окажется намного хуже любой другой, когда-либо угрожавшей человеку.

Она собрала все свои силы, каждую их частицу, которые еще в ней остались, чтобы удержать жезл. Вокруг нее не было ничего, кроме отрицающего все небытия, и это угрожало пробить брешь в ее здравомыслии, держать... Держать!

Затем небытие сомкнулось вокруг нее в огромном и ужасном круговращении абсолютной черноты. Охваченная крайней степенью отчаяния, она потеряла сознание.

Глава третья

Было горячо, как будто она лежала в топке какого-то очага, окутывающего ее удушливым жаром при каждой вспышке.

Талахасси попыталась отодвинуться от этого жара, только это занимало ее мысли. Она открыла глаза.

Солнце — такое пылающее, что на мгновение ослепило ее. Слабо вскрикнув, Талахасси отпрянула, закрывая глаза руками. Было жарко, и она лежала под солнцем — где? Мысли начали слабо шевелиться, освобождаясь от оцепенения, оставшегося от тех прошедших кошмарных минут.

Все еще заслоняя глаза, она с усилием, причиняющим боль, локтями оттолкнулась от твердой поверхности, на которой лежала, и слегка приподнялась, заставив себя оглядеться.

Прямо перед ней была голая скала. И на ее поверхности она смогла различить рисунок в виде слабо различимых правильных линий, глубоко вытравленных временем. Она поползла к этой скале, загребая песок израненными руками. Затем обернулась, испытывая головокружение и тошноту, сознавая, что каждое вымученное движение может отправить ее вновь парить в этой темной пустоте. Затуманенное сознание отказывалось даже думать об этом... месте?

Большие скалы вдали. Или это огромные камни, когда-то очень давно добытые из каменоломни и являющиеся частью разрушенной стены? Но у их подножия...

Талахасси подавила крик, готовый вырваться из горла, и часто-часто замигала, чтобы быть уверенной, что действительно видит это тело, распростертое на камнях и песке.

Незнакомка лежала лицом вниз, с вытянутыми вперед руками. Одна рука сжимала анх, другая — жезл. Они больше не испускали свет. Или, возможно, в этом ослепляющем солнечном свете их свечение могло быть неразличимо.

Талахасси медленно двинулась вдоль скалы, служившей ей опорой. Незнакомка без сознания? И кто... и почему... и где?.. Девушка ощущала, что, наверное, сошла с ума или подошла к границе здравомыслия в течение того времени, когда жезл тянул ее вперед.

На теле незнакомки было тонкое, как паутинка, хлопковое платье, сотканное настолько искусно, что через него проступала прекрасная смуглая плоть. Оно было скроено просто: длиной от подмышек до лодыжек, удерживалось на плечах двумя широкими полосками из того же материала; пояс сверкал самоцветами на фоне снежно-белой одежды. Волосы незнакомки, длиной до плеч, заплетены во множество мелких косичек, каждая из которых оканчивалась золотой бусинкой, и узкая полоса того же драгоценного металла, образующая небольшую диадему, удерживала эти косички в прическе.

Талахасси кое-что припомнила. Она придвинулась немного ближе, опасаясь наклоняться, чтобы головокружение не уронило ее прямо на незнакомку. Чтобы избежать этого, она

осторожно опустила на колени и протянула руку к плечу, коричневая кожа которого была темнее, чем ее собственная.

Затем с трудом перевернула девушку, тело которой вяло и безвольно подалось ее усилиям, на спину. Почему-то она не сомневалась, что это — смерть. Но взглянув в лицо другой, Талахасси громко вскрикнула и отшатнулась.

Песок покрывал чувственные губы, прилип к бровям, которые были подкрашены и удлинены обильной косметикой.

Но само это лицо... Нет!

Не считая незначительной разницы в цвете кожи, Талахасси смотрела вниз на те же самые черты лица, что видела каждый раз, когда стояла перед зеркалом! Правда, были и различия — крашенные брови искусственно удлинялись к вискам, густые тени, наложенные под закрытыми теперь глазами.

Диадема же в передней части имела сходство со змеей, приготовившейся нанести удар.

— Египет... — прошептала Талахасси. — Египет и члены королевской династии...

Потому что такую змеевидную диадему могла носить только женщина из Рода, очень близкая к трону.

Она отползла назад на четвереньках. Девушка была мертва, Талахасси не сомневалась в этом. Теперь она со страхом озиралась вокруг...

Они находились в месте, очищенном от песка — возможно, ветром какой-нибудь песчаной бури, возможно, усилиями человеческих рук. Вокруг хаотично стояли развалины, слагающие их камни, разъедены и обезображены теми же самыми ветрами, несущими песок. И она находилась в какой-то местности, которую не знала! Дрожа от нарастающего страха, Талахасси скорчилась против скалы, что раньше служила ей опорой, и попыталась понять, что случилось. Для этого не существовало никакого разумного объяснения, да и вообще никакого объяснения не было!

Она все еще была объята усиливающейся паникой и не сразу уловила звуки, сначала отдаленные, а затем все более

близкие. Это было такое же песнопение, как и то, которое она слышала как раз перед тем, как с ней произошло это невероятное событие. Только теперь оно раздавалось гораздо чище и отчетливее. Оно приближалось! Талахасси еще раз попыталась подняться на ноги, но буквально не имела силы сдвинуться с места. Она могла только съежиться там, где находилась, в то время как кошмар продолжался и продолжался.

В этом усиливающемся песнопении не было ни одного слова, которое она смогла понять. Но она начала склоняться к мнению, что различает более чем один голос. Талахасси сделала еще одно безнадежное усилие. Нужно спрятаться! Но под этим палящим солнцем, в этой пустыне камня и песка она не видела ни одного тайного убежища.

Внезапно голоса смолкли. Теперь раздавалось звяканье систрума. Талахасси слабо рассмеялась. Египет! Но почему ее бессознательное состояние (которое, конечно, направляет этот жуткий сон) так направлено на воспроизведение Египта?

Ей было нестерпимо жарко, и она испытывала сильную жажду. Может быть, там, в ее собственном мире, она в горячем бреде. Или — фрагмент воспоминания проскользнул через ее мысли — в основе всего этого лежало излучение, слишком большая доза неизвестного излучения от анха?

Она услышала пронзительный крик и повернула голову.

Фигура, появившаяся между обломков разрушенной стены, казалась вполне естественной для всего остального здесь.

Для сидящей на корточках Талахасси она выглядела естественно высокой и бежала по направлению к ней. Ее тело покрывала такая же белая одежда, в которую была одета умершая девушка.

Но на ее плечах вместо человеческой головы располагалась золотистая голова львицы с диадемой из двух металлических перьев, расположенных рядом и высоко и прямо поднятых над верхней частью закругляющегося черепа львицы.

Фигура спешила к распростертому телу девушки. Затем она впервые увидела Талахасси и замерла почти на середине

широкого шага. Неподвижные черты золотого звериного лица не изменились. Но хотя губы не двигались, раздался ряд слов с вопросительной интонацией.

Талахасси медленно покачала головой. Когда львиная голова приблизилась к ней, она смогла теперь увидеть, что это маска с прорезями для глаз, через которые можно смотреть.

Женщина в маске, а судя по всему, это была женщина, быстро повернулась от Талахасси к умершей девушке. Она стала на колени у тела, ее покрытая маской голова медленно двинулась назад и вперед, посмотрев сперва на разукрашенное лицо на песке, а затем на Талахасси. Почти нехотя она протянула руку и подняла анх. Но жезл она оставила лежать там, где мертвая уронила его.

Она дважды нерешительно протягивала руку, как бы собираясь схватить его, но не заканчивала движения. Затем — Талахасси вздрогнула — донесся порыв ветра, такого холодного, что в этом напоенном солнцем месте он был подобен удару. Женщина поднялась, посмотрела в том направлении, откуда дул этот ветер. Талахасси увидела странное движение в воздухе, будто там клубилось какое-то призрачное существо.

Женщина в львиной маске взмахнула анхом. Из-под маски вырвалось несколько страстных слов, звучащих как проклятия. Анхом она быстро начертила ряд крестов в воздухе, спереди и сзади, как бы воздвигая защитную стену против чего-то, что старалось прорваться к ним.

Воля, державшая Талахасси и заставлявшая ее повиноваться, со слабым нажимом вновь попыталась войти в ее разум. Однако на сей раз ей удалось устоять. Ей показалось или она услышала затем в отдалении — очень слабо — раздраженный крик? Она не была уверена.

Но движение в воздухе стало слабее, потом окончательно исчезло. Женщина длительное время ожидала, глаза из-под маски были сфокусированы на том месте, где происходило колебание воздуха. Затем Талахасси увидела, что жесткая напряженность ее тела ослабевает. То, что старалось добраться до них, исчезло.

Теперь маска опять качнулась по направлению к Талахасси, и та, кто носила ее, сделала повелительный, резкий жест.

Хотя она не хотела этого, Талахасси отползла от скалы и потянулась за жезлом, повинувшись неведомо как отданному распоряжению. Снова ее пальцы сомкнулись на его гладкой поверхности, и она подняла жезл вверх. Женщина в маске застыла, как изваяние какой-то богини в древнем храме. Затем ее голос вновь нарушил раскаленный воздух. На повелительный призыв без видимого усилия прибежали две рослые женщины. Обе были одеты в те же самые простые белые одежды, их волосы, заплетенные в той же манере, как и у мертвой девушки, свободно ниспадали на плечи, глаза обведены и удлинены мазками черной краски. Но их головные повязки представляли собой просто полоски ткани; у каждой на середину лба свешивался золотой медальон, выполненный в форме львиной морды, напоминающей маску их старшей.

Они были явно потрясены и ошеломлены тем, что увидели. Но по резкой команде их руководительницы подняли тело покойной. Талахасси кивком показали следовать за ними.

На этой жаре ее длинная юбка и блузка неприятно прилипли к коже, пока она с трудом брела за женщинами, главным образом потому, что не знала, что еще ей делать. Где она находится? Как попала сюда? Она чувствовала, что немедленно должна собрать все свои силы для спасения разума, иначе обезумеет.

Мрачные развалины находились на краю склона — это она обнаружила, когда они обогнули очень большую скалу, за которой было ее укрытие. Здесь располагались разрушенные части стен, ряд маленьких, отчетливо остроконечных пирамид, многие из них с обломанными верхушками; сухая мертвая земля вела вниз, к единственному большому и украшенному колоннами зданию, которое, казалось, находилось в состоянии ремонта.

Но при взгляде на эти маленькие пирамиды у Талахасси перехватило дыхание. Она могла закрыть глаза и мысленно

воспроизвести серию фотографий, которые действительно очень хорошо знала.

Нет, не Египет, но его малоизвестная меньшая сестра — Мероэ в Нубии. Мероэ, где собрались последние, поблекшие остатки славы старого Египта, страна, которая в более поздние времена дала трех фараонов, завоевавших земли к северу, правивших всей готовой угаснуть страной древнего Кеми и носивших великолепную двойную корону. Мероэ, о которой было известно так мало и делалось так много догадок. Была ли это та Мероэ, которая теперь лежала перед ней? Но как... как она очутилась здесь?

Две женщины, за которыми она брела, несли свою ношу по направлению к этому единственному большому зданию.

Талахасси не нужно было поворачивать голову, чтобы посмотреть, так как она хорошо знала, что жрица-львица шествовала позади нее — эта женщина несомненно жрица.

В Мероэ поклонялись богу-льву — Эпидемеку. Львиц там не было, если не считать похожую на львицу, как она помнила, Шекмет, богиню войны более северных стран.

Снова она двигалась под принуждением, хотя и не таким сильным, как то, что гнало ее через музейные коридоры. Талахасси верила, что могла даже бросить ему вызов, если бы пожелала. Но зачем? Гораздо лучше держаться возле этих людей до тех пор, пока не удастся так или иначе выяснить, что случилось. Жезл Власти скользил в ее потной руке, и она сжала его покрепче. Почему жрица отдала его ей? Он должен быть в высшей степени важным для этих людей, кто бы они ни были, однако именно ей было приказано нести его. Талахасси могла только предполагать, что они в какой-то мере боялись его. Если это жезл доставил ее сюда — тогда она могла понять причину этого. С другой стороны, если это было правдой, тогда он же может разрушить это странное сновидение и вернуть ее в собственное время и мир. Таким образом, чем ближе она будет теперь держаться к нему, тем лучше.

Они перешли из ослепительного блеска солнца и его иссушающей жары в храм. Прямо перед ними находился сам

Эпидемек в двойной короне, с символическим плугом королей и королев Мероэ в одной руке. Каменное лицо было очень старым, разъеденным временем, но в нем была величественность — аура уверенной силы, безо всякого высокомерия.

Женщины положили тело девушки у ног десятифутовой статуи, разгладили платье на ее стройных ногах, скрестили руки, чтобы раскрытые ладони расположились на ее неподвижной груди. Затем одна из них встала на колени у головы, другая — у ее ног, и они начали причитать.

Еще одна резкая команда жрицы заставила их замолчать.

Она жестом показала Талахасси пройти мимо Эпидемка во внутреннюю комнату храма. Здесь были следы обитания — хотя, подумала Талахасси, оно было только временным. Четыре пухлых свертка, набитые чем-то мягким, могли служить постелью ночью, и здесь же находились ярко расшитые подушки, лежавшие на длинных циновках, покрывающих пол.

Один угол занимали корзины и два высоких кувшина. Но то, что находилось в противоположном углу комнаты, сразу же привлекло внимание Талахасси. Три пластинки металла, отливающего черным, над которыми играло слабое радужное сияние, образовывали маленькую пирамиду с плоской вершиной.

На нее вертикально был поставлен предмет, несомненно, неуместный здесь, среди признаков древнего прошлого, находившихся вокруг.

Это был продолговатый предмет из стекла и все же непрозрачный, молочно-белый. По верху и низу трех его плоскостей, которые она могла видеть, пробегала рябь постоянно меняющегося цвета, затмевающего радужные краски на подставке. Продолговатый предмет имел, быть может, фута два высоты, и от него исходило тихое жужжание, что у Талахасси ассоциировалось только с ровно работающим механизмом. Но это было таким анахронизмом среди всего остального, что она могла только изумленно смотреть и удивляться.

Она вошла в комнату, повинаясь жестам жрицы. Но никто больше за ней не последовал. Вместо этого жрица осторожно положила анх на порог и подняла голову, закрытую маской, решительно показав, что Талахасси останется здесь. Затем она шагнула назад, в главную часть храма.

Девушка обошла комнату. Она обнаружила, что высокие кувшины в углу закрыты, и когда сдвинула крышку ближайшего из них, то увидела в нем воду. В тот же миг, будто вид жидкости вызвал в ней ответную реакцию, ей так захотелось пить, что она подняла бы весь кувшин, если могла, и позволила бы его содержимому смыть привкус песчаной пыли во рту.

Здесь же была и чашка, покоящаяся по соседству на стопке тарелок, и она схватила ее.

Выпитая вода более чем что-либо другое избавила от того замешательства, что владело ею с того момента, как она очнулась среди развалин. Талахасси не помнила, когда она пила или ела что-либо в последний раз, и потянулась за фиником, лежащим вместе с другими небольшим липким комком на тарелке, прикрытой прозрачной крышкой.

Финик был очень липкий, так как, должно быть, лежал в меду. А также очень сладкий, и ей пришлось смывать привкус его во рту еще одним большим глотком тепловатой воды. Пища, вода, циновки для ночлега — и этот предмет в углу, не относящийся, конечно, ни к Мероэ, ни к Египту.

Ровное жужжание, издаваемое им, закончилось очень яркой вспышкой света, который проходил теперь не беспорядочными линиями, а отчетливой спиралью на передней панели. В то же самое время раздалось потрескивание, становившееся все громче и настойчивее с каждой секундой.

Талахасси осторожно приблизилась к этому предмету.

Он казался сверхъестественным, главным образом потому, что был чуждым всему остальному в этой комнате, всему, что она видела снаружи, достаточно чуждым, чтобы сделать любого осторожным. Однако сверкающая спираль света исчезла так же быстро, как и возникла, оставив вибрирующее жужжание.

В комнате была только одна дверь, но высоко из стены вывалилось несколько камней, и солнечные блики яркими пятнами лежали повсюду. Талахасси, страшно не желая поворачиваться спиной к таинственному предмету, тихо подкралась к двери. Она не имела понятия о планировке этого храма.

И теперь из-за стены, должно быть, из отдаленных помещений обители, вновь услышала звяканье систрума, бормотание голосов, поющих чуть ли не шепотом.

Могла ли она выскользнуть наружу? Талахасси осмотрела анх, лежащий у входа. Он находился в довольно густой тени, так что опять было видно слабое мерцание излучения вокруг него. Когда она попыталась протиснуться мимо, то наткнулась на некое подобие сплошной поверхности — не твердой и неподвижной как стена, а на барьер, который слегка подавался, а потом отталкивал ее.

Отступив к одной из подушек на полу, девушка села, скрестив ноги, и попыталась оценить свое положение. Теперь она неторопливо сделала то, чем не хотела заниматься раньше: попыталась проследить эту невероятную ситуацию с самого начала.

Ее принудили, именно так, следовать за анхом в комнату коллекции Брука. Там произошло, по-видимому, единоборство между двумя невидимыми силами — возможно, существами. Затем ее заставили взять жезл, после чего она очнулась на песке среди руин.

Все это было совершенно реальным и продолжалось слишком долго, чтобы быть просто сновидением. Она никогда не употребляла и не собиралась употреблять наркотики. Но, может быть, это нечто такое, при использовании чего человек может воображать себе что угодно?

Данные о прошлом, которое она знала, могли быть взяты из ее собственной памяти. Только, опровергая это, здесь находился странный предмет в углу, который определенно не мог относиться к тому Мероз, которое она знала по книгам и по личным наблюдениям найденных предметов прошлого.

Если она не одурманена наркотиком и не спит — то что же с ней случилось? И почему у мертвой девушки черты ее лица, черты, которые не могла скрыть даже экзотическая косметика, различие в цвете кожи?

Куда она попала?

Здесь не было ни логического, ни приемлемого ответа на вопрос, что случилось: во всяком случае, она не могла найти такого.

Было жарко, очень жарко, несмотря на толстые стены каменной кладки. Глаз уловил какое-то движение на стене.

Яшерлица быстро исчезла неведомо куда, прежде чем Талахасси успела хотя бы разглядеть ее. Она расслышала шаркающий звук и настороженно следила за входом, пока не вошла жрица, остановившись на мгновение, чтобы поднять анх, который так ненавязчиво держал ее в плену.

Одна из женщин, сопровождавших жрицу, вошла за ней и, не обращая внимания на Талахасси, направилась прямо к плетеной корзине и подняла ее крышку. Талахасси уловила специфический запах, весьма ароматный, в застойном воздухе этого места, когда женщина достала белое платье, похожее на то, какое носили они все. Она отложила его в сторону и наклонилась, чтобы еще раз залезть в корзину; на этот раз она вынула пару сандалий, имеющих ремешки, просовывающиеся между большим пальцем и остальными; держались они на ноге шнурами, оплетавшими лодыжки. Последней из вещей она достала болванку, на которой был парик, волосы на котором заплетены во множество маленьких косичек, заканчивающихся золотой бусинкой — такой же, какой был на погибшей девушке. На него она осторожно приладила то, что тотчас же вручила ей жрица — обруч, несущий нападающую змею.

Понаблюдав за составлением этого гардероба, жрица повернулась к Талахасси, ясно показывая ей жестами, чтобы она сбросила одежду, которая была на ней. Когда девушка не подчинилась, жрица угрожающе подняла анх, имея в виду, что если Талахасси не подчинится добровольно, могут быть вызваны силы, которые жрица использовала.

Талахасси медленно сделала то, что ей приказали. Как только она уронила свою последнюю одежду, то обнаружила, что младшая жрица уже стоит рядом с ней, держа маленький горшок. Он содержал какое-то жирное, но ароматное вещество, которое она начала намазывать равномерно на руки и плечи Талахасси.

Она работала быстро и искусно. И когда закончила, Талахасси увидела, что ее кожа стала в точности того же цвета, как и у женщин рядом с ней. Ей помогли облачиться в новую одежду; украшенный драгоценностями пояс, который, несомненно, ранее был на мертвой девушке, сомкнулся на ее талии. Затем ей показали жестом встать на колени, и младшая жрица ножом подрезала волосы Талахасси, состригая их почти у самого черепа.

Ее глаза были обведены кисточкой, которую обмакивали в другой горшочек с косметикой. И, наконец, заботливо был надет парик с диадемой. Младшая жрица отступила в сторону, в то время как женщина в маске осматривала результат ее трудов — критически, предположила Талахасси. Она не сомневалась, что ее намеренно переодели и загримировали, чтобы она заняла место умершей.

Теперь Талахасси не удивлялась. На этот раз она почувствовала некоторое возбуждение, растущее в ней. Сновидение, галлюцинация, не важно, что это было, — теперь в ней пробудилось сильное любопытство. Избранные места истории Мероэ всегда интересовали ее. Сейчас она хотела знать, как долго будет продолжаться ее иллюзия, как далеко она ее заведет. И, как ни странно, хотела тем или иным образом продолжать эту игру (ибо для нее это казалось игрой) так долго, как сможет.

Когда она опять встала с жезлом, которого никто не касался, но на который жрица указала ей, приказывая вновь взять его в руки, то страстно желала узнать, как выглядит теперь. Жрица стояла очень спокойно. Талахасси не могла видеть ее глаза за отверстиями маски, но не сомневалась, что они сейчас оглядывали ее с головы до ног; осмотр этот был

прерван только тогда, когда раздалось громкое потрескивание из светящегося блока в углу.

Она увидела, что жрица вздрогнула как бы от изумления.

Затем заторопилась к блоку и опустилась на колени перед этой колонной бегущего по спирали цвета, заполнившего переднюю панель. Талахасси предположила, что она прислушивалась к чему-то, что имело отношение к ней. Раздался поспешно подавленный вздох другой женщины, которая поспешила к двери и исчезла.

Талахасси сгорала от любопытства. Если бы она только поняла, могла в действительности узнать, что все это значит!

Потрескивание прекратилось. Тем не менее жрица сейчас же протянула вперед руку и стирающим движением коснулась блока. Спираль исчезла. То, что появилось вместо нее, — был символ, который Талахасси знала как Глаз Гора.

Когда изображение его стало устойчивым, жрица приблизилась к маске как можно ближе к поверхности блока и заговорила — мягкие шипящие звуки, подумала Талахасси, были не такими же, какие звучали в песнопении, которое она слышала раньше.

Изображение Глаза пропало. Снова там была только свободная игра неопределенного цвета, жужжание механизма.

Жрица поднялась и приблизилась к Талахасси. На такое близкое расстояние, что девушка могла отчетливо видеть темные человеческие радужные оболочки внутри глазных прорезей маски. Она чувствовала, что женщине необходимо срочно что-то ей сообщить, хотя она понимала, что та не может передать ей то, что нужно.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Талахасси. Женщина показала на вход, а затем на себя и на Талахасси. Из-за массивной пряжки своего пояса она вытащила длинный нож и нацелила его сначала на собственную грудь, а затем на Талахасси, и опять показала на вход — на этот раз сделав угрожающий удар ножом по воздуху.

Девушка догадалась, что ей хотели сказать, хотя это и выглядело весьма странно.

— Опасность... для нас обеих? — сказала она вслух.

Глаза жрицы осмотрели ее еще раз жестко и изучающе.

Затем львиная маска слегка кивнула, как будто при более энергичном движении она слетела бы с головы ее носительницы.

Жрица показала на свой нож, на жезл, а потом опять на нож. Пыталась ли она сказать, что жезл был фактически таким же оружием, как лезвие, которое она вытащила, подумала Талахасси. Но против чего использовалось это оружие — или кого?

Девушка вздрогнула, когда услышала шум наверху — звук, становившийся все громче и громче. Снова это было отчасти знакомо, хотя никак не сочеталось с миром Мероэ. Если Талахасси не ошибалась, это была какая-то разновидность летательного аппарата, и, судя по звуку, он заходил на посадку!

Глава четвертая

Жрица не двинулась, хотя слегка повернула голову к двери, как будто все ее внимание было уделено чему-то, что могло произойти снаружи. После нескольких секунд ожидания Талахасси услышала голоса мужчин, как ей показалось, звучащие гневно. Жрица шагнула вперед, к Талахасси, так что теперь они стояли вместе, глядя на дверь.

Раздался резкий треск, заставивший Талахасси вздрогнуть. Она не могла быть уверена, но этот звук был сильно похож на выстрел! Подобно светящемуся блоку в углу, идея огнестрельного оружия здесь была анахроничной. Ее руки коснулись пальцы. Жрица сделала незаметный жест, явно указывавший Талахасси поднять жезл перед собой. Она вспомнила обычную позу большинства старых египетских изваяний — как именно они держали анх.

Остальные женщины вошли, пятясь, в комнату, их голоса выражали горячий протест. Тесня их, вошло трое мужчин.

При виде их уверенность, что она каким-то образом попала в далекое прошлое, у Талахасси исчезла. По идее, эти

вновь прибывшие должны были носить короткие юбочки и держать в руках копия или луки. На самом же деле вновь прибывшие были по одежде ближе к ее собственному миру, так как были одеты в одинаковую форму, обрезанную на локтях и коленях.

Одежда их была тускло-зеленого цвета, только на плече выделялась маска Эпидемека. Их головной убор, казавшийся неуместным, сделанный из двухцветной полосатой материи, тоже зеленого цвета, походил на головной убор древних египетских воинов, придавая им сходство со сфинксом. Что же касается остального, то каждый из них нес то, что, очевидно, было оружием, похожим и все же не похожим на ружья ее времени, подумала Талахасси. Это были не винтовки и не револьверы, но нечто среднее между ними по длине. И короткие стволы лежали на сгибах рук, наведенные на женщин: похоже, люди, державшие их, были готовы стрелять.

Заметив Талахасси, они остановились — их глаза широко раскрылись. Потрясение или явное удивление? Она не могла быть уверена. Жрица рядом с ней нарушила молчание. Никогда Талахасси не желала так сильно знать, что же происходит, как в этот момент.

Двое мужчин позади командира отступили на несколько шагов. Их смущение явно бросалось в глаза. Что или кого бы они ни предполагали обнаружить здесь, но не тех, кому противостояли теперь. Жрица подняла анх и повелительно заговорила, тогда как предводитель этой тройки хмуро смотрел на нее. Шрам, рассекавший правую щеку от виска до подбородка, не придавал милосердия его лицу. Он не уступал, только сердито смотрел на женщину в маске львицы.

Жезл! Талахасси решила на небольшой эксперимент.

Она чуть-чуть наклонила жезл так, что его кристаллическая верхушка была направлена на мужчину. Он быстро перевел пристальный взгляд со жрицы на девушку. Она увидела, как изменились его глаза.

Он боялся! Страх внушала либо она, либо жезл, и Талахасси думала, что скорее последнее. Теперь выражение угрюмой рас-

терянности искривило черты покрытого шрамами лица. Талахасси сделала шаг вперед, затем другой. Он отступил, но не так поспешно, как двое сопровождавших его, которые не выдержали и побежали, едва девушка начала приближаться к ним.

Их предводитель не сдался так легко. Талахасси почувствовала опасность, таящуюся в этом человеке. Она умела каким-то образом улавливать эмоциональные реакции других по отношению к себе, определяя, когда ее принимали, терпели или не любили. Но этот человек излучал не антипатию, скорее это была ненависть. Она была так уверена в этом, как будто он выкрикивал проклятия ей в лицо.

Изгнание его таким способом могло быть наилучшим действием, какое она могла сделать. Однако две женщины быстро уступили ей дорогу, и она знала, что жрица непоколебимо двигалась позади нее. Они хотели, чтобы она выполнила как раз то, что делала!

Воин что-то враждебно бормотал сквозь стиснутые зубы, но шаг за шагом медленно отступал, в то время как она продвигалась вперед. Теперь они перешли во внешнюю комнату храма с изваянием Эпидемека, видневшимся из-за плеча мужчины. Назад и опять назад — наружу, в белый ослепительный блеск пустынного солнца, в пылающее пекло.

Она уловила мельком что-то, стоявшее не слишком далеко отсюда, но не могла внимательно рассмотреть, что это такое. Вместо этого приходилось следить за человеком перед ней. Она все еще теснила его назад, пока они не очутились на самом краю храмовой мостовой. Внезапно он перекинул ремень своего оружия через плечо и произнес напоследок резкую фразу, в которой она смогла распознать угрозу, даже не понимая слов.

Он, казалось, не желал поворачиваться к ней спиной и пошел боком, подобно крабу, косясь на нее, когда спускался по широким наружным ступеням, и зашагал прочь — весь его вид выражал злобное бессилие — к летательному аппарату.

На взгляд Талахасси, этот аппарат обладал кое-какими чертами вертолета, но не было вращающихся лопастей на

верхней части. Как только мужчина добрался до отверстия в его боку и влез внутрь, тот поднялся в облаке песка и гравия, но посредством чего — она не поняла.

На боку летательного аппарата были изображены какие-то знаки, но эти обозначения не имели смысла для девушки.

Снова прикосновение к ее запястью, и жрица, как и раньше, слегка наклонив голову в маске, предложила им вернуться внутрь разрушенного храма. Одна из женщин сзади заговорила, а затем плюнула вслед исчезающему летательному аппарату. Звук его отлета уже затих.

Жрица больше не тратила времени зря. Она двинулась быстрым шагом, почти переходящим в бег, чтобы скорее достичь внутренней комнаты; Талахасси торопилась за ней. Здесь женщина в маске, встав еще раз на колени перед светящимся блоком, разразилась целым каскадом повелительных слов, говоря прямо в него.

Талахасси подошла поближе к женщине, которая плюнула вслед отступающим солдатам.

— Кто? — Она попыталась вложить в это слово ее собственного языка значение вопроса, при этом показывая наружу.

Какое-то мгновение казалось, что женщина не собирается отвечать, если вообще поняла вопрос Талахасси. Потом она медленно и обдуманно произнесла одно слово:

— Юсеркэф. — По крайней мере прозвучало что-то похожее на это.

Часть знания Талахасси, которая уже искала в памяти незначительные беспорядочные знакомые намеки на это место, настроилась на смысл этого слова. Юсеркэф — древний нубиец или египтянин? Она была уверена, что это — имя мужчины. Но было ли это имя командира вторгшейся группы или того, кто его послал? Если бы она только знала. Она была готова швырнуть жезлом в стену от отчаяния из-за неведения, а затем немного с облегчением посмеяться. Сможет ли она когда-либо выяснить, что случилось, где она находится

и почему? «Почему» могло быть важнее всех других пунктов, подозревала она.

Они загримировали ее, чтобы она сыграла роль. Повидимому, она была кем-то, кто с жезлом в руке имел полномочие изгонять вооруженных людей, которые, несомненно, явились сюда не просто так, а с какой-то враждебной целью. И пока что у нее было только единственное имя — Юсеркэф, — на нем надо было строить догадки.

Имена? Они очень много значили. У некоторых народов личное имя имело такое большое значение, что они никогда не открывали его чужестранцам, чтобы не давать им посредством этого какой-нибудь духовной власти над собой. Талахасси могла начинать с имен — это первый шаг в любом языке.

Она энергично ткнула себя пальцем в грудь и вновь спросила:

— Кто?

Женщина взглянула сначала на жрицу, все еще что-то мурлычущую у пластины. На этот раз ее нерешительность была гораздо более заметной. Все же она наконец ответила.

— Ашаки? — повторила Талахасси, стараясь придать слову то же самое произношение. Затем указала на жрицу. — Кто?

— Джейта. — На этот раз пауза была недолгой. Вероятно, женщина подумала, что раз небо не обрушилось в первый раз, то оно выдержит и дальше.

— Джейта? — Теперь палец нацелился на женщину. — Кто?

— Мэйкда.

Вторую женщину звали Идия. Талахасси слегка приободрилась. Когда ей хотя бы отчасти помогали, удавалось что-нибудь выяснить.

— Где? — Она провела рукой вокруг в жесте, который, как она надеялась, должен быть понятен Идии, внимательно следившей за ней. Но три слова, затем полученные ей в ответ, вообще ничего не значили. И было очень досадно опять зайти в тупик как раз тогда, когда она добилась пусть маленького, но прогресса.

Жрица встала перед пластиной и произнесла то, что могло быть только рядом приказов. Женщины заторопились собрать соломенные тюфяки на полу и свалили их кучей в углу. На все остальное они не обратили внимания, но корзину, из которой брали одежду для Талахасси, теперь унесли с собой. Ее поставили в тень от изваяния Эпидемека.

Джейта занималась с пластиной, осторожно прижимая пальцы к нижней части каждого из трех прямоугольных блоков, на которых та располагалась. Как будто разъединив этим некую схему, она подняла ее, и свет тотчас же исчез с ее поверхности. Наклоном головы она подозвала Талахасси.

Было ясно, что они готовятся покинуть храм. Уходят — но куда?

Если бы она только могла видеть больше, чем просто глаза жрицы из-за маски. По выражению лица можно понять многое, если быть достаточно внимательным.

Однако она попыталась еще раз, махнув рукой наружу и спросив:

— Куда?

Снова в ответ не больше чем одно слово, и оно тоже вообще ничего для нее не значило. И все же Талахасси поняла, что это были не те слова, которые Мэйкда произнесла раньше. Их место назначения? И как они собирались путешествовать?

Ответ на это пришел довольно быстро: через секунду снова раздался рев в воздухе. Вернулись вторгавшиеся с подкреплением? Талахасси крепче сжала жезл. Второй отряд, вероятно, не удастся запугать так легко.

Опять приземлился летательный аппарат, взвихрив песок и гальку темным облаком, таким большим, что оно скрыло весь вход в храм. Когда все это рассеялось, из машины выбрались какие-то фигуры и торопливо направились к ним. Снова одинаковая форма, но не тускло-зеленая, как у первого отряда, а красного оттенка, близкого к ржавому цвету. И те, кто носил ее, бесспорно, были женщинами.

Увидев Талахасси, трое из них бросились на колени и подняли одну руку ладонью наружу, но в другой руке держали на

изготовку оружие того же самого типа, что и у мужчин. Их руководительница не стала на колени, а просто протянула одну руку к Талахасси и затем разразилась потоком взволнованных слов.

Жрица коротко ответила, подав им знак рукой по направлению к ожидающему летательному аппарату. Талахасси шла неохотно. Она появилась в этом мире в этом месте. Если бы она осталась здесь — существовал ли какой-нибудь способ, с помощью которого она могла найти дорогу назад, в свой собственный мир? Ибо теперь она убедилась, вопреки своим ожиданиям, что это не может быть сном. И не было причины думать, что у нее галлюцинации, если только не таинственное излучение анха вызвало их.

Они кое-как втиснулись в летательный аппарат. Жрицу и Талахасси усадили на двойное сиденье, в то время как храмовые женщины и амазонки уселись на полу, держась за плетеные ремни над ними. Талахасси могла видеть еще одну женщину в форме за управлением. Она не успела толком разглядеть окружающую обстановку, потому что летательный аппарат взлетел с внезапным толчком, что вызвало у нее неприятное ощущение, похожее на то, какое возникает в скоростном лифте.

Она сидела далековато от маленького окошка, так что не могла даже мельком увидеть местность, над которой они пролетали. Но у нее было ощущение скорости, которая, несомненно, была больше, чем скорость вертолетов в ее собственном мире.

Ситуация напоминала разгадывание грандиозной головоломки, складывание пазла, или, вернее, двух пазлов, причем части обоих были произвольно перемешаны так, что невозможно отличить их. Жрицу в маске, руины — это Талахасси могла так или иначе воспринять лучше, чем летательный аппарат. Она видела подобное прошлое во время обучения, хотя бы на картинках. Но что общего имели древние Египет или Нубия с неведомыми механизмами и оружием?

От тяжести парика, натиснутого на нее, болела голова.

Она страстно желала сдернуть его, однако каким-то образом знала, что даже такое незначительное проявление независимости может привести к серьезным последствиям. Предводительница солдат открыла небольшой отсек, расположенный напротив стенки пилотской кабины, и достала металлическую фляжку и несколько чашек без ручек. Несмотря на неровный полет летательного аппарата, она налила немного жидкости в чашку, примерно до половины, и осторожно вручила ее жрице, которая, в свою очередь, с преувеличенной церемонностью протянула ее Талахасси.

Та приняла, пробормотав слова благодарности, и отпила.

Содержимое было кислым и таким холодным, что у нее даже дух захватило. Она жадно допила остальное, только теперь поняв, что ее тело нуждалось в жидкости, хотя она не осознавала этого, пока не начала пить.

Другая чашка была предложена жрице, но та отказалась.

Талахасси начала удивляться, как эта женщина могла такое длительное время носить маску и почему она так делала. В храме это могло совершаться по каким-то соображениям церемониала, но почему она не снимет ее теперь?

Затем внезапно они заскользили по крутой спирали по направлению к земле и со слабым толчком приземлились.

Амазонка-офицер поспешила открыть дверцу и выбралась наружу со своим отрядом, как будто ожидая какую-то опасность, от которой они должны их защищать. Жрица, если только Джейта действительно являлась жрицей, мягко прикоснулась к руке Талахасси и сделала ей знак выходить следующей.

Она двигалась несколько неуклюже, поскольку, хотя жрица была одного с ней роста, как и предводительница солдат, другие были по меньшей мере на четыре или пять дюймов ниже, и летательный аппарат явно предназначался для их нормального роста, а не для ее. Когда девушка вышла сквозь отверстие и ступила на землю, оказалось, что вокруг нее уже не пустыня. Серые камни и песок, глухие стены развалин — все это исчезло.

Здесь была пышная зелень, что дала отдых ее глазам. На расстоянии нескольких футов тропинка из камней, расположенных красочными мозаичными узорами, вела в туннель, стены которого образовывали пальмы и покрытые яркими цветами кусты. Она ощутила аромат цветов, сильный, почти одуряющий, увидела в просветах фрагменты чего-то, что могло быть только зданием, по меньшей мере трехэтажным, утопающим в буйной зелени.

Амазонки стояли в напряженном ожидании, по две с каждой стороны. Когда Талахасси медленно и нерешительно двинулась по дорожке, они строем пошли сзади, пропустив вперед на шаг или два только жрицу.

Это было, конечно, передвижение вслепую. Она не имела ни малейшего понятия, куда направлялась или что должна здесь делать. Но было огромным облегчением войти в тень пальм и высоких ветвящихся кустарников. По дорожке что-то мелькнуло, направляясь к ней, и Талахасси замерла, затем в смущении негромко рассмеялась. Ибо вновь прибывшими являлись два котенка. Очень необычные котята, так как у каждого на кончике правого уха было золотое кольцо, и оба к тому же носили ошейники с маленькими звенящими колокольчиками.

Котята остановились, задрав кверху крошечные головки, и уставились на нее таким немигающим взглядом, какой бывает у кошек, когда они испытывают чувство, соответствующее у человека беспокойству. Если они были кошками умершей девушки — тогда обман Талахасси сейчас будет раскрыт... Она остановилась и протянула руку. Теперь все зависело от них. Если ее разоблачат как чужестранку, то что будут делать амазонки, идущие позади? Если Ашаки была принцессой, о чем говорила диадема на ее ужасно неудобном парике... Что могло быть наказанием за ее самозванство?

Большой из котят нерешительно двинулся вперед, чтобы обнюхать пальцы Талахасси. Понюхал второй раз, затем проворно лизнул их кончиком шершавого маленького языка.

Меньший котенок издал звук, что-то вроде мяуканья, и прыгнул на своего товарища. Легко ударив того лапой, он стремительно помчался опять по дорожке, и его брат, или сестра, тотчас же бешено кинулся вдогонку.

Талахасси облегченно вздохнула, надеясь, что ее вздох не услышали. Она не взяла на себя эту роль добровольно, но, конечно, не желала, чтобы ее разоблачили в самый опасный для нее момент.

Джейта заговорила, обращаясь к Талахасси с почтением, какого она прежде не оказывала. Она показала на здание, полускрытое густой растительностью, очевидно, убеждая девушку идти туда.

Они прошли через густые заросли, которые, похоже, служили изгородью между садом и посадочной площадкой.

Теперь здание перед ними, окруженное заботливо ухоженными цветочными клумбами, было ясно видно. Массивные колонны примыкали к фасаду, поддерживая нависающую крышу. Колонны, как и развалины, были незнакомого вида.

Это были не классические колонны западного мира, унаследованные от греков — скорее, их задумали похожими на толстые стебли цветов, верхушки которых венчали полураскрытые бутоны.

Дверь, расположенная между ними, была очень широкой и выходила не в зал или коридор, но во внутренний двор, посреди которого располагался продолговатый бассейн, окаймленный по краям плавающими лотосами. Охранники у двери, тоже амазонки, мгновенно вытянулись по стойке «смирно».

На расстоянии ожидала группа женщин в белых одеяниях, которая рассыпалась по приказу жрицы, хотя расходились они неохотно, многие оглядывались на Талахасси, будто надеялись, что она отменит распоряжение Джейты. После второго приказа две женщины, прибывшие с ними из храма, отправились в ту же самую сторону, куда направились жрица и Талахасси, и они заспешили впереди с корзиной для одежды.

Когда эти двое прошли через одну из дверей, которые выходили во внутренний двор с четырех сторон, Талахасси все поняла. Джейта сообразила правильно — теперь она знала точно, куда должна идти и что сделать, чтобы не ошибиться дверью, что могло бы ее выдать. Как только расшитые дверные драпировки опустились у нее за спиной, девушка с любопытством осмотрела это незнакомое жилище.

Стены расписаны стилизованными цветами лотоса, обрамляющими голову львицы, которая точно соответствует маске, что носит ее спутница. Здесь была узкая кровать, ее четыре инкрустированных ножки напоминали лапы леопарда.

Складные столики располагались рядом с двумя креслами с прямой спинкой, ножки которых напоминали кошачьи. И еще здесь имелась обитая мягким скамья, стоящая перед более массивным предметом обстановки, состоящим из двух рядов выдвижных ящиков, пустое пространство между которыми перекрыто плитой инкрустированного дерева. На ней располагались зеркало и множество маленьких, причудливо вырезанных и разукрашенных коробочек и баночек. Когда Талахасси шагнула в глубь комнаты, она увидела себя в зеркале полностью и открыла рот от изумления.

Она смотрела в лицо незнакомке. Густая косметика вокруг глаз — линии которой тянулись далеко назад, достигая края парика, — скрывала лицо почти как маска. Ее смугловатая кожа, сам парик — она могла сойти с какой-нибудь расписанной стены гробницы в Фивах или Мемфисе!

— Ашаки! — Она не сознавала, что произнесла это имя вслух, пока сама себя не услышала.

Трудно было отвернуться от незнакомки на зеркальной поверхности. Она... она не была Ашаки. Внезапно ее руки начали дрожать. Она чуть было не выпустила жезл, который выпал бы, если не быстрое предостерегающее восклицание, заставившее ее отвести взгляд от этого обманчивого изображения.

Одна из храмовых женщин подошла к ней, держа в руках продолговатый ларец, покрытый золотом; рельефным рисун-

ком на нем выделялись те же самые медальоны, охраняющие дух, которые ей уже встречались на другом ларце — где, как давно это было? Жрица прижала пальцы к двум точкам на его поверхности, чтобы открыть крышку. Внутри мягкая обивка имела углубление, длинное и узкое, несомненно, предназначенное для жезла. Талахасси с облегчением положила его внутрь и увидела, как ларец закрыли и положили на кровать.

Затем Джейта подняла руки к затылку и нажала на него так же, как делала с ларцем для жезла. Мгновением позже маска распалась на две половины, которые приняла одна из женщин.

Талахасси обнаружила, что смотрит в лицо женщины, которая не отличается красотой. У нее был крючковатый нос, как клюв ястреба, подбородок заострялся, и казалось (когда она поворачивалась в профиль), что он изгибается навстречу этому самому клюву. Коротко остриженные волосы на голове серебрились, и она не использовала косметику, чтобы подвести глаза или подкрасить полные губы. Лицо это было лицом человека, приказам которого повинуются, и немедленно. И все же сила в нем, подумала Талахасси, не сочетается с каким-либо проявлением жестокости. Она даже выстроила в своем собственном разуме идею олицетворенной справедливости, которая лучше всего подходила Джейте.

Теперь жрица изучала Талахасси внимательно, последовательно, как художник мог бы подробно рассматривать какое-нибудь произведение своих рук, беспощадно отыскивая самую незначительную погрешность. Другие женщины отступили к двери, подняли руки в салюте и ушли. Талахасси сделала глубокий вдох и позволила себе сесть в одно из кресел.

Джейта продолжала стоять до тех пор, пока Талахасси, догадавшись о причине, не подала знак рукой своей компаньонке, указав на другое кресло. Хотя эта комната была гораздо прохладнее, чем в разрушенном храме, она хотела бы сбросить парик, избавиться от песка, налипшего на ее окрашенную кожу. Но более всего она нуждалась в информации.

Дверь приоткрылась, и Идия почти украдкой вновь проскользнула внутрь. В руках она держала прикрытую корзину, которую передала Джейте. То, что жрица вынула оттуда, оказалось ящичком, из которого свисали два шнура. Идия торопливо пододвинула один из столиков ближе, и Джейта поместила на него ящичек. Она подняла один из шнуров и插вила его твердый наконечник себе в ухо, дав Талахасси знак сделать то же самое с другим.

Девушка почти резко втокнула свободный конец в ухо и сразу же ощутила результат. Телепатия? Нет, потому что этот обмен, очевидно, происходил благодаря ящичку. Но она на самом деле приняла сообщение — не из губ в уши, но из сознания в сознание:

— Не бойся, леди.

Талахасси, уже поднявшая руку, чтобы выдернуть шнур, все же овладела своими нервами. Это было то, чего она желала больше всего: средство общения, выяснение ситуации.

— Кто вы? Где я? Как я попала сюда? — задавала она вопросы быстрым шепотом.

— Не спрашивай — до тех пор, пока не выучишь наш язык, леди. Здесь слишком много теней, которые имеют уши и рты, чтобы шепнуть в ненадежных местах то, что уловили эти уши. Я — Дочь Эпидемека, хотя многие из нашего народа, к сожалению, в эти годы отклонились от Истинного Учения.

Что же касается места, где ты находишься, — то я не могу сказать более, чем что это Империя Амона в двухтысячном году после разделения Севера и Юга. Это не твой мир. Что же касается того, как ты попала сюда, — в настоящее время это повествование по необходимости будет коротким, потому что у нас слишком мало времени. Но оно пойдет таким же манером, как детеныш следует за матерью.

То, что лежит там, — она жестом показала на упакованный теперь жезл, — является душой нашего народа. Ох, — она сделала гримасу, будто откусила чего-то очень кислото, — в наши дни много таких, кто не верит в доктрины, что сделали Амон великим под нашим Господином, Солнцем.

Они полагаются на труд своих собственных рук, говорят, что рожденное из их мыслей является только их, а не исходит из Учения Существа более высокого, чем они сами. Однако даже эти распушенные мыслители знают, что без жезла в ее руках кэндейс не отдает приказов, которым должны повиноваться. Без него она является пустым местом, так как в жезле находится вся сила ее Рода. И только один из Рода может держать его.

— Кэндейс! — Талахасси забыла о предупреждении Джейты. — Это титул древних королей Мероэ!

Глаза, обращенные к ней, сузились.

— Кто ты, говорящая о Месте Умерших?

Это требование вызвало приступ боли в голове, достаточно резкой, чтобы заставить ее поднять руку ко лбу. В нем была нота враждебности...

Глава пятая

Талахасси колебалась. Где она — оставалось главным вопросом, на который ей хотелось бы получить ответ. «Империя Амона» — это название ничего не значило для нее. Однако Джейта необычайно остро среагировала на упоминание о Мероэ. Теперь она пыталась сформулировать встречный вопрос, но более осторожно.

— Я ничего не знаю про Империю Амона, — первой сделала она свое признание. — Насколько мне известно, очень давно — может быть, две тысячи лет тому назад — здесь существовало королевство Мероэ, народ которого недолго даже владел Египтом. Но оно было уничтожено, остались только развалины и немногочисленные имена королей и королев, о которых мы в наши дни почти совсем ничего не знаем, кроме самих имен. Итак: я спрашиваю тебя — во имя милосердия, Дочь Эпидемека, где я теперь нахожусь?

Теперь наступила очередь Джейты помолчать некоторое время, которое для Талахасси тянулось очень долго. Неторопливо продумав ответ, она наконец сказала:

— Я не знаю, как много тебе известно о том, что может быть сделано с помощью древних сил. За время моей жизни только некоторые из нас, кто обучался Далекому Взгляду и Командованию Высшим Путем, постигли то, о чем я расскажу тебе сейчас. И если тебе нужно доказательство, что я говорю правду, вспомни о своем присутствии здесь.

Мы в течение многих столетий непрерывно развивали некоторые духовные способности, известные с очень древних времен. Ты говорила о Египте — подразумеваешь страну Кеми, царство Двух Корон?

Талахасси кивнула.

— Тогда ты должна знать, что последователи Внутреннего Учения там тоже имели таланты, которые были выше понимания обычных людей. Когда захватчики ворвались в Кеми, эти посвященные, вместе с некоторыми из Рода, спаслись бегством на юг, прибыв в страну Куш, где Люди Лука признали их и их учение и дали им убежище. Все больше и больше старались они направить свои познания на пользу Внутренним Путям. Потом, в свое время. Куш сам подвергся нападению — это были новые варвары с севера, а также жадные торговцы Аксума, которые хотели подавить наше могущество и захватить в свои руки все богатство, что текло через Мероз.

Снова Хранители Учения и члены Рода должны были спастись бегством — на этот раз на запад, в страну, что никогда не была связана с Кеми и где они были действительно чужими. Но в те дни они уже накопили достаточно знаний от своих опытов, что дало им силу завоевать власть над народами этой страны, которые были непросвещенными и считали Талант волшебством, которым сами они не могли управлять.

Поиск Знания продолжался длительное время. И бывали годы, когда наше руководство страной находилось под сомнением, годы, когда оставались только немногие из нас, кто мог хранить секреты, с помощью которых мы так долго побеждали. Мир вокруг нас менялся, иногда медленно, иногда быстро, когда появлялся вождь с незаурядными способ-

ностями. Из этих вождей некоторые имели Силу, и тогда мы выходили из укрытия и работали так много, как могли. Другие же учили, что человек должен рассчитывать только на свои руки и работать ими, а не заниматься внутренним духом и управлением им. И тогда нас не слушали.

Но то, что мы узнали недавно, — время движется не только в одном измерении, пробегая мимо нас подобно ленте, движущейся так быстро, что мы не можем уловить это движение. Нет, течение времени гораздо шире, так что этот мир, в котором мы движемся, расположен близко к другим мирам, существующим в том же самом пространстве, однако отделенных от нас барьерами этого иного вида времени. Так что есть миры, в которых Амон не существует, — поскольку ты говоришь мне, что он не существует в твоём мире.

— Пространственно-временные континуумы! — Талахасси изумленно посмотрела на Джейту. — Но эта теория — чистая выдумка, используемая в романах моего времени как отличный прием!

— Что бы ты ни думала об этом, мы доказали, что это правда. И разве ты не находишься здесь, в Амоне?

Талахасси облизнула внезапно пересохшие губы. Фантастическое, безумное?.. Какие другие слова она могла использовать, чтобы характеризовать такое предположение? Тем не менее было ясно, что Джейта абсолютно серьезна.

— Допустим, это так, — продолжала жрица, — и знай, что год назад некий Хасты нашел способ проломить барьер этого времени — с целью разрушить сам Амон!

Ее глубоко посаженные глаза сверкнули пламенем, и она, казалось, даже в мысленной речи выплюнула имя «Хасты» так, будто оно было непристойностью.

— Мы, самый древний народ, владели двумя сокровищами в те далекие дни, когда впервые бежали в Куш. Но главное — то, что предмет, на котором долго фокусировалась Сила, становится, в свою очередь,местилищем этой силы, иногда столь могучей, что только обученные и те, кто принадлежит к Роду, могут коснуться его и остаться в живых.

— Жезл. — Талахасси бросила взгляд на ларец на кровати.

— Жезл, в котором столетиями собиралась мысленная сила членов Рода. Даже я, кто может управлять Ключом Жизни, не осмеливаюсь положить на него незащищенную руку.

— Тогда почему же я могу? — засомневалась Талахасси.

— Этого я не знаю, хотя у меня есть два предположения; сущность первого в том, что в своем мире ты являешься аналогом принцессы Ашаки, которая отдала свою жизнь, чтобы вернуть обратно то, что было украдено. Второе — это то, что, раз ты приходишь из другого мира, твоя внутренняя сила имеет иную природу и скорее отталкивает, чем притягивает Силу, заключенную в жезле. Но это сейчас не важно. Я должна рассказать тебе то, что тебе необходимо знать, и быстро — у нас нет времени, чтобы говорить об абстрактных вещах. И здесь есть такие, кто насторожится, как только они узнают, что жезл возвращен.

Он был захвачен тварью, созданной Хасти, а сам Хасти действует за спиной сына последнего Фараона, Юсеркэфа. У нас было много королей, и они правили по праву своего рождения, неподвластные воле любого мужчины. Если они брали супруга, он находился в стороне от власти и не мог править от их имени. Не может этого и Юсеркэф, и это для него большое место. А наша кэндейс была самым старшим ребенком сестры короля Пафора и, таким образом, наследницей.

Новые люди среди нас — те, кто неугомонен и хочет уничтожить наследие нашего прошлого, — они стараются идти чуждыми путями. И Идайзи, которая является старшей женой Юсеркэфа, хотела бы стать королевой. Поэтому ради власти она заигрывает с Хасти и его знанием.

Создание Хасти было послано в мир за временным барьером, чтобы оно спрятало там Жезл. Там оно было освобождено, чтобы притягивать силу тех, кто родственен Хасти по образу мысли, — тех, кто ненавидел правление женщин — для получения энергии и помощи. Из-за этого кэндейс не могла предстать перед народом на Празднике Середины Го-

да с жезлом в руке. И из-за этой кражи она могла потерять трон. Однако это не удалось провести тайно, как Хасти планировал, и когда жезл на самом деле исчез, нашелся способ узнать, что он сделал и каким образом. Тем не менее нам потребовалось много исследований и экспериментов, прежде чем мы смогли решиться сами попытаться отворить ту же самую дверь. И Ключ, которым мы владели, в последний момент был захвачен — остались только мертвые охранники, чтобы напоминать, что мы когда-то им обладали. Ибо Ключ и жезл связаны между собой, и один всегда может указать путь к другому.

Нам стало ясно, что кто-то, обладающий силой, чтобы держать жезл, и способный к мысленному поиску его, должен таким же способом проделать дверь в параллельное время — хотя это было отчаянным и, возможно, смертельно опасным делом. И принцесса Ашаки, чье обличье ты приняла, поклялась, что это рискованное предприятие должна выполнить лишь она, так как кэндейс нельзя было рисковать, в этом поколении других Чистокровных нет, такими редкими стали теперь наши ряды. Потому мы отправились к самому святому месту, где вибрации Силы были наибольшими, и там принцесса бросила себя в неведомое. Там ей пришлось встретиться с могучей силой некоей ненависти, похожей на ненависть Хасти.

Кэри? Мысль Талахасси ухватилась и замерла на человеке, так откровенно выражавшем свою неприязнь... Весьма вероятно, именно Кэри, независимо от его отношения или веры, сфокусировал враждебность.

— Когда она возвращалась... — Джейта помедлила и затем продолжала, — то, наверное, потому что ты тоже положила руку на жезл, она вынуждена была тащить с собой и тебя.

А это была чрезмерно большая нагрузка на Талант, который мы собрали у наших сторонников. Таким образом, она ушла от нас, хотя и выполнила великую задачу, которую сама же на себя и взвалила. К тому же ей препятствовало это создание Хасти, преследовало ее, — возможно, ей пришлось

бороться и с ним в твоём времени. Хотя оно пришло вслед за вами... но, — теперь мысль Джейты выражала полное удовлетворение, — мне удалось заблокировать его с той стороны, так как Ключ и жезл вернулись. Я не знаю, удалось ли его хозяину вытащить его назад с помощью какого-нибудь из тех безнравственных способов, какими он пользуется, но если удалось — тогда Хасты знает, что мы сделали. Юсеркэф также знает, поскольку это были личные охранники его семьи — те, кто ворвались к нам в Мероэ и были вынуждены признать, что они не имели права вторгаться к Дочери Рода.

Наконец в объяснении Джейты появилась логика, хотя и безумная, как это могло казаться Талахасси. Если бы она могла принять все это как действительность, тогда факт ее внезапного переноса сюда становился понятным.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она. Выражение изумления на миг изменило жесткие, как гипсовая маска, черты лица Джейты.

— Неужели непонятно? Кэндейс, которая знает обо всем этом, — за исключением гибели Ашаки (хотя сообщение об этом уже на пути к ней), — сейчас на севере с официальным визитом у Народа Моря. Она должна вернуться к началу Праздника Середины Года. К этому времени нам нужно иметь жезл приготовленным для ее руки. Но для всех остальных ты должна быть Ашаки! Те, кто находился с нами в Мероэ, принадлежат ко второму кругу Жрецов и Посвященных. Они поклялись молчать об этом деле, ибо я нуждалась в их силе, объединенной с моей, чтобы осветить путь для возвращения Ашаки. Но в Амоне ты — принцесса-наследница и должна быть ею...

— А если я не хочу помогать твоим планам? Я оказалась втянута в это не по своей воле...

— Каким образом? — задала Джейта встречный вопрос.

Талахасси обнаружила, что рассказывает о безумном происшествии ночью в музее и каким образом она была вынуждена следовать за анхом к жезлу, о «присутствиях», которые она ощущала во время этого странного противоборства воле.

— Создание Хасти. Это оно украло Ключ и спрятало его таким образом. Оно надеялось добраться до жезла раньше, чем принцесса прорвалась бы, чтобы потребовать его. Именно оно положило на него твою руку и таким образом привело принцессу к смерти.

— Ты говоришь — «создание». Что ты имеешь в виду? — спросила Талахасси.

Минуту или две ей казалось, что Джейта не собирается отвечать. Затем сообщение пришло, хотя и с явной неохотой.

— Мы не знаем, как и где обнаружил Хасти это существо или как он забросил своего слугу с жезлом в другой, твой мир и затем послал следом за ним Ключ. Он установил вокруг своего места работы экраны, природу которых мы не можем понять. А те, у кого есть наш Талант, не отваживаются шпионить за ним, потому что могут быть немедленно обнаружены каким-то необъяснимым путем посредством его собственной особой силы, которую мы обнаружили, когда пропал жезл. Быть раскрытым Хасти — это смерть, мы так думаем, — ибо ни один из тех, кого мы посылали, не вернулся, и затем мы не смогли найти их с помощью личного сканера. Они... они просто исчезли. Но его слуга, выполнивший это дело, — он, она или оно — не мог быть из тех, кто обладал Талантом. Ибо это регистрируется определенными устройствами, помогающими нашему мысленному наблюдению, а этого не произошло. Известно только, что, вероятно, было какое-то изменение в воре-посланце, которого он отправил.

Ты говоришь, что видела принцессу только как тень, и этот другой был также тенью — духом в твоём мире. Ну что ж, — в голосе Джейты вновь было удовлетворение, — этот другой останется духом, поскольку Ключ воспротивился возвращению создания!

— Если я сыграю эту роль, как ты желаешь... — Талахасси пристально смотрела прямо в глаза женщины, когда формулировала эту мысль со всей силой, которую могла собрать. — Затем, когда это будет сделано и твоя Королева будет опять

в безопасности, сможешь ты вернуть меня в мое собственное время?

— Скажу тебе правду. Как с этим обстоит дело, я не знаю. Но если Юсеркэф будет побежден и все будет хорошо, то, может быть, кэндейс сможет выполнить это. Если так — она будет поддержана силой всех нас, кто обладает Талантом.

— Но ты не уверена? — упорствовала девушка.

— Не уверена, — согласилась жрица. — Что мы сможем сделать, мы сделаем. Однако... сейчас нам нужно начать действовать, или все, ради чего мы зашли так далеко, будет потеряно.

В этой фразе была непреклонная решимость, и Талахасси снова насторожилась.

— Что?

— Ты должна стать Ашаки — не только внешне, как сейчас, но и внутренне, — овладев ее воспоминаниями и знанием.

Талахасси понимала разумность этого, но ведь это займет много времени, и сможет ли она хорошо выучить язык, а также все мельчайшие особенности жизни девушки, которую заменила? И разве имели они недели?

— Это займет долгое время...

Джейта встряхнула головой.

— Мы не можем дать тебе Талант, если ты не рождена с ним. Но все остальное может быть перемещено в сознание из наших архивов...

— Из чего?

— Сокровищница знаний принадлежит всем тем, кто следует путем Силы, а также тем из Рода, кто будет править.

Жезл, — она жестом показала на ларец. — Это их по праву, но он не обогащает память. Однако все мы, кто имеет Талант, дважды в год приходим в обитель и там отдаем свои воспоминания в лоно Великой Силы. Таким образом, если я хочу узнать, о чем размышляла Дочь Эпидемека, которая была до меня, я иду в эту сокровищницу и получаю память той, что, может быть, жила два поколения тому назад и но-

сила Золотую Маску. Ты должна узнать то, что знала принцесса Ашаки...

— Компьютерные банки памяти! — перебила Талахасси, возбужденная тем, что может провести такое отождествление со своим миром.

— Я не понимаю, — ответила Джейта. — Изображение на твоём мозгу — оно чуждое — похоже на те вещи, которыми пользуется Хасти. Но кто знает, какую форму принимает Знание в другом временном мире? Здесь есть еще один человек, которого мы должны посвятить в твою тайну, так как только он имеет достаточно силы, чтобы применить мою печать и открыть для использования память Ашаки. Я уже послала за ним, и, если судьба к нам благосклонна, он появится здесь перед рассветом. Теперь я настоятельно советую тебе — ешь, спи, отдохни хорошенько, ибо то, что тебе предстоит, является непростой задачей. Мы пользуемся такими записями только в исключительных случаях. Тебе придется впитать очень многое и сделать это так быстро, как только возможно.

Джейта вытащила наконечник у себя из уха, смотала провода и аккуратно положила их на крышку ящичка, стоящего между ними. На хлопок ее рук явилась Идия и поклонилась.

Наконец Талахасси могла сбросить парик, голова казалась необычно легкой без его удручающей тяжести. Но когда она в зеркале кинула взгляд на свою остриженную голову, то немного испугалась. Неужели она действительно так безобразно выглядит без волос? Ей бы хотелось, чтобы леди Амона не придерживались этого шепетильного наследия Египта. Другая занавешенная дверь вела в купальню, где она с удовольствием окунулась, смыв оставшийся песок пустыни, хотя заметила, что краситель, наложенный в храме на ее кожу, не исчезает.

Обернув вокруг себя широкий прямоугольник из мягкой хлопчатобумажной ткани и вернувшись в другую комнату, она обнаружила Идию, ставящую поднос с блюдами, на которых лежала небольшая жареная птица, какие-то фрукты, которые Талахасси определила как ломтики дыни и маленькие крас-

новатые бананы, и хлеб, нарезанный тонкими пластинками и намазанный, по всей вероятности, джемом из фиников.

Теперь стало темнее, и с наступлением темноты засверкали два светильника, сделанные в форме свечи, на которых не плясало пламя; напротив, сияние было рассеяно по всей их длине. Идия оставила ее одну, и у Талахасси появилось время подумать, пока она ела. Если она сможет принять эту первую предпосылку косвенных путешествий посредством необщепринятой теории перпендикулярного перемещения во времени, — тогда все становилось на свои места. Однако теперь ее беспокоили мысли, как она воспримет бережно хранимые воспоминания Ашаки. Конечно, это поможет ей в изучении языка. А если она сыграет роль принцессы настолько хорошо, что сможет узнавать людей и знакомые места, то будет в большей безопасности, чем теперь. Но было еще неясно, как она пройдет этот вызывающий опасения курс и как он изменит ее разум.

Осмелится ли она позволить такое рискованное вмешательство? Нужно потребовать от Джейты полной информации, что могут повлечь за собой такие действия, причем немедленно, как только увидит жрицу снава. Покончив с едой, Талахасси обошла комнату, затем стала внимательно рассматривать принадлежности на туалетном столике. Она протянула было руку, чтобы выдвинуть один из ящиков, но затем воздержалась, решив, что при всем ее любопытстве, касающегося девушки, которой ей теперь предполагалось быть, не следовало рыться в чужих вещах.

Раздалось мягкое «мур-р-р», и из-под края наружного дверного занавеса один за другим бесшумно проскользнули котята, которых она встретила в саду. Здесь они, видимо, были дома, поскольку стали носиться прыжками друг за другом по кровати, скача через нее, затем перепрыгнули с ее края на крышку туалетного столика, где мягко приземлились и с легкостью, свидетельствующей о долгой практике, прошлись среди флаконов и баночек, стоящих на нем. Наконец они вернулись на кровать и свернулись там клубочками; один из

них сонно взирал на Талахасси над выгнутой спинкой другого, как бы спрашивая, почему она не присоединяется к ним.

Но ей спать вовсе не хотелось. Кусок ткани, обнаруженный ею на скамейке возле купальни, с трудом удалось использовать в качестве одежды, и она не рисковала вылезать из него. И не желала вновь брать парик, который теперь находился на подставке перед зеркалом — приподнятая голова кобры на диадеме, казалось, следила за ней сознательным взглядом маленьких алмазных глаз. Идия, вернувшаяся за подносом, на котором приносила ужин, ободряюще улыбнулась Талахасси и протянула руку к чаше светильника в форме свечи, не касаясь его светящейся поверхности. Когда она опустила пальцы вдоль него, свет померк. Талахасси поняла инструкцию, данную в виде простого жеста, улыбнулась в ответ и кивнула.

Тотчас же ее потянуло ко сну. Это был длинный день — или, может быть, дни. Впервые она задала себе вопрос, когда она выскользнула из ткани и нырнула в кровать, стараясь не беспокоить котят, что же произошло там, в ее собственном времени и месте? Как они объяснят ее исчезновение? Решат ли они, что она взяла не только их таинственную находку, но и жезл? Что же касается доктора Кэри, подумала она, он никогда не поверит тому, что случилось. Возможно, для нее даже лучше, что она перенеслась сюда, а не осталась в музее рассказывать ему фантастическую историю, которую вынуждена была бы излагать, когда бы настоящая Ашаки выполнила свой смертельно опасный долг.

Один из котят сменил позу и положил голову на ее ногу, будто это подушка. Это было реальностью, здесь и сейчас, она больше не могла этого отрицать. Потому она погрузилась в сон гораздо скорее, чем могла предполагать.

Талахасси пробудилась от тяжести на груди и, немного ошеломленная этим, открыла глаза, чтобы обнаружить прямо перед собой кошачью мордочку. Маленький рот издал нетерпеливое мяуканье, и она увидела, что из-под дверного занавеса в комнату пробиваются лучи солнечного света. Минутой позже вошла Мэйкда. Было очевидно, что она

взволнованна, потому что начала показывать жестами, как только заметила, что Талахасси за ней наблюдает, давая понять, что нужно вставать, и как можно быстрее.

Котенок зашипел, когда девушка осторожно сдвинула его к краю, чтобы соскользнуть с постели. Мэйкда опять начала жестикулировать — на этот раз показывая на дверь купальни.

Талахасси обнаружила, что купальня вновь наполнена водой, на этот раз ее поверхность усыпана лепестками цветов; рядом с купальней стояли два открытых горшочка, издающих странный, душистый запах. Она искупалась и вытерлась полотенцем, поданным Мэйкдой, а затем, по ее указанию, зачерпнула пальцами жирный, ароматный крем из горшочка, который понравился ей больше, и начала втирать его в свою ставшую темной кожу. Запах вещества, которое она использовала, был не очень сильным, но достаточно ароматным, чтобы доставить удовольствие.

На сей раз платье, которое Мэйкда держала для нее наготове, не было строгим белым одеянием жрицы, но скорее походило по стилю на восточный халат с поясом, широко распространенный в ее собственном мире. Оно было нежного светло-розового цвета, края широких рукавов расшиты золотыми нитками, ширина этой каймы составляла шесть дюймов; пояс из золотых звеньев, охватывающий ее стройные бедра, прижимал складки к телу.

Мэйкда энергично принялась за работу и наложила ей толстый слой косметики вокруг глаз. Но Талахасси была рада видеть, что она не потянулась за тяжелым париком. Вместо этого женщина достала из одного из ящиков туалетного столика маленькую, похожую на тюрбан шапочку из золотой сетки и из этого же ящика она взяла шкатулку, из которой вынула широкий воротник, почти покрывающий плечи и опускающийся на грудь Талахасси. Он был отделан рядами мелкого орнамента из розового кварца, прозрачного хрусталя и покрытого эмалью металла — все оправлено в золото.

Талахасси осматривала результат их совместных усилий по созданию безупречного туалета принцессы, в то время как

Мэйкда стояла сзади, застегивая воротник-ожерелье. Варварский наряд? Не совсем, решила девушка. Более похоже на утонченную игру в варварство, что-то вроде тех причуд, что временами становились модными, основанные, в частности, на рисунках Африки, Южной Америки, майя, в качестве их источника. Ожерелье имело значительный вес, и она поводила плечами, пытаясь приспособиться к его тяжести.

— Ашаки!

Голос мужчины прямо за дверным занавесом. Рука Мэйкды взлетела к губам, лицо ее выражало испуг.

— Ашаки! — В оклике прозвучало растущее нетерпение, и Талахасси решила, что тот, кто стоял там, не был расположен откладывать встречу. Кто мог быть так близок к ней, чтобы окликать принцессу крови таким образом? Кузен, имеющий виды на трон? Глубоко вздохнув, Талахасси поднялась. Медлить было бесполезно — рано или поздно ей придется столкнуться лицом к лицу с тем, кто так нетерпеливо требовал ее присутствия.

Она направилась к двери. Мэйкда в отчаянии всплеснула руками. Однако девушка, внимательно посмотрев на младшую жрицу, когда проходила мимо, подумала, что не заметила в ней никакого страха. Была бы она испугана, если бы это был Юсеркэф? По-видимому, теперь она согласилась с Талахасси, что с незнакомцем нужно встретиться, так как пошла к двери, чтобы откинуть занавес.

Талахасси, увидев, кто стоял за дверью, застыла, но все же смогла произнести имя:

— Джейсон!

Глава шестая

Но уже в тот миг, когда Талахасси произносила это имя, она поняла, что это не Джейсон, которого она знала всю свою жизнь. У него были черты лица Джейсона, но Джейсоном он быть не мог.

— Ашаки? — Теперь он произнес ее имя не требовательным, а скорее вопросительным тоном, и по мере того как он пристально разглядывал ее, выражение радости на его лице постепенно перешло в замешательство.

Трудно было поверить, что этот мужчина не Джейсон, хотя одежда, которую он носил, имеющая сходство с формой солдат, первыми ворвавшихся в храм (и все же отличающаяся от нее ржаво-коричневым цветом и, кроме того, украшениями из сверкающего золота на воротнике и головой льва на груди), определенно не имела отношения к Джейсону ее мира. И не могло быть у него широких золотых браслетов на запястьях и поблескивающего на одном боку пояса с кинжалом с рукоятью из драгоценного металла.

— Херихор!

Из сводчатого прохода, находящегося сбоку от бассейна, появилась торопящаяся Джейта. Как и у Талахасси, ее голова была теперь покрыта тюрбаном, таким же маленьким, но она по-прежнему носила простое белое платье, как знак ее положения.

Он повернул голову и затем отсалютовал ей, будто приветствуя пост, который она занимала, прежде чем разразиться речью, чему помешала поспешно поднявшаяся рука Джейты, призывающая к молчанию, в то время как сама она огляделась вокруг, как бы желая убедиться, что другого слушателя, кроме Мэйкды, поблизости нет.

Потом она повелительно подозвала их, и оба они — Джейсон (нет, Херихор) и Талахасси — последовали за ней.

Они миновали бассейн и пришли в другую комнату, где стоял стол, заваленный листами плотной бумаги, некоторые из которых были свернуты в рулоны. А стены... в других обстоятельствах Талахасси нетерпеливо бы принялась изучать все находящееся здесь. Нигде, кроме музея, она никогда не видела такого множества артефактов, которые лежали и стояли на полках, покрывающих стены почти от пола до потолка. Джейта указала Талахасси на кресло и пододвинула к нему два стула.

Речь жрицы была быстрой, отрывистой, и Талахасси могла предполагать по незначительным изменениям в выражении лица мужчины, что она, должно быть, пересказывает недавние события.

Сначала девушке показалось, что он отказался принять то, что услышал. Затем он взглянул на Талахасси так оценивающе, что она была убеждена, что теперь он поверил сообщению жрицы. Возможно, в этом мире такие вещи не были необычными. И в то время как выражение его лица менялось, он становился все менее и менее похож на Джейсона. В линиях рта появилась жестокость, какой она никогда не видела у своего кузена. Дважды его рука инстинктивно хваталась за рукоятку кинжала на поясе, как будто он с трудом сдерживал побуждение вытащить оружие. Чтобы использовать против нее? Когда он в первый раз окликнул ее, в его голосе была нежная нотка, что наводила на мысль о каких-то эмоциональных связях с Ашаки, существовавшей прежде.

Теперь он так внимательно вслушивался в то, что говорила Джейта, будто ее слова могли быть приговором, имеющим к нему непосредственное отношение. Когда жрица закончила, он ответил ровным холодным голосом, ни разу больше не взглянув на Талахасси. Затем он встал и стремительно вышел из комнаты, вновь вызвав у нее мимолетное воспоминание о Джейсоне, который точно так же выразительно распрямлял плечи, когда был раздражен, независимо от того, давал ли он выход своему раздражению или нет.

Джейта проводила его взглядом, приподняв руку, будто хотела остановить. Затем покачала головой, по-видимому, в ответ на свои собственные мысли, и снова подозвала Талахасси.

Они вернулись обратно в комнату девушки, где Мэйкла и Идия сдвинули вместе два маленьких столика у кровати: они должны были поддерживать ящик, из которого вели изолированные провода. Это была не та же самая аппаратура, которой они пользовались для общения, ибо на этот раз оба провода присоединялись к одному обручу. Джейта жестом

показала Талахасси на кровать и потянулась снять маленький тюрбан, прежде чем девушка вполне осознала, что она собирается делать.

Талахасси опасливо рассматривала обруч. Ей не нравилась мысль использовать его, хотя жрица, по-видимому, считала это необходимым. Но если говорить честно, был ли у нее выбор? Не следовало действовать здесь вслепую.

А если это устройство начинит ее фактами, даст ей знание, которого ей недоставало, то она действительно не имеет права отказываться. Однако ей все же хотелось отказаться, особенно в тот момент, когда Джейта укрепила обруч у нее на голове и подтолкнула ее на узкую кровать.

Жрица взяла у Мэйкды очень маленький флакончик и проткнула булавкой его конец, плотно закрытый чехлом из туго натянутой кожи. Прежде чем Талахасси смогла уклониться, она быстрым движением сунула флакончик девушке под нос. Станный ароматный запах...

Талахасси не сразу обрела ясность ума после этого вынужденного сна, когда открыла глаза, чтобы увидеть Идию, сидящую на скамеечке у изголовья кровати. Кажется... на голове что-то было? Или нет? Но теперь это исчезло...

Индуктор памяти!

— Проснулась, Великая Леди?

— Да. — Затем Талахасси осознала, что ответила на том же самом языке, на каком был задан вопрос.

Она была... она была Ашаки из Рода. Но она была также и кто-то еще. Талахасси нахмурилась, пытаясь объединить одну память с другой. Идия заторопилась за занавес. Аппарат исчез.

Это свершилось — она села на кровати, испытывая необычную слабость в теле, как будто была тяжело больна, и сразу же попробовала встать на ноги, но вынуждена была некоторое время держаться за кровать. Это моя комната. Она могла рассматривать каждый отдельный предмет в ней как привычный и хорошо знакомый, они были очень дороги ей

по прошлым ассоциациям. Но это воспоминания Ашаки, а не мои, поспешила сообщить другая часть ее сознания. По крайней мере с ней не случилось, чего она более всего боялась, — она не лишилась своей собственной личности, невзирая на то, что теперь могла обращаться к прошлым воспоминаниям умершей девушки.

Только... у нее заныла голова, и она стиснула ее руками.

Так много информации... Ей необходимо время — чтобы рассортировать то, что узнала. И с этими воспоминаниями пришел страх, больше не за себя, а тот страх, который был у принцессы, страх, который вынудил Ашаки взяться за опасное предприятие, завершившееся ее смертью.

— Получилось? — Это прозвучало не как утверждение, а как вопрос. Джейта вошла в комнату быстрым скользющим шагом.

— Я помню... слишком много... — ответила Талахасси.

— Этих знаний не может быть слишком много, Великая Леди. Ибо ты должна сыграть роль не только перед теми, кто любит тебя и желает тебе добра, но и перед теми, кто высматривает то, что может быть использовано против тебя. Времени у нас даже меньше, чем мы думали. К тому же мы подверглись нападению слепящего луча, лишившего нас связи с храмом в Новой Напате. В то же время принц-главнокомандующий принес новости...

Джейта ходила взад и вперед, как могучая львица, на которую она была похожа, запертая в клетке. В выражении ее лица было не просто беспокойство. В нем теперь появилось ощущение приближающейся беды.

— Ты должна выслушать принца. — Она опять резко повернулась к Талахасси. — Тайные агенты доставили ему новости еще более скверные, чем мы могли вообразить.

Херихор — опознала принца память Ашаки. Не Джейсон.

Он был из Рода, но младшей ветви, и являлся главнокомандующим основных мужских пограничных войск на севере. И... он был помолвлен с Ашаки с детских лет, хотя они не

могли вступить в брак, пока последователи Великого Учения не позволили бы принцессе прекратить участвовать в этой деятельности.

— Я... я не могу ясно мыслить, — запротестовала Талахасси, массируя ладонями ноющую голову, как будто могла таким образом избавиться от боли.

— Мэйкда принесет целебный напиток. Выпей его весь, Великая Леди. Мне бы хотелось, чтобы ты действительно смогла отдохнуть сегодня. Но время уходит — мы не можем теперь знать, что происходит где-нибудь в другом месте, пока находимся тут. Кэндейс... есть сообщение, что неожиданные бури в пустынных землях препятствуют ее возвращению. Она может так задержаться, что Праздник Середины Года свалится на нас прежде, чем она прибудет. Принц-главнокомандующий послал к ней с сообщением двух самых верных офицеров. Никто из них не вернулся. Нам сообщили, что этими бурями повреждены все средства связи. Но те, кто распоряжается посылкой сигналов, могут вполне быть ставленниками Юсеркэфа. Да проглотит его Сет!

Младшая жрица вернулась, неся бокал, и стала на колени, чтобы вручить его Талахасси. Она с сомнением принялась к запаху бесцветной жидкости, но память подкрепила ее догадку, что это просто укрепляющее.

И Джейсон — Херихор — вошел как раз в тот момент, когда она сделала большой глоток, скривившись от горького привкуса. У него было каменное лицо, и он не встречался с ней глазами, глядя через ее голову. Если он действительно любил Ашаки, а память теперь настойчиво утверждала, что любил, то должен ненавидеть ее. Талахасси испытала слабое сожаление о том, что он так неразговорчив, хотя понимала, что он хотел лишь сказать то, что должно быть сказано, и затем быстро уйти, чтобы не видеть ее.

— Я не могу рассеять слепящий луч, — кратко начал он. — Но здесь нет ошибки, он идет с юго-запада. А Четвертая армия Ашанти находится между нами и Напатой.

Из ее памяти выскочило имя.

— Айтуа? — спросила Талахасси.

Херихор кивнул:

— Айтуа и, возможно, также Укайя. Я не знаю, как далеко распространилось гниение. Достоверно известно, что Хасты имел встречу — втайне от других — с обоими нашими уважаемыми родственниками и немногими избранными из армии.

Было подмечено, что они не вызвали ни генерала Шабека, ни маршала Настазена. И полковник Намлия ничего не знала до тех пор, пока не стало уже поздно ставить какую бы то ни было стражу. Они осмелились войти в Южный Дворец без надлежащего разрешения. И, — он пожал плечами, — имели с собой что-то такое, что побеждало любую нашу защиту. Хасты наобещал много в отношении нового оборудования, и, возможно, теперь создает его. Двое из моих лучших людей, посланные следить за ними, исчезли — даже их персональный контроль не подсказывает, где они находятся...

— Мертвы? — Талахасси пока что с трудом обращалась к нужным воспоминаниям, чтобы понять то, что он говорил.

— Нет... по крайней мере личность их не стерта. А я имею лучшего наблюдателя для поиска на этом уровне.

Наблюдатель, подсказала память Ашаки — некто, обученный удивительному и, для Талахасси, непонятному учению храмов, где, по-видимому, психометрия, все еще едва понимаемая в ее мире, могла быть приспособлена для точного и конкретного использования при обнаружении людей.

— Я ходил к Зихларзу. — Теперь Херихор расхаживал взад и вперед в той же самой манере хищника, заключенного в клетку, как раньше делала жрица. — Он говорит, что то, чем пользуется Хасты, не соответствует ни одному устройству, рожденному Высшим Знанием, и что даже с сосредоточенной Силой он сам теперь не может уловить мысли более чем половины подозреваемых офицеров и советников.

Джейта воскликнула:

— Что же сотворил этот слуга Сета, что может противостоять Высшему Знанию?

— Это твоя сфера деятельности, а не моя, Дочь Эпидемека, — огрызнулся Херихор. — Я только знаю, что три флэера, пытавшиеся парить над Южным Дворцом, разбились. И пилоты были мертвы, когда мы нашли их. Я сделал все, а также вызвал войска, в которых действительно уверен. Это в основном личная охрана кэндейс и северные армии. Мы можем, например, с помощью войск взять ворота, хотя если совершим это, то можем вполне спровоцировать тот самый бунт, которого опасаемся. Налдамак должна вернуться. Я привел гвардию в состояние готовности. Но то, что есть у Хасти... — Он развел руками. — Он, возможно, даже способен сбить флэер, на котором она прилетит, хотя мы пытались проверить это предположение в течение последних двух дней. Похоже, что, какие бы ни были его возможности, у них есть предел. Мы были глупцами, что не приставили к нему надежную стражу с самого начала. Глупцами! — Он ударил кулаком по ладони другой руки.

— То, что происходит, — набросился он на Джейту, словно обвиняя ее в каком-то преступлении, — это от слишком большой веры в единственный путь Силы. Хасти далеко обогнал Великое Знание, могу поклясться в этом!

— Он полагается на труд человеческих рук. — Джейта выглядела такой же рассерженной, как и принц. — Человек же не может действовать один без поддержки высших сил.

— Не может? Скажи это моим погибшим воинам, Дочь Эпидемека. Они умерли, задохнувшись, как будто были листьями, которые кружит буря. И не сила Великого Знания сделала это! И даже Зихларз, который, как считают, вмещает в себе высшую степень вашего знания, не может объяснить это. Хасти необходимо остановить — но скажи мне, как? Я больше не буду бесполезно посылать людей в смертельную западню.

Джейта, похоже, подавила в себе минутную вспышку гнева.

— Мы осуществили то, что задумали. Жезл и Ключ находятся в безопасности, в наших руках...

— Ценой еще одной смерти! — бросил он ей.

— Даже если бы это была цена нас всех из Круга Таланта, тем не менее мы отдали бы за это свои жизни, — ответила она спокойно.

— Я знаю, — сказал он негромко. — Я знаю, почему она должна была уйти. Но от этого ее потерю переносить не легче.

А что, если жезл и Ключ не являются ответом? Что, если Хасти открыл что-то, что еще сильнее?..

— Нет! — уверенно прозвучал голос Джейты. — Мы работали над собой сотни веков, чтобы достичь того, что имеем.

Я не верю, чтобы какая-то вещь из металла способна противостоять Великому Знанию, которому мы служим и которое поддерживает жизнь в самом этом мире! Если этот человек попытается...

— Я не из Храма, дочь Эпидемека, — ответил Херихор резко. — И я видел в прошлом, что Веру Избранных возможно совершенствовать. Разве не они заставили пустыню цвести и плодоносить, укрепили нашу расу, пока мы не встали твердо против варваров севера и юга? Ни один человек этого не отрицает: что сделано, то сделано. Но если Хасти создал что-то еще, тогда мы должны принять это, потому что даже Великое Знание может оказаться под угрозой.

Великое Знание. Талахасси пыталась прислушиваться к диспуту, развернувшемуся перед ней, хотя бы краем уха, попыталась извлечь воспоминание (или ряд воспоминаний), касающееся природы этого. Но на поверхность отчетливо всплыла вся жизнь Амона и ее место в ней, однако когда она попыталась вызвать совсем другое воспоминание... Нет, вызывать его — все равно что пытаться поймать клочки порхающих теней руками. По-видимому, принцесса не регистрировала этого, возможно, считая слишком секретным, чтобы хранить где-то, откуда оно могло быть извлечено.

Она могла извлечь историю этого временного уровня из своей нынешней памяти. Египет, который в ее собственном мире славился огромным количеством культов, стал первоисточником оккультного учения, поскольку действитель-

но открыл в свое время и усовершенствовал тип мозгового контроля и общее сверхчувственное восприятие — доступные только специально обученным жрецам и королевской династии, что ограничивало развитие этих культов, в мире Талахасси в современное время уже только утверждавших, что когда-то они имели эти способности.

Хотя Египет стал затем добычей захватчиков, сперва греческих, а потом римских, как в истории ее собственного мира, он не исчез. Отступив на юг к Кушу, современному Судану, выжившие члены Теократии вновь довели свою цивилизацию до высшего уровня с помощью их учения. Арабы территории современной Эфиопии попытались вторгнуться к ним, но были отброшены во время войны, которая снова обескровила основное ядро жречества — напряженное использование своей силы привело к смерти или к мыслительному коллапсу многих из них. Так пало Мероэ, но при этом горстка беженцев — королевская семья и те, кто остался из обладавших Знанием — спаслась бегством на запад.

За время последующих поколений было очень мало таких, кто проявлял способность к обучению, чтобы поддерживать жизнедеятельность замкнутого Круга обладателей Таланта.

Таким образом их ряды в более позднее время истощились, однако через несколько поколений после их бегства на запад на трон взошел король с необычайно сильным Талантом. По очень древнему обычаю Рода, он женился на своей сводной сестре, которая уже прошла три из четырех стадий, ведущих к полному обладанию Силой. Вместе они заложили основы Империи. Это оказалось весьма благоприятное время, рассматриваемое теперь как Золотой век, потому что тогда за короткое время родилось множество имеющих Талант, а некоторые из них стали к тому же правителями провинций, захваченных расширяющейся Империей.

Затем последовал пик процветания и успеха, длившийся около двух веков. Их спокойному существованию благоприятствовал тот факт, что в этом мире не появился Магомет и не распространил ислам, заливший кровью централь-

ноазиатские государства, как случилось в истории, которую знала Талахасси.

Среди низших классов постепенно распространилось коптское христианство, но стойкое внутреннее ядро правителей и должностных лиц осталось почти фанатически привязанным к Великому Знанию. И в королевской династии продолжали рождаться те, кто обладал Талантом.

Европа, как узнала Талахасси из своей новоприобретенной памяти, не вмешивалась. Хотя торговые корабли из Португалии, Испании и Англии посещали порты Империи, северяне не решились на попытку такого завоевания, которое принесло бы проклятие работорговли на этот континент. Со времени появления европейцев Империя установила тесные торговые связи с Индией, Китаем и Дальним Востоком. С тех пор Мероэ-Египетская цивилизация развивалась беспрепятственно, их собственные изобретения и оборонительные средства сравнивались, если не превзошли то, что привозили торговцы.

С древности искусные в выплавке металла и под руководством Великого Знания, которое планировало и экспериментировало, народ Амона создал современную цивилизацию на одном уровне с любой из высоко поднявшихся африканских наций ее мира, однако гораздо более стабильную благодаря глубокой вере, из которой он столетиями черпал вдохновение.

Теперь наконец она оказалась под угрозой, но не снаружи, а изнутри. Вновь произошел заметный спад рождений обладающих Талантом. Ашаки была единственной в королевской семье за два поколения, обладающей Силой. И потому, что количество таких сильно уменьшилось, стало обсуждаться, чтобы правители Амона должны применять другие способы для его защиты.

Сила сама по себе была традиционна, так что поначалу к Хасти прислушивались лишь немногие. Зависть Юсеркэфа и непритворная ненависть его главной жены к его королевским кузинам, чьи достоинства были несравненно выше, чем у нее, что она даже не могла надеяться сравняться, — все

это дало Хасти шанс. Его собственное происхождение было темным, так как он появился лишь несколько лет назад, держался в стороне от храма, но добился поддержки Юсеркэфа.

Джейта гордо выпрямилась.

— Никакой разум не работает без благосклонности Того, Кто Стоит За Пределом Измерения. Если такое случится, тогда порвутся связи между нами и людьми. Погляди на жителей севера с их постоянными войнами, голодом, мором... Разве народ Амона сталкивался с этим хоть раз на протяжении сотен веков? Мы открыли наши сердца всему живому вокруг, и таким образом через нас дух жизни льется в руки земледельца, ухаживающего за хлебными злаками, скотовода с его стадами. Наши люди грезят красотой, и она рождается под их пальцами. Если мы сажаем дерево, разве оставляем его на произвол судьбы? О нет! Тот, кто сажает, вкладывает в него дух жизни, который опять стремится наружу, чтобы помочь росту корней под землей. Мы — строители, а не разрушители, и если мы отвернемся от истины, то и в самом деле погибнем.

— Но сколько сейчас людей, имеющих Великое Знание? — спросил Херихор. — Сколько в эти дни рождено детей, которых мы могли бы привести в храм, чтобы пробудить любовь к Таланту и обучить применению его? Что, если мы становимся слишком старыми, а наша кровь — слишком жидкой? Что, если придет время, когда этот жизненный дух не сможет быть вызван?

— Существуют отливы и приливы, — ответила Джейта. — Если мы находимся теперь в состоянии отлива, наступит и прилив. Но в настоящий момент существует опасность, что те, кто нам не дружественен, должны напасть. Из-за того, что, как ты говоришь, нас мало. По этой причине мы должны напасть первыми, чтобы вырвать с корнем этого Хасти и те мерзости, над которыми он трудится.

— Если сможем, — мрачно заметил Херихор.

— Посмотри, что нам уже удалось, — резко сказала Джейта. — Разве была уверенность, что мы сможем отыскать место, где был спрятан жезл? Однако мы сделали это, несмо-

тря на то, что Ключ тоже был украден. Они вернулись в наши руки. И я скажу тебе, мой принц, что жезл — это гораздо больше, чем думают многие верующие.

— Что именно ты имеешь в виду? Это — символ власти, и его не может удержать никто, не происходящий по прямой линии из Рода. Но что в нем есть еще? — задал он вопрос.

— Мы все еще не знаем, — ответила она искренне. — Но именно тогда, когда мы вернули его, из него высвободилась сила, которую мы все еще не понимаем. Или, возможно, — она взглянула на Талахасси, молчаливо сидящую на кровати, — это было делом кого-то еще.

— У меня нет ничего от вашего Таланта, — быстро возразила девушка. — Вы дали мне достаточно ее памяти, чтобы я могла понять, чего именно не имею.

Херихор перевел взгляд с нее на Джейту и вновь на нее, его глаза теперь внимательно рассматривали заgrimированное лицо Талахасси, будто под этой косметической маской он надеялся прочесть правду, которую должен узнать.

— Да, Дочь Эпидемека, число твоих сторонников теперь уменьшилось еще на одного, которого, думаю, ты считала самым способным из всех. Это большая потеря для тебя. — В его голосе слышалась горечь, взгляд был холоден, выражение лица — замкнуто. Неужели он на самом деле ненавидит ее? Талахасси не сомневалась, что так оно и есть.

— Мы не знаем, с чем столкнемся. — Джейта, похоже, старалась выиграть время. — Ясно только, что, кроме всего прочего, мы должны хранить в безопасности жезл и Ключ и молиться, чтобы кэндейс поскорее вернулась домой. Поскольку слепящий луч лишил нас связи, по-видимому, будет лучше послать какого-нибудь человека прямо в Храм, чтобы переговорить с Зихларзом. И охранники...

— Я знаю свое дело. Когда я прибыл, то привел с собой полк Ибиса. И два гонца отправлены к тем командирам, которым я могу полностью доверять. Один ответил, когда я был еще в воздухе. Он движется по земле, чтобы сохранить открытой северную дорогу, — если сможет. Так как если Хасти

дотянется этой силой до него, кто знает, с какими скверными сюрпризами нам придется столкнуться.

Он быстро кивнул им обоим сразу и ушел прежде, чем жрица успела заговорить снова. Талахасси нарушила молчание вопросом, прозвучавшим неожиданно для нее самой, хотя она и задала его:

— Он очень сильно любил ее?

Секунду или две Джейта казалась настолько погруженной в какие-то свои собственные мысли, что не прореагировала на этот вопрос. Затем она вздрогнула, изумленно посмотрела на Талахасси, так что девушкой овладело странное стыдливое ощущение, будто вопрос, который она задала, нарушил какое-то важное правило вежливости.

— Принц Херихор был избран как консорт для принцессы, — тон Джейты был очень отчужденным и запрещающим, — хотя он и не чистокровный член Рода. Предполагалось, что смешивание крови такого рода может заново усилить династию в следующем поколении. Ребенок Ашаки должен быть — был бы — тем, кто наденет следующую корону.

Итак, брак по расчету и государственным соображениям.

И все же Талахасси считала, что тот приветственный оклик снаружи ее спальни ранним утром содержал кое-что еще: теплоту чувства. Но не следует оценивать этих людей, решительно заявила она сама себе. Хотя у нее есть воспоминания Ашаки, отфильтрованные их запоминающей машиной, но нет никаких сведений о Херихоре: видимо, это было скрыто специально. Она вдруг сделала удивительное открытие: ни одно из воспоминаний, которые она получила, не вызвало даже скрытых намеков на эмоции. Она не осознала даже, что Джейта, пристально понаблюдав за ней одну-две секунды, бесшумно вышла из комнаты. Талахасси тестировала некоторым образом эти воспоминания, привлекая к переднему плану ее разума каждого из людей, которые, как она предполагала, были тесно связаны с ней, чтобы дожидаться какой-нибудь реакции, симпатии или антипатии — хотя бы самой слабой. Но не смогла обнаружить ничего подобного.

Глава седьмая

Головная боль Талахасси притупилась, она оказалась способна съесть все, что позднее принесла ей Индия, и почувствовала, как сила вливается в нее. Она ощущала даже почти эйфорию — состояние, вызвавшее у нее подозрение. Было ли укрепляющее средство какой-то разновидностью наркотика, чтобы привязать ее более тесно к воле Джейты? В воспоминаниях Ашаки, которые она смогла извлечь, не находилось почвы для такого подозрения. Но это еще ничего не значило.

Она вышла к бассейну и села на скамью, пристально глядя в воду, где цветы лотоса широко раскрыли свои острокопечные лепестки. Теперь она знала, что это поместье ее, или Ашаки, собственное неофициальное убежище, куда принцесса много раз удалялась для научных занятий и созерцания прошлого. В душе она была уверена, что здесь она в такой безопасности — до тех пор, пока она Ашаки, — насколько это было возможно в этом мире.

Появились котята, стремительно выскочившие ниоткуда, и запрыгали рядом с ней. Один из них, сидя в некотором отдалении, заговорил по-кошачьи, пристально глядя вверх прямо в лицо Талахасси, будто передавал ей какое-то сообщение. Когда она протянула руку, он нежно прикусил ее пальцы, самые кончики, тогда как другой котенок широко зевнул и сонно свернулся клубочком.

Это умиротворяло. Она смогла почти отбросить ощущение чуждости. Может ли Ашаки укрепиться в ней и занять господствующее положение? Талахасси беспокойно шевельнулась. Насколько она рисковала, открыв доступ к своему мозгу этим имплантированным воспоминаниям? Имелось...

Талахасси застыла, напряженная. Оба котенка настороженно поднялись, повернулись на скамье, чтобы уставиться на что-то за ее спиной. Рука девушки потянулась к рукоятке кинжала на поясе. Позади нее — теперь — была опасность.

Она заставила себя подняться медленно, будто бы ничего не подозревая. Крик вызовет кого-нибудь из амазонской стражи. Только было здесь что-то... Это она уже ощущала

прежде, не как принцесса Амона, а именно как она сама, Талахасси Митфорд.

Она медленно повернулась, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что там скрывалось. Хотя на сей раз был день и не в темном здании, как в другом времени и мире, здесь вновь было это «присутствие» — она не могла точнее описать это.

Однако ничего не удавалось разглядеть...

Ничего? Нет! В дверном проеме того помещения, где Джейта наставляла ее, — там мерцала тень. И эта тень...

Талахасси определила это по какому-то затуманиванию ее собственного зрения, ограниченному этим участком. Собрав все мужество, которое имела, девушка обратила все свое внимание к этому. Ее рука двинулась, но не по ее воле, а направляемая памятью Ашаки, в жесте, чтобы нарисовать в воздухе очертания Ключа.

Здесь была... не угроза, она ясно осознала это, когда взяла под контроль свой страх, тут же начавший отступать. Здесь была нужда в чем-то, что мимолетно затронуло ее. А потом это затуманивание исчезло. Как будто закрылась дверь. Какова природа этого и почему оно появилось? Ашаки была мертва. Это не могло быть тенью-личностью принцессы, которая вторглась в мир Талахасси и запоздало явилась теперь сюда.

Обе памяти уверяли ее, что это невозможно.

Но здесь было то, другое существо, стусившееся в воздухе среди развалин, пока Джейта не отправила его прочь.

Другое существо — он или она, кто был послан этим Хасти украсть и спрятать величайшую ценность Амона, — могло оно оказаться затаившимся? Если так — теперь они могли столкнуться с опасностью, с которой не справится даже все хваленое Древнее Знание. Ибо когда враг невидим...

Талахасси заставила себя подойти к дверному проему, пристально взглянуть в комнату за ним. Но она знала, что существо исчезло. Холодный озноб страха, что оно могло принести с собой, уже постепенно исчезал. Однако уход его не означал, что оно не вернется.

— Великая Леди?

Талахасси была так испугана голосом сзади, что чуть не вскрикнула. Но она овладела своими чувствами, прежде чем повернуться, чтобы взглянуть в лицо полковнику Намлия, прибывшей лично.

— Да, воин льва. — Древнее официальное обращение пришло непрошеным из второй памяти.

— Просят аудиенцию... Принцесса Идайзи. Она хочет поговорить с Великой Леди.

Идайзи — жена Юсеркэфа — та, чья зависть вызвала многие из бед, произошедшие здесь. Но почему она прибыла?

— Можешь разрешить ей войти, но вызови также Дочь Эпидемека и принца-главнокомандующего Херихора.

— Приказано — сделано, — официально ответила амазонка.

Талахасси вернулась к скамье и села. Она догадывалась, что Идайзи посмела явиться так дерзко лишь для сбора интересующих ее сведений, поскольку была достаточно коварна и при этом самонадеянна, чтобы предпринять такую акцию. Память Ашаки подсказала многое относительно Идайзи, но среди этого не было ничего хорошего.

У главного входа в дальнем конце бассейна возникло движение, когда стройная женщина в шафранно-желтом наряде и маленьком дорожном парике решительно вышла вперед, в то время как ее эскорт задержался у ворот. Талахасси не поднялась, чтобы приветствовать ее. Положение Ашаки было гораздо выше, чем положение этой самонадеянной особы. В старые времена, до того как был пересмотрен этикет двора, эта женщина должна была ползти на четвереньках и целовать ремешок сандалии принцессы. В ее жилах не было ни капли настоящей Крови.

Даже если не анализировать эмоции, возникшие из воспоминаний, Талахасси чувствовала, что отрицательные эмоции преобладают. Даже сам вид привлекательного разукрашенного лица Идайзи тотчас же вызвал вспышку ярости.

Женщина была очень красива, с точеными чертами лица, прекрасно очерченными губами. Хотя она была миниатюр-

на и изящна, однако имела великолепную осанку и держалась с той прирожденной уверенностью, какую дает женщине красота. Какими бы презрительными ни были воспоминания Ашаки, Талахасси осознала, что принцесса всегда понимала, какую привлекательность Идайзи имела для ее слабовольного кузена и как это совершенство плоти легко могло вертеть им в своих целях.

— Я вижу тебя, Идайзи. — Талахасси-Ашаки приветствовала гостью не как близкий — близкого, не как равный — равного, а скорее как члена Рода — второстепенного по положению. И она увидела мгновенно спрятанную вспышку в глазах Идайзи. Как будто что-то в Талахасси теперь разожгло ненависть, проецированную другой.

— Великая Леди принимает свою служанку. — Голос был мягкий, не содержащий и намека на гнев. Талахасси должна была признать, что Идайзи превосходная актриса.

На дорожке позади раздался стук сандалий и ботинок.

Девушке не нужно было оглядываться, чтобы узнать, выполнили ли ее распоряжения. Подошли Джейта и Херихор. Она не хотела встречаться лицом к лицу с этой... этой гадюкой без свидетелей, которым могла бы доверять.

— Приветствую тебя, Дочь Эпидемека, — продолжала Идайзи. — И тебя, главнокомандующий Севера. — Она кротко улыбнулась. — Какая же крайняя необходимость возникла, что тебя отозвали с твоего поста, тогда как Солнце Славы Налдамак не с нами?

— Я и не представлял себе, леди, что твой интерес к военным делам так высок. — Голос Херихора был холоден.

Она только улыбнулась, дружелюбно и снисходительно.

— Разве мой лорд не защищает также и нашу землю? — мягко противопоставила она. — Как его жена, я многому научилась.

«Этому ты учишься, — подумала Талахасси, — или, пожалуй, более правильно будет, что это он научился у тебя!»

В ней шевельнулось беспокойство. Идайзи не пришла бы сюда бесцельно. Так пусть побыстрее выкладывает им суть

дела. Хотя она могла доверять своей второй памяти, однако вокруг этой женщины было что-то, что являлось угрозой, которую следовало побыстрее убрать. Это могло быть против правил этикета и обычая, но она решила теперь обойтись без них.

— Ты домогалась встречи со мной, Идайзи, — прямо сказала Талахасси, — и для этого должна быть причина.

— Беспокойство о твоём благополучии, Великая Леди. В Новой Напате ходят слухи, что ты тяжело больна...

— И? — Талахасси осознала этот испытующий взгляд, которым та окинула ее. Она задавала себе вопрос, что же на самом деле было сообщено Идайзи о том, какой будет ответ со стороны врагов на это вторжение в другой мир? Подозревали ли они о настоящем положении дел — смерти Ашаки? Если так, Идайзи должна быть теперь смущена, хотя она и не выказала ни единого следа удивления. — Слухи, — обдуманно продолжала она, — часто порождены и вскормлены ложными сообщениями. Как ты видишь, я вполне здорова. Как одна из обладающих Талантом, я удалилась для обновления своего духа — всем известно, что время от времени это полагается делать.

— Когда Солнце Славы и ее сестра по Крови обе удалились и никто не был послан держать жезл, возникло беспокойство. — Рот Идайзи все еще улыбался, голос оставался тихим и кротким, но Талахасси хотелось бы прочесть намного больше в этих опущенных глазах.

— И к кому должен был перейти жезл, — спросила Талахасси, надеясь, что ее голос так же обманчиво мягок, как и голос собеседницы, — принимая во внимание, что не оставалось ни одного чистокровного из Рода, чтобы положить руку на него?

Улыбка теперь исчезла, губы плотно сжались, как будто ее собеседница имела ответ, который не высказала вслух только из-за благоразумия.

— Но, — Талахасси была вынуждена пойти на это, так как память Ашаки предупреждала ее, чтобы она не осмеливалась

злоупотреблять обычаями двора, — поскольку ты прибыла, беспокоясь о моем здоровье, добро пожаловать. Путь к Новой Напате долог, а вечер близок. Вы приглашены пообедать и переночевать в этих стенах, ты и твои люди.

Это прозвучало не очень любезно, да она и не стремилась быть любезной. Но по слабому движению Херихора, находящегося позади слева от нее, поняла, что он, по-видимому, недоволен тем, что она сделала. Но отослать Идайзи сейчас означало открытый разрыв, который они, вероятно, не имели права допустить. Талахасси хлопнула в ладоши и, как только появились две служанки, распорядилась:

— Эскорт леди Идайзи в помещение для гостей. Проследите также, чтобы те, кто ей служит, хорошо отдохнули.

Идайзи снова улыбнулась, и при виде этого легкое сомнение поднялось в Талахасси. Женщина хотела остаться, она явилась сюда только по этой причине. Почему? Теперь она сделала изящный жест почтения и ушла, направляясь к другой стороне бассейна по направлению к помещениям в задней части поместья; со стороны входа появились ее люди, чтобы следовать за ней. Две служанки и еще одна женщина, старше по возрасту и горбатая, которая ковляла по дорожке, опираясь на палку. Да, это была старая карга, которая всегда находилась при Идайзи. Одни говорили, что она — старая няня, что заботилась о ней как о ребенке, — другие пересказывали более фантастические предположения.

— Она никогда не появляется бесцельно. — Херихор заговорил первым, пристально глядя на это шествие, когда Талахасси поднялась и повернулась лицом к двум другим приглашенным.

— Лучше, — напомнила Джейта, — пусть она будет у нас под присмотром. Наша леди не могла выгнать ее за дверь, даже если между ними нет никакой дружбы. Может быть, мы узнаем, что привело ее сюда.

— Узнать что-нибудь от этой женщины? — Херихор грубо рассмеялся. — Она подобна скорпиону, прячущемуся под

камнем, ее жало всегда поднято, хотя тень камня и прячет ее угрозу. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — искренне сказала Талахасси. — Но, как говорит Джейта, чем еще можно было завершить разговор с ней? Мы не готовы на открытый разрыв с Юсеркэфом и его сторонниками. Пусть Дочь Эпидемека займется этим делом: здесь есть, пожалуй, кое-что, о чем можно будет узнать побольше с помощью Таланта.

Джейта кивнула:

— Да. Что же касается нынешнего положения вещей, то нам придется довольствоваться тем, как все обстоит. Неплохо было бы намекнуть полковнику Намлии, что почетную охрану с наступлением ночи нужно удвоить...

— Уделяя особое внимание наружной части помещения для гостей. — Когда левая бровь Херихора поползла вверх, как частенько бывало у Джейсона, сердце Талахасси на мгновение замерло. Если бы он был Джейсоном! Если бы она могла быть уверена, что он не держит на нее какого-нибудь недоброго чувства, что служит ей не только по обязанности!

— Мы должны сделать все, что можно, — только эти слова и сорвались с ее губ.

Она без удовольствия дождалась вечера, когда ей пришлось разделить с Идайзи ужин: ей не хотелось даже пробовать его. По крайней мере, они не сидели за одним столом, и их разделяла почти вся ширина комнаты. Оказалось, что обитатели поместья придерживались старого египетского обычая, по которому блюда подавались на маленькие отдельные столики, и рядом с каждым стоял стул. Талахасси, Херихор, Джейта и Идайзи располагались в одном конце комнаты, в то время как домочадцы достаточно высокого ранга находились несколько поодаль. Среди них велась непринужденная, негромкая беседа, хотя в ней не участвовала горбатая фигура у противоположной двери — старуха, сопровождавшая Идайзи. Однако среди высших царило полное молчание, будто каждый был целиком занят исключительно своими собственными мыслями.

Раз или два Талахасси вздрогнула от ощущения, что за ней кто-то наблюдает. Она увидела, что Джейта взволнованно взглянула через ее плечо на расписанную стену позади них.

Уловила ли жрица также это ощущение, что что-то парило над ними? Девушка страстно желала поскорее закончить с едой, когда Идайзи будет вынуждена уйти, так что она смогла бы поделиться с Дочерью Эпидемека своим странным ощущением рядом с бассейном.

Однако Идайзи пока не выражала никакого желания уходить. Она покончила с едой. Сразу же одна из служанок, стоявшая у стены наготове, чтобы прислуживать, подскочила с резным ларчиком, из которого принцесса выбрала тонкую коричневую палочку и поднесла ее к губам, ожидая, пока служанка поднесет к ее кончику огонек. Из палочки очень тонкими колечками поднялся дым, когда Идайзи глубоко затянулась, так, что вспыхнуло крошечное пятнышко пламени.

— Весьма прискорбно, что ты, последовавшая Высшим Путем, Великая Леди, — сказала она, — лишена многих наслаждений жизни. Эти палочки приятных грез лучше всего успокаивают нервы.

Завиток дыма поплыл по направлению к Талахасси. Запах его был тошнотворно-сладким, и она не задумываясь отогнала его.

— Леди, — раздался голос Джейты, — это дом для тех, кто следует Высшим Путем. Таких...

— Нельзя осквернять моей палочкой грез? — Идайзи рассмеялась. — Я принимаю выговор. — Она ткнула пылающим кончиком в остатки вина в своем кубке. — Прости меня, Дочь Эпидемека. Мы во внешнем мире не так сдержанны в своей жизни. Древние пути, — она кокетливо пожалала плечами, — они сковывают человека, а это так излишне.

Ибо многое может быть познано через открытые волю и разум.

Она вела себя вызывающе, намеренно поступая так, поняла Талахасси. Но почему Идайзи чувствовала себя такой независимой, чтобы говорить подобным образом — здесь?

Херихор поставил свой кубок, его глаза впились в Идайзи с таким же целеустремленным напряженным вниманием, какое было — в прошлом — у Джейсона, когда он обдумывал какую-нибудь проблему. Талахасси была уверена, что он, как и она, теперь встревожен опасностью, исходящей от Идайзи, и истинной целью ее прихода сюда.

Идайзи, казалось, смогла прочитать эту мысль. Ее ленивая улыбка исчезла. Теперь она слегка подалась вперед на своем стуле.

— Великая Леди, есть дело, которое должно быть обговорено. Однако неофициально... — И ее взгляд переместился к людям в другой части комнаты.

— Так мы и предполагали, — ответила Талахасси. — Тогда пойдете к бассейну.

Херихор почти тотчас же встал у нее сбоку, протянув руку так, чтобы она смогла достать пальцами до его запястья.

Когда она встала, Талахасси кивнула Джейте, но не сделала подобной любезности по отношению к Идайзи. Чем скорее эта женщина выплюнет какой бы то ни было яд, который принесла сюда, тем лучше. Так как память Ашаки очень ясно подсказывала, чего можно ожидать от Идайзи.

Когда Талахасси и Херихор подошли к двери, там уже находилась полковник Намлия. И Талахасси распорядилась:

— Мы поговорим конфиденциально... у бассейна. Присмотрите, чтобы нам не мешали.

— На моей голове есть это. — Полковник подняла руку, чтобы коснуться эмблемы льва в передней части ее льняного головного убора в виде сфинкса.

Две ее амазонки, повинувшись поданному знаку, пододвинули другую скамейку поближе к той, где Талахасси отдыхала раньше. Затем они заняли свои посты на значительном отдалении вне пределов слышимости, повернувшись спинами к сидевшим здесь: Талахасси между Херихором и Джейтой, Идайзи на меньшей скамье, перед троими, лица которых выражали, это она должна была видеть, открытую враждебность к ней.

— Ты хотела говорить, говори, — сказала Талахасси.

— Принцесса, жрица, главнокомандующий, — Идайзи медленно переводила взгляд с одного лица на другое, — и все так остерегаются одной безоружной женщины — меня. Ты предполагаешь, что у меня есть качества, которыми я не обладаю, Великая Леди.

— В таком случае будь довольна, что не обладаешь, поскольку гнев Рода — не такое легкое действие, чтобы встретиться с ним. — Это слова пришли из памяти Ашаки. До сих пор Идайзи все улыбалась, а теперь она рассмеялась, негромко и мелодично.

— Какой вычурный язык, Великая Леди! Кто-нибудь еще подумает, что Род собрался произнести одно из этих Семи Проклятий, которые, как нам говорят, могут высушить плоть, раздробить кости. Хотя это не имеет значения, что меня здесь ненавидят, однако я искренне обеспокоена. Род удерживает власть очень длительное время — способами столь древними, что само описание их обращается в унылую пыль. Всему приходит конец, ты когда-либо задумывалась об этом, Великая Леди? Членов Рода, Высшего Пути, теперь уже совсем немного, горсточка против, пожалуй, более чем половины нации.

Не существует средства от ограниченности ума; это ведет только к застою и поражению. Конец вашего пути очень близок, и если никто не позаботится об ответвлении другой тропинки впереди, может наступить хаос. Никто из нас не хочет видеть Амон разорванным войной брат на брата, сестра на сестру. Но ветвь дерева, которая не сгибается под ураганным ветром, ломается и уносится.

— Предостережение, леди? — Талахасси прервала этот поток метафор. — Так ты полагаешь, что достаточно сильна, чтобы делать предостережение? Это в самом деле интересно.

Улыбка Идайзи стала угасать.

— Вы здесь не имели новостей из Новой Напаты, я думаю, в течение нескольких часов. Даже за маленькую часть такого промежутка времени многое может измениться. Великая Леди.

— И какое важное событие произошло в Новой Напате за эти часы?

— Перемены, Великая Леди. Не всем по душе прошлое.

Говорят, что Храм Света теперь закрыт, так что никто не может ни войти в него, ни выйти наружу. Слухи могут разжечь в народе бунт. А распространяются слухи, что Сын Эпидемка, сам Зихларз, поражен безумием, так что он воет как шакал пустыни и напускает на собственных подчиненных смерть из своего мозга. Не игнорируй слухи, Великая Леди, в недрах их часто содержится истина. И не относись скептически к тому, что я предлагаю. Изменение пути не займет много времени.

— Это изменение — путь для Юсеркэфа? — спросила Талахасси. — От такой перемены здесь могут произойти только неприятности. Он не потомок по прямой линии, и его потомство — хотя, как я знаю, ты до сих пор не обеспечила нашего лорда никем, кто мог бы назвать его отцом — не имеет права сидеть на троне Льва.

— Следовательно, кроме тебя, не существует наследника, Королевская Дочь? Ах, но ты теперь также отстранена от трона, поскольку исповедуешь обет безбрачия для тех, кто стремится придерживаться Высшего Пути. И этот доблестный лорд ожидает тебя так долго, что уже смотрит в другом направлении!

Она повернулась к Херихору, в очертаниях ее лица появилась язвительность, подобная угрозе нацеленного кинжала.

Талахасси не сомневалась, что Идайзи собирается сообщить кое-что, что, как она думала, должно быть правдой.

— В прежние времена, принц-главнокомандующий Херихор, наши мужчины брали более, чем одну жену. Знает ли Великая Леди, помолвленная с тобой, слухи о белокожей северянке, которая теперь самонадеянно рассчитывает носить драгоценности, подаренные тобой?

Херихор слегка шевельнулся, но на его лице не появилось никакого смущения.

— Твои слуги хорошо поработали, леди. Но на твоём месте я бы подверг их доклады более тщательному изучению.

Те, кто шпионит по приказу, часто рассказывают только то, что угодно слышать их хозяйке.

— Возможно, лорд принц. — Она бросила лицемерный испытующий взгляд на Талахасси, будто хотела оценить эффект своего разоблачения.

Вероятно, она надеялась вызвать этим вспышку эмоций.

Как бы то ни было, хотя принц не произнес опровержения злобному обвинению Идайзи, Талахасси с презрением относилась к любому заявлению из этого источника. Фактически же она могла представить себе несколько причин, почему Херихор мог быть в хороших и даже интимных отношениях с женщиной с севера, через которую могла поступать вызывающая доверие информация, проясняющая положение на границе.

Неужели принцесса полагала, что она в данный момент имела дело с круглыми дураками? Когда Талахасси смотрела на принца-главнокомандующего, она видела Джейсона, а Джейсон имел свои секреты, в которые она никогда не думала совать нос.

— Меня никогда не интересовал безответственный разговор слуг. Однако твое предостережение теперь произнесено. Я увидела тебя, Идайзи. — Талахасси умышленно использовала выражение для отпускания стоящего ниже по рангу и была поневоле почему-то рада видеть, что губы женщины сжались в гримасе.

Когда она встала, Идайзи также была вынуждена подняться, и по этикету она не могла заговорить опять. Но как только она удалилась, Талахасси поспешно сказала Херихору, надеясь выразить своим распоряжением доверие к нему:

— Видите, она чего-то выжидает. Я бы тоже хотела, чтобы она и ее шпионящие слуги убралась отсюда как можно быстрее. Она прибыла скорее для того, чтобы высматривать, а не чтобы предостеречь, во всяком случае так я думаю. Поэтому за ней нужен глаз.

— У нее мыслительный заслон, — сказала Джейта, понизив голос. — Это не ее Талант. К тому же она не осмелилась

бы говорить о делах Храма так, как сейчас говорила, если бы это не было действительно так.

— Но Зихларз... — запротестовал Херихор.

— Да. Именно Зихларз является Сыном Эпидемека в наше время. — Голос Джейты был напряженным. Она пристально смотрела вслед Идайзи, уже почти исчезнувшей в полумраке на другом конце бассейна. — Это скверно, очень скверно.

Великая Леди... нам нужно точно знать!

— Херихор?.. — Талахасси придала вопросительную интонацию его имени.

— Разумеется, если существует какой-нибудь возможный способ, мы будем знать, и скоро. У меня есть с собой офицер — я поручу ему руководство внешней охраной. Он выполнял такие дела в прошлом; он справится и теперь. Ты решишь попробовать?

— Я велю тебе это!

Затем он ушел. Талахасси протянула руку к жрице:

— Есть кое-что еще: здесь было «присутствие», точно такое, какое я чувствовала в другом мире... — она торопливо пересказала свое приключение перед прибытием Идайзи.

— Да, это, возможно, дух того, кто похитил жезл и Ключ. Он пытался следовать за тобой по коридору, открытому Ашаки, чтобы достичь твоего мира. Мы запечатали коридор. Несмотря на это, он имеет достаточно силы, чтобы преследовать тебя... Нам нужно снова принять меры предосторожности!

Было поздно, когда Талахасси в конце концов добралась до постели. Она дискуссировала с Джейтой, позднее вновь с Херихором, который отправил с поручением своего офицера.

И пришло сообщение, что Идайзи и те, кто сопровождал ее, надежно заперты в своих апартаментах, охрана выставлена их караулить.

Когда она вытянулась на кровати, а тихо мурлычущие котята пристроились рядом с ней, то была так утомлена, что чувствовала себя выжатой до полного отсутствия вообще ка-

ких-либо эмоций. Идайзи думала, что сплетня, касающаяся женщины северянки Херихора, будет болезненной. Однако тогда она не могла знать, что Херихор был... был похож... был Джейсоном — товарищем-братом... воз...

Появилось некое странное волнение, питающее эту мысль, но она слишком устала, чтобы пытаться исследовать источник беспокойства.

Она вернулась к реальности от ворчания котенка. В комнате было темно. Только тусклый свет озарял края дверного занавеса. Однако... здесь был незваный гость. Она не нуждалась в предупреждении, чтобы знать, что кто-то стоит рядом с ее кроватью.

Талахасси открыла рот, чтобы криком вызвать охрану. Но тут брызги жидкости обожгли ее губы и глаза, увлажнили щеки. Она провалилась, чувствуя тошноту и головокружение, в темное ничто.

Глава восьмая

Талахасси тонула, вокруг нее была вода, и не за что было ухватиться. Волны плескались над ее головой, в то время как она боролась за воздух для легких. Она тонет! Тем не менее волны отступили, хотя она все еще могла чувствовать их биеение на своем изнуренном теле. Не море... не вода, хотя она могла чувствовать движение и слышать звук.

Гул машины!

Мысли ее шевелились вяло, однако также пробудилась искра предусмотрительности. Постепенно пришло воспоминание о том, что случилось. Она находилась в своей постели, и затем?.. Несколько мгновений осознания, эти брызги в ее лицо...

Теперь она, конечно, не в своей постели, не в поместье.

Так где же она? Хотя, конечно, в этом же времени, подумала она со странным желанием рассмеяться, уже привыкая к невероятным переменам места действия.

Хотя Талахасси не открывала глаз (пусть те, кто находится рядом, думают, что она все еще без сознания), она напрягла

руки, чтобы понять, что они надежно привязаны к ее бокам, а бедра и ступни тщательно лишены подвижности тем же самым способом. Но никаких пут на ее запястьях и лодыжках не было — она была завернута в какой-то материал, как в кокон, хотя голову ей оставили свободной.

Итак, она пленница и на флаере. Как они улетели из ее тщательно охраняемого поместья — это вопрос. Если только они (кто бы они ни были) не прошли методически кругом, обрызгивая всех охранников и обитателей поместья из этого маленького устройства, которое так эффективно использовали на ней. За ними стояла Идайзи, в этом она не сомневалась. Какими же идиотами они были, что вообще позволили ей войти.

Когда мысли Талахасси привлекли воспоминания Ашаки, она не смогла обнаружить и намека, чтобы подобное нападение совершалось когда-либо прежде. Вчера Идайзи сидела и предостерегала их... Гнев Талахасси разгорелся. Она посмела... посмела! Память Ашаки запылала от мысли, что она осмелилась поднять руку на одного из Рода! Они должны знать, какое может быть возмездие за такое оскорбление.

Но кто эти «они» — кто кроме Идайзи, конечно, и ее слуг? Юсеркэф, возможно, и за его спиной Хасты — таинственный человек. Когда это имя всплыло в ее памяти, Талахасси поняла, что осторожность чуть было не затмила ее гневом. Ей нужно узнать все, что можно.

Сначала она прислушалась. Двигатели ритмично гудели.

Она, должно быть, лежала прямо на полу кабины, который, как ей стало ясно, был очень холодный и жесткий. Здесь должен быть пилот и... она попыталась вспомнить, сколько же человек сопровождало Идайзи. Она полагала, что две служанки и эта старая карга нянька. Но жена Юсеркэфа никогда не появляется без отряда своей собственной персональной охраны. Идайзи не пренебрежет этой частью престижа даже ради предположительно частного визита.

Никто из охраны не показывался в поместье. Потому, конечно, что амазонки не позволили бы этого. Даже все люди

Херихора, за исключением одного адъютанта, содержались в казармах за взлетно-посадочной площадкой. Поместье было домом женщин, как и приличествовало месту проживания незамужней Дочери Великого Солнца.

Сейчас вокруг нее могло находиться полдюжины врагов, так что чем дальше они будут считать ее беспомощной и без сознания, тем лучше. Теперь, когда ее уши опознали звук двигателей, она расслышала слова, отрывистые, так что она не смогла разобрать их. Обоняние также помогало ей: она смогла уловить благоухание, слева от нее — возможно Идайзи. И с этим... да, слабый запах тошнотворной сладости от такой же палочки, какую принцесса начала раскуривать в поместье.

Чуть поодаль — другой запах, неопределенно отталкивающий. Однако вокруг нее все хранили молчание. Вероятно, так может чувствовать себя загнанная в угол мышь, которую караулит ленивый кот.

В гудении флаера произошло изменение; наверное, они снижались, хотя она не была в этом уверена. Затем резкий толчок — приземление. Мотор заглох. Внезапно ей в лицо пахнул ветер, принесся не свежесть бриза в поместье, а скорее комбинацию запахов, которые пробудили память самой Талахасси: это было похоже на зловонное дуновение родного мира — запах города.

Кто-то, проходящий мимо нее, слегка оттолкнул ее в сторону. Но никто не подошел, чтобы вынести ее, — пока еще нет. Очень медленно она чуть приподняла веки. Поле ее зрения было весьма ограниченным, но в него попал солдат в тускло-зеленом, а в его руках... ларец с жезлом!

В этот миг она едва не выдала себя. Что они сотворили в поместье, чтобы вновь завладеть этим? Возможно, они убили?.. Она испытала тошноту, когда представила такое. Если они привели и других в такое же беспомощное состояние так же легко, как и ее, тогда вполне возможно, что за этим последовала их смерть, а сама она осталась, без ее желания, в руках тех, кому от нее мало проку.

Собственно, только одно могло иметь значение — лишь она одна в отсутствии императрицы могла держать в руках жезл. Обладали ли они также и Ключом? Она могла предполагать, что они наверняка не пренебрегли им. Плотная закутанная в материю, она ощутила холод, когда подвела итог и получила безрадостный ответ: вероятно, полная беда. Что у нее есть для защиты? Память — частичная — умершей девушки, память, а не сила, которую та имела в своем распоряжении, и те смелость и находчивость, что были ее собственными от рождения. Жезл... она могла держать его, это доказано. Но могла ли она управлять тем, что он олицетворял? Талахасси не знала точно, подчищалась ли эта лента с записью памяти Ашаки, прежде чем была навязана ей, но верила, что подчищалась.

Естественно, они должны были сделать это для своей же собственной безопасности. Могла ли Джейта настолько доверять Талахасси Митфорд, чтобы предоставить ей полную память ее предшественницы? Следовательно, она не могла бороться на уровне Ашаки, она могла только блефовать. А всякий блеф может быть легко раскрыт.

Снова раздался тяжелый топот. Талахасси решительно закрыла глаза. Ее, все еще лежащую ничком, резко дернули вверх. Вероятно, она лежала на носилках, так как люди не коснулись ее тела. Теперь носилки наклонились так, что она могла соскользнуть, но поверх материи вокруг ее талии имелся ремень, удерживающий от этого.

Еще раз она украдкой бросила взгляд из-под чуть-чуть приоткрытых век: огни и за ними клочок ночного неба, а также спина с широкими плечами, обтянутыми зеленой военной формой. Все это внезапно исчезло, когда носилки, на которых она лежала, затолкнули в темное тесное помещение. И она услышала звук, подобный хлопанью двери, после чего весь свет исчез.

Заработал мотор, они опять двигались. Но здесь не было отверстий, так что она не получила никакого намека, куда ее могли везти. Странно, что она проделала эту часть пу-

тешества в одиночестве. Затем что-то скользнуло по полу, на котором носилки так неудобно покоились, и стукнулось о стенку.

Может быть, это ларец с жезлом? Из-за врожденного благоговения, с которым большая часть населения Империи смотрела на этот артефакт, они наверняка чувствовали себя рядом с ним неудобно.

Она попыталась собрать воедино факты, которыми располагала. Без сомнения, ее насильно увезли, нагло похитили из ее собственного дома. И никто бы не осмелился на такое, если бы человек, отдающий приказы, не верил, что он, или она, непременно избежит всякого возмездия. Особа Наследницы была священной, даже несмотря на то, что в последние годы многие из древних заветов не соблюдались.

Рассчитывать на какую-нибудь помощь от Джейты или Херихора не следовало. Как-то очень трудно было поверить, что те, кто захватил ее, могли оставить в живых хоть одного столь могущественного противника. Итак, следовало надеяться только на себя, с единственной только поддержкой — подчищенными воспоминаниями Ашаки. Тем не менее то, что она ощущала в данное время, было скорее не страхом, а закипающим гневом. Она обучалась самоконтролю раньше, однако ее эмоции не становились менее бурными из-за того, что она их сдерживала. Теперь нужно заставить гнев работать на нее, как она делала несколько раз в прошлом, чтобы поддержать свою решимость добиться успеха в деле и усилить мужество, которое подкрепило бы эту решимость.

Идайзи, Юсеркэф, Хасты — она начала методично вызывать в памяти все воспоминания Ашаки, касающиеся этих троих. Юсеркэф — он, пожалуй, был слабым звеном. В монархии, которая прочно основывалась на матриархальном наследовании, сын короля обладал небольшой властью. Если бы он женился на Ашаки — тогда бы он мог надеяться на корону.

Но у него никогда не было этой возможности.

Члены Рода сочетались браком по обязанности, а не по собственному выбору, по крайней мере первым и официаль-

ным браком, хотя царствующие королевы зачастую имели фаворитов, короли — наложниц. Однако в этом поколении было принято решение, что должна быть влита свежая кровь, в надежде на то, что это приведет к новому потомству с Талантом.

Императрица Налдамак была выдана замуж в ранней юности за очень отдаленного кузена, который двумя годами позже погиб при крушении фланера. И от этого брака не было детей, да иначе и не могло быть, поскольку врачи заявили, что императрица бесплодна. Таким образом, продолжение династии зависело от Ашаки — если бы она не погибла.

А если бы она погибла? Тогда продолжение династии, возможно, зависело бы от Юсеркэфа.

Идайзи была всего-навсего дочерью провинциального правителя и имела, кроме того, некоторое количество крови заморских варваров, поскольку ее провинция находилась на морском побережье, где под тщательным присмотром велась торговля с чужеземцами. Ашаки всегда знала, что она фактически будет императрицей, если трон перейдет к Юсеркэфу.

С неохотой она вызвала в памяти воспоминание о Хасти.

Здесь были управление и власть, и иногда одно не было частью другого. Кто-то мог предпочесть стоять за спиной императора и через него обладать подлинной властью. Как раз в этом подозревали Хасти. И, кажется, эти подозрения были не безосновательными.

Если Налдамак, вернувшись к Празднику Середины Года, взойдет на трон во время ритуальных церемоний без жезла в своих руках... именно этого они пытались добиться с самого начала. Теперь они обладали и тем и другим — жезлом и Ашаки! Или видимостью этой принцессы. Из памяти, которую она исследовала, Талахасси узнала, что о Хасти известно очень мало, в основном только догадки.

И то, что Идайзи сообщила, — что верховный жрец Зихларз заперт в своем храме, — было предостережением, что он не может быть вызван. Ей лучше рассчитывать только на себя, Талахасси, чем на память умершей Ашаки или на чью-то помощь извне.

Хотя это было слабым успокоением.

Экипаж, в котором ее везли, остановился. Она закрыла глаза. Теперь только уши...

Она слышала лязг задвижки на задней стенке транспортного средства. И затем свежий воздух — на этот раз менее испорченный испарениями города, — когда носилки, на которых она лежала, вытащили наружу. Теперь ее несли, и ее носильщики торопились, двигаясь рысью. Здесь было больше света, который она уловила сквозь очень узкую щелочку между веками, которую позволила себе, чтобы видеть.

— В Красную Палату. — Впервые она отчетливо разобрала слова. — И позвать лорда. — Это говорила Идайзи.

Красная Палата? Да, она находилась в Южном Дворце — этом центре, куда люди Херихора проникнуть не могли, — в который недавно прибыли подозреваемые предводители мятежа. И комната эта имела ужасную историю, ибо в ней сто лет тому назад брат убил брата в борьбе за трон и руку сводной сестры, которая уже выбрала себе консорта.

Даже Талант не делал династию свободной от порока честолюбия и алчности. Возможно, потому он так ослабел в этом поколении. От злоупотребления или принуждения этот вид силы исчезал. Извращенная, она могла обернуться против того самого человека, который пытался использовать ее как оружие. Может быть, Идайзи выбрала теперь эту обитель позора по определенной причине. В таких местах, где сильнейшая эмоция была проявлена в каком-то гнусном и кровавом поступке, обычно оставалось, даже в течение поколений, зло, которое могло заслонить ясное зрение обладающих Талантом, оставив их открытыми для вторжения того, чего боялись больше любых действий. Но она не Ашаки, потому ей не нужно было опасаться такого вторжения.

Ее носильщики сделали поворот, затем другой. В конце концов носилки поставили вниз, но не на пол, а, по-видимому, на кушетку, так как поверхность немного подавалась под тяжестью Талахасси. Она слышала, как они ушли,

и все же не сомневалась, что она не одна. И она напрягла слух, ловя малейший звук.

— Ашаки? — Теперь уже не «Великая Леди». Идайзи, вероятно, так обращалась к домашней прислуге.

Почти сразу же последовала злобная увесистая пощечина, которой Талахасси не ожидала. Не раздумывая, она открыла глаза. Идайзи наклонилась над ней, улыбаясь, глаза ее были расширенные и блестящие.

— Я так и думала, — заметила она. — Хасты говорил, что сонные брызги будут действовать не слишком долго. Ты пыталась схитрить, но время для уловок прошло, сестра. — Она подчеркнула последнее слово. — Ты никогда не жаловала меня этим именем, разве не так, Ашаки? И не протягивала мне руку при любом приветствии. Ты «видела меня», когда я приходила к тебе. Теперь я вижу тебя!

Ее губы растянулись, но не в улыбке, а лишь придавая лицу злобное выражение, обнажая маленькие острые зубки, очень белые по сравнению с ее красными губами.

— Я вижу тебя, — повторила она, растягивая эти слова, будто, произнося их, получала какое-то удовлетворение. — Но теперь долгое время захочет ли кто-нибудь видеть тебя? Подумай об этом, сестра!

Талахасси придала своему лицу такое безмятежное выражение, какое только смогла, и не ответила. Злость Идайзи могла быть ее слабым местом. Следует обращать внимание на всякое слабое место и подготавливать его для своего использования.

Идайзи повернулась и теперь приблизилась к столу, в то время как Талахасси переместила свою голову таким образом, чтобы могла наблюдать. Ее предположения оказались верны. Жезл был доставлен с ней. Здесь находился ларец, в который она поместила его по распоряжению Джейты. Пальцы Идайзи на миг задержались на крышке, но она не сделала попытки открыть ее. Она только оглянулась через плечо на свою пленницу.

— Ты видишь — это тоже у нас, несмотря на все ваши старания держать его под рукой. И как легко было взять — и тебя, и его! Я слышала так много болтовни о Силе, о Таланте.

Всю мою жизнь люди испытывали благоговейный страх перед этим предметом, сила которого не могла быть удостоверена.

Видишь, как просто было нанести тебе поражение? — Она засмеялась. — Я говорила о других путях, сестра, — теперь мы пойдем по ним. И ты ничего не сможешь сделать, чтобы вернуть вспять время и изменить это, ничего!

Она жадным жестом провела рукой по всей длине ларца.

Талахасси подумала, что, несмотря на все высказанное Идайзи пренебрежение к Таланту, она была тем не менее достаточно осторожной, чтобы не вынимать жезла; внутренне она не была так уверена в правильности своего другого пути, однако хотела, чтобы другие не сомневались. Талахасси могла ощущать болезненное желание женщины, желание, чтобы ее собственная рука подняла бы этот символ из его ложа, чтобы ей не нужно было больше действовать через Юсеркэфа.

Как раз когда Талахасси мысленно рисовала себе портрет кузена Ашаки, он сам внезапно появился в поле зрения. Он не обладал ростом Херихора, и хотя эти двое, возможно, были равны по возрасту, вялое тело Юсеркэфа и обидчивое выражение лица старили его. Он носил не форму, а скорее свободные шаровары, стянутые на лодыжках, и слишком вычурную белую куртку без рукавов, почти полностью расшитую замысловатыми узорами. К тому же его голова была без парика, принятого при дворе. Вместо него он носил на голове свернутый огненно-красный шарф, что было ошибкой, так как это почему-то подчеркивало его вечно раскрытые толстые губы, толстые щеки и двойной подбородок.

— Маскак сказал...

Затем его взгляд миновал Идайзи, и он увидел Талахасси.

Сначала его глаза расширились в неподдельном, как она могла считать, удивлении, потом он негромко захихикал:

— Так ты сделала это!

Идайзи внимательно наблюдала за ним, и Талахасси не пропустила тень презрения на ее лице, когда она ответила:

— Лорд, ты разве сомневался в успехе нашего плана?

— Существовало много препятствий. Она находилась в своей собственной резиденции, тщательно охраняемая, — ответил он. Теперь Юсеркэф приблизился к тому месту, где лежала Талахасси, и уставился вниз, на нее, затем рассмеялся снова:

— Приветствую, кузина.

Идайзи встала рядом с ним.

— Она не отвечает. Но она научится, разве не так, лорд?

Он кончиком языка провел по нижней губе. Словно бы добрался до блюда, сладости, которой был готов наслаждаться.

— О да, она будет отвечать! — согласился он.

Он протянул руку с толстыми пальцами и потрепал Талахасси за подбородок. В нем было что-то от маленького мальчика, который отважился на некоторое действие и должен довести его до конца. Идайзи, вероятно, торжествовала в этот момент, но Юсеркэф, при всей его кипящей злобе и враждебности, не был до сих пор уверен в успехе.

— Лорд. — Рука Идайзи, которая была на его кисти, оттянула его прочь от их пленницы, назад к столу. — Взгляни, что лежит здесь, готовое для твоих рук!

Ее пальцы потянулись к ларцу, и она открыла запоры, откинула крышку, чтобы похвастаться жезлом. Злобная радость стерлась с лица ее супруга, как только он посмотрел вниз. После этого он вздохнул так глубоко, что даже Талахасси могла слышать слабое шипение выдыхаемого воздуха.

— Он твой, возьми его! — Теперь выражение лица Идайзи выражало крайнюю степень презрения, чего Юсеркэф не видел. Его внимание было слишком поглощено жезлом...

— Я... я не имею Таланта... — сказал он, не так, как говорил бы горящей страстным желанием женщине, а скорее как бы извлекая какое-то предупреждение из своих собственных мыслей.

— Талант! — фыркнула Идайзи. — Он тебе не нужен, лорд! Разве Хасти не дал нам и не даст снова еще гораздо больше силы, чем могут представить для управления эти суеверные, сующие всюду свой нос жрецы! Ты из Рода, тебе надо только взять все в свои руки, и ты сможешь управлять Империей. Неужели ты такое ничтожество, — ее голос стал резче, сварливее, — что не можешь совершить даже это небольшое действие, чтобы добиться трона? Ты говоришь, что ты мужчина, так докажи это хотя бы сейчас.

Он облизал свои толстые губы, вытирая при этом руки о нижнюю часть куртки, как будто они были мокрыми и потому он не мог держать что-либо в них достаточно крепко.

— Хасти идет. — Идайзи придвинула ларец с жезлом чуть-чуть поближе к Юсеркэфу. — Встреть его с жезлом. Ты теперь понимаешь, что это будет означать? Он чересчур высокого мнения о себе, хотя его план добыть это провалился. Ты должен заставить его понять, что ты из Рода.

Юсеркэф еще раз вытер руки о бедра. Он неуверенно взглянул на Идайзи, потом снова на ларец и его содержимое.

— Покажи ему, — зашипела она. — Ты должен сделать это — или он не будет орудием, в котором мы нуждаемся.

Вернее, он будет обдумывать и планировать все для себя! Он потерпел неудачу, а мы преуспели, докажи ему это, муж — и тогда ты будешь держать его в кулаке. Не должно быть два ума и две воли, когда ты придешь к власти — только одна!

«Да, а именно — твоя», — подумала Талахасси. Однако как Идайзи ни подстрекала Юсеркэфа, казалось, что его не отпускал страх. Да и как могло быть иначе, подсказала память Ашаки. Никто, даже из Рода, не мог владеть жезлом, если у него не было внутри того, что соответствовало бы неподдающемуся определению явлению, которое сохраняло древнюю веру сильной все эти столетия.

Юсеркэф наконец поднял руку, и Талахасси заметила, что она дрожит. Какой же сильной должна быть воля Идайзи, чтобы принудить его к такому поступку. Она не знала точно,

какой получится результат, но была уверена, что это не принесет пользы Юсеркэфу.

Возможно, он собрал весь свой незначительный запас мужества для этого величайшего поступка, потому что совершил поспешное хватательное движение правой рукой, сжав пальцами рукоятку на ладонь ниже львиной маски, и выдернул жезл из обитого мягким ларца.

Лишь один миг он держал его перед собой, как держала Талахасси, когда солдаты ворвались в развалины. Затем... Он закричал сильно и пронзительно, скорее как женщина, чем мужчина. Жезл выпал из его руки, ударился о пол и, вращаясь, несколько раз повернулся.

Но рука Юсеркэфа все еще оставалась оцепеневшей...

Кожа на его пальцах покраснела, как будто через нее выступила кровь. Постепенно плоть обесцветилась до пепельно-серой. Он снова закричал, так как его пальцы утончились до костей и сплавились так, что он не мог согнуть их.

Идайзи отпрянула, ее лицо впервые отразило ужас, когда она уставилась на эту кошмарную руку, в то время как пронзительные крики Юсеркэфа превратились в безумный вой. Его жена чуть не запнулась о жезл и занесла было ногу, чтобы отшвырнуть его, но затем остановилась, будто испугалась возможных последствий прикосновения, испытывая смертельный ужас от возможности контакта с жезлом. Юсеркэф упал на колени, тело его тряслось. Он все время пронзительно кричал, даже когда лежал ничком на полу.

В комнату ворвались люди — первыми охранники с оружием на изготовку. Но когда они увидели то, что лежало на полу рядом с их господином, и рассмотрели, во что превратилась его рука, то попятились прочь! Их отход расчистил дорогу другому человеку.

Хасты!

Он был так же высок, как Джейсон, и худошав. Черты лица изящнее, чем у Юсеркэфа — он вполне мог сойти за сына Рода, хотя оставалось неразгаданной тайной, кто он был.

Его историю нельзя было проследить далее чем на десять лет назад, когда он был найден в пустыне патрулем рядом с мертвым верблюдом, сам едва живой. Однако он походил на людей Империи, а не на северного варвара, и после выздоровления сумел произвести такое впечатление на командира крепости, к которому был доставлен, что офицер отправил его с рекомендацией в Новую Напату к генералу Немусу.

С начала его прибытия судьба, казалось, благоволила к нему. Несмотря на то обстоятельство, что он не приобрел ни близких друзей, ни доверенных лиц, он, когда хотел, мог расположить людей к себе. И никто не отрицал его богатой одаренности. Даже Зихларз не смог определить степень его интеллекта. С самого начала своей жизни в Новой Напате он избегал всего, что относилось к Храму. К тому же он иногда давал понять остальным, что презирает и придерживается невысокого мнения о том, что считал ничем не подтвержденным суеверием; эта позиция привлекала и тешила эгоизм тех, кто не мог надеяться когда бы то ни было войти в состав правящей элиты Империи.

Теперь он встал на колени рядом с Юсеркэфом и протянул руку, чтобы стиснуть это кошмарное запястье. Кинув на клешнеподобные пальцы единственный изучающий взгляд, он направил свое внимание на мужчину, чьи пронзительные вопли перешли в жалобный скулеж. Нагнувшись, он пристально посмотрел прямо в расширенные глаза Юсеркэфа и пробормотал что-то таким тихим голосом, что только человек перед ним мог услышать. Остальные из присутствующих, включая Идайзи, держались на значительном расстоянии, будто принц был действительно проклят, и это проклятие может перекинуться на них.

Веки Юсеркэфа медленно сомкнулись. Затем его голова безвольно свесилась набок, рот приоткрылся, из его уголка потекла тонкая струйка слюны. Хасти быстро принял на себя командование.

— Унесите в его покои! — Он щелкнул пальцами охранникам, которые откровенно не хотели вообще приближать-

ся к своему господину, но не могли не повиноваться. Только когда они вынесли принца из комнаты, Хасти огляделся по сторонам — посмотрел на Идайзи, на жезл и наиболее проницательно на Талахасси.

В этом пристальном взгляде, который он сосредоточил на ней, ничего нельзя было прочесть. Из-за этой невозможности внутри нее начал подниматься страх, который, ей казалось, она держала под контролем. Он не проявлял душевного волнения, и она не могла догадаться о его намерениях. Казалось, он смотрит на нее как на вещь, а не на живое существо. То, чего Ашаки больше всего боялась в Хасти, была эта особенность — теперь Талахасси пришла к заключению, что она угнетала также и ее.

Глава девятая

— Итак, принцесса... — Хотя он все еще смотрел на Талахасси, но обращался явно к Идайзи. — Кажется, ты проявила самодеятельность.

По-видимому, эта невозмутимая нотка превосходства, откровенно прозвучавшая в его голосе, вырвала Идайзи из шокового состояния. Губы ее сжались, а сама она выпрямилась, снова обретая самообладание.

— Мы достигли цели, — ответила она. — Здесь лежит то, что твой помощник, которого ты отправил, должен был достать и не принес. — Она указала на жезл ногой, а не рукой.

— Очевидно, с тем же самым неудачным исходом. Лорд принц не смог удержать его.

Хасти вновь опустил на одно колено, чтобы внимательно изучить жезл, достав из верхней части своего длинного серого одеяния что-то настолько маленькое, что он смог скрыть в ладони своей руки. Этим он провел по всей длине рукоятки жезла, стараясь, как заметила Талахасси, не касаться ее. Он проделал это дважды, туда и сюда, а затем разжал кулак для внимательного осмотра металлического предмета размером не больше спичечного коробка ее собственного времени.

Он нахмурился, и одинокая глубокая складка пролегла между его бровями, когда он продолжал изучать то, что держал.

— Радиация. — Слово, которое он произнес, предназначалось не для его слушателей, а больше для себя. — Но какая?..

Единым проворным движением Хасти поднялся на ноги, одним крупным шагом достиг Талахасси. Тотчас же его руки развязали узлы, что удерживали ее в плену.

— Что ты делаешь? — Идайзи метнулась к нему. — Она...

— По-видимому, если все рассказы — правда, — и на этот раз его надменное пренебрежение к Идайзи было весьма откровенным, — принцесса Ашаки может держать в руках этот символ могущества, и он не принесет ей никакого вреда.

Я должен иметь доказательство этого здесь и сейчас. Или ты, принцесса, имеешь желание поднять его с пола?

Когда последняя из окутывающих ее оберток была снята, Талахасси приподнялась. Единственной ее одеждой была тонкая ночная сорочка. Тело все одеревенело, а спина болела из-за длительного пребывания в одном положении. Но она села, свесив ноги с кушетки и храня на своем лице такое непроницаемое выражение, какое только могла.

— Можешь ли ты поднять это? — Хасти перешел прямо к делу.

— Я из Рода и Высшего Пути, — ответила она уклончиво.

Талахасси не знала точно, какой способ контроля они могут применить к ней. Однако если бы она взяла жезл в руки, то, возможно, оказалась бы в состоянии воздействовать на них, хотя воспоминания Ашаки дали ей только очень смутный и неполный намек, как этот символ власти может быть использован.

— Не позволяй ей этого! Она проклянет нас, и мы умрем! — Идайзи схватила его за руку, оттащила немного назад. — Ты освободил ее... Откуда тебе известно, что она может вытворить с жезлом в своей руке?!

— Она сделает только самую малость, — невозмутимо ответил Хасти. — Я должен увидеть это. Теперь!

В одной руке он по-прежнему держал предмет, который использовал, чтобы исследовать жезл, а в другой у него со сверхъестественной быстротой появилось нечто иное — сверкающий диск, который он раскрутил в воздухе, вращая его за конец цепочки. Против воли глаза Талахасси были прикованы к этому. На нее обрушилось то же самое ощущение, что удерживало ее под контролем в другом месте в прошлом, в музее.

Таким образом, вынужденная подчиниться, она поднялась резким движением, точно не хозяйка своего собственного тела, и потом нагнулась, чтобы сомкнуть свою руку на жезле.

Рукоятка вызывала ощущение теплоты, была почти живой в ее руке. Было что-то, что она могла сделать — должна бы сделать, — однако воспоминания Ашаки не были достаточно ясными, чтобы подсказать ей. Нет, как пленница Хасти, она должна поднять жезл и отнести его, сделав три-четыре нетвердых шага вперед, чтобы поместить его снова внутри защитного ларца.

— Прекрасно, Великая Леди. — Он насмеялся над ее титулом, когда наклонился, чтобы захлопнуть крышку, скрывающую жезл от взгляда. — Итак, действительно, ты обладаешь каким-то контролем над этой вещью. — Теперь он поворачивал ларец перед ней, держа его постоянно на уровне ее сердца и осматривая его поверхность. Еще раз его брови хмуро сдвинулись, и он потряс головой, может быть, отвергая направление своих мыслей.

— Ты видишь, принцесса, — обратился он к Идайзи, — как новое знание сталкивается со старым и побеждает его?

Она теперь так же покорна моей власти, как охотничий леопард на привязи.

— Она слишком опасна и может принести нам смерть, — резко возразила Идайзи.

— Вполне согласен. Но ведь это ты привезла ее сюда, принцесса.

— Потому что мы нуждаемся в заложнике, пока наши планы не созреют полностью. Они считают ее Наследницей, поэтому не захотят потерять ее.

— Вот как ты запланировала? — Хасты улыбнулся — холодно. — В старых способах использования заложников и заключения сделок нет надобности. Разве мы не договорились, принцесса, что наступает время отвергнуть прошлое и начать все по-новому, отбросив бремя древних суеверий и обычаев?

— Мы все еще недостаточно сильны...

— У нас есть все, в чем мы нуждаемся в настоящий момент. Если потребуется больше, мы хорошо знаем, где это взять.

Идайзи взгляделась в него с неприкрытой горечью. Возможно, только сейчас она начала понимать, предположила Талахасси, что властвовать за спиной императора Юсеркэфа будет, в конце концов, не его жена, а этот человек.

— Так как мы поступим с ней? — Она ткнула в их пленницу пальцем, будто хотела, чтобы это был меч, нацеленный убить девушку.

— Она не будет представлять опасности, принцесса... у меня. — Произнося эти слова, Хасты позволил кружащемуся диску успокоиться и спрятал его назад в складки одежды. Но прежде чем Талахасси, избавленная от этого принуждения, смогла двинуться, чтобы защитить себя, его рука снова появилась на свет, держа цилиндрок. Еще раз ее лицо было обрызгано той же самой усыпляющей жидкостью, благодаря которой ее доставили сюда пленницей. Она запомнила падение вперед, и это было все.

Она приходила в себя медленно; но теперь не притворялась, пытаясь запутать тех, кто захватил ее в плен, если бы они интересовались ее состоянием, потому что она понимала, что во второй раз ничего этим не добьется. Вокруг был ослепительный свет, достаточно яркий, чтобы заставить ее зажмуриться, и она услышала странные звуки, которые ни с чем не могла сопоставить.

Поверхность под ней была ровной и твердой, когда она приподнялась на локтях, чтобы осмотреться. Она была... посажена в клетку! Вокруг нее действительно имелась сеть из проволоки, прикрепленная к четырем прочным стойкам, которые удерживали ее в одной части очень большого помещения.

Но это было нечто больше, чем просто клетка.

Талахасси не испытывала затруднений в идентификации предметов, которые, наверное, были бы абсолютно чуждыми для Ашаки. Это была разновидность лаборатории, самая обычная, в каких она часто бывала студенткой. Слева от нее располагался потрескивающий ящик высотой почти до потолка, а дальше шли два длинных стола, заставленные ретортами, баллонами, инструментами. В воздухе — резкий запах химических препаратов.

На ближайшем столе... стояла клетка, смоделированная точно как ее, но слегка иных пропорций и значительно меньших размеров, и в ней находился жезл, снова вынутый из ларца. Несмотря на яркое освещение, Талахасси считала, что видит мерцание излучения вокруг самоцвета, венчающего его верхушку. Рядом с ним лежало что-то еще — Ключ... или, по крайней мере, анх, который был довольно похож на тот, что она видела в руке Джейты, чтобы являться его близнецом. И тем не менее он не упоминался раньше как часть добычи Идайзи.

Было что-то... Внезапная непродолжительная вспышка воспоминаний Ашаки мелькнула при виде этого. Но она быстро поблекла, когда Талахасси попыталась выделить ее более отчетливо. Она осталась с ощущением, что с жезлом и Ключом вместе что-то можно было сделать для собственной защиты и, может быть, атаковать тех, кто был инициатором ее похищения.

Клетка не имела никакой видимой двери, и когда она для пробы протянула руку по направлению к решетке, какой-то предостерегающий инстинкт заставил ее воздержаться

от прикосновения. Она не могла пожертвовать своим единственным одеянием, однако кусок ткани вокруг головы мог быть использован.

Талахасси тщательно свернула его в плотный узел, потом осторожно притронулась одним концом — держа свои пальцы так далеко, как только могла — к заградительному барьеру.

Произошла мгновенная вспышка, так что Талахасси оцепенела. Что, если бы ее пальцы или кисть вошли в контакт с этим?

Теперь она сидела, поджав ноги по-турецки, в середине своей клетки и старалась представить будущее — хотя будущее было совершенно непредсказуемым.

Ее мысли были невеселыми и ничего особенного не представляли, однако прошло немало времени, прежде чем она начала осознавать, что не одна в этой комнате. Поднявшись на ноги и медленно повернувшись кругом, долго и внимательно осматривая каждую часть длинной комнаты, она никого не увидела. Комната сама по себе была очень открытой, без укромных уголков или мест, которые были бы ей не видны.

Однако... она была не одна!

Какое-нибудь следящее устройство? Талахасси не составляло труда поверить, что такое могло быть нацелено на нее.

Но она не могла бы ощущать подобную вещь! Это было невозможно. Следовательно, природа явления была другого сорта. Личность... да, это было то же самое ощущение, которое она испытала в своем собственном — или Ашаки — доме, что здесь «присутствовала» некая личность, невидимая, может быть, неслышимая (если она пыталась общаться), и все же существующая.

Талахасси медленно опустилась обратно на пол клетки.

Сейчас она столкнулась с чем-то, что было абсолютно непривычным для нее. Как можно узнать, где находится существо, которое является невидимым (поскольку в этот раз нет ни малейшего намека на тени, подумала она, которые она

видела прежде в таких случаях), но которое «присутствует» здесь?

Она поворачивалась кругом, методически осматривая комнату, изучая каждую часть с мучительной интенсивностью, пытаясь «услышать», если можно употребить это слово, своим разумом. Не здесь, не здесь... не здесь... Постепенно она почему-то становилась уверенной, что каждое суждение, исключаящее часть помещения, было правильным.

И наконец... она знала!

Это висело около другой клетки — клетки, где находились жезл и Ключ.

Кто? Идайзи говорила об использовании ее как заложницы, термин, который предполагал, что остались те, кто мог торговаться за ее жизнь. Может быть, Налдамак, захваченная после ее возвращения? Последователи Высшего Пути, заблокированные теперь внутри их городского храма? Или Джейта и Херихор? Но разве не были убиты все в ее поместье, с чем она мысленно уже смирилась? Она вспомнила, что Хасти отбросил предложение о заложниках как незначительное. И сейчас она была в собственной твердыне Хасти — Талахаси ничуть не сомневалась в этом.

Те, кто шел Высшим Путем, всегда разыскивали такие явления, которые могли быть выражены моральной силой — для контроля над своим собственным разумом, для усиления и развития своих собственных талантов. Хасти, очевидно, был тем, кто добился, сам по себе, примерно тех же самых результатов. Она потому и находилась здесь, что он преуспел в деле.

Гипнотизм — вот что служит объяснением для того крутящегося диска, который подчинил ее его воле. Затем, существовал химический препарат, от которого человек быстро терял сознание. Кроме того, первоначальное похищение и сокрытие жезла и Ключа в другой плоскости мироздания — плоскости, к которой относилась она сама. Какие еще другие средства и орудия он разработал?

Оно все еще находилось там, это существо. Время от времени она проверяла свое странное ощущение осведомленности и постоянно получала тот же самый ответ. Было ли это личностью посланца, который исполнял волю Хасти в перемещении Ключа и жезла и потом был «изгнан» быстрым действием Джейты в пустыне? Могла ли она общаться с этим?

Должна ли она рискнуть попробовать? Теперь, когда Хасти имел оба символа власти в своих руках, мог ли он полностью освободить своего посланца — или не мог?

Руки Талахасси сжались в кулаки. Как много было такого, что она хотела — страстно желала — знать. А все, что она смогла понять, — лишь предположения.

В дальнем конце комнаты раздался резкий звук. Здесь не было висячих занавесей, таких, какие она видела в поместье, а скорее нечто вроде двери, как те, которые она знала большую часть своей жизни. Хасти, его длинное серое одеяние сменилось на белый рабочий халат длиной до колен и без рукавов, целеустремленно прошел по проходу между двумя длинными столами с оборудованием, чтобы стать лицом к ней.

Он, должно быть, сразу же обратил внимание на обгорелый край матерчатого узла, лежащий возле нее, поскольку теперь улыбался.

— Ты уже поняла безрассудство любой мысли о бегстве и поступила очень правильно, — прокомментировал он. — Как ты догадалась, что в стенах вокруг тебя может заключаться некая подобная опасность?

— Я разобралась, — ответила она со всем спокойствием, которое смогла собрать. — Точно также, — что-то заставило ее добавить, — я знаю, что мы сейчас здесь не одни.

Он быстро посмотрел вокруг, даже слегка вздрогнул, что продемонстрировало кратковременное чувство беспокойства в нем, которого Талахасси не ожидала увидеть. Она отметила это в своей памяти как трещину в фасаде его абсолютной власти.

Он тотчас же засмеялся.

— Духи воздуха. Великая Леди? Или тень Самого Эпидекека, набирающего силу, чтобы дать свободу Его Избранной?

— То, что находится здесь, варвар, — она сознательно придала этому слову весь оскорбительный смысл, который поддерживался среди знати, — не от Эпидекека и не от Пути, а из твоего действия. Оно висит сейчас над Вещами Силы. — Она показала на заключенные в клетку жезл и Ключ, как будто могла в самом деле видеть там некую тень. — Оно было послано тобой, поэтому возвратилось к тебе.

Он повернул голову, чтобы взглянуть туда, куда она показывала. Затем еще раз рассмеялся.

— Пытаешься запутать меня своими древними глупостями? Я не так наивен, чтобы верить подобному.

Талахасси пожала плечами:

— Веришь ты или нет, Хасты... но Акини здесь. — Из какого источника пришло это имя в ее разум? Она не могла сказать, ибо только произнесла его вслух, как будто в этот момент его прошептали в ее ухо — или крикнули в отчаянии с очень-очень далекого расстояния.

Он кинул на нее взгляд.

— Ты знаешь многое, Великая Леди. Однако без толку стараешься использовать имя погибшего существа, чтобы заставить меня поверить в вашу «Силу». Это имя вполне могло быть известно ранее тем, кто служил вашему делу. Я говорю это потому, что это дело мертво, так же как и ты умрешь, как только я захочу этого. Ты веришь мне? Да, в глубине себя ты веришь. Хорошо, теперь мы понимаем друг друга. И хотел бы я наконец встретить мужчину или женщину... человека, который не торговался бы за свою жизнь.

Если ты отдашь мне свое знание — как, например, ты повредила этому безвольному дураку Юсеркэфу, не трогая его пальцем, — и об энергии, которая заключается в этом, — он показал на заключенный в клетке жезл, — тогда мы сможем заняться совместным делом. Думаешь, мне хотелось заключать какое-нибудь длительное соглашение с Юсеркэфом

и этой самкой леопарда, которая вертит им по своей прихоти?

Они были полезны. Теперь они больше не нужны. Их можно стряхнуть, как пыль с рук.

— Ты хочешь Древнее Знание, хотя сам говоришь, что оно больше не имеет никакой ценности, — ответила Талахаси. — Кажется, ты сам себе противоречишь этими словами.

— Я противоречу? Нисколько, Великая Леди. Что в твоём знании существует часть необъясненного и, возможно, пригодного к употреблению, это я допускаю. Амон развивался длительное время, а перед ним было Мероз, и еще раньше — Египет. То, чем вы владеете сейчас, должно быть, только жалкие крупички того, что было когда-то великой чуждой наукой.

И существуют иные пути, способы добиться возвращения той эпохи — более короткие и прямые пути. Научи меня секрету такой силы, какую эти вещи могут «генерировать», — он опять показал на меньшую клетку, — и не останется ничего, чего бы я не смог достичь! Ты хочешь возвыситься, чтобы поставить ногу на саму Луну над нами, Великая Леди? Кто знает, может быть, и это будет осуществлено!

Хотя в его голосе звучал энтузиазм, она почувствовала неискренность. Вот так он и уговаривал людей, недовольных судьбой, присоединиться к его мечте о будущем. Неужели он думал, что человек с Талантом не сможет разобраться в том, кто он такой — человек, который хотел властвовать, получить силу в свои руки, пока не вообразил себя Владыкой Жизни и Смерти?

Девушка не отвечала, только пристально глядела на него.

Чувства подсказали ей, что то, что витало над заключенными в клетку талисманами, теперь пододвинулось к нему ближе.

— Нашептывает ли Акини в твое ухо, Хасти? Он сейчас находится так близко от тебя, что может положить руку на твое плечо.

— Итак... Ты использовала свою черную магию? Отлично, только не рассчитывай, что это поможет тебе здесь.

Я извлекал секреты из умников не один раз, Великая Ле-ди. Не думай, что я позволю тебе убежать. Смотри — я даю тебе только слабый образчик того, что может быть сделано с тобой.

Он шагнул к потрескивающему ящику, нажал указательным пальцем на определенное место. Талахасси резко дернулась. Было такое впечатление, будто ей на голову одели обруч, который сжимался и давил. От страха у него во рту стало кисло.

Затем без ее усилия пришла память Ашаки. Именно этого он хочет: сделать так-то и так-то. Вся жизнь — это состояние разума, используй твой разум как оружие...

Она тут же смогла как бы уйти в себя, поспешно двигаясь по каким-то хорошо знакомым тропинкам в безопасное место, куда не способны проникнуть ни боль, ни страх, в твердыню, где сущность ее личности может ставить барьеры против любого нападения.

Она считала, что, вероятно, не найдет в памяти Ашаки те участки, которые ведали Силой... однако такой участок существовал. К тому же, может быть, именно страх повернул надлежащий ключ, чтобы впустить ее внутрь.

Так... и так... и так!

Все стало тенями тени, клетка, что вмещала ее, стала тонкой, как дымка, подобно паутине, которую не спеша можно было убрать прочь, если бы на то была ее воля. И Хасти — он был уже не человек, а скорее луч света, пульсирующий мрачным багровым цветом, цветом надменности и себялюбия, который ни один человек не должен держать внутри себя. Ибо всякое знание появляется из Источника Жизни, а такие, как Хасти, сознательно отрицают этот источник и утверждают, что он — ничто.

Раздался щелчок, резкое возвращение к фокусу обычного состояния. Хасти вновь стал самим собой, стоящим у машины, рассматривающим Талахасси, нахмурившимся, так что глубокая складка пролегла между его глаз. Затем он улыбнулся, неторопливо, как улыбалась ранее Идайзи, с тем же

самым смакованием наслаждения, которое ему хотелось бы продлить до предела возможного.

— Итак, ты нечто, возможно, несколько более значительное, чем я думал, — сказал он. — И все же, в конце концов, мы придем к соглашению на моих условиях. А в случае твоего упрямства эти условия будут становиться тем жестче, чем дольше ты противишься мне.

Он двинулся прочь широкими шагами, как будто полностью выбросил ее из головы. Талахасси глубоко вздохнула раз, затем другой. Но ее внимание было нацелено на спину Хасти. И не потому, что она боялась его возвращения или еще одного нападения, а потому, что позади него, хотя он шел под ярким освещением этого помещения, которое не позволяло тени, следовало разреженное нечто, которое она могла теперь видеть. То, что держало под наблюдением жезл, сейчас материализовалось в большей степени, достаточно, чтобы прицепиться к Хасти почти как обветшавший плащ.

Хасти задержался в дальнем конце комнаты, чтобы склониться над столом. Талахасси полагала, что там, возможно, лист бумаги, на котором он сосредоточил внимание. Дух парил вокруг, слегка трогая сперва одно плечо мужчины, а потом другое, стараясь привлечь его внимание к себе или что-то в том роде, как думала девушка. Однако Хасти не подал виду, что знал о его «присутствии». И девушка подозревала, что это действительно так.

Она ожидала, что нечто возвратится, плывя по направлению к клетке с жезлом, поскольку Хасти отложил лист бумаги и тотчас же занялся прибором на столе. Вместо этого дух, казалось, скользнул куда-то в воздух и исчез, и она более не могла ощущать его «присутствие». Но она узнала его имя — Акини. А зная его, она, по очень древней доктрине, обладала некоторой долей контроля над духом или должна бы обладать, если бы вспомнила надлежащий ритуал.

Теперь ей оставалось обдумать, что же случилось с ней в тот момент, когда Хасти попытался заставить ее подчиниться его механизму. Он потерпел неудачу, какой бы замысел ни

разрабатывал, чтобы добиться своего. Но она все еще была пленницей, так же как жезл и Ключ. Талахасси не рассчитывала, что придет какой-нибудь спаситель извне, громогласно заявляя о ее освобождении, хотя продолжала сомневаться, что Хасти настолько контролирует все события, как он ее уверял.

Единственное намерение, в котором он открыто признался, — он больше не собирался, даже если у него раньше и были другие соображения, выдвигать Юсеркэфа в качестве императора. Талахасси не была уверена в настроении народа. Признают ли они такого властителя, правителя не из Рода? Они, похоже, спокойно приняли закрытие Храма, сделанное против всех правил и законов, которое раньше могло бы собрать толпу, орущую во все горло и сражающуюся, чтобы добраться до богохульника, посмеявшегося распорядиться о такой акции.

Он пытался договориться с ней, но несомненно, что его конечная цель — договориться с Налдамак, императрицей.

Женщина, носящая тройную корону, не являлась теперь той же самой девушкой, которую Ашаки давным-давно называла сестрой. Из-за осмотрительности, а также из-за печали и утрат эта женщина настолько превратилась в правителя, что теперь навсегда удалилась в мыслях и производила впечатление человека, рассуждающего скорее абстракциями, и только где-то в глубине были человеческие чувства, любовь, ненависть, опасения.

Мог ли Хасти использовать против императрицы это странное средство гипнотизма (так как крутящийся диск, несомненно, был им) и таким образом превратить Налдамак в свою марионетку? Тогда внешне их мир оставался бы тем же самым, тогда как внутри он бы создал иное общество.

Но в таком случае Налдамак была бы отстранена — хотя воспоминания Ашаки содержали только некую вероятность, кое-какие предположения, и она не могла точно утверждать это. Правда, отстранение могло в самом деле произойти и было бы вполне логично. Так почему Хасти предлагал соглашение, пытался навязать его ей — Наследнице?

Потому что она была именно тем, кем была. Налдамак принесла торжественную присягу, что не выйдет опять замуж, да и не могла она это сделать по закону, когда ее бесплодие абсолютно доказано. Но с ней, Наследницей...

Талахасси кивнула. Даже находясь в таких условиях, в каких она была в настоящее время, она смогла криво улыбнуться, подумав о рухнувших надеждах Идайзи. Жена Юсеркэфа, вместо того чтобы действовать по своему собственному плану, сыграла на руку Хасти, доставив ему Наследницу. Она задала себе вопрос, осознавала ли это Идайзи; безусловно, она не была настолько глупа, чтобы верить, что сможет командовать своим бывшим союзником и в дальнейшем.

Хасти перелил зеленоватую жидкость из одного лабораторного стакана в другой и поднес его ближе, чтобы добавить его содержимое, капля за осторожной каплей, в чашку на столе очень близко от клетки с железом. Пошел тошнотворный запах, такой раздражающий, что Талахасси закашлялась, несмотря на усилия сохранять тишину.

Закончив свое дело, мужчина поднял голову, чтобы взглянуть на нее, и при этом взял чашку одной рукой.

— Есть шанс, — он держал чашку так высоко, что она не могла увидеть ее содержимого, — предупредить неизбежную смерть нашего дорогого принца. Довольно незначительный шанс, как я думаю. Но постольку я призван творить чудеса, то постараюсь сделать все наилучшим образом. Принцесса Идайзи... — Он с издевкой покачал головой. — Увы, Великая Леди, раз она не может открыто требовать твоей крови, думаю, она должна попытаться весьма энергично достичь этого другими, более скрытыми методами. Нет, не потому, что любит своего дорогого лорда, а потому, что корона, о которой она неизменно мечтала, пусть и незримо, ей недоступна.

Ну, все-таки это надежда. Что касается тебя, Великая Леди, то поразмысли также — сколько может человек, даже обученный в Храме, оставаться запертым без пищи или воды. Без пищи — может быть, долго. Говорят, что те, кто имеет

Талант, скорее питаются, чем истощаются, через пост. Но вода — другое дело.

И, будто его слова были ключом, чтобы открыть дверь для потребностей ее тела, язык Талахасси с трудом шевельнулся во рту, который, казалось, внезапно пересох.

Глава десятая

Жажда, стимулированная этим намеком Хасти, стала пыткой. Талахасси положила голову на руки, сжимающие колени, и сгорбилась в клетке. Он использовал на ней однажды крутящийся диск, чем принудил ее выполнить его приказ; сделал ли он это вновь более умело только через слова? Она боролась, чтобы контролировать свои мысли — перекрыть мысленные изображения бегущей воды, кубков, наполненных и ожидающих, чтобы их выпили.

Верил ли Хасти, что может сломать ее защиту при помощи безумной жажды и таким образом одолеть ее? Кап... кап... Звук наносил удары по ее самообладанию. Она медленно подняла голову, всмотрелась в дальний угол лаборатории. Там находилась раковина, выдолбленная из массивного камня, к которой подходила труба. И из нее стекала капля за каплей жидкость, хотя она не замечала и не слышала этого раньше. Было ли это усовершенствованием пытки, устроенной Хасти?

Она снова закрыла глаза, стараясь не слышать этого звука, монотонного, смертоносного для ее самообладания. Она не сомневалась, что именно это Хасти и имел в виду, когда говорил на эту тему. Он хотел использовать ее тело, чтобы добраться до ее разума...

Ее захлестнула паника. Она поспешно закрыла рот обеими руками, чтобы не закричать от страха. Именно это было его оружие — страх. А ее оборонительным сооружением являлся гнев, который она взрастила в себе как стену против собственного отчаяния.

Кап... кап...

Она неистово затрясла головой, будто могла этим действием заблокировать звук. Однако это не был путь для борьбы.

Самое лучшее ее оружие имелось в единственном месте, она была уверена в этом, — в памяти Ашаки. Как она делала и раньше, Талахасси начала пробовать, привлекать это знание, все более и более осознавая его отрывистость — если бы заполнились пробелы, это могло бы ей весьма пригодиться.

Ашаки прошла через длительные тяжелые испытания Храма, научилась там управлению над физическими процессами собственного тела, о чем только ходили слухи, как о возможном, в собственном мире Талахасси. Следовательно, где-то здесь должен находиться ответ на это...

Ладони ее рук стали влажными от пота, как будто клетка вокруг нее снова накалилась, но нити проволоки оставались тусклыми и не пылали жаром. Она заставила себя дышать медленно, равномерно. Так... так...

Опять она как бы прорвалась сквозь стену, потому что подключился новый запас силы, о котором она и не подозревала, что он существовал. Но... сохранять контроль... не быть слишком самоуверенной. Она словно ползла по краю какой-то очень скользкой тропинки, рискуя при каждом движении, стараясь удержать и в конце концов использовать эту частицу памяти. Ощущение жажды отступило. Оно было все еще здесь, да, но теперь больше не сводило с ума.

Она открыла глаза, проверила свой контроль, наблюдая, как стекают капли из трубы. Ибо теперь... да... она могла держаться!

Но дверь далее раковины медленно открылась, как бы украдкой. Мгновением позже в нее проскользнула фигура, поспешно затворив эту дверь за собой. По проходу между столами пробежала Идайзи, приблизилась к передней стороне клетки.

В течение минуты она только стояла, изучая Талахасси.

Тем не менее на этот раз в ее глазах не было злобы, да и насмешливая улыбка при виде врага, пойманного подобным образом в ловушку, не появилась на ее лице.

— Послушай. — Она придвинулась к клетке на такое расстояние, что едва не касалась проволочной сетки. — Ты обладаешь способностями. Хотя этот человек и захватил тебя, он все еще не осмеливается притронуться к этому для своих целей. — Она показала на жезл. — Он... он рассчитывает использовать тебя для выполнения его желаний...

— Хаста намеревается, — сухо заметила Талахасси, — править Амоном сам.

— Да. — Идайзи поджала губы. — Он уверяет, что сможет исцелить моего лорда... думаю, он лжет.

— И он больше не нуждается в тебе.

На лице Идайзи появилось откровенное бешенство.

— Это... это варвар... и даже хуже, чем варвар. Он даже не человек, не из этого мира! О, он полагает, что это надежно скрыто, но Зихларз установил правду. Он прибыл в этот мир через некую дверь, открытую демоном. Где, ты думаешь, он научился этому? — Ее вскинутая рука обвела лабораторию.

— Ты с радостью приняла его помощь, не важно, посланную демоном или нет, — подчеркнула Талахасси.

Идайзи засмеялась.

— Почему бы и нет? Мы тогда думали, что он существует исключительно по нашей милости. Мы могли разоблачить его, кто он такой на самом деле — некто, кто не имел права существовать. Он сулил нам... показывал нам...

— Достаточно, чтобы заставить вас поверить, но не настолько, чтобы насторожить вас, — продолжила за нее Талахасси. — Это был именно его план, разве нет, укрыть жезл и Ключ вне времени?

Идайзи провела рукой по лбу, сдвинув церемониальный парик, но не попыталась поправить его.

— Да. Но это не сработало, ибо ты вернула их. Однако если он смог открыть такую дверь один раз, то сможет проделать это снова... и он может заставить людей служить ему.

— Ты не обладаешь разумом ребенка, Идайзи, и не являешься человеком, чьи мысли перегружены величайшим злом.

Неужели ты не понимала, что из этого может получиться?..

Идайзи прикусила суставы пальцев своего крепко сжатого кулака. Талахасси хотелось рассмеяться. Думала ли Идайзи, что может подобным образом ввести в заблуждение человека с Талантом? (Талантом? — выразила сомнение другая часть ее разума, которой она не удосужилась ответить.) Разумеется, абсолютному изменению планов этой женщины нельзя было доверять. Возможно, это еще один тактический ход, разработанный Хасты с целью ослабления собственной воли Талахасси. Но если он полагал, что ее можно было победить посредством такого хода, как этот — что ж, он слишком низко ее оценивает.

— Он... — Идайзи не ответила на ее вопрос, но полностью переключилась на другую тему. — Он не похож на других мужчин, уверяю тебя. Он считает, что все женщины являются слабовольными и нерешительными. Он внутренне презирает наш народ, потому что тот прислушивается к женщинам, что властвуют над ними!

— И все же ты полагала, что он будет слушаться тебя, подчиняться тебе, — подчеркнула Талахасси. — Итак, я вновь спрашиваю — почему?

— Потому что я не знала! — Ее голос стал резким и высоким, будто этот вопрос каким-то образом задел ее за живое. — Этого не было до тех пор, пока мой лорд не оказался поражен, когда Хасты показал, что он представляет собой на самом деле...

— Теперь ты себе противоречишь. Разве ты не говорила, что уже знала, что он не нашего Рода?

— Я сама не знаю, что говорю! — Ее руки, сжатые в кулаки, поднялись, как бы для того, чтобы ударить по проволочному ограждению клетки и, может быть, по Талахасси. — Мы знали, что он не похож на нас, но не знали, насколько. Он разговаривал со мной — мной! — как будто я невольница. Он... в нем было то, что он не осмеливался демонстрировать мне раньше.

— Не осмеливался — или не хотел? — спросила Талахасси. — Однако почему ты сейчас пришла ко мне? Ты же ви-

дишь, что я надежно заперта с помощью его устройства. Что я могу теперь сделать?

Идайзи покачала головой:

— Я не знаю. Но ты изучала Высший Путь, и несомненно, имеется что-нибудь, что ты можешь сделать.

— Возможно. Возьми и принеси мне Ключ и жезл... — потребовала от нее Талахасси. — Тогда мы узнаем.

Идайзи повернулась, как будто для того, чтобы поднять эти талисманы. Вдруг она отпрянула.

— Если я прикоснусь к тому, что их удерживает, то погибну.

— Так я и думала, — сухо прокомментировала Талахасси. — Таким образом, ты попала в свою собственную изощренную ловушку. Однако что насчет других — тех, что в Храме? Ты обращалась к Зихларзу?

— Храм под охраной — не из людей, а одного из его устройств. Никто не выходит наружу уже три дня.

— А те, которые были моими собственными охранниками? Наверное, ты усыпила их и затем перерезала им глотки? — Талахасси заставила себя говорить спокойным голосом, управляя им точно так же, как поддерживала контроль над своим телом.

— Нет! — Идайзи в изумлении посмотрела на нее. — Усыпила, да, когда мы захватили тебя. Но они не смогут прийти. Хасти установил свою охрану вокруг города, так что только его приверженцы могут войти и никто не может уйти.

Он также надеется поймать в ловушку императрицу.

— Захватив благополучно таким образом Новую Напату, он может делать все...

— Нет! Есть одно действие, которое он не может осуществить! — прервала ее Идайзи. — Он не может взять жезл.

Он пытался, когда тот попал в его руки в первый раз, и потерпел неудачу. Вот почему он постарался спрятать его в такое место, куда, он считал, никто другой не может проникнуть. Он не способен удержать жезл ни на капельку дольше, чем Юсеркэф.

— Ты видела его попытку? — задала вопрос Талахасси.

— Да. В своей руке он держал коробочку... такую маленькую коробочку. Он водил ею над жезлом, и она стала щелкать так, что он поспешно отдернул ее. Но у него был кто-то, кто служил ему, — кого он удерживал силой своего взгляда и своей воли, — и этот некто забрал жезл... и исчез!

— Однако как же этот некто не пострадал от жезла?

— Хасти надел ему на руки рукавицы, которые были очень тяжелые. Ими он держал жезл, не получив при этом вреда.

— Разве он не может удалить жезл опять? И, если он может делать много странных и удивительных вещей, разве он не в состоянии править без жезла?

Идайзи изумленно уставилась на нее:

— Но ты же знаешь, что такое жезл. Он сердце нашей нации... нашего народа! Без него мы прекратим существование. Почему же ты говоришь, что жезл — ничто и Хасти может править без него?

Непростительная ошибка, мгновенно поняла Талахасси.

Народ Амона в продолжение веков воспитывался в этом убеждении. И если бы жезл на самом деле был отобран у них, они бы распались как государство, исчезли как нация, потому что они верили, что это должно быть так.

— И тем не менее он завладел им и спрятал, — подчеркнула Талахасси.

— Он был укрыт только на время. Хасти знал, где он находится — и только четверо знали, что он исчез. До тех пор, пока ты и Джейта не разгадали это!

— Но ты захватила его... и меня.

Идайзи ударила кулачками друг о друга.

— Юсеркэф из Рода, никто не может отрицать этого. Императрица не вступит в брак, она почти удалилась от общества. А ты... ты из Высшего Пути. Как ты будешь управлять?

Юсеркэф — родной сын императора. Почему же он не должен быть здесь правителем? — Ее слова катились одно за другим в стремительном натиске. — У других народов королю наследует родной сын...

— У варваров, — уточнила Талахасси. — Их ты знаешь гораздо ближе, чем я. Ты говоришь о жезле как о настоящем сердце нашего народа. Это так, но, в свою очередь, с ним неразрывно связаны наши собственные обычаи. Мы не следуем путями варваров.

— Можешь укорять меня происхождением, если хочешь! Да, моя бабушка была из народа западного моря — но она ничуть не хуже от этого. Она была дочерью короля... какой являешься и ты.

Итак, их подозрение о происхождении Идайзи оказалось верным. Правда, для Талахасси это не имело значения.

— Какое это имеет значение теперь, чья кровь течет в наших венах? Достаточно того, что Хасти был предоставлен самому себе в его делах. А так как ты знаешь его лучше, чем я, что в таком случае ты предлагаешь? — Она возвратила их к главной теме. И она действительно желала получить ответ Идайзи на этот вопрос.

Когда женщина заколебалась, Талахасси задала другой вопрос:

— Как эта клетка, в которой я нахожусь, контролируется?

Я узнала, что в ее стенках имеется энергия, так что я не могу рассчитывать пробить себе путь наружу.

Идайзи встряхнула головой:

— Я не знаю. В этой комнате прежде я была только раз. И тогда Хасти сказал, что повсюду для неосторожного лежит смерть и что нельзя касаться вещей, которые находятся здесь.

— Тогда почему ты пришла? — настаивала Талахасси. — Сказать мне, как безнадежно бороться против этого варвара, которого ты пыталась использовать как марионетку, а теперь он с легкостью повернулся в твоей руке, чтобы угрожать тебе?

— Я пришла потому, что... что, несмотря на все, Хасти сказал — Талант существует. И если есть в Высшем Пути то, что является таким же сильным, как его механизмы... настоятельно прошу тебя использовать это против него, прежде чем будет слишком поздно!

Талахасси изучала ее сужившимися глазами. Она начала эту беседу, полагая, что прибытие Идайзи — отвлекающий маневр или утонченная атака против нее, вполне вероятно, начатая под воздействием Хасти. Но новое чувство подсказывало ей теперь, что женщина была в самом деле полна страха, что она говорит почти то, что думает. Хотя в прежнее время искренность не сопутствовала ей, сейчас страх заставил ее быть отчасти правдивой.

— Я догадываюсь, что ты подразумеваешь под этим... однако похоже, что действительно поздно, — заметила Талахасси. — Но ты кое-что можешь сделать — приведи в готовность тех, кто захочет подняться, чтобы уничтожить Хасти, открой путь для Джейты и Херихора...

Идайзи уже трясла отрицательно головой.

— Я же говорила тебе — у него есть собственная защита Напаты...

— Охранники могут быть... — начала Талахасси, но женщина перебила ее:

— Но не эти охранники — поскольку они не люди, а скорее предметы, которые он создал в этом помещении. Мы не имеем понятия, как управлять ими, так же как я не могу освободить тебя из этой клетки. Его пути не являются нашими путями.

— Может быть, нет. — Талахасси не спускала глаз с блока, от которого доносилось постоянное потрескивание, откуда Хасти пытался овладеть ее разумом. — Это то, — она показала, — что, я считаю, контролирует эту клетку. Что находится на его передней части? — Предмет находился перед ней под неудачным углом, так что она не могла видеть, что у него на управляющей панели.

Идайзи передвинулась, чтобы встать перед блоком, но пальцы сплела за спиной, как будто больше всего на свете страшилась какого-либо контакта с механизмом.

— Здесь есть панель; на ней светится маленькая красная лампочка. Ниже нее ряд кнопок.

— Сколько кнопок?

— Четыре.

Четыре, и самая дальняя кнопка управляла мучительной болью, которой Хасти поразил ее. Могла ли какая-нибудь из остальных трех освободить ее? Шанс был незначителен, но Талахасси не могла пренебречь им.

— Не трогай кнопки, которая находится справа с краю от тебя. А испробуй кнопку самую дальнюю от тебя слева.

— Трогать это — смерть. Он сказал так! — Идайзи даже не пыталась поднять руку.

— Если ты пришла не помочь мне — тогда для чего?

— Используй свои собственные силы, — ответила Идайзи. — Вы, из Высшего Пути, говорили в прошлом, что с их помощью может быть сделано очень многое. Я тебе описала его, но не прикоснусь к этому предмету, порожденному дьявольским знанием.

Потом она повернулась и убежала, будто за ней гналось нечто ужасное. Талахасси проводила ее взглядом. В самом деле, она может использовать только собственные силы. Действительно ли Идайзи была движима паникой или весь ее разговор был уловкой, стремлением узнать, что Талахасси, с ее хваленым Талантом, могла сделать? Ее уверенность, что женщина была искренней в своем страхе, поколебалась. Правда и ложь могли быть так искусно смешаны, что их невозможно отделить одно от другого.

Но ей не давала покоя мысль об этих четырех кнопках.

Если бы она только смогла уговорить Идайзи проверить их!

Она вперила взор в блок слева от нее, будто одной волей могла повлиять на его секрет, чтобы добыть свободу.

Исключительно волей! Память Ашаки отозвалась еще одним фрагментом. К несчастью, фрагментом, на котором она ничего не могла построить. Она знала только, что Ашаки сама однажды была очевидцем такого искусства, как телекинез.

Однако он осуществлялся несколькими адептами, действующими совместно, соединив свои силы. И это не было широко распространенным.

Она закрыла глаза, чтобы заблокировать «здесь» и «сейчас», лучше уловить любой намек из этой второй и искаженной памяти. Кое-какие подробности настолько ясны, что она была в состоянии поверить, что сама совершала такие действия. Другие... они становились смутными, расплывались, когда она пыталась сосредоточиться на них. Можно было подействовать на мозг животного, взять его под контроль, заставить выполнить какое-нибудь дело в пределах его физической способности. Но подобное обращение с другими жизненными формами нельзя позволять. Ибо всякая жизнь должна быть почитаема, и человек не должен превращать в рабов любые виды животных. К тому же где в этой комнате нужно найти что-нибудь, на что она могла оказать воздействие, если бы обладала возможностью это сделать?

Где?..

Талахасси напряглась. Это... это «присутствие» — имя которому было Акини — оно вернулось. Она открыла глаза и взглянула на клетку с жезлом, над которым вновь парило оно.

Однако... Акини — оно — был не один!

Она не могла этого видеть, только чувствовала, что в настоящий момент здесь находится более чем одно «присутствие». Она наблюдала, не делая движений, едва осмеливаясь глубоко вздохнуть.

— Акини... — Талахасси облизнула губы, произнеся имя вслух.

Наступило что-то вроде неподвижности — как будто то, что она не видела, застыло, внимательно слушая, потому что теперь эти «присутствия» были сфокусированы на ней.

— Акини. — Она снова произнесла имя, и на этот раз ее слышали.

Неожиданно на нее обрушился поток возбуждения, как волна накатывается на утес, — гнев, страх — но не по отношению к ней. Нет, эта эмоция захлестнула ее, чтобы поглотить, только потому, что она присутствовала здесь и каким-

то образом установила ниточку контакта с личностью, которая ее породила.

Но контакт казался целиком односторонним. Хотя это — Акини — знало ее или отвечало, как она полагала, за то, что случилось, оно не могло совершать какие-то действия.

За исключением того, что в воздухе возникло завихрение, смутно различимое очертание, дух — подобно туманному силуэту с каплевидным расширением вместо головы, руками-хворостинками, такими же ногами, цилиндрическим телом...

Это извивалось, как будто стараясь установить то, что было намеком на ноги, на пол, однако оно колебалось и расплывалось. Но, как бы то ни было, оно каким-то образом могло контролировать свое перемещение до такой степени, что приблизилось к передней части ее клетки.

Опять эмоции: мольба, беззвучный крик о помощи.

— Акини. — Она призвала все свое самообладание, так как колеблющееся существо вызывало у нее нарастающий ужас, и принудила себя глядеть на него. — Я пленница... я не могу помочь тебе... сейчас.

Оно — он — понял?

Он явно пытался удержать хотя бы ту слабую видимость, которой обладал. А потом одна из рук-хворостинок начала удлиняться, вбирая в себя паутиноподобное вещество, из которого он весь был сформирован, до тех пор пока перед ней в воздухе не заскользили беспокойные кольца того, что, возможно, было гигантской змеей — с очень тонким, но длинным телом.

Оно образовало петлю вокруг клетки, из которой Талахасси следила за ним широко раскрытыми глазами. Она уже была способна частично принять духа, которого увидела сначала, но это было нечто другое, и оно по-прежнему растягивало свою субстанцию, утоньшая и утоньшая ее, до подобия нитей.

Конец нити висел в воздухе перед ограждением клетки.

Талахасси вскинула руки к лицу. Она знала, что сейчас должно произойти. Теперь нить старалась проникнуть между

проволами смертоносной ячейки! Добраться до нее! Она потеряла самообладание и, вскрикнув, уткнулась лицом в колени, обхватив руками голову сверху, чтобы защитить ее — хотя защиты не было, она была убеждена, что не сможет противостоять тому, что сейчас тянулось к ней.

Произошло соприкосновение, холодное, вызывающее покалывание, на руке чуть выше запястья, где нить встретилась с ее плотью. Она попыталась сжаться еще сильнее, в комок, тихо плача, ни о чем теперь не думая, кроме стремления спастись. Затем... нить исчезла!

Талахасси не нужно было поднимать глаза, чтобы осмотреть лабораторию, она и так знала. Разрушение нити было ментальным, а не физическим действием. На мгновение она даже обрадовалась его уходу, своему спасению — хотя не могла бы сказать, по какой причине страшилась его.

Раздался звук открываемой двери. Возвращается Идайзи?

Она ни в коем случае не должна видеть Талахасси, доведенную до такого бедственного положения. Девушка боролась за контроль над своим дрожащим телом, своими в значительной степени смятенными мыслями и привлекла последние остатки своей энергии, чтобы поднять голову.

— Как настроение, Великая Леди?

Затуманенный взгляд Талахасси прояснился. Однако в настоящее время Хасти, хотя и пленил ее, не шел ни в какое сравнение с тем, что висело в воздухе, пытаясь достать ее через переплетение тюремных стен.

— Хочешь ли ты пить? — спросил он со злобной издевкой, отойдя от стенки клетки к раковине, чтобы покрутить кран у капающей трубы. В ответ на это действие хлынула стремительная струя воды.

— Вода, Великая Леди. В данный момент, должен сказать, она показалась бы тебе гораздо слаще, чем самое редчайшее из вин. Разве это не так?..

Она покачала головой, не столько в отрицание, сколько, пожалуй, для того, чтобы прояснить свои мысли. Хасти был человеком, а это другое существо... Она содрогнулась.

— Не надо воды? Тебя хорошо подготовили. — Он отвернулся от струи из трубы и снова начал вертеть диск на сверкающей цепочке. Но на этот раз она была настороже и закрыла глаза. Он не сможет снова загипнотизировать ее.

— Глупая самка!

— Акини тоже был глупым? — спросила она.

— Акини! Откуда ты взяла это имя? Потрудились ваши шпионы? — В его голосе появилась ранее отсутствовавшая резкость. Сказав это, он удалился от раковины, подойдя поближе к клетке.

На ее губы как будто легла предостерегающая рука. Значит, это существо, отсутствовавшее недолгое время, вновь появилось здесь. Вспышка гнева, направленная на Хастии...

Отчетливый совет, призывающий ее к молчанию.

— Как, в свою очередь, должно быть, трудились ваши, — ответила Талахасси. Однако не открывала глаза, хотя больше не слышала слабый свист цепочки, рассекающей воздух.

— Это несущественно. — Он снова овладел собой. — Тебе, вероятно, хочется это знать, поскольку он твой родственник. Юсеркэф «не отправился на запад» — как в твоём народе говорят о смерти. Он будет жить — калекой, и не более благодарен тебе за это, чем любой человек на его месте. Что до тебя, то я оставляю тебя твоим сновидениям, Великая Леди... и не думаю, что в эту ночь они будут приятными!

Она могла слышать шарканье его сандалий по полу. Он миновал ее клетку, направляясь к блоку, на котором располагались кнопки. Еще одно нападение на ее разум? Она слишком измучена теперь... она не может сохранять контроль... она не может...

Уловила она или нет слабый щелчок кнопки? Раздалось жужжание, еле уловимое, но постоянное, обтекающее ее, как будто проволоки сетки кто-то перебирал, как струны арфы — поющие... убаюкивающие... Ее голова снова склонилась вперед, так, что лоб покоился на коленях. Она пыталась напрячь свою волю, чтобы не заснуть, но не смогла...

Клетки не было... Вместо этого она шла по коридору и знала, что произойдет в конце. Это было испытание послушника, который должен взглянуть без страха в лицо смерти и затем переродиться, или никогда уже не следовать Высшим Путем. Страх двигался за ее плечом, подбираясь к ней шаг за шагом, но она не поворачивала головы, чтобы посмотреть, как он выглядит. Она заставляла себя дышать ровно, медленно, как дышит человек, который полностью расслабился, чтобы делать каждый шаг так же неторопливо, как предыдущий. Позади лежали годы обучения в Храме, впереди — только это последнее тяжелое испытание, когда она сможет доказать свое право на Силу, которую ощущала теперь бьющейся внутри нее, ищущей выход, потому что только посвященный мог действительно высвободить ее.

Там, впереди, висел темный занавес смерти-в-жизни, и позади него находилась жизнь-в-смерти, противостоящая ей. Ашаки высоко держала голову, как будто уже носила венец победы Посвященного. Ее рука двинулась, стиснула занавес и отдернула его. С мужеством воина она ступила в глубокую тьму.

Глава одиннадцатая

Это было ее последнее испытание. Годами тренировки, иначе говоря, познанием самой себя и глубин своих мыслей, даже когда с ними было неприятно сталкиваться лицом к лицу, она готовилась к этому моменту, чтобы противостоять страхам, из которых эти мысли родились. Ибо никто не может обладать Силой, пока не научится полностью владеть собой.

Она была готова...

Но что-то еще билось в ней. Не ее страх, нет. Это было крайне необходимым, предупреждающим. Ашаки колебалась внутри этой всепоглощающей тьмы, пыталась понять.

Это... это она уже испытывала раньше! Каким-то внешним воздействием ее заставили оживить в памяти прошлое. И для этой силы имелось только единственное объяснение —

через нее Талахасси могла узнать секреты, которые никто, обладающий ими, никогда не должен раскрывать.

Что было правдой, что сновидением? Было ли это фальшивое предупреждение, посланное ей для проверки? Она не обладала реальным знанием, с чем сталкивается посвященный, за исключением того, что это должно утомить ее до предела. И было ли исходной точкой такой проверки внушение, что сама проверка не являлась правдой, а только иллюзией?

Она подняла руки к голове, осознавая, что они дрожат от напряжения, накопившегося в ней.

Правда — иллюзия? Что же делать?

Паника... она не должна паниковать! Она Ашаки из Рода, та, кому с рождения предназначалось идти этим путем. Следовательно, правда должна быть определена тем способом, которому она обучена. Она привела в порядок свой рассудок, отогнала панику, разыскала те руководящие принципы, что должны находиться под рукой в случае необходимости.

Они были настолько четкими, как будто сама она написала их. Однако что-то было не так. Она попробовала еще раз.

Не было ничего, вообще ничего, и она не ощущала появления Силы, которая уже должна была бы появиться у нее.

Значит, это происходит не так, как должно. Но... что случилось? Ее раскачивало, пока она не двигалась, сражаясь с силой, которая, должно быть, подталкивала ее, — это принуждение пришло извне, не было рождено ее собственной волей!

Она была Ашаки. Кто осмелился вести такую опасную игру с членом Рода? Кто отважился бросить вызов жезлу и Ключу?

Она была Ашаки... она была... она была...

Сама ее личность стала расплывчатой. Ашаки? Нет, тогда кто? Она подозревала, что у нее вырвался стон, но, однако, не слышала его, окруженная абсолютным мраком.

Она Ашаки! Она должна быть ею, так как если откажется от Ашаки... то здесь окажется чужестранка, а посторонний человек здесь существовать не может. Нет, эта атака была

частью чего-то, что пыталось добыть через нее секреты Высшего Пути. И с этим ответом в ее затуманенном разуме воцарилось спокойствие. Кто осмелился так обращаться с ней? Существовал единственный ответ — Хасти!

Темный ритуальный коридор пропал, словно именно воспоминание этого развеяло некие чары. Она стояла теперь на открытом месте под жарким солнцем северной пустыни. Перед ней — расколотые стены древнейшей гробницы. Она торопилась (или, казалось, неслась, едва касаясь поверхности земли, как будто скорее летела, чем переступала ногами по песку и гравию) по направлению к ним.

Там располагался храм, поврежденный временем и древними недругами, но все еще существующий. Громадная статуя Эпидемека, которому Ашаки и ее Род поклонялись, стояла перед ней, глядя ей в лицо.

Незрячие глаза пристально смотрели поверх ее головы, руки, крепко держащие жезл и Ключ, также находились над нею. Тем не менее талисманы не были каменными. Они светились жизнью, пульсировали силой. Нужно только дотянуться и коснуться их. Тогда все, что является порочным, не отважилось бы мешать ей. Она потянулась вверх, напрягаясь сильнее и сильнее, однако кончики ее пальцев не могли прикоснуться к нижней части жезла. Она делала неистовые усилия, осознавая разумом, как именно могущество жезла должно быть соединено с могуществом Ключа через посвященного и что должно получиться от такого соединения.

Она была Ашаки — единственная, кто имела право притронуться к вещам Прошлого. Внутри нее нарастала Сила, и поскольку она со знанием дела прилагала ее, эта Сила увеличивалась. Она была Ашаки.

Тотчас же гробница заколыхалась перед ее глазами, будто была рисунком на ткани. Многочисленные трещины пересекли ее от края до края. Она разорвалась и исчезла, оставив ее смотрящей на... небытие, пустоту — которая старалась овладеть ее разумом, беспрепятственно стирая все, что она знала, даже ее собственную личность.

Нет!

Она собрала Силу, прикрывая себя, как человек надевает плащ против грозы. Пустота не смогла добраться до нее. Ибо она была Ашаки.

Она увидела, что пустота, в свою очередь, разрушается, не так, как гробница, а мгновенно раскалывается. Перед ней возникли предметы.

Она находилась не в зале храма, не в северной пустыне, она была...

Клетка!

И по ту сторону этого барьера за ней наблюдал сужившимися глазами Хасти.

Талахасси была слегка ошеломлена. Однако она поняла, что он пытался сделать с ней. Он, должно быть, старался узнать неприкосновенное, запретное, заставляя ее во сне вновь пережить посвящение. То, что он мог приводить ее в такое состояние, как только что сделал, было пугающим — и тем не менее она победила!

— Ты сильнее, чем я предполагал, — сказал он неторопливо. — Однако не так уж сильна. В этот раз я подвел тебя к порогу, в следующий раз ты переступишь его. Жажда и голод ослабят твое тело, и тогда ты не сможешь эффективно противостоять мне.

Она не ответила ему. Зачем? Он установил условия их борьбы, и с ними ей предстоит столкнуться.

— Я удивлен... — продолжал он задумчиво. — В тебе есть нечто такое, что я еще не понял, и это не является порождением твоей сущности. Поскольку эта особенность регистрируется, несмотря на твое упорство. Слушай внимательно, Великая Леди. Я обладаю возможностями, о которых в твоём мире нет и понятия...

Тогда она в первый раз заговорила:

— Мой мир? Значит, ты из другого мира, Хасти?

Он нахмурил брови. Пожалуй, он совершил ошибку. Но даже если и совершил ошибку, то быстро решил, что это несущественно, так как сказал:

— Существуют «миры на поверхности миров», Великая Леди. Разве ваше собственное «учение», — он произнес это слово с презрительной усмешкой, — не дает понятия о таком?

— Известно, что существуют отдаленные миры. Взгляни на звезды, которые являются светилами. Многие из этих жарких миров мы не можем видеть, — ответила она спокойно. Но внутренне она была встревожена, так как он подобрался слишком, слишком близко к Талахасси, которая бездействовала, когда Ашаки сражалась в иллюзорном единоборстве, однако теперь пробудилась.

— Ваши легенды, — задумчиво продолжал Хасти. — Что они говорят о таких мирах, Великая Леди?

Ашаки пожала плечами:

— Зачем ты спрашиваешь меня, Хасти? Ты, вероятно, познакомился с ними давным-давно. Должно быть, ты скажешь мне сейчас, что пришел из такого мира? Ты ожидаешь, что я буду смотреть на тебя как на бога, потому что ты, возможно, обладаешь таким знанием, какого мы не имеем? Знание бывает разным, имеет много разновидностей, происходит из разных источников. Твое основано на том, что находится вокруг нас в этой комнате. Оно не наше, и вряд ли найдется какой-нибудь подходящий человек из нашего Рода, чтобы использовать его. Вследствие этого я могу поверить, что оно, может быть, неземное...

Выражение его недовольства усилилось, когда он глядел на нее.

— Значит, такое соображение не пугает тебя?

— С какой стати? — ответила она. — Неужели ты считаешь, что я должна сказать, что ты являешься демоном, как сказали бы невежественные люди? В тебе есть что-то, чего нет в нашем племени — и, по слухам, нет никого подобного тебе среди варваров. Таким образом, ты, возможно, пришел из места, которое нам неизвестно, доказательством существования такого места служит то, что ты находишься здесь и в настоящее время опасно вмешиваешься в наши дела.

Она опять пожала плечами.

— Опасно вмешиваюсь в ваши дела. — Он подхватил ее слова. — Да, с твоей точки зрения это так, я полагаю. Но что если я смогу предложить тебе многое...

— Купец не предлагает товар на кончике меча, — резко оборвала она и получила удовольствие при виде ответной вспышки в его глазах. Ах, значит, она в самом деле уколола его. — Ты не хочешь договариваться с нами, ты желаешь повелевать Империей. Хотя я не знаю, по какой причине, разве только в тебе есть такое неудержимое вождение властвовать, что ты готов схватить все, что можешь, как прожорливый попрошайка набивает рот обеими руками и потом поспешно тянется за добавкой. Почему ты теперь так щедр со мной, Хасты? Не потому ли, что не сломал меня так быстро, как предполагал? Нет ли какого-нибудь ограничения во времени для твоего вмешательства?

Он хранил молчание, и она испытала небольшой прилив торжества. Если бы только это предположение было верным!

Какое ограничение во времени, чем установлено и по какой причине? Она задавала вопросы, но кто ей даст ответы? Ибо она полагала, что в этой беседе вытянула из него больше, чем знал какой-либо другой человек в Амоне.

Она разозлила его, но ее это не беспокоило.

— Для особы женского пола ты быстра на слова, дерзкие слова...

— Значит, среди твоего племени, Хасты, представители моего пола уважаются меньше? Это в обычаях варваров. Я слышала, что их женщины на севере вступают в брак, чтобы стать собственностью мужчин. У нас это не так. Не раздражает ли это тебя немного?

— Это не раздражает меня вовсе. Меня удивляет только, что ваши мужчины являются такими безынициативными слабоумными идиотами, что продолжают принимать такой образ жизни, — сухо сказал он, несмотря на гнев, который она чувствовала в нем. — Хорошо известно, что женский ум ниже...

— Ниже чего, Хасти? — Последнее слово осталось за ней, так как он не ответил, а повернулся и зашагал прочь. Она подождала, пока за ним не закроется дверь, бдительно следя за каждым его шагом, поскольку он мог направиться к ящику.

Именно сила из ящика приблизила ее к краю воспоминаний о посвящении и таким образом едва не предоставила ему кое-какие сведения из тех, что он старался выведать.

Она снова осталась одна. Хасти оставил воду сочащейся из трубы в раковину. Ее рот был сухой. Теперь к тому же и желудок начал заявлять о своей пустоте. Она скрестила на животе руки, крепко прижав их, как будто с помощью одного прикосновения могла убедить себя, что не голодна.

Если бы она только могла уговорить Идайзи попробовать нажать на кнопку... Одна из четырех должна раскрыть клетку. Она оставалась здесь взаперти по воле Хасти. Талахасси попыталась занять свой мозг теми намеками, что он обронил. Действительно ли он из удаленного мира? Память Ашаки предоставила несколько очень древних сказаний о «небесных лордах» с неправдоподобным знанием, которые посетили Кеми Двух Стран тысячи лет тому назад. Память Талахасси была готова менее внятно лепетать о летающих тарелках и домыслах о посещавших в древности пришельцах с других планет, давших толчок истокам цивилизации в этом времени и мире.

Или, может быть, Хасти проскользнул через другую щель в пространстве времени, подобную той, что пропустила ее, просто шагнул из другого мира, подобного этому, однако мир тот следовал иным историческим путем? Правда, это не имело значения — он не только находился здесь, но и как следует подготовился, чтобы внедрить в Амоне его собственную модель образа жизни.

Ее терзала жажда! Текущая тонкой струйкой вода... И она была достаточно голодной, чтобы испытывать слабость. Как долго она сможет сопротивляться этому? Она не знала даже, сколько времени уже находится здесь. Период вынужденного бессознательного состояния продолжался, возможно, на-

много больше, чем ей казалось. Как долго она способна выдержать?

У нее болела голова как от яркого света, так и от отсутствия еды. К тому же, очевидно, мужественная борьба за улучшение физического состояния тела была ею почти проиграна. Снова она оперлась лбом о руки, скрещенные над поджатыми коленями, будучи почти готова заснуть от полного изнеможения.

Она почувствовала холодное прикосновение к одному локтю, ощущение покалывания, которое распространялось от этой точки вверх по руке. Что-то подобное этому она ощущала прежде. Ее разум, похоже, стал инертным. Что?..

Она заставила себя взглянуть вверх. На этот раз ее особое восприятие было слишком притупленным, чтобы сигнализировать об опасности. С наружной стороны клетки извивалось то самое змеевидное существо, и оно снова готовилось вступить с ней в контакт.

Даже страх пробуждался в ней медленно, и она не могла сделать усилия, чтобы уклониться от этого существа. Оно приклеилось к ее телу. И теперь не казалось таким рассеянным, таким разреженным. Со слабым отвращением Талахасси наблюдала, как нить становится молочной и непрозрачной. В то же время она осознала, что оно каким-то образом высасывает из нее силу. В нижней части этой нити образовывался неясный намек на ранее отсутствовавшее уплотнение. Она протянула вторую руку, безнадежно пытаясь оторвать то, что прицепилось к ней. Но не смогла. Оно осталось, высасывая, высасывая...

Талахасси захныкала от бессилия. Несмотря на вызывающие слова, обращенные к Хасте, ее старания оставаться собой, с этим она не могла больше сражаться. К тому же она была изнурена той борьбой, которую вела раньше.

Она съехала на полу, тихо постанывая. Существо по-прежнему питалось — если можно назвать это вампирическое высасывание питанием. Затем, прежде чем она совсем потеряла сознание, оно отпустило ее. Она с изумлением уви-

дела, что в воздухе перед этим мерцанием, которое она идентифицировала как Акини, появляется что-то еще. Оно было молочно-белым, и это была рука. Рука, которая завершалась запястьем. Ее пальцы теперь были согнуты, как будто приведены в действие.

Приоткрыв от удивления рот, Талахасси приподнялась на коленях. Рука двинулась прочь от нее, двигаясь по воздуху так, как если бы ей было поручено некое дело, которое она должна выполнить. Очертание все время менялось, будто удерживать его в этой форме было чересчур сложной задачей.

Однако оно находилось уже перед ящиком, приближаясь к ряду кнопок... Еще одно сновидение? Может быть, видение, вызнанное Хасти, чтобы сделать невыносимыми ее муки и сломать упорное сопротивление, в результате чего он мог бы окончательно превратить ее в свою марионетку?

Рука метнулась вперед. Она не могла видеть из клетки, чем именно рука занималась. Но, безусловно, в металлической сетке вокруг нее ничего не изменилось; на какой-то миг она испытала сильное разочарование. Если эта рука не предназначалась для убийства, она в некоторой степени надеялась, что та, возможно, появилась здесь для помощи. Только... ничего не произошло. Она была так же надежно заперта, как ранее.

Все это время рука постепенно расплывалась, необычное вещество, из которого она была сформирована, теряло форму пальцев, растекаясь струйками. Оно вновь двигалось, хотя и стало бесформенным, но не назад, по направлению к ее клетке, а скорее к ближайшему столу. На долгое мгновение, в течение которого она успела дважды моргнуть, оно повисло над меньшей клеткой, которая заключала жезл и Ключ.

Могло ли это быть?..

Сердце Талахасси учащенно забилося. Пожалуй, она не была свободной — пока еще, — однако этот другой... Она следила за тем, как постоянно изменяющаяся капля, в которую превратилась рука, прошла через сетку меньшей клет-

ки, чтобы рвануться к жезлу и так же быстро отпрянуть, но не просто отпрянуть, а рассеяться в ничто.

В воздухе было ощущение удара. Акини исчез, отброшенный той же самой силой, которую он — оно — пытался использовать. Но чем он занимался у контрольного блока?

Может быть, выключил какое-нибудь хитроумное защитное устройство, которое Хасти установил для охраны того, что было похищено?

Ашаки... Ашаки обладала знаниями, что могло быть сделано. Если Талахасси полностью подчинится Ашаки, то, возможно, появится шанс. Но если она настолько подчинится, сможет ли она когда-либо стать собой?

Только... сейчас она полагала, что даже такой вариант заслуживал внимания, если давал возможность спастись. Она закрыла глаза, настоятельно вызвала память Ашаки, раскрыла свой разум для того, что другая собиралась предоставить.

Ашаки прижалась к полу. Ее тело ослабло, это правда, но она все еще могла извлечь немного внутренней энергии, достаточное количество, она надеялась, чтобы осуществить то, что должно быть выполнено. Она зафиксировала свой пристальный взгляд на украшенной драгоценными камнями верхушке жезла.

«Иди ко мне! — приказала она всей силой, оставшейся в ее распоряжении. — Иди ко мне!»

Жезл медленно поднялся с поверхности, на которой лежал, с пологим наклоном — более легкий конец оказался выше, чем тяжелый, украшенный драгоценными камнями наконечник. Затем он нацелился вверх под острым углом, верхний конец почти упирался в переплетение проволоки его клетки.

«Иди ко мне!»

Верхушка жезла коснулась сетки клетки. Реакции не было. Пот струился по лицу Ашаки, ее подмышки и ладони рук стали мокрыми.

«Иди ко мне!»

Верхушка жезла давила на клетку все сильнее и сильнее.

Ашаки стремилась отдать ему все, чем она обладала. Затем клетка наклонилась, со стуком упала набок. И, поскольку она была без дна, жезл оказался свободен. Он повернулся и устремился через воздух, нацелившись прямо на Ашаки, которая призывала его.

Подобно копыю, он ударил в стенку ограждающей ее саму клетки. Возникла ослепительная вспышка, из-за чего она вскрикнула, хотя и успела прикрыть глаза. Когда она рискнула снова взглянуть, то увидела, что жезл лежит на полу. Но там, где он кинулся на клетку, чернело пятно отверстия, которое начало расплзаться. Металл быстро рассыпался, как перезревший гриб-дождевик.

Она обратила взгляд за пределы этой увеличивающейся дыры на Ключ и вяло подняла руку.

«Иди ко мне!» — позвала она в пятый раз.

Ключ поднялся, медленнее и более лениво, так как теперь она звала с предельным напряжением почти исчерпанной силы. Однако он повиновался ей, перемещаясь рывками по воздуху, и опустился наконец в трясущуюся ладонь, которую она протянула ему навстречу.

Отверстие в экранирующей сетке было уже достаточно велико, чтобы пропустить ее. И при прикосновении Ключа в нее влилась свежая сила. Она выползла в отверстие, задержалась, чтобы подобрать жезл, а потом, со своим оружием в руках, встала в полный рост и осмотрелась.

Столь мощное применение Силы вызвало волнение во всей окружающей атмосфере. Если в этом здании есть кто-нибудь, кто обладает хоть в крошечной мере Талантом, он, должно быть, предупрежден. Она выжидала, используя силу, восстановленную в ней талисманами ее народа, чтобы вслушиваться, но не ушами, а разумом.

Она не смогла уловить незамедлительной реакции на волны энергии, которые недавно произвела. Однако теперь у нее был моральный долг, независимо от того, имел ли намерение дух спасти ее или только использовал, чтобы освободить

жезл. А долг, для любого из тех, кто шел Высшими Путями, был тяжелым бременем.

«Акини?» — Разумом, не голосом, она обратилась к созданию, которое пришло к ней на помощь. Она не имела понятия, что он хотел от жезла и Ключа. Но он явно не собирался вкладывать их в руки Хасти, поскольку весь этот труд был для того, чтобы освободить их.

Но кругом было только ментальное безмолвие. Когда Акини сделал попытку дотянуться до жезла, был ли он — оно — разрушен до полного исчезновения? Почему-то Ашаки не верила в это.

Она проковыляла к раковине со струйкой воды из трубы.

Взяв жезл и Ключ в одну руку, она подставила другую под эту струйку, почти в палец толщиной. Вода наполнила ее ладонь целиком, и она, поднеся жидкость к губам, осторожно выпила, и повторяла это много раз, пока жажда не была наконец утолена.

Она была все еще голодна, однако это должно подождать, пока она не сможет разыскать еду. Теперь она решительно направилась к двери, сначала пошатываясь от слабости, но с каждым мгновением, потому что она держала драгоценные талисманы, слабость понемногу отступала, так что наконец она пошла почти своим прежним уверенным крупным шагом.

Здесь, на внутренней стороне двери, по видимости, не было ни запора, ни ручки. Она могла снова использовать жезл, чтобы прожечь себе проход, но предпочла бы не делать этого. К тому же ей не хотелось истощать его энергию.

Однако когда она положила ладонь прямо на дверь, поверхность слегка поддалась и под ее нажимом медленно двинулась вперед. При этом она тщательно прислушивалась, едва осмеливаясь дышать, чтобы этот слабый звук не заглушил посторонний шум.

Щель стала достаточно широкой, что она могла видеть тьму за ее пределами. Выждав очень напряженное мгновение, чтобы вновь удостовериться, что оттуда не доносится ни звука, она выскользнула наружу.

Впереди и вокруг нее была темнота, однако и Ключ, и жезл испускали достаточно света, чтобы увидеть, что она оказалась в узком коридоре, ведущем в более густую темноту как налево, так и направо за пределы зоны, высвеченной талисманами.

У нее была дилемма и ни одного указания относительно того, куда ее может привести каждое направление. Здесь не было ни звука, тем не менее Ашаки решила, что тут какая-то необычная пустота, как будто все то, что до этого составляло жизнь, какой она ее знала, замерло.

Налево... направо... Ее голова поворачивалась, в то время как она искала какой-нибудь знак относительно того, какой путь приведет ее назад, к знакомой ей жизни. В конце концов, она повернула направо, держа жезл и Ключ перед собой, чтобы лучше освещать себе дорогу, и тронулась в путь.

Глава двенадцатая

Кроме двери лаборатории, никаких других проемов в стене не было. К тому же коридор сузился. В нем было очень темно, и Талахасси начала ощущать какую-то странную депрессию. Она, возможно, приближалась к очень древней гробнице, которую живые не тревожили в течение длительного времени. Затем коридор внезапно завершился рядом ступенек, ведущих вниз, в еще более непроницаемый мрак далеко за пределами проникновения сияния жезла и Ключа.

Итак, ее выбор оказался ошибочным. Ей следовало бы пойти влево, а не вправо. Могла ли она вернуться, или, возможно, ее бегство уже обнаружено?

Талахасси сильно устала, несмотря на энергию, которую получала от талисманов. Длительное недоедание усиливало слабость. Продолжать путь вниз, в эту тьму, было безрассудством. Назад...

Она медленно повернулась, посмотрела назад. Тотчас же до нее донесся звук. Шарканье обутой в сандалии ног, отраженное от стен, тогда как ее собственные босые ноги не

производили никакого шума. Мелькнула вспышка света — хотя очень кратковременная и отдаленная. Кто-то рывком растворил дверь лаборатории. Она оказалась в ловушке: с темным спуском, как единственным путем для бегства. Хасти!

Ее сердце застучало быстрее. Она не могла даже предположить, какое неизвестное оружие он может иметь в своем распоряжении. Что он станет разыскивать ее, Талахасси ничуть не сомневалась. Однако было кое-что...

Собрав все свое самообладание, сдержав дрожь в руках, она обратила лицо к этой далекой двери, подняв Ключ и жезл, и стала манипулировать ими в воздухе, натягивая невидимые силовые линии, произнося при этом шепотом Слова Власти.

Итак, пусть приходит. Он познакомится кое с чем, что, возможно, не поймает в ловушку его тело, но нанесет удар по разуму, пусть даже и чуждому.

Потом, с дурным предчувствием, она начала спуск. Коридор наверху производил впечатление сухого и прохладного, но по мере того как она с большой осторожностью передвигалась от ступеньки к ступеньке вниз, холод становился промозглым. Воздух вокруг содержал налет сырости.

Новая Напата находилась на реке. Тянется ли этот лабиринт вниз, чтобы сблизиться с одним из тех мест, где река очень давно была ограждена и упрятана? Она прислушивалась не только к оклику сзади, но и ко всякому звуку внизу. То, что она сделала, чтобы заблокировать этот путь ради своей собственной защиты, истощило запасы энергии в жезле и Ключе. Теперь их сияние потускнело, освещая лишь чуть больше, чем одну ступеньку впереди. В ноздри неприятно ударили запахи сырости, гниения и чего-то тошнотворного, чему она не могла найти названия. Ступени по-прежнему вели вниз, в сердцевину мертвенно-зловещего пространства. Кто устроил этот путь и для чего он использовался в прошлом, она не могла себе представить. По крайней мере, Ашаки ничего не знала об этом.

Ступени вели вперед, ниже и ниже. Талахасси так устала, что дрожала всем телом. Только воля сохраняла ее разум ясным. Достаточно ясным для...

Она замерла, ноги стояли вплотную друг к другу на ступеньке, покрытой слизью, и высоко подняла голову.

— Акини? — Здесь снова было «присутствие». Нет, более чем одно! Они теснились около нее, как путники в безлюдной местности могли бы тесниться у лагерного костра, чтобы согреть руки. И притягивали их — талисманы!

Она права, один из них Акини. Но кто были другие? Если бы она только могла установить связь, узнать, в чем они нуждались. Их возбуждение оказывало физическое воздействие на ее разум, пускало корни в ее мыслях. Они были жаждущими.

Как ее собственный телесный голод грыз ее, так какой-то более сильный голод терзал их — голод, который концентрировался на том, что она несла. Они даже, похоже, не сознавали, что она находится здесь, их интересовало только то, что она имела при себе.

— Акини! — Она вновь попыталась позвать того единственного, которого могла назвать по имени.

«Дай... нам... жизнь».

Только пульсация мысли, столь слабая и отдаленная, что она едва могла уловить ее.

Жизнь? Разве жезл и Ключ могли означать жизнь для этих остатков личностей?

«Жизнь!» — Слово было не интенсивнее в этот раз, но более настойчивым.

Ашаки покрепче сжала талисманы. Ей казалось, что «присутствия» старались ухватиться за то, что она держала, вырвать их из ее рук. Однако они были слишком слабыми, чтобы сделать это.

Она глубоко вздохнула и затем ответила:

— Выведите меня отсюда, если можете... и я, используя Силу, также постараюсь дать вам жизнь!

Можно ли договориться с этими призрачными созданиями? И если она заключит такое соглашение, то как сможет

выполнить свое обещание? Она не знала. Однако существовали Зихларз, Джейта... другие из Высшего Пути... Наверняка сообща они смогут дать этим духам либо жизнь, либо вечный покой.

Слабое дерганье талисманов прекратилось. Однако они не исчезли. У нее отлегло от сердца. Вероятно, ее поняли. Если они являлись порождениями этого мрака, то несомненно знали пути вниз.

«Акини?» — позвала она мысленно.

Что-то коснулось ее запястья. Она вздрогнула и посмотрела вниз. Нитеподобный завиток обосновался там. И через него пришла мысль:

«Вперед».

Она могла довериться только ему. Если между ними действительно достигнуто согласие, то она одержала победу. Но, так как отступления назад не было, ей придется принять то, что случилось. Она опускалась все ниже. «Присутствие» Акини было явно осязаемо, а также отчасти и других, но они немного «отодвинулись», следуя за ней на расстоянии.

Они достигли подножия лестницы и пошли через отвратительные запахи и столь плотный воздух, что она дышала с трудом. Однако не пришлось идти долго. Нить, едва касавшаяся ее запястья, указала на центр каменного блока справа от нее, еле видимого в тусклом сиянии.

Ашаки поднесла Ключ и жезл поближе и увидела контур древнего сводчатого прохода, заложенного каменными блоками, плотно скрепленными, чтобы запечатать то, что когда-то начиналось в этом месте. Ашаки, подняв жезл, заставила его выделять больше силы. Она постучала его верхушкой по верхней части камня, при этом тихо произнося древний напев Строителей. Такого она никогда раньше не делала. Она не была даже уверена, что понимает все слова, освобождавшие эту силу. В те дни, когда Строители использовали Талант, определенное количество их действовало сообща, объединяя свои воли в единую мощную силу.

Тем не менее камень сдвинулся. Ашаки медленно потянула жезл к себе, и камень следовал за ним, чтобы опуститься затем у ее ног. Израсходовано так много силы, чтобы освободить единственный камень! Сможет ли она удалить еще один?

Она не знала точно, но еще раз подняла жезл и прошептала напев. И еще раз камень подчинился требованию ее Таланта.

Еще три блока были извлечены таким образом. Она не может больше заниматься этим! Когда она остановилась, то едва держалась на ногах, глаза ее затуманились. Однако отверстие перед ней... достаточно ли большое, чтобы пролезть?

Придется совершить это!

Ее единственное непрочное одеяние изодралось, появились кровоточащие ссадины на руках и ногах — царапины, которые жгли, но она пробралась через отверстие, чтобы очутиться уже в другом темном ходе. Однако в этом коридоре не было так сыро, как в прежнем, и веял легкий ветерок, обдувающий со всех сторон, что до некоторой степени подбодрило ее.

Ашаки с трудом продвигалась вперед на покрытых синяками и кровоточащих ногах, покачиваясь из стороны в сторону в этом узком проходе, так что сперва одно плечо, а потом другое болезненно соприкасались с камнем. Но ровная дорога была очень короткой. Она вновь очутилась перед ступеньками, очень узкими ступеньками, ведущими наверх, в темноту.

Она с трудом перебиралась вверх с одной ступеньки на следующую. Весь мир сузился для нее до этой одной с трудом преодолеваемой лестницы. И она ничего не сознавала, пока не достигла лестничной площадки около четырех шагов шириной. В стене справа, немного ниже уровня ее глаз, так что ей пришлось слегка нагнуться, чтобы заглянуть в него, имелось смотровое отверстие, из которого струился бледный свет. Она могла видеть только незначительную часть того, что находилось по ту сторону, однако этого было доста-

точно, чтобы как встревожить, так и вселить в нее надежду. Поскольку она увидела тот внутренний двор дворца, что был частью личных апартаментов Налдамак!

Здесь не было никаких признаков двери, да и в любом случае она не имела желания безрассудно появиться перед всеми — нет, до тех пор, пока не разберется лучше в ситуации, с которой, возможно, столкнется лицом к лицу. Снова вверх...

Талахасси не считала ступенек, однако далее обнаружилась вторая лестничная площадка. Нет, лестница не заканчивалась. А когда она заглянула в другое отверстие, там было темно, как будто оно закрыто. Взяв Ключ и жезл в одну руку, она пошарила ощупью по стене перед собой. Наверняка здесь есть какой-нибудь механизм для открытия прохода!

Ее пальцы нашли углубление в камне, едва заметное, даже когда она поднесла к нему талисманы. Из последних сил она стала давить вперед и заставила сработать скрытое запирающее устройство.

Ашаки вывалилась через узкий проход, запуталась в драпировках и едва не сорвала их с роскошных стенных креплений, когда падала. Ее голова и плечи лежали на ковре комнаты, в которой она так внезапно оказалась, и аромат изысканных духов, свежесть чистого воздуха наполняли ее ноздри, очищали легкие от вони, заполняющей темные проходы внизу.

Она была так истощена, что даже не пыталась передвигаться. Сам Хасти мог находиться перед ней в этот момент, и она была бы не в состоянии собрать силу, чтобы противостоять ему.

Раздался испуганный крик, который привел ее в себя. Она немного приподнялась на дрожащей руке и словно сквозь туман взглянула вверх на лицо, которое было ей знакомо.

— Села...

— Великая Леди! Но откуда...

— Села, — она снова выдавила это имя из последних сил. — Никто... не должен... обнаружить... меня...

Старая няня Налдамак... захочет ли она и сможет ли помочь?

— Никто... Села... Кэндейс в опасности... Никто... не должен... обнаружить... меня...

— Великая Леди, никто и не обнаружит. — Голос старческий, тонкий и слабый, но в нем та же самая решительность, которую Ашаки слышала всегда. — Леди, я не смогу нести тебя; можешь ли ты идти?

Слова доносились откуда-то издалека. Ашаки заставила себя подняться на колени.

— Голодная... такая голодная... Никто... не должен... знать...

Ключ и жезл — они лежали там, где она выронила их при падении. Теперь она подтащила их к себе.

— Села, — обратилась она к женщине, наклонившейся над ней. — Покрывало... для этих драгоценных вещей. Они должны быть спрятаны!

— Да, Великая Леди. — В этом голосе было успокоение.

Сгорбленная от старости фигура исчезла и снова вернулась, прежде чем Ашаки смогла шевельнуться, через ее руку был перекинут длинный узкий кусок украшенного прекрасной вышивкой материала — чехол со стола. Она с трудом опустила на колени перед Ашаки и растянула его, затем присела на пятки, пока девушка медленно и осторожно заворачивала талисманы.

— Села... куда?..

— Великая Леди, положишься на меня — они будут в безопасности! — Села встала, и Ашаки с чувством облегчения передала в ее протянутые руки то, за что несла ответственность.

Если и есть одна верная душа во всей Новой Напате, то именно Села, для которой Налдамак была и остается всем миром.

Ашаки не помнила, как добралась до постели. Когда она проснулась, в комнате было темно, горел только слабый светильник, а возле него сидела на стуле Села, клюя носом.

— Села. — Ее голос был едва ли громче хриплого шепота, тем не менее он заставил няньку поспешить в ее сторону.

— Леди, леди. — Она погладила плечо Ашаки, закрытое повязкой с болеутоляющей мазью, наложенной, чтобы хоть немного успокоить острую боль ран. — Как ты себя чувствуешь теперь?

— Как чувствую?

— Ты говорила так странно, и слова, которые я не понимала. Я все время давала тебе бульон и вино... и ты, казалось, не узнавала меня. А твои бедные руки, твои ноги. Леди, что случилось с тобой?

— Я была пленницей... до этого времени. — Она произносила слова, которых Села не понимала?... Это начала пробуждаться другая часть ее памяти. Она была Ашаки... нет, она была кем-то еще. Кем? Талахасси! Итак, эта ее часть не оказалась навеки предана забвению, чего она боялась.

— Кэндейс?

На лице Селы отразилась тревога.

— Великая Леди... они ничего мне не говорят! А после того, как ты появилась, я оставалась внутри этих стен. Здесь есть девушка-служанка — она принята на службу после того, как ты удалилась из Напаты... она из моего родного селения, и я могу доверять ей. Это она приносила нам пищу. И она говорит, что ходят слухи, что кэндейс... погибла! В пустыне, когда поднялась буря. В городе об этом повсюду шепчутся. Тем не менее, — она вызывающе вздернула подбородок, — я не верю этому. Моя дорогая леди — она умна, очень умна. И она имела основания остерегаться даже тени. К тому же с ней были поклявшиеся-на-мече — двенадцать из них, — хотя они сопровождали ее, переодевшись в одежду придворных дам или служанок. Неужели ты думаешь, они могли допустить, чтобы ей был причинен вред? Я не верю, что она могла погибнуть в какой бы то ни было буре — скорее всего, она надеется, что ее враги поверят этому. Но ты — Великая Леди, — что случилось с тобой, которая, как мы полагали, находилась в безопасности в Гизане?

Талахасси вкратце рассказала о том, что произошло после того, как она была насильно увезена из поместья. Села вздохнула с выражением неодобрения.

— Итак, в эту комнату теперь открыт потайной ход! Это зло, Великая Леди. Однако ты вернула Драгоценные Вещи, чтобы отвратить угрозу, и когда кэндейс вернется... тогда все будет иначе! — Она энергично кивнула, так что край ее головного убора в виде сфинкса заколыхался.

— Эта служанка, о которой ты говорила... — Талахасси уселась в постели. Ее израненное и избитое тело протестовало при каждом движении, так что она чувствовала, что не готова в теперешнем состоянии вступить в единоборство с кем бы то ни было — не говоря уже о таком могущественном враге, как Хасти. — Возможно, она найдет способ, чтобы связаться с поместьем. Я не знаю, живы ли еще Джейта и Херихор...

— Они живы, Великая Леди. Ты спала два дня и три ночи... ты словно бы дремала даже тогда, когда я приносила еду и кормила тебя. Поэтому ты не знаешь. Принц-главнокомандующий держит под контролем северные дороги, каждую из них. Он вызвал сюда свои собственные полки и четыре других, которые лояльны ему и на которые можно положиться.

Думаю, он старается сохранить открытым путь для кэндейс. А Дочь Эпидемека приходила под стены Напаты и официально требовала право входа — ее видели многие. Но Храм... он закрыт с помощью какого-то гнусного колдовства этого демона из пустыни, и никто не видел и не слышал тех, кто оказался таким образом заперт внутри него.

Принц Юсеркэф, говорят, страдает от лихорадки, поэтому всеми командует его леди. И ни один мужчина и ни одна женщина не имеют представления, где скрывается сам Хасти или какое зло он замышляет. — Села перевела дыхание, когда завершила свой рассказ.

— Можно ли отправить послание принцу-главнокомандующему?

— Великая Леди, существует какое-то необычное колдовство, наложенное на ворота. Они стоят открытыми, но никто не может пройти через них. И люди очень напуганы этим обстоятельством. Однако... Леди... есть кое-что... — Села тербила в руках край своей одежды. — Я видела это лично сама, когда вышла на отдаленную внешнюю галерею, поджидая кэндейс — увидеть, если возможно, как ее флаер приближается.

— Что ты имеешь в виду?

— Никакой человек вообще не может пересечь барьер, который мерзкий Хасты установил в воротах, но животные могут. Например, осел торговца фруктами убежал от своего хозяина, пока тот спорил со стражей. И он прошел за ворота, будто там ничего не было, кроме пустого воздуха, как мы и видим. Но когда хозяин попытался последовать за ним, он не смог пройти. А осел пошел дальше по дороге.

— Животное может вырваться. — Талахасси уловила суть. — А птица?

— Птицы в саду летают высоко, — ответила Села. — Однако как может животное послужить твоей цели, Великая Леди?

Голуби могли бы — будь это ее собственное время, подумала Талахасси, и если она имела бы наготове клетку с обученными птицами. Но осел, даже лошадь, которая может проходить через ворота, не могли быть надежными посланцами.

Это казалось глупой идеей, однако ее разум цеплялся за нее.

Будь она в состоянии попасть в Храм, тогда не было бы никакой проблемы. Там находилось несколько обученных Таланту, которые могли покидать свое тело и посещать другие места. Такой человек мог связаться с Джейтой и передать сообщение, так как их специально готовили для подобных случаев. Если только Хасты не предвидел это тоже и не воздвиг какую-нибудь преграду, подобную клетке, в которой заперил ее, пока дух не...

Дух — по имени Акини!

Она повернулась к Селе:

— Села, ты знаешь многое о дворце и всех тех, кто обитает в нем. Ты когда-нибудь слышала про Акини?

Это произвело такое впечатление, будто она, протянув руку, произвела тяжелый удар по гонгу для вызова прислуги.

— Акини! Великая Леди... неужели ты не знаешь об Акини? Разве его мать не приходит ежедневно сидеть в наружном дворе, дожидаясь его? Она плакала, пока у нее не осталось больше слез, но до сих пор не верит, что он пропал, не сказав ей ни слова. Он был носителем опахала у принца Юсеркэфа и однажды ночью исчез! Никто не знает куда... только его мать не верит, что он ушел с варваром...

— С варваром? С каким варваром?

— Тем, который прибыл в Новую Напату с миссией к кэндейс, когда она уже отбыла на север. По нашим законам, как ты знаешь, он не мог оставаться здесь после трех закатов.

Тем не менее принц Юсеркэф принял его, и говорят, что варвар почувствовал симпатию к Акини и предложил ему хорошее вознаграждение за путешествие с ним обратно к побережью, чтобы он разговаривал за него с теми людьми, через чьи территории они должны следовать. Однако мать клянется, что Акини не имел намерения заниматься таким делом, и она подала прошение, чтобы должностные лица кэндейс установили, что стало с ее сыном.

— Этот варвар... что он за человек?

— Великая Леди, как ты знаешь, северные варвары не похожи на нас — они имеют волосы разных оттенков, и их кожа гораздо светлее. Но этот человек был иным даже вдвойне. Он, возможно, вполне мог сойти за одного из Древних Людей, покинувших Кеми, ибо выглядел похожим на те древние изваяния, что хранятся во Дворце Далекой Памяти. Он плохо объяснялся на нашем языке и часто оглядывался вокруг, как будто действительно все было для него необычным.

— Пытался ли он найти Хасты?

— Нет, Великая Леди. И, как ты знаешь, он был под непосредственным наблюдением поклявшихся-на-мече, пока находился в Новой Напате, поскольку варвары не бродят свободно по нашим городам. Нет, он хотел встретиться с кэндейс, а когда захотел увидеть того, кто управлял вместо нее, то эта женщина, — Талахасси поняла, что Села подразумевала Идайзи, — сообщила ему, что ее супруг из Рода. Но разобрался он или нет, что его обманули, я не имею представления. Они провели только одну официальную аудиенцию и больше не встречались. Так что наконец варвар уехал...

Второй Хасти? Они уже получили все, в чем нуждались, от Хасти, который находился здесь, удрученно подумала Талахасси. Следовательно, Акини... он действительно существовал — человек, о котором Села была осведомлена. Но чем Акини стал теперь? И каким образом он был так переделан или пойман в ловушку, чтобы существовать как призрак, завихрение воздуха? Это дело рук Хасти, в этом она не сомневалась. Если бы она только могла установить контакт с Зихларзом! — даже память Ашаки не могла дать ответ на такую загадку, как эта.

Оставался другой вопрос — как связаться с Джейтой и Херихором, успокоить их, что теперь талисманы вне досягаемости вражеских рук и находятся в безопасности? Животные могли выйти наружу, однако, не управляемые, чем они могли помочь потом? Не управляемые... — ее мысль пошла в эту сторону. Собаки умеют разыскивать людей на большом расстоянии, приюхиваясь к едва сохранившимся следам. Кошки, в ее собственном времени и мире, умеют преодолевать большие расстояния, чтобы воссоединиться со своими хозяевами, которые уехали или потеряли их из автомобиля во время путешествий.

Херихор, как приличествовало его высокому положению, имел дом в Новой Напате, но редко бывал там. Безусловно, этого недостаточно, чтобы держать домашних животных. Тем не менее... Нужно обдумать — составить план — исключительно слабый и отчасти наивный.

— Села, кто в настоящее время находится в доме принца-главнокомандующего? Ты можешь разузнать?

— Я могу выяснить, хотя это займет некоторое время.

Великая Леди — только немногим я могу здесь доверять. Однако здесь есть одна из поклявшихся-на-мече, которая болела лихорадкой, а теперь поправляется. Я помогла ей вылечиться. Я могу привести ее к тебе, и она, возможно, сможет лучше поведать, что происходит в городе. Но сперва, Великая Леди, настоятельно прошу тебя поесть. Ты очень слаба, и твое тело так истурено, что ты выглядишь так, будто перенесла лихорадку!

— Ну хорошо.

Села извинилась, что еда, которую она принесла, была в основном сухой, но служанка могла пронести только порцию самой обычной еды на подносе, предназначенной, предположительно, для самой Селы, хотя добавила сушеные финики, сыр, маленькие булочки, которые смогла припрятать в разных местах своей одежды.

Села помогла Талахасси облачиться в одно из самых простых платьев кэндейс и одела на ее стриженую голову льняной головной убор. Тем не менее, глядя в зеркало, девушка была вынуждена признать, что походит на человека, выздоровевшего после несчастного случая или тяжелой болезни. Она все еще испытывала жажду и жадно пила фруктовый сок и воду, которые Села приносила ей. Но, по крайней мере, она была готова встретиться с этой амазонкой из гвардии Налдамак, от которой зависел ее план, хотя по-прежнему туманный.

Когда Села поздно ночью привела молодую воительницу в свою комнату, Талахасси все еще сомневалась, сможет ли та выполнить такое дело.

— Великая Леди! — В глазах вошедшей явственно читалось изумление, однако она мгновенно отдала салют. А память Ашаки опознала в ней девушку, призванную из одного из северных владений императрицы, семья которой многие поколения преданно служила трону.

— Приветствую тебя, Монига. Наступают тяжелые времена. — Она внезапно решилась на то, что собиралась сказать.

— Это так, Великая Леди. У тебя есть для меня какое-то поручение? — Девушка была смышленной и прямо перешла к делу.

— Возможно ли для тебя проникнуть в дом принца-главнокомандующего Херихора и найти там какую-нибудь вещь, что находилась близко у его тела? Ключок обмундирования, которое он носил, но только не выстиранное — хотя это, возможно, нереально? Если нет, то что-нибудь, что он держал в руках и не слишком давно?

— Великая Леди, в его дом я могу войти. Смогу ли я достать то, что ты хочешь, — это другое дело. Но будь уверена, что постараюсь.

— Есть кое-что еще — если добудешь эту вещь, которая содержит запах принца-главнокомандующего, тогда также приведи ко мне Ассара из псарни охотничьих собак.

— Леди, сказано — следовательно, выполнено. — Амазонка отсалютовала и с большой осторожностью выскользнула в дверь, которую Села держала открытой для нее.

— Теперь... — Талахасси повернулась к няне. — Мне нужна ручка, чернила и бумага — это должно быть в рабочем кабинете кэндейс.

— В самом деле, они находятся там... но я принесу их Великой Леди сюда. Не выходи из этой комнаты. В верхних коридорах замечена служанка из крыла принца Юсеркэфа. У нее не было подходящего объяснения, что она здесь делает.

Талахасси произвольно кинула взгляд на стену, где висел гобелен, закрывающий потайной ход. Села чуть заметно улыбнулась, хотя выражение ее лица было все еще озабоченным.

— Никто не пройдет этим путем, Великая Леди, не предупредив о своем приближении. Я установила надежную звуковую сигнализацию, ту, которую сама кэндейс использует у своей другой двери на тот случай, когда не хочет, чтобы ее

беспокоили. Ты можешь отдыхать спокойно, сколько требуется.

Однако Талахасси задала себе вопрос, может ли она отдыхать? Как долго ограждение, которое она сплела в этой преисподней, сможет удерживать Хасты, если он попытается разыскать ее здесь? Нужно постоянно быть настороже, и ее внимание переключилось от настенного гобелена на сундук, в который, она знала, Села положила завязанные в узел Ключ и Жезл.

Глава тринадцатая

Талахасси разложила лист плотной бумаги на углу туалетного столика своей «сестры» и рассеянно вертела в пальцах ручку. На мгновение она испугалась. Она могла написать сообщение своими собственными словами — но это оказалось бы непонятно. Вновь нужно использовать память Ашаки. Буквы так медленно возникали в ее памяти, что ей пришлось несколько раз перегибать и отрывать бумагу, когда она делала слишком много ошибок при переводе послания, которое, она надеялась — только надеялась! — могло достичь Херихора, где бы он сейчас ни находился. Это было настолько рискованное предприятие, что она не осмеливалась рассчитывать на успех.

С бесконечной осторожностью она записывала на бумагу буквы этого мира, которые развились из древнейших иероглифов севера.

«Ашаки — в безопасности; также — Драгоценные Вещи.

Город запечатан. Кэндейс — необходимо предупредить».

Она перечитала это дважды, чтобы быть уверенной, что не наделала ошибок при записи. Затем свернула бумагу в маленький квадрат и взглянула на Селу.

— Мне нужен кусок ткани приблизительно такой величины, — она показала размер руками, — и она должна быть золотистого цвета. К тому же необходима самая крепкая нитка, какую сможешь найти, с иглкой.

Старая женщина не задавала вопросов, а направилась сразу к одному из комодов с платьями и начала рыться в его содержимом. Среди платьев оказалась накидка, на которую Талахасси указала:

— Это как раз тот оттенок!

Села развернула одежду. Накидка была украшена богатой вышивкой по кайме, однако верхняя часть была чистой, и от нее она безжалостно отстригла кусок материи, который попросила Талахасси. Это была очень прочная шелковая ткань, и когда девушка потянула ее в стороны, чтобы проверить на прочность, то убедилась, что ткань очень плотно соткана. Она завернула послание в ткань, сделав пакетик, который мог быть спрятан в ладони ее руки. Села вышла, но быстро вернулась с веретеном из слоновой кости, на котором была намотана льняная нить, крепкая, как шнур, и уже продетая в иглу.

Теперь только оставалось выяснить, сможет ли Монига осуществить свою часть дела — и сколько это займет времени. Талахасси не могла больше сидеть спокойно. Несмотря на боль в забинтованных ногах, она шагала взад и вперед по спальне, не подходя близко к занавешенным окнам одной из стен. Хотя окна выходили в сад для уединения кэндейс и освещение внутри комнаты было очень слабым, она не хотела, чтобы кто-нибудь догадался, что апартаменты обитаемы.

— Села... — Она посмотрела на женщину, которая возвратилась к своему стулу в углу. — Что насчет Храма? Изменилось ли что-либо у Сына Эпидемека и его жрецов?

— Нет, Великая Леди. Только... — Села сделала паузу и опустила глаза.

— Что «только», Села?

— Великая Леди... в городе ходят слухи... даже те, кто служит Дочери Амона, повторяют их. Говорят, что Сын Эпидемека, вероятно, уже мертв, и с ним все те, кто шел Высшим Путем... что они были убиты потому, что вызвали демонов, которые набросились на них.

— Молва бывает причиной большой беды. Нет такого оружия, с которым так же трудно совладать, как язык врага.

Она должна уйти отсюда, даже если не удастся покинуть город. На минуту ей показалось, будто ее опять посадили в клетку, и хотя она была не в таких ужасных условиях, как под властью Хасти, но все же почти так же беспомощна.

— Села, эта служанка, о которой ты мне говорила... ты можешь привести ее ко мне?

— Великая Леди, в это время она находится со служанками в спальном помещении, где они размещаются вшестером.

Вызвать ее — значит, дать повод для наблюдения.

— Можешь ли ты достать мне одежду, какую она носит днем во время работы?

— Великая Леди... — Села вскочила со своего стула и, приблизившись, встала перед Талахасси. Она была маленького роста и, очевидно, когда-то пухленькой. Теперь же плоть на руках была рыхлой, а полнота осталась лишь на животе. Ее лицо было покрыто сетью тонких морщин, так что подведенные глаза имели странный вид, почти такой, будто они вставлены в едва ли не голый череп. Тем не менее она держала себя с авторитетом человека, занимающего важное положение при дворе, и частица этого авторитета звучала в ее голосе.

— Великая Леди, что ты собираешься теперь делать?

— Я должна уйти из этой комнаты. Ты не сможешь продолжать укрывать меня здесь тайно долгое время, Села.

— Возможно, не нужно скрываться, Великая Леди. Вызови поклявшихся-на-мече. С ними перед дверью какой человек может проникнуть к тебе?

— Хасти или кто-нибудь из его приверженцев смогут, — мрачно ответила Талахасси. — Разве он не похитил меня из поместья, где у дверей стояла моя собственная охрана? У него больше хитростей, чем у верблюда блох на шелудивой коже.

И мы даже теперь не знаем, какие силы ему подвластны. Сам Зихларз, да и другие не могли запереть ворота Новой Напаты, как сделал этот неизвестно откуда взявшийся чужак. Нет, он, вероятно, убежден, что я здесь, но, может быть, прежде чем он сможет действовать не скрываясь, ему нужно добраться до этих комнат — а я уже уйду.

Она пересекла комнату, чтобы стать перед большим зеркалом на туалетном столике.

— Я высокого роста, — она неодобрительно посмотрела на свое отражение, — и не могу этого скрыть. — Память Ашаки напомнила ей, что такой рост являлся чем-то, что было частью наследственности Рода. — Что касается остального, то, думаю, это может быть исправлено. Достань мне такую одежду, Села, какую носят служанки.

Старая няня колебалась.

— Великая Леди, умоляю тебя, подумай еще раз. Что ты будешь делать, куда пойдешь?

— На это я не могу ответить, потому что пока еще не знаю. Однако я не сделаю ничего необдуманного, это я обещаю тебе, Села.

Старуха покачала головой, но вышла. Талахасси села на скамеечку перед туалетным столиком. На ее лице сейчас не было ни следа косметики. Она взгляделась немного более пристально, придвинув лицо ближе к поверхности зеркала. Даже при таком слабом свете, как при занавешенных окнах, она не могла ошибиться. Это красящее вещество, которое они наложили на ее тело, когда она взяла на себя роль Ашаки, в некоторой степени обесцветилось. Безусловно, она выглядела сейчас бледнее, чем была, когда в последний раз глядела на себя в зеркало, в поместье.

Однако просить Селу использовать... нет! Она не имела намерения увеличивать свои затруднения, дав понять женщине, столь любящей кэндейс, что она не является в действительности сестрой императрицы. Подожди-ка... она видела служанок в поместье, у которых кожа была даже намного темнее, чем у Джейты, Херихора или двух жриц. Несомненно, можно использовать это в качестве предлога для ее просьбы к старой няне. Талахасси была довольна собой, рассуждая так логично.

Она начала открывать баночки и коробочки, аккуратно выстроенные в ряд перед зеркалом, заглядывая в них. Некоторые содержали ароматические масла, благоухание ко-

торых, скопившееся под притертыми крышками, опьяняюще распространялось в воздухе. Попалась хорошо знакомая краска для век и две баночки с тонко пахнущими кремами, маленький флакон с чем-то красным, что могло быть жидкими румянами или же губной помадой. Никакой служанке не следовало употреблять большую часть этого.

Она резко повернула голову. В отличие от других занавесей, скрывавших проходы в помещения в поместье, вход в личные апартаменты кэндейс имел дверь, установленную для полного уединения. И она уловила в ночной тишине скребущий звук.

Талахасси прокралась так бесшумно, как могла, через внешнюю комнату. Потом услышала звук, который ее успокоил — поскуливание. По-видимому, Монига добилась успеха!

Тем не менее Талахасси была по-прежнему настороже, когда открывала дверь. За ней стояла амазонка и держала на туго натянутом поводке Ассара.

— Внутрь! — махнула им девушка и сразу же затворила за ними дверь. Ассар вновь заскулил, высоко подняв голову и приносясь. Из всех сэлукских охотничьих собак на псарне он был самым лучшим для преследования дичи, наиболее смысленным из своей очень древней породы. Оба эти дара были теперь необходимы, а возможно, и третий — восприятие приказов, отдаваемых таким способом, который даже Ашаки никогда не применяла. Жрецы из Храма работали в этом направлении с кошками, большими и маленькими; так как они всегда были священными животными Эпидемейка. Однако кошки охотились, применяя зрение, и только одна из хорошо выдрессированных дворцовых охотничьих кошек могла бежать по запаху на большое расстояние.

— Ты принесла то, что нужно?

— Да, Великая Леди. — Амазонка подала один из широких ритуальных браслетов, что носили на запястье — следующий этап развития приспособлений для стрельбы древних лучников. Он надевался на подкладку из кожи. — Его высочество прислал его в город месяц тому назад, потому что ка-

мень в оправе, — Монига показала на большой покрытый резьбой сердолик, — расшатался. Больше там ничего нет, чего он носил в последнее время.

— Этого должно быть достаточно. Ты оказалась как быстрой, так и сообразительной, Монига.

— Когда Великая Леди приказывает, ее желание — закон, — формально ответила амазонка, но ее лицо просияло.

— Ассар... хороший Ассар. — Талахасси положила руку на голову собаке. Гладкая шерсть была золотистой, мягкой и шелковистой. На ушах, ногах и хвосте она пушилась длинными и красивыми завитками.

В ответ на ласку собака завиляла хвостом и последовала за девушкой в спальню, где та взяла маленький пакетик, который подготовила. Пока она пришивала его к ошейнику, Ассар стоял терпеливо, обратив взор к ее лицу, время от времени очень тихо поскуливая, будто спрашивая, что должно быть сделано.

Она удачно подобрала цвет, пакетик на фоне его шеи с трудом можно было отличить от его собственной окраски.

После этого она подняла кожаную подкладку, которую принесла Монига, поворачивая ее так, чтобы чувствительный нос Ассара мог обнюхать подкладку, которая, если ей вообще могло повезти в этой безумной авантюре, должна была сохранить запах Херихора.

Талахасси предоставила охотничьей собаке несколько минут, чтобы та внюхалась в запах, а потом встала перед ней на колени, так что они почти смотрели глаза в глаза, и положила руки на шею Ассара с обеих сторон его высоко поднятой головы. После этого... она вызвала усилием воли в своем мозгу изображение Херихора, затем северной дороги, опять Херихора. Она настойчиво повторяла задание, проделав это не менее дюжины раз. Хуже всего, что она не была полностью уверена, достигло ли ее сообщение сознания собаки, столь чуждого ее собственному, понял ли Ассар, что должно быть сделано. Теперь ей оставалось только ждать или успеха, или неудачи.

Несколько неловко поднявшись на ноги, Талахасси протянула поводок амазонке.

— Есть малые ворота Нефора... Который сейчас час?

— Не больше двух часов до рассвета, Великая Леди.

— Хорошо. Вот что ты должна выполнить, Монига, и так, чтобы никто не видел, если возможно. Выпусти Ассара около ворот. Если он пройдет через них, тогда у нас появится небольшой шанс установить контакт с принцем-главнокомандующим. Если не повезет, он, разумеется, должен вернуться с тобой. Однако прими все меры предосторожности, чтобы тебя не выследили.

— У ворот стража принца Юсеркэфа, но они не поднимут тревогу. — Амазонка выразительно сморщила нос, выказав этим презрение. — Они верят, что барьер совершенно непроницаем.

— Однако действуй осторожно.

— Мы будем осторожны, Великая Леди. — Амазонка отдала салют, и Талахасси выпустила собаку и женщину в дверь.

Затем вздохнула и устало направилась в спальню, чтобы рухнуть в постель, где и лежала, вперив взор в разукрашенный потолок, а мятущиеся мысли не давали ей покоя.

— Великая Леди. — Села проскользнула внутрь с присущей ей способностью появляться бесшумно и внезапно. — Ты должна отдохнуть, иначе может наступить нервное истощение. Я-то знаю, что ты намереваешься сделать, но ты не в состоянии заниматься этим сейчас.

Ее морщинистая рука ласково коснулась лба Талахасси, и девушке показалось, что ощущение прохлады от ее пальцев быстро распространяется по ее напряженному телу, расслабляя нервы и мускулы.

— Выпей, леди.

Прежде чем она успела шевельнуться, умелая рука скользнула под ее голову, приподняла ее, чтобы губы соприкоснулись с бокалом. Она выпила не сопротивляясь, так как усталость переборолла в ней необходимость действовать.

— Спи... — Рука Селы погладила ее лоб, в этом ласковом и любящем жесте были мир и безопасность. Было так много... так много...

— Спи...

Глаза Талахасси закрылись, веки стали такими тяжелыми, что она не могла надеяться снова поднять их. И если она видела сны, то при пробуждении у нее не осталось от них никаких воспоминаний.

Солнечный свет окаймлял оконные занавеси, когда она проснулась. И в комнате было жарко — вентиляторы, конечно, не работали в связи с отсутствием кэндейс. Она почувствовала, что в подмышках, на висках и под грудью скопился пот. Моргнув раз или два, села в постели и потянулась за высокой стеклянной бутылкой, стоявшей на ночном столике, налила почти полный стакан, находившийся рядом, воды и осушила его залпом. Стул Селы в углу был пуст. Из жарких и душных комнат апартаментов не доносилось ни звука.

На одном из кресел неподалеку была сложена белая одежда. Однако прежде всего она хотела выкупаться, очистить, хотя бы только на минуту, свое лоснящееся от пота тело и восстановить утраченные силы.

Перекинув одежду через руку (одежду служанки, которую она просила у Селы), Талахасси направилась в роскошную ванну кэндейс, где вода в бассейн текла из увенчанной головой льва трубы. В этом бассейне глубина была почти до плеч сидящего человека, а истекала вода через сливную щель в стенке. Она глубоко погрузила руки в душистый крем, который пенился и отмывал как мыло. Но ее кожа после купания стала светлее, гораздо светлее.

Насколько хорошим было зрение Селы? Ослабили ли его хоть сколько-нибудь годы? В настоящее время от этого зависело ее разоблачение. Она обмылась и вытерлась досуха одним из полотенец, висящих на ближайшей вешалке. Затем облачилась в узкое белое платье, очень похожее на одеяния жриц, за исключением того, что бретельки на плечах

были белыми, а не красными, и не было пояса, чтобы затянуть одеяние на талии.

— Великая Леди... — Села торопливо вошла внутрь.

— Послушай. — Талахасси была поглощена своей собственной проблемой, надеясь таким образом отвлечь внимание Селы от изменения оттенка кожи. — Если я хочу превратиться в служанку, Села, у меня должна быть более темная кожа.

Сможешь ли ты что-нибудь использовать, чтобы я изменилась таким образом?

Руки Селы были стиснуты. Теперь она заломила их, как будто в испуге.

— Леди... они прибыли! — Она, казалось, не слышала вопроса Талахасси.

Херихор? Джейта? Смела ли она поверить этому?

— Кто прибыл? — Она боролась со своим растущим беспокойством. Внешний вид Селы не наводил на мысль, что пришла какая-нибудь помощь. Наоборот, ее морщинистое старое лицо отражало смятение.

— Четверо величайших номархов, Великая Леди. Они были созданы на совет, хотя кэндейс и не присутствует здесь.

Их вызвали именем принца и сообщили им, что от нашей леди в течение двух дней не было никакого сообщения и с ней, наверно, случилась беда из-за песчаной бури! Великая Леди, если это правда... — Она дрожала так, что Талахасси обняла ее сгорбленные плечи, подвела Селу к креслу и помогла сесть в него.

Став на колени, она сжала ее трясущиеся руки своими и произнесла очень мягко:

— Дорогая Села, если бы наша леди была мертва — разве я не знала бы об этом? Я имею Талант, и она также обладает им. Неужели мы не почувствовали бы в таком случае смерть, когда она открывала Дальние Врата для тех, кого мы любим?

Клянусь тебе, что этого не случилось. Будь уверена, что принц-главнокомандующий использует свои пограничные вооруженные отряды, чтобы найти Налдамак, и никто лучше его не знает те территории.

Тем не менее скажи мне, какие номархи прибыли в Новую Напату по такому лживому вызову?

Глаза Селы, полные слез, были прикованы к ней.

— Это правда, Великая Леди — она не Ушла За Пределы?

— Разве я не сказала бы тебе, Села? Тебе, которая любила и служила ей всю свою долгую жизнь? Которая держала ее у своей груди, когда ей был только час от роду? Ты была ей матерью в течение всей жизни. Это тебе я рассказала бы первой, если бы узнала о таком несчастье.

— Она Солнце Славы, сердечко мое...

— Я хорошо знаю это, Села...

— Когда она была маленькой, я была ее защитником и утешителем, когда она стала кэндейс, то отплатила мне уважением, поставила меня первой среди своих личных слуг, даром что я стара и иногда забывчива. Никогда она не попрекнула меня, леди. А теперь... теперь говорят, что она мертва!

— Однако, поскольку она не мертва, нужно не допустить распространения любого подобного слуха, прежде чем они сообщат эти слухи совету. Какие номархи, Села?

Села последний раз слабо всхлипнула.

— Номархи... Номархи Слона и Гиппопотама...

— Оба с юга, — подсказала память Ашаки, — и из тех, кто поднимал мятеж сто лет тому назад.

— И Леопарда, Козерога...

— С запада, где торговля с варварами. Понятно. А Лев, Гепард, Бабуин — они не прибыли? Север против юга, запад против востока.

— Великая Леди, у Слона очень много воинов. Когда они восстали под руководством Чаки в давние времена, многие лишились жизни, прежде чем Возлюбленный Эпидемека — Фараон Юни, который правил в то время, — восстановил закон в стране. И ходят слухи о новом оружии варваров...

— Ага. А следовательно, нам нужно знать, что они затевают. Осмелятся ли они собраться в Большом Зале Совета?

— Так оно и есть.

— Отлично. У кэндейс есть секреты, которые не известны даже такому близкому родственнику, как Юсеркэф. — Талахасси поднялась. — Там будет внимательный слушатель, о котором они не должны знать. Вот что, Села, ты должна сделать. Я хочу пойти в определенное место и не желаю, чтобы на меня обратили внимание во время передвижения. Можешь ли ты достать мне мазь, чтобы кожа у меня стала темнее, так, чтобы я походила на служанку с юга?

Села, казалось, пришла в себя после первого испуга. Наклонив голову немного вбок, она рассматривала Талахасси, которая надеялась, что ее собственное беспокойство не бросается в глаза. Затем старая няня улыбнулась:

— Думаю, это может быть осуществлено, Великая Леди.

Леди Идайзи... ты, возможно, не знаешь этого, тем не менее это правда, что в ней есть кровь варваров. Она такая же бледная от природы, как брюхо рыбы, но даже своему лорду никогда не позволяет увидеть себя в таком обличье. Существует масло, которое она хранит в тайне, но это не такая тайна, как она думает. А сейчас, так как она готовится радушно принять номархов, в ее внутренних покоях никого не должно быть.

Используем это в твоих интересах.

— Только не рискуй, Села.

— Риск, Великая Леди? Разве кэндейс не дала мне власть осуществлять надзор за всем ее домашним хозяйством? Если я проверяю старательность служанок и хорошо ли выполнена их работа — я, в таком случае, занимаюсь своим законным делом. — Она засмеялась, и Талахасси вторила ей.

— Села, ты очень мудрая женщина...

— Великая Леди, если бы я направляла тебя и если бы тебя не отослали в Храм для воспитания, ты бы имела представление, как много человек может узнать обо всем окружающем, просто слушая и почти ничего не говоря.

Когда няня опять ушла, Талахасси села и позволила памяти Ашаки еще раз войти в нее, в свой находящийся теперь в полном сознании разум. Ашаки смогла вспомнить

день, когда последний Фараон взял Налдамак и ее (она иногда временно навевывалась домой из храмовой школы) с собой в определенный коридор и показал им тайну, которую могли знать только Правительница и Наследница. В тот день они дали обет молчания. Однако она не нарушит его теперь, потому что эта тайна предназначалась в качестве вспомогательного средства как раз в такой ситуации, как эта.

Этот совет был созван от имени Юсеркэфа. Верили ли правители провинций, вызванные сюда, что она, Ашаки, тоже умерла? Или случилось то, что они просто еще раз созрели для мятежа, вероятно, оплаченного и вооруженного либо Хасты, либо кем-то из западных варваров, которые всегда негодовали по поводу обращения с ними Амона, отказа Империи вступать в деловые отношения или влезать в их раздоры, так как они были разделены на множество наций, беспрестанно грызущихся друг с другом то в одной, то в другой политической или военной борьбе.

Два южных Дома были наименее цивилизованными по стандартам самого Амона. Три императора в прошлом расширили границы так далеко к югу, что те охватили людей различных рас, верований и обычаев — чуждых Древнему Знанию, вечный источник смут, вспыхивающих время от времени. Тогда как в западных Домах — в них располагались торговые города, где варвары насаждали свою собственную разновидность отравы для нарушения мира.

Это всегда бывало причиной раздора. Талахасси поднялась и снова принялась расхаживать по комнате. То, в чем она завершила Селу, было правдой: если бы Налдамак действительно умерла, она знала бы об этом. Предупреждение от родственника к родственнику было способностью, распространенной среди членов ее семьи. Тем не менее то обстоятельство, что императрица все еще жива, не означало, что она в безопасности. Она вполне могла находиться под контролем какой-нибудь тайной силы, порожденной Хасты. И что за чужестранец, который появился неизвестно откуда,

точно так же, как сам Хасти, и который хотел видеть кэндейс? Какую опасность он олицетворял собой?

То, что Херихор контролировал лояльные силы на севере, где, по всей вероятности, рассчитывали отыскать кэндейс, — это было единственным незначительным обстоятельством в их пользу. Это и тот факт, что талисманы по-прежнему находились не в руках врага. Как бы то ни было, у нее теперь удобный случай подслушать, какой дьявольский коктейль Юсеркэф или Идайзи приготавливают в данный момент.

Только бы Села поторопилась! Ей не хотелось пропустить ничего из сказанного на заседании совета. К тому же было кое-что, чего нельзя оставлять здесь. Талахасси подошла к сундуку и достала сверток с жезлом и Ключом. Она не чувствовала себя в безопасности где-нибудь вдаль от них. Притом в этих покоях не было места, в котором можно было бы надежно укрыть талисманы, чтобы их не обнаружили при тщательном обыске.

И не следовало забывать про этот проход в глубины.

Села могла считать его хорошо защищенным посредством сигнализации, о которой она упоминала, однако звуковое предупреждение немного стоило против какого-нибудь нападения Хасти с неизвестными силами, которые, возможно, находились у него под контролем.

Она опустила сверток на кровать, чтобы потуже завязать свернутую материю. Да, это она захватит с собой.

Талахасси все еще держала его, проверяя узлы, когда шелкнул замок двери и внутрь пробралась Села, прижимая костлявым локтем к боку ворох салфеток и осторожно держа в руках высокий кувшин.

Глава четырнадцатая

— Взгляни, Великая Леди, разве теперь это не то, чего ты хотела? Кто узнает принцессу Ашаки в таком обличье?

Талахасси снова стояла перед зеркалом на туалетном столике кэндейс. Села была совершенно права. Это была не

Ашаки, кого она увидела там. Ее кожа вновь стала темной, даже темнее, чем в первый раз, когда ее натирала жрица. К тому же постоянное применение косметических средств огрубило черты лица, придав ему полноту, которая не была типичной для нее.

Она прикрыла голову льняным головным убором в виде сфинкса, а края его выпустила вперед, чтобы еще больше затемнить и замаскировать свои черты лица. Оставался только рост, который мог выдать ее. Но она не собиралась расхаживать на виду продолжительное время. И ей хотелось надеяться, что никто не уделит ей внимания хоть сколь-нибудь больше, чем любой служанке, занимающейся своим обычным делом.

Сверток, в который она заключила талисманы, был для переноски положен в одну из просторных корзин, которую Села вынула из потайного стенового шкафа, предназначенных для транспортировки недавно выстиранных постельных покрывал.

Однако все эти приготовления потребовали времени, очень дорогого времени. А совет уже мог начать заседание.

Она неожиданно наклонилась и прижала накрашенные губы к морщинистой щеке Селы.

— Приемная мать моей родной сестры, — сказала она нежно, — я благодарю Великую Силу, что ты пришла мне на помощь. Это такая услуга, какую не мог бы оказать даже Род.

Да будет на тебе благословение Того, Кто Хранит Всех Нас!

— Великая Леди. — Села подняла руку и, в свою очередь, коснулась кончиком пальца нарумяненной щеки Талахасси. — Да будут благословения и благосклонность Фортуны на том, что ты собираешься осуществить. Если наша дорогая леди выберется из пустыни, чего более мы можем просить? Теперь подожди, пока я не удостоверюсь, что коридор пуст. Если тебя увидят выходящей отсюда...

Она уже была на пути к наружной двери, когда в нее поскребли. Кто?.. Талахасси крепко прижала корзину, и ее серд-

це начало биться быстрее. Лицо Селы насторожилось, когда она прислушивалась к этому звуку. Затем, прежде чем Талахасси смогла остановить ее, она поспешно открыла дверь.

В комнату проскользнула Монига. Ее ладно сидящая форменная одежда исчезла. Как и Талахасси, амазонка была одета в платье служанки и учащенно дышала. Она перехватила у Селы дверь, плотно затворила и прижалась к ней плечами, будто хотела создать барьер из своего собственного тела, чтобы удержать какую-то погоню.

— Что такое? — спросила Талахасси и увидела изумленное выражение на лице амазонки, ее изучающий пристальный взгляд.

— Великая Леди... но ты?.. — Девушка чуть не заикалась.

— Да, я уйду в другом обличье. Однако что ты хочешь сообщить нам?

— Великая Леди, Ассар прошел через ворота... Он прошел без труда. Никто не видел его в сумерках. Он как будто понимал, хотя всего лишь охотничий пес, что не должен быть обнаружен. Но — когда я шла обратно — Великая Леди, именем принца Юсеркэфа они сменили охрану дворца...

Талахасси услышала сдавленный вдох Селы.

— Поклявшиеся-на-мече?

— Великая Леди... их окружили, когда я уходила по твоему приказу. Сейчас они заперты в казармах. А капитан... она была обезоружена и уведена. Они поставили в дверях казарм тот же самый барьер, что и в городских воротах. Никто не может выйти наружу.

— И теперь именно люди с юга стоят на страже?

Монига кивнула:

— Совершенно верно, Великая Леди. Я видела эмблемы Слона на их форме. К настоящему времени этот дворец принадлежит им. И я думаю, что они также сменят часовых у ворот. Это воины варваров, Великая Леди... некоторые даже имеют на лицах татуировки диких племен.

— Ты все сделала очень хорошо, — медленно произнесла Талахасси. — Теперь... ты останешься здесь с Селой, и будь

уверена, что никто не узнает, где ты нашла убежище. Возможно, придет время, может быть, очень скоро, когда я буду нуждаться в поклявшейся-на-мече у себя за спиной, чтобы быть уверенной, что ничей кинжал не достанет меня.

— Великая Леди, что ты собираешься делать? Во дворце находятся чужестранцы, большое количество стражников с юга...

— Это я знаю. Тем не менее, несмотря на это, мне необходимо узнать больше, ради кэндейс и, возможно, самой Империи. Не волнуйся. То, что я собираюсь сделать, может быть выполнено только мной, однако это должно быть сделано.

На мгновение показалось, что Монига не отойдет от двери. Однако, так как Талахасси настойчиво смотрела на нее, амазонка уступила дорогу.

— Великая Леди, — взмолилась она, — возьми меня с собой! У меня есть это. — Она засунула руку за лиф своего платья и вытащила ручное оружие.

— Возможно, позднее это нам потребуется. Но... сейчас я пойду одна. Это секрет кэндейс, который может быть известен только мне... и, вероятно, он нам поможет. Села, держи эту дверь на запоре... не открывай даже служанке, которая, как ты упоминала, должна прийти сюда. Хаста обладает средствами воздействовать на людей, превышающими наши знания, и некоторых он полностью подчиняет своей воле. Благодаря использованию таких средств я сама оказалась в его руках. Не открывайте эту дверь!

— Воля высказана, так и будет, — официально ответила Села. Монига выглядела так, будто хотела еще раз запротестовать, но Талахасси поспешно выскользнула через дверь, и няня крепко затворила ее за ней.

К счастью, ей не надо было идти далеко. Люди, запланировавшие этот проход при сооружении «современного» дворца около трех сотен лет тому назад, хотели, чтобы правитель мог быстро добраться до него. На мгновение она замерла, напряженно прислушиваясь.

Слева от нее находился ряд арочных проходов, выходящих в сад для уединения кэндейс, расположенный во внутреннем дворе. Через них лился солнечный свет, и это были яркие лучи послеполуденного солнца. Она могла слышать звуки, производимые птицами, крик одного из павлинов, расплодившихся из пары, подаренной индийским правителем два или три поколения тому назад. Это был громкий крик, достаточно неожиданный, чтобы заставить ее в тот миг вздрогнуть от испуга.

Тем не менее сам коридор был пуст. Поскольку было известно, что кэндейс уехала, вдоль него не было караульных.

Талахасси поспешно заторопилась дальше, придерживаясь правой стены, так далеко от арок, как только могла.

Коридор от сада вел в помещение, которое правители использовали в прошлом для более конфиденциальных аудиенций. Здесь находились скромное, менее роскошное кресло-трон, несколько почетных стульев для гостей — членов Рода, — но в остальном оно было пустым.

Несмотря на это, прислушавшись возле его двери, Талахасси смогла услышать бормотание голосов. Да, совет собрался! Нужно действовать очень быстро и бесшумно.

Она обогнула стену малого зала для аудиенций до южного угла, где были панели из покрытого резьбой дерева, пропитанные маслом и предохраняющим средством и отполированные. Поставив корзину у ног, она подняла руки, чтобы разместить их в места, которые была обучена находить много лет тому назад. Она не забыла, а вернее, не забыла Ашаки. Ее пальцы легко вошли в углубления, которые никто не смог бы заметить из-за глубокого резного орнамента. Тотчас же она надавила почти всем своим весом вниз.

Раздался скрипучий звук, заставивший ее торопливо оглядеться. Потом неподатливые рычаги, не употреблявшиеся, возможно, уже много лет, пришли в действие. Две панели раскрылись, и она протиснулась в отверстие, затем задержалась еще, чтобы затащить за собой корзину, прежде чем закрыла этот тесный проход.

Было достаточно светло — с одной стороны пробивался свет, и здесь находилось отверстие, чтобы наблюдать и слушать — она была в состоянии отлично видеть все, что находилось по ту сторону, через узор резного орнамента, настолько замысловатого, что он хорошо скрывал свое предназначение с другой стороны стены.

Зал Совета мог быть новым для Талахасси, но память Ашаки нашла его хорошо знакомым, хотя она опознала только двоих из шести мужчин, сидевших там, — генерала Айтуа и номарха округа Слона. Здесь не было Хасти, который, ей казалось, обязательно должен был присутствовать, не было также ни Юсеркэфа, ни Идайзи.

Тем не менее не успела она поудобнее усесться в своем тесном помещении, полусогнувшись, как открылась дверь и величавой походкой вошла Идайзи, позади которой шествовал носитель опахала.

Она осмелилась! Память Ашаки подлила масла в ее гнев — эта женщина имеет наглость посягать на привилегии Налдамак, которые никогда не могли быть ей пожалованы! Она, должно быть, вполне убеждена, что и кэндейс, и сама Ашаки устранены или лишены возможности действовать. Информировал ли ее, в таком случае, Хасти, что его пленница сбегала?

Хасти считал, что эта женщина и ее супруг являлись марионетками, которые должны быть использованы и выброшены. Идайзи сама приходила к Ашаки заключить сделку или только делала вид. Что же в таком случае изменилось, так что теперь принцесса полагала, что может созвать совет и заставить подчиняться себе?

— Настало время серьезных дел, — резко произнесла Идайзи, оборвав приглушенные голоса формального приветствия и махнув рукой, чтобы мужчины садились. — Вы вызваны, мои лорды, по распоряжению моего супруга, принца Юсеркэфа, который, хотя лежит, страдая от лихорадки, по-прежнему осознает, что безопасность Империи превыше всего и зависит она от таких, как вы — тех, кто лоялен к нему.

Она сделала паузу, при этом быстро оглядывая одно лицо за другим, смотря в глаза каждому по очереди и задерживая прямой пристальный взгляд в течение мгновения или двух, как будто таким образом давала некое предостережение или требовала в ответ еще одно торжественное заверение о лояльности. Вероятно, она была удовлетворена тем, что увидела, так как тотчас же продолжила:

— Теперь уже точно известно, что кэндейс исчезла во время песчаной бури. Трудно поверить, что тот, чей флер был захвачен с такой яростью погодой, мог бы спастись. А принцесса Ашаки по своей собственной воле устранилась от правления, принеся вместо этого присягу Храму, связав себя с ним до конца жизни.

Вот как? В данный момент это было умно, признала Ашаки. В результате ее длительных отлучек из Новой Напаты по делам Храма здесь осталось немного тех, кто знал ее лично. А те, кто были самыми решительными сторонниками того, чтобы посадить ее на трон, — Зихларз, Джейта и Херихор, — были весьма беззастенчиво устранены с этого совета. Эти люди вынуждены принять факт, что она могла совершить такой поступок в основном потому, что хотят в это верить.

— Наследница должна произнести такие заявления перед советом, а затем у Главного Алтаря перед всеми представителями Гильдий и Мастерами, а также перед номархами, — сказал мужчина, носивший символ Леопарда. Он не употребил ни одного из принятых почтительных выражений при обращении к Идайзи.

Ашаки не знала его, за исключением имени — Такарка, поскольку он только недавно вступил в наследственное управление этой самой западной территорией Империи, и то после гибели весьма дальнего родственника. Однако он часто имел дело с белокожими варварами севера, и она автоматически отнесла его к разряду тех, кто мог быть подкуплен Хасти.

Услышать от него такое заявление было теперь сюрпризом.

— Что она и сделает в надлежащее время. Хотя ничего не может быть осуществлено до тех пор, — ловко подстраховалась Идайзи, — пока не будет точно установлена смерть нашего Солнца Славы. Между тем Наследница пребывает в глубокой медитации и не может сама управлять Империей.

— Конечно, конечно, — забормотал генерал Айтуа, подерживая Идайзи.

— Если Наследница все еще не присягнула открыто, — настаивал Такарка, — тогда она должна быть вызвана на совет... — Теперь уже он оглядел каждого из своих компаньонов, будто его удивило, что ни один голос не раздался, чтобы поддержать его. — Таков Закон, — добавил он отрывисто и резко.

— В годы кризиса, — ответил на это номарх Слона, — не всегда можно полагаться на закон. Племена за пределами моей собственной территории становятся беспокойными. Нужна твердая рука, чтобы держать их под контролем. Если они услышат, что у нас нет правителя, то воспримут это как сигнал, чтобы вторгнуться. Чтобы нанести им поражение, мы готовились целых два года, и это было двести лет тому назад. Имеются все основания считать, что они ведут торговлю с северными варварами. Ходят слухи, даже больше, чем просто слухи, что они получили оружие, которое равно по силе или даже превосходит то, что мы можем выставить на поле битвы против них.

Генерал Айтуа заворчал:

— Не принимайте всерьез эти постоянные вопли, что мы плохо готовы, — огрызнулся он. — В настоящее время мы, возможно, обладаем кое-чем, что застанет их врасплох... и других. Но что, леди, — он взглянул непосредственно на Идайзи, — о войсках севера? Какую роль они будут играть — «за» или «против» твоего Царственного Супруга? Говорят, что между ним и принцем-главнокомандующим существуют старые счеты. А принц-главнокомандующий не только член Рода, но и помолвлен с Наследницей, что все еще остается в силе. Вы думаете, он покорно отступит в сторону, если в этом вопросе существуют такие разногласия?

Идайзи поджала губы.

— Точно так же, как ты предупреждаешь, что армия может иметь секреты, не открытые для широкой публики, генерал, так и я скажу, что есть другие секреты. Если принц Херихор стремится к трону вопреки всем обычаям, он никогда в таком случае не войдет в ворота Новой Напаты — живым!

Номарх Леопарда чуть наклонился вперед на своем стуле.

— Я слышал, что в Новой Напате находится чужестранец — человек с иным знанием. Он и есть тот секрет, о котором ты говоришь, леди? Если так — почему его сейчас нет здесь, чтобы дать нам возможность увидеть и услышать его? Мы сохранили нашу страну потому, что не отказывались от того, что было нашим величайшим дарованием, в Кеми и впоследствии.

Варвары зависят только от того, что создают своими руками — и взгляните на историю их стран! Есть у них что-либо, чем они могут похвалиться? Смерть королей, сраженных завистливыми соперниками на своих же почетных местах, многие убийства людей — с очень кратковременными периодами беспокойного мира, в которые они могли очередной раз подготовиться к морям крови в своих странах. Я слышал их похвалы об этом — считающих это благородным, поскольку почести — для победителя, а не для сокрушенного. Я не раз слышал, как они убеждают себя своим собственным хвастовством. А во скольких войнах мы, из Амона, принимали участие?

Он протянул руку с растопыренными пальцами и начал загибать их пальцем другой руки, пока говорил:

— В далеком прошлом нас изгнали гиксосы, которые захватили Кеми, позднее мы сражались с захватчиками с севера — три раза. В конце концов мы ослабли, потому что нас было немного, а их — огромное количество, и появлялись они там, где, когда кто-то из нашего Рода погибал, вовремя не находилось никого, чтобы его заменить. Теснимые ими, мы были изгнаны на юг — в Мероэ.

Однако другое наше оружие становилось сильнее. Мы научились сражаться разумом и духом — не побеждать агрессоров, а отправлять их назад, туда, откуда они пришли. Мы удерживали Мероэ против людей с востока, пока наша вера не ослабла и мы не лишились нашей самой крепкой защиты. И тогда мы снова переместились, на этот раз к западу. И здесь, под предводительством Рамзеса Льва, мы основали эту Новую Напату и не ушли отсюда!

Наоборот, наши огни разгорались ярче, и мы учились и усиливались — так был рожден Амон. Пять войн всего и один мятеж на юге на протяжении чуть ли не восьми тысяч лет. Ни одна группа северных варварских государств не может похвастаться подобным.

— Лорд, — горячо произнесла Идайзи. — Все, что ты рассказываешь, — правда. Тем не менее также правда — что мы вновь пришли к временам, когда Талант становится редким, немногие рождаются с задатками Силы в них. Даже линия Рода сокращается, разве это не так? Опять наступает такой период жизни, на какие ты ссылаешься, когда мы ослабеваем в том, что защищает нас. Следовательно, чтобы Амон мог продолжать существовать, нам нужно воспользоваться в нашем очень трудном положении другими средствами. Это не то, чего мы хотим, но это реальность, которой мы вынуждены смотреть в лицо.

А одно из самых сильных оборонительных средств — надежно укрепленный трон. Если мы не имеем этого, то как же тогда сможем вести за собой народ?

Умно, умно. Ашаки хотелось зашипеть подобно разъяренной кошке. Логика Идайзи была неопровержимой.

— Но способен ли в таком случае Юсеркэф держать Власть? — впервые заговорил номарх Гиппопотама. Он был человеком средних лет, и Ашаки слышала, как о нем говорили, что он вовсе не дурак, продвигающийся вперед посредством интриг, а человек, предпочитающий действовать открыто.

Его тучному телу, вероятно, было очень неудобно на маленьком стуле, а глаза были всегда почти полузакрыты, придавая ему глуповатый вид, не соответствовавший действительности.

— Он из Рода! — поспешно ответила Идайзи.

— А где сама Власть?

— Находится в безопасности! — ответила она, может быть, слишком поспешно. Номарх Гиппопотама был самым неподходящим человеком для того, чтобы лгать ему, не имея убедительных фактов, которые прикрыли бы ложь. Возможно, Идайзи просто не смогла придумать ничего другого, погоняемая недостатком времени. Что, если они потребуют, чтобы жезл и Ключ были предъявлены здесь и сейчас?

— Где Зихларз? — Это снова был Такарка. — И номархи с севера? Это не полный совет, и, таким образом, мы не можем принимать решения.

— Север... — Идайзи заколебалась. — Мои лорды, я должна сообщить вам о прискорбном событии — северные войска оказались изменниками. Они высказались за Херихора. И как вы думаете — кто разыскивал наше Солнце Славы... кто?

Она предъявила этот вопрос как обвинение.

— У тебя есть доказательства? — Такарка смотрел ей в лицо.

— Почему, по-вашему, здесь нет Зихларза? Храм закрыт для оплакивания. Мы не можем сейчас доказать вам то, о чем узнали.

Но разве осмелился бы принц-главнокомандующий примерять Шлем Льва, если бы наша леди действительно была жива? Если же он нашел ее... он ничего не сообщил, видимо, рассчитывая воспользоваться удобным случаем, чтобы убедить Наследницу и, таким образом, править от ее имени как Царственный Супруг...

— Мы не можем принимать решения без полного состава совета, — решительно сказал Такарка. — Пусть Юсеркэф предстанет перед нами с Властью, и мы будем знать правду:

что кэндейс на самом деле мертва, а Наследница отказалась от своих прав. Ибо только тот, кто является законным правителем, может появиться подобным образом.

— Хорошо сказано, лорд, — согласился номарх Гиппопотама.

Номарх Слона колебался непродолжительное время, а потом тоже кивнул. Взгляд генерала Айтуса сфокусировался на полу перед ним, будто его мысли блуждали где-то в другом месте, и он вообще молчал, в то время как другой номарх, нервный маленький человек с дергающимся веком, быстро кивал.

Идайзи встала. Ее лицо оставалось невозмутимой маской, однако Ашаки могла ощущать ее кипящую ярость... А под этой яростью присутствовал страх. Был ли этот ход сделан без ведома Хасти, отчаянная попытка заручиться поддержкой тех вельмож, которые, как она рассчитывала, пойдут за ней даже против общеизвестных возможностей чужестранца? Ашаки начала так думать, когда принцесса с достоинством покинула помещение, не уделив ни слова прощания никому из людей, которых собрала.

— Юсеркэф. — Номарх Слона произнес вслух только это единственное слово, когда его собрат южанин в первый раз широко раскрыл глаза и на мгновение пристально посмотрел на него.

— Да, но не здесь... не в данный момент, — загадочно высказался генерал, неуклюже поднимаясь с места, как будто он был почти таким же грузным и бесформенным, как номарх слева от него.

Они разошлись не одновременно: южане удалились первыми, затем генерал, чуть ли не наступая им на пятки, все еще выглядя озабоченным, как будто хотел немедленно удостовериться, что войска, подчиненные ему, имели оружие, о котором он намекал. Двое оставшихся номархов тоже вышли порознь — сначала номарх Леопарда протиснулся мимо другого, и последний номарх посмотрел ему вслед с выражением, которое Ашаки не смогла истолковать.

Ей было жарко в этой конуре и еще жарче от мысли о расстройстве ее плана. Не существовало никакого удобного способа проследить за ними за пределами этого помещения.

Они, наверное, размещены в Крыле Благородных Гостей, окруженные своими многочисленными собственными охранниками, находящимися в боевой готовности. Там она не могла сыграть роль даже дворцовой служанки, так как наверняка оказалась бы раскрытой.

А узнала она так мало. О многом из этого можно было догадаться. Похоже, что в рядах врага у нее есть один союзник — номарх Леопарда. Тем не менее она не могла полагаться на него или доверять ему только из-за того, что подслушала здесь. Однако в некоторой степени утешала мысль о том, что существуют скептики и что члены совета не проявили готовности оказать поддержку Идайзи в каком-нибудь непредусмотренном действии. Тем самым им подарено дополнительное время...

Им? Из кого в настоящее время состояли Королевские силы в Новой Напате? Из женщины, столь старой, что она пережила два поколения, единственной переодетой амазонки, вооруженной лишь ручным оружием, служанки, на которую они, возможно, могли, а может быть, и нет, положиться, и ее самой, хотела она этого или нет. Она была вынуждена принимать участие в сражении, что вела Ашаки, если не ради Амона, то ради собственной жизни.

Она направилась обратно в апартаменты кэндейс, заметив, что пол галереи освещен солнцем гораздо слабее, чем раньше, когда она шла в другую сторону. Жгучее солнце пустыни... Как долго могла Налдамак оставаться в живых, если это была правда, что ее флаер исчез во время бури? Даже если она выжила при его крушении, суровые условия этой местности не предоставляли более чем день или два дальнейшего существования.

Однако она не была мертва. Ибо Ашаки было бы известно об этом. Почему-то Талахасси была в этом уверена. Она добралась до двери комнаты Селы и подала сигнал царпаньем

по ее поверхности, торопливо кинув взгляд вправо и влево; когда она занималась этим, корзина, содержащая талисманы, опиралась на ее бедро.

Они, должно быть, ожидали прямо за дверью, потому что та была поспешно распахнута. И амазонка была так взволнованна, что, ничуть не заботясь о рангах, протянула мозолистую, с цепкими пальцами руку и быстро втащила Талахасси внутрь.

— Они не смогли договориться, — сказала девушка тем, кто ожидал ее. — Номарх Леопарда против требований Идайзи. Но она рассказала им две басни — что кэндейс мертва или, возможно, пленница Херихора... и что он стоит во главе мятежа против трона!

— Ложь! — прошипела Села.

— Конечно, мы-то это знаем. Тем не менее доказательства — другое дело. Части там не было — по-видимому, она созвала этот совет без его ведома. Думаю, она боится его — и правильно. Если бы мы только могли усилить разногласия в их собственных рядах! Если бы я имела поддержку Сына Эпидемека или хотя бы двоих-троих из Храма, это могло бы разжечь их подозрительность и опасения...

— Великая Леди! — Села приблизилась к Талахасси, держащей в руках сверток с жезлом и Ключом. — Ты держишь, — напомнила ей няня, — то, что является сердцем и душой Амона... разве ты не можешь обратиться к их Силе?

Талахасси вздрогнула. Если бы она действительно была Ашаки — да... Однако пробелы в воспоминаниях Ашаки оказались слишком обширными. Она могла призвать талисманы к себе, как проделала в той лаборатории, но другие их назначения — это было частью знания, не переданного с помощью лент. Тем не менее — она могла попытаться... Храм! Он мог быть закрыт для физического доступа, но закрыт ли он также для силы мысли? Если бы она смогла установить связь с Зихларзом, в чьем разуме заключались самые глубокие богатства Мудрости этого поколения!..

Она повернулась к двум женщинам.

— Есть кое-что, что я могу попытаться осуществить. Вы должны хорошенько охранять меня, так как то, что является моей сущностью, должно произвести поиск за пределами сфер той плоти, что вмещает меня.

— Разумеется, Великая Леди, — амазонка ответила первой, — мы сделаем все, что сможем. Но куда?..

— При удачном стечении обстоятельств, может быть, к Зихларзу. Если они узнают правду, то, возможно, будут более деятельными. Теперь дайте мне настроиться соответствующим образом.

Глава пятнадцатая

Она плыла в пространстве, которое не было местом в каком-либо мире. Перед ней — высокая темная стена, отделяющая ее от тех, кого она разыскивает. Зихларз и другие из Высшего Пути были где-то за этим. Однако этот путь был закрыт — по крайней мере для того, кто не обладал всем тем, что известно одной лишь Ашаки.

Тщетно пытающаяся бороться, Талахасси снова и снова совершала попытки пробиться сквозь стену, преследуемая мыслью, что дефект заключается в ней самой, в неполной памяти, которую ей предоставили. Она нуждалась в глубочайших секретах их обучения. Была ли эта стена изобретением врага или вынужденным средством защиты против какой-нибудь ментальной атаки — этого она также не знала.

Хотя Хасты не мог воздвигнуть такой барьер в этом месте между мирами, существовали те, с далекого юга, колдуны диких племен, имеющие знания извращенных и темных сил — и потому более всего опасаящиеся Света Храма. Они вполне могли быть вместе с мятежниками.

Стена была непроницаема; Талахасси оказалась утомлена и расстроена этим. В этом месте полузнание не могло слишком долго сохранять ее в целостности и сохранности. И все же она до сих пор цеплялась за обрывок надежды...

Затем...

Перед стеной вспыхнула колонна чистого пламени, такого же золотистого, как маска, которую носила Джейта. Из этого пламени возникла сама эта маска, чтобы смотреть в лицо освобожденной от телесной оболочки Ашаки.

«Дочь Эпидемека?» — В этом месте не было речи, которая могла быть сформирована посредством губ и языка, потому что существовало только восприятие личности.

«Я пришла», — ответил ей мысленный образ маски.

«Есть огромная необходимость...»

«Гораздо важнее то, чтобы ты добралась до нас, Сестра-в-Свете...»

«Как смогу я осуществить это?» — задала вопрос сущность Ашаки.

«Воспользуйся еще раз нижними путями. Там существуют секреты, которые могут направить тебя. Ты поработала очень хорошо, и тебе сопутствует удача. Там могут быть те...»

Вдруг раздался крик, и от этого звука сумеречный мир распался на фрагменты и растаял. Ашаки — Талахасси — рвануло силой более мощной, чем любой ветер, отбросило от стены, от пламени, которое было Джейтой. Она не могла уклониться от этого непреодолимого давления. Потом пришло ощущение надежной опоры под собой, иначе говоря, возвращение. Девушка с трудом открыла глаза.

Два светильника отбрасывали на потолок необычные тени. А неподалеку она услышала слабое постанывание. Несмотря на навалившуюся безграничную усталость, она каким-то образом ухитрилась повернуть голову.

Кто-то сжался там, закрыв руками лицо. И когда Талахасси с трудом приподнялась, она увидела, что на полу лежит второе тело. Эта маленькая съежившаяся фигурка — Села! А та другая, дрожащая от ужаса, — амазонка Монига! Но что проникло сюда? Какое-нибудь нападение, предпринятое Хасты?

Она опустила ноги на пол, уселась поудобнее, хотя ее замедленные движения были нерешительными.

— Успокойся! — Ее голос был тихий, но она вложила в него все свое влияние, которое могла сейчас проявить.

Амазонка не подняла головы, ее стоны становились громче.

Талахасси каким-то образом встала и с трудом преодолела два шага до женщины. Она наклонилась, рискуя потерять равновесие, и ударила Монигу по щеке. Потому что когда Монига подняла голову, ее лицо выражало истинный ужас. Зная о спартанской подготовке, которая сформировала ее характер, Талахасси не сомневалась, что то, что привело ее в такое состояние, вероятно, находилось за пределами любого нормального восприятия.

— Успокойся! — резко произнесла она. Широко раскрытые глаза Мониги сфокусировались на ней, и страх постепенно исчез с лица женщины.

Талахасси опустилась на колени, протягивая руки к неподвижной фигурке Селы. Сперва она подумала, что старая женщина умерла, потом ее пальцы обнаружили очень слабое биение пульса.

— Помоги мне! — отдала она второй приказ. Амазонка двигалась неуклюже, как человек, исполняющий распоряжения, не понимая их. Вместе они сумели перенести Селу на постель, которую Талахасси только что покинула. Ее маленькое морщинистое лицо было очень бледным, отчасти зеленоватым, а рот слегка приоткрыт, и из одного уголка тянулась тонкая нитка слюны.

— Вина, — приказала Талахасси. — Принеси вина. — Тепло Селы было на ощупь холодным. Старая женщина пребывала в шоке. Девушка натянула на нее покрывала; и когда Монига, у которой руки все еще так дрожали, что она чуть не расплескала вино, принесла ей бокал, Талахасси приподняла голову няни до уровня собственного плеча, чтобы влить ей в рот немного жидкости.

Села поперхнулась, открыла шире рот и проглотила. Ее пульс участился. Талахасси опустила ее обратно на постель, повернулась к Мониге:

— Расскажи мне, Монига, что случилось?

К счастью, амазонка, похоже, вновь обрела в какой-то степени как свое мужество, а также и разум. Теперь, когда Талахасси взглянула на нее, она вспыхнула от стыда.

— Великая Леди... здесь... здесь были существа... — она чуть запнулась. — Я сражалась вместе с поклявшимися-на-мече в Менкани, когда люди пустыни ворвались в форт и мы старались снова овладеть им. Я видела многое. Великая Леди, что было наполнено ужасом. Но это... Это не из нашего мира!

— В каком смысле? — спокойно спросила Талахасси, понимая, что следует действовать терпеливо.

— Когда ты спала, появились они. Они были подобны теням... или что-то вроде завихрений в воздухе. Как я могу подобрать слова, чтобы описать то, чего никогда раньше не видела? Тем не менее они существовали... они, в некотором роде, были разгневаны, и их ненависть... ее можно было ощутить!

Опять духи.

— Я сама видела эти существа, Монига. Они существуют.

И, полагаю, я знаю, чего они хотят добиться. Только у меня нет силы, чтобы дать им это.

— Великая Леди... они собрались вокруг тебя, когда ты лежала. А когда мы попытались защитить тебя... они... — Рука Мониги метнулась к голове. — Каким-то образом они проникли в наши разумы — с ужасными намерениями... Они хотели убить меня... Однако я выстояла против этого, Великая Леди... я выстояла!

Затем они вызвали боль, и леди Села закричала. Я подумала, что она умерла. А когда они набросились на меня... Великая Леди, я не знала точно, как долго могла бы продержаться против них! Думаю, что я пронзительно закричала...

— Ты не могла сделать большего, поклявшаяся-на-мече.

Эти существа не могут быть уязвлены каким бы то ни было оружием, которое человек может держать в руке. То, что ты противостояла их силе, великая честь для тебя, — подбодрила ее Талахасси.

Она получила по крайней мере часть сообщения Джейты. Однако вновь пользоваться нижними путями, где парят духи, когда она считала, что на сей раз не следует ожидать ничего другого, кроме враждебного отношения с их стороны, было действительно опасно. Она расположилась поудобнее на краю постели и попыталась привести в порядок мысли. Села, казалось, спала, как и следовало ожидать. Ее лицо уже не выражало невыносимый страх. А Монига окончательно пришла в себя.

— Слушай теперь внимательно. — Талахасси понимала, что у нее нет выхода. Сообщение Джейты было весьма ясным.

Она должна любым способом выбраться из Новой Напаты, и существовала только единственная дорога — та, которая вела через эти темные коридоры вниз. — Есть вещи, которые мне необходимы, — так как я получила сообщение от Дочери Эпидемека через путь Таланта. Можешь ли ты найти и скрытно принести их мне?

— Великая Леди, приказано — значит, будет сделано, — ответила Монига, отдавая официальный салют.

— В данном случае это — продукты — такие, какими армия пользуется в походах — в вещевом мешке и в достаточном количестве, чтобы хватило на несколько дней. А также ночной осветительный прибор с полностью заряженным элементом. Достань их так быстро, как возможно. А заодно хлеб, мясо, чем я могла бы сразу же пообедать.

— Это я могу достать, Великая Леди. — Монига уже шла к двери.

Когда та закрылась за амазонкой, Талахасси принялась за дело. К ней вернулась, в некоторой степени, сила, и она не должна позволять себе заглядывать вперед относительно того, на что это может быть похоже: оказаться настигнутой духами где-то в той полной темноте внизу. Нет, лучше думать о том, что следует сделать прямо сейчас.

Она порылась в комодe, где была одежда Налдамак, и отыскала то, в чем нуждалась, — форму, которую императрица

носила, когда принимала парады своих войск в официальных случаях. С помощью ножниц из туалетного столика Талахасси спорола все знаки различия ранга, оставив однотонное одеяние, напоминающее то, что в ее собственном мире называли тренировочным костюмом.

Он был немного тесноват ей в груди, но она сумела застегнуть все пряжки, а ботинки, к счастью, пришлись впору, хотя стесняли ноги после свободных сандалий. Села по-прежнему спала — без сновидений, как надеялась Талахасси.

Талисманы она решила нести открыто. Но для того чтобы не уронить их, она накинула на каждый веревочные петли, привязанные к запястью. Голову она прикрыла шарфом, завязав его под подбородком. Талахасси уже заканчивала сборы, когда услышала сигнал и впустила Монигу.

С плеча амазонки свисал весьма нагруженный мешок, и она держала перед собой поднос с едой, которую попросила Талахасси. Девушка села поесть и попить и в то же время отдавала последние распоряжения.

— Я ухожу отсюда, поклявшись-на-мече, через потайной путь. Организуй охрану и не допускай, чтобы леди Села испытывала недостаток внимания. Сохраняй в тайне, что я была здесь, если тебя обнаружат. И присматривай хорошенько за путем, которым я ухожу, и так, чтобы никто не смог незаметно на тебя напасть.

— Великая Леди, мне бы хотелось пойти с тобой. — Монига уже переделалась в форму, и на поясе ее висело оружие.

— Нет. Это такой путь, по которому только жезл может вести меня. Ты окажешь огромную услугу, охраняя эту дверь.

Возможно, что когда я вернусь, то вновь приду по этой дороге, вероятно, приведя с собой помощь. Нам нужно быть уверенными, что здесь не ждет засада.

— Великая Леди, не сомневайся, я обеспечу такую охрану!

Талахасси взвалила на плечи мешок с провизией, затем закрепила петли шнурков от Ключа и жезла на левом запястье, а другой рукой подняла фонарь. По ее приказу Монига отвела в стороны стенные драпировки, и она вошла в по-

тайной путь. Раздался перезвон, и она вспомнила про установленную Селой сигнализацию. Она объяснила амазонке, что это за сигнализация, и только потом отправилась вниз, во мрак.

Фонарь давал гораздо больше света, чем излучение, с помощью которого она освещала путь раньше; его луч отчетливо рассекал темноту, ярко освещая лестницу и стену. Вскоре она достигла древней замурованной двери и проползла через отверстие в это место отвратительных запахов и возможной притаившейся опасности.

Ориентируясь по планировке дворца, Талахасси повернула налево в неизвестный проход. Лестница являлась одним из секретных проходов иной эпохи, вероятно, сооруженная изначально для бегства Царственного Семейства, если бы разразилась катастрофа, как это случилось в Мероэ. Следовательно, должен существовать какой-нибудь выход за пределами города. И этот выход, она надеялась, не должен быть перекрыт барьерами, которые установил Хасти.

Как влажность, так и зловоние усилились. Она тщательно старалась выбирать путь, так как пол коридора был до такой степени покрыт слизью, что время от времени ее ботинки скользили. Луч фонаря на мгновение зацепил поднятую голову какой-то твари — либо большой ящерицы, либо змеи. Однако она исчезла, как будто свет представлял для нее угрозу.

Девушка ожидала нападения духов — в конце концов, это место хорошо подходило для их засады, — и потому была постоянно настороже, не позволяя себе расслабляться даже тогда, когда, по прошествии некоторого времени, этого так и не случилось.

Сырость скапливалась здесь в вязкие, зловонные лужи, которые она старалась обходить на максимально возможном расстоянии. Затем коридор уперся в мрачный поток, от которого поднимался такой смрад, что ей не верилось, что этим можно дышать в течение длительного периода времени. Она на минуту засунула фонарь за пояс и опустила шарф,

что прикрывал голову, чтобы закрыть им рот и нос в тщетной попытке хоть как-то фильтровать эту мерзость.

Течение в потоке было быстрым, и она не сомневалась, что это один из главных коллекторов канализации города. Она не имела понятия, каким глубоким был этот наполненный отходами поток, и испытывала колебания. Дорога здесь заканчивалась. Это означало, что тот, кто следует по ней, вынужден преодолеть канализационный коллектор в этом месте. Отважиться на это, не имея представления о его глубине, рискуя оказаться сбитой с ног и затянутой под отбросы, чтобы заклебнуться? Нет, нужно отыскать какой-нибудь другой путь.

Прижавшись плечом к стене, Талахасси наклонилась вперед так далеко, как только смогла, чтобы осветить лучом фонаря стену справа от себя, потому что коридор соединился с канализационным коллектором под острым углом. Там имела тропинка — если только можно было так это назвать, едва ли шире, чем две ее ступни, поставленные рядом. Хотя поток плескался немного ниже ее края, она была обильно покрыта мерзкими наносами, оставленными, наверное, когда уровень бывал выше.

Идти по этому пути — значит, на каждом шагу рисковать потерей точки опоры для ног, но выбора не было. И как долго она сможет вдыхать этот загрязненный воздух, не теряя сознание? Однако было бесполезно тянуть время — раз есть дорога, значит, надо по ней идти.

Она протиснулась за угол, где встречались проход и канализационный коллектор, чтобы ступить на этот запачканный выступ. Ее предположение оказалось верным. Слизь потайного коридора сменилась вязким болотом, которое засасывало ее ноги на каждом шагу. Она передвигалась так медленно, что отвратительная атмосфера представляла все более усиливающуюся угрозу для ее сознания.

Талахасси утратила всякое представление о времени. Голова ее болела, она ощущала тошноту и головокружение.

Один раз из потока поднялась покрытая чешуей голова, и раскрылись челюсти, чтобы с лязгом захлопнуться, ког-

да она быстро направила свет прямо в маленькие злобные глазки. Крокодил... к счастью, недостаточно большой, чтобы представлять реальную опасность, и, по-видимому, не переносящий света. Тем не менее, где присутствовал один, вполне могли быть и другие.

Неожиданно она достигла ниши в стене, в которой находилась заложённая дверь, и направила свет фонаря внутрь. За этой дверью угадывался арочный проход, похожий на тот, через который она проложила себе дорогу в другом коридоре, однако этот также был заложён. Она втиснулась в нишу и постаралась мыслить ясно.

Если её расчеты верны, эта заложённая дверь располагается в неподходящем месте, чтобы вести по ту сторону стен. А в своем теперешнем состоянии она не была уверена, что сможет применить силу жезла так, чтобы извлечь даже единственный камень из кладки. Лучше продолжать путь — должен же канализационный коллектор где-то выходить на поверхность, в этом она могла быть уверена.

Ей очень хотелось передохнуть в этом ограниченном пространстве, которое она встретила, если бы не то обстоятельство, что воздух здесь был не лучше, чем в канализационном канале. Так что она без особого желания двинулась на ощупь дальше. Она не вполне была уверена, но вроде бы уровень воды, текущей рядом с ней, начал понижаться. Выступ шел горизонтально и не поднимался. К тому же, хотя в это с трудом верилось, воздух стал менее вонючим. Она снова взяла себя в руки и быстро направила свет фонаря вверх. Свет зацепил край колодеобразного отверстия в хорошем состоянии, которое она осматривала с обратной стороны, с его нижней части.

Кроме того, в колодце виднелся ряд скоб, достаточно больших, чтобы держаться за них рукой и опираться ботином, подтягиваясь при этом все выше и выше. За пределами городской стены или внутри? Она опасалась, что все еще находится внутри. Не имело смысла размещать такой проход с наружной стороны стен. И если потратит свои силы, что-

бы подняться по нему, а потом убедится, что все еще пленница... Она не думала, что будет тогда в состоянии заставить себя спуститься снова в это зловонное место.

Все же неизвестный проход располагался внутри города.

Что-то шевельнулось в самой отдаленной части ее сознания, хотя она не могла объяснить это.

Все еще испытывая сомнения, она продолжила движение по выступу. Теперь стало явно заметно, что уровень воды понизился. Камень, по которому она ступала, был менее испачкан, то здесь, то там отчетливо выделялись небольшие участки скалы, в которой тропа была и вовсе чистой. Да и атмосфера стала менее гадкой.

Она...

В этот момент они и нанесли удар: когда она успокоилась, не обнаружив их. Духи совершили нападение на ее разум, а не на тело. Она пошатнулась, но не упала. И не выпустила фонарь. Наоборот, прислонилась плечами к стене, будто могла таким образом защитить свою спину, и поводила лучом света туда и сюда по воде.

Там что-то двигалось. Не духи, а может быть, какая-нибудь тварь, которую они вызвали, чтобы сдернуть ее вниз.

— Если я умру здесь, — произнесла она сквозь стиснутые зубы, обращаясь к пустому воздуху — пустому для ее зрения, — где находилась компания, которую она могла ощущать, — тогда ваши надежды не сбудутся. Я не обладаю силой, чтобы помочь вам. Тем не менее есть другие, более искусные и сильные, чем я, и их я пытаюсь найти. Разве вы хотите, чтобы вместе с моим телом сейчас погиб и ваш шанс?

Существо в воде приближалось. Но она по-прежнему могла видеть колыхания в воздухе.

— Акини. — Она назвала единственное имя, которое было ей знакомо. — Я сказала вам сущую правду!

Они все еще угрожающе висели здесь, и она не могла различить среди них эту единственную более отличимую личность, к которой обращалась. В воде возник водоворот, когда на поверхности канализационного коллектора появилась

ужасная бронированная голова, ее пасть была разинута достаточно, чтобы продемонстрировать запятнанные чем-то зубы.

Этот крокодил не был такой же маленькой рептилией, какую она видела раньше. Он, вероятно, был такой старый, так долго плавал в этом омерзительном месте, что вмещал в себе все зло, накопленное за многие годы.

Талахасси крепче ухватила жезл. Против этого существа из вековых нечистот она имела только это. Как тогда, когда она своей волей заставила жезл подняться из защитной клетки, которую Хасты установил над ним, так теперь она наклонила его верхушку по направлению к существу, которое подтягивало свое чешуйчатое тело выше. Массивные когтистые передние лапы потянулись к выступу, на котором она стояла.

Власть...

Свет, направленный ею на эту кошмарную голову, не произвел никакого впечатления. Его заставляли атаковать воздействия тех, кто в настоящее время жадно следил из темноты.

Власть!

Талахасси сдерживала себя, чтобы не завизжать от ужаса.

Обитатель канализационного коллектора воплощал в себе все, что присуще кошмарам.

«Власть, — потребовала она от памяти Ашаки, — дай мне то, что ты знаешь и когда-то использовала. Дай мне — или я... мы погибнем!»

Из верхушки жезла вырвалась нить пламени, значительно более яркого, чем пламя газового резака. Она ударила крокодила между маленьких глазок. Животное заревело так, что этот звук, неприятно отразившись от стен узкого туннеля, продолжал звенеть в ее ушах даже тогда, когда, высоко подпрыгнув, оно обрушилось в воду, и поток снова скрыл его.

Девушка наблюдала, как оно исчезает, с трудом веря, что память Ашаки ответила ей таким образом.

Обладала ли эта память своей индивидуальностью? Такого не могло быть, так как она была чем-то, что было извле-

чено, а потом втиснуто в ее разум посредством некой технологии этого народа. Ашаки умерла. Несмотря на это, Ашаки все сильнее и сильнее оказывала ей поддержку... могла ли запись создать что-то иное?

Они все еще находились здесь — духи... Однако они не пытались вновь нападать. Они излучали сомнение, это она могла ощущать. Они притягивались тем, что она несла, но в них был и страх, основанный на том, к чему они стремились.

В течение томительной минуты она ожидала какого-нибудь нового нападения, какого-нибудь удара из темноты.

Когда этого не произошло, она заговорила снова:

— Я заключила соглашение с тобой, Акини. Но не смогу выполнить его, если ты не дашь мне возможность собрать водино тех, кто знает, где ты пребываешь и что тебя держит. Я не забуду...

Они все еще были здесь, однако ответа не пришло. Она не могла больше ждать. Талахасси решительно двинулась дальше, но знала, что духи следуют за ней. Пусть, если им хочется...

Туннель повернул в сторону, и свежий легкий ветерок донул ей в лицо. Где-то, не слишком далеко впереди, должен быть выход из этого водного пути. Она выключила фонарь, замерла на секунду или две, пока ее глаза не приспособились и она не смогла видеть при помощи жезла и Ключа. Затем, делая очень осторожные шаги, снова двинулась вперед.

Впереди туннель заканчивался, и проход был перегорожен решеткой. Низ перекрыт не был, и под решеткой из канализационного коллектора изливались отходы, однако край проходил низко, около самого выступа. Она заторопилась по направлению к решетке, потому что тропа здесь была относительно свободной от наносов. Приблизившись, резко сдернула шарф, закрывавший нос и рот, и стала жадно вдыхать чистый воздух.

Чтобы не уронить, она засунула фонарь в мешок и начала ощупывать прутья решетки руками. По ту сторону была ночь,

и, похоже, бушевал сильный ветер. Сквозь решетку залетали песок и пыль, заставлявшие ее кашлять.

Хотя она отыскала место, где прутья закрепились в каркасе, тем не менее не удалось найти никакого запорного устройства с этой стороны. И решетка была надежно укрепленной, не поддавалась ни на дюйм под ее нажимом. Жезл... нужно проложить себе дорогу через...

С той стороны донесся звук, приковавший ее руки к металлической решетке, заставивший ее насторожиться и напрячься. Раздался тихий жалобный вой, к прутьям протиснулась тень.

Она вдохнула специфический запах псины. Ассар? Неужели охотничья собака просто вышла за ворота и потом бродила вокруг города? Ее надежда была столь призрачной, что до этой минуты она не отдавала себе отчета, насколько полагалась на нее.

— Ассар? — прошептала она имя.

Раздался возбужденный лай, и она ясно осознала свое безрассудство. Этого шума было достаточно, чтобы насторожить любого человека в окрестности. И вполне могло быть, что Хасти и южные номархи держали своих людей и с наружной стороны запирающего барьера.

Ответный шепот... шепот, который она не надеялась услышать.

— Ашаки?

— Кто?..

— Ашаки... Джейта сказала, что ты должна прийти... по этому пути. Ты уже здесь?

— Херихор? — Она едва не выкрикнула «Джейсон».

— Да, моя леди. И скоро ты выйдешь наружу... отойди немного назад.

Она отошла по выступу на шаг или два. Перед решеткой появилась вторая тень, и она услышала скрежет металла о металл. Затем что-то двинулось — решетка выпала наружу, и она услышала хмыканье, будто Херихор не рассчитывал, что это будет так легко.

Секундой позднее она услышала его призыв:

— Выходи, леди, путь открыт.

Он подался вперед, чтобы вывести ее на свежий ночной воздух.

Глава шестнадцатая

В палате находились разные люди. На этом военном совете они обладали почти равноправным положением. Джейта сидела рядом с Талахасси, а за ней располагался Херихор, с правой стороны — кэндейс Налдамак. Слева от нее находились два северных генерала и полковник поклявшихся-на-мече.

Талахасси ощущала сухость во рту и горле. Она говорила почти непрерывно с того времени, как Херихор привел ее сюда, подробно рассказывая о лаборатории, где Хасти разрабатывал свои тайны, о проходе, который обнаружила. На листе бумаги Херихор схематически изобразил подземные пути, как она их запомнила. А рядом с рукой Налдамак лежали Ключ и жезл.

Кэндейс была худошавой, ее лицо, тонкокостное под темной кожей, было старше, чем память Ашаки изображала его для Талахасси. Тем не менее нельзя было ошибиться насчет яркой искры интеллекта в темных глазах, вспыхивающей каждый раз, когда ее что-то заинтересовывало в повествовании Талахасси, особенно подробности, имеющие отношение к делу.

— Хасти! — произнесла кэндейс, когда Талахасси закончила. — Всегда Хасти. — Она повернула голову, чтобы обратиться к генералу слева от нее. — Настазен, что обнаружили твои разведчики в пустынных территориях?

— Солнце Славы, мы знаем, что очень много лет назад этот чужеземец был найден кочевниками у мертвого верблюда и доставлен ими к одному из наших патрулей, так как он внешне был похож на жителя Амона. Они подумали тогда, что он является разбойником, скрывающимся от нашего правосудия. Однако имеется еще сообщение, более свежее, что

недавно из того же самого района пустыни появился другой человек, и он похож на Хасти. Тем не менее он не осведомлялся о своем собрате, а наоборот, хотел видеть тебя, наше Солнце Славы. И он был отправлен в Новую Напату дожидаться твоего соизволения... Вьючные сумы на верблюде этого человека были тайно обысканы, и выяснилось, что они содержат очень небольшое количество продовольствия, будто он путешествовал на короткое расстояние.

Вследствие этого, после того как он ушел, сотник из этого форта послал другой патруль проследить его путь. Они пришли к долине среди скал, и, хотя не было видно никакой стены, тем не менее там существовал барьер, сквозь который ни один человек не смог пройти.

— А что было с человеком, который прибыл в Новую Напату?

— Видели, как он вышел из ворот, этих надежно закрытых ворот, Солнце, и потом исчез.

— Так что барьер только для нас, а не для этих чужеземцев, — вмешался Херихор.

Однако снова заговорила кэндейс:

— Как вам известно, я и мои люди были найдены в пустыне патрулем. Но мы не выжили бы, если бы раньше, неизвестно откуда, не появились два чужеземца, которые дали нам пищу и воду и указали направление, куда идти. Я полагаю, что Хасти, возможно, имеет врагов среди своего собственного рода, кто бы и откуда бы они ни были. Тем не менее сердцевина его силы находится в Новой Напате, и там мы должны столкнуться с ним. Сестра, — она улыбнулась Талахасси, — ты очень хорошо поработала в городе, а также за его пределами.

Мы в долгу перед тобой за возвращение этих вещей, — она указала на талисманы, — а теперь и за возможность напасть на Хасти в его собственном логове. Юсеркэф и его игра в государственную измену — это несущественно в данный момент. Главное — это чужеземец, который оказывает поддержку таким мятежникам.

— Твои передовые силы наготове. — Она взглянула на Херихора. — Могут ли они быть проведены по этому жуткому туннелю, чтобы нанести удар не только по дворцу, но и по городу, и, самое главное, по гнезду Хасти?

— Солнце, только прикажи, — ответил он быстро. — Если они узнают, что ты жива, большинство горожан поднимется по твоему боевому кличу.

— В таком случае пусть это будет сделано! — приказала кэндейс. — Только не нападай на гнездо, лишь сторожи его, пока мы не подойдем. — Она кивнула Джейте и Талахасси. — Ибо с заблокированным Храмом мы трое, возможно, единственные люди с Высшим Знанием, кто способен выступить против какой бы то ни было дьявольщины, которую творит этот Хасти...

Джейта внезапно подняла голову, но посмотрела не на Налдамак, а на задний план поверх ее плеча. Их палатка хорошо охранялась. На страже находились поклявшиеся-на-мече и отборные воины из личной охраны Херихора. И собравшиеся в палатке говорили тихими голосами, чтобы невозможно было подслушать. Тем не менее теперь рука жрицы взметнулась вверх в повелительном жесте, заставившем замолчать даже кэндейс, оглядывавшую ее сузившимися глазами.

— Кто-то приближается. — Голос Джейты был чуть громче шепота. — Чужак...

Налдамак подала неприметный сигнал, и жрица встала с табуретки, отогнула часть висячего дверного занавеса и выглянула наружу. Секундой позднее она кивнула кэндейс:

— Это не Хасти. Но кто-то из его племени.

Лицо Херихора отразило нарастающий гнев.

— Как этот человек умудрился проникнуть через внешнюю стражу? — яростно спросил он, возможно не их, а стражников.

— Из этого явствует, — задумчиво сказала Налдамак, — что такой, как он, может проделать это. Так же и тех, кто пришел к нам в пустыне, мы не видели до тех пор, пока они уже не стояли перед нами. Приведите его ко мне.

— Солнце... — начал протестовать один из генералов.

Однако Налдамак отрицательно покачала головой.

— Если я обязана моей жизнью и жизнью моих приверженцев одному из этих людей, то не думаю, что он сейчас имеет намерение причинить мне вред. Приведи его. Дочь Эпидемека!

Жрица кивком выразила согласие и выскользнула в дверь.

Однако Херихор и два генерала демонстративно вытащили свое ручное оружие и держали его наготове. Галахасси пододвинулась немного на складном стуле, чтобы лучше видеть любого входящего.

В течение секунды или двух, когда он наклонил голову, чтобы пройти под дверным занавесом, который Джейта отдернула для него, потому что он был высокого роста, она была уверена, что это сам Хасти, который с помощью какого-то трюка добрался до сердца их лагеря. И она наполовину привстала, собираясь выкрикнуть предупреждение. Затем она увидела, что хотя они и явно одной расы, между новоприбывшим и тем, кто держал Новую Напату под своей волей, существовало отличие.

Этот человек носил просторные одежды пустынного всадника, и все же она чувствовала, что это не его обычный наряд. И он был старше, имея при этом ауру врожденной власти, такую, какая могла проявляться только у члена Рода.

Оглядывая Налдамак, он подняв руку ладонью наружу, в приветствии, которое они не знали, но поняли, что таким приветствием лицо высокого звания встречает лицо высокого звания, равный смотрит в лицо равного.

— Ты — кэндейс Налдамак. — Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение.

— Это правда. — Херихор немного наклонился вперед, на его открытом лице ясно читалось подозрение. — А кто ты, чужеземец?

— Это не имеет значения, кто я, — ответил мужчина с той же властью, которая была в манере его поведения, в са-

мой его сущности. — Ваша императрица обязана нам своей жизнью. Теперь мы просим кое-что за это.

— Я знаю тебя... — тихо произнесла Налдамак. — Ты был третьим человеком в пустыне, тем, кто стоял в стороне и не подходил к нам. Да, я обязана вам жизнью, своей и тех, кто является моими самыми преданными слугами. Что ты хочешь от нас взамен?

— В городе находится человек нашей крови и из нашего племени. Он нарушил наши обычаи и законы, придя сюда. Как и мы нарушили их, разыскивая его. Тем не менее мы вынуждены это сделать, какую бы цену нам ни пришлось заплатить впоследствии. Он овладел вашим городом, он желает править здесь. Не считайте его незначительным противником, кэндейс Налдамак, так как, когда он бежал отсюда, откуда мы все прибыли, то захватил с собой устройства, находящиеся за пределами понимания вашего мира. Они должны быть уничтожены, человек — схвачен. Однако мы связаны клятвой не применять к нему нашего собственного оружия...

Джейта бесшумно возвратилась к группе, но не села на место. Вместо этого она осталась стоять, пристально глядя на чужака. Талахасси уловила замешательство, а потом нарастающее изумление, которое было отчасти благоговением, в выражении ее лица. Внезапно рука жрицы поднялась в воздух, и она начертила пальцем какой-то узор, незнакомый даже памяти Ашаки.

Человек, стоявший перед Налдамак, повернул голову, встретил пристальный взгляд Джейты, чтобы ответить ей взглядом, почти угрожающим.

— Что ты делаешь? — требовательно спросил он.

Джейта неторопливо, во второй раз, начертила этот же символ.

— Ты не можешь знать... — В первый раз его внешняя самоуверенность слегка поколебалась, а затем он быстро добавил: — Такое знание не могло сохраниться...

— За столько столетий? — закончила Джейта его слова. — Я Дочь Эпидемека по прямой духовной линии, о, дальний путник, из тех, кто...

— Нет! — Его жест был запрещающим. — То, что ты знаешь, вообще противоречит всему, что нам известно. Но, если ты знаешь это, тогда понимаешь, чем этот Хасти является и что ему нет места здесь. Тот серьезнейший проступок, который он совершил, — решает все.

Налдамак перевела взгляд от чужеземца на Джейту, а потом обратно. Затем заговорила решительно:

— Мы не собираемся обсуждать, из какой части этого мира прибыл Хасти; тема нашего разговора — как мы можем захватить его? Ты говоришь, человек из пустыни, что он обладает устройствами, находящимися за пределами нашего понимания. И все же ты не желаешь сам выступить против него. Как же тогда, по-твоему, мы можем захватить его? — спросила она с вызовом.

— Только вытащите его из собственного укрепления или места, которым он завладел, и он будет захвачен нами.

Херихор невесело рассмеялся:

— Незначительное и легко выполнимое дельце, хочешь сказать? Почему бы тебе самому не расставить сети на свою рыбу, чужеземец? Мы узнали, что существуют потайные пути к его берлогу, и, в порядке исключения, мы охотно покажем их тебе.

— Я не могу принимать участия в ваших сражениях, принц-главнокомандующий. Так же, как у ваших жрецов, у меня есть определенные ограничения, наложенные на меня, которые я не могу нарушить. Тем не менее об одном я предупреждаю вас — если вы проникните тайно в его укрепление, разрушите его полностью. Там имеются устройства, которые, опрометчиво примененные, могут не только обратить Новую Напату в пыль, осквернив землю вокруг, но также выпустить смерть на весь ваш мир. Он прибыл хорошо подготовленным для того, что собирался совершить.

— Вновь овладеть древним наследством? — Талахасси не знала, откуда пришли эти слова и почему она произнесла их вслух. Это произошло, как будто она повторила что-то, что не было рождено ни в той, ни в другой памяти, которые теперь обе стали ее частью.

Тотчас же этот пронизывающий, почти угрожающий пристальный взгляд оказался обращен на нее. Она испытала странное ощущение, будто ее мысли зондируются. Инстинктивно она усилила охрану того, что знала Ашаки, частично укрепляя ее той силой, что всегда была ее собственной.

— Ты! — Он шагнул по направлению к ней, в его лице нарастала угроза. Затем она уступила место замешательству. — Ты не... — начал он, а потом прервался. — Это несущественно, кто ты — ты не служишь ему. Но, пожалуй, из всей этой компании именно ты можешь наилучшим образом противостоять ему. В тебе есть то, что является естественной преградой для сил, которые находятся в нашей власти. Я должен сказать, кэндейс Налдамак, что эта девушка, — он неторопливо показал на Талахасси, — из всех твоих людей лучше всего подходит для борьбы с Хасти.

Херихор поднялся со своего места.

— Кто командует здесь, чужеземец? Кто ты такой, чтобы указывать нам, кому надо рисковать? Ты разговариваешь с нами, как генерал разговаривает с зеленым новобранцем, а мы не в подчинении у тебя...

— Твоя манера вести себя, — вмешалась кэндейс, — не производит хорошего впечатления на моих офицеров. Я отношусь благосклонно к твоим предостережениям, однако наши военные планы остаются нашими...

Он исчез!

— Что!.. — Херихор поднял оружие, но перед ним был только пустой воздух.

— Куда он девался? — обратился один из генералов к Джейте, будто она одна могла дать какой-то ответ на загадку. — Ты знала его или подобных ему, Дочь Эпидемека. Кто они такие в таком случае, он и другой дьявол, творящий

свое зло в самой Новой Напате? Или это какой-нибудь секрет, слишком сложный для наших умов?

— Это старый секрет, Настазен, и такой, каким я не имею права поделиться. Но кое-что скажу — его род был известен первым людям, которые обитали в Кеми. И в течение нескольких поколений между ними и нашими предками существовало общение. Потом они ушли, однако оставили нам знания, на которых основана вся наша длительная история и учение. Что касается того, как он удалился — он, возможно, вообще не присутствовал здесь во плоти. Они были способны, как говорят нам легенды, облекать в материальную форму свое изображение на далеких расстояниях...

— Создавать духов? — спросила Талахасси.

Джейта нахмурилась:

— Нет, эти духи, которые как помогали, так и преграждали тебе дорогу, рождены злодеянием Хасти. Они являются — или являлись когда-то — людьми нашего собственного рода, отправленными в межпространство ради замыслов Хасти — в некую область, в которой они недостаточно плотно заблокированы, так что их мысли и страстные желания способны проникать к нам, если они накапливают энергию для этого, которую могут получить только посредством вытягивания ее из нас. Могут ли они быть возвращены с уходом Хасти — этого даже я не могу знать.

— Если Хасти также может ускользнуть впоследствии подобным образом, — заметил генерал Шабек, — похоже, что наша задача станет намного труднее. Вероятно, чем скорее мы приступим к этому, тем лучше.

— Прошли чуть ли не сутки с тех пор, как Ашаки ушла из Новой Напаты. Мы не можем быть уверены, знает ли Хасти, где она теперь. Кажется, что, несмотря на свое хваленое могущество, он не смог обыскать дворец, иначе бы проследил тебя досюда, сестра. Следовательно, у силы, которой он владеет, есть какие-то пределы. Думаю, номархи, которых созвала Идайзи, все еще не провозгласили Юсеркэфа императором.

Таким образом, будет лучше, если мы двинемся как можно раньше. Лорды, — обратилась Налдамак к генералам, — ведите войска, которые вы сформировали. Я полагаю, что вы подобрали людей, которые не будут слишком взволнованы этими «духами». Не забудьте сказать им, что Ашаки верит, что эти невидимки имеют достаточное основание ненавидеть Хасти; что один из них, по крайней мере, оказал помощь принцессе в очень трудном положении. Ашаки... Джейта...

Налдамак помедлила.

— Я не посылаю других туда, куда не иду сама. Мы направимся прямо во внутренний дворец. Я и половина моей охраны поднимемся по тайной лестнице в мои собственные апартаменты. Я должна сама появиться там. И...

— Я пойду в лабораторию. — Хотя Талахасси снова не намеревалась произносить это, слова сами слетали с ее губ. — Да, — отвергла она протест, ясно читаемый в выражении лица Херихора. — Этот чужак сказал, что именно я могу наилучшим образом противостоять Хасти. Так тому и быть...

Рука Налдамак повисла над Ключом и жезлом.

— Воспользуйтесь тогда этим, сестра. — Она пододвинула Ключ к Ашаки. — Это символ всего нашего учения. Следовательно, он может быть полезен тебе в этот час.

— Я пойду с ней. — Джейта подняла львиную маску, лежавшую рядом с ее сиденьем. — Как Дочь Эпидемека, я имею свои собственные определенные силы, способные обнаружить Хасти.

— Так быть этому. — Кэндейс кивнула. — Мы двинемся, как только наступит глубокая ночь.

Талахасси никоим образом не рассчитывала, что будет идти обратно по зловонным путям канализационного коллектора, тем не менее она направлялась именно сюда во главе отряда, включающего Налдамак, которая двигалась между несколькими своими охранниками немного сзади, и Джейту, идущую плечом к плечу с ней.

Теперь у них было достаточно света, и хотя девушка внимательно следила за любым кажущимся сгущением воздуха,

дающем знать о присутствии духов, казалось, что они здесь больше не находились.

Они прошли под ведущим вверх колодеобразным проходом, и половина их вооруженного отряда под предводительством генералов должна была подняться этим путем, чтобы попасть прямо за стены Новой Напаты. Если они смогут прорваться через то, чем бы ни завершался этот колодец, превосходно. Если не смогут, то им придется снова спуститься вниз и воспользоваться дворцовым путем. Их стратегия основывалась на одновременном нападении с наружной стороны дворца и изнутри.

— Это странная дорога. — Голос Джейты звучал глухо из-под маски. Ашаки-Талахасси хотелось бы знать, фильтровала ли маска хоть немного эту ужасную вонь. Они шли медленно, тщательно выбирая точки опоры. Но дополнительное освещение и люди рядом облегчили ей переход.

В конце концов, они достигли подножия этой лестницы, ведущей в апартаменты кэндейс, и здесь двое охранников принялась за работу, выламывая камни, чтобы полностью открыть путь. Налдамак прикоснулась к руке Талахасси.

— Да будет с тобой удача, сестра. Это жестокое рискованное предприятие, опасная игра, ставками в которой будут не только наши собственные жизни, но и сам Амон. Если мы потерпим неудачу, Амон погибнет. Используй Ключ, когда у тебя возникнет необходимость, а я таким же образом использую жезл.

— Да придет и к тебе удача. — У Талахасси хватило сообразительности, чтобы ответить. Память Ашаки не давала ей ощущения близости к этой решительной женщине. С самого детства они вели различный образ жизни. Тем не менее в том, что она могла довериться Налдамак, в этом Талахасси была абсолютно уверена. Со временем нужно будет доверить ей самый главный секрет — что Ашаки больше нет.

С Джейтой, тремя амазонками охраны и двумя воинами, которых она взяла по настоятельному требованию Херихора,

Талахасси направилась к собственной твердыне Хасти. По пути туда она встретила духов.

Она услышала слабый вздох Джейты, которая подняла руку, скрестив пальцы определенным образом. Талахасси взмахнула Ключом, и его обычное сияние затерялось в свете фонарей. Однако она чувствовала рукой тепло, испускаемое им, как будто он теперь распространял энергию, природы которой она не могла понять, даже со знанием Ашаки.

Движения не было, только это ощущение толпящихся существ, словно невидимые пальцы дергали их одежду, теребили волосы, пытаясь всевозможным образом привлечь их внимание. Не поворачивая головы, Ашаки объяснила.

— Здесь те, о которых вам говорили, — спокойно сказала она. — Они не могут причинить вам вред. Возможно, они склонны некоторым образом оказать нам помощь.

Те, кто сопровождали ее, не ответили, но она ощущала их беспокойство от такого общества. И она высоко оценила их мужество, когда они двинулись дальше, почти не производя шума ботинками по древнему камню, с решительностью, означавшей, что они выдержат намного больше, чем то, что сейчас делали духи, чтобы помешать их замыслу.

К несчастью, впереди как раз и могло находиться нечто весьма опасное. Какие предохранительные устройства Хасти разбросал вокруг центра своей деятельности, девушка не имела понятия, однако он вполне имел возможность приготовиться ко всему после ее побега.

Увидев впереди лестницу, она отдала приказ погасить фонари. Медленно поднимаясь по ступенькам, они делали остановки, чтобы прислушаться к возможному звуку впереди. Духи были частью их компании. Они по-прежнему не выказывали желания к общению. Может быть, они так же выжидали, чтобы быть уверенными, что Хасти не приготовил засаду.

Делая один осторожный шаг за другим, две женщины поднимались все выше, вслед за ними — остальные. Не включая фонарей, передвигаясь только в свете Ключа, испускавшего

сильное сияние, Талахасси вступила в коридор. Джейта следовала на шаг позади. Она ожидала увидеть хоть какой-нибудь свет, возможно, из-за двери лаборатории, но если там кто и был, дверь, по-видимому, была плотно закрыта.

Прошептав, чтобы они теперь расположились чуть впереди, Талахасси придвинулась поближе к стене, так что ее плечо задевало о поверхность, когда она передвигалась. Дверь не могла быть слишком далеко, нет... В свете Ключа она увидела ее гладкую поверхность. Тем не менее не было ничего похожего на отверстие какого-нибудь замка. Дверь могла быть так же запечатана, словно заложена камнями, что раньше закупоривали другой путь.

Талахасси провела ладонью по поверхности двери, вверх и вниз на длину руки в обоих направлениях. Не было ничего, за что она могла бы ухватиться. А когда она надавила, сначала осторожно, а потом с гораздо большей силой, дверь осталась неподвижной.

Остается попробовать Ключ. Она никогда не подвергала его такому испытанию. Раньше она пользовалась только железом. Но если это действительно Ключ, что же еще может лучше подойти для такого действия? Сконцентрировавшись на том, что держала, она подняла крестовую часть Ключа, держа его за петлю на верхушке, и придвинула ее к поверхности двери, как будто в самом деле вставляла ключ в замок. В то же самое время она почувствовала, как рука Джейты сжала ее руку, держащую Ключ, и от этого контакта излилась сила, слившаяся с ее собственной, так что анх питался их объединенными волями.

Последовала вспышка с фейерверком искр — хотя не такая мощная, как тогда, когда жезл ударил в клетку, в которой Хасти ранее запер ее. Затем... защитный барьер, удерживавший дверь, почти мгновенно исчез. От ее толчка дверь широко распахнулась, едва не ударившись о внутреннюю стену, двое охранников поспешили вперед, оттеснив их, чтобы прикрыть и ее, и жрицу от любого возможного нападения, если потребуется, своими телами. Однако внутри никого не

было. Талахасси могла видеть клетку, все еще с прожженным отверстием в стенке. И здесь же находилось множество всех прочих предметов, что заполняли столы, выстроившиеся в ряд у стены. Тем не менее кое-чего не доставало. Талахасси постаралась припомнить или понять, чего именно.

Очень скоро она поняла. Это было брошенное рабочее место: ничего не пузырилось, не бурлило и не шелкало. Активность, которую она видела прежде, прекратилась. Означало ли это, что Хасти бежал, получив какое-то предупреждение об их приближении? Талахасси не верила, что это было так, скорее всего, он перенес свою деятельность куда-нибудь в другое место. То, что осталось здесь, возможно, теперь не играло никакой роли, однако они, безусловно, должны сделать все это непригодным к употреблению.

— Будь осторожна, моя принцесса, — сказала Джейта, будто прочитала мысли девушки. — Здесь все еще может быть многое из того, что опасно. Мы должны действовать осторожно, пока не поймем, что к чему.

Талахасси признала благоразумие этого предупреждения.

Но как они смогут разобраться? Как остеречься опасных предметов, с которыми они никогда прежде не сталкивались?

В своем собственном времени и мире она обладала только самым поверхностным знанием химии или физики. К чему тогда она вообще может приблизиться, когда ее так ограничивает это предупреждение?

— Ключ укажет нам, — вновь подсказала ей Джейта.

Ашаки-Талахасси прошла вперед к ближайшему столу, вытянув руку, державшую Ключ. Пока охранники стояли на страже у входа в помещение, она неторопливо двигалась вдоль столов; за это время Ключ несколько раз перемещался в ее руке, показывая вниз, подобно лозе рудоискателя. Один раз это произошло над небольшим металлическим ящиком, а затем над лабораторным стаканом, наполненным ядовитой-желтой жидкостью. Каждый раз Джейта брала, что было указано таким образом, и относила это к сломанной клетке, располагая свои трофеи внутри. Еще два ящичка и жезл,

не такой длинный, как талисман, однако отчасти похожий на него кое-какими характерными чертами, за исключением того, что ему не хватало львиной головы, присоединились к сложенным туда вещам, прежде чем они закончили.

Потом Талахасси подозвала двоих охранников, тогда как прочие остались на страже.

— Уничтожить, — приказала она и показала на столы.

Быстро продвигаясь вдоль них, они разбили и искрошили все. У стены находился ящик, похожий на картотеку, и из него Талахасси сама выхватила содержимое: листы плотной бумаги, покрытые чертежами и диаграммами, незнакомыми ей.

Она бросала их в клетку, пока они не нагромоздились кучей над вещами, которые Ключ выделил как опасные. Теперь она знала, как положить конец им и, может быть, всей этой дьявольской комнате.

— Наружу... все вы! Двигайтесь к лестнице кэндейс, не теряйте зря времени!

— Что ты собираешься делать? — спросила Джейта, в то время как хорошо обученные воины выполняли то, что им было приказано.

— Я хочу попробовать сделать кое-что, чтобы этот источник бед никогда не мог быть снова использован! Ты также отойди к двери, Дочь Эпидемека. Потому что то, что я собираюсь высвободить здесь, может представлять серьезную опасность. И возьми это. — Она сунула Ключ в руки жрицы.

Джейта отошла, теперь она находилась у двери. Руки Талахасси протянулись к этим четырем кнопкам на передней панели ящика, которые контролировали клетку. Возможно, при бегстве из этой тюрьмы она сломала прибор. Тем не менее нужно попытаться.

Кончики ее пальцев легли на кнопки и с силой нажали.

Проволочная сетка в задней части, где она сохранилась неповрежденной, накалилась. Талахасси отпрыгнула назад, толкая Джейту перед собой, чтобы достичь наружной стены.

— Лестница... нам надо добраться до лестницы! — громко закричала она, крепко сжав руку жрицы и увлекая ее вперед.

Глава семнадцатая

Они уже находились далеко внизу на лестнице, ведущей на нижний уровень, слыша топот ботинок охранников по камню впереди них и видя лучи их фонарей, когда пришел ответ на дерзкий поступок Талахасси. Раздался грохот, и сзади взметнулся неистовый шквал огня. Толстые стены вокруг них дрогнули.

Обе женщины прыжками преодолели последние несколько ступенек, на что не осмелились бы раньше. Звук оглушил их, но Талахасси подала знак рукой двигаться дальше, и они бросились вперед ко второй лестнице, ведущей в апартаменты кэндейс. Тут они стали медленно подниматься гуськом, и она шла последней, тяжело дыша и чувствуя головокружение от сотрясения при взрыве.

Наверху они встретили Налдамак и Монигу. Села была у двери внешней комнаты, внимательно прислушиваясь. Талахасси увидела, что губы Налдамак шевелятся, будто она задала какой-то вопрос, и покачала головой.

— Звук... я не слышу, — сказала она. — Но мы уничтожили, я надеюсь, многое, что Хасти мог бы использовать против нас.

Она опустилась, судорожно глотая воздух, на край постели кэндейс. Села принесла ей бокал воды, и она жадно выпила.

Занавеси на окнах, выходящих в сад для уединения, были раздвинуты, так что ночной ветер, наполненный ароматом цветов, успокаивающе обвевал ее разгоряченное лицо и руки.

Было хорошо сидеть здесь и не заботиться о том, чтобы принимать решения.

Ее слух постепенно восстановился.

В коридорах раздавались крики. Более приглушенный шум доносился из города. Налдамак стояла у одного из окон, выходящих в сад, слегка наклонив голову, внимательно прислушиваясь — возможно, таким образом по доносящемуся

шуму пытаюсь определить, что же могло случиться. Талахасси увидела, что ее губы шевелятся, и на этот раз уловила едва слышимые слова:

— Храм открыт... Зихларз обратился к нам...

Через внешнюю комнату быстро прошла амазонка и отсалютовала кэндейс.

— Солнце Славы, препятствия в воротах уничтожены.

Однако воины Слона многочисленны.

— Если я покажусь сама, — быстро решила Налдамак, — то они будут выглядеть явными мятежниками, и я не думаю, что после этого у них найдется какая-нибудь причина для бунта.

— Солнце... — Амазонка попыталась загородить ей дорогу. — Ты всего лишь человек. Один-единственный удар, направленный злой фортуной, может убить тебя. Нас недостаточно, чтобы оградить тебя...

— Есть кое-что, чего не ведает никто из воинов Слона, — возразила кэндейс. — Мы пойдем к Храму по внутреннему пути.

Львиная маска Джейты согласно кивнула, и Талахасси неохотно встала. Это было дело Ашаки, но теперь ее память так укрепились в ней, что она не могла противиться.

Амазонки сомкнулись вокруг Налдамак и двух ее спутниц. Они пробирались по коридорам, дважды видя мертвых, скорчившихся у стен. Их вооруженные отряды встретили сопротивление даже здесь, в сердце дворца Налдамак. Вниз по другому лестничному пролету... В отдалении крики, щелкающие звуки выстрелов. Затем они ступили на потайной путь к Храму — путь, который ранее был закрыт Хасты.

Кэндейс теперь уже бежала, и Талахасси упорно старалась держаться наравне с ней, хотя устала и все еще не полностью пришла в себя после взрыва в лаборатории.

Однако когда они достигли другого конца этого коридора, то наткнулись на врагов. Амазонки охраны закрыли Налдамак, чтобы сформировать защитную стену из собственных тел и применить свое оружие против оказавшихся в испуге,

не ожидавших встречи с ними. Очевидно, когда невидимый барьер Хасти перестал действовать, он отправил сюда воинов с отдаленного юга, людей, которые никогда не признавали убеждений Амона в отношении жрецов.

Позади этих воинов Талахасси увидела какое-то тело в белой храмовой одежде... в белой одежде, испещренной теперь алыми пятнами. Но амазонки также нашли цели...

Талахасси, движимая ужасом Ашаки перед тем, что сейчас может случиться, метнулась к кэндейс и прижала ее к полу коридора как раз тогда, когда над их головами пролетел огненный луч, выстрел из оружия, неизвестного ей.

Амазонки рванулись вперед, их боевой клич заглушил шум стрельбы. Это было то самое неистовство женщин, чья воспетая мифами воинственность являлась легендой уже много поколений, и это, должно быть, потрясло варваров, как бы ни жаждали они битвы. Они проиграли сражение, вяло сопротивляющаяся масса под неудержимым натиском приведенных в иступление женщин.

Схватка закончилась, едва начавшись. Тем не менее три амазонки лежали среди мертвых, когда кэндейс и Талахасси с трудом встали на ноги.

— Кровь в Храме, — воскликнула Джейта. — Какое богохульство они учинили здесь?

— Зло, — ответила Налдамак. Она обратилась к амазонкам: — Поклявшись на мече, вот что я скажу вам, кто послужали мне жизнью и смертью. Вы — мои сестры по оружию.

— Солнце, — ответила их капитан, прижимая к груди руку, из которой струилась кровь, — это наша привилегия — выравнивать тебе тропу. В выполнении долга воина нет доблести. Однако кажется, — она кивнула на мертвого жреца, — что эти порождения порока уже вошли туда. Молю тебя, будь осторожна...

— Чтобы я не перечеркнула все то, что вы сделали? Да, жизнь, за которую было заплачено кровью друзей, не должна быть потрачена зря. Но внутри находится то, что может прекратить это кровопролитие.

Они осторожно пошли дальше по нижнему ярусу Храма, амазонки впереди — как разведчики. Налдамак обратилась к Талахасси и Джейте:

— Здесь не все благополучно. Разве вы не чувствуете этого? Вокруг нас тишь, где должна быть сила.

В памяти Ашаки всколыхнулся страх. Да, у членов Рода, когда они входят сюда, должно появляться незамедлительное ощущение прибытия в родной дом, ощущение товарищества.

Неужели... Части всем здесь принес смерть? Никто, ни мятежник, ни даже южный варвар, не осмелился бы на такое богохульство. У них были свои собственные боги и колдуны, но почти все они с благоговейным страхом относились к могуществу Храма, несмотря на то, что это, вероятно, было им чуждым.

Джейта предупреждающе подняла руку.

— Не пытайтесь искать! — скомандовала она. — Мысленный призыв может стать предупреждением. Мы должны двигаться вперед только физически, храня наши разумы закрытыми.

Они подошли к подножию лестницы, ведущей в огромный центральный зал, подлинное сердце Храма. Теперь Талахасси увидела, что жезл в руке Налдамак стал действительно символом власти, сверкающим великолепием, испускающим яркое свечение. А Ключ, который держала Джейта, интенсивно засиял в ответ.

Остановившись у подножия лестницы, кэндейс повернулась к амазонкам:

— Сестры, здесь мы расстанемся, потому что никто, кроме людей с Силой, не может ступить на сокровенный путь — не из-за какого-нибудь стремления к секретности, а потому что вы сгорите в огне, который сосредоточен здесь и которому только посвященные могут противостоять.

— Солнце, — запротестовала капитан, — если варвары прошли этим путем перед вами...

— Тогда они уже мертвы или безумны, — ответила Налдамак. — Это Сила. Я, взывая к вашей же Клятве, запрещаю вам следовать за мной.

Капитан выглядела так, будто хотела бы снова запротестовать, однако Налдамак уже поднималась по лестнице, и Талахасси пристроилась слева от нее, на шаг позади, Джейта — справа от нее.

Один за другим, трое медленно поднимались все выше, и все это время прислушиваясь, скорее разумами и телами, чем ушами. Вполне могло быть, что они восходят в место смерти.

Ибо то, о чем предупреждала кэндейс, являлось правдой: никто из неподготовленных не мог находиться в эманациях этого места, не мог выдержать концентрации силы, которую из поколения в поколение накапливали здесь обладающие Талантом. Подобно жезлу и Ключу, это было хранилищем, только гораздо большим, всей Силы, из которого они черпали ее по мере необходимости.

Они вступили в грандиозный зал. Сами стены здесь светились от пульсаций энергии. И в этом свете они увидели тех, кого пришли разыскивать. Дюжина мужчин и женщин, облаченных в белые одежды, большей частью старые. И впереди них сам Зихларз, его темное лицо тоньше, заостреннее, чем обычно, но по-прежнему властное.

Стоящий перед ним лицом к лицу... Хасти!

И в тот же миг Талахасси поняла, что происходило. Они вовлечены в безмолвную дуэль.

Чужак, взявшийся неизвестно откуда, защищал свой разум каким-то собственным тайным способом, а в его руках находился обруч из ярко блестящего металла, который он пытался сфокусировать так, чтобы пробить защиту храмового сообщества.

Они были настолько погружены в это единоборство, сила против силы, что казались почти лишенными жизни для любого ментального зондирования. Ни одно выражение лица в этой молчаливой компании жрецов и жриц не изменилось, когда Налдамак со своими спутницами быстро прошла за спину Хасти.

Кэндейс сейчас держала пылающий жезл, как охотник — копье, поднеся его почти к самому плечу. И она медленно

продвигалась к неподвижному Хасти справа, как будто хотела как можно ближе подобраться к нему, прежде чем атаковать.

Она остановилась, и ее две спутницы встали рядом с ней. Джейта, державшая высоко, на уровне сердца, ярко горящий Ключ, протянула вторую руку и коснулась плеча Налдамак, оставив достаточно пространства для жезла. Память Ашаки заставила Талахасси сделать то же самое с левой стороны кэндейс. Это было словно сунуть руку в огонь. Тело, которого она коснулась, было таким горячим, что это чуть не побудило Талахасси отдернуть пальцы. Начался сильный отток энергии из ее собственного тела в тело Налдамак.

В то же мгновение Хасти повернул голову, хотя они приближались беззвучно по полу, выложенному мозаикой. Его глаза расширились, но он не шевельнулся.

Налдамак метнула жезл. Это был искусный, направленный в цель бросок, завершившийся тем, что жезл прошел через обруч из металла, который держал в руках Хасти.

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Тебя не так легко победить, Повелительница Магии.

— Чужеземец... твоё время здесь истекает. Выбирай — смерть или уход...

— Какую смерть, кэндейс? Взгляни на свой жезл — он выходит из игры.

Это была правда. Жезл на полу Храма утратил свою яркость, как темнеет и покрывается пеплом прогорающий в топке уголь. Однако на лице Налдамак не было никакого ужаса.

— Дух Амона не умирает, чужеземец. — Она протянула руку, и жезл, поднявшись с пола, вернулся к ней. В ее руке он сразу опять расцвел с той же самой яркостью, хотя Талахасси почувствовала, как возрастает отток ее энергии в королеву, когда блеск усиливался.

— С этим, — Хасти держал обруч чуть-чуть повыше, будто хотел таким образом привлечь все их внимание, — я могу истощать ваш «дух» снова и снова и тем не менее не получу при этом никакого вреда.

— Дочь Эпидемека, — прозвучал голос Зихларза, обрывая высокомерные слова Хасти, — кого ты привела с собой в это место?

Он указал в пространство между Хасти и кэндейс. Талахасси могла видеть завихрение воздуха, хотя все еще не ощущала присутствия духов.

— Спроси их, кто и что они есть, Сын Эпидемека, — ответила Джейта. — Они отыскиали нас в темноте, однако более страстно разыскивают другого.

Хасти вновь рассмеялся:

— Это мои использованные марионетки, жрец. Я могу преобразовать людей в подобных им. Они служили мне, но недостаточно прилежно. В настоящий момент они наверняка прибыли очередной раз выпрашивать жизнь. Они слишком слабы, чтобы причинить мне вред.

— Открыватель Запретных Ворот, — ответил ему Зихларз, — может быть, ты слишком широко распахнул их?

В воздухе присутствовали три завихрения. Они переместились, чтобы окружить Хасти с трех сторон. Но он пожал плечами и улыбнулся.

— Я не тот человек, которого можно отогнать от цели призраками... или таким «Знанием», за которое ты цепляешься, старик. Талант становится очень редким, не так ли? И мои механизмы в конце концов возьмут над ним верх.

Тогда Талахасси подала свой собственный голос.

— Акини! — позвала она. — Я называю твое имя, я даю тебе то, что могу предложить...

Она протянула руку, остававшуюся свободной. Однако не разорвала контакт с кэндейс и через нее с Джейтой. Одно из замутнений в воздухе, находившееся позади Хасти, подлетело ближе.

— Она назвала имя! — Голос Зихларза заполнил весь величественный зал. — Пусть Сила будет ее!

Точно так же, как энергия вытекала из нее, когда Налдамак использовала жезл — по-видимому, без успеха — сейчас она устремилась к ней.

Плоть ее трепетала во всем теле. Она могла чувствовать движение на коже своей головы, как будто коротко подстриженные волосы шевелились, каждая прядь поднималась для выделения какой-то силы.

Что-то коснулось ее открытой ладони — такое холодное, что прикосновение было подобно боли от удара кинжалом.

Тем не менее Талахасси стояла непоколебимо. И от этого прикосновения, как это случилось в клетке, потекла субстанция, извлекаемая из нее, всасываемая существом в воздухе.

Она увидела, что Хасти полуобернулся и повернул свой обруч в ее направлении, но между ним и ею скользнули две другие пертурбации воздуха, так что его фигура заколыхалась перед ее глазами. Однако она не опустила руку, и существо, что кормилось от нее силой, продолжало получать питание.

То, что формировалось в воздухе, не обладало человекоподобной формой, хотя это было то, что она ожидала увидеть.

Скорее, это была змея, все время уплотнявшаяся, вытягивающаяся, питающая не только себя, но и своих спутников также. Теперь Талахасси смогла смутно услышать нарастающее пение Джейты, увидела справа краешком глаза, что жрица использует светящийся Ключ, чтобы чертить в воздухе линии, которые тускло мерцали и сохранялись даже после того, как Ключ двигался дальше.

Талахасси подумала, ощутив внезапный страх, что ее сила, теперь почти истощенная, потрачена, скорее всего, бессмысленно. Однако существо, которому она позволила прикрепиться к ней, не ослабило своего высасывания. Обрекла ли она всех их на поражение?

— Акини! — воззвал Зихларз. — Дверь готова... вы можете уйти!

Змееподобное создание отпустило ладонь девушки, и ее рука безвольно упала. Она могла видеть, даже не поворачивая головы, что здесь в самом деле существовала дверь, нарисованная в воздухе.

Хасти, губы которого плотно поджались к зубам, а в глазах читалось безумие, стал поднимать свой обруч, не нацеленный больше на жрецов и жриц, которым он так долго не

давал передышки, а скорее, как будто он хотел сфокусировать всю силу, что держал под контролем с помощью обруча, на двери в воздухе.

— Акини! — После призыва Зихларза ее собственный голос казался очень слабым и тонким, будто пришел не из ее губ и горла, а с далекого расстояния.

Змей извивался в воздухе, образуя петли, будто радуясь, что обрел себе хоть и такую форму. Однако ни он, ни кружащиеся духи не сделали никакой попытки пройти через проход, который Джейта предоставила им. Дверь сюда — неизвестно откуда. Они не ушли.

Витки петель продолжали оставаться между Хасти и тремя женщинами, которым он угрожал. А змееподобное создание... оно метнулось к нему, как лассо, брошенное в знакомом Талахасси мире, чтобы поймать дикого быка. Оно поднялось выше уровня его рук и обруча, нацеливаясь на голову. Хасти попытался увернуться, уронил предмет, который держал, подняв руки, чтобы отогнать змея. Но тот не отступил, обвившись вокруг головы Хасти, охватив непосредственно лицо. Тот безуспешно пытался скинуть это, идя шатаясь вперед. Теперь витки змеиного тела были со всех сторон от него, так что, когда он спотыкался и качался, его, казалось, бросало то в одну сторону, то в другую, но они удерживали пленника в вертикальном положении и подгоняли вперед. Они направляли его, ослепленного и, вероятно, задыхающегося в тисках змеиных колец, в дверь, которую открыла Джейта.

Хасти сделал шаг, затем другой... и... исчез! Дверь также исчезла в тот самый момент, когда он прошел через нее, оставив внушающее суеверный страх ощущение пустоты в зале, как будто что-то было наконец завершено, забрав при этом часть их жизни таким способом, который Талахасси не могла описать даже для себя.

— Но... я думала, что им хотелось пройти через дверь к нам, — озадаченно сказала она. Обитатели Храма устремились вперед. — Почему они не прошли через нее?

— Возможно, не могли. Они были слишком давно высланы в это существование. А более всего им хотелось захва-

тить, — неторопливо произнесла Джейта, — того, кто отправил их туда.

— Тогда... он станет духом... — Талахасси могла видеть опасность этого. Она воспринимала угрозу от этих других, а они были почти немощными по силе целеустремленности, хотя уподоблялись чужеземцу из пустыни. Что, если Хасти возвратится, чтобы таким образом преследовать их?

— Они закрыли дверь, Дочь. — Зихларз стоял рядом с ней. — У тебя хватило мужества вступить с ними в некое подобие деловых отношений, и теперь они убрали того, кто имел силу один разрушить все, чем мы являемся и что нами сделано.

— Он был... — сказала Джейта, но Зихларз предупреждающе выставил руку.

— Не будем говорить вслух о том, кем он был. Подобное знание погребено в прошлом, и погребено основательно.

Достаточно того, что он не из нашей плоти и не из нашего мира.

— Но существуют те, кто пришел, разыскивая его, — сказала Налдамак.

— Они узнают своим собственным способом, что он ушел. И в такое путешествие, в которое даже они не готовы отправиться. Время и пространство могут быть покорены человеком — но остаются другие измерения, некоторые из них такие, что мы не осмеливаемся к ним подступиться, если хотим остаться людьми.

Глава восемнадцатая

Талахасси сидела в саду кэндейс. Город, ранее находившийся в смятении, теперь патрулировался лояльной стражей.

К тому же Храм был открыт, так что оттуда истекал поток спокойствия, который мог умиротворить взбудораженные умы и успокоить мятущиеся души.

Мятущиеся души! После исчезновения Хасти Талахасси ловила себя на том, что время от времени всматривается в воздух, прислушивается, настраивает это внутреннее восприятие, с помощью которого Ашаки так много сделала, пы-

таясь уловить присутствие чуждой мысли, чуждого духа. Было ли правдой то, что, когда Хасти был уведен «марионетками», которых презирал, он на самом деле был заблокирован от этого мира? Был ли он так же быстро переброшен в другое пространство-время, как была переброшена она — в руины древнего Мероэ?

Другое пространство-время...

Сегодня вечером она была Талахасси, сидящая здесь в сумерках одна. Хотя ее выпачканная форма сменилась элегантным платьем той, чью личность она заимствовала, а голову покрывал церемониальный парик, она не была Ашаки!

Она размышляла о том, на что намекала Джейта на последнем совете, который закончился несколько часов тому назад, — что Хасти пришел из другого пространства, а не из времени. Что устройство самого Кеми в самые ранние дни было результатом экспериментов, выполненных умами не из этого мира, и что их кровь и таланты сохранились в некоторых потомках, став частью иного пути познания, направленного на духовную суть. Таким образом, люди, чьи далекие предки были знакомы со звездами, в настоящее время предпочли сначала познать себя, возможно, полнее, чем кто бы то ни было из их рода в минувших веках.

Они никогда больше не видели того второго чужеземца.

Наверное, решили они, это правда, что он и те, кого он представлял, узнали о судьбе своей дичи и ушли после этого своими собственными дорогами.

Однако осталась Талахасси Митфорд, которая также была не из Амона и которая теперь должна уйти своей дорогой. Она видела, как Джейта открыла дверь, через которую удалился Хасти. Тем не менее ей не хотелось быть запертой в не-жизни духа. Если была возможной дверь между ее миром и этим, то она должна сохраниться при переходе настоящей...

— У тебя странные мысли, Царственная Леди.

Талахасси подняла глаза от затененной дорожки у своих ног. Джейта и Налдамак, и с ними Херихор, с рукой на перевязи, свидетельствующей о том, что он, как принципалкомандующий, не только приказывал, но и вел сво-

их воинов в бой, и, наконец, Зихларз — все они находились здесь. Этим четверым нужно теперь рассказать правду, что бы ни случилось в результате этого.

— Я не ваша Царственная Леди. Ты, — она обратилась непосредственно к Джейте, — знаешь, кто и что я есть. Теперь прошу вас, поскольку я послужила вашей цели, позвольте мне уйти.

Джейта, вероятно, уже поделилась своим знанием с другими. Даже в этом тусклом свете Галахасси могла видеть, что никто не удивился...

— Дочь моя... — начал Зихларз, но она перебила его:

— Лорд жрец, я не ваша дочь и не из вашего Рода!

— Нет, ты менее этого и более чем это...

— Менее и более? Как может человек быть и тем, и другим?

— Потому что каждый из нас формируется с рождения, не только через кровь и наследственность, заложенных в нас, но также через тех, кого мы любим и кто, в свою очередь, любит нас, через знание, предоставляемое нашим жаждущим умам для познания себя. Ты не Ашаки — хотя Ашаки частично стала тобой, — но ты никогда не сможешь вырвать ее из своей памяти и мышления. Однако ты также являешься собой и, следовательно, обладаешь иными качествами, которые присущи тебе одной.

— Можете ли вы отправить меня назад? — резко спросила она.

— Нет. — На Джейте теперь не было львиной маски, и в сумерках ее лицо выглядело очень усталым и осунувшимся.

— Почему? — Она уже видела, как жрецы делали такое, что она считала невозможным. — У тебя есть Ключ, а у Налдамак — жезл... а ты, — теперь она обращалась к Зихларзу, — обладаешь всем знанием Высшего Пути.

— Необходим якорь, чтобы притянуть человека, — сказала Джейта. — Когда были посланы Акини и те другие — безмянные существа, — они были притянуты силой жезла... чтобы в первую очередь забрать и спрятать его. Затем жезл был доставлен в такое место, где когда-то существовал подобный ему предмет. Когда был похищен Ключ, он также,

возможно, был перенесен туда лишь потому, что там находился жезл, чтобы притянуть его.

Однако когда Ашаки, в свою очередь, отправилась на поиски, ее рука на жезле и Ключе, ее право держать и взывать к ним было таким, что оно также притянуло тебя. Так как ты являлась — в своем мире — человеком, которым бы она была, если бы жила в твоём времени и пространстве, вы были эквивалентами по своей сути. Неужели ты думаешь, что в противном случае воспоминания Ашаки могли бы быть переданы тебе? Теперь якоря, находящегося по ту сторону, нет. Когда Акини и те, другие, не были притянуты вовремя назад — ты видела, во что они превратились. Потому что в твоём мире они, по видимому, не имеют аналогов... так что они потерялись между мирами. Хасты, возможно, тоже потерялся. Надеюсь, что подобные ему не существуют где-нибудь в другом месте.

Ашаки погибла, поскольку не могла перетянуть свое второе существующее «я» из одного мира в другой, не отдав всей энергии своего тела. Для тебя не осталось двери, потому что там нет ничего, что привязывало бы тебя.

— Ты — Ашаки, и ты — не просто Ашаки... — в первый раз заговорил Херихор.

Налдамак протянула обе руки:

— Принц-главнокомандующий говорит правду, сестра.

Был ли этот твой другой мир настолько мил тебе, что ты не можешь жить без него? Если бы там имелся горячо любимый человек, может быть, это смогло бы вытянуть тебя. Но если бы такое было на самом деле, об этом знал бы Сын Эпидемека. Поэтому я говорю тебе, сестра, — ты не менее чем Ашаки в наших глазах. Теперь взгляни на нас и прочти правду!

Испытующий взгляд Талахасси прошелся по лицам тех, кто разделил ее секрет. Ашаки... всегда Ашаки, в большей или меньшей степени... однако никоим образом не дух вне времени. Здесь она была реальной, радушно принимаемой. Она приняла в ладони руки Налдамак, протянутые ей, и с этим приняла все остальное, что было в лицах и сердцах этих людей, смотрящих на нее.

Содержание

ВЕР С ГЛАЗАМИ ИЗ ОПАЛА. Роман. <i>Перевод Д. Арсеньева</i>	5
ЛИСА ИЗ БЕЛОГО НЕФРИТА. Роман. <i>Перевод Д. Арсеньева</i> . . .	199
ЗВЕЗДНОЕ КОЛЕСО. Роман. <i>Перевод Д. Арсеньева</i>	407
ДУХИ ВРЕМЕНИ. Роман. <i>Перевод О. Колесникова, Д. Арсеньева</i>	605

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон
ДУХИ ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Т. Павлова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндірүші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндірүші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.10.2016. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 8394.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-92952-8

9 785699 929528 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
ДУХИ
ВРЕМЕНИ

ISBN 978-5-699-92952-8

9 785699 929528 >

